

Археологические вести

— 42 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

42
(2024)

Saint Petersburg
2024

Археологические вести

42
(2024)

Санкт-Петербург
2024

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвощинская, В. Б. Трубникова, М. В. Медведева, В. А. Трифонов, А. А. Пескова, М. Т. Кашуба, П. А. Милаев, В. Я. Шумкин, Е. Ю. Гиря, А. К. Очередной

Издательская группа:

Т. С. Дорофеева, А. Г. Козинцев (переводы), А. Р. Лада, Е. В. Новгородских

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — **Вып. 42** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2024. — 276 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В выпуск 42 журнала «Археологические вести» включены статьи по различным аспектам и проблемам археологии. Один из разделов, в который вошли материалы по археологии Сибири, посвящен юбилею известного исследователя сибирских древностей Н. А. Боковенко. В разделе «Новые открытия и исследования» представлены работы, вводящие в научный оборот материалы археологических памятников различных исторических эпох, а также статьи, связанные с анализом отдельных категорий находок. В публикациях, включенных в рубрику «Актуальные проблемы археологии», обсуждаются вопросы использования естественно-научных методов в археологии при изучении раннеолитической керамики Карелии и состава металлических предметов эпохи архаики на Таманском полуострове. В одной из статей рассматриваются этапы развития и международные связи поселения на Рюриковом городище во времена викингов. Также представлены статьи по истории и организации науки и заметки о проведенных конференциях. Среди авторов — ученые из Казахстана и различных центров России: Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Пензы, Кемерово, Новосибирска, Иркутска, Тобольска, Красноярска, Симферополя, Краснодара, Ростова-на-Дону.

Issue 42 of the journal “Archaeological News” includes articles on various aspects and problems of archeology. One of the sections, which includes materials on the archeology of Siberia, is dedicated to the anniversary of the famous researcher of Siberian antiquities N. A. Bokovenko. The section “New discoveries and studies” presents works that introduce materials from archaeological monuments of various historical eras into scientific circulation, as well as articles related to the analysis of individual categories of finds. The publications included in the section “Actual Problems of Archeology” discuss the use of natural scientific methods in archeology in the study of Early Neolithic ceramics of Karelia and the composition of metal objects of the Archaic era on the Taman Peninsula. One of the articles examines the stages of development and international relations of the settlement at the Rurikovo gorodishche during the Viking times. Also presented are articles on the history and organization of science and notes on conferences held. Among the authors are scientists from Kazakhstan and various centers of Russia: Moscow, St. Petersburg, Petrozavodsk, Penza, Kemerovo, Novosibirsk, Irkutsk, Tobolsk, Krasnoyarsk, Simferopol, Krasnodar, Rostov-on-Don.

Первая и четвертая страницы обложки — булавка с головкой в виде изображения павлина с Троицкого XVI раскопа, Великий Новгород

First and fourth pages of cover — pin with a head in the form of an image of a peacock from the Troitsky XVI excavation site, Velikiy Novgorod

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 90-летию Николая Кузьмича Анисюткина	9
К 70-летию Владимира Анатольевича Горончаровского.....	10

К 75-ЛЕТИЮ Н. А. БОКОВЕНКО

<i>М. Т. Кашуба, М. Е. Килуновская.</i> Междисциплинарный симпозиум СТЕК № 3: Культурные процессы в эпоху бронзы и раннего железа в степной Евразии	12
<i>О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева.</i> Полевая работа Н. А. Боковенко в документах и фотографиях научного архива ИИМК РАН	16
<i>О. С. Советова.</i> Николай Анатольевич Боковенко — исследователь Тепсейского археологического микрорайона	24
Список печатных работ Н. А. Боковенко (<i>составитель Л. М. Всевиов</i>)	31
<i>Н. А. Боковенко.</i> Циклизм в археологии (по материалам древних скотоводов Евразии)	40
<i>В. С. Бочкарёв.</i> О современном состоянии проблемы определения понятия «археологическая культура»	50
<i>Л. С. Марсадолов.</i> Микроэволюция псалиев коня и контакты евразийских кочевников в X–VIII вв. до н. э.	56
<i>З. Самашев, А. Жунисханов, А. Ержанова, М. Половцев.</i> Комплекс поселений раннего железного века Акбауыр в Восточном Казахстане	68
<i>В. С. Бусова, В. В. Баринов, М. А. Кулькова, В. С. Мыглан, О. В. Сычева, А. В. Тайник, М. О. Филатова.</i> Разрушенный горн на берегу реки Кара-Дыт в Южной Туве: от углей до крицы	76

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. Е. Бердникова, Д. П. Золотарев, И. М. Бердников, И. С. Шегутов, А. А. Щетников, И. А. Филинов, Д. Н. Лохов, Е. А. Липнина, Д. Г. Маликов, В. В. Никитёнок, Г. А. Воробьева.</i> Археологические комплексы местонахождения Китайский Мост в контексте верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири	84
<i>В. В. Ставицкий, В. В. Морозов.</i> Энеолитические погребения Панфиловской стоянки во Владимирской области	100
<i>Д. О. Савельев, Т. Н. Смекалова, А. В. Борисов.</i> Первые результаты междисциплинарного исследования поселения эпохи бронзы Тюмень-5 в Северо-Западном Крыму. Анализ кремневого материала	110
<i>Н. А. Павличенко, П. В. Соков, А. С. Цинько.</i> Комплекс с гераклейской амфорой на поселении Крымское-3	122
<i>Е. Ю. Медникова.</i> Исследование методом полиполяризации некоторых штукатурок и строительных растворов Великого Новгорода	133
<i>Н. В. Ениосова, Т. Н. Лубкова, И. Ю. Николаева, Л. В. Покровская, В. К. Сингх.</i> Булавка с головкой в виде павлина из раскопок Великого Новгорода	136

СОДЕРЖАНИЕ

О. В. Кладченко. Керамические курительные трубки из аула Тереклыкой (поселения Волна 12) на Таманском полуострове	147
И. В. Балюнов. Арсенал ручного огнестрельного оружия города Тобольска в конце XVI — XVII в. (по материалам археологических и письменных источников).....	165
Ю. В. Колпакова, С. В. Бельский, Г. К. Данилов. Коллекция нательных крестов из Архангельской области Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН: состав и особенности.....	174
А. Е. Рогожинский, Г. А. Калдыбаева. Казахские тамга-петроглифы Чу-Илийского междуречья: датировка, локализация, идентификация	186

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

К. Э. Герман, М. А. Кулькова. Петрографические исследования ранненеолитической керамики сперрингс Карелии: итоги и перспективы	201
И. А. Сапрыкина, Н. И. Сударев, Р. А. Мимоход. Цветной металл конца VI — V в. до н. э. из грунтового могильника Волна 1 по данным рентгенофлуоресцентного анализа (РФА)	212
А. В. Плохов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище эпохи викингов (к вопросу о топографии, планиграфии и международных связях)	219

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю. Н. Городцова. Роль А. А. Спицына в археологическом изучении Тамбовской губернии.....	237
П. С. Дремова, А. А. Межурецкий. К истории коллекции археологических находок из раскопок Земляного городища Старой Ладogi в собрании Тихвинского музея	244
К. В. Конончук. Надежда Эрастовна Успенская (1862–1942). Страницы биографии	253

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

С. А. Васильев, К. Н. Степанова. Путь от «Моста в каменный век» к «Археологическому мосту»: опыт трех лет работы совместного семинара ИИМК РАН, кафедры археологии СПбГУ, Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН	264
--	-----

ХРОНИКА

Е. О. Стоянов, Ю. Г. Кутимов. Совместное заседание ученого совета, отдела археологии Центральной Азии и Кавказа и отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное юбилею В. П. Никонорова (20.10.2023)	266
С. А. Васильев. Международная научная конференция «Время переходов: смена эпох и культур в палеолите» (Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2023 г.).....	268

AD MEMORIAM

Памяти Анатолия Захаровича Винникова (1940–2024)	271
Список сокращений	273

Contents

OUR HEROES OF THE DAY

Celebrating N. K. Anisyutkin's 90 th anniversary	9
Celebrating V. A. Goroncharovsky's 70 th anniversary	10

TO THE 75TH ANNIVERSARY OF N. A. BOKOVENKO

<i>M. T. Kashuba, M. E. Kilunovskaya.</i> Interdisciplinary Colloquium STEK No. 3: Cultural processes in Bronze and Early Iron Age in steppe Eurasia	12
<i>O. V. Grigoryeva, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva.</i> N. A. Bokovenko's fieldwork in documents and photographs at the IIMK RAS archives	16
<i>O. S. Sovetova.</i> Nikolai Anatolyevich Bokovenko and his excavations in the Tepsey archaeological microregion	24
List of N. A. Bokovenko's publications (<i>compiled by L. M. Vseviov</i>)	31
<i>N. A. Bokovenko.</i> Cyclicality in archaeology: The early pastoralists of Eurasia	40
<i>V. S. Bochkarev.</i> On the present state of the problem of the definition of "Archaeological culture"	50
<i>L. S. Marsadolov.</i> The "microevolution" of cheek-pieces and the contacts of Eurasian nomads in the 10 th –8 th centuries BC	56
<i>Z. Samashev, A. Zhuniskhanov, A. Erzhanova, M. Polovtsev.</i> Akbauryr — a group of Early Iron Age sites in Eastern Kazakhstan	68
<i>V. S. Busova, V. V. Barinov, M. A. Kulkova, V. S. Myglan, O. V. Sycheva, A. V. Tainik, M. O. Filatova.</i> A destroyed smelting furnace on the Kara-Dyt River, Southern Tuva: From charcoal to puddle	76

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>N. E. Berdnikova, D. P. Zolotarev, I. M. Berdnikov, I. S. Shegutov, A. A. Shchetnikov, I. A. Filinov, D. N. Lokhov, E. A. Lipnina, D. G. Malikov, V. V. Nikityonok, G. A. Vorobyeva.</i> Archaeological assemblages of the Kitoiskii Most site in the context of the Upper Paleolithic of Baikal-Yenisei Siberia	84
<i>V. V. Stavitskiy, V. V. Morozov.</i> Eneolithic burials at Panfilovo, Vladimir Oblast	100
<i>D. O. Savelyev, T. N. Smekalova, A. V. Borisov.</i> First findings of a multidisciplinary study of a Bronze Age site Tyumen-5, northwestern Crimea. Analysis of lithics	110
<i>N. A. Pavlichenko, P. V. Sokov, A. S. Tsinko.</i> Complex with a Heracleian amphora at Krymskoe-3	122
<i>E. Y. Mednikova.</i> Polypolarization study of certain stuccos and mortars from Veliky Novgorod	133
<i>N. V. Eniosova, T. N. Lubkova, I. Y. Nikolaeva, L. V. Pokrovskaya, V. K. Singh.</i> Pin with peacock-shaped head from excavations in Veliky Novgorod	136
<i>O. V. Kladchenko.</i> Clay tobacco pipes from the Tereklykoy village (Volna 12 site) on the Taman Peninsula	147
<i>I. V. Balyunov.</i> The arsenal of hand firearms of the city of Tobolsk at the end of the 16 th — 17 th centuries (based on archaeological and written sources)	173

CONTENTS

- Yu. V. Kolpakova, S. V. Belsky, G. K. Danilov.* Collection of baptismal crosses from the Archangel Region at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint-Petersburg: Composition and peculiarities 174
- A. E. Rogozhinsky, G. A. Kaldybaeva.* Kazakh petroglyphic tamgas of the Chu-Ili watershed: Age, locations, identification 186
-

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

- K. E. German, M. A. Kulkova.* Petrographic analysis of Early Neolithic Sperrings ceramics from Karelia: Findings and prospects 201
- I. A. Saprykina, N. I. Sudarev, R. A. Mimokhod.* Late 6th — 5th cen. BC base and precious metal from the flat-grave burial ground Volna 1 according to X-ray fluorescence (XRF) analysis 212
- A. V. Plokhov, N. V. Khvoshchinskaya.* Rurik's Hillfort of the Viking Age (topography, horizontal distribution of finds, and foreign relations) 219
-

HISTORY OF SCIENCE

- Yu. N. Gorodtsova, A. A. Spitsyn's* role in the archaeological study of the Tambov Province 237
- P. S. Dremova, A. A. Mezhuretsky.* On the history of a collection of archaeological finds from the Earthen hillfort at Staraya Ladoga at the Tikhvin Museum 244
- K. V. Kononchuk.* Nadezhda Erastovna Uspenskaya (1862–1942). Episodes of a Life 253
-

ORGANIZATION OF SCIENCE

- S. A. Vasilyev, K. N. Stepanova.* Way from “The Bridge to the Stone Age” to “The Archaeological Bridge”: The work of the joint seminar of IIMK RAS, SPB State University Department of Archaeology, State Hermitage, and Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS 264
-

CHRONICLE

- E. O. Stoyanov, Y. T. Kutimov.* Joint sitting of the Research Council, the Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus, and the Department of the History of Classical Culture of IIMK RAS, celebrating V. P. Nikonorov's jubilee (20 October 2023) 266
- S. A. Vasilyev.* International Conference *Time of Transitions: The Interchange of Ages and Cultures in the Paleolithic* (Saint-Petersburg, 4–6 December 2023) 268
-

AD MEMORIAM

- In memory of Anatoly Zakharovich Vinnikov (1940–2024) 271
- List of abbreviations 273
-

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 90-летию Николая Кузьмича Анисюткина

5 февраля 2024 г. мы торжественно празднуем 90-летие доктора исторических наук Николая Кузьмича Анисюткина. Николай Кузьмич — ветеран ИИМК РАН, старейший сотрудник отдела палеолита нашего института.

Н. К. Анисюткину выпала нелегкая судьба. Детство в блокадном Ленинграде, работа на заводе, служба в рядах Советской армии... Николай Кузьмич поступил в Ленинградский университет сложившимся человеком, с четко обозначенным интересом к изучению археологии палеолита. Начав с участия в полевых работах Костёнковской экспедиции, Николай Кузьмич под влиянием П. И. Борисковского рано определил основную сферу исследовательских усилий — изучение нижнего и среднего палеолита юго-запада Русской равнины, Молдавии и Приднестровья.

За десятилетия упорных трудов Н. К. Анисюткин исследовал здесь ряд стратифицированных памятников, в том числе древнейшее местонахождение Байраки, среднепалеолитические стоянки Кетросы, Стинка 1, гроты Тринка, Выхватинцы, Старые Дуруиторы и др. В серии капитальных монографических работ материалы региона были всесторонне им проанализированы на широком фоне палеолита Европейского континента.

Поражает размах научных интересов Н. К. Анисюткина. В центре внимания исследователя в разные годы оказывались вопросы хронологии и вариабельности среднепалеолитических индустрий (включая сложнейшую проблему зубчатого мустье), методики анализа каменных индустрий и типологии орудий, реконструкции хозяйственной деятельности и облика древнейших жилищ и т. д. Н. К. Анисюткин много и плодотворно

Н. К. Анисюткин, 2023 г.

N. K. Anisyutkin, 2023

творно работал над материалами палеолита Вьетнама и Средней Азии. Его перу принадлежат статьи по древнекаменному веку Костёнок, центра Русской равнины, Крыма и Северного Кавказа.

Желаем Николаю Кузьмичу крепкого здоровья и новых творческих успехов!

К 70-летию Владимира Анатольевича Горончаровского

7 февраля 2024 г. исполнилось 70 лет доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику, заведующему отделом истории античной культуры ИИМК РАН Владимиру Анатольевичу Горончаровскому. Его судьба и творческий путь неразрывно связаны с нашим городом. Здесь Владимир Анатольевич родился в семье военнослужащих, в 1971 г. окончил среднюю школу и поступил на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ, учебу завершил в 1976 г. Здесь он женился, и на свет появились его дети.

Со студенческой скамьи В. А. Горончаровский определил свой путь в науке — изучение классических древностей Северного Причерноморья. Важным событием, одним из определяющих ориентиров, несомненно, стало участие в раскопках городища Илурат в Восточном Крыму (1972 г.), исследования на котором проводила Боспорская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством И. Г. Шургая. Этот незаурядный исследователь и человек стал для него больше, чем учителем. Неудивительно, что после смерти И. Г. Шургая в 1982 г. именно Владимир Анатольевич возглавил Боспорскую экспедицию и продолжил раскопки Илурата, сделав немало замечательных археологических открытий. Итогом многолетнего изучения городища стала монография «На подступах к столице Боспора. Античная крепость Илурат в Восточном Крыму» (2019 г.).

Вклад В. А. Горончаровского в античную историю и археологию нашей страны хорошо известен и признан всеми. В 1985 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (к проблеме контактов)», а в 2005 г. — докторскую: «Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э. — середине III в. н. э.».

Помимо Илурата В. А. Горончаровский проводил раскопки сельских поселений Боспора, поселения на острове Березань, Семибратнем городище (Лабрисе) и в Анапе (античной Горгиппии). В 2008 г. ему удалось создать экспедицию, которая на протяжении нескольких сезонов (вплоть

В. А. Горончаровский, 2023 г.

V. A. Goroncharovskiy, 2023

до 2019 г.) вела исследования в Средиземноморье, на острове Кипр. Здесь, около деревни Аногира, под его руководством было изучено небольшое святилище, в котором предположительно почитался Аполлон. Наконец, в 2021 г. В. А. Горончаровский принял участие в масштабном проекте ИИМК РАН, связанном с изучением Южного пригорода Херсонеса Таврического.

Библиография юбиляра насчитывает около 300 работ различного формата — багаж, конечно, немалый. Среди его недавних публикаций выделим те, которые посвящены изучению материалов больших курганов Боспора Киммерийского —

Семибратних, возведенных над могилами синдских царей, а также знаменитого Львиного кургана в Керчи. Удивительно глубока по содержанию статья В. А. Горончаровского о расписном склепе, обнаруженном А. Б. Ашиком в 1841 г., так называемой царице камер. По его весьма обоснованному предположению, в ней был погребен боспорский царь Котис I, получивший власть благодаря поддержке римлян и в дальнейшем всячески стремившийся продемонстрировать свою лояльность империи.

Неизменным остается интерес Владимира Анатольевича к проблемам военной истории Боспора. С детских лет его волнует личность Спартака и перипетии возглавленного им грандиозного восстания рабов. Одна за другой выходят книги В. А. Горончаровского, посвященные изучению гладиаторов. В этой области знания, как представляется, он не имеет себе равных. В числе его книг — монографии «Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени» (2003 г.), «Арена и кровь: римские гладиаторы между жизнью и смертью» (2009 г.), «Спартаковская война» (2011 г.). В соавторстве с Ю. А. Виноградовым опубликована монография «Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.)» (2009 г.).

С 2012 г. В. А. Горончаровский возглавляет отдел истории античной культуры ИИМК. С непростыми обязанностями руководителя он справляется вполне успешно, направляя работу сотрудников на решение важных научных задач. Результатом такой совместной работы стала коллективная монография «Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора», изданная в 2017 г. Важным событием для всей археологической науки стала публикация большого тома «Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку», научным редактором и составителем которого стал В. А. Горончаровский, увидевшего свет в 2022 г. и сразу ставшего очень востребованным исследователями.

Заслуги юбиляра получили высокую оценку зарубежных археологов. Особенно тесные, по-настоящему дружеские отношения сложились у него с польскими учеными. Закономерным итогом этих плодотворных связей стало включение Владимира Анатольевича в состав редакционной коллегии альманаха «Anabasis. Studia Classica et Orientalia».

Поздравляя В. А. Горончаровского с 70-летием, хотим пожелать ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых научных свершений.

М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов

К 75-ЛЕТИЮ Н. А. БОКОВЕНКО

Междисциплинарный симпозиум СТЕК № 3: Культурные процессы в эпоху бронзы и раннего железа в степной Евразии¹

М. Т. Кашуба, М. Е. Килуновская²

Аннотация. В работе представлена основная проблематика, связанная с анализом и интерпретацией культурных процессов эпохи бронзы и раннего железного века в степной Евразии, которые были обсуждены на Междисциплинарном научном симпозиуме СТЕК № 3, посвященном 75-летию Н. А. Боковенко.

Ключевые слова: Северная Евразия, степной пояс, эпоха бронзы, железный век, археологические источники, СТЕК («сырье — технология — культура»), Н. А. Боковенко, история археологической науки.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-12-15

В марте 2023 г. в ИИМК РАН состоялся очередной (третий) Междисциплинарный научный симпозиум серии СТЕК («сырье — технология — культура») (о научных мероприятиях см.: Кашуба, 2022), посвященный 75-летию Николая Анатольевича Боковенко. Выбранная тема — «Культурные процессы в эпоху бронзы и раннего железа в степной Евразии» — не только отражает широкий круг интересов юбиляра, который в своих трудах затрагивает различные культурно-исторические аспекты, связанные с историей степного региона от Европы до Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, но также фокусирует внимание на комплексном изучении археологических культур и материалов III — первой половины I тыс. до н. э. За два дня работы (2 и 3 марта) было заслушано 27 докладов; в работе приняли участие более 50 человек из разных городов: Санкт-Петербурга,

Москвы, Кемерово, Абакана, Барнаула, Новосибирска, Красноярска, Екатеринбурга (Россия); Еревана (Армения); Алматы (Казахстан); Ташкента (Узбекистан); Улан-Батора (Монголия).

На пленарном заседании прозвучали два важнейших выступления, поднимающие проблемы, которые имеют прямое отношение к основным направлениям исследований ученых, занимающихся археологией не только Южной Сибири и Центральной Азии, но также восточной-юго-восточной части Европейского континента. В. С. Бочкарёв представил доклад об археологической культуре: он детально проанализировал употребление этого термина в современной археологической науке, представил новую авторскую концепцию его определения и наметил возможные пределы применения термина для различных проявлений прошлого. Н. А. Боковенко в своем выступлении обратил внимание на то, что характерная для природных явлений цикличность выступает одним из основных факторов формирования кочевнических культур от эпохи бронзы до Средневековья, и большое значение в этом процессе имеет развитие транспорта, а именно триада «повозка — колесница — всадник».

Представленные на симпозиуме остальные доклады тематически можно разделить на несколько блоков. Первый — это сообщения, посвященные самому юбиляру, памятникам, на которых он работал, и вопросам их сохранения

---

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² М. Т. Кашуба, М. Е. Килуновская — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru; kilunmar@mail.ru.

© Кашуба М. Т., Килуновская М. Е., 2024

и музеефикации. Н. Ю. Смирнов осветил основные вехи творчества ученого, по праву входящего в когорту лидеров петербургской школы археологии Сибири конца XX — начала XXI в. (подробнее см.: *Смирнов, Поляков, 2023*). О. С. Советова рассказала об исследованиях археологических памятников вокруг горы Тепсей на юге Красноярского края, которые проводил Н. А. Боковенко и продолжающихся в настоящее время. В докладе А. Н. Мухаревой речь шла о петроглифах, выявленных Н. А. Боковенко наряду с другими типами памятников в Новосёловской оросительной системе на юге Красноярского края. Часть их была опубликована, в основном относящиеся к скифскому времени, изображения же эпохи Средневековья и более поздние были представлены впервые. В докладе Л. В. Еремина были затронуты проблемы музеефикации археологических памятников, в том числе большое внимание было уделено ансамблям на основе раскопанных археологических объектов, таких как могильник Анчил чон (раскопки Н. А. Боковенко), курган Барсучий лог (раскопки Г. Парцингера, А. Наглера, А. И. Готлиба) и Большой Салбыкский курган (раскопки С. В. Киселёва). Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева и О. В. Григорьева продемонстрировали документы и фотографии из научного архива ИИМК РАН, отражающие полевую работу Н. А. Боковенко.

Доклады по истории науки и сохранению памятников органично дополнило выступление Н. Ю. Смирнова, О. В. Сычёвой и А. В. Фрибуса, посвященное первичному анализу и значению новых материалов из архива М. П. Грязнова, учеником которого является Н. А. Боковенко. Три самодельные папки с рисунками, выписками, черновиками статей и материалами к ним были переданы М. П. Грязновым своей ученице Н. А. Аванесовой для работы над ее кандидатской диссертацией³. Среди рукописных заметок отдельный интерес представляют наброски к статье о реконструкции рукоятей бронзовых кельтов. Эти документы дополняют петербургскую часть архива М. П. Грязнова, и в настоящее время ведется их подготовка к публикации.

Второй блок докладов был посвящен основной теме исследований Н. А. Боковенко, а именно

изучению роли коня в истории и развитию конского снаряжения. А. Е. Симонян рассказал о значении коня и колесниц в Армении, где они появились в конце III — начале II тыс. до н. э. Л. С. Марсадобов сравнил конструктивные особенности псалиев, обнаруженных на поселениях Торгажак и Каменный Лог в Хакасии и в кургане Аржан-1 в Туве, а также привел аналогии из соседних регионов. Он пришел к выводу, что в создании кургана вождя могли принимать участие обитатели не только Тувы, но и Алтай, Минусинской котловины, Ордоса и Синьцзяна. К. В. Чугунов провел анализ скифской триады кургана Аржан-1 и возможных источников, участвовавших в ее формировании. Т. Р. Садыков продемонстрировал новые находки предметов конского снаряжения раннескифского времени из кургана Туннуг-1, которые находят параллели и аналогии в Аржане-1, но имеют свои отличия. Анализируя уникальную терракотовую стагуетку из памятника Кампыртепа в Южном Узбекистане, Д. Я. Ильясов и В. П. Никоноров восстановили конструкцию «рогатого» седла, которое было изобретено в Южном Приаралье примерно в конце IV — III в. до н. э. и затем, в том числе и при посредстве парфян, в I в. до н. э. — I в. н. э. распространилось по всему степному евразийскому поясу.

Отдельный блок докладов был посвящен междисциплинарным исследованиям археологических материалов широкого хронологического диапазона — от финала эпохи бронзы до Средневековья. М. Е. Килуновская вместе с большим творческим коллективом представила результаты комплексного изучения отдельного микрорегиона — долины р. Ээрбек (Центральная Тува), выбранной в результате полномасштабных археологических раскопок в качестве определенной модели, по которой можно проследить этнокультурные процессы конца II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Интересно, что исследования антропологов и генетиков подтвердили смену населения в V в. до н. э., сопровождающуюся кардинальной сменой культурных традиций (подробнее см.: *Килуновская и др., 2023*).

В докладе М. Т. Кашубы и М. А. Кульковой впервые были обобщены и проанализированы все проведенные к 2020-м гг. междисциплинарные исследования, охватившие более половины из около 300 комплексов ранних кочевников («киммерийцев») на западе «Великой степи» (подробнее см.: *Кашуба, Кулькова, 2023*).

В нескольких сообщениях, сделанных А. А. Тишкиным совместно с коллегами, были

³ После смерти М. П. Грязнова эта часть его архива была сохранена Н. А. Аванесовой в Самарканде и недавно передана для изучения и постоянного хранения в научный архив ИИМК РАН, в котором уже много лет сохраняется значительная часть архива исследователя.

продемонстрированы результаты комплексного анализа бронзовых изделий с применением новейших методов. Благодаря этому удалось ввести в научный оборот материалы, которые хранятся в музеях Ховда (Монголия) и музее Алтайского государственного университета. Монгольские находки в основном случайные, но их датировка, основанная на анализе металла, и сравнение с изображениями на оленных камнях дополняют корпус данных по развитию культур в раннескифское время. Очень интересны результаты исследования бронзовых наконечников в виде фигуры лося и удила со стремечковидным окончанием, найденных около пос. Штабка рядом с Барнаулом 50 лет назад. Можно сказать, что этим находкам была дарована новая жизнь в науке — проведен анализ металла, сделаны качественные фото и рисунки, и уже известные артефакты стали полноценными источниками исследований.

А. В. Семёнов, В. Л. Денисенко и С. В. Хаврин сообщили о комплексном анализе двух бронзовых котлов из погребения в кургане 2 могильника Хондергей 22 (Западная Тува). Были проведены поиск аналогий, исследование технологий и приемов торевтики, применявшихся при изготовлении, анализ составных элементов данных изделий для определения их места в существующих типологиях бронзовых котлов, в том числе в предложенной Н. А. Бокovenко (1981; 1990).

Т.-О. Идэрхангай, Н. А. Пластеева и А. А. Тишкин привели результаты археологозоологических определений и палеогенетического исследования конских костей из жертвенников, сопровождающих херексуры в Монголии, что позволило им сделать вывод о существовании как минимум двух этапов в развитии культуры «оленных камней и херексуров» (подробнее см.: *Идэрхангай и др.*, 2023).

В. С. Бусова с коллективом соавторов представила результаты исследований стоянок на юге Тувы в Овьуре. На стоянке Кара-Дыт II удалось найти производственную зону: был раскопан разрушенный горн для производства железа, из которого были взяты образцы древесного угля. К ним была применена новая методика пробоподготовки, разработанная в Сибирской дендрохронологической

лаборатории, получена радиоуглеродная дата и химический состав самих шлаков. Памятник относится ко второй половине I тыс. н. э.

З. Самашев продемонстрировал первые результаты комплексного изучения поселенческого комплекса раннего железного века Акбауыр, расположенного на территории Уланского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Полученные данные позволяют по-новому рассматривать вопросы, связанные с функционированием систем жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности этого времени.

П. В. Герман представил впервые выявленный в рамках тагарского комплекса вид памятников, который можно сопоставить с биджинским этапом и связать с особенными постпогребальными практиками.

Два доклада были посвящены изучению культурно-исторических процессов позднего бронзового века, имевших место в двух разных областях степной Евразии. В. В. Бобров проанализировал различные точки зрения, связанные с существованием и происхождением культуры плиточных могил в Забайкалье — самом восточном регионе распространения культур ранних кочевников. Д. А. Шибанова продемонстрировала некоторые восточные элементы (из Поволжья и Приуралья) в позднесрубной культуре Нижнего Подонья и Левобережья Днепра.

Особенно хочется отметить доклад Б. А. Раева, в котором на примере анализа находок одного, казалось бы, непримечательного типа предметов, а именно пряслиц, из азиатской части Сарматии было убедительно продемонстрировано, как важно обращать внимание на каждую деталь, как существенны качественные фотографии и прорисовки, сделанные именно специалистами.

В ходе работы симпозиума состоялись обсуждения и дискуссии по затронутым проблемам, которые продолжались и за пределами аудиторий. Три выступления изданы в выпуске 40 журнала «Археологические вести» (см.: *Идэрхангай и др.*, 2023; *Кашуба, Кулькова*, 2023; *Килуновская и др.*, 2023), большая же часть заслушанных докладов публикуется в настоящем выпуске.

Бокovenко, 1981 — Бокovenко Н. А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 42–52.

Бокovenко, 1990 — Бокovenко Н. А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья // Древ-

ние памятники Кубани (материалы семинара) / Ред. А. М. Ждановский, И. И. Марченко. Новочеркасск: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 1990. С. 166–174.

Идэрхангай и др., 2023 — *Идэрхангай Т.-О., Пластеева Н. А., Тишкин А. А.* Кости лошадей в жертвенниках

- у херексуров на памятнике Моностойн нуга (Северная Монголия) // АВ. 2023. Вып. 40. С. 22–28.
- Кашуба, 2022 — Кашуба М. Т. СТЕК — новая площадка научного взаимодействия // АВ. 2022. Вып. 37. С. 289–290.
- Кашуба, Кулькова, 2023 — Кашуба М. Т., Кулькова М. А. Междисциплинарные исследования погребений ранних кочевников («киммерийцев») на западе «Великой степи» (обзор до 2020-х гг.) // АВ. 2023. Вып. 40. С. 200–220.
- Килуновская и др., 2023 — Килуновская М. Е., Альборова И. А., Бусова В. С., Семенов Вл. А., Мустафин Х. Х., Учанева Е. Н. Памятники середины I тысячелетия до н. э. в урочище Эки-Оттуг (Центральная Тува): от типологии и хронологии к антропологии и генетике // АВ. 2023. Вып. 40. С. 245–273.
- Смирнов, Поляков, 2023 — Смирнов Н. Ю., Поляков А. В. Лидеры петербургской школы археологии Сибири конца XX — начала XXI века: Николай Анатольевич Бокоренко (к 75-летию ученого) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 221–234.

Interdisciplinary Colloquium STEK No. 3: Cultural processes in Bronze and Early Iron Age in steppe Eurasia

М. Т. Kashuba, М. Е. Kilunovskaya⁴

Keywords: Northern Eurasia, steppe belt, Bronze Age, Iron Age, archaeological sources, STEK (raw materials — technology — culture), N. A. Bokovenko, history of archaeological science.

The article examines the issues relating to the analysis and interpretation of cultural processes in the Eurasian steppes during the Bronze and Early Iron Age, raised in papers and discussions at the multidisciplinary symposium STEK No. 3, celebrating the 75th anniversary of N. A. Bokovenko. The topic covers a wide variety of his scholarly interests relating to cultural and historical processes in the steppe regions from Europe to South Siberia, eastern and southwestern Central Asia. The speakers concentrated on multidisciplinary approaches to archaeological cultures spanning the interval from the first half of the third to the first half of the first millennium BC. During the two-day conference (March 2 and 4), 27 papers were presented, authored by more than fifty specialists from twelve cities and five countries (Russia, Armenia, Kazakhstan, Uzbekistan, and Mongolia). There were extended discussions, both inside and outside the conference premises. Three papers have already appeared (*Идэрхангай и др.*, 2023; *Кашуба, Кулькова, 2023*; *Килуновская и др.*, 2023), and most are published in the present issue.

---

⁴ Maya T. Kashuba, Marina E. Kilunovskaya — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of the Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru, kilunmar@mail.ru.

Полевая работа Н. А. Боковенко в документах и фотографиях научного архива ИИМК РАН¹

О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева²

Аннотация. В научном архиве ИИМК РАН хранится значительное количество документов, отражающих полевую и научную работу Н. А. Боковенко за 1970–2010-е гг. Полевые отчеты, дневники, чертежи и фотографии достоверно представляют экспедиционную деятельность ученого. Основной массив материалов связан с работами Средне-Енисейской археологической экспедиции.

Ключевые слова: Н. А. Боковенко, полевая деятельность, архивные документы, археология Сибири, Средне-Енисейская экспедиция, ИИМК РАН.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-16-23

Николай Анатольевич Боковенко — известный специалист в области археологии эпохи бронзы и железного века Сибири и Казахстана. Вот уже почти 50 лет он работает в отделе Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН³. Все эти годы исследователь вел активную полевую и научную деятельность. Документальные результаты своих экспедиционных работ Н. А. Боковенко аккуратно из года в год сдавал в архив ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, внося тем самым весомый вклад в формирование документального собрания института.

В настоящее время в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН насчитывается чуть более 70 дел, которые датируются 1974–2013 гг. Сюда входят полевые отчеты, дневники, чертежи исследователя, сделанные им в качестве участника и руко-

водителя разных экспедиций. В фотоотделе архива хранится около тысячи качественных полевых фотографий, значительную часть которых выполнил сам Н. А. Боковенко. Среди материалов нашелся редкий снимок 1965 г. сотрудников 5-го отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР (СТЭАН)⁴, где присутствует и Н. А. Боковенко (рис. 1). Тогда он, еще будучи школьником, впервые участвовал в археологической экспедиции и работал на раскопках могильника Аргалыкты под руководством Ю. И. Трифонова.

Самый ранний рукописный архивный документ в фондах ИИМК РАН относится уже к профессиональному участию Н. А. Боковенко в археологических исследованиях ЛОИА. Под его авторством значится полевой дневник Аржанской экспедиции 1974 г., проходившей под началом его научного руководителя М. П. Грязнова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1974. Д. 6). Помимо тщательного описания хода работ в дневнике представлены схемы деревянных конструкций кургана и рисунки находок (рис. 2), сделанные студентом-археологом вполне профессионально.

В 1975 г. Н. А. Боковенко участвовал сразу в двух экспедициях. Вел дневник раскопок могильника Летник VI в Бейской экспедиции (рук. М. Н. Пшеницына) (Там же. 1975. Д. 14.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Григорьева О. В., Лазаревская Н. А., Медведева М. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: sigrid@yandex.ru; lazarevskaya_n@mail.ru; marriyam@mail.ru.

© Григорьева О. В., Лазаревская Н. А., Медведева М. В., 2024

³ Подробнее см.: К 70-летию Николая Анатольевича Боковенко // АВ. 2018. Вып. 24. С. 15–16.

⁴ О ней подробно см.: Астахов С. Н. Саяно-Тувинская археологическая экспедиция (1962–2003) // АВ. 2020. Вып. 27. С. 420–428.

Рис. 1. 5-й отряд Саяно-Тувинской экспедиции: Ю. И. Трифонов, начальник отряда, стоит первый слева, Н. А. Боковенко стоит третий слева. Тува, могильник Аргалыкты, 1965 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.2652/35)
Fig. 1. Fifth division of the Sayan-Tuva Expedition: Y. I. Trifonov, division head (standing first on the left), N. A. Bokovenko (standing third on the left). Argalykty cemetery, Tuva, 1965 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.2652/35)

Л. 1–14) и могильника Тепсей VII в Красноярской экспедиции (рук. М. П. Грязнов) (Л. 15–34).

В 1976 г. Н. А. Боковенко возглавил отдельный Тепсейский отряд Красноярской экспедиции (рук. М. П. Грязнов), провел спасательные раскопки разрушающихся курганов на могильнике Тепсей VII (рис. 3, 1) и сбор подъемного материала в пункте Малиновый Лог. Все этапы работ исследователь подробно отразил в отчете, полевых чертежах и фотографиях, сданных в архив (Там же. 1976. Д. 61, 62, 72, 192. О.3172/104–167). Среди фотоматериалов Красноярской экспедиции этого года хранится редкий снимок, где Н. А. Боковенко запечатлен вместе с М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой на раскопках Тепсея (рис. 3, 2).

Начиная с 1977 г., когда молодого специалиста приняли в штат ЛОИА АН СССР, на протяжении многих лет полевая деятельность Н. А. Боковенко была неизменно связана с новостроечной Средне-Енисейской экспедицией института (рис. 3, 3). Каждый год он возглавлял один из отрядов (Новоселовский, Баргузинский, Усинский, Дорожный, 1–3-й отряды и 4-й отряд (Петроглифический), а уже с 1991 г. и до настоящего момента — всю экспедицию. На протяжении многих лет собрание научного архива Института регулярно пополнялось отчетной документацией полевых работ Н. А. Боковенко в составе Средне-Енисейской экспедиции. Материалы отражают результаты

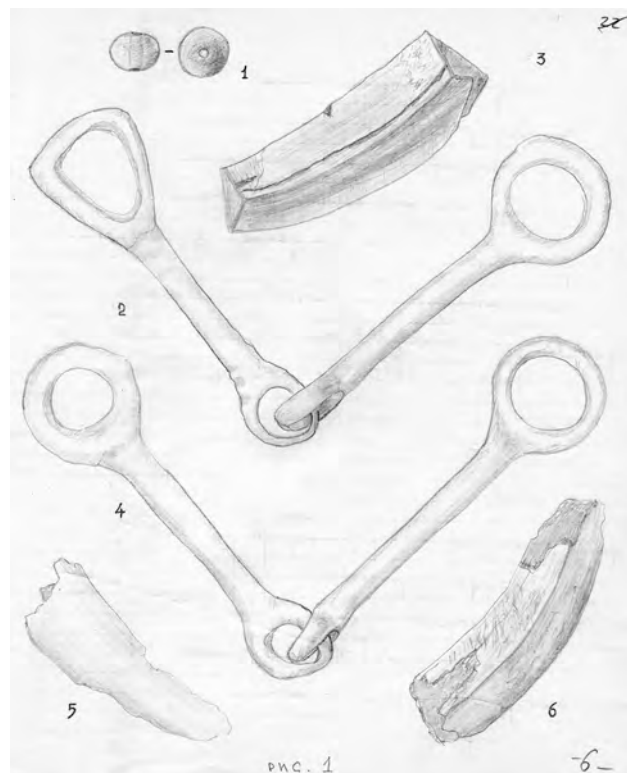

Рис. 2. Находки из раскопок кургана Аржан в 1974 г. Рисунки из полевого дневника Н. А. Боковенко (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1974. Д. 6. Л. 6)
Fig. 2. Artifacts from the Arzhan mound, 1974. Drawings from N. A. Bokovenko's field diary (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1974. F. 6. Sh. 6)

Рис. 3. Красноярская экспедиция: 1, 2 — раскопки Тепсейского отряда, 1976 г.: 1 — могильник Тепсей VII, курган 3 (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.3172/144); 2 — Н. А. Боковенко (стоит слева), М. П. Грязнов и М. Н. Комарова (сидит) на раскопе (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 51. Л. 1об.); 3 — раскопки Новоселовского отряда, 1977 г. Афанасьевские ограды (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.3257/72)

Fig. 3. Krasnoyarsk Expedition: 1, 2 — excavations by the Tepsey division, 1976: 1 — Tepsey VII cemetery, mound 3 (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.3172/144); 2 — N. A. Bokovenko (standing on the left), M. P. Gryaznov and M. N. Komarova (sitting) at the excavations (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 91. In. 2. F. 51. Sh. 1 reverse); 3 — excavations by the Novoselovo Division, 1977. Afanasyevo enclosures ((SA IHMC RAS. Photo Dep. Print O.3257/72)

его обширных разведок, раскопок, петроглифических исследований на территории Красноярского края и Республики Хакасия.

Значимым итогом его научной деятельности стала кандидатская диссертация «Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения)», успешно защищенная 25 марта 1987 г. Рукопись диссертации хранится в архивном фонде института (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 397–398).

Кроме значительного блока документов Средне-Енисейской экспедиции в архиве ИИМК РАН представлены также отчетные материалы Н. А. Боковенко по его работам в составе Саянской экспедиции (2011–2013 гг.), отдельным разведкам в Калининградской (2005 г.) и Ленинградской (2007 г.) областях.

В фотоотделе архива ИИМК РАН собраны отпечатки и негативы, полученные в результате экспедиционной деятельности Н. А. Боковенко в разные годы. Сюда вошли снимки археологических

памятников и процесса их раскопок, фотографии сотрудников и экспедиционного быта, фотоальбомы с изображениями находок. Важную часть фотоматериалов ученого составляют фотодокументы к его публикациям, сделанные в лаборатории института. Но этим документальное наследие ученого не исчерпывается, полевая документация его раскопок также хранится в научно-отраслевом архиве ИА РАН.

**Материалы Н. А. Боковенко
в рукописном отделе**

Рукописи (Ф. 35. Оп. 2-Д)

1. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1986 г. (Д. 397). 251 л.

2. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Альбом иллюстраций. Л., 1986 г. (Д. 398). 119 л.

**Материалы полевых исследований
(Ф. 35. Оп. 1)**

**Аржанская экспедиция ЛОИА АН СССР
и ТНИИЯЛИ (рук. М. П. Грязнов)**

1974 г. *Раскопки кургана Аржан (Республика Тыва)*.

3. Грязнов М. П. Полевой отчет за 1973–1974 гг. (1973. Д. 3). 18 л.

4. Полевой дневник (с планами и рисунками находок). Вел студент-археолог Н. А. Боковенко (1974. Д. 6). 12 л.

5. Фото и чертежи раскопок 1974 г. (1974. Д. 4). 21 л.
**Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР
(рук. М. Н. Пшеницына)**

1975 г. *Разведки в зоне строительства Саянского алюминиевого завода и будущего г. Саяногорска; раскопки могильников Летник VI, Означенное VII (Бейский район Хакасской АО)*.

6. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1975. Д. 13). 35 л.

7. Полевой дневник: Летник VI (с планами и рисунками находок). Вел Н. А. Боковенко (1975. Д. 14. Л. 1–14).

8. Полевые чертежи (1975. Д. 15). 95 л.
**Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР
(рук. М. П. Грязнов)**

**Отдельная группа Курганного отряда
(рук. Н. А. Боковенко)**

1975 г. *Раскопки могильника Тепсей VII (Краснотуранский район Красноярского края)*.

9. Грязнов М. П. Полевой отчет (1975. Д. 49). 17 л.

10. Полевой дневник: Тепсей VII (с планами и рисунками находок). Вел Н. А. Боковенко (1975. Д. 14. Л. 15–34).

Тепсейский отряд⁵

1976 г. *Разведочное обследование песчаных выдувов в пункте Малиновый Лог; раскопки могильника Тепсей VII (Краснотуранский район Красноярского края)*.

11. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1976. Д. 61). 13 л.

12. Полевой дневник (с планами и рисунками находок). Вел Н. А. Боковенко (1976. Д. 72). 38 л.

13. Полевые чертежи (1976. Д. 62). 9 л.

14. Полевые чертежи (1976. Д. 192). 72 л.

Средне-Енисейская экспедиция ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН (с 1991 г.) (руководители: 1976 г. — М. П. Грязнов; 1977–1979 гг. — М. Н. Пшеницына; 1980–1983 гг. —

Н. Ф. Лисицын; 1984–1990 гг. — Д. Г. Савинов; 1991–2023 гг. — Н. А. Боковенко)

Новоселовский отряд

1977 г. *Разведки в зоне проектирования Новоселовской оросительной системы на левом берегу Красноярского водохранилища западнее пос. Новоселово, в районе поселков Толстый Мыс и Интиколь; раскопки могильников Тепсей III, IV, VII и Малиновый Лог (Краснотуранский район Красноярского края)*.

15. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1977. Д. 118). 27 л.

16. Полевой дневник: Тепсей III, IV, VII (с планами и рисунками находок). Вел Н. А. Боковенко (1977. Д. 119). 11 л.

17. Полевой дневник Тепсейской группы: Малиновый Лог. Вел П. Е. Митяев (1977. Д. 120). 31 л.

18. Полевые чертежи (1977. Д. 121). 21 л.

19. Полевые чертежи (1977. Д. 180). 5 л.

Баргузинский отряд

1978 г. *Разведки в зоне проектирования осушительно-оросительных систем: Кабанской (юго-восточное побережье оз. Байкал) и Курумканской (Баргузинская долина, северо-восточное побережье оз. Байкал) (Кабанский и Курумканский районы Бурятской АССР)*.

20. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1978. Д. 131). 16 л.

⁵ Руководителем этого и всех указанных ниже отрядов являлся Н. А. Боковенко.

21. Полевой дневник (со схематичными планами памятников). Вел Н. А. Боковенко (1978. Д. 132). 23 л.

2-й отряд

1980 г. Раскопки могильника Колок в зоне строительства Означенской оросительной системы (Бейский район Хакасской АО).

22. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1980. Д. 153). 30 л.

23. Полевой дневник (с планами и рисунками находок). Вел Н. А. Боковенко (1980. Д. 154). 43 л.

24. Полевые чертежи (1980. Д. 155). 31 л.

1-й отряд

1981 г. Раскопки могильников Медведка II и Уй в зоне строительства Означенской оросительной системы (Бейский район Хакасской АО).

25. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1981. Д. 154). 25 л.

26. Полевой дневник (с планами). Вел Н. А. Боковенко (1981. Д. 155). 28 л.

27. Полевые чертежи (1981. Д. 156). 21 л.

4-й отряд (Петроглифический)

1983 г. Выявление новых и фиксация уже известных петроглифических комплексов на юге Красноярского края (Новоселовский, Краснотуранский районы); в Хакасской АО (Орджоникидзевский, Богградский, Усть-Абаканский районы).

28. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1983. Д. 153). 27 л.

29. Полевой дневник (с планами и рисунками). Вел Н. А. Боковенко (1983. Д. 154). 27 л.

Усинский отряд

1984 г. Разведки в Усинской степной котловине, раскопки могильника Усть-Федоровка (Ермаковский район); раскопки могильника Красная Грива (Новоселовский район Красноярского края).

30. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1984. Д. 163). 19 л.

31. Полевой дневник. Вел Н. А. Боковенко (1984. Д. 164). 21 л.

32. Полевые чертежи (1984. Д. 165). 7 л.

3-й отряд

1985 г. Раскопки кургана «Дальний» в зоне строительства Означенской оросительной системы (Бейский район Хакасской АО); раскопки могильника Баданка IV в Усинской долине Западного Саяна (Ермаковский район Красноярского края).

33. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1985. Д. 124). 31 л.

34. Полевой дневник. Вел Н. А. Боковенко (1985. Д. 125). 26 л.

35. Полевые чертежи (1985. Д. 126). 28 л.

Усинский отряд

1986 г. Разведки в зоне проектируемой Иньской оросительной системы (Минусинский район); раскопки могильника Баданка IV в Усинской долине (Ермаковский район) Красноярского края.

36. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1986. Д. 161). 36 л.

37. Полевой дневник. Вел Н. А. Боковенко (1986. Д. 162). 199 л.

38. Полевые чертежи (1986. Д. 163). 36 л.

5-й отряд

1987 г. Раскопки могильника Есино XVI в зоне строительства Комсомольско-Есинской оросительной системы (Аскизский район Хакасской АО) и могильника Баданка IV в Усинской долине (Ермаковский район Красноярского края).

39. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1987. Д. 143). 30 л.

40. Полевой дневник. Вел Н. А. Боковенко (1987. Д. 144).

41. Полевые чертежи (1987. Д. 145). 14 л.

2-й отряд (Дорожный)

1988 г. Разведки в зоне строительства автодороги В. Аскиз — Кызлас; раскопки могильников Кызлас, Иптыг-Карасуг (Аскизский район Хакасской АО); раскопки могильников Баданка II, Баданка IV в Усинской долине (Ермаковский район Красноярского края).

42. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1988. Д. 125). 24 л.

43. Полевые чертежи (1988. Д. 126). 35 л.

Дорожный отряд

1989 г. Раскопки могильников Шаман-Гора в зоне строительства автодороги Копьево — Июс (Орджоникидзевский район Хакасской АО); Малиновый Лог (Краснотуранский район Красноярского края); могильника на р. Теплой (Ермаковский район Красноярского края).

44. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1989. Д. 107). 13 л.

45. Полевой дневник (с планами). Вел Н. А. Боковенко (1989. Д. 108). 32 л.

1990 г. Раскопки могильника у разъезда Туманный в зоне строительства автодороги с. Ербинское — раз. Туманный (Богградский район Хакасской АО).

46. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1990. Д. 98). 16 л.

47. Полевые чертежи (1990. Д. 99). 26 л.

1991 г. Раскопки могильника Июсский в зоне строительства автодороги Сарат — Кобяково (Орджоникидзевский район Республики Хакасия).

48. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1991. Д. 77). 25 л.
49. Полевые чертежи (1991. Д. 78). 34 л.
- 1-й отряд**
- 1993 г. Раскопки могильника Большая Ерба I в зоне строительства автодороги (Богградский район Республика Хакасия); раскопки могильника Теплая I в зоне строительства дороги (Ермаковский район Красноярского края).
50. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1993. Д. 51). 31 л.
- 1994 г. Раскопки могильников Казановка II–IV в зоне строительства автодороги Аскиз — Бирикчуль на участке Казановка — Югачи (Аскизский район Республики Хакасия).
51. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1994. Д. 46). 37 л.
- 1996 г. Раскопки могильников Хыстаглар, Югачи, Пригорск I, Сарала в зоне строительства автодороги Аскиз — Бирикчуль на участках Югачи — Бирикчуль (Аскизский район), в районе г. Пригорска (Усть-Абаканский район), Копьево — Сарала (Орджоникидзевский район); могильника Анчил чон (Аскизский район) Республики Хакасия.
52. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1996. Д. 32). 40 л.
53. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1996. Д. 34). 15 л.
- 1998 г. Раскопки могильника у с. Кирово в зоне строительства автодороги с. Алтай — с. Кирово — с. Новонисейка (Алтайский район); могильника Анчил чон (Аскизский район) Республики Хакасия.
54. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1998. Д. 32). 18 л.
- 1999 г. Разведки в зоне строительства автодороги обход г. Абакан (Алтайский район Республики Хакасия), автодороги в с. Таштывт (Таштывтский район); раскопки могильника Анчил чон (Аскизский район) Республики Хакасия.
55. Боковенко Н. А. Полевой отчет (1999. Д. 22). 17 л.
- 2000 г. Раскопки могильников Очуры I, Нумахыр в зоне строительства автодорог Кирово — Очуры (Алтайский район), у с. Ковыльное (Усть-Абаканский район); могильников Узун-Хыр (Пригорск II), Казановка I в зоне строительства автодороги Красноярск — Абакан у г. Пригорска (Усть-Абаканский район), у с. Казановка (Аскизский район) Республики Хакасия.
56. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2000. Д. 23). 14 л.
57. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2000. Д. 24). 23 л.
- 2002 г. Раскопки могильника Шалгинов 2 в зоне строительства автодороги Белый Яр — Куйбышево — Бея (Бейский район); могильника Анчил чон (Аскизский район) Республики Хакасия.
58. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2002. Д. 32). 26 л.
- 2006 г. Раскопки могильника Анчил чон (Аскизский район Республики Хакасия).
59. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2006. Д. 22). 12 л.
- 2008 г. Разведки в зоне строительства Эвенкийской ГЭС (р. Нижняя Тунгуска Красноярского края).
60. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2008. Д. 33). 67 л.
- 2010 г. Раскопки могильника Маяк 1 (Бейский район Республики Хакасия).
61. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2010. Д. 13). 63 л.
- 2013 г. Раскопки могильника Анчил чон (Аскизский район Республики Хакасия).
62. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2013. Д. 34). 30 л.
63. Боковенко Н. А. Акт о передаче и опись находок (2013. Д. 35). 2 л.
- Саянская экспедиция (рук. А. В. Поляков)**
Ермаковский отряд
- 2011 г. Раскопки могильника Маральское 2 (Ермаковский район Красноярского края).
64. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2011. Д. 19). 29 л.
- 2-й отряд**
- 2012 г. Раскопки поселения Черноусово 3 и могильника Маральское 2 в зоне строительства железной дороги Элегест — Кызыл — Курагино (Ермаковский район Красноярского края); могильника Анчил чон (Аскизский район Республики Хакасия).
65. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2012. Д. 36). 69 л.
66. Боковенко Н. А. Опись находок (2012. Д. 37). 199 л.
- 2013 г. Раскопки поселения Черноусово 3 и могильника Маральское 6 в зоне строительства железной дороги Элегест — Кызыл — Курагино (Ермаковский район Красноярского края).
67. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2013. Д. 23). 152 л.
68. Боковенко Н. А. Опись находок (2013. Д. 24). 92 л.
- Отдельные отряды**
новостроечной экспедиции ИИМК РАН
Калининградский разведывательный отряд
- 2005 г. Разведки в зоне строительства (г. Зеленоградск Калининградской области).

69. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2005. Д. 16). 34 л.

Ленинградский разведывательный отряд 2007 г. Разведки в зоне строительства станций мобильной связи (Волосовский, Тосненский, Выборгский, Гатчинский, Ломоносовский районы Ленинградской области).

70. Боковенко Н. А. Полевой отчет (2007. Д. 19). 13 л.

Акты о передаче находок

71. Акты № 111, 130, 131, 149 о передаче в Хакасский республиканский музей краеведения археологических коллекций Средне-Енисейской экспедиции 1977, 1978, 1981, 1988, 1991, 1998 гг. с коллекционными описями (2002. Д. 24). 14 л.

72. Акты № 5, 9, 42, 52 о передаче в Хакасский республиканский музей краеведения археологических коллекций Средне-Енисейской экспедиции 1988, 1990, 1992, 1996 гг. с коллекционными описями (2003. Д. 21). 20 л.

Материалы Н. А. Боковенко в фотоотделе

Персоналия

Отп.⁶ О.2652/35; нег. I 59005. 5-й отряд Саяно-Тувинской археологической экспедиции (СТЭАН). Тува, могильник Аргалыкты. Ю. И. Трифонов, руководитель отряда, стоит первый слева, Н. А. Боковенко стоит третий слева. Сн. экспедиции, 1965 г.

Материалы полевых исследований

Самостоятельные исследования Н. А. Боковенко начал в 1976 г., руководя Тепсейским отрядом Красноярской экспедиции, которую возглавлял М. П. Грязнов. К сожалению, в данное время только фотографии работ 1976, 1977 и 1983 гг. полностью обработаны и доступны для исследователей.

Отп. О.3172/104–167. Кол. 2794/204–256. Нег. — 53, отп. — 64. Материалы работ Тепсейского отряда 1976 г. Раскопки могильника Тепсей VII, курганы 2, 3; пункт Малиновый Лог: полевая работа, чертежи и находки. Сн. Н. А. Боковенко, 1976 г., ЛАФОКИ, 1977(?) г. Красноярская экспедиция, 1976 г.

Отп. О.3257/1–110. Кол. 2836/353–452. Нег. — 110, отп. — 110. Материалы работ Новоселовского отряда 1977 г. Исследование археологических памятников в районе Новоселовской ороситель-

ной системы Красноярского края: полевая работа, чертежи и находки. Сн. экспедиции, 1977 г., ЛАФОКИ, 1978 г. Средне-Енисейская экспедиция, 1977 г.

Отп. О.3605/83–100, О.3606/1–33. Кол. 3087/70–126. Нег. — 51, отп. — 51. Материалы работ Петроглифического отряда 1983 г. Исследование петроглифических памятников в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края; Орджоникидзевском, Боградском, Усть-Абаканском районах Хакасской АО. Сн. экспедиции, 1983 г. Средне-Енисейская экспедиция, 1983 г.

Также в фотоотделе НА имеются достаточно многочисленные материалы, которые не прошли до конца процесс научно-технической обработки. Это фотодокументы, представляющие полевые исследования Н. А. Боковенко в 1980–1981, 1984–1988 и 1990 гг. в составе Средне-Енисейской экспедиции. Более подробно о них можно будет рассказать после завершения обработки.

Материалы к работам

Отп. О.3297/1. Кол. 2860/1. Нег. — 1, отп. — 1. Иллюстрации к статье Н. А. Боковенко «Бронзовые котлы ранних кочевников в азиатских степях». Сн. лаборатории ЛОИА, 1978 г. (опубликовано: Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 42–52: ил.).

Отп. О.3297/2–4. Кол. 2860/2–4. Нег. — 3, отп. — 3. Иллюстрации к статье Н. А. Боковенко «Бронзовые котлы Северного Причерноморья». Сн. лаборатории ЛОИА, 1982 г.

Отп. О.3297/5–13. Кол. 2860/5–13. Нег. — 9, отп. — 9. Иллюстрации к статье (в соавторстве с Н. В. Леонтьевым) «Кавказские писаницы на р. Тубе». Сн. лаборатории ЛОИА, 1984 г. (опубликовано: Кавказская писаница на Тубе // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 82–88: ил.).

Отп. О.3297/14–16. Кол. 2860/14–16. Нег. — 3, отп. — 3. Иллюстрации к статье Н. А. Боковенко «Бронзовые скифские котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения типов)». Сн. лаборатории ЛОИА, 1984 г. (опубликовано: Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов) // Древние памятники Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1990. С. 166–174: ил.).

Отп. О.3099/18–20. Кол. 2321/130–132. Нег. — 3, отп. — 3. Иллюстрации к статье (совм. с В. Н. Седых и С. В. Красниенко) «Некоторые итоги изучения

⁶ Принятые в фотографическом отделе НА ИИМК РАН сокращения при шифровании: отп. — отпечаток; нег. — негатив; кол. — коллекция; сн. — снимок.

памятников тагарской культуры на юге Хакасии». териалам археологических работ на новострой-
Сн. лаборатории ЛОИА, 1986 г. (опубликовано: ках) / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1983.
Древние культуры Евразийских степей (по ма- С. 75–82: ил.).

N. A. Bokovenko's fieldwork in documents and photographs at the IIMK RAS archives

O. V. Grigoryeva, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva⁷

Keywords: N. A. Bokovenko, fieldwork, archival documents, archaeology of Siberia, IIMK RAS Middle Yenisei Archaeological Expedition.

The Scientific archive IIMK RAS own numerous documents concerning N. A. Bokovenko's field and scholarly studies over the period of 1970–2010. Field reports, diaries, drafts and photographs mirror his field activities. The principal corpus relates to the work of the Middle Yenisei Archaeological Expedition.

---

⁷Olga V. Grigoryeva, Natalya A. Lazarevskaya, Maria V. Medvedeva — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: sigrid@yandex.ru, lazarevskaya_n@mail.ru, marriyam@mail.ru.

Николай Анатольевич Боковенко — исследователь Тепсейского археологического микрорайона¹

О. С. Советова²

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности археолога Николая Анатольевича Боковенко и его вкладу в изучение Тепсейского микрорайона. Перечислены памятники, в раскопках которых он принимал участие, результаты его разведок по выявлению новых археологических объектов, приведены наблюдения исследователя за переработкой береговой линии.

Ключевые слова: Н. А. Боковенко, Тепсейский археологический микрорайон, Минусинская котловина, комплекс памятников под горой Тепсей, наскальное искусство.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-24-30

Профессиональная жизнь Николая Анатольевича Боковенко сложилась ярко и плодотворно. Несмотря на то что он принимал активное участие в более чем двадцати различных археологических экспедициях от Украины до Байкала, от Карелии до Казахстана и Ферганы, изучение Тепсейского археологического микрорайона является одной из ярких страниц в его археологической биографии. Исследования на Тепсее возглавлял его учитель и наставник Михаил Петрович Грязнов, который был научным руководителем его диссертации, защищенной в 1987 г.

Величественная двуглавая гора Тепсей возвышается на правом берегу р. Енисей у места впадения в него р. Тубы (Краснотуранский район Красноярского края). Об этой горе сложены легенды, она таит в себе множество тайн, некоторые из них связаны с археологическим наследием, а на горных возвышенностях установлены многочисленные обо, свидетельствующие о почитании этих мест до настоящего времени. Именно здесь, в зоне будущего Красноярского водохранилища, с 1964 по 1977 г. проводились археологические раскопки Красноярской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова при участии

тогда еще начинающих, а ныне известных археологов, среди которых был и Николай Анатольевич Боковенко — признанный ученый, а тогда — совсем молодой человек, которому не было и тридцати лет. Исследования Красноярской экспедиции включали поиск и учет археологических памятников, определение их хронологической принадлежности по данным внешнего осмотра, составление планов курганных могильников и т. д. Результаты деятельности экспедиции оказались чрезвычайно важными для развития археологии: было выявлено и исследовано не только огромное количество памятников всех известных периодов истории Южной Сибири, но разрабатывались и совершенствовались методические принципы археологических работ. М. П. Грязнов разделил всю долину Енисея, попадавшую в зону затопления, на отдельные микрорайоны, на которых исследовались стратиграфические и топографические связи памятников разных эпох, что позволило ему впоследствии выстроить периодизацию археологических культур Минусинской котловины (Грязнов, 1979. С. 5). Одним из таких микрорайонов стал Тепсейский, в котором всего за несколько лет работы Красноярской экспедиции на участке протяженностью в 1 км были обнаружены археологические памятники в 21 топографическом пункте (Тепсей I–XXI), раскопки велись в 19 из них. На территории этого микрорайона удалось проследить хронологическую последовательность и смену различных культур,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>).

² Кемеровский государственный университет; Кемерово, Россия; e-mail: olgasovetova@yandex.ru.
© Советова О. С., 2024

оставивших после себя поселения, разного типа погребения (склепы, курганы, грунтовые могильники), поминальники. Таким образом, был получен обширный материал для воссоздания многих неизвестных страниц истории народов Южной Сибири. Археологические раскопки, проводившиеся здесь, открыли десятки археологических памятников, многие из которых содержали уникальные находки, среди них немало нашедших достойное место в экспозиции Государственного Эрмитажа. К настоящему времени многие материалы введены в научный оборот. Уместно сказать о том, что многие из археологических объектов этого микрорайона были открыты и изучены при участии Н. А. Боковенко или им лично.

Чтобы оценить вклад ученого в исследования рассматриваемого микрорайона, выделим основные виды работ, которые производились Н. А. Боковенко.

1. *Участие в раскопках на разных археологических объектах Тепсей.* С 1975 по 1977 г. он участвовал в раскопках на объектах Тепсей III, VII и XI, XVI (*Грязнов и др.*, 1977. С. 198).

Тепсей III представлял собой компактную группу разновременных памятников, располагавшихся вдоль надпойменной террасы протяженностью 160 м и шириной 30 м (*Грязнов*, 1979. С. 9). Здесь были выявлены могилы подгорновского и тесинского этапов тагарской культуры, склепы, детские могилы и ямки с поминальными приношениями таштыкской культуры и могилы кыргызского времени (VI–XII вв.). Открыты и исследованы семь культурно-исторических периодов — от энеолита до раннего Средневековья. В 1977 г. в основном были продолжены раскопки таштыкского поминальника в пунктах Тепсей III и IV (*Боковенко*, 1978. С. 9–14). В настоящее время пункт Тепсей III полностью залит водой в летне-осеннее время, поверхностный слой земли смыт (*Грязнов и др.*, 1977. С. 198). Колебания воды в водохранилище в последние два года такие, что в весенний период обнажается большая прибрежная полоса водохранилища. Но даже тогда лишь изредка здесь встречается подъемный материал.

Во время исследований в микрорайоне был обнаружен частично сохранившийся так называемый поминальник таштыкской культуры: 28 ямок с поминальными приношениями. Его особенность заключалась в том, что в отличие от всех других известных памятников таштыкской культуры около ямок не было вертикально поставленных каменных столбов. В том же пункте открыто захоронение воина кыргызского времени (VI–VIII вв.) с верховым конем. Здесь были найдены железные нож и тесло, роговая накладка на лук, остатки

берестяного колчана с трехлопастными железными наконечниками стрел, части поясного набора, железные удила и стремяна, роговые подпружная пряжка и застежка (*Там же*. С. 198, 199).

Тепсей VII — это пункт в южной части увала на участке между Тепсеем IV и VIII, в основном с могилами подгорновского и тесинского этапов. В 1976–1977 г. Н. А. Боковенко участвовал в раскопках юго-западной оконечности увала. Там была вскрыта площадь около 600 кв. м с 62 могилами тесинского этапа, ограда афанасьевской культуры, два кургана подгорновского этапа (*Боковенко*, 1978. С. 12, 13). Во время раскопок были сделаны интересные стратиграфические наблюдения: прослежена связь археологических памятников с последовательными этапами формирования той части террасы, где они были расположены. В совокупности с наблюдениями в других пунктах эти результаты позволили получить дополнительные надежные основания для относительной хронологии памятников не только Тепсея, но и всего Среднего Енисея.

В 1977 г. были доисследованы еще три кургана, раскопки которых велись в 1976 г. В одном из курганов подгорновского времени обнаружены две могилы, одна из которых была перекрыта большой каменной плитой, расколота и сдвинутой при ограблении (*Боковенко, Митяев*, 1978. С. 210, 211). Могилы были разграблены еще в древности. В ямах сохранились остатки деревянных срубов в два венца, в одном — разбросанные кости женского скелета, во втором — мужской скелет. В заполнении обнаружили две бронзовые полусферические бляшки, бронзовую цилиндрическую пронизку, обложенную золотой фольгой, стекловидную бусину, обломки двух сосудов и кости овцы.

В могильнике тесинского этапа II–I вв. до н. э., к которому уже вплотную подступала прибойная волна, и его поверхность в результате образования Красноярского водохранилища стала выветриваться, была вскрыта площадь более 400 кв. м, на которой исследовали 43 могилы. Они небогаты находками (горшки, бусы, костяные булавки и подвески, железные ножи). При этом любопытно, что отдельно от других, на мысочке, была выявлена особая группа могил, расположенных тесно друг к другу, где погребения находились в глубоких ямах с подбоем, закрытым наклонно поставленными большими плитами. Могилы были ограблены. В женских часто присутствовала берестяная коробочка или туесок с туалетными принадлежностями. Из заметных находок — большая костяная булавка с эффектно оформленной головкой животного, решетчатая бронзовая бляха гуннского типа, ложечковидная

застежка с изображением головы сайги, а также и первая монетная находка в памятниках тагарской культуры. Было сделано предположение, что в этом могильнике обособленно хоронили представителей родовой знати (Грязнов, 1979. С. 12, 13).

Тепсей XI — это пункт на самой крайней северной части террасы, где расположен таштыкский могильник Тепсей III, а также обособленная группа могил кыргызского времени. В 1977 г. раскопки чаа-таса Тепсей XI завершились. Всего в этом пункте было раскопано 26 могил с 27 экземплярами находок (Худяков, 1978. С. 75). Обращает на себя внимание разнообразие погребальных обрядов в пределах одного могильника. Здесь были обнаружены каменные курганы типа чаа-тас с захоронением в них пепла одного-двух человек с кыргызскими вазами и большим количеством мяса от нескольких баранов; захоронения пепла одного-двух человек в треугольных и прямоугольных каменных ящиках; пепла человека в большом плоскодонном сосуде; в сосуде вне могилы и без инвентаря; подростков в сопровождении глиняных сосудов и костей нескольких баранов; младенцев без инвентаря (Грязнов, Худяков, 1979. С. 146–150). Чаа-тас Тепсей XI дал интересный материал, который позволил наметить возрастную дифференциацию в погребальном обряде кыргызов: по обряду труположения без возведения надмогильных сооружений были захоронены дети и подростки, по обряду трупосожжения под курганными насыпями — взрослые. Внутри каждой возрастной группы выявлены существенные различия в сопровождающем инвентаре. О социальной неоднородности кыргызского общества свидетельствует имущественная дифференциация обряда, причем с младенческого возраста. Демографические наблюдения свидетельствуют о высоком проценте детской смертности: большинство детей не доживало до года (Донских, Худяков, 1978. С. 226).

В 1976 г. были начаты работы на кургане-склепе Тепсей XVI. Тепсей XVI представлял собой одиночный тесинский курган-склеп с земляной насыпью диаметром 24 м и высотой около 1,5 м. В одной большой камере были захоронены на полу и на «полатах» около 30 человек. В склепе обнаружены моделированные глиной черепа, превращенные таким образом в «головы», схематично передающие черты лица умершего. Склеп в древности был ограблен, сохранились лишь пять глиняных кубков, сосуд баночной формы и немногочисленный сопроводительный материал. Раскопки проводила М. Н. Пшеницына, в них принимал участие и Н. А. Боковенко. Очевидно, что уже тогда им

были обнаружены некоторые рисунки на камнях кургана-склепа, к которым он вернется позднее.

В конце 1970-х гг., а затем в 1989 г. Н. А. Боковенко раскапывал афанасьевский могильник, расположенный под дюнами в 3 км ниже по течению от горы Тепсей, на высокой террасе в конце Малинового лога (Вадецкая и др., 2014. С. 176). Это место активно разрушалось сильными западными ветрами, поэтому постоянно обнажались новые участки древней погребенной почвы темно-коричневого цвета, резко отличающейся от светлого песка. Главный интерес к этому объекту был вызван вниманием к проблеме появления первых индоевропейцев в Южной Сибири. В результате проведенных работ выяснилось, что полученные данные вступают в противоречие с традиционным представлением о приходе афанасьевцев с далекого запада, где в это время в ямной культуре Северного Причерноморья многих архаичных черт афанасьевской культуры не наблюдается. Был сделан вывод, что, скорее всего, истоки этой общности надо искать на территории Центральной Азии (в широком понимании), а не в Европе.

2. *Проведение разведок.* Уже в 1976 г. Н. А. Боковенко осуществил археологические разведки в выделенном им пункте Тепсей, во время которых были проведены спасательные раскопки курганов 2 и 3, а также в пункте Малиновый лог, о котором говорилось выше, где до Н. А. Боковенко археологические работы не проводились (Боковенко, 1977. С. 1). В Малиновом логу были обследованы песчаные выдувы и собран различный археологический материал.

Н. А. Боковенко, не ставя перед собой задачи определения фактических рамок территории Тепсейского археологического микрорайона, тем не менее внес свою лепту в формирование представлений о его размерах. Он полагал, что «археологический микрорайон Тепсей представляет собой террасу, которая начинается у горы Тепсей и, имея у ее подножья ширину 15–20 м, затем постепенно увеличивается до километра. Эта терраса тянется вдоль берега Енисея на протяжении 15 км вплоть до горы Туран. На террасе зафиксированы разновременные археологические памятники, часть из которых сосредоточена у подножья горы Тепсей и представляют собой компактную группу в один км протяженностью» (Там же. С. 2).

В принципе соглашаясь с мнением исследователя о значительных масштабах этого микрорайона, следует отметить, что до сегодняшнего времени его границы точно не установлены, поскольку и Н. А. Боковенко, и другие исследователи не учитывали огромный массив наскальных изображений,

сосредоточенных не только на скалах самой горы и ее отрогах, но и на камнях тагарских курганов, то есть должна быть учтена и территория вокруг горы, включая устье р. Тубы, где при низком уровне воды обнажаются участки, на которых выявлены разновременные памятники. При этом, судя по наскальным изображениям, не исключено, что Туба не являлась границей, очерчивающей Тепсейский микрорайон. Разнообразные памятники расположены также близ деревни Листвягово. Поэтому вопрос о границах Тепсейского археологического микрорайона остается открытым.

3. *Надзор за переработкой берегов Красноярского водохранилища и проблема спасения культурного наследия.* Исследованиями Н. А. Боковенко было определено, что под горой Тепсей остались нераскопанными многочисленные археологические объекты, в том числе поселения (помимо известных уже афанасьевского, карасукского и таштыкского) эпохи бронзы и Средневековья. Причем располагались они в нескольких сотнях метров от могильников разных эпох. Из этих наблюдений можно сделать вывод, что на протяжении не одной тысячи лет на территории Тепсейского микрорайона жили представители разных культур, строившие жилища и хоронившие своих умерших на кладбищах, находящихся неподалеку от этих поселений, пасли скот, совершали обряды, воевали. К сожалению, многие из этих страниц истории уже никогда не смогут быть восстановлены. Теперь уже совершенно очевидно, что водохранилище оказывает деструктивное влияние не только на многочисленные археологические объекты, скрытые землей, но и на «открытый тип памятников» — наскальные рисунки.

В 1994 г. I отряд Среднеенисейской археологической экспедиции ИИМК РАН в соответствии с программой «Спасение культурного наследия» Министерства культуры РФ проводил работы на правом берегу Красноярского водохранилища в Минусинском и Краснотуранском районах Красноярского края, целью которых стал анализ современного состояния древних памятников, их сохранности и оценка возможности проведения спасательных наземных и подводных исследований с применением сложной техники. Н. А. Боковенко отмечал, что подводные работы планировались совместно с итальянским подводным «Археоклубом», но из-за отсутствия необходимого финансирования они проведены не были (Боковенко, 1995б. С. 48).

В Тепсейском археологическом микрорайоне I отрядом Среднеенисейской археологической экспедиции ИИМК РАН были зафиксированы

Рис. 1. Место раскопок таштыкского склепа Тепсей III (по М. П. Грязнову) в 1994 г. (Боковенко, 1995а)

Fig. 1. Location of excavations at the Tashtyk vault Tepsey III (after M. P. Gryaznov) in 1994 (Боковенко, 1995а)

многочисленные местонахождения археологического материала и разрушенные погребальные комплексы. Руководитель отряда Н. А. Боковенко присвоил каждому нововыявленному объекту номер: Тепсей I–VIII, Малиновый лог I–VI, при этом новая индексация не совпадала с индексацией М. П. Грязнова. Был выявлен пункт, на месте которого проходили раскопки в 1964–1978 гг. Н. А. Боковенко он был обозначен как «Тепсей I». В момент проведения обследования было зафиксировано, что практически все остатки раскопанных каменных сооружений нивелированы, почва вымыта водами водохранилища до скальных пород и местоположение, например, каменных сооружений раскопанного таштыкского склепа Тепсей III (по М. П. Грязнову) определялось лишь по скоплению обожженных плит в виде горки (рис. 1). Кое-где среди камней были встречены отдельные человеческие кости и фрагменты таштыкских сосудов. Поскольку весь грунт почти полностью был смыт до скалы, Н. А. Боковенко сделал вывод, что археологические памятники на момент проведения исследований практически уничтожены водой (Боковенко, 1995а. С. 5).

В районе пункта Тепсей VII (по М. П. Грязнову) зафиксированы обнажения древней погребенной почвы (5 × 8 м), а в обрыве — разрушающееся перекрытие грунтовой могилы, несколько фрагментов керамики. Это местонахождение было названо «Тепсей II». Исследователь отмечал, что обрывистый слабый песчаный берег после полного заполнения водохранилища подвергается сильному разрушению прибойными волнами (рис. 2).

Напротив оврага, выходящего к тесинскому склепу Тепсей XVI, было обнаружено еще одно местонахождение (Тепсей III), представляющее собой обнажения древней погребенной почвы на участке 6 × 8 м, где обнаружены два фрагмента керамики эпохи бронзы и мелкие перемолотые

Рис. 2. Результат изменения береговой линии. Местонахождения Тепсей II и Тепсей III (по Н. А. Боковенко). 1994 г. (Боковенко, 1995а)

Fig. 2. Changes of the river bank. The sites of Tepsey II and III (after N. A. Bokovenko). 1994 (Боковенко, 1995а)

фрагменты костей животных. Исследователи предположили, что данное местонахождение является остатками поселения эпохи бронзы (Боковенко, 1995а. С. 7). В пунктах Тепсей IV–VI обнаружены остатки поселений той же эпохи (II тыс. до н. э.), Средневековья (кыргызского времени), на нескольких участках определить культурную принадлежность не удалось.

Н. А. Боковенко были прослежены этапы разрушения археологических объектов: сначала смывается гумусный слой и грунт, который покрывал памятник и тем самым защищал его от воздействий внешней среды (прежде всего от ветровой эрозии), затем следует обнажение каменных и деревянных конструкций оград и покрытий могил. И, наконец, из-за прибойной волны происходит уничтожение самих могил (Боковенко, 1995б. С. 51). Отметим, что разведки проводились в 1994 г. — около 30 лет назад, на участке, расположенном в непосредственной близости от воды, и в настоящее время, очевидно, большая часть обнаруженных ранее объектов уже навсегда утрачена.

Археологические работы последних лет дают надежду на то, что под водой еще есть не полностью разрушенные археологические объекты, обнажающиеся исключительно редко — в периоды максимально низкого уровня воды в водохранилище. Так, в мае 2021 г. кемеровскими археологами было открыто средневековое поселение.

4. *Изучение объектов наскального искусства.* В отчете Н. А. Боковенко за 1976 г. отмечается, что при спасательных раскопках тагарских курганов в пункте Тепсей VII было обращено внимание на петроглифы, нанесенные на угловые камни ограды. Исследователь высказал предположение,

что эти рисунки были нанесены еще в древности. Он обратил внимание на стилизованные изображения людей, круги, непонятные фигуры, выполненные в разной технике, а также на наличие палимпсестов (Боковенко, 1977. С. 3). Следует отметить, что из перечисленных исследователем камней в настоящее время сохранились лишь несколько, в частности, камень с изображением тамги; какие-то из камней, очевидно, упали и скатились по склону вследствие обрушения надпойменной террасы.

В 1983 г. на территории Тепсейского археологического микрорайона Н. А. Боковенко работал с Петроглифическим отрядом Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР. Целью этих работ было обследование памятников Новоселовского и Краснотуранского районов Красноярского края, Хакасской АО. В его отчете описаны материалы Тепсея III (таштыкского склепа 2), петроглифы Волчьего Лога, Тепсея III (петроглифического), Тепсея XVI (тесинского склепа), Усть-Туба (Боковенко, 1984. С. 17). Отряд производил фотофиксацию изображений, их эстампирование и прорисовку на полиэтилен и целлофан.

В 1983 г. Н. А. Боковенко и Н. В. Леонтьевым обследованы комплексы Тепсей, Волчий Лог, Усть-Туба, где были обнаружены новые изображения разных эпох. Особое внимание уделялось уточнению хронологии перекрывающих друг друга рисунков, то есть изучению палимпсестов (Боковенко, Леонтьев, 1985. С. 192). В том же году были обследованы рисунки на камнях тесинского кургана-склепа Тепсей XVI, среди которых — изображения коней на отдельно лежащей плите, в древности стоявшей вертикально в конструкции ограды и маркировавшей вход. На одной из плит конструкции было выявлено гравированное изображение птицы, по мнению исследователя — «отлетающей души» (Наскальные..., 2007. С. 78).

Большой удачей было обнаружение в перекрытии таштыкского склепа Тепсей III небольшой плитки с изображением всадника (рис. 3). В 1987 г. вышла статья «К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников», в которой Н. А. Боковенко усомнился в датировке целой группы всадников, соотнесенных Я. А. Шером с тюркским временем (Боковенко, 1987. С. 75), ссылаясь на это изображение с плитки. Исследователь отметил, что полевые наблюдения последних лет, а также всесторонний анализ «тюркских» изображений всадников и сюжетов, связанных с ними, позволяют отнести их к более раннему времени — скифо-тагарскому. В дискуссию по датированию этой группы всадников с Усть-Тубы,

Льнищенской и Потрошиловской писаниц позднее включились О. С. Советова (2005), Е. А. Миклашевич (2012) и другие исследователи.

Изучение рисунков Волчьего лога, юго-западного склона горы и Широкого лога, проведенные Петроглифическим отрядом Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР позволило выявить немало отдельных образов, а также больших многофигурных композиций эпохи бронзы, тагарского времени, таштыкской эпохи. Среди самых заметных находок отряда — сцена с «великанами»: пункт обозначен как «Тепсей III. Петроглифический», у кемеровских археологов это Тепсей V (Советова, 1987); на Усть-Тубе в Широком логу зафиксировано несколько интересных сцен со всадниками, конями; в пункте Усть-Туба V (по Я. А. Шеру) (Шер, 1980) — сцена охоты гравированных таштыкских лучников на кабанов, выполненных в технике выбивки в предшествующую тагарскую эпоху, и др. (Боковенко, 1984. С. 41–43, рис. 59–64). Поскольку исследования были проведены около 40 лет назад, сейчас полученные материалы могут использоваться для проведения мониторинга состояния этих петроглифов. К сожалению, выявленные отрядом Н. А. Боковенко рисунки до настоящего времени полностью не введены в научный оборот, за исключением отдельных композиций (Боковенко, 1984; 1987. С. 76–78, рис. 2, 3; 3, 1; 4).

Отмеченные эпизоды научной деятельности Николая Анатольевича Боковенко только в одном археологическом микрорайоне (1970–1990-е гг.) характеризуют его как разностороннего археолога, в поле зрения которого оказывались памятники, относившиеся к разным периодам истории Минусинского края, участвовавшего в раскопках разнотипных и разновременных археологических объектов в составе Красноярской археологической экспедиции, а затем проводивших их в качестве руководителя отрядов Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР. Очевидно, не «отпускало» это удивительно притягательное в археологическом отношении место: не оставляло равнодушным заполнение лога водохранилища, подъем уровня воды. Вода буквально наступала

Рис. 3. Изображение всадника с плитки из перекрытия таштыкского склепа Тепсей III (по М. П. Грязнову). 1983 г. (Боковенко, 1984)

Fig. 3. Figure of a horseman on a tile from the roof of the Tashtyk vault Tepsey III (after M. P. Grayaznov). 1983 (Боковенко, 1984)

на места раскопок и заливала уникальные памятники, которые изредка путем героических усилий удавалось изучить до этого момента. В разные годы он проводил обширные разведки территории, выявляя все новые и новые памятники, которые не удалось своевременно раскопать, проводил наблюдения за изменениями береговой линии и констатировал обрушение многих участков, на которых были погребения и поселения, иные археологические объекты. Впоследствии он попытался создать программу, связанную с подводной археологией, которая из-за отсутствия финансирования не была реализована. Им были проанализированы этапы уничтожения памятников археологии в связи с созданием Красноярского водохранилища, что привело его к неутешительным выводам: многие из них утрачены навсегда. Исследования наскальных рисунков, к сожалению, не завершились их полной публикацией, за исключением отдельных сцен, но сегодня благодаря сохранившимся фотографиям есть возможность проведения мониторинга состояния ряда наскальных композиций.

Боковенко, 1977 — Боковенко Н. А. Отчет о разведочных работах в Краснотуранском районе Красноярского края в 1976 году // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 6111. 1977. 32 л.

Боковенко, 1978 — Боковенко Н. А. Отчет о работах Новоселовского отряда в 1977 году // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 6821. 1978. 46 л.

Боковенко, 1984 — Боковенко Н. А. Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском

районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году // НОА ИА РАН. 1984. Ф. 1. Р. 1. № 18036. 192 л.

Боковенко, 1987 — Боковенко Н. А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Мартынов, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–80.

Боковенко, 1995а — Боковенко Н. А. Отчет об археологических разведках в зоне Красноярского

- водохранилища в 1994 году // НОА ИА РАН. 1995. Р. 1. № 18036. 93 л.
- Боковенко, 19956 — Боковенко Н. А. Перспективы развития подводной археологии на Красноярском водохранилище в Сибири // Проблемы изучения подводной археологии. Вып. II / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК, 1995 (Археологические изыскания; Вып. 21). С. 48–52.
- Боковенко, Леонтьев, 1985 — Боковенко Н. А., Леонтьев Н. В. Обследование петроглифов на юге Красноярского края // АО 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 192.
- Боковенко, Митяев, 1978 — Боковенко Н. А., Митяев П. Е. Обследование памятников в Красноярском крае // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 210–211.
- Вадецкая и др., 2014 — Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Грязнов, 1979 — Грязнов М. П. Пункты раскопок // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 7–20.
- Грязнов, Худяков, 1979 — Грязнов М. П., Худяков Ю. С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.
- Грязнов и др., 1977 — Грязнов М. П., Худяков Ю. С., Боковенко Н. А. Раскопки у горы Тепсей // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 198–200.
- Донских, Худяков, 1978 — Донских О. А., Худяков Ю. С. Раскопки чаа-гаса Тепсей XI // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 226.
- Миклашевич, 2012 — Миклашевич Е. А. Лынищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха: Сб. ст. / Сост. Е. А. Миклашевич. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012 (Труды САИПИ; Вып. X). С. 28–56.
- Наскальные..., 2007 — Наскальные изображения Центральной Азии. Фонд истории Северо-Восточной Азии / Сост. Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Боковенко Н. А., Килуновская М. Е. Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии, 2007. 355 с. (на рус. и кор. яз.).
- Советова, 1987 — Советова О. С. Сюжет с великанами на скалах Тепсея // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 173–176.
- Советова, 2005 — Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 140 с.
- Худяков, 1978 — Худяков Ю. С. Отчет о работе 3-го отряда Средне-Енисейской археологической экспедиции в полевом сезоне 1977 г. // НА ИА РАН. 1978. Ф. 1. Р. 1. № 6718.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Nikolai Anatolyevich Bokovenko and his excavations in the Tepsey archaeological microregion

O. S. Sovetova³

Keywords: N. A. Bokovenko, Tepsey archaeological microdistrict, Minusinsk Basin, complex under Mount Tepsey, rock art.

The article focuses on Nikolai Bokovenko's contribution to the study of the Tepsey archaeological microregion in the Krasnoturansk District of the Krasnoyarsk Territory, specifically on his field studies in the 1970s –1990s. In this area, over 13 years, the Krasnoyarsk Archaeological Expedition carried out salvage excavations in the zone of the Krasnoyarsk reservoir construction. At first N. A. Bokovenko worked under the supervision of his mentor, M. P. Gryaznov, and later he himself headed the Middle Yenisei Expeditions from the Institute of Archaeology in Leningrad. Sites of various types, relating to different periods, were excavated and surveyed, and efforts aimed at preserving the cultural legacy of the region were undertaken. In various years, Bokovenko carried out extensive work in the Tepsey microregion, revealing unexplored sites, monitoring the river's edge and registering the collapse of many areas with archaeological remains. Another research area was rock art. Bokovenko initiated a discussion around the age of a group of petroglyphs representing horsemen, challenging the view that they were medieval. In various parts of the microregion, new petroglyphs and entire unique compositions were discovered. Regrettably, only separate scenes were published, but at present, thanks to preserved photographs, a chance remains to monitor the condition of these works of rock art.

³ Olga S. Sovetova — Kemerovo State University; Kemerovo, Russia; e-mail: olgasovetova@yandex.ru.

Список печатных работ Н. А. Боковенко

Составитель Л. М. Всевиов¹

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-31-39

- 1977**
Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград, 1976) // СА. № 3. С. 313–321 (в соавторстве с В. А. Алёксиным).
- Раскопки у горы Тепсей // АО. 1976. С. 198–200 (в соавторстве с М. П. Грязновым, Ю. С. Худяковым).
- Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. № 4. С. 229–235: ил.
- 1978**
Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» // КСИА. Вып. 154. С. 3–9 (в соавторстве с В. М. Массоном, В. А. Алёксиным).
- Обследование памятников в Красноярском крае // АО. 1978. С. 210–211 (в соавторстве с П. Е. Митяевым).
- 1979**
Ранние формы скифо-сибирской узды // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 67–70.
- 1981**
Бронзовые котлы ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука. С. 42–52: ил.
- Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае (к проблеме цикличности инноваций) // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Материалы методологического семинара ЛОИА / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряк. Л.: Наука. С. 55–57.
- Исследование могильника Колок // АО. 1980. С. 167–168.
- Ранние кочевники по археологическим и этнографическим данным // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / Ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Томского ГУ. С. 50–53.
- 1983**
Исследование курганов в Хакасии // АО. 1981. С. 187–188.
- Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры евразийских степей: по материалам археологических работ на новостройках / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 75–81: ил. (в соавторстве с В. Н. Седых, С. В. Красниенко).
- О достоверности радиоуглеродных дат на образцах деградированной древесины // Методы изотопной геологии: Тез. докл. Всесоюз. школы-семинара / Отв. ред. Ю. А. Шуколюков. М.: Институт геохимии и аналитической химии. С. 147–148 (в соавторстве с Г. И. Зайцевой, Ю. Н. Марковым).
- 1984**
Енисейские всадники (к вопросу о хронологии некоторых петроглифов) // Скифо-сибирский мир: Тез. докл. 2-й археологической конф. (искусство и археология) / Отв. ред. Б. Н. Пяткин. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 18–20.
- 1985**
Исследования в Семипалатинской области // АО. 1983. С. 515–516: ил.
- Кавказская писаница на Тубе // КСИА. Вып. 184. С. 82–88: ил. (в соавторстве с Н. В. Леонтьевым).
- Новые археологические данные о заселении Баргузинской долины // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации: Тез. докл. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 30–31 (в соавторстве с И. В. Асеевым, Ю. С. Холюшкиным).
- Новые археологические памятники эпохи поздней бронзы в долине Иртыша // Там же. С. 65–66 (в соавторстве с З. С. Самашевым).
- Обследование петроглифов на юге Красноярского края // АО. 1983. С. 192.

¹ Библиотека Академии наук, филиал в ИИМК РАН; С.-Петербург, Россия.
© Всевиов Л. М., 2024

1986

Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая: по материалам конского снаряжения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 24 с.

Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. конф. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский ГУ. С. 46–48.

Работы на юге Красноярского края // АО. 1984. С. 167–168.

1987

К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Мартынов, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 75–80; ил.

Научный вклад М. П. Грязнова в скифо-сибирскую проблематику // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 1. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во Омского ГУ. С. 26–27.

Новые памятники раннескифского времени в Западных Саянах // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. конф. / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука. С. 46–47.

Некоторые аспекты развития культур ранних кочевников Сибири // Смены культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Томского ГУ. С. 94–96.

Раскопки курганов на юге Красноярского края // АО. 1985. С. 226–227.

1988

Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: по материалам раскопок 1980–1984 гг. / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 23–45; ил.

Работы Средне-Енисейской экспедиции // АО. 1986. С. 219–223 (в соавторстве с Н. Ю. Кузьминым, Г. Н. Курочкиным, П. Г. Павловым, Д. Г. Савиновым).

Царский курган Аржан: вопросы интерпретации // Историография и источники исторического опыта освоения Сибири. Вып. I. Досоветский период: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии РАН. С. 71–72.

Studija o skitskin bronastin kotin Severnega Prichernomoria // Klein L. S. Arheološka tipologija. Ljubljana: Studia Humanitatis. P. 395–404.

1989

К вопросу о восточных импульсах в раннескифской культуре Северного Причерноморья // Скифия и Боспор: археологические материалы к конф. памяти академика М. И. Ростовцева / Отв. ред. М. Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. С. 79–80.

Некоторые методические аспекты исследования археологических памятников в зонах новостроек юга Красноярского края // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: Тез. науч.-практ. семинара / Редкол. М. В. Александрова и др. М.: ИА АН СССР. С. 90–92.

1990

Археология: Методические материалы для студентов I курса по специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» / Ленинградский гос. ин-т культуры. Л. 6 с.

Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов) // Древние памятники Кубани: Материалы семинара / Ред. А. М. Ждановский, И. И. Марченко. Краснодар: Краснодарский краевой совет ВООПИК. С. 172–173.

1991

Новый археологический памятник Верхнего Прииртышья конца II – I тыс. до н. э. // Известия АН Казахской ССР. Серия: Общественные науки; № 2. С. 34–51; ил. (в соавторстве с А. С. Ермолаевой, З. С. Самашевым).

Этюд о скифских бронзовых котлах Северного Причерноморья // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: АН СССР; Ленинградский филиал центра науч.-тех. деятельности, исследований и социальных инициатив; Ленинградское научно-исслед. археологическое объединение. С. 256–263; ил., карт.

1992

К вопросу о сложении раннекочевнических культур Казахстана и Саяно-Алтая // Маргулановские чтения 1990. Ч. 1 / Отв. ред. З. С. Самашев. М.: ИА АН Казахской ССР. С. 136–138.

К проблеме происхождения всаднического погребального обряда Южной Сибири // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2 / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Омский ГУ. С. 99–100.

К проблеме реконструкции конских уборов скифской эпохи Южной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. докл. конф. к 90-летию М. П. Грязнова / Редкол. М. Н. Пшеницына и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 123–125.

Новые археологические открытия в Хакасии // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: Тез. докл. конф. / Отв. ред. В. М. Массон, В. С. Бочкарёв. СПб.: ИИМК РАН. С. 25–28 (в соавторстве с Н. Ю. Кузьминым, И. П. Лазаретовым).

Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов в Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН (Археология СССР). С. 151–160 (в соавторстве с М. Г. Мошковой, В. А. Могильниковым).

- Природные условия и хозяйственные зоны Западной и Южной Сибири // Там же. С. 150–151 (в соавторстве с М. Г. Мошковой).
- Ранние кочевники Восточного Казахстана // Там же. С. 140–148: карт. (в соавторстве с Ю. А. Заднепровским).
- 1993**
- Происхождение котлов «гуннского времени» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. Вып. 3. С. 73–88: ил., карт. (в соавторстве с И. П. Засецкой).
- Транссибирские трассы в системе культурной интеграции народов Евразии // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы конф. Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 172–176.
- 1994**
- Новые погребальные памятники скифской эпохи на Среднем Енисее и в Саянах // Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 28–34.
- Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху / Отв. ред. Ю. А. Алексеев. СПб.: ИИМК РАН. С. 41–48: ил.
- Le kourgane “royal” d’Arjan et son temps // Les dossiers d’Archéologie. No. 194. S. 30–37: il.
- South Siberian and Central Asian sources of Vedaic and Zoroastrian Traditions // Theme papers World Archaeological Congress-3. New Delhi (with D. A. Machinsky).
- The origin of hunnish cauldrons in East-Europe // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies / Ed. B. Genito. Napoli: Istituto Universitario Orientale. P. 701–724: il., map (with I. P. Zasetkaya).
- Tomb of Saka princes discovered in the Sayans, Siberia // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia / Ed. V. M. Masson. St. Petersburg. P. 48–53: il., map.
- 1995**
- Новые археологические исследования в Юго-Западной Хакасии // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия: Материалы к пленуму ИИМК / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 37–39.
- Новые памятники аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН. С. 85–90: ил.
- Новые петроглифы личин окуневского типа в Центральной Азии // Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докл. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН. С. 32–37.
- Новые погребальные памятники начала I тысячелетия до н. э. на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН. С. 76–84: ил.
- Перспективы развития подводной археологии на Красноярском водохранилище в Сибири // Изучение памятников морской археологии: Сб. ст. Вып. 2. С. 48–54: карт.
- History of studies and the main problems in the archaeology of Southern Siberia during the Scythian period // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age / Ed. J. Davis-Kimbal. Berkeley: Zinat Press. P. 255–261.
- Les problemes de chronologie et d’interpretation des petroglyphes des nomads anciens d’Asie Centrale // Petroglyphes d’Asie Centrale. Paris. S. 6.
- Scythian culture in the Altai Mountains // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age / Ed. J. Davis-Kimball. Berkeley: Zinat Press. P. 285–297: il., map.
- The Tagar culture in the Minusinsk Basin // Ibid. P. 301–314: il.
- Tuva during the Scythian Period // Ibid. P. 265–281: il., map.
- 1996**
- Археология // Археология. Этнография: Программа [курса для студентов Ленинградского гос. ин-та культуры]. СПб. С. 10–19.
- Новые радиоуглеродные даты археологических памятников кочевников степной зоны Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология: Сб. ст. Вып. 1 / Редкол. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза (Археологические изыскания; Вып. 37). С. 65–67: ил. (в соавторстве с Г. И. Зайцевой, А. А. Семеновым, Г. Герсдорфом, А. Наглером, К. В. Чугуновым).
- Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы междунар. конф. / Редкол. Ю. А. Алексеев и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 39–42: ил.
- Программа учебной практики для II курса по специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» // Практика [студентов Ленинградского гос. ин-та культуры]. СПб. С. 12–14.
- Asian influence on European Scythia // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden. Vol. 3, no. 1. P. 97–123: il.
- 1997**
- Археологические исследования в Хакасии // АО. 1996. С. 302–304: ил. (в соавторстве с Ю. А. Смирновым, Л. А. Соколовой).
- Вопросы хронологии памятников кочевников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология: Сб. ст. Вып. 2 / Редкол. Г. И. Зайцева и др. СПб.: Теза (Археологические изыскания; Вып. 37). С. 86–93: ил., карт. (в соавторстве с А. А. Семеновым, Г. И. Зайцевой, Й. Герсдорфом, Г. Парцигером, А. Наглером, К. В. Чугуновым, Л. М. Лебедевой).
- Новый тип погребальных комплексов карасукской культуры // Новые исследования археологов

- России и СНГ: Материалы пленума ИИМК / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 29–31.
- Шаманские символы и образы в наскальном искусстве (из фондов Хакасского республиканского музея-заповедника) // Традиционное мировоззрение хакасов: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Г. Г. Катажков. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ. С. 45–48 (в соавторстве с Л. В. Ереминым, В. К. Кулимеевой).
- On the question of the chronology of the burial finds from Scythian period in Southern Siberia and Central Asia // 16th Radiocarbon Intern. conf.: Book and abstracts. Groningen. P. 170 (with A. Yu. Alekseev, Yu. Boltrik, K. A. Chugunov, G. Cook, V. A. Dergachev, N. Kovalyukh, G. Possnert, J. van der Plicht, M. Scott, A. A. Sementsov, V. Skripkin, S. S. Vasiliev, G. I. Zaitseva).
- The problems of the origins of pastoral nomadism and horse riding (example from Central Asia) // The visibility of nomads and herders across the archaeological record. Ravenna. P. 51–52.
- 1998**
- Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. СПб.: Хакасское отделение ВООПИК. 94 с.: ил., карт. (Раскопки на дорогах Хакасии; Вып. 2; Археологические изыскания; Вып. 59) (в соавторстве с Ю. А. Смирновым).
- Воинский комплекс сакской эпохи из Восточного Казахстана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс. С. 149–150: ил. (в соавторстве с Ю. И. Трифионовым).
- Наскальное искусство скифской эпохи // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тез. докл. / Ред. Я. А. Шер. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 86–87.
- Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Snaryazhenie verkhovogo konia na Altae v ranнем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю. Ф. Кирышин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ. С. 50–55: ил.
- Тема солнца и креста в окуневском искусстве // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тез. докл. / Ред. Я. А. Шер. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 32–33.
- Chronology of the burial finds from Scythian period in Southern Siberia and Central Asia // Radiocarbon. Vol. 40, no. 2. P. 713–720 (with A. A. Sementsov, G. I. Zaitseva, J. Gorsdorf, A. Nagler, H. Parzinger, K. V. Chugunov, L. M. Lebedeva).
- Some questions on the radiocarbon chronology of the Scythian time monuments in the Central Asian steppe zone of Russia (Southern Siberia and Tuva Republic) // Actes du colloque "C14 archaeologie". Lion. P. 311–314 (with G. I. Zaitseva, A. A. Sementsov, G. Possnert, K. V. Chugunov).
- 1999**
- Бронзовые китайские зеркала из собрания ОГИК музея // Известия Омского гос. историко-краеведческого музея. № 7. С. 47–55: ил. (в соавторстве с Е. М. Данченко, Е. И. Лубо-Лесниченко, А. В. Матвеевым).
- Исследования в Республике Хакасия // АО. 1997. С. 285–287: ил. (в соавторстве с И. П. Лазаретовым, Ю. А. Смирновым).
- Новые памятники радиальной конструкции эпохи поздней бронзы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Азии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: Материалы конф. / Редкол. Д. Г. Зданович и др. Челябинск; Аркаим: Челябинский ГУ. С. 175–178.
- Происхождение всадничества и этапы развития верховой сбруи у древних nomadов Центральной Азии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы междунар. конф. / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Европейский дом (Археологические изыскания; Вып. 61). С. 108–110.
- 2000**
- Геоинформационная система по археологическим памятникам Хакасии // Геоинформатика-2000: Труды Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. И. Рюмкина и др. Томск: Изд-во Томского ГУ. С. 352–355 (в соавторстве с В. П. Балахчиным, И. А. Грачевым, А. И. Рюмкиным, В. В. Шандровским).
- К вопросу об астрономических ритуальных центрах Центральной Азии (II–I тыс. до н. э.) // JENAM. Associated Symposium Astronomy of Ancient Civilizations. M. С. 27–28. На рус., англ.
- Новые памятники наскального искусства скифской эпохи на Енисее // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сб. ст. к 60-летию М. Л. Подольского / Ред. А. Никитин и др. СПб.: СПб. фонд «Мир книги». С. 11–19.
- Солярная символика и крест в окуневской культуре // Труды Междунар. конф. по первобытному искусству. Т. 2 / Отв. ред. Я. А. Шер. Кемерово: Кемеровский ГУ. С. 56–59.
- Das karasukzeitliche Gräberfeld Ančil Čon in Chakassien // Eurasia antique. Berlin. Bd. 6. S. 209–248: il. (with S. Legran).
- Malinovyj Log: Ein Gräberfeld der Afanaševu Kultur // Eurasia antique. Berlin. Bd. 6. S. 13–33: il.
- The origins of horse ridding and the development of ancient Central Asian nomadic ridding harnesses // BAR. Intern. series. No. 890. P. 304–310: il.
- 2001**
- Археологическая и радиоуглеродная хронология памятников скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала / Отв. ред. Н. Л. Моргунова // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл.

- Международ. науч. конф. Оренбург: Оренбургская губерния. С. 130–132 (в соавторстве с Г. И. Зайцевой, А. Ю. Алексеевым, С. С. Васильевым, В. А. Дергачевым, Г. Куком, Л. М. Лебедевой, ван дер Плихтом, Г. Посснертом, А. А. Семенцовым, К. В. Чугуновым).
- Символика элитных воинских захоронений номадов Центральной Азии в I тыс. до н. э. / Отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов // Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов, посвящ. 60-летию Д. Г. Савинова. СПб.: Филол. Фак-т СПбГУ. С. 137–143: ил.
- A chronology of the Scythian antiquities of Eurasia (based on new archaeological and ¹⁴C data) // Radiocarbon. Vol. 42, no. 2. P. 1085–1109 (with A. Yu. Alekseev, Yu. Boltrik, K. A. Chugunov, G. Cook, V. A. Dergachev, N. Kovalyukh, G. Possnert, J. van der Plicht, E. M. Scott, A. Sementsov, V. Skripkin, S. Vasiliev, G. Zaitseva).
- Tree-rings, “wiggle matching” and statistics in the chronological study of Scythian age in Asia // Geochronometry. No. 20. P. 61–69.
- 2002**
- К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье: к 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. II / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 19–22 (в соавторстве с Г. И. Зайцевой, Б. ван Гилом, Л. М. Лебедевой, А. А. Семенцовым).
- Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Там же. С. 19–23: портр. (в соавторстве с М. Н. Пшеницыной).
- Some problems in the study of the chronology of the ancient nomads cultures (9th–8th centuries DC) // Geochronometry. No. 21. P. 143–149 (with A. Yu. Alekseev, Yu. Boltrik, K. A. Chugunov, G. Cook, V. A. Dergachev, N. Kovalyukh, G. Possnert, J. Van Der Plicht, E. M. Scott, A. Sementsov, V. Skripkin, S. Vasiliev, G. Zaitseva).
- Tagar kultürü // Türkler. No. 1. С. 518–525.
- 2003**
- Грязнов Михаил Петрович // Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур Центральной Азии и Кавказа / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН; Европейский дом. С. 13.
- Михаил Петрович Грязнов. 1902–1984: к 100-летию со дня рождения // АВ. Вып. 10. С. 374–379.
- Развитие археологических культур и климатические изменения в евразийских степях Южной Сибири в голоцене (Минусинская котловина) // Чтения, посв. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Гос. Историческом музее. Ч. 1 / Отв. ред. Н. И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 185–187 (в соавторстве с М. А. Кульковой, Б. ван Гилом, В. А. Дергачевым, В. Г. Дирксен, Г. И. Зайцевой).
- Руденко Сергей Иванович // Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 22.
- Climatic changes during the Holocene in the Eurasian steppe of Southern Siberia (Minusinsk and Uyuk hollows) and the Development of archaeological cultures // Geophysical Research Abstracts European Geophysical Societe. Vol. 5. P. 27–38 (with V. A. Dergachev, B. van Geel, V. G. Dirksen, M. A. Koulkova, J. van der Plicht, G. I. Zaitseva).
- 2004**
- Международная научная конференция «Степи Евразии в древности и средневековье» // РА. № 2. С. 183–188 (в соавторстве с М. Н. Пшеницыной).
- Писаница Хызыл-Хая — обретенная и потерянная // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию А. А. Формозова / Отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 389–395: ил.
- Хронология памятников номадов раннескифского времени Южной Сибири и Центральной Азии // Kimmewrowie. Scytowie. Sarmaci / Red. J. Chochorowski. Krakow: Uniwersytet Jagieellonski; Institut archeologii. P. 53–69: il.
- Chronology and possible links between climatic and cultural change during the first millennium BS in Southern Siberia and Central Asia // Radiocarbon. Vol. 46, no. 2. P. 259–277 (with G. I. Zaitseva, B. van Geel, K. V. Chugunov, V. A. Dergachev, V. G. Dirksen, M. A. Koulkova, A. Nagler, G. Parzinger, J. der Plicht, N. D. Bourova, L. M. Lebedeva).
- Climate change and the expansion of the Scythian culture after 850 BC: a hypothesis // Journal of archaeological Science. Vol. XXXI, no. 12. P. 1735–1742 (with B. van Geel, N. D. Burova, K. V. Chugunov, V. A. Dergachev, V. G. Dirksen, M. Kulkova, A. Nagler, H. Parzinger, J. van der Plicht, S. S. Vasiliev, G. I. Zaitseva).
- Migrations of early nomads of the Eurasian steppe in a context of climatic changes // Impact of the environment on human migration in Eurasia / Ed. E. M. Scott, A. Yu. Alekseev, G. I. Zaitseva. London: Kluwer Academic Publishers. P. 21–33: il.
- The sun, climate change and the expansion of the Scythian culture after 850 BC // Impact of the environment on human migration in Eurasia / Ed. E. M. Scott, A. Yu. Alekseev, G. I. Zaitseva. London: Kluwer Academic Publishers. P. 151–158 (with B. van Geel, N. D. Burova, K. V. Chugunov, V. A. Dergachev, V. G. Dirksen, M. Kulkova, A. Nagler, H. Parzinger, J. van der Plicht, S. S. Vasiliev, G. I. Zaitseva).
- 2005**
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглерод и археологическая хронология. СПб.: Теза. 290 с.: ил., карт. (в соавторстве с А. Ю. Алексеевым, С. С. Васильевым, В. А. Дергачевым, Г. И. Зайцевой, Н. Н. Ковалюхом, Г. Куком, Й. ван дер Плихтом, Г. Посснерт, А. А. Семенцовым, Е. М. Скотт, К. В. Чугуновым).
- Изотопы углерода, азота и стронция в костных остатках памятников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии (опыт определения мигрантов, сравнительного анализа диеты древнего населения) //

- Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: КГПУ. С. 91–94 (в соавторстве с К. И. Лоховым, Н. Г. Бережной, Д. И. Матуковым, И. Н. Капитоновым, Г. И. Зайцевой, К. В. Чугуновым, А. Ю. Алексеевым, М. Скотт, Й. ван дер Плихтом).
- Отражение этапов развития транспорта в наскальном искусстве Енисея // Мир наскального искусства / Отв. ред. Е. Г. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 37–40: ил.
- Развитие археологических культур и климатические изменения в Евразийских степях Южной Сибири в голоцене (Минусинская котловина) // II Городцовские чтения: Материалы науч. конф., посвя. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М. (Труды ГИМ; Вып. 145). С. 96–102: карт. (в соавторстве с В. А. Дергачёвым, В. Г. Дирксен, Г. И. Зайцевой, М. А. Кульковой, Б. ван Гилом, Й. ван дер Плихтом).
- Хронологические исследования памятников скифского времени Южной Сибири и Центральной Азии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: КГПУ. С. 79–81 (в соавторстве Г. И. Зайцевой, А. А. Семеновым, Л. М. Лебедевой, К. В. Чугуновым, А. Ю. Алексеевым, В. А. Дергачёвым, С. С. Васильевым, К. И. Лоховым, М. Скотт, Х. Юнгер, Й. ван дер Плихтом).
- Элементный и изотопный анализы металлических объектов памятников скифского времени Южной Сибири // Там же. С. 82–84 (в соавторстве с И. Н. Капитоновым, К. И. Лоховым, И. Г. Бережной, Д. И. Матуковым, Г. И. Зайцевой, К. В. Чугуновым, М. Скотт, Й. ван дер Плихтом).
- Chronological study of archaeological sites and environment change around 2600 BP in the Eurasian steppe belt (Uyuk valley, Tuva Republic) // Geochronometria. Vol. 24. P. 97–107: ил., map (with G. I. Zaitseva, K. V. Chugunov, V. A. Dergachev, V. G. Dirksen, B. van Geel, M. A. Koulikova, A. A. Sementsov, J. van der Plicht, E. M. Scott, S. S. Vasiliev, K. I. Lokhov, N. D. Bourova).
- Climate change and the sudden expansion of the Scythian culture after 850 BC // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Отв. ред. Г. Г. Король. Красноярск: КГПУ. С. 67–68 (with B. van Geel, N. D. Burova, K. V. Chugunov, V. A. Dergachev, V. G. Dirksen, M. Kulkova, A. Nagler, H. Parzinger, J. van der Plicht, S. S. Vasiliev, G. I. Zaitseva).
- The Strontium isotopes for the analyses of the bone to study the question of migration, environment of the ancient population // International Conference on Engineering Education. Vol. 2. Gliwice: Silesian University of Technology. P. 504–507 (with G. I. Zaitseva, K. I. Lokhov, N. G. Berezhanaja, I. N. Kapitonov, K. V. Chugunov, E. M. Scott).
- 2006**
- Изменение климата и растительности Южной Сибири в голоцене и динамика археологических культур // Современные проблемы археологии России: Материалы I Всероссийского археологического съезда. Т. 1 / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 198–200 (в соавторстве с В. Г. Дирксен, М. А. Кульковой, Б. ван Гилом, К. В. Чугуновым, А. А. Семеновым, Г. И. Зайцевой, Дж. Куком, Й. ван дер Плихтом, М. Скотт, Л. М. Лебедевой, Н. Д. Буровой).
- Комплексные изотопные исследования бронзовых изделий скифской эпохи из различных памятников Центральной Азии // Там же. Т. 2. С. 373–375 (в соавторстве с К. И. Лоховым, Н. Г. Бережной, Д. И. Матуковым, И. Н. Капитоновым, Г. И. Зайцевой, К. В. Чугуновым, Е. М. Скотт).
- Начало скифо-сакской эпохи в Центральной Азии: проблемы хронологии и культурной интерпретации // Там же. С. 3–4.
- Bronze Age to Iron Age in South Siberia: The emergency of the Tagar Culture // Antiquity. Vol. 80. P. 18–36.
- 2007**
- Изменения природной среды в голоцене и динамика археологических культур в горных котловинах Южной Сибири // С. 340–361: ил., карт. (в соавторстве с В. Г. Дирксен, Б. ван Гилом, К. В. Чугуновым, А. А. Семеновым, Г. И. Зайцевой, Г. Кук, Х. Ван дер Плихтом, Е. М. Скотт, М. А. Кульковой, Л. М. Лебедевой, Н. Д. Буровой).
- Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции // Там же. С. 263–273 (в соавторстве с К. И. Лоховым, Н. Г. Бережной, Д. И. Матуковым, Г. И. Зайцевой, К. В. Чугуновым, Е. М. Скотт).
- История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Там же. С. 251–263: ил. (в соавторстве с Г. И. Зайцевой, К. В. Чугуновым, А. Ю. Алексеевым, В. А. Дергачёвым, С. С. Васильевым, А. А. Семеновым, Г. Т. Кук, Е. М. Скотт, Х. ван дер Плихтом, М. А. Кульковой, Л. М. Лебедевой, Н. Д. Буровой, Х. Юнгер, Э. Соннинен).
- К вопросу о миграциях номадов Евразии в скифскую эпоху // Birinci Uluslararası Avrasya Arkeoloji. İzmir: Anadolu & Avrasya Enstitüsü. P. 32–34.
- Комплексные изотопные исследования бронзовых изделий скифской эпохи из различных памятников Центральной Азии // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях / Отв. ред. Г. И. Зайцева. М. А. Кулькова. СПб.: Теза. С. 274–280 (в соавторстве И. Н. Капитоновым, К. И. Лоховым, Н. Г. Бережной, Д. И. Матуковым, Г. И. Зайцевой, С. В. Хавриным, К. В. Чугуновым, Е. М. Скотт).
- Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии. 354 с.: ил, карт. Рус., кор. (в соавторстве с М. Е. Килуновской, Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо).

- Chronology of Holocene climate and vegetatin changes and their connection to cultural dynamics in Southern Siberia // *Padiocarbon*. Vol. 49, no. 2. P. 1103–1121 (with V. G. Dirksen, B. van Geel, M. A. Koulikova, G. I. Zaitseva, A. A. Sementsov, E. M. Scott, G. T. Cook, J. van der Plicht, L. M. Lebedeva, N. D. Bourouva).
- 2008**
Археология: программа и методические материалы для студентов / СПбГУКИ. СПб. 25 с.
Место погребальных церемоний // *Сокровища культуры Хакасии*. М.: НИИ Центр (Наследие народов РФ; Вып. 10). С. 374–377: ил.
Рисунки Красной скалы // Там же. С. 416–419: ил.
Формирование конфедерации номадов Центральной Азии и миграции скифо-сакских племен // *Номады казахской степи: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи* / Отв. ред. З. С. Самашев. Астана. С. 134–146.
- 2009**
Археология: программа курса и методические материалы для студентов / СПбГУКИ. СПб. 28 с.
- 2010**
Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // *Афанасьевский сборник* / Ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 11–29: ил., карт.
Могильник Нумахыр на реке Биджа // Там же. С. 29–35: ил. (в соавторстве с С. Легран).
Наскальное искусство Южной Сибири в контексте культурных изменений // *Мировое наскальное искусство: его интерпретация и сохранение*. Сеул. С. 63–68.
Начало тагарской культуры // *Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию А. Н. Бернштама* / Ред. В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо и др. СПб.: Инфо Ол. С. 99–103: ил.
Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге // *Краеугольный камень*. Т. 1 / Ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ. С. 31 (в соавторстве с С. А. Александровым, О. В. Андреевой, О. М. Иоаннисяном, В. И. Кильдюшевским, П. Е. Сорокиным).
Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы) // *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям* / Ред. А. П. Деревянко. М.: РОССПЭН. С. 114–122 (в соавторстве с М. Е. Килуновской, С. В. Красиенко, М. А. Кульковой, И. П. Лазаретовым, Вл. А. Семёновым).
- 2011**
Археологические исследования на территории восточного крыла здания Главного штаба в 2009–2011 гг. // *Труды III Всерос. археологического съезда*. Т. 2 / Ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 207–209: ил. (в соавторстве с А. А. Аветиковым, С. А. Александровым, В. И. Кильдюшевским, В. Я. Стёганцевой).
Археологические исследования на территории восточного крыла здания Главного штаба в 2009–2011 гг.: предварительные итоги // *Бюллетень ИИМК*. № 2. С. 15–34: ил. (в соавторстве с А. А. Аветиковым, С. А. Александровым, Д. Д. Ёлшиным, В. И. Кильдюшевским, В. Я. Стёганцевой).
Древние культуры Казахстана и Енисея во 2–1 тыс. до н. э.: к проблеме контактов // *Вопросы археологии Казахстана*. Вып. 3. С. 308–314.
Древние культуры эпохи бронзы Минусинской котловины и Южной Сибири // *The Origins and Exchanges of East Asian Civilization*. Seoul: Dongguk University publ. P. 29–73. Рус., кор.
К проблеме локализации племени Сака: археологический взгляд // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов в степной Евразии: Тез. докл. Круглого стола, посв. 20-летию независимости Казахстана* / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Караганды. С. 92–95.
Наскальное искусство Казахстана / *Фонд истории Северо-Восточной Азии*. Сеул. 454 с.: ил. На кор. яз. (в соавторстве с Чжан Со Хо, С. Мургабаевым, З. С. Самашевым).
Номады Центральной Азии в сакскую эпоху: проблема происхождения и контактов // *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы*. Т. 2 / Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана. С. 45–49.
Тенденции развития элитного погребального обряда номадов Центральной Азии в I тыс. н. э.: Аржан, Пазырык, Ноин-Ула // *Труды III Всерос. археологического съезда*. Т. 1 / Ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 332–333.
Эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири: критерии выделения // *Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Материалы Круглого стола* / Ред. В. А. Алёкшин, В. С. Бочкарёв. СПб.: ИИМК РАН. С. 16–18.
A Possible Case of “Poll-Evil” in an Early Scythian Horse Skull from Arzha I, Tuva Republic, Central Asia // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 21. P. 111–116 (with R. Bendrey, J. P. Cassidy, S. Lepetz, G. I. Zaitseva).
- 2012**
Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл--Курагино // *Культура степей Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. Кн. 2 / Редкол. В. А. Алёкшин и др. СПб.: Периферия. С. 195–199 (в соавторстве с С. В. Александровым, М. Е. Килуновской, И. П. Лазаретовым, А. В. Поляковым, Вл. А. Семёновым, Н. Ф. Соловьёвой).

Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // Там же. Кн. 1. С. 11–24: портр. (в соавторстве с М. Н. Пшеницкой).

Мониторинг археологических памятников в республике Хакасии // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010) / Отв. ред. А. В. Субботин. СПб.: Инфо Ол. С. 81–101: ил., карт. (в соавторстве с В. К. Кулимеевой).

The roots of Iron age pastoral nomadic culture // Nomads and network. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan: Catalog Exhibition / Ed. Z. S. Samashev et al. New York. P. 20–29 (with Z. Samashev).

2013

Древние культуры Алтая: Культуры скифской эпохи // Workshop for joint research on the Altaic civilization. Republic Korea. Seoul. P. 56–83.

Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень ИИМК. № 3. С. 185–196: ил. (в соавторстве с А. В. Поляковым, И. П. Лазаретовым, С. В. Александровым).

2014

Антропоморфные изображения в «скелетном» стиле на плите тагарского погребения в Хакасии // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и сопредельных территорий / Отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ. С. 498–504: ил. (в соавторстве с Ю. А. Смирновым).

Археологические памятники долины Чёрного Июса на севере Хакасии. СПб.: ИИМК РАН. 154 с.: ил., карт. (Археологические раскопки на дорогах Хакасии; Вып. 3) (в соавторстве с С. В. Александровым, Ю. А. Смирновым).

Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения: Сб. ст. / Отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс (Труды ИИМК; Т. 42). С. 372–392: ил., карт.

Исследование поселения Черноусово 3 в Ермаковском районе Красноярского края // Бюллетень ИИМК. № 4. С. 319–326: ил. (в соавторстве с А. Ю. Городиловым).

Краткий обзор охранных работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2013 г. // Там же. С. 303–318: ил. (в соавторстве с А. В. Поляковым, И. П. Лазаретовым, С. В. Александровым).

Образ оленя в искусстве ранних кочевников Центральной Азии: тенденции развития и интерпретации // Труды IV Всерос. археологического съезда. Т. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Г. Ситдииков. Казань: Отечество. С. 5–7.

Altai sketch: the Gorno Altai. Seoul: Northeast Asian History Foundation. 376 p.: il. На кор. яз. (with A. L. Kungurov, A. A. Tishkin, E. G. Devlet, Jang Seog-Ho).

2015

«Дорога длиной в тысячелетия...»: Археологическая экспедиция «Кызыл-Курагино». СПб.: ИИМК РАН; Любавич. 196 с.: ил., карт. (в соавторстве Н. Ф. Соловьевой, С. В. Александровым, К. В. Горловым, А. Ю. Городиловым, М. Е. Килуновской, Н. С. Кургановым, И. П. Лазаретовым, А. В. Поляковым, Т. Р. Садыковым, Вл. А. Семёновым, Н. Ю. Смирновым, С. Б. Шапиро).

Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 г. // Бюллетень ИИМК. № 5. С. 123–162: ил. (в соавторстве с А. Ю. Городиловым, С. В. Александровым, А. В. Поляковым, И. П. Лазаретовым).

Прения по докладу «Тепсейский археологический комплекс: современное состояние (проблемы и перспективы) (при участии О. С. Советовой, Д. Л. Сергеева, А. Ю. Тарасова) // Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда в Казани. 2015. С. 319–321.

Ранние этапы тагарской культуры и проблемы периодизации // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр: Центры, периферия и модели культурных взаимодействий: Материалы тематической науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт. С. 16–17.

Тагарская культура I тыс. до н. э. Среднего Енисея в контексте культур Центральной Азии // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири / Гл. ред. Та Ла. Пекин. С. 200–211: ил., карт.

Ancient cultures of the Minusinsk Basin in Eastern Eurasia (4–1 millenniums BCE). Seoul: Dongguk publ. 174 p.: il., maps (with S. Legrand).

2016

Культура саков и скифов Великого Пояса Евразийских степей // Мир Большого Алтая. № 2. С. 824–848: ил. (в соавторстве с З. С. Самашевым, Н. Чотбаевым, Е. М. Кариевым).

Предварительные результаты научно-исследовательских работ на некрополе Берел в 2016 году // Алтай — золотая колыбель тюркского мира / Отв. ред. Д. Ахметов. Усть-Каменогорск. С. 234–252 (в соавторстве с З. Самашевым, А. Чотбаевым, Е. Кариевым, Е. Толгеновым, Е. Жалмаганбетовым, С. Самашевым, С. Ерболатовым).

Shamanism in the rock art of Central Asia // Art and religions in preislamic Central Asia. Krakov. P. 12–13.

2017

Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булуи в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК. № 6. С. 151–182: ил. (в соавторстве с М. Е. Килуновской, Н. А. Лазаревской, Т. Р. Садыковым, Вл. А. Семеновым, Н. Ю. Смирновым).

- Работы на могильнике Берел в 2017 году // Алтай — золотая колыбель тюркского мира / Отв. ред. Д. Ахметов. Усть-Каменогорск. С. 153–166 (в соавторстве с З. Самашевым, А. Чотбаевым, Е. Кариевым, Ж. Ахмадиевым, Е. Жалмаганбетовым, Г. Киясбеком, Б. Кожакметовым, С. Ерболатовым, Д. Б. Самратовой).
- 2018**
- Абсолютная и относительная хронология памятников бронзового — раннего железного века Южной Сибири по данным геохимических методов исследования // Принципы и методы датирования в археологии (неолит — средние века) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, Е. Кайзер. СПб.: ИИМК РАН. С. 141–170: ил. (в соавторстве с М. А. Кульковой).
- Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV–I тыс. до н. э. // Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей: Сб. по материалам Круглого стола / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж (Труды ИИМК РАН; Т. 47). С. 63–70: ил.
- Новые памятники наскального искусства в Усинской долине Западного Саяна в контексте культур Центральной Азии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1. С. 23–30: ил.
- Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии // Мир Большого Алтая. № 4. С. 8–42: ил.
- 2019**
- Культурное наследие саков и великих тюрков в Восточном Казахстане: вопросы комплексного изучения, сохранения и музеефикации // Алтай — золотая колыбель тюркского мира / Отв. ред. Д. Ахметов. Усть-Каменогорск. С. 8–33 (в соавторстве с З. С. Самашевым, Н. Чотбаевым и др.).
- Открытие памятников мунх-хайраханской культуры в горах Западного Саяна // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск. Т. 15, № 2. С. 47–66: ил. (в соавторстве с А. А. Ковалевым, И. П. Лазаретовым).
- Ритуальные сооружения мунх-хайраханской культуры на могильнике Маральское 2 в горах Западного Саяна // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск. Т. 15, № 3. С. 62–83: ил.
- 2020**
- Культуры номадов Саяно-Алтая в начале I тыс. до н. э. // АВ. Вып. 26. С. 128–135.
- Лошади из кургана Аржан-1: результаты археологических исследований и морфометрический анализ сохранившейся остеологической коллекции // Поволжская археология. № 1. С. 219–233: ил. (в соавторстве с Н. А. Пластеевой, А. А. Тишкиным).
- Особенности селекции в аржано-майэмирское время на Алтае, в Туве и Монголии // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Н. П. Матвеева, Н. Б. Рябогина. Тюмень: Тюменский НЦ СО РАН. С. 188–192 (в соавторстве с М. А. Куслием, А. А. Тишкиным, А. Фаж, П. Либрадо, Н. Хан, Т. О. Идэрхангаем, К. В. Чутуновым, А. С. Графодатским, Л. Орландо).
- Предварительный анализ ДНК 170 остеологических образцов от лошадей, обитавших в Азии // Там же. С. 182–188 (в соавторстве: всего 33 автора).
- Формирование раннескифского звериного стиля на Среднем Енисее // Труды VI Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. В. Мочалов. Т. 1. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. С. 70–71.
- 2021**
- Археологические раскопки на селище Орловка Гурьевского района // Древности Пруссии. Калининград. С. 87–116: ил. (в соавторстве с В. С. Суворовым, А. А. Ефремовым).
- Междисциплинарные археологические исследования древних культур Среднего Енисея // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский фед. ун-т. С. 6–15: ил.
- The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // Nature. Vol. 598. P. 634–540 (в соавторстве: всего 153 автора).
- 2022**
- М. П. Грязнов — новатор в археологии // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, В. П. Никоноров и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 17–19.
- Кожаные предметы из раскопок 2020 г. в Ивангородской крепости // Бюллетень ИИМК. № 12. С. 190–210: ил. (в соавторстве с А. В. Курбатовым).
- Кожаные материалы из шурфов 2020 г. у Дома Советов в г. Калининграде // Там же. С. 189: ил. (в соавторстве с А. В. Курбатовым).
- Культура саков Восточного Казахстана: поиск истоков // Культурное наследие. Астана. № 4. С. 26–31.

Циклизм в археологии (по материалам древних скотоводов Евразии)^{1, 2}

Н. А. Боковенко³

Аннотация. Цикличность, присущая природным явлениям, оказывала влияние на древние культуры в степях Евразии. Определенный цикл прослеживается в процессе формирования транспорта (повозка — колесница — всадник), который начался в Восточной Европе, затем прослеживается в Приуралье и Казахстане, далее — в Центральной Азии и с миграцией сако-скифов возвращается в Восточную Европу; в типологическом анализе отдельных компонентов культуры кочевников; в специфических формах погребального обряда с мумификацией, которые отражают мифологему древних сообществ: умирания и нового возрождения.

Ключевые слова: скотоводы, кочевники, миграции, хунну-гунны, Центральная Азия, Восточная Европа, повозка, колесница, погребальный обряд, мумификация, конское снаряжение, котлы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-40-49

Циклизм характерен для многих природных явлений, таких как солнечные циклы, постоянная смена времен года, дня и ночи и т. д. Древние культуры естественно адаптировались к природным зонам и природным циклам, которые диктовали формирование специфических культурно-хозяйственных форм проживания и своеобразную материальную культуру у различных обществ.

Евразийские степи, протянувшиеся от Венгрии до Северного Китая, играли важную роль в формировании этнокультурной ситуации древних обществ этого обширного региона. Ограниченные с юга горными хребтами и пустынями, а с севера — тайгой и большими лесными массивами, степи создавали возможность для продвижения древних народов преимущественно в широтном направлении. Горные системы Центральной Азии, Тянь-Шаня, Урала, Кавказа, Карпат, имею-

щие разнообразные полезные ископаемые, прежде всего полиметаллические руды (медь, олово, золото, серебро и т. п.), стимулировали развитие технологий металлообработки и совершенствование различных орудий. А уникальный набор растительного и животного мира степей стимулировал создание наиболее удобных систем экономики у древних обществ в IV–III тыс. до н. э., связанных, прежде всего, со скотоводством, которые развивались и совершенствовались в зависимости от климатических изменений в различные исторические периоды.

В целом, скотоводы степной Евразии были вынуждены создавать уникальные технологические приемы и инструменты, которые помогали им адаптироваться к жестким условиям жизни. Эти технологии и новации передавались из поколения в поколение и оказали значительное влияние на культуру и историю региона.

Цикличные процессы в развитии транспорта

Три великих открытия древних обществ — изобретение повозки, колесницы и верховой сбруи — в значительной степени повлияли на облик многих культур и этническую ситуацию в степях Евразии (Боковенко, 1993). Процесс зарождения и формирования колесного транспорта (от простых двуколки с тяжелым сплошным колесом до более сложных конструкций облегченных

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Текст статьи публикуется в авторской редакции.

³ Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: nibo25@yandex.ru.

© Боковенко Н. А., 2024

повозок с двумя и четырьмя колесами) также отразился и в погребальной обрядности. Повозки достаточно хорошо представлены в захоронениях ямной культурно-исторической общности Восточной Европы IV–III тыс. до н. э. (Иванова, Цимиданов, 1993). Осваиваются новые пространства. Именно в это время фиксируется расселение индоевропейцев в разные стороны от своей легендарной прародины. И если в Европе повозки широко используются в погребальной обрядности, то в Казахстане, Южной Сибири и Центральной Азии пока обнаружены многочисленные наскальные изображения быков и повозок этого периода, демонстрирующие существование индоевропейских сюжетов далеко на востоке вплоть до Индии и Монголии (Шер, 1980; Новоженев, 1994).

Следующий этап развития колесного транспорта связан с более восточными культурами Приуралья и Казахстана. На протяжении III–II тыс. до н. э. был длительный процесс domestikации коня и поиска оптимальных форм узды и сбруи, которые позволили бы эффективно запрягать коня в колесницы и эффективно управлять конем.

Этот прогресс в коневодстве, изобретение упряжной сбруи и колесниц разных типов, продиктовавшие создание определенных типов вооружения наступательного боя, в значительной степени увеличили мобильность и агрессивность многих степных культур Евразии. Социальное расслоение общества прослеживается в появлении престижных захоронений воинов с колесницами (Приуралье, Казахстан) (Зданович, 1988). Происходит выделение ремесла и прежде всего формирование центров металлообработки. Они в значительной степени удовлетворяли потребности степных культур в металлических изделиях. Престижные захоронения колесничих (начало II тыс. до н. э.) распространяются из Приуралья (Синташта) в Казахстан (андроновские памятники петровского типа) и вплоть до Китая (периодов Инь и Западного Чжоу). Не исключено, что эти миграции можно связать с легендарными ариями по ряду характерных признаков — именно с андроновской культурно-исторической общностью (Кузьмина, 1994). Культурные достижения степных культур распространяются циклично и достаточно быстро на широкой территории, включая и более северные таежные культуры.

Лишь в конце эпохи бронзы спорадически степные культуры осваивают коня под верховую езду (видимо, пастухами), о чем свидетельствуют

находки костяных стержневых псалиев различных модификаций и немногочисленные наскальные изображения (Боковенко, 1986). В самом начале I тыс. до н. э. в связи со значительным прогрессом в коневодстве и изготовлением из бронзы более надежных уздечных наборов большими сериями на первое место в обществе ранних кочевников (или культурах скифского типа) выходит конный воин-кентавр. Меняется облик многих культур, формируются оптимальные формы ведения хозяйства (вертикальное или круглогодичное кочевание комплексных стад, способных добывать корм зимой из-под снега), система оптимальных культурных элементов: удобные легко переносимые жилища и утварь, набор всаднического вооружения и т. п. Эти элементы достаточно быстро распространились в степных культурах от Урала до Монголии, поскольку генетически связаны с предшествующими культурами эпохи бронзы. Именно в этом регионе фиксируется разведение различных пород лошадей (в том числе и высокоаллюрных) (Витт, 1952), дальнейшее развитие интеграции трех культурных блоков (скотоводческого, земледельческого и ремесленного), создание институтов вождей, военно-жреческой аристократии и других социальных слоев. Эти сдвиги в обществе кочевников требовали сложных религиозных систем, обоснования и закрепления статуса через погребальный обряд, определенную знаковую символику и искусство.

Направление культурных связей самое разнообразное: на север — с таежными племенами, на юг — с городскими цивилизациями Средней Азии, Индии и Китая. Однако преобладающими были культурные импульсы и миграции на запад, начиная с предскифского и раннескифского времени (Тереножкин, 1976; Ильинская, Тереножкин, 1983; Клочко, Мурзин, 1987; Боковенко, 1989; и др.). Таким образом, глобальный цикл изобретения колесного транспорта в степях Евразии и верховой езды, длившийся три тысячелетия (Европа — ямная КИО — Приуралье–Казахстан — андроновская КИО — Центральная Азия — сакская культура) закончился миграцией обратно уже сако-скифов на запад в начале I тыс. до н. э. (рис. 1).

В сако-скифскую же эпоху на первый план выступают те аспекты культуры, которые также связаны с конем и освоением его под верховую езду. Дальнейшее совершенствование управления конем, в частности, привело к необходимости разработки оптимального и удобного в функциональном отношении конского снаряжения. Наиболее значимые элементы сбруи (удила и псалии) стали

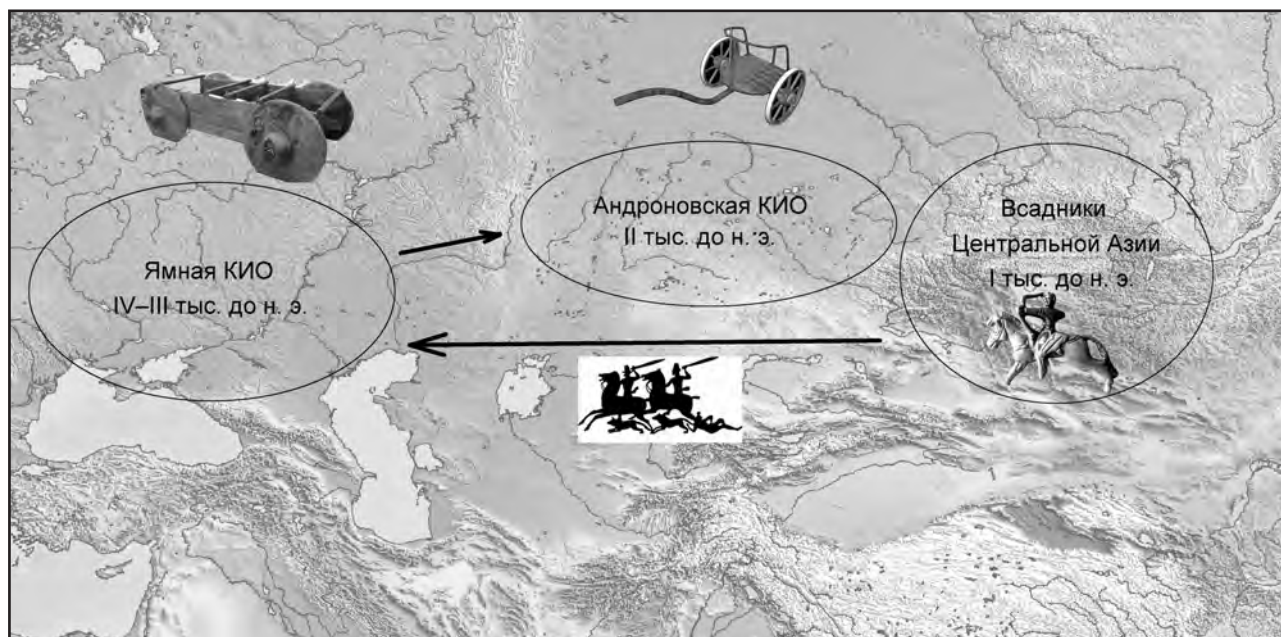

Рис. 1. Цикл формирования погребального обряда у скотоводов Евразии, в котором зафиксировались новации в транспорте (КИО — культурно-историческая общность)

Fig. 1. Formation cycle of funerary rite in Eurasian pastoralists, where innovations in transport have become fixed (КИО — cultural and historical community)

отливаться из бронзы и претерпели ряд существенных изменений, и в дальнейшем развивались с определенной цикличностью (Боковенко, 2018).

Например, типологическое развитие бронзовых удилов верхового коня Центральной Азии прошло несколько этапов (IX–VII вв. до н. э.) (рис. 2). Предложенная схема развития центральноазиатских бронзовых удилов достаточно надежно проверяется тем обстоятельством, что в 42 случаях (а если учесть однокольчатые удила — в 53 случаях) существуют удила со звеньями, окончания которых имеют различные формы. Причем в некоторых случаях достаточно четко фиксируется какое из звеньев более потертое, изношенное, а какое прилито позднее. Этот процесс хотя и был довольно сложным, но имел определенную направленность и цикличность:

1-й этап — существование однокольчатых и двухкольчатых удилов с небольшим отверстием (10–12 мм в диаметре), копирующих «ременные» удила. Происходит широчайшее распространение однокольчатых удилов вплоть до Европы и Переднего Востока (эпохальные особенности);

2–6-й этапы — появление на удилах дополнительных отверстий различных форм (сегментированные, треугольные, стрелочковидные и т. д. — варианты А–М; рис. 2). Вписывание внутреннего маленького отверстия в общую форму окончания звена. В это время наступает процесс локализа-

ции, поиск наиболее оптимальных форм окончаний удилов (разнообразие форм) в каждом регионе (региональные особенности);

7-й этап — исчезновение дополнительного маленького отверстия;

8-й этап — появление внутреннего большого отверстия. Происходит осознание, что легче расширить отверстие удила и вставить туда стержневые псалии, а не привязывать внахлест;

9-й этап — исчезновение внешних отверстий, видимо, как нецелесообразных, и расширение кольчатых окончаний. Эта форма удилов опять распространяется очень широко (эпохальные особенности) и существует до сих пор.

На наш взгляд, эта схема может прекрасно иллюстрировать неравномерность конструктивного развития удилов, сосуществование нескольких форм в каком-то регионе, отставание одних, выдвижение других и т. д.

Рассмотрение остальных наиболее важных и взаимосвязанных компонентов культур ранних кочевников (вооружения, произведений искусства, бронзовой посуды) позволяет проследить аналогичные циклы изменений. Также фиксируется устойчивая взаимосвязь различных культурных элементов. Так, свободное управление конем открывало широкие возможности изменения тактики ведения боя, что, в свою очередь, приводило к существенной модернизации системы

9												
8												
7												
6												
5												
4												
3												
2												
1												
Подтип	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М
ТИП	I					II			III		IV	

Рис. 2. Схема типологического развития бронзовых удил Центральной Азии: А–М — типы и подтипы удил; 1–9 — этапы развития

Fig. 2. Scheme of typological evolution of Central Asian bronze bits: А–М — types and subtypes of bits; 1–9 — stages of evolution

вооружения (совершенствованию наконечников стрел, появлению длинных мечей с перекрестием, защитных доспехов и т. д.). Возникновение и расцвет скифо-сибирского звериного стиля — яркий пример значительных трансформаций и в духовной сфере степных и лесостепных обществ. Происходит и формирование военно-родовой всаднической аристократии, о чем свидетельствует своеобразный погребальный обряд и монументальность надгробных сооружений (Елеке Сазы, Аржан, Бесшатыр, Пазырык, Салбык, Иссык и др.).

Таким образом, в результате анализа археологического материала прослеживается ряд закономерностей, характерных для этой эпохи, которые в обобщенном виде можно выразить следующим образом (Боквенко, 1987. С. 94–96):

А. Общества ранних кочевников стремятся к выработке ведущих компонентов, позволяющих им стабильно и устойчиво развиваться в соответствии со своим хозяйственно-культурным типом (функцией) и сложившейся исторической ситуацией (контекстом культуры).

Б. Внутренней основой развития элементов культуры является органическое сочетание традиций и инноваций, позволяющее той или иной культуре при значительных сдвигах в экономической сфере перейти на новый уровень организации и функционирования основных ведущих ее элементов. Инновационные процессы, видимо, в определенные моменты несколько доминируют.

Традиции в этом случае обуславливают целостность культуры, ее устойчивое развитие,

преемственность социальных и культурных ценностей между поколениями. Преемственность базируется на таких диалектических моментах, как периодичность и необратимость многих явлений.

Инновации, отчасти явления моды, вызваны необходимостью создания новых и дальнейшим усовершенствованием старых элементов культуры, которые прежде всего формируют ее облик и функционально для нее значимы. Одни изменения влияют на внешние ее стороны, другие — затрагивают внутреннее содержание. Им свойственны такие признаки, как ритмичность, мобильность, доминантность.

В. Устойчивость и относительное выравнивание развития культур скифского типа, на наш взгляд, отчасти обеспечивается *циклизмом оптимальных решений*. Суть этого явления в следующем: наиболее оптимальные решения создания тех или иных культурных элементов (например, определенный тип узды, вооружения, сюжет в искусстве, орнамент и т. п.), видимо, как наиболее целесообразные и значимые для данного уровня развития общества, в условиях повышенной коммуникабельности и благодаря определенному уровню восприятия распространяются чрезвычайно широко (эпохальные элементы, признаки, типы). Причем этому явлению свойственна цикличность — широкое территориальное распространение сменяется их локализацией (региональные элементы, признаки, типы), переосмыслением новых культурных форм в соответствии с традициями и с последующей модификацией и тиражированием (собственно культурные элементы, признаки, типы). Затем — снова повторение этих процессов несколько раз (широкое территориальное распространение типов сменяется локализацией, а варибельность форм — единообразием). Механизм распространения в каждом конкретном случае может быть различным (миграции, культурное влияние, торговый обмен и т. д.).

Игнорирование этих моментов, на наш взгляд, может привести исследователей к преждевременным выводам о тех или иных культурных явлениях. Так, можно определенно говорить о миграциях того или иного населения при условии тщательного типологического анализа ведущих культурных элементов, надмогильных сооружений и погребального обряда и с учетом эпохальных, региональных и собственно культурных особенностей сравниваемых объектов исследования.

Циклизм в погребальном обряде кочевников

В сако-скифскую эпоху зарождается погребальный обряд, в котором не колесница сопровождает погребенного, как в эпоху бронзы, а верховой конь (Грязнов, 1980; Бокоренко, 1986; 1988). Материалы элитного кургана Аржан-1 в Туве являются прекрасной иллюстрацией развитой мифологемы для этого времени, там захоронен правитель с супругой, 15 человек сподвижников и около 160 верховых коней: умерший верховный правитель (военный предводитель-жрец) помещен в центре кургана (Солнца, Вселенной) для перехода в иной мир, вокруг него — многочисленные очистительные, искупительные и сопроводительные жертвоприношения людей (сподвижников) и коней, выступающие в качестве связи или транспорта в момент перехода и необходимые для поддержания установленного порядка, гармонии мироздания и нового возрождения (рис. 3).

Цикличность в погребальном обряде (умирание и новое возрождение), вошедшая во многие мировые культуры, широко и ярко проявляется не только на памятниках Тувы, но и в синхронных, и в более поздних материалах пазырыкской, тагарской и таштыкской культур, где прослеживается идея сохранения облика погребенного и развивается мумификация (рис. 4). В раннетагарское время погребенному ставят реальную погребальную жидкую пищу в сосудах и мясную — на деревянных блюдах, а также кладут реальные полноразмерные вещи (оружие и предметы быта). Позднее в тагарской культуре (сарагашенского и тесинского этапов) погребенным клали миниатюрные вещи, а с погребенными осуществлялись уже сложные манипуляции, чтобы сохранить тело и облик усопших. На черепа накладывали гипсовые раскрашенные маски. Наблюдения над мумиями позволяют предположить, что иногда они выставлялись для поклонения некоторое время. В таштыкское время традиция мумификации погребенных продолжается, но раскрашенные маски наносились уже на лицо, тело кремировали, и пепел зашивали вовнутрь куклы (Кузьмин, 2011. С. 176).

Таким образом, обряды мумификации у народов Саяно-Алтая этого периода связаны с определенными представлениями о переходе, «временной смерти» усопшего и новом возрождении, для чего осуществлялся определенный цикл сложных манипуляций.

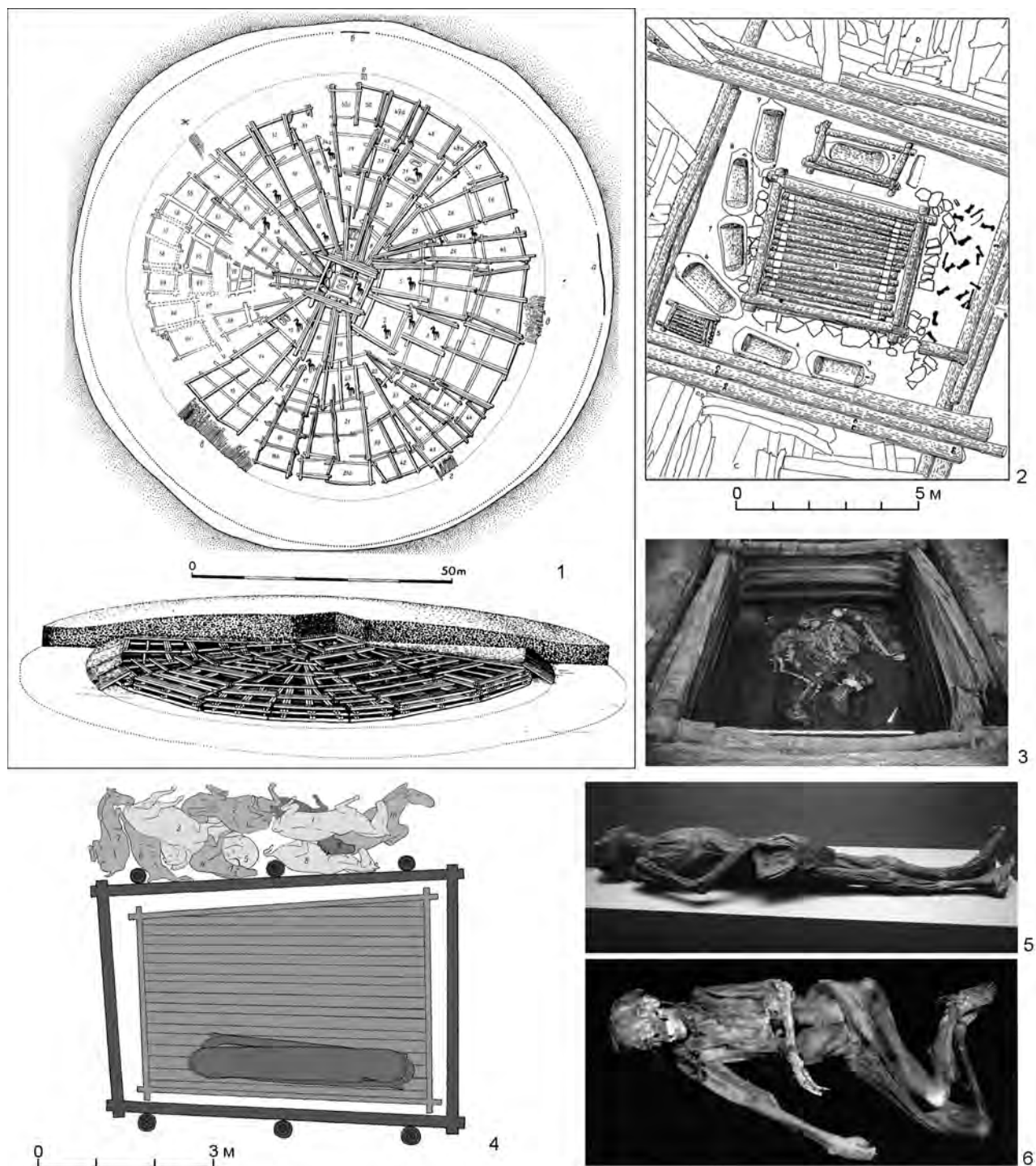

Рис. 3. Элитные погребальные комплексы Тувы: 1 — план кургана Аржан-1 (Чугунов и др., 2017. С. 17, рис. 7); 2 — план центральной камеры (Грязнов, 1980. С. 16, рис. 6); 3 — курган Аржан-2, могила 5 (Чугунов и др., 2017. С. 33, рис. 36); 4 — могильник Пазырык, курган 1 (Грязнов, 1950. С. 17, рис. 3); 5 — мумия из могильника Пазырык, курган 5 (фото Н. А. Бокovenко); 6 — мумия из могильника Верх-Кальджин 2, курган 3 (Полосьмак, 2001. С. 247, рис. 157)

Fig. 3. Top-ranking burial complexes of Tuva: 1 — plan of the Arzhan-1 mound (Чугунов и др., 2017. С. 17, рис. 7); 2 — plan of central chamber (Грязнов, 1980. С. 16, рис. 6); 3 — Arzhan-2, grave 5 (Чугунов и др., 2017. С. 33, рис. 36); 4 — Pazyryk mound 1 (Грязнов, 1950. С. 17, рис. 3); 5 — mummy from Pazyryk mound 5 (photograph by N. A. Bokovenko); 6 — mummy from Verkh-Kaldzhin 3, mound 3 (Полосьмак, 2001. С. 247, рис. 157)

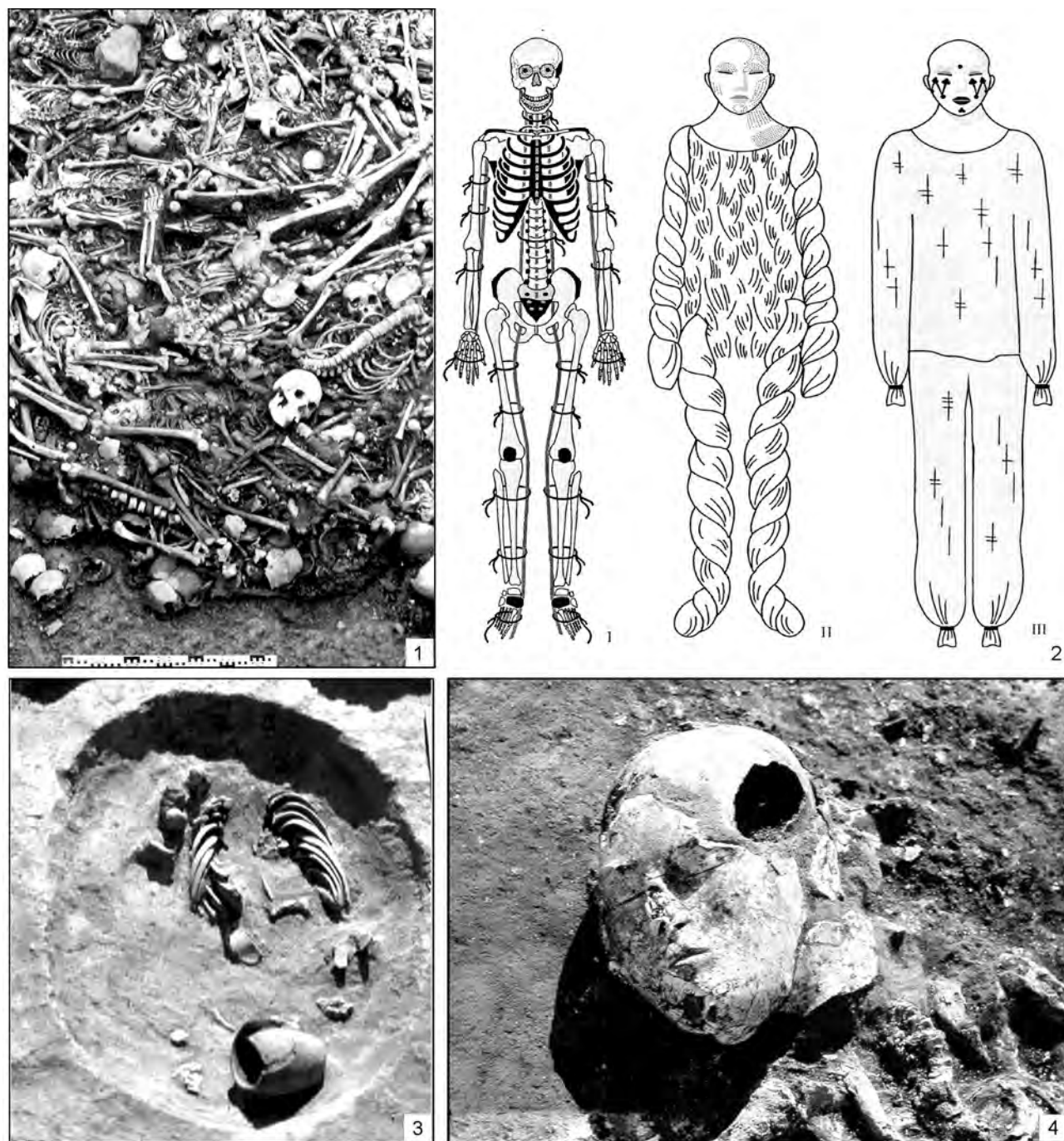

Рис. 4. Погребальный обряд тагарской культуры (тесинский этап): 1 — фрагмент дна кургана Лисий; 2 — реконструкция процесса искусственных операций с телами умерших тесинского периода; 3 — могильник Калы, частичное захоронение 21; 4 — гипсовая маска из склепа могильника Новые Мочаги (2 — Кузьмин, 2011. С. 178, рис. 135; 1, 3, 4 — Там же. Фото на CD)

Fig. 4. Funerary rite of the Tagar culture (Tes stage): 1 — fragment of the bottom of Lisy mound; 2 — reconstructed process of postmortem operations with human bodies in the Tes period; 3 — Kaly cemetery, partial burial 21; 4 — plaster mask from a vault at Novye Mochagi (2 — Кузьмин, 2011. С. 178, рис. 135; 1, 3, 4 — Ibid. Photograph on CD)

Хунну-гунны

Новации в тесинской и таштыкской культурах часто связывают с приходом центральноазиатских племен хунно-сяньбийского времени (Вадецкая, 1999. С. 188; Кузьмин, 2011. С. 238). Миграции хуннов на запад, вплоть до Центральной Европы, где их называют гуннами, периодически подвергаются критике из-за различия их культур. Учитывая хронологический разрыв в 200–300 лет между ними, трудно рассчитывать даже на относительное сходство археологического материала в целом. Однако на основе анализа бронзовых котлов, которые представлены у обоих народов, И. П. Засецкая и автор попытались доказать центральноазиатское происхождение котлов «гунского типа» Центральной Европы (Боковенко, Засецкая, 1993). Была создана типологическая классификация бронзовых котлов (45 экз.), которые были скоррелированы по 21 признаку. Помещение их в пространстве и во времени и картографирование типологически связанных находок позволяют проследить пути продвижения их владельцев, в частности, пути миграции хуннов-гуннов на запад вплоть до Западной Европы (Там же. С. 77, рис. 2; 78, рис. 3; 79, рис. 4; 82, рис. 7).

Начавшееся во II в. до н. э. движение хунну из Центральной Азии всколыхнуло многие народы Саяно-Алтая, Сибири, Средней Азии, Приуралья и Поволжья, народы разного происхождения — прототюркские, самодийские, финноугорские и др., которые не только оказались под влиянием культуры пришельцев, но и сами сыграли не последнюю роль в формировании этнокультурной общности хуннов-гуннов. Как следствие этого процесса можно отметить генетическую преемственность в развитии отдельных категорий вещей (сложносоставной лук, наконечники стрел специфических типов, бронзовые котлы, некоторые виды украшений, в частности, колты — височные подвески), а также в распространении одинаковых обрядов и названий у разных территориально удаленных друг от друга народов.

Пути миграции хуннов-гуннов на запад, которые, видимо, проторены более ранними кочевыми племенами скифов и сарматов, за хуннами продолжили тюрки и татаро-монголы. Цикличность и причины этих миграций кочевых народов Центральной Азии требуют еще дополнительных исследований. Современные кочевые народы мигрируют по степи до сих пор.

Так, например, маршруты казахских скотоводов были циклическими и повторялись каждый год в соответствии с сезонами и изменением климата.

Важным фактором была необходимость сохранения пастбищ и экологического баланса в регионе (Алдабергенов, 2021). Кочевники старались не использовать одни и те же пастбища, чтобы дать им возможность восстановиться и снова стать плодородными. Они продвигались в течение всего года на расстояние от 50–100 км до нескольких сотен километров. Кочевники Казахстана также использовали маршруты, которые проходили через горные районы, такие как Алатау, Тянь-Шань и другие, в поисках более высоко расположенных пастбищ для своих стад. Такой способ прогона скота был известен в Центральной Азии с глубокой древности. Так, ранние китайские летописные известия, относящиеся к I тыс. н. э., приписывают его гуннам, тюркам тюгю и уйгурам (Бичурин, 1950).

Кочевники вырабатывали свои собственные циклические маршруты скотоводства, которые зависели от сезонных изменений и наличия пастбищ в различных регионах страны. В целом маршруты скотоводства в Казахстане были очень разнообразными, как вертикальными, так и горизонтальными, и зависели от многих факторов, включая климат, доступность воды и наличие пастбищ.

Например, маршрут «Жетысу», который проходил через области Западного и Южного Казахстана на сотни километров. Этот маршрут использовался для перемещения скота между Казахстаном и Узбекистаном.

Еще один известный маршрут скотоводов — маршрут «Тараз-Шымкент», который проходит через регионы Южного Казахстана и Западного Кыргызстана. Этот маршрут использовался для перемещения скота и товаров между Казахстаном и Кыргызстаном и обратно.

Одним из наиболее известных маршрутов в Казахстане является маршрут «Казахская степь», который начинается в Сибири и проходит через Казахстан до Китая. Этот маршрут был важен для кочевников, которые перегоняли свой стада на юг в зимние месяцы и на север в летние месяцы, следуя за лучшими пастбищами и питьевой водой.

Заключение

Таким образом, в культурах скотоводов степной Евразии прослеживаются циклические процессы, охватывающие различные аспекты их жизнедеятельности. Эти процессы прослеживаются в развитии всех компонентов культуры ранних кочевников, которые можно сформулировать как *циклизм оптимальных решений*. Изобретение

колеса и повозки в Восточной Европе, в среде ямной КИО, стимулировало восточнее, на территории Приуралья и Казахстана, появление колесницы в андроновской КИО и, позже, в Центральной Азии, благодаря изготовлению из бронзы конского снаряжения (удил и псалиев) и приручения коня под верховую езду — происходит переход к всадничеству в начале I тыс. до н. э. Именно

в это время фиксируются миграции некоторых групп вооруженных всадников на запад.

Миграции населения привносят новации в различных культурных образованиях. Типологический анализ позволяет конкретно проследить истоки и маршрут этих явлений. Оптимальные формы хозяйственной деятельности закрепляются в кочевых культурах и существуют до сих пор.

Алдабергенов, 2021 — Алдабергенов Д. К. Геоэкологические аспекты миграционных перемещений при кочевом хозяйстве казахов // CHRONOS: мультидисциплинарные науки. 2021. Т. 6, № 11. С. 4–8.

Бичурин, 1950 — Бичурин Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 382 с.

Боковенко, 1986 — Боковенко Н. А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Археология. Л.: б. и., 1986. 24 с.

Боковенко, 1987 — Боковенко Н. А. Некоторые аспекты развития культур ранних кочевников Сибири // Смена культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1987. С. 94–97.

Боковенко, 1988 — Боковенко Н. А. Царский курган Аржан. Вопросы интерпретации // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1988. Вып. I: Досоветский период. С. 71–72.

Боковенко, 1989 — Боковенко Н. А. К вопросу о восточных импульсах в раннескифской культуре Северного Причерноморья // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 года) / Отв. ред. М. Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. С. 79–80.

Боковенко, 1993 — Боковенко Н. А. Транссибирские трассы номадов в системе культурной интеграции народов Сибири // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.: б. и., 1993 (Археологические изыскания; Вып. 11). С. 172–176.

Боковенко, 2018 — Боковенко Н. А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии // Мир Большого Алтая: Международный научный журнал / Гл. ред. З. Самашев. 2018. № 4. С. 8–42.

Боковенко, Засецкая, 1993 — Боковенко Н. А., Засецкая И. П. Происхождение котлов «гуннского» типа Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей Восточной Европы // Петербургский археологический вестник. СПб.: ФАРН, 1993. № 3. С. 73–88.

Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999 (Archaeologica petropolitana; Т. VII). 440 с.

Витт, 1952 — Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. № 16. С. 185–224.

Грязнов, 1950 — Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.

Грязнов, 1980 — Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.

Зданович, 1988 — Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Изд-во Челябинского ГУ, 1988. 177 с.

Иванова, Цимиданов, 1993 — Иванова С. В., Цимиданов В. В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2. С. 23–34.

Ильинская, Тереножкин, 1983 — Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

Клочко, Мурзин, 1987 — Клочко В. И., Мурзин В. Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. 152 с.

Кузьмин, 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 455 с.

Кузьмина, 1994 — Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М.: Изд-во Восточной литературы, 1994. 463 с.

Новожинов, 1994 — Новожинов В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы: Аргументы и факты — Казахстан, 1994. 322 с.

Полосьмак, 2001 — Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Тереножкин, 1976 — Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

Чугунов и др., 2017 — Чугунов К. В., Парцигер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Cyclicity in archaeology: The early pastoralists of Eurasia

N. A. Bokovenko⁴

Keywords: Pastoralists, nomads, migrations, Scythians, Xiongnu-Huns, Central Asia, Eastern Europe, cart, chariot, funerary rite, mummification, horse harness, cauldrons.

Cyclicity is typical of both natural phenomena and ancient cultures of steppe Eurasia, which adapted to environmental zones and cycles. In the 4th and 3^d millennia BC, the Yamnya cultural and historical community (CHC) formed in Eastern Europe. Its principal subsistence system was transhumance. Further domestication of animals and invention of carts caused a greater mobility of pastoral communities and the extension of their habitats. Within Yamnaya CHS, a funerary rite originated, in which a cart was placed in the grave together with the deceased person. In the early 2nd millennium BC, in the Ural and in Kazakhstan, people associated with the Andronovo CHC began to place chariots in graves, and in the early 1st millennium BC, in Central Asia, thanks to the invention of bronze bits and cheek-pieces and the taming of the horse, a transition to horse-riding occurs. From that time on, certain groups of armed horsemen begin migrating westwards, to Eastern Europe (fig. 1).

Cyclic processes can be traced in the evolution of all the components of the early nomadic culture. This can be described as a cyclicity of optimal solutions. Examples of such solutions include the appearance of certain elements of culture such as a certain type of horse harness, weapons, artistic motif, design, etc. (fig. 2), which were evidently the most expedient and meaningful under the given social level and which, thanks to greater communication and a certain perceptive level, spread quite rapidly. This is true of cultural universals marking a certain stage. Their initially wide spatial distribution gives way to shrinkage, whereby certain elements, traits, and types become regional, and cultural forms are reinterpreted according to local traditions and are subsequently modified, leading to secondary spread. Then these processes are reiterated, wide distribution of types is followed by localization, and variety is replaced by uniformity. Mechanisms of spread may be different in each specific case (migrations, cultural ties, trade relations, etc.).

Cyclicity in funerary rite (death followed by revival), known in many world cultures, is widespread and features prominently in nomadic cultures of the Sayan-Altai, where mummification is an important element of the funerary rite (fig. 3; 4).

Periodic migrations of Central Asiatic nomads (Saka-Scythians, Xiongnu-Huns, Turks, Tatar-Mongols) westwards, well known from written sources, are often underrepresented by archaeological materials, which hampers an adequate understanding of ethno-cultural processes in Eurasia. For instance, continuity between Asian Xiongnu and European Huns has been questioned by specialists. The typological analysis of bronze cauldrons, one of the characteristic elements in the culture of those peoples, allows us to trace specific sources and routes of this migration. This is supported by the analysis of other cultural components typical of those ethnic groups (arrowheads, ornaments, etc.).

Optimal forms of cyclic economic activity such as annual transhumance along certain routes, developed by ancient pastoralists, have become fixed in nomadic cultures and are still practiced today.

---

⁴ Nicolay A. Bokovenko — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: nibo25@yandex.ru.

О современном состоянии проблемы определения понятия «археологическая культура»¹

В. С. Бочкарёв²

Аннотация. В современной археологии отсутствует единое общепринятое определение понятия «археологическая культура» (АК). В данной работе представлен обзор различных определений АК, предложенных как в нашей, так и в зарубежной литературе. Отмечаются их преимущества и недостатки. В итоге предлагается обновленная версия определения АК. Также затрагиваются некоторые другие проблемы, связанные с концепцией АК, в частности пределы использования этого понятия.

Ключевые слова: теоретическая археология, археологическая культура (АК), определения понятия, пределы использования понятия АК.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-50-55

Крупнейшим достижением археологии XX в. было открытие Г. Коссинной явления археологической культуры (далее — АК). Она стала новой парадигмой, которая на долгие годы определила ход развития нашей науки. Эта новая категория позволила совершенно иначе, чем прежде, организовать археологический материал. Было осознано, что памятники со сходным составом типов артефактов могут быть объединены в устойчивые локально-хронологические группы. Логично было предположить, что они соответствовали каким-то сообществам людей прошлого. Было также выяснено, что эти группы, которые позднее стали называть АК, по своим познавательным возможностям превосходят как отдельно взятые памятники, так и их совокупности. Другими словами, они имели свойства системных объектов. Это открывало новые возможности для хронологических исследований археологических материалов, их культурно-исторической интерпретации и т. д.

Одним из первых, кто понял огромное научное значение открытия Г. Коссинны, был Г. Чайлд

(Trigger, 1989. P. 167–174; Клейн, 2011. Т. 1. С. 611, 613). В 1925 г. он опубликовал книгу, в которой европейская доистория впервые была представлена как процесс смены АК, охваченных волнами диффузий, идущими из Передней Азии (Childe, 1964). Картина, нарисованная Г. Чайлдом, произвела сильное впечатление. Отныне главными героями археологии становились не памятники, даже такие выдающиеся, как Троя, Микены или Бородинский клад, а АК. Книга Г. Чайлда стала настоящим научным бестселлером. В Англии она выдержала шесть изданий и была переведена на многие языки, включая русский (Чайлд, 1952).

В Советском Союзе книга Г. Чайлда также была хорошо встречена, хотя в то время концепция АК в нашей археологии еще не получила полного признания. Дело в том, что в 1930-е гг. она, как и многие другие понятия традиционной археологии, фактически попала под запрет. Положение начало меняться только в послевоенные годы и особенно после того, как был разгромлен так называемый марризм и пала теория стадильности.

В дальнейшем интерес к АК в советской археологии только возрастал. Своего пика он достиг в 1960–1980-е гг. Тогда появились важные работы Ю. Н. Захарука, В. Ф. Генинга, И. С. Каменецкого, Я. А. Шера и др. (Захарук, 1975; 1976; 1978; 1980; Генинг, 1985; 1987; Каменецкий, 1970; 1978; Шер, 1970. С. 5–16). Особенно большое значение в то время имели исследования Л. С. Клейна (Клейн, 1962; 1970а; 1970б; 1975).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: bovad872@gmail.com.

© Бочкарёв В. С., 2024

Между тем на Западе отношение к АК менялось в противоположном направлении. Интерес к ней падал. Особенно отрицательно к ней отнеслись адепты «новой археологии». Они отбросили ее как устаревшее понятие. Правда, вскоре она была реабилитирована Д. Кларком, одним из самых ярких представителей той самой «новой археологии». Он ввел АК в систему основных археологических понятий и предложил, на мой взгляд, самое точное ее определение (Clarke, 1968. P. 230–289).

В современной археологии, в которой, по мнению некоторых авторов, царят идейные «разброд и шатание», отношение к АК неоднозначное. Насколько мне известно, большинство европейских археологов признают ее научную значимость и актуальность. Но есть и такие исследователи, которые это отрицают (см. обзор: Клейн, 2011. С. 394). По их мнению, понятие АК в его нынешнем виде уже неактуально. Оно не в состоянии адекватно описать целый ряд археологических явлений, например, таких как сейминско-турбинские памятники.

Между тем, несмотря на весь этот скептицизм в отношении АК, продолжается процесс их выделения. Особенно интенсивно он идет в тех регионах, которые еще слабо изучены в археологическом отношении. В связи с этим можно вспомнить сравнительно недавние открытия таких ярких культур, как синташтинская и петровская в Южном Зауралье и Казахстане, Бактрийско-Маргианская археологической культуры в Центральной Азии, чемурчекской культуры в Монголии и на соседних территориях.

Также непрерывно идет работа по уточнению состава тех АК, которые были открыты в прежние годы. Не все они выдерживают такого рода проверки. Некоторые из них приходится ликвидировать или же разделить на несколько культур. К примеру, так недавно произошло с известной приказанской культурой эпохи бронзы на территории Среднего Поволжья.

К сказанному следует добавить, что АК и по сей день остается основным средством моделирования культурно-исторических процессов в первобытной археологии. Колонные и особенно трассовые секвенции являются теми руслами, в которых протекают эти процессы (Клейн, 2011. С. 465).

Итак, данные, приведенные выше, позволяют заключить, что и в наши дни АК является востребованной концепцией как в практическом, так и в теоретическом отношении. Судя по ее роли в некоторых новых направлениях исследований (изучении культуругенеза, палеогенетике и т. д.) она имеет хорошие перспективы для дальнейшего развития. Но на этом пути есть ряд препятствий.

Одним из них является проблема определения понятия «археологическая культура».

В литературе предложено множество версий этого определения. Но ни одно из них не стало общепринятым. В этой статье я попытаюсь показать, что большинство из них устарели, и от них следует решительно отказаться. Вместе с тем можно утверждать, что подход к решению указанной проблемы уже найден.

В настоящее время известно около 30 дефиниций АК. Все они были сформулированы в разные годы XX в. и отражают теоретические воззрения того времени. Большинство из них (24) были собраны и прокомментированы в терминологическом словаре-справочнике «Классификация в археологии», изданном в 1990 г. (Классификация..., 1990). В настоящее время почти все они кажутся устаревшими, если в качестве эталона принять определение Д. Кларка (Clarke, 1968. P. 285, fig. 40).

Их обзор можно начать с такого, казалось бы, второстепенного вопроса, как наименование культур. В действительности он не такой уж простой. Оказалось, что имя, которое присваивается каждой новой культуре, влияет на ее восприятие.

Известно четыре варианта наименований АК: топонимическое, географическое, описательное и этническое. Они неравноценны друг другу. Как показывает опыт, предпочтение следует отдать первому варианту (Бочкарёв, 2009. С. 567, 568). Наименование АК по эпонимному памятнику хорошо тем, что в смысловом отношении оно нейтрально и априори не навязывает никаких дополнительных сведений. Напротив, другие варианты наименований, как правило, несут предвзятую информацию, которая в дальнейшем часто не подтверждается. Так, оказалось, что ареал среднеднепровской АК, выделенной в свое время В. А. Городцовым, выходит за пределы Среднего Поднепровья. В ходе исследований выяснилось, что срубы в погребениях срубной культуры составляют ничтожное меньшинство, а в некоторых катакомбных культурах погребения в ямах встречаются не реже, чем в катакомбах. Такого же рода недоразумения происходят с наименованием культур, названных по одному из их характерных признаков. В этом отношении показательным является пример с культурой многоваликовой керамики (КМК) эпохи средней бронзы. Постепенно выяснилось, что валиковая орнаментация не является преобладающей в этой культуре. Кроме того, было установлено, что она не менее широко была распространена в более ранней среднедонской катакомбной культуре. В итоге пришлось переименовать КМК в бабинскую культуру, по эпонимному

памятнику Бабино III. Как правило, столь же неудачными оказываются наименования культур по их предполагаемой этнической принадлежности. Показательна судьба знаменитой киммерийской культуры В. А. Городцова (*Городцов*, 1928. С. 46–59). Оказалось, что это не АК, а конгломерат разновременных материалов, которые к историческим киммерийцам не имеют отношения.

Примеров подобных несоответствий названия АК ее фактическому содержанию много как в нашей, так и в зарубежной археологии. Но устранить их бывает очень трудно. Сложившаяся традиция зачастую оказывается сильнее здравого смысла.

Теперь обратимся к содержанию АК. Как следует из дефиниций Д. Кларка и некоторых других авторов, АК как аналитическая категория состоит из двух основных компонентов: типов артефактов и их комплексов. Регулярное (устойчивое) сочетание некоторых из этих типов в комплексах и есть самое главное в АК, ее суть. Такое понимание АК хорошо обосновано теоретически и подтверждается практикой (*Клейн*, 1991. С. 129, 130).

Однако многие авторы эти положения игнорируют. Они предлагают другие формулировки. В них ничего не говорится ни о типах, ни о комплексах или упоминается только один из них. К таковым относятся определения АК, предложенные в свое время Е. Блюмом, К. Шухартом, М. Яном, С. Усларом, М. Артамоновым и другими. Чтобы не быть голословным, я приведу одно из них, принадлежащее А. Л. Монгайту. Вот оно: АК — это «общность археологических памятников, относящихся к одному времени, отличающихся местными и своеобразными особенностями и сосредоточенных на определенной ограниченной территории» (*Монгайт*, 1965. С. 273). Здесь нет ни слова ни о типах, ни о комплексах. Авторы подобных высказываний вместо понятийного аппарата археологии определяют АК через очень широкие и часто неопределенные категории. Поэтому их формулировки не отражают сути АК как археологического понятия. Практическая реализация их положений приводит к конструированию псевдокультур.

Таких искусственных, никогда не существовавших культур в археологии известно много. Назову некоторые из них: сосницкая и подгорцовская в Среднем Поднепровье, чирковско-сейминская в Поволжье, воронежская в Среднем Подонье, вольско-лбищенская в Нижнем и Среднем Поволжье. Список может быть продолжен. Они были выделены авторами, которые полагали, что АК можно определить по нескольким оригинальным типам артефактов. Действительно, такое

бывает. Но, как правило, одних типов для этого недостаточно. Ведь, как уже говорилось, АК — это ассоциация типов артефактов, которые регулярно встречаются вместе. Место их встречи — комплексы. Поэтому комплексы, как и типы, являются непременными компонентами любой АК. Они являются ее материальной основой. Без них, как и без типов, нет АК. Справедливость этого утверждения доказывает дальнейшая судьба многих псевдокультур. По мере накопления новых материалов и появления новых исследований от них постепенно отказываются.

К этому следует добавить, что комплексы той или иной АК должны быть достаточно многочисленными, чтобы подтвердить регулярную встречаемость типов артефактов, маркирующих АК. Не менее важны функции самих комплексов. Некоторые из них имеют столь специфическое назначение, что отражают не всю культуру, а только одну из ее фракций. К таковым, например, относятся многочисленные клады металлических изделий эпохи бронзы. Они — необходимый материал для выделения очагов и зон металлопроизводства, но не АК. Для нее базовыми источниками являются поселенческие и погребальные памятники. По сравнению с кладами и другими видами памятников они охватывают несравненно более широкий спектр культуры и лучше фиксируют ее локальные особенности.

Подобно комплексам, типы не всех категорий артефактов могут быть культуурообразующими элементами. Это прежде всего касается металлического инвентаря. К нему могут быть добавлены изделия из других материалов, которые встречаются редко. Они могут свидетельствовать о внешних связях АК. Но для ее идентификации как оригинального образования гораздо большее значение имеют те артефакты, которые говорят о ее самобытности. К ним, прежде всего, относится лепная посуда. Она изготавливалась на месте и, как правило, не была объектом обмена и торговли. Поэтому лепная керамика лучше других изделий фиксирует локальные особенности АК. Неудивительно, что многие европейские культуры эпох неолита, энеолита, бронзы и раннего железа названы по характерным особенностям их керамики. Например, культура колоколовидных кубков, шаровидных амфор, линейно-ленточной керамики и др.

Таковую же роль культуурообразующих типов могли играть некоторые признаки погребальных памятников (конструкция погребальных сооружений, способ погребения, положение погребенного и др.). Эти признаки нередко используются

в названиях АК. В связи с этим достаточно вспомнить знаменитую триаду степных культур эпохи бронзы В. А. Городцова.

Итак, можно констатировать, что для выделения АК пригодны не просто типы и комплексы, а их особые разновидности. Это положение представляется столь важным, что, на мой взгляд, его необходимо зафиксировать в самом определении АК.

Многих исследователей, особенно советских авторов, не удовлетворяла трактовка АК как чисто археологического явления. Типокомплексный вариант ее определения (по Л. С. Клейну) они считали слишком формальным и недостаточным. По их мнению, в формулировку АК необходимо внести указание на ее соответствие реальным историческим сообществам людей (этносам, конфессиональным объединениям, населению вождеств, государств и т. д.).

Так, В. П. Любин, В. М. Массон и Г. С. Лебедев полагали, что АК — это «территориально-хронологическая система комплексов памятников, оставленных коллективами, связанными хозяйственным и социальным укладом, культурными традициями, политическими отношениями, т. е. составляющими историческую общность» (Классификация..., 1990. С. 55, № 12). По мнению М. Е. Фосс и Ю. Н. Захарука, АК — это «совокупность территориально и хронологически взаимосвязанных археологических памятников (комплексов) определенного типа, которые отражают территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных племен, говоривших на диалектах одного языка» (Там же. № 14). Но откровеннее всех выразился М. Ю. Брайчевский: «Под АК мы понимаем такие ассоциации археологических явлений, которым, безусловно, соответствуют определенные этнические единства. Культуру, которой бы не отвечала одна и только одна этническая общность людей, мы не признаем культурой» (Брайчевский, 1965. С. 31).

Согласно этим дефинициям, за АК обязательно стоит некая историческая общность людей и конкретно — группа родственных племен. Таким образом, здесь уже определено культурно-историческое содержание АК, и оно, очевидно, одинаково для всех АК. Конечно, такого рода определения приняты быть не могут. Они фактически отождествляют этнографическую культуру прошлого с ее ископаемой проекцией, то есть АК. Хотя последняя не может появиться без живой культуры, это все же разные явления. В процессе археологизации эта живая культура претерпевает столь сильные преобразования, что на ее

основе как бы возникает новая реальность — АК. В ходе этого процесса ряд ее компонентов вообще не фиксируется, другие — депонируются избирательно, а третьи — в разрушенном или трансформированном виде. Нарушается пропорциональное соотношение этих компонентов. В результате АК как по составу, так и структуре может радикально отличаться от своего исторического прототипа — живой этнографической культуры. Она не является ни ее зеркальным отражением, ни тем более ее копией. Поэтому моделирование этнографической культуры прошлого по данным АК является отдельной сложной задачей. Для ее решения требуется особая методика и привлечение данных других гуманитарных наук.

В итоге следует еще раз со всей определенностью заявить, что формальное (археологическое) определение АК и ее культурно-историческая интерпретация являются разными уровнями исследования, разными процедурами. Их смешение или перестановки недопустимы.

Таковы, на мой взгляд, основные недостатки определений понятий АК, предложенных в прошлые годы. Эти определения следовали одно за другим на протяжении длительного времени. Их появление можно расценивать как процесс поиска удовлетворительного решения проблемы. Как мне кажется, оно было найдено в той версии АК, которую Л. С. Клейн назвал «типокомплексной» (Клейн, 1991. С. 144, 145). Ее основы были заложены Г. Чайлдом и развиты рядом других исследователей. Окончательное оформление она получила в фундаментальном труде Д. Кларка. Его определение АК в данном обзоре было принято в качестве эталонного. Рассмотрим его детально: АК — это «политетический набор специфических и всеобщих категорий типов артефактов, которые неслучайным образом встречаются вместе в комплексах в пределах ограниченного географического ареала» (Clarke, 1968. P. 188).

Прежде всего следует отметить, что Д. Кларк рассматривает АК как чисто археологическое явление. Это, по его мнению, предопределяет многие ее особенности. Главным в ней является устойчивое сочетание определенных типов артефактов в целом ряде комплексов. Д. Кларк подчеркивает, что это сочетание носит статистический характер, а говоря точнее — политетический. Это означает, что корреляция типов в комплексах является не сплошной (каждый с каждым), а ажурной (избирательной). Но в АК она и не может быть иной. Поэтому упоминание в определении археологической культуры политетического распределения типов кажется избыточным.

Столь же лишним кажется указание, что АК всегда занимает ограниченную территорию. Это очевидно и так. АК, как и другие археологические категории (тип, культурная группа и т. д.), всегда ограничена в пространстве и времени. Это общее правило.

Вместе с тем в формулировке Д. Кларка ничего не сказано об особой роли в идентификации АК поселенческих и погребальных комплексов. На мой взгляд, это является упущением.

Имеются и другие недостатки в дефиниции, предложенной Д. Кларком. Чтобы их в какой-то мере компенсировать, я рискну предложить еще один вариант определения АК — *ассоциация типов артефактов и сооружений определенных категорий, которые регулярно встречаются вместе в целом ряде комплексов, среди которых обязательными должны быть поселенческие или погребальные памятники*. Это чисто археологическое определение. В нем по принципиальным соображениям ничего не сказано о культурно-историческом содержании АК.

Конечно, это не окончательный вариант. Он является одной из модификаций классического определения Д. Кларка. В будущем, несомненно, будут предложены и другие. Однако со всей определенностью можно утверждать, что благодаря работам Г. Чайлда, Я. Шера и особенно Д. Кларка проблема определения АК решена.

В заключение следует отметить, что концепция АК по-прежнему относится к числу основных археологических понятий. Вместе с тем следует учитывать, что это не универсальное археологи-

ческое явление. Его нет в палеолите, а в исторические эпохи оно теряет свою актуальность. Время расцвета АК приходится на неолит, энеолит, эпоху бронзы и ранний железный век. Но и в эти эпохи в некоторых регионах бывают периоды, которые можно назвать временем культурной дезинтеграции, то есть отсутствием АК. В качестве примера можно сослаться на ту ситуацию, которая сложилась в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье в конце эпохи средней бронзы, а также на завершающих этапах эпохи поздней бронзы (*Бочкарёв, Каиуба, 2018*). В этих регионах открыты памятники указанного времени. Но их немного и, что самое примечательное, — они разнородны. Их невозможно свести в компактные территориально-хронологические группы, то есть в АК. Подобное положение также зафиксировано в конце эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине (*Поляков, Лазаретов, 2019. С. 195–202*).

Наконец, следует сказать, что современная археология все чаще сталкивается с явлениями, которые невозможно описать с помощью традиционных понятий (например, АК, культурные группы и т. д.). В этой связи уже упоминались памятники сейминско-турбинского типа. К ним можно добавить новоданиловскую группу энеолитических погребений, норманнские древности Восточной Европы и т. д. Эти материалы подтверждают необходимость расширения понятийного аппарата археологии. Они не опровергают концепции АК и других традиционных понятий, а только указывают на пределы их возможностей.

Бочкарёв, 2009 — *Бочкарёв В. С.* Проблема культурно-исторического содержания археологической культуры // Мавродинские чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 567–571.

Бочкарёв, Каиуба, 2018 — *Бочкарёв В. С., Каиуба М. Т.* Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // *Stratum plus*. 2018. № 3: Социология потустороннего. С. 207–220.

Брайчевський, 1965 — *Брайчевський М. Ю.* Теоретичні основи досліджень етногенезу // Український історичний журнал. 1965. № 2. С. 46–56.

Генинг, 1985 — *Генинг В. Ф.* Заметки к построению теории археологической культуры // Археология и методы исторической реконструкции: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 50–74.

Генинг, 1987 — *Генинг В. Ф.* Археологическая культура — социально-исторический организм — центральная

категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследование социально-исторических проблем в археологии: Сб. ст. / Отв. ред. С. Б. Смирнов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 6–35.

Городцов, 1928 — *Городцов В. А.* К вопросу о киммерийской культуре // Труды секций археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. М.: б. и., 1928. Т. 3. С. 46–60.

Захарук, 1975 — *Захарук Ю. Н.* К вопросу о природе археологической культуры // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. Киев: АН УССР, 1975. Ч. III. С. 12–14.

Захарук, 1976 — *Захарук Ю. Н.* Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы: Сб. ст. / Отв. ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука, 1976. С. 3–10.

Захарук, 1978 — *Захарук Ю. Н.* Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии: Сб. / Редкол. В. В. Кропоткин и др. М.: Наука, 1978. С. 49–54.

Захарук, 1980 — *Захарук Ю. Н.* Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология.

- Поиски и находки: Сб. науч. трудов / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1980. С. 256–259.
- Каменецкий, 1970 — Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
- Каменецкий, 1978 — Каменецкий И. С. Искусственные и естественные классификации в археологии // Проблемы археологии: Сб. ст. в память профессора М. И. Артамонова. Л.: ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 17–24.
- Классификация..., 1990 — Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / Ред. В. С. Бочкарёв. М.: АН СССР, 1990. 156 с.
- Клейн, 1962 — Клейн Л. С. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур // СА. 1962. № 2. С. 26–38.
- Клейн, 1970а — Клейн Л. С. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии: Сб. ст. / Под общ. ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М.: Наука, 1970. С. 165–169.
- Клейн, 1970б — Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.
- Клейн, 1975 — Клейн Л. С. Проблема смены культур в современных археологических теориях // Вестник Ленинградского университета. 1975. № 8. С. 95–103.
- Клейн, 1991 — Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 448 с.
- Клейн, 2011 — Клейн Л. С. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. Т. 2. 624 с.
- Монгайт, 1965 — Монгайт А. Л. Культура археологическая // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 8. С. 278.
- Поляков, Лазаретов, 2019 — Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Чайлд, 1952 — Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 468 с.
- Шер, 1970 — Шер Я. А. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии) // Статистико-комбинаторные методы в археологии: Сб. ст. / Под общ. ред. Б. А. Колчина, Я. А. Шера. М.: Наука, 1970. С. 8–24.
- Childe, 1964 — Childe V. G. The dawn of European civilization. New York: Vintage books, 1964. 368 p.
- Clarke, 1968 — Clarke D. Analytical archaeology. London: Methuen & Co Ltd, 1968. 684 p.
- Trigger, 1989 — Trigger B. G. A history of archaeological thought. Cambridge: Cambridge university press, 1989. 500 p.

On the present state of the problem of the definition of “Archaeological culture”

V. S. Bochkarev³

Keywords: theoretic archaeology, archaeological culture (AC), definition of a notion, limits of the implementation of the notion of AC.

The discovery of archaeological culture (further AC) became one of the largest achievements in archaeology. Owing to this category, new possibilities arose for the organisation of the archaeological finds, study of their connections, and definition of stable territorial and chronological groups of sites. Simultaneously new perspectives appeared concerning cultural and chronological interpretation of the data. Finally the conception of AC became one of the basic paradigms of the modern archaeology. From that time, the prehistory started to be considered as a multi-layer mosaic of different cultures. Their change was interpreted as the dynamics of the cultural and historic process.

However, during last decades the interest for AC in the national and, especially, foreign archaeology has degraded. More attention began to be paid to the natural scientific methods of studies. Their role can possibly even rise due to the wide use of data of other sciences. There are some obstacles in the way of the further development of the conception of AC. One is in the absence of the commonly accepted definition of this notion. Now there are thirty of them.

The present study presents a critic review of the basic definitions among them. Their merits and demerits are demonstrated. As the result, the standard definition by J. Clark has been accepted. As it seems, it characterises most precisely the essence of AC. At the same time it also needs some correction in the light of new evidence. The present author proposes an updated variant of the definition of AC.

³ Vadim S. Bochkarev — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: bovad872@gmail.com.

Микроэволюция псалиев коня и контакты евразийских кочевников в X–VIII вв. до н. э.

Л. С. Марсадолов¹

Аннотация. В статье рассматриваются микроэволюционные конструктивные изменения псалиев по материалам жилищ на поселениях Торгажак, Каменный Лог I в Хакасии и кургана Аржан-1 в Туве. Варианты псалиев из разных срубов Аржан-1 свидетельствуют о контактах племен Тувы с Алтаем, Минусинским краем, Монголией, а также, возможно, Синьцзяном и Ордосом. X–VIII вв. до н. э. были периодом поиска в Евразии оптимальных форм конского снаряжения, чем и вызвано такое разнообразие псалиев.

Ключевые слова: кочевники, конь, псалии, эволюция, Евразия, курган Аржан-1, контакты.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-56-67

Введение

Более трех тысяч лет кони являются спутниками и помощниками кочевников в повседневной и сакральной деятельности. Хорошо известно, что и предметы снаряжения коня для археологов — ценные научные источники для изучения и реконструкции не только хозяйственной, но также этнической, политической, региональной и социальной истории евразийских кочевых племен II–I тыс. до н. э.

При научном изучении изменений в снаряжении коней кочевников Евразии I тыс. до н. э. ныне можно выделить два больших раздела — макро- и микроэволюцию конской узды. Важные макроэволюционные процессы в основном можно выявить в ходе детального исследования небольших эволюционных изменений псалиев коня на ряде археологических объектов.

Макро- и микроэволюция узды и псалиев коня

Макроэволюция узды коня в I тыс. до н. э. довольно хорошо разработана в многочисленных археологических работах (Грязнов, 1947; 1983; Иссен, 1953; Кадырбаев, 1966; Лесков, 1971; Марсадолов, 1985; 1998; 2022б; Боковенко, 1986; 2018; Кирюшин, Тишкин, 1997; Марсадолов, Тишкин, 1998; Кашуба, 2000; Шульга П., 2008; Подобед и др.,

2014; и др.), поэтому сейчас можно выделить три основных периода в изменениях конструкции узды в I тыс. до н. э.

1. X–IX вв. до н. э. — ранний период, когда наряду с «мягкой уздой» появились металлические удила (в основном со «стремечковидными» или небольшими «кольцевидными» окончаниями) и трехдырчатые псалии, которые привязывались к удилам.

2. Конец IX — VII в. до н. э. — период поиска новых, более рациональных, форм узды и седла для коней.

3. С VI–V вв. до н. э. — двухдырчатые псалии массово начали продевать в удила с большими кольцами, что способствовало стабилизации рациональной узды на многие столетия.

Микроэволюция — это небольшие, но значимые изменения в конструкции псалиев и удил (своеобразные микроэтапы развития).

Кратко напомним, что в X–IX вв. до н. э. существовали две основные группы псалиев из рога и кости — почти необработанные «природные» и с двумя обрезанными концевыми частями. Также псалии делятся на два типа по признаку расположения основных отверстий для крепления к ремням узды коня: 1) со сквозными отверстиями в двух разных плоскостях, два крайних отверстия в одной, а центральное — в противоположной плоскости (тип «А»); 2) с отверстиями в одной плоскости стержня (тип «Б»). У ранних псалиев отверстия преимущественно расположены

¹ Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, Россия; e-mail: marsadolov@hermitage.ru.

© Марсадолов Л. С., 2024

на концах стержня, а к VII в. до н. э. они все чаще сдвигались ближе к одному краю, позднее — к средней части (Марсадолов, 1998; 2022б; и др.). В связи с тем что в X–IX вв. до н. э. большинство псалиев изготавливали из рога или кости, они были довольно хрупкими, ломались и не могли долго использоваться. Поэтому основные формы псалиев из этих материалов с разным расположением отверстий и оформлением стержня также менялись довольно быстро (рис. 1–3).

Ранний этап развития узды коня, связанный с переходом к кочевому скотоводству, Н. А. Бокоренко (1986) называет «скрытым», по времени он предшествует материалам из кургана Аржан-1. Для поиска прототипов для аржанского предметного комплекса в настоящее время в связи с накоплением общей центральноазиатской базы находок конца II — начала I тыс. до н. э. вполне уместно привлечение материалов не только погребений, но и поселений.

Два из наиболее ранних псалиев этого времени, сделанных из концевых отростков рогов, были найдены при раскопках кургана 7 памятника Саяны-Пограничное-4 в Красноярском крае, в пограничье с Тувой (рис. 3, 2) (Амзараков и др., 2015). Псалии такой формы послужили прототипами для многочисленных двухдырчатых и трехдырчатых типов в последующие столетия.

Более детально микроэволюционные конструктивные изменения псалиев можно изучить по материалам раскопанных жилищ на поселениях Торгажак и Каменный Лог I в Хакасии. В Торгажаке псалии типов «А» и «Б» были найдены в разных жилищах (Савинов, 1996). Три псалия с овальными отверстиями в двух разных плоскостях были обнаружены в жилищах 4 и 5, а два псалия с овальными отверстиями, расположенными в одной плоскости (тип «Б»), — в жилище 7 (рис. 1, Б, 4–7).

На поселении Каменный Лог I (далее Каменный Лог) в ходе раскопок жилища 1 и пристройки к нему было найдено три псалия (Марсадолов, 2022б), которые также различаются не только по размерам, материалу, сохранности, но и по своим конструктивным деталям. О. Н. Загородняя (2022) произвела тщательный трасологический анализ и фотографирование псалиев из жилища 1 и пристройки поселения Каменный Лог, при содействии хранителя Л. С. Марсадолова (рис. 2).

В жилище 1 находился наиболее крупный по размерам псалий с тремя подовальными сквозными отверстиями, расположенными в двух разных плоскостях (рис. 1, А, 1). У этого слегка изогнутого псалия среднее отверстие почти

в два раза больше по размерам, чем два крайних (рис. 2, 1, 3).

Второй псалий, обнаруженный в пристройке жилища 1, имеет три отверстия в двух разных плоскостях и обломанные концевые части на уровне крайних отверстий (рис. 1, 2). Центральное подовальное отверстие у него значительно меньше по размерам, чем у предыдущего, более округлое и по форме сближается с концевыми отверстиями у псалия из жилища 1 (рис. 2, 4–6).

У третьего псалия три сквозных отверстия расположены в одной плоскости стержня (тип «Б»), но при этом более крупное по размерам центральное отверстие имеет овальную, а два крайних — округлую форму (рис. 1, 3). Центральные овальные отверстия у второго и третьего псалиев из пристройки близки по размерам и форме (рис. 2, 6–8).

По материалам из пяти жилищ на двух близких по времени поселениях (Торгажак и Каменный Лог I) можно наметить микроэволюцию найденных там семи трехдырчатых псалиев. Наиболее ранними являются два экземпляра из Каменного Лога и два — из жилищ 4 и 5 в Торгажаке, с отверстиями в разных плоскостях (рис. 1, В, 1–2, 5), но при этом псалий из жилища 1 в Каменном Логе с крупным вытянутым подовальным центральным отверстием, вероятно, самый ранний среди других на этих двух поселениях (рис. 2, 1–3).

Среди псалиев с тремя отверстиями в одной плоскости (тип «Б») наиболее ранними, вероятно, являются два экземпляра с овальными отверстиями из жилища 7 в Торгажаке (рис. 1, В, 6, 7). Псалий с центральным более крупным подовальным и круглыми концевыми отверстиями из пристройки в Каменном Логе может служить одним из реальных прототипов для ряда более поздних псалиев из камеры 37 в кургане Аржан-1 с тремя круглыми отверстиями (рис. 1, В, 3, 8; 4, Б, 1–2) (Марсадолов, 2022б).

А. В. Поляков относит поселение Торгажак ко II этапу периода поздней бронзы (ППБ) Минусинских котловин (Поляков и др., 2022. С. 35, 36). Согласно микрохронологической эволюции двух типов псалиев из разных жилищ поселений Торгажак и Каменный Лог, возможно, в будущем II этап ППБ может быть дополнительно разделен на два небольших хронологических подэтапа, включающих разные объекты карасукской культуры.

Построение общей схемы микроэволюции псалиев позволяет наметить ряды условных, близких по времени микрохронологических

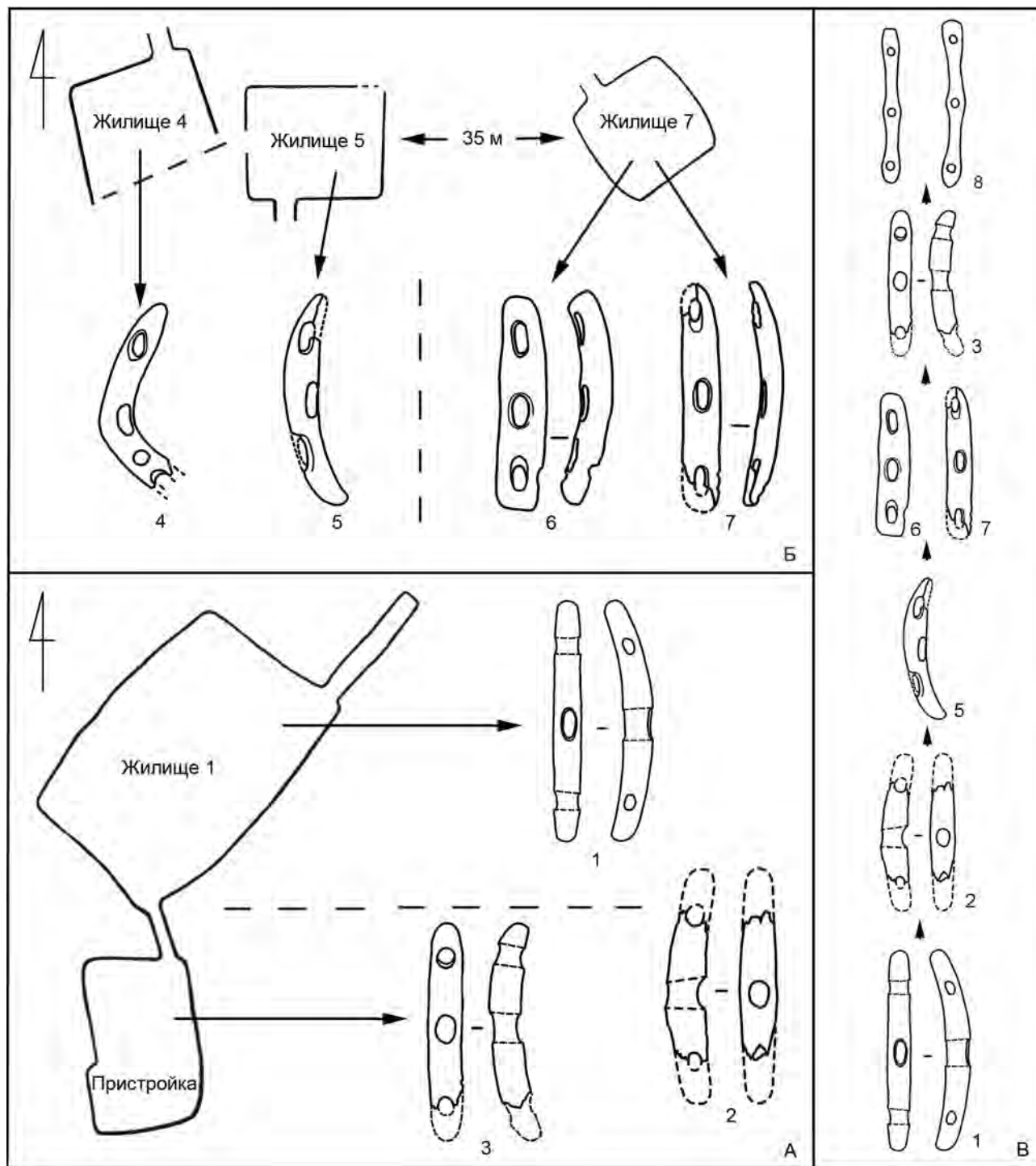

Рис. 1. Псалии из поселений Каменный Лог I и Торгажак в Хакасии и микроэволюционная модель их развития. А, Б — жилища и найденные в них псалии (1–8): А, 1–3 — на поселении Каменный Лог I; Б, 4–7 — на поселении Торгажак; В — схема микроэволюции псалиев (8 — псалии из камеры 37 кургана Аржан-1 в Туве). Масштаб и материал разные. Прорисовано и составлено Л. С. Марсадоловым, по материалам раскопок М. П. Грязнова и Д. Г. Савинова

Fig. 1. Cheek-pieces from Kamenny Log I and Torgazhak in Khakassia and a model of their microevolution. А, Б — dwellings and cheek-pieces found inside them (1–8): А, 1–3 — Kamenny Log I; Б, 4–7 — Torgazhak; В — reconstructed microevolution of cheek-pieces (8 — from chamber 37 of Arzhan-1 in Tuva). Various metals, not to scale. Drawn and compiled by L. S. Marsadolov, based on excavations by M. P. Gryaznov and D. G. Savinov

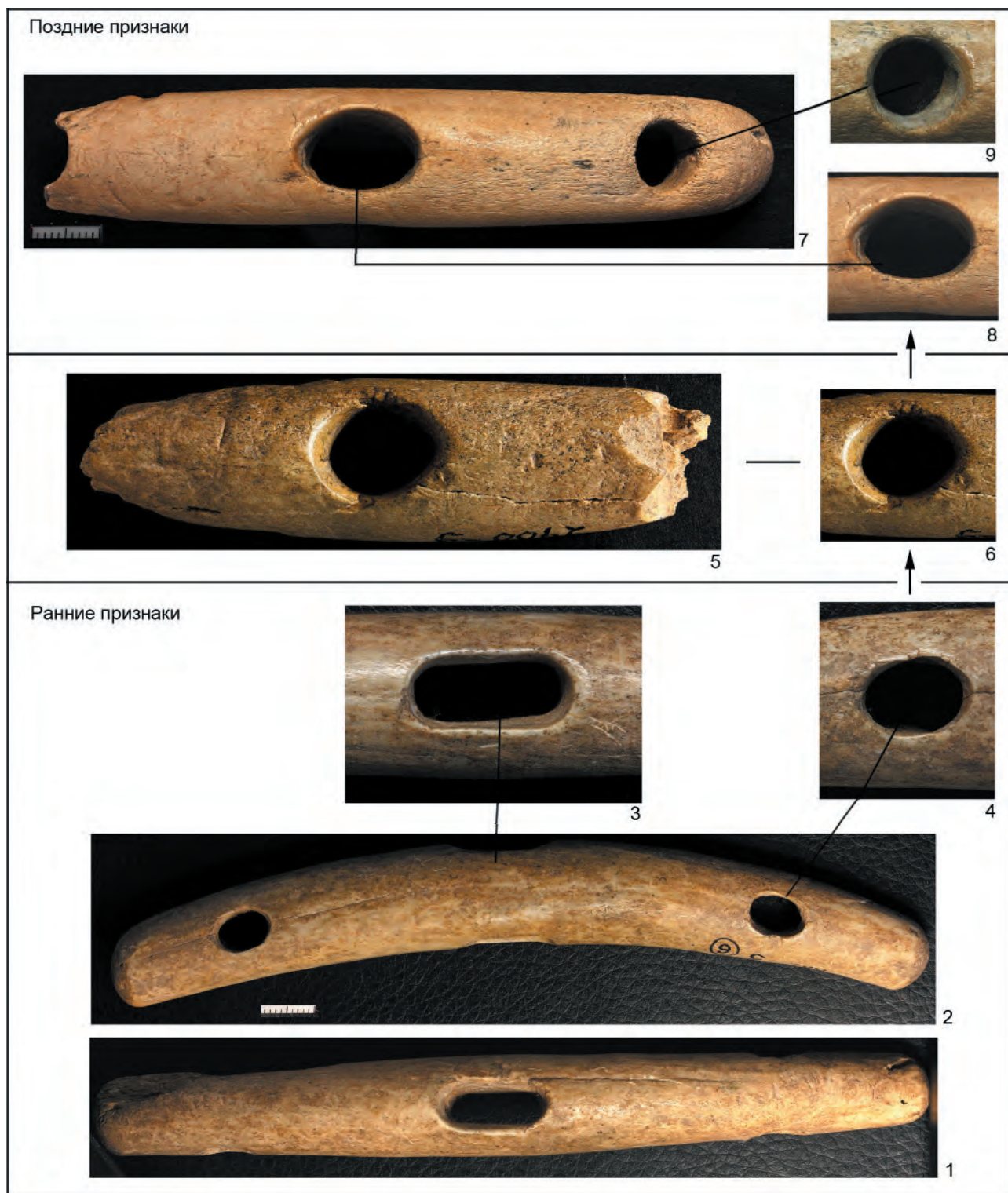
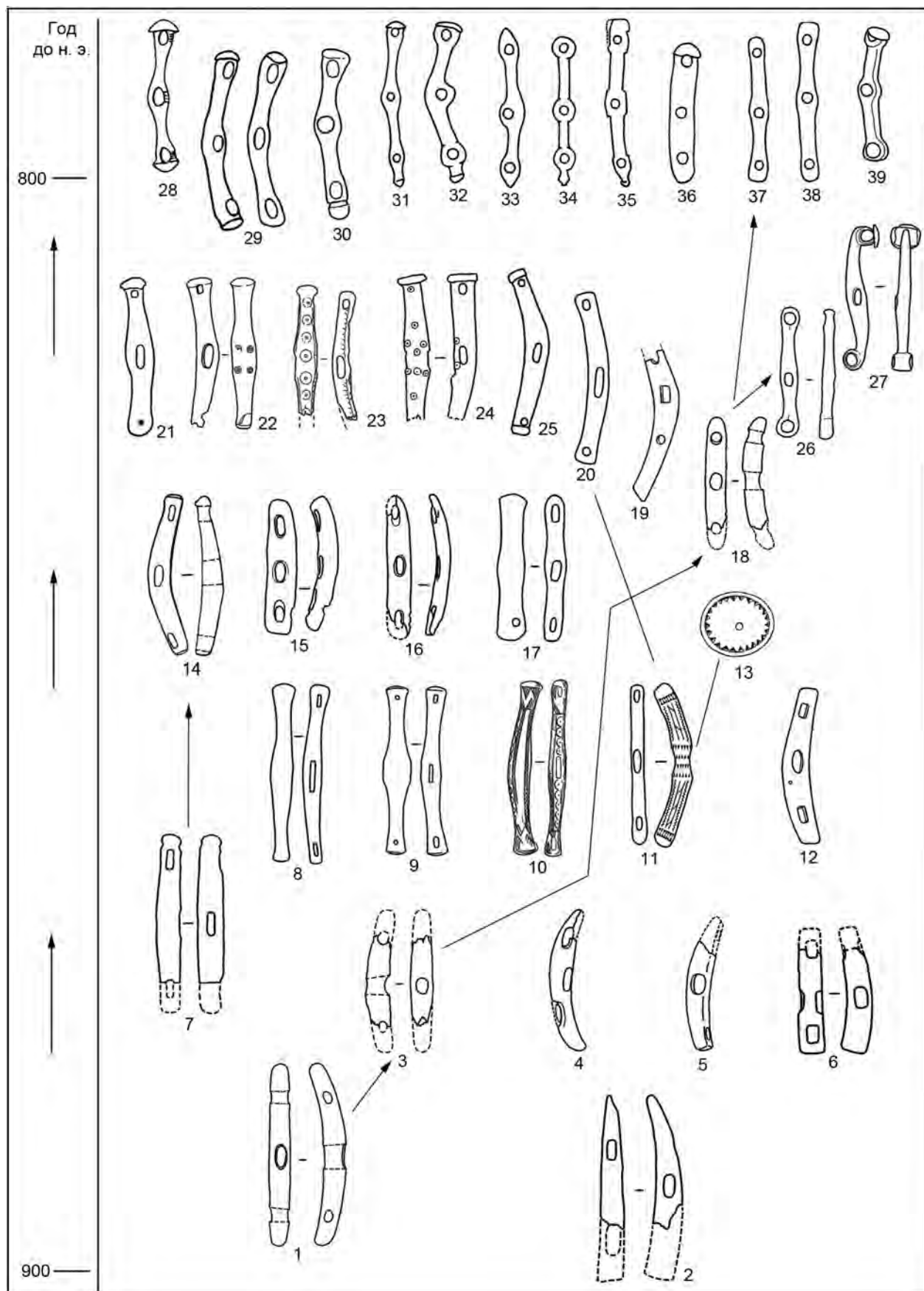

Рис. 2. Фотографии псалиев и их деталей из поселения Каменный Лог I в Хакасии: 1-4 — псалий из жилища 1 (ГЭ, инв. № 2399-6); 5, 6 — псалий из пристройки к жилищу 1 (ГЭ, инв. № 2400-9); 7-9 — псалий из пристройки к жилищу 1 (ГЭ, инв. № 2400-2). Фотографии О. Н. Загородней, схема Л. С. Марсадолова

Fig. 2. Photographs of cheek-pieces and their details from Kamenny Log I in Khakassia: 1-4 — cheek-piece from dwelling 1 (State Hermitage, No. 2399-6); 5, 6 — cheek-piece from annex to dwelling 1 (State Hermitage, No. 2400-9); 7-9 — cheek-piece from annex to dwelling 1 (State Hermitage, No. 2400-2). Photograph by O. N. Zagorodniaya, scheme by L. S. Marsadolov

пластов псалиев из разных степных евразийских регионов, более детальная датировка которых может быть уточнена по мере накопления новых материалов (рис. 3).

В X–VIII вв. до н. э. на территории Евразии можно проследить переход от более ранних псалиев типа «А» с подовальными и подпрямоугольными отверстиями к псалиям типа «Б» с круглыми отверстиями, при этом были выявлены и региональные отличия, что частично было рассмотрено в нашей предыдущей работе (Марсадолов, 2022б). Следует отметить, что переход от псалиев типа «А» к типу «Б» был довольно быстрым по времени.

Псалии с прямым или слегка изогнутым стержнем из рога и кости часто ломались на уровне отверстий. Начиная с IX в. до н. э. во многих регионах Евразии на уровне заготовок и изготовления псалиев перешли к новому конструктивному оформлению их стержней — для прочности на уровне отверстий стали делать утолщения

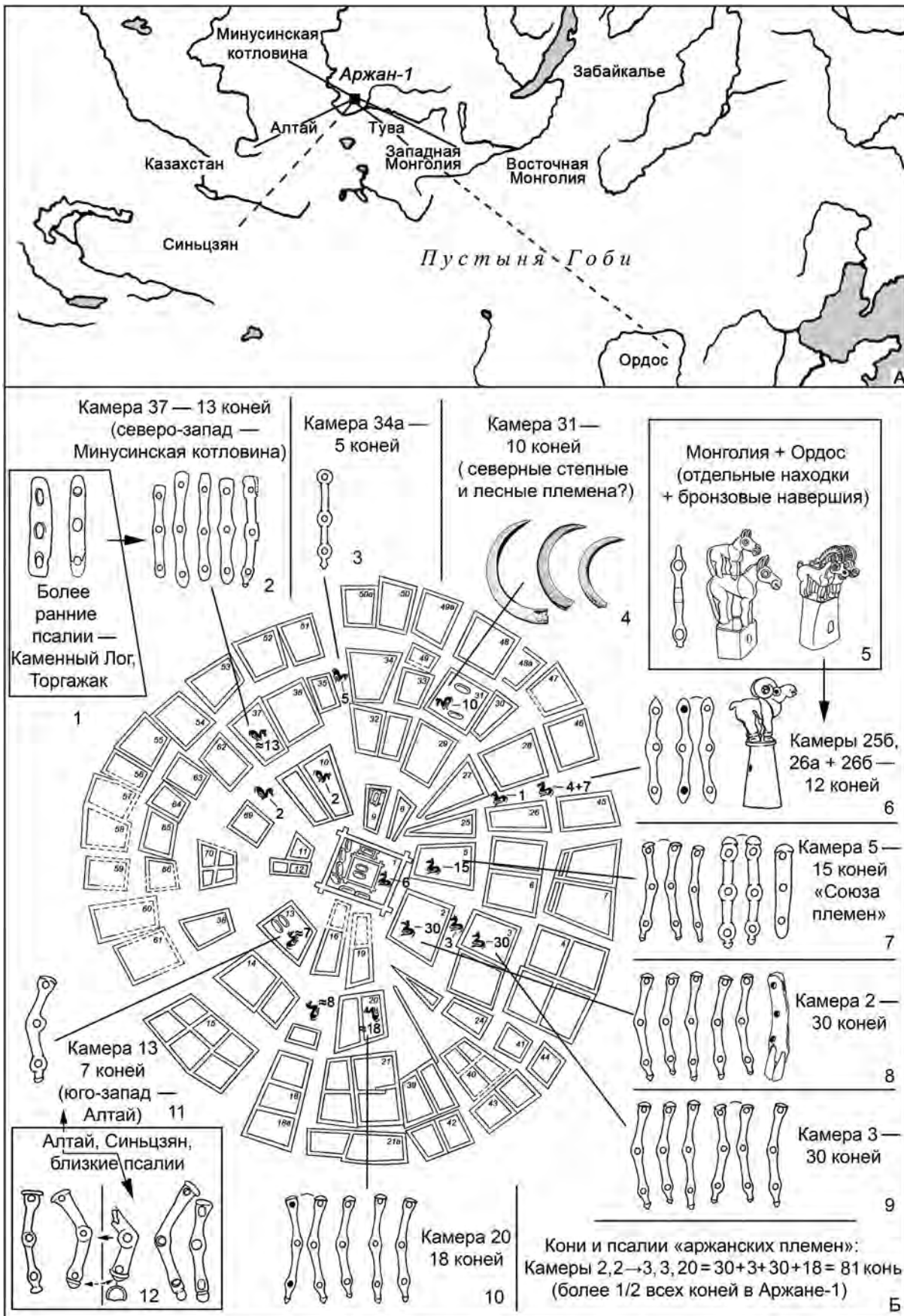
округлой или подквадратной формы в средней, верхней и нижней частях (рис. 3, 8–10, 17). Этот традиционный прием был сохранен и позднее, а также перенесен на другой материал, что нашло отражение в бронзовых псалиях (Аржан-1, Черногоровка, Минусинская котловина и другие регионы) (рис. 3, 28, 29, 31–34, 39), хотя для металлических изделий при их прочности и надежности в этом не было особой необходимости, но такая форма способствовала меньшему расходу более дорогого металла. Бронзовые псалии вначале подражали роговым, но в связи с их большой прочностью и долговечностью постепенно стали разнообразнее по формам и начали вытеснять роговые (рис. 3).

Псалии из кургана Аржан-1 как индикаторы контактов этнически разных племен

Псалии из кургана Аржан-1 изучали многие археологи (Грязнов, 1980; Тереножкин, 1976; Марсадолов, 1985; 1998; 2022б; Боковенко, 1986;

Рис. 3. Общая хронологическая схема предполагаемой эволюции псалиев из разных степных регионов Евразии (с тремя отверстиями, расположенными в двух разных плоскостях, тип «А» (1–7) или отверстиями в одной плоскости, тип «Б» (8–39)): 1, 3, 13, 18 — поселение Каменный Лог I, Хакасия (Поляков и др., 2022); 2 — Саяны-Пограничное-4, курган 7, Красноярский край (Амзараков и др., 2015); 4, 15, 16 — поселение Торгожак, Хакасия (Савинов, 1996); 5 — Топхар, могила 69, Забайкалье (Сосновский, 1941); 6 — Сотниково, плиточная могила 15, Забайкалье (Цыбиктаров, 1998); 7 — Каратал-1, Казахстан (Бейсенов, Ломан, 2009); 8, 10 — Суботов, землянка 6 (Тереножкин, 1976); 9 — Девичий городок-IV, погребение 16 (Казаков, 2002); 11 — Мурадымово-1, Южный Урал (Коренюк и др., 2014); 12, 19 — Еловка, поселение, Томская обл. (рисунки Л. С. Марсадолова); 14 — Фирсово-XVIII, степной Алтай (Папин, Шамшин, 1999); 17 — Тамбар, Кузнецкий Алатау (Членова, Бобров, 1991); 20, 23 — Мурзиха-II, погребение 173, Прикамье (Чижевский, 2008); 21 — Деревка (Лесков, 1971); 22 — Фонтаны, Крым (Колотухин, 2003); 24 — Майртуп 2, погребение 28, Предкавказье (Дударев, 1991); 25 — Измери VII, погребение 14, Поволжье (Казаков, 1994); 26, 27 — Минусинский музей, отдельные находки (Шульга П., 2013); 28 — Чернотин, клад, Чехия (Metzner-Nebelsick, 2002); 29 — Черногоровка, курган 1, погребение 3, Украина (Тереножкин, 1976); 30 — Курту-II, курган 3, Западный Алтай (Сорокин, 1966; Марсадолов, 2013); 31–38 — Аржан-1, курган, Тува (Грязнов, 1980); 39 — Минусинский край, отдельная находка, Гос. Эрмитаж (Марсадолов, 1998). Составлено Л. С. Марсадоловым

Fig. 3. General chronological scheme of tentative evolution of cheek-pieces from various steppe regions of Eurasia (three openings situated in two different planes, type A (1–7); openings situated in a single plane, type B (8–39)): 1, 3, 13, 18 — Kamenny Log I, Khakassia (Поляков и др., 2022); 2 — Sayany-Pogranichnoe-4, mound 7, Krasnoyarsk Region (Амзараков и др., 2015); 4, 15, 16 — Torgazhak, Khakassia (Савинов, 1996); 5 — Topkhar, grave 69, Transbaikal (Сосновский, 1941); 6 — Sotnikovo, slab grave 15, Transbaikal (Цыбиктаров, 1998); 7 — Karatal-1, Kazakhstan (Бейсенов, Ломан, 2009); 8, 10 — Subotov, pit-dwelling 6 (Тереножкин, 1976); 9 — Devichiy Gorodok-IV, burial 16 (Казаков, 2002); 11 — Muradymovo-1, Southern Ural (Коренюк и др., 2014); 12, 19 — Yelovka, Tomsk Oblast (drawn by L. S. Marsadolov); 14 — Firsovo-XVIII, steppe Altai (Папин, Шамшин, 1999); 17 — Tambar, Kuznetsky Alatau (Членова, Бобров, 1991); 20, 23 — Murzikha-II, burial 173, Kama drainage (Чижевский, 2008); 21 — Dereivka (Лесков, 1971); 22 — Fontany, Crimea (Колотухин, 2003); 24 — Mairtup 2, burial 28, Northern Caucasus (Дударев, 1991); 25 — Izmeri VII, burial 14, Volga drainage (Казаков, 1994); 26, 27 — Minusinsk Museum, isolated finds (Шульга П., 2013); 28 — Chernotin hoard, Czechia (Metzner-Nebelsick, 2002); 29 — Chernogorovka, mound 1, burial 3, Ukraine (Тереножкин, 1976); 30 — Kurtu-II, mound 3, Western Altai (Сорокин, 1966; Марсадолов, 2013); 31–38 — Arzhan-1 mound, Tuva (Грязнов, 1980); 39 — Minusinsk Region, isolated find, State Hermitage (Марсадолов, 1998). Compiled by L. S. Marsadolov

1995; 2018; Смирнов, 2005; Ковалев, 2014; и др.). Неоднократно проверенная разными методами абсолютная дата кургана Аржан-1 в Туве — ок. 808 г. до н. э. (Марсадолов, 1989; 1997. С. 49; 1998. С. 5; Евразия..., 2005; и др.) — является «хронологическим рубежом» для относительного и абсолютного датирования псалиев Евразии 900–800 гг. до н. э., а также подразделения их на две основные крупные хронологические группы: 1) «каменно-ложские-белозерские»; 2) «аржанские-черногорские» (Тереножкин, 1976; Грязнов, 1980; 1983; Марсадолов, 2022б; и др.). В кургане Аржан-1 в Туве преобладали псалии с круглыми отверстиями, но также был найден и бронзовый псалий с подовальными отверстиями (фотографию см.: Марсадолов, 1998. Рис. 1, 4). Вопрос о том, являются ли псалии с овальными отверстиями более ранними по отношению к таковым с круглыми, должен решаться конкретно для каждого объекта и региона (рис. 3).

В процессе изучения различных по форме псалиев из кургана Аржан-1 М. П. Грязнов (1980. С. 47) высказал ценное предположение, что они принадлежали «разным этническим образованиям» или «этнографическим подразделениям», но не были определены географические регионы, где могли проживать разные по происхождению этносы.

М. П. Грязнов считал, что наиболее многочисленные псалии местного «аржанского» типа, в основном изготовленные из бронзы, были найдены в деревянных камерах 2, 3, 5 и 20 (рис. 4, 7–10). В этих камерах, расположенных в наиболее

сакрально значимых восточном и южном секторах, было найдено более половины всех коней в кургане Аржан-1, а также наиболее престижные предметы для их украшений, в том числе большая бляха-диск в виде «свернутого в круг хищника (тигра?)» (Грязнов, 1980. С. 26–28).

В камере 37 Аржана-1, где были погребены 13 коней, найдены псалии «прямоверхого» типа, «своеобразной формы, не найденные в других камерах кургана» (Там же. С. 42). Следует отметить, что камера 37 расположена в северо-западной части кургана, а на северо-западе от Тувы находится территория древней Хакасии, которую сибирские археологи для краткости называют Минусой (по многочисленным археологическим памятникам в Минусинской котловине). В камере 37 были найдены только роговые псалии, которые имеют наиболее близкие по форме прототипы на поселениях Каменный Лог и Торгажак в Хакасии (рис. 4, 1, 2). Вероятно, именно представители племен Древней Хакасии вместе с приглашенными из других регионов участвовали в погребении правителя в Аржане-1 и привели в Туву своих коней с их своеобразными уздечными наборами.

К псалиям «аржанского» типа по своей форме наиболее близок экземпляр из камеры 13, расположенной в юго-западной части кургана, где в обширном срубе лежали семь коней. Псалий из сруба 13 гораздо массивнее «аржанских», его стержень более изогнут в центральной части, а среднее и нижнее отверстия имеют иные внешние формы. Наиболее близкие псалии были найдены на юго-западе Алтая

Рис. 4. Курган Аржан-1 — псалии и аналогии: А — фрагмент карты Азии с местоположением кургана Аржан-1 и возможными направлениями культурных контактов; Б — план деревянных камер кургана Аржан-1 в Туве: 1 — ранние аналогии: псалии, Каменный Лог, Торгажак; 2 — псалии, Аржан-1, камера 37 (северо-западное направление на Минусинскую котловину); 3 — псалий, Аржан-1, камера 34а; 4 — псалии, Аржан-1, камера 31; 5 — псалий, бронзовые навершия, отдельные находки из Ордоса и Монголии; 6 — псалии и бронзовое навершие, Аржан-1, камера 25б, 26а, 26б; 7 — псалии, Аржан-1, камера 5, 15 коней «Союза племен»; 8 — псалии, Аржан-1, камера 2; 9 — псалии, Аржан-1, камера 3; 10 — псалии, Аржан-1, камера 20; 11 — псалий, Аржан-1, камера 13 (юго-западное направление на Алтай, Синьцзян); 12 — аналогии: псалии, Алтай, Синьцзян. Составлено Л. С. Марсадоловым, по материалам М. П. Грязнова (1980) и других археологов

Fig. 4. Arzhan-1 mound — cheek-pieces and parallels: A — fragment of map of Asia with locations of parallels to Arzhan-1 and possible directions of cultural ties; B — plan of wooden chambers in the Arzhan-1 mound, Tuva: 1 — early parallels: cheek-pieces, Kamenny Log, Torgazhak; 2 — cheek-pieces, Arzhan-1, chamber 37 (northwestern direction, to Minusinsk Basin); 3 — cheek-piece, Arzhan-1, chamber 34a; 4 — cheek-pieces, Arzhan-1, chamber 31; 5 — cheek-piece, bronze tops, isolated finds from Ordos and Mongolia; 6 — cheek-pieces and bronze top, Arzhan-1, chamber 25b, 26a, 26b; 7 — cheek-pieces, Arzhan-1, chamber 5, 15 horses of the “tribal union”; 8 — cheek-pieces, Arzhan-1, chamber 2; 9 — cheek-pieces, Arzhan-1, chamber 3; 10 — cheek-pieces, Arzhan-1, chamber 20; 11 — cheek-piece, Arzhan-1, chamber 13 (southwestern direction, to the Altai and Xinjiang); 12 — parallels: cheek-pieces, Altai, Xinjiang. Compiled by L. S. Marsadolov, based on excavations by M. P. Gryaznov (1980) and other archaeologists

в кургане 3 могильника Курту-II (Сорокин, 1966; Марсадалов, 2013). Два роговых псалия из Курту имеют разные изгиб стержней, длину и форму отверстий (рис. 3, 30). Более короткий слабо изогнутый псалий сделан с двумя подовальными отверстиями на краях и с округлым отверстием в центре стержня, у второго более длинного и сильнее изогнутого псалия все три отверстия правильной круглой формы. Куртуские псалии, которые можно назвать «алтайским» типом, больше по размерам и массивнее «аржанских». Формы псалиев из Курту-II и Аржана-1 также оказали влияние и на псалии из Ак-Алахи-2 на Алтае и из могильника Мохучахань в Синьцзяне (рис. 4, 12) (Полосьмак, 1993; Шульга П., Шульга Д., 2020; Марсадалов, 2022б). Комплект узд из Мохучахань имеет еще бронзовые разделители для уздечных ремней, что, вероятно, свидетельствует об их более позднем времени изготовления по сравнению с Аржаном-1, где у 160 коней не было ни одного разделителя ремней из бронзы. Если в Аржане-1 большинство псалиев имеют на одном из концов округлое или полусферическое завершение, то экземпляры из Ак-Алахи-2 и Мохучахань сближает их дополнительное оформление — полусферическое завершение с расположенным ниже дополнительным выступающим «подпрямоугольным ободком» (рис. 4, 12).

Камера 13 очень сильно пострадала от грабителей, но там были обнаружены две стоящие рядом деревянные колоды и останки четверых человек. Возможно, в этой камере были погребены знатные представители племен Алтая (не исключено, что и из Синьцзяна?), с территории, расположенной к юго-западу от кургана Аржан-1 в Туве.

«Остроконечный» тип (по М. П. Грязнову) бронзовых псалиев обнаружен только в проходных камерах 25б, 26а и 26б, где в восточно-северо-восточной части кургана было погребено $1 + 4 + 7 = 12$ коней. Псалии этого типа пока не имеют близких аналогий в памятниках кочевников Евразии. Среди отдельных находок в Монголии встречаются предшествующие по времени экземпляры, которые в дальнейшем могут быть рассмотрены в качестве прототипов для псалиев этого типа из Аржана-1 (рис. 4, 5).

В камерах 26а и 26б найдено много разных предметов, в том числе и пять бронзовых наконечников в виде горных баранов, стоящих на высоких и низких втулках (рис. 4, 6). Близкие по стилю и времени к аржанским зооморфные бронзовые наконечники в большом числе были найдены

в основном на территории Монголии и Ордоса (рис. 4, 5).

В расположенной на севере камере 31 было уложено 10 коней. В этой камере у ряда конских черепов были найдены очень длинные клыки кабанов (рис. 4, 4). М. П. Грязнов (1980. С. 49) предполагал, что «у всех 10 коней были деревянные псалии, форма и устройство которых, к сожалению, остались нам неизвестны». Не исключено, что часть длинных клыков могла привязываться либо к деревянным псалиям, или прямо к удилам. Ареал распространения диких кабанов очень обширен, но, возможно, что в этой камере захоронили коней и их снаряжение, принадлежавшее племенам, которые обитали в степных и лесных районах, к северу от кургана Аржан-1. В камере 31 стояли две деревянные колоды с погребенными мужчинами, но, в отличие от камеры 13, колоды стояли не рядом, а в противоположных сторонах сруба — на юго-востоке и на северо-западе.

В камере 5 было найдено наибольшее число разных по форме псалиев — «аржанского», «минусинского?», «алтайского?» типов (рис. 4, 7). В этой камере было уложено 15 коней, то есть в два раза меньше, чем в соседней камере 2, где погребено 30 коней с псалиями «аржанского» типа. Не исключено, что в камере 5 были собраны и захоронены кони, предоставленные «Союзом племен» (рис. 4).

Вероятно, количество коней (15 и 30), а также количества других предметов погребального инвентаря в разных камерах кургана Аржан-1 (3, 5, 7, 9, 12, 18) были связаны не только с «этнической», но и с астрономической символикой (Марсадалов, 1989; 2022а).

Заключение

Вожжи и мастера древних кочевников Евразии внесли свой значимый вклад в создание разнообразного повседневного и сакрального конского снаряжения в I тыс. до н. э. В IX–VIII вв. до н. э. в связи с новыми конструктивными тенденциями оформления узды и псалиев три отверстия были перенесены на одну плоскость (раньше они располагались в двух плоскостях). Евразийские кочевники оставляли хорошо зарекомендовавшие себя наиболее конструктивно-рациональные формы и вырабатывали новые элементы экипировки коня, что способствовало дальнейшему совершенствованию упряжи и упрощало управление для всадника. «Микроэволюция» предметов конского снаряжения Евразии X–VIII вв. до н. э. имела дальнейшее «эволюционное» продолжение в памятниках VII–IV вв. до н. э. и позднее.

- Амзараков и др., 2015 — Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7. С. 72–83.
- Бейсенов, Ломан, 2009 — Бейсенов А. З., Ломан В. Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.
- Боковенко, 1986 — Боковенко Н. А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 – Археология. Л., 1986. 24 с.
- Боковенко, 1995 — Боковенко Н. А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 85–90.
- Боковенко, 2018 — Боковенко Н. А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии // Мир большого Алтая. 2018. Т. 4, № 1. С. 8–42.
- Грязнов, 1947 — Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.
- Грязнов, 1980 — Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- Грязнов, 1983 — Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кемеровский ГУ, 1983. Вып. 12. С. 3–18.
- Дударев, 1991 — Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Чечено-Ингушский ГУ, 1991. 156 с.
- Евразия..., 2005 — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Загородняя, 2022 — Загородняя О. Н. Приложение 1. Трасологический анализ артефактов // Поляков А. В., Марсадолов Л. С., Лурье В. М. Поселение Каменный Лог I на Среднем Енисее (по материалам раскопок М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 73–100.
- Иессен, 1953 — Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. XVIII. С. 49–110.
- Кадырбаев, 1966 — Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1966. С. 303–433.
- Казаков, 1994 — Казаков Е. П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 104–123.
- Казаков, 2002 — Казаков Е. П. О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год: Сб. ст. Казань: Школа, 2002. С. 83–87.
- Кашуба, 2000 — Кашуба М. Т. Ранее железо лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия — Сахарна) // Stratum plus. 2000. № 3: Мельпомена археологическая. С. 241–488.
- Кирюшин, Тишкин, 1997 — Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1997. Ч. I. 232 с.
- Ковалев, 2014 — Ковалев А. А. Происхождение скифов из Джунгарии: основание гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сборник памяти Е. Е. Кузьминой / Отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2014. С. 124–135.
- Колотухин, 2003 — Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стило, 2003. 138 с.
- Кореньюк и др., 2014 — Кореньюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014 (Археология евразийских степей; Вып. 20). С. 116–131.
- Лесков, 1971 — Лесков А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии / Отв. ред. П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука, 1971 (МИА; № 177). С. 75–91.
- Марсадолов, 1985 — Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 – Археология. Л., 1985. 16 с.
- Марсадолов, 1989 — Марсадолов Л. С. Курган Аржан. Хронология, алтайские и европейские аналогии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. обл. конф. к 90-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова / Отв. ред. Г. Н. Тощев. Запорожье: б. и., 1989. С. 81–82.
- Марсадолов, 1997 — Марсадолов Л. С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // Радиоуглерод и археология. СПб.: ИИМК РАН, 1997. Вып. 2. С. 45–51.
- Марсадолов, 1998 — Марсадолов Л. С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н. э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин,

- А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1998. С. 5–24.
- Марсадолов, 2013 — Марсадолов Л. С. Алтайские псалии из Курту и их восточно-европейские аналогии (к 100-летию С. С. Сорокина) // Проблемы периодизации и хронологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической науч. конф. / Отв. ред. Е. А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 131–141.
- Марсадолов, 2022а — Марсадолов Л. С. Об астрочислах коней из больших курганов Саяно-Алтая VIII–IV вв. до н. э. // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения М. П. Грязнова (1902–1984) / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 201–204.
- Марсадолов, 2022б — Марсадолов Л. С. Псалии из землянки № 1 и их евразийские аналогии // Поляков А. В., Марсадолов Л. С., Лурье В. М. Поселение Каменный Лог I на Среднем Енисее (по материалам раскопок М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 58–71.
- Марсадолов, Тишкин, 1998 — Марсадолов Л. С., Тишкин А. А. Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947–1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н. э. в степной полосе Евразии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1998. С. 91–92, 170–188.
- Папин, Шамшин, 1999 — Папин Д. В., Шамшин А. Б. Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном Алтайском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Под. ред. Ю. Ф. Кирюшина, А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1999. С. 141–144.
- Подобед и др., 2014 — Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II — начала I тыс. до н. э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. трудов, посв. юбилею В. И. Соёнова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский ГУ, 2014. № 7 (19). С. 85–118.
- Полосьмак, 1993 — Полосьмак Н. В. Исследования памятников скифского времени на Укоке // Altaica. Новосибирск, 1993. Вып. 3. С. 21–31.
- Поляков и др., 2022 — Поляков А. В., Марсадолов Л. С., Лурье В. М. Поселение Каменный Лог I на Среднем Енисее (по материалам раскопок М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой). СПб.: ИИМК РАН, 2022. 188 с.
- Савинов, 1996 — Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 112 с.
- Смирнов, 2005 — Смирнов Н. Ю. Псалии аржанского типа (опыт классификации и типологии) // Альманах молодых археологов. По материалам II Междунар. студенческой науч. конф. «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири». СПб.: Нестор-История, 2005. С. 67–85.
- Сорокин, 1966 — Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Л.: Советский художник, 1966. Вып. 8: Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. С. 39–60.
- Сосновский, 1941 — Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды Отдела истории первобытной культуры (Государственный Эрмитаж). Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1941. Т. 1. С. 273–309.
- Тереножкин, 1976 — Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Цыбиктаров, 1998 — Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ГУ, 1998. 288 с.
- Чижевский, 2008 — Чижевский А. А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань: Школа, 2008 (Археология евразийских степей; Вып. 5). 172 с.
- Членова, Бобров, 1991 — Членова Н. Л., Бобров В. В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С. 143–180.
- Шульга П., 2008 — Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. Ч. I. 276 с.
- Шульга П., 2013 — Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартянова). Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2013. 148 с.
- Шульга П., Шульга Д., 2020 — Шульга П. И., Шульга Д. П. Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 259 с.
- Metzner-Nebelsick, 2002 — Metzner-Nebelsick C. Der “Thrako-Kimmerische” Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit in südöstlichen Panonien. Berlin: Verlag Marie Leidorf, 2002. 726 p.

The “microevolution” of cheek-pieces and the contacts of Eurasian nomads in the 10th–8th centuries BC

L. S. Marsadolov²

Keywords: Nomads, horse, cheek-pieces, evolution, Eurasia, Arzhan-1 mound, contacts.

Horse harness items are very informative with regard to the study and reconstruction of not merely subsistence, but also ethnic, political, regional, and social history of the nomadic tribes of Eurasia in the 2nd and 1st millennia BC. At present, changes of horse harness in nomadic cultures of the 1st millennium BC can be analyzed along two main directions — macroevolution and microevolution. Important microevolutionary processes can be reconstructed mostly through a detailed study of minor changes of cheek-pieces. Such an analysis was undertaken using materials from various dwellings at Kamenny Log and Torgazhak in Khakassia (figs. 1; 2).

In Eurasia, the search for an optimal equipment for horse-riding proceeded over a long period from the 10th to the 6th cen. BC, which accounts for a marked variation of cheek-pieces (fig. 3). The benchmark for dating and correlating archaeological finds associated with early Eurasian nomads is provided by the reliable date of the large mound Arzhan-1 in Tuva, established by several methods – around 800 BC. Cross-parallels allow us to assess both the relative chronology of sites and their absolute dates based on the types of cheek-pieces and artistic imagery (fig. 4). In this article, I analyze the cheek-pieces from Tuva, Altai, the Minusinsk Basin, Mongolia, Xinjiang, Ordos, etc. A conclusion is made that representatives of all those regions could have taken part in the funeral of the “tribal union” chief (fig. 4).

---

² Leonid S. Marsadolov — State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russia; e-mail: marsadolov@hermitage.ru.

Комплекс поселений раннего железного века Акбауыр в Восточном Казахстане¹

З. Самашев, А. Жунисланов, А. Ержанова, М. Половцев²

Аннотация. В статье опубликованы первоначальные результаты изучения поселенческого комплекса раннего железного века Акбауыр, расположенного на территории Уланского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. По результатам лабораторно-аналитических исследований выяснено, что хозяйственная деятельность была основана на горном деле, металлургии и металлообработке; комплекс датируется периодом с конца эпохи бронзы до середины I тыс. до н. э.

Ключевые слова: ранний железный век, поселенческий комплекс, Акбауыр, система жизнеобеспечения, архитектура, артефакты.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-68-75

В 2019 г. было начато стационарное изучение комплекса поселений раннего железного века в урочище Акбауыр на территории Уланского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан при непосредственном участии нашего друга Николая Анатольевича Боковенко.

Территория комплекса занимает особую ландшафтную нишу, располагаясь у западного подножия горы Коржынбай (рис. 1). Такой выбор места для устройства поселений объясняется стремлением наиболее эффективно использовать рельеф местности для укрытия людей и скота от холодных ветров. Обильный травостой и многочисленные родники в древности играли исключительно важную роль в жизни людей. Поэтому издревле

эти места были облюбованы ими, о чем свидетельствуют многочисленные материальные свидетельства: поселения, культовые места, ограды, писаницы, петроглифы, стелы, курганы и другие объекты вплоть до казахских зимовок.

В настоящее время на данной территории археологические работы ведутся на десяти поселениях, которые дают фактологическую информацию об устройстве и функционировании систем жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности и позволяют наметить некоторые историко-культурные, социально-экономические и иные черты, в частности, касающиеся процессов урбанизации в Западно-Алтайском регионе в древности.

Жилища Акбауыра наряду с общими признаками, свойственными всем комплексам поселений раннего железного века, имеют и специфические, обусловленные природно-климатическими условиями и особенностями исторического развития данного региона. Все выявленные строения имеют в плане форму неправильного прямоугольника с закругленными углами или овала (Самашев, Ержанова и др., 2022. С. 119) (рис. 2). Основание конструкции большинства помещений представляет собой каменные блоки, уложенные плашмя в два ряда. Стены сооружений возведены из крупных плит, поставленных параллельно. Промежутки в кладке забутованы средними по размеру камнями (Там же. С. 117; Самашев, Чотбаев и др., 2022. С. 133).

¹ Статья подготовлена в рамках программы ФНИ Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

² Самашев З., Ержанова А. — Институт археологии им. А. Х. Маргулана; Алматы, Казахстан; e-mail: archaeology_kz@mail.ru, erjanova_a@mail.ru; Жунисланов А. — Назарбаев университет; Астана, Казахстан; e-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz; Половцев М. — Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей; Усть-Каменогорск, Казахстан; e-mail: m_polovtsev@mail.ru.

© Самашев З., Жунисланов А., Ержанова А., Половцев М., 2024

Рис. 1. Акбауыр. Расположение поселений (П1–П7) и мест древней выработки

Fig. 1. Akbauyr location of settlements (П1–П7) and ancient mines

Опорные столбы для поддержания кровли в некоторых случаях углубляли в землю (рис. 2, 2), иногда они опирались прямо на поверхность древнего горизонта. Проходы преимущественно располагались с северо-восточной стороны. Пол обычно обмазывали светло-серой рыхлой супесью, иногда использовали золу для выравнивания его поверхности или утепления.

Характерной особенностью акбауырских поселений является наличие нескольких примыкающих к основным помещениям пристроек, по-видимому, хозяйственного назначения (рис. 2, 3). Внутри этих помещений были обнаружены очаги и печи различных размеров и конструкций (рис. 3), сырьевые запасы, заготовки, орудия труда из камня, кости, бронзы, огромное количество обломков керамической посуды и другие предметы (Самашев, Ержанова и др., 2022. С. 119; Самашев, Жунисханов и др., 2022. С. 124, 127; Самашев, Чотбаев и др., 2022. С. 134, 135; Самашев, Половцев и др., 2022. С. 145; Самашев, Умитқалиев и др., 2022. С. 149), которые свидетельствуют о специфике производственной деятельности жителей данного края в самом конце бронзового века и на протяжении первой половины I тыс. до н. э.

В поселении Акбауыр II выявлены несколько интересных каменных конструкций, в основном округлой формы, к которым примыкали пристройки. Типологически они относятся к назем-

ным жилищам с каменными стенами, сооруженным из больших гранитных блоков. Стены дома были толстостенными, таким образом, возможно, древние акбауыровцы сохраняли тепло. На некоторых участках данного поселения полом жилищ служат естественные выходы крупнозернистого серого гранита, из которого состоит, собственно, вся складчатая гора Акбауыр. Поверхность пола древние жители для сохранения тепла обмазывали глиной. В ходе археологических работ здесь был найден трехгранный сводчатый бронзовый наконечник стрелы с опущенными вниз шипами и скрытой втулкой (рис. 4, 17), который датируется в пределах VI–IV вв. до н. э. (Яблонский, 2006. С. 95, рис. 3, 56; Чугунов, 2000. С. 227). Среди обнаруженных фрагментов керамики особый интерес вызывает фрагмент стенки сосуда с текстильным отпечатком на внутренней поверхности (Самашев, Жунисханов и др., 2022. С. 126). Отпечатки текстиля на поверхностях сосудов были широко распространены в разные эпохи на многих территориях.

Жители изучаемых поселений, по-видимому, нередко перестраивали строения и пристраивали к ним новые подсобные помещения хозяйственного назначения. В целом в конструкции и планировке построек Акбауыра прослеживается определенная преемственность архитектурно-строительных традиций финального периода бронзового века. Домостроительство древнего

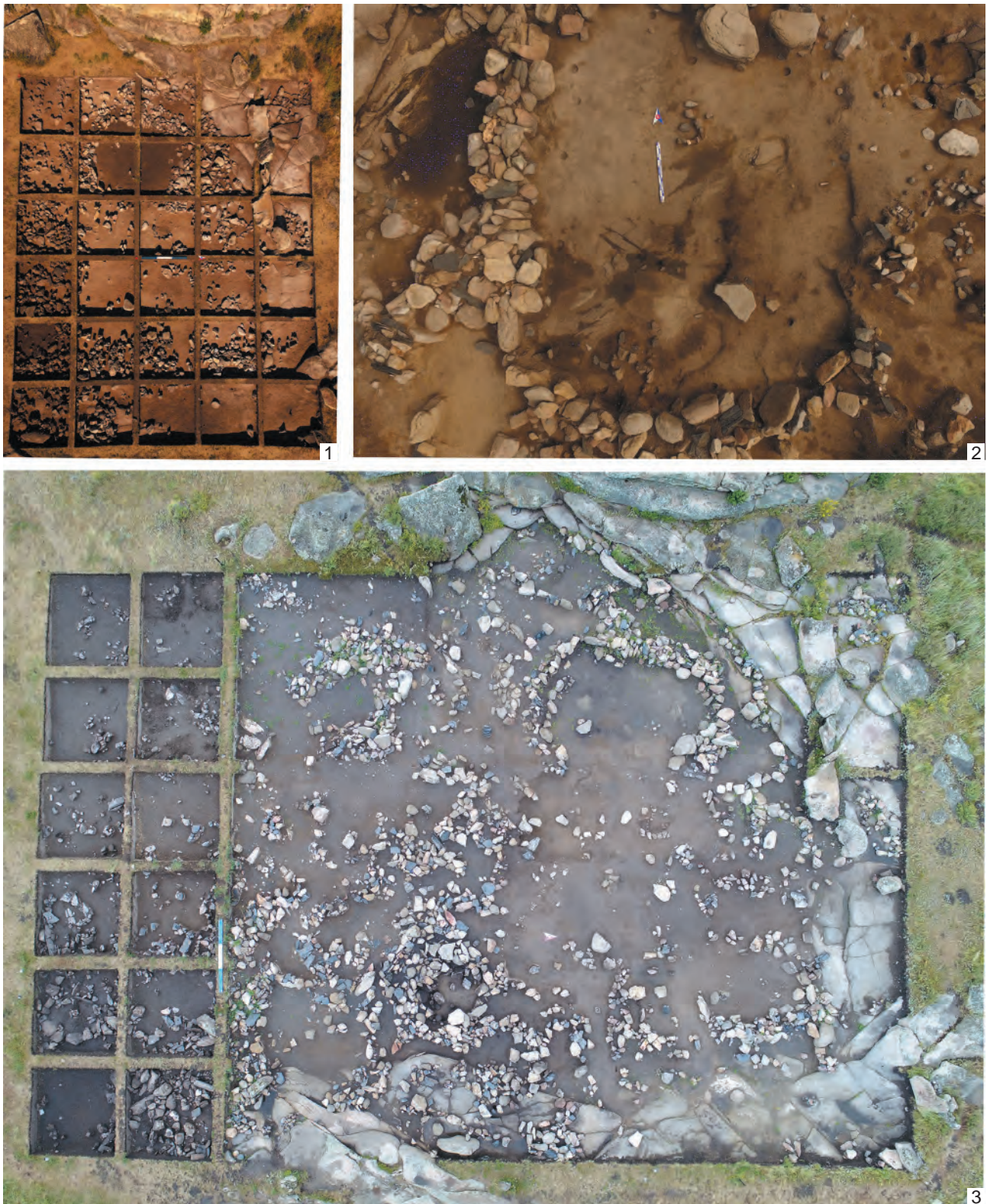

Рис. 2. Поселение Акбауыр I на разных этапах исследования: 1, 3 — общий вид поселения (1 — 2019 г., 3 — 2023 г.); 2 — общий вид жилища 1

Fig. 2. The Akbauyr I settlement at various stages of excavation: 1, 3 — general view (1 — 2019, 3 — 2023); 2 — general view of dwelling 1

населения Акбауыра является результатом продолжительной эволюции и адаптации к природно-экологической среде с учетом специфики хозяйственной деятельности.

В пределах территории поселения Акбауыр I было зафиксировано захоронение — скелетные останки двух человек (рис. 5). По определению антропологов, кости принадлежат молодым индивидам. Рядом с погребенными находилось некоторое количество предметов производства — мотыг и костяных инструментов, а также обломков керамики и костей лошадей. Человеческие захоронения могут быть связаны с сакрализацией самого производственного процесса, цикла или со строительным культом, который имел место в истории различных народов мира в древности и Средневековье. Возможны и другие варианты объяснения данного факта (Самашев, 2020. С. 108).

В ходе археологических работ было найдено множество фрагментов керамики, каменные орудия труда (мотыги, пест, куранты, молотки, зернотерки, краскотерки, обломок литейной формы), костяные орудия труда (шилья, скребки, ложила, проколки, стамески и др.) и иные предметы быта (рис. 4). Обнаруженные археологические материалы комплекса поселений Акбауыр достаточно выразительны и разнообразны; в последующем с их помощью можно попытаться выполнить палеоэкономическую реконструкцию поселения раннего железного века.

На сегодняшний день зафиксировано свыше сотни экземпляров каменных орудий труда (рис. 4, 6, 10, 18) (мотыг, зернотерок, курантов, шаров, дисков, абразивов, оселков, пряслиц, молотков, лоцил, пестов, терочников, отбойников и др.). Они представлены целыми, законченными или фрагментированными образцами, которые позволяют изучать в перспективе различные стадии и полный цикл их изготовления.

Самое распространенное орудие среди каменных изделий — мотыга. В основном все мотыги изготавливались из сланцевых пластин. Некоторые представляли собой орудия сложносоставного типа, к которым привязывались костяные или деревянные ручки.

Функционально изделия камнеобработки можно разделить на несколько классов: землекопные инструменты (мотыжки, кайла), терочные инструменты (зернотерки, песты, куранты), орудия кожевенного производства, орудия металлообработки. Также среди каменных предметов можно отметить оселки, гладилки, ложила,

Рис. 3. Поселение Акбауыр I. Остатки двухкамерной печи

Fig. 3. Akbaury I. Remains of a two-chamber furnace

стамески, предназначенные для работ по дереву, и обломок пилы для резки костей.

Наиболее массовый вещественный материал представлен десятками тысяч обломков керамических сосудов различных типов (рис. 4, 1–5, 7–9, 11, 12), которые служат на данном этапе исследования одним из основных ориентиров в установлении направленности хозяйственной деятельности акбауырского социума.

Среди фрагментов керамики встречается большое количество тонкостенных венчиков, иногда сильно отогнутых. Часть фрагментов керамики покрыта красным ангобом. Попадаются и обломки толстостенной кухонной посуды. К числу редких можно отнести обломки венчиков с ручкой и носиком-сливом. Наиболее распространенными орнаментами в поселениях Акбауыра были жемчужины. Обычно они располагались в один ряд и сочетались с пальцевыми защипами, разными вдавлениями, косыми насечками, «елочкой».

Акбауырская керамика в целом сочетает в себе элементы традиций поздней бронзовой эпохи, переходного периода и раннего железного века. На данном этапе изучения на основе технико-технологического анализа керамики мы допускаем, что начиная по крайней мере с XI в. до н. э. на территории комплекса сосуществовали различные традиции изготовления керамических сосудов. Проведенный анализ керамики установил, что определенная часть материала относится к категории технологической керамики (сопло, льячка, ложила), указывающей на наличие металлургического производства (Самашев и др., 2021. С. 754–756).

Рис. 4. Поселение Акбауйр I: 1-5, 7-9, 11, 12 — фрагменты керамических сосудов; 14-16, 20 — костяные изделия; 6, 10, 18 — каменные орудия труда; 13 — керамический тигель; 19 — бронзовое шило с костяной ручкой. Акбауйр II: 17 — бронзовый наконечник стрелы. Масштаб: а — для 19, 20; б — для 1-8, 10, 18; в — для 9-17

Fig. 4. Akbauyr I: 1-5, 7-9, 11, 12 — fragments of clay vessels; 14-16, 20 — bone artifacts; 6, 10, 18 — stone tools; 13 — clay crucible; 19 — bronze awl with bone grip. Akbauyr II: 17 — bronze arrowhead. Scale: a — for 19, 20; б — for 1-8, 10, 18; в — for 9-17

Костяные предметы также представлены широко (рис. 4, 14-16). В культурных слоях часто встречаются лошала для керамического производства, различные проколки, острия, предметы для обработки шерсти, кожи и текстиля, стамески и комбинированные орудия. Также на некоторых участках производственной площадки были обнаружены скопления костей нижней части конечностей различных животных, возможно, собранных в качестве сырьевого запаса для изготовления различных инструментов и предметов быта. Например, на каудальной поверхности таранных костей МРС встречаются различные граффити, на латеро-медиальных блоках — следы шлифования, а на краниальной поверхности — отверстия. В костяных предметах выделяется отдельная категория — астрагалы МРС, на которых фиксируются насечки, отверстия, граффити и следы сработанности. Они могли быть связаны скорее с обработ-

кой кожи и других материалов, нежели со знаковой (семиотической), ритуальной или игровой функцией. Обнаруженные костяные орудия труда и заготовки, по-видимому, с одной стороны, могут свидетельствовать о преемственности в использовании технических приемов и об усовершенствовании опыта в косторезном деле, с другой — демонстрировать производственный характер палеоэкономики древнего общества.

Определенные инструменты из костей животных могли изготавливаться для медицинских и ветеринарных целей. На разных участках комплекса поселений были обнаружены предметы (шлаки, бронзовые шилья, обломок лезвийного ножа, наконечник стрелы и др.) из бронзы.

Анализ остеологического материала показал, что среди костей преобладают кости КРС и МРС. Лошади по видовому составу занимают третье место. Среди всех исследованных остеологических

Таблица. Результаты радиоуглеродного датирования образцов остеологического материала комплекса поселений Акбауыр*

Table. Results of radiocarbon analysis of bone samples from Akbauyr

Индекс	Поселение	Материал образца	¹⁴ C BP	¹⁴ C cal BC (1σ, вероятность 68,3 %)	¹⁴ C cal BC (2σ, вероятность 95,4 %)
ABSL2	Акбауыр I	Зуб животного	2536±27	788–751 (31,4 %) 684–668 (12,6 %) 634–621 (7,6 %) 614–590 (16,6 %)	794–743 (35,2 %) 692–663 (16,0 %) 646–549 (44,2 %)
ABSL3	Акбауыр I	Зуб животного	2548±28	794–753 (43,5 %) 683–669 (10,1 %) 631–625 (2,9 %) 611–593 (11,8 %)	799–747 (47,3 %) 690–664 (13,3 %) 644–551 (34,8 %)
AB-SLSH	Акбауыр I	Кость животного	2417±30	539–527 (43,5 %) 521–411 (10,1 %)	746–689 (12,7 %) 666–644 (5,4 %) 564–401 (77,4 %)
AB-SLS_H	Акбауыр I	Кость животного	2504±28	768–747 (11,5 %) 689–665 (13,1 %) 644–563 (43,6 %)	778–541 (95,4 %)
AB-SLSS	Акбауыр I	Кость животного	2570±30	802–761 (68,3 %)	808–749 (73,0 %) 686–666 (6,9 %) 639–569 (15,6 %)
AB2-SL1	Акбауыр II	Кость животного	2479±28	754–720 (14,6 %) 708–681 (11,3 %) 669–662 (2,8 %) 594–544 (21,7 %)	771–479 (95,4 %)
AB2-SL1/45	Акбауыр II	Кость животного	2715±29	898–866 (35,4 %) 851–821 (32,9 %)	913–809 (95,4 %)
AB2-SL1/37-1	Акбауыр II	Кость животного	2182±28	351–290 (44,3 %) 226–224 (1,4 %) 209–176 (22,6 %)	363–155 (95,4 %)

* Анализ выполнен в Лаборатории масс-спектрометрии Vilnius Radiocarbon (Вильнюс, Литва); руководитель проектов — Юлиус Паужолис.

материалов кости лошади принадлежали взрослым и старым особям. Это может говорить о том, что жители комплекса поселений Акбауыр использовали лошадей скорее для тяговых работ, нежели для верховой езды или в качестве источника мяса, так как старые животные не годятся ни для первого, ни для второго. Наиболее вероятная область их использования — агротехнические работы и перемещение грузов в пределах комплекса поселений и его окрестностей. В прилегающей местности обнаружено несколько древних выработок, связанных с металлообработкой, и лошадей могли использовать для перевозки необходимого сырья.

Останки диких животных почти не встречаются, возможно, это связано с тем, что охота в хозяйственной деятельности населения Акбауыра играла незначительную роль (Шагирбаев, 2022).

Радиоуглеродные анализы проб остеологического материала показали несколько дат в проме-

жутке между 2715 и 2182 гг. до н. э. (табл.). Эти даты соотносятся как со стратиграфическими наблюдениями, так и с данными конструктивных элементов жилищ.

В ходе поисковых работ в пределах комплекса поселений были выявлены два участка со следами древних выработок касситерита. В результате рекогносцировочных раскопок были найдены каменные орудия труда, а также зафиксированы следы пепла, образцы руд (олово?) (Самашев и др., 2021. С. 436, 437). В целом вокруг Акбауыра в радиусе от 5 до 20 км расположены выработки, штольни и шахты Кошанай, Алтуайт Мыншункыр, Урунхай, Карагоин, Калайы тапкан, Бетегели и другие, в которых добывали руду для получения меди и олова (Черников, 1948. С. 97; Самашев, 2020. С. 116).

Таким образом, на основе полученных материалов можно утверждать, что комплекс поселений Акбауыр функционировал как специализированный

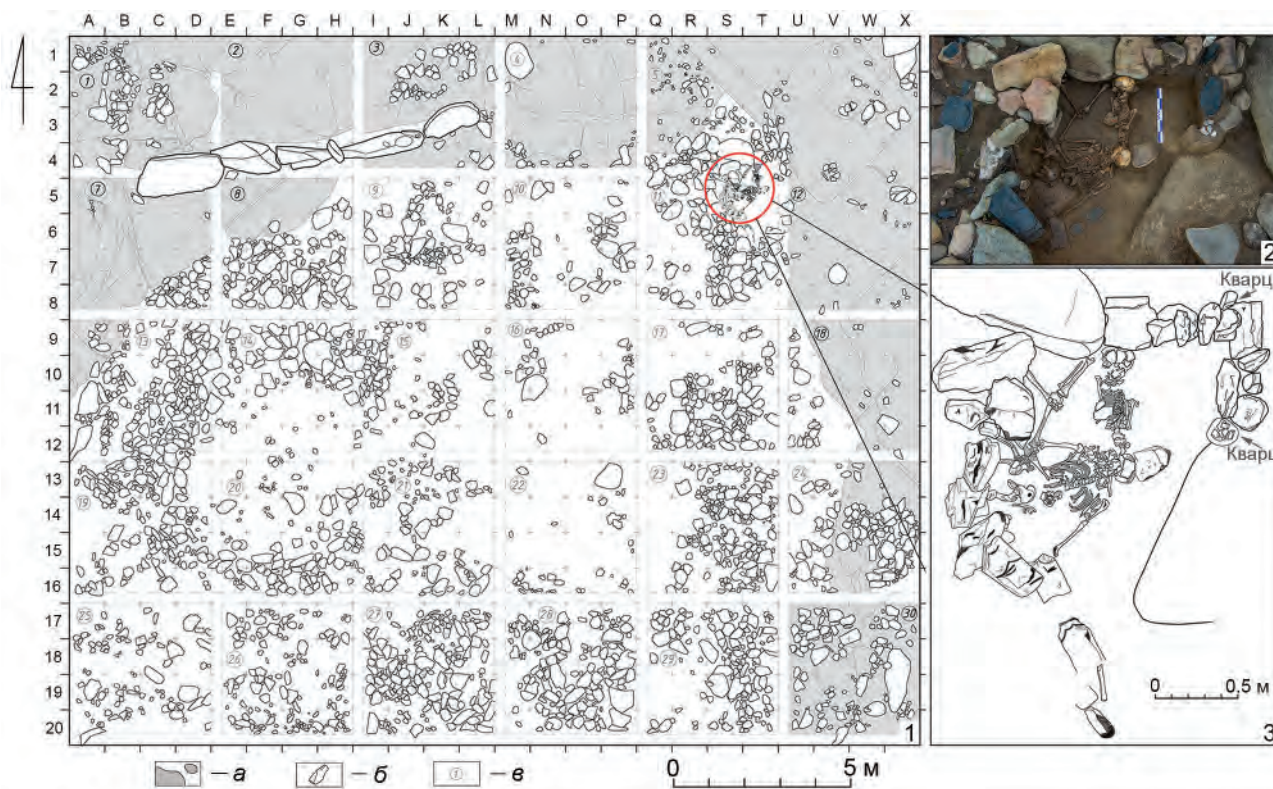

Рис. 5. Поселение Акбауыр I: 1 — графический план раскопа; 2 — захоронение, вид с севера; 3 — графический план захоронения (а — скальник, б — камни, крупнозернистый гранит, в — номер сектора)

Fig. 5. Akbaury I: 1 — excavation plan; 2 — burial, northern view; 3 — burial plan (a — rock, б — stones, coarse-grained granite, в — sector number)

производственный центр металлургического производства Западно-Алтайского горно-металлургического района, использовавший местное сырье, который обеспечивал своей продукцией не только собственные потребности, но, вероятно, имел и более отдаленные торгово-экономические связи.

Время возникновения Акбауырских поселений охватывает период, судя по полученным

на сегодняшний день радиоуглеродным данным, с конца эпохи бронзы до середины I тыс. до н. э. При дальнейших исследовательских работах будут конкретизированы хронологические рамки и этапы культурно-хозяйственного освоения как конкретного микрорайона, так и более широкого ареала распространения культурной традиции.

Самашев, 2020 — Самашев З. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири: Сб. науч. трудов, посв. 75-летию со дня рождения В. В. Боброва / Отв. ред. О. С. Советова. Кемерово: Изд-во Кузбасского регион. ин-та повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2020. Вып. 28. С. 103–118.

Самашев и др., 2021 — Самашев З., Жунисханов А., Омаров Г. и др. Итоговый отчет о полевых и камеральных работах по «Программе развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в Восточно-Казахстанской области на 2016–2026 годы» (руководитель Д. К. Ахметов) за 2021 год. Тема «Алтай-

Тарбагатай от эпохи бронзы до раннего средневековья» // Архив КГКП «Областной историко-краеведческий музей» г. Усть-Каменогорска. № КП 90-40918. 820 с.

Самашев, Ержанова и др., 2022 — Самашев З., Ержанова А., Чотбаев А., Самашев С., Меделбек Ш., Ботанов Д. Продолжение исследований на поселениях Акбауыр-I // Алтай — золотая колыбель тюркского мира: Сб. ст. Усть-Каменогорск: б. и., 2022. С. 116–121.

Самашев, Жунисханов и др., 2022 — Самашев З., Жунисханов А., Рахманкулов Е., Каражигитова А., Курмангалиев А. Поселение Акбауыр-II // Там же. С. 122–132.

- Самашев, Половцев и др., 2022 — Самашев З., Половцев М., Меделбек Ш., Самашев С. Поселение Акбауыр-VI // Там же. С. 140–145.*
- Самашев, Умітқалиев и др., 2022 — Самашев З., Умітқалиев Ұ., Дүйсенбай Д., Мұсырманқұл П. Акбауыр-VII қонысы // Там же. С. 146–157.*
- Самашев, Чотбаев и др., 2022 — Самашев З., Чотбаев А., Ержанова А. Поселение Акбауыр-III // Там же. С. 133–139.*
- Черников, 1948 — Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 96–100.*
- Чугунов, 2000 — Чугунов К. В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сб. ст. к 60-летию М. Л. Подольского. СПб.: Наука, 2000. С. 213–240.*
- Шагирбаев, 2022 — Шагирбаев М. Первые результаты археозоологического изучения костных останков животных из поселенческих комплексов на Акбауыре // Алтай — золотая колыбель тюркского мира: Сб. ст. Усть-Каменогорск: б. и., 2022. С. 158–184.*
- Яблонский, 2006 — Яблонский Л. Т. Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа // Древности скифской эпохи: Сб. ст. / Отв. ред. В. Г. Петренко, Л. Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006 (Материалы и исследования по археологии России; Т. 7). С. 277–296.*

Akbauyr — a group of Early Iron Age sites in Eastern Kazakhstan

Z. Samashev, A. Zhuniskhanov, A. Erzhanova, M. Polovtsev³

Keywords: Early Iron Age, Akbauyr group of sites, subsistence strategy, architecture, artifacts.

Since 2019, stationary excavations have been ongoing at the Akbauyr group of sites in the Ulan district of the Eastern Kazakhstan Region, Republic of Kazakhstan. To date, nine settlements have been revealed. The findings allowed us to revise the issues relating to the Early Iron Age subsistence systems and economic activities. A conclusion was made that the dwelling complex of Akbauyr reveals features shared by all similar complexes, and specific ones, determined by environmental factors and cultural processes in the region. We describe artifacts — numerous fragments of clay vessels, stone tools (hoes, pestle, grinders, hammer, milling-stones, paint-grinders, fragment of casting mold), bone tools (awls, scrapers, burnishers, borers, adzes, etc.), and other utensils. Based on these finds we argue that Akbauyr was a specialized metallurgic center of the western Altai mining area, where local ores were employed and metal was produced not only for local use but also for export.

---

³ Zainolla Samashev, Albina Erzhanova — Margulan Institute of Archaeology; Almaty, Kazakhstan; e-mail: archaeology_kz@mail.ru, erjanova_a@mail.ru; Aidyn Zhuniskhanov — Nazarbaev University; Astana, Kazakhstan; e-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz; Maxim Polovtsev — East Kazakhstan Regional Museum of History and Local Lore; Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan; e-mail: m_polovtsev@mail.ru.

Разрушенный горн на берегу реки Кара-Дыт в Южной Туве: от углей до крицы¹

В. С. Бусова, В. В. Баринов, М. А. Кулькова, В. С. Мыглан, О. В. Сычева,
А. В. Тайник, М. О. Филатова²

Аннотация. В 2022 г. отдельным отрядом ТАЭ ИИМК РАН была обнаружена производственная зона, расположенная на р. Кара-Дыт. Из раскопанного на ней горна были взяты образцы шлаков и древесного угля. Древесные угли были перекрестно датированы между собой и сведены в одну древесно-кольцевую хронологию длительностью 125 лет. Радиоуглеродный анализ дал дату: 352–441 гг. н. э. Данные химического состава шлаков позволили установить, что для выплавки железа использовались магнетитовые руды.

Ключевые слова: шлак, уголь, горн, металлургия, радиоуглеродное датирование, дендрохронология, козельская культура, Тува, Южная Сибирь.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-76-83

Введение

В ходе разведки полевого сезона 2019 г. отдельным отрядом ТАЭ ИИМК РАН была выявлена стоянка Кара-Дыт II в 26,44 км к северо-западу от с. Хандагайты, в 4,4 км к северо-западу от дороги Хандагайты — Саглы (рис. 1); высота над уровнем моря 1666–1668 м. На правом пойменном берегу реки, буквально в 1 м от современного русла, была зафиксирована поселенческая площадка. Место стоянки прямолинейное в плане и профиле, сла-

бонаклоненное в сторону речной долины (рис. 2). От степных пространств, расположенных на первой надпойменной террасе, закрыто естественным перепадом высот. Границы стоянки идут по линии склонов и не выделяются по пятну растительности.

Культурный слой (до 0,6 м) насыщен фрагментами красноглиняной лепной керамики и железных шлаков, костями домашних и диких животных; найдены игла из медного сплава и поясная пряжка. Слой сильно перемешан грызунами и из-за воздействия реки. На данный момент изучено 133 кв. м при общей площади примерно 450 кв. м. Большая часть находок указывает на то, что жители занимались здесь производством железа (крупные куски крицы, руды, фрагменты изделий из железа). Но зоны с горнами на самой

¹ Бусова В. С. и Сычева О. В. выполнили работу по программе ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014). Филатова М. О. работала в рамках темы НИР № FWZG-2022-0010 «Палеоэкология человека и реконструкция природных условий Евразии в четвертичном периоде» лаборатории «PaleoData» ИАЭТ СО РАН. Полевые исследования проводились 3-м отрядом ТАЭ ИИМК РАН по гранту Русского географического общества «Сезонные стоянки древнего населения Тувы (Республики Тыва): к постановке проблемы изучения материально-бытовой культуры кочевников и формирования системы сезонных перекочевов в период эпохи бронзы и ранних кочевников по материалам поселенческих памятников».

© Бусова В. С., Баринов В. В., Кулькова М. А., Мыглан В. С., Сычева О. В., Тайник А. В., Филатова М. О., 2024

² Бусова В. С., Сычева О. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: kulturnijkarman@gmail.com; olysychева@mail.ru. Баринов В. В., Мыглан В. С., Тайник А. В. — Сибирский федеральный университет; Красноярск, Россия; e-mail: valentinobarinov@gmail.com, v.mygлан@mail.ru, tainik_anna@mail.ru. Кулькова М. А. — Российский государственный университет им. А. И. Герцена; С.-Петербург, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru. Филатова М. О. — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Новосибирск, Россия; e-mail: mayaphylatova@gmail.com.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Кара-Дыт II в Туве

Fig. 1. Schematic map showing the location of the Kara-Dyt II site in Tuva

Рис. 2. Стоянка Кара-Дыт II. Вид с севера

Fig. 2. The Kara-Dyt II site. Northern view

стоянке выявлено не было. В 2022 г. сотрудники отряда обнаружили на правом берегу р. Кара-Дыт, в 197 м к юго-востоку ниже по течению от стоянки Кара-Дыт II, крупные фрагменты глиняных горнов и шлаков, выступающие из разрушенных стенок берега. С помощью разведывательного шурфа № 3 (2 × 1 м) был полностью изучен один из разрушенных горнов: собрано 71,5 кг шлаков, множество крупных древесных углей и фрагментов воздуходувных сопел. Вероятно, шлаки, извлеченные при раскопках стоянки и горна, имеют общее происхождение. Максимальная глубина шурфа достигала 0,7 м (рис. 3). В юго-западном углу был прослежен прокоп сверху, далее, в материковом слое, — большой шлак, торчащий из угла, видимо, относящийся к соседнему горну.

Основной целью исследования стало всестороннее изучение материалов из разрушенного горна для последующей реконструкции методов черной металлургии, применяемых на территории Южной Тувы. Для этого были использованы следующие методы исследования: дендрохронология, рентгенофлуоресцентный и радиоуглеродный анализы.

Исследования металлургических комплексов на территории современной Тувы почти не проводились. В 60-е гг. XX в. здесь начал работу по изучению железоделательного производства Я. И. Сунчугашев. Им были обследованы обширные территории в районе бассейна р. Бай-Сют, где он обнаружил несколько десятков сыродутных горнов, расположенных в урочищах Турлуг, Ченге-Аксы, на левом берегу р. Суруг-Хем и около деревни Тардам (Сунчугашев, 1969. С. 112). Я. И. Сунчугашев отнес начало железоделательного производства в Туве к V–VI вв. н. э. В пользу

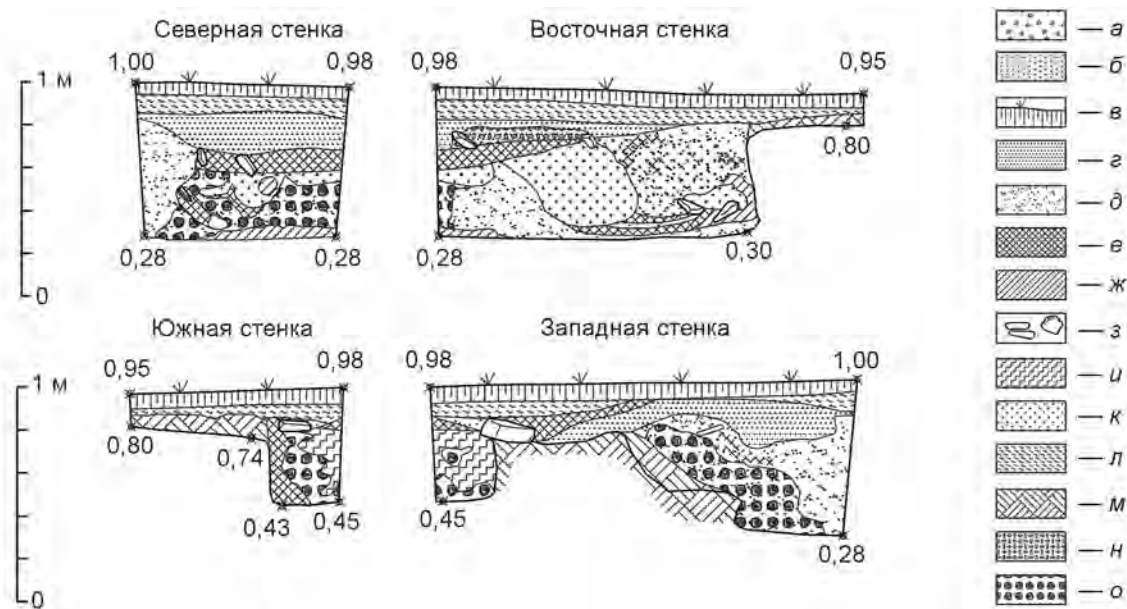
этого, по его мнению, свидетельствуют находки железных предметов из курганов. Кроме того, бесспорным доказательством существования производства железа служат места обнаружения древних рудников и железоплавильных: шлаковые кучи, которые находятся около древних выработок, либо сами шлаки, встречаемые на берегах рек и песчаных дюн в степи (Там же. С. 110). Еще одним ключевым признаком производства автор назвал находки сыродутных горнов.

В 2012 г. Т. Р. Садыков начал исследования поселения кокэльской культуры Катылыг 5 в долине р. Ээрбек. На поселении была выявлена производственная зона, где зафиксированы сыродутные горны, ямы для производства древесного угля и зона обработки уже готового железа (Vodyasov, Stepanov et al., 2021. Р. 2, 4). В самих горнах, как и рядом с ними, находилось большое количество шлаков — отходов производства. Сходная картина была зафиксирована и во время раскопок на берегу р. Кара-Дыт.

Кроме того, в 2015 г. Д. К. Тулушем были выявлены и исследованы производственные комплексы на берегу р. Копто; автором отмечена необходимость применения естественно-научных методов для их дальнейшего исследования (Тулуш, 2017). В 2021 г. опубликована обзорная статья по горно-металлургическому производству древней Тувы, где приведены некоторые результаты по химическому составу шлаков из сыродутных горнов с разных местонахождений (Прудникова и др., 2021).

Материалы и методы

В ходе проведения археологических исследований сыродутного горна рядом с памятником

Рис. 3. Стратиграфия разрушенного горна в шурфе № 3 (а — угли; б — обожженная глина; в — дерн; г — коричневая супесь с песком; д — светло-коричневая мешаная супесь с песком; е — темная супесь с примесью угля; ж — норы; з — камни; и — мешаная супесь с углем и шлаком; к — рыжая супесь (прокаленная); л — рыхлая гумусированная серая супесь; м — материк (плотная светлая супесь); н — мешаная супесь с камнями и шлаком; о — мешаная супесь с крупными кусками шлака)

Fig. 3. Stratigraphy of the destroyed smelting furnace in test pit 3 (а — charcoal; б — baked clay; в — turf; г — brown sandy loam; д — light-brown mixed sandy loam; е — dark sandy loam with charcoal inclusions; ж — furrows; з — stones; и — mixed sandy loam with charcoal and slag; к — tawny sandy loam (charred); л — loose humified gray sandy loam; м — virgin soil (dense light sandy loam); н — mixed sandy loam with stones and slag; о — mixed sandy loam with large pieces of slag)

Кара-Дыт II была собрана коллекция образцов в виде шлаков, содержавших древесные угли. Шлаки, имевшие крупные включения углей (весом около 5 кг), были отправлены в Сибирскую дендрохронологическую лабораторию Сибирского федерального университета (Красноярск), где для их изучения был применен специальный подход, позволяющий выполнить быструю и качественную пробоподготовку большого числа древесных углей практически любого размера и формы. Образцы металлургических шлаков были переданы в Лабораторию изотопных исследований кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им. А. И. Герцена (С.-Петербург) для определения химического состава, а образцы угля из горна — для радиоуглеродного анализа.

В процессе пробоподготовки для проведения дендрохронологического анализа потребовалось выполнить работу по извлечению хрупких древесных углей с наименьшими потерями материала. Для этого шлаки разламывали на крупные куски киркой, а затем угли вырезались с помощью углошлифовальной машины с алмазным диском.

Для апробации методики было извлечено пять углей (наиболее наглядный пример — рис. 4, 1).

Угли шлифовались на тарельчато-ленточном шлифовальном станке (лента Р600, Р1000, круг Р1000). В процессе шлифовки образцов угольная пыль заполняет трахеиды и препятствует визуализации клеточной структуры. Для ее удаления использовался строительный пылесос. Для качественного удаления пыли очень важно предварительно высушить угли (до уровня не более 7%-ной влажности), поскольку при избыточной влажности образцов пыль забивает трахеиды и слипается, а при высыхании затвердевает, и ее невозможно удалить.

В нашем случае подготовленные древесные угли фотографировались в отраженном свете при 30-кратном увеличении с помощью микроскопа AXIO zoom.V16 (CARL ZEISS), оснащенного моторизованным предметным столиком (рис. 4). Полученные фотографии годовичных колец образцов совмещались в программном пакете ZEN (CARL ZEISS), дополнялись сопроводительной информацией об увеличении, масштабе и т. п., после

чего конвертировались в формат TIFF (Tagged Image File Format). В дальнейшем изображения обрабатывались в программе Coorecorder 9.8 (CR) (Larsson, 2013), где в ручном режиме выполнялось измерение линейных размеров по трем параметрам: ширине годичного кольца, ширине ранней древесины, ширине поздней древесины (рис. 4, 2). Графическое представление полученных данных выполнялось в программе CDendro 9.8 (Ibid). Датирование всех измеренных серий было проведено посредством сочетания графической перекрестной датировки (Douglass, 1919) и кросскорреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований DPL (Holmes, 1984) и TSAP 4.70d (Rinn, 1996).

В ходе процедуры перекрестного датирования происходило выявление выпавших колец и ошибок измерений с последующим обращением к цифровым изображениям (проверялся факт наличия или отсутствия годичного кольца, вносились поправки в измерения). Возрастной тренд измеренных серий убирался путем стандартизации сплайном в 2/3 от длины каждой серии (Cook, Krusic, 2008). Выбор такого способа стандартизации определялся наличием у отдельных образцов коротких периодов с резким увеличением прироста (что характерно для прироста деревьев из лесостепной зоны). Оценка качества построенных хронологий выполнялась на основе применения традиционных показателей: коэффициентов корреляции (множественной и Пирсона), стандартного отклонения, EPS (чувствительности древесно-кольцевых хронологий к изменению внешних факторов, которая зависит от количества анализируемых образцов и показывает, как конкретная ограниченная выборка отражает сигнал популяции или генеральной совокупности), RBAR (среднего значения коэффициента корреляции между отдельными сериями) и др. (Wigley et al., 1984).

Химический состав образцов шлаков был определен с помощью портативного рентгено-спектрального флуоресцентного анализатора pXRF Olympus Vanta в режиме GeohimExtra на полированных поверхностях с тремя измерениями для каждого образца. Были исследованы два разных фрагмента шлака из горна. Фрагмент шлака № 1 был измерен в двух точках в разных местах. Химический состав образца шлака № 2 измерялся в одной точке. В таблице 1 представлено среднее значение трех измерений для основных и второстепенных элементов. В соответствии с инструкцией анализатора pXRF стандартные эталонные материалы измерялись после инициализации

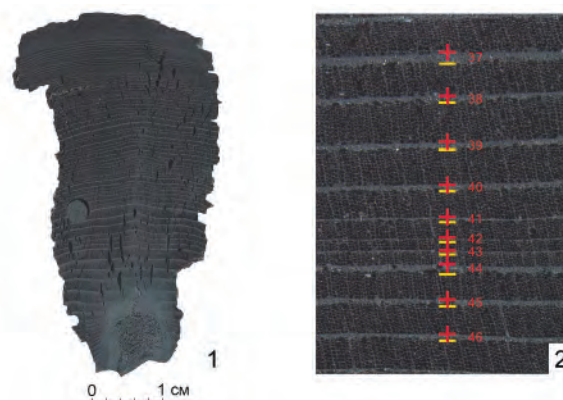

Рис. 4. Образец KD 004: 1 — внешний вид; 2 — подготовленная поверхность древесного угля (границы поздней древесины отмечены крестами, ранней древесины — горизонтальными отрезками)

Fig. 4. Sample KD 004: 1 — outward appearance; 2 — prepared surface of charcoal (boundaries of late wood are marked with crosses, those of early wood, with horizontal dashes)

системы и перед каждым набором измерений археологических образцов.

Таблица 1. Химический состав образцов шлаков из горна на р. Кара-Дыт по данным pXRF
Table 1. Chemical composition of slag samples from the Kara-Dyt River based on pXRF

Образец	Содержание элементов, массовая доля, %			
	Fe	Mn	Si	Mg
№ 1 (точка 1)	23,00	0,82	0,51	3,40
№ 1 (точка 2)	40,00	1,00	13,80	43,00
№ 2 (точка 1)	3,90	0,09	19,27	15,30

Датирование образца угля из горна было выполнено радиометрическим способом (Кулькова, 2011). Пробоподготовка образца проводилась стандартно, с использованием кипячения в 3%-ной соляной кислоте (HCl), 1%-ной щелочи (NaOH) и снова в 3%-ной соляной кислоте. В результате процесса карбидизации угля при температуре 750 °C происходит образование карбида лития. Бензол синтезируется при разложении карбида лития, образуя ацетилен, который затем полимеризуется с образованием бензола на хромовом катализаторе. В качестве сцинтиллятора применялась смесь PPO и POPOP. Измерение активности радиоуглерода проводилось с использованием низкофонового сцинтилляционного счетчика Quantulus 1220. Калибровка даты была проведена с помощью программы OxCal 4.4 (Bronk Ramsey, 2017) (рис. 5).

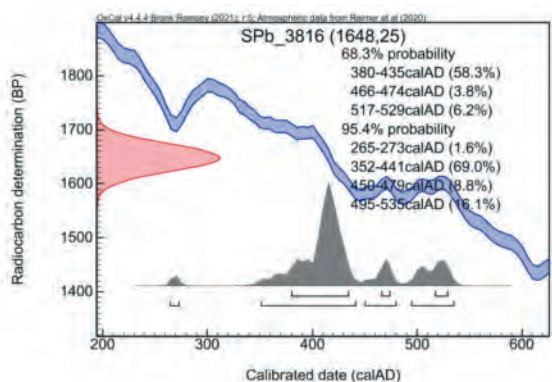

Рис. 5. Радиоуглеродная дата по углям из разрушенно-горна на берегу р. Кара-Дыт

Fig. 5. Radiocarbon date based on charcoal from a destroyed smelting furnace on the Kara-Dyt River

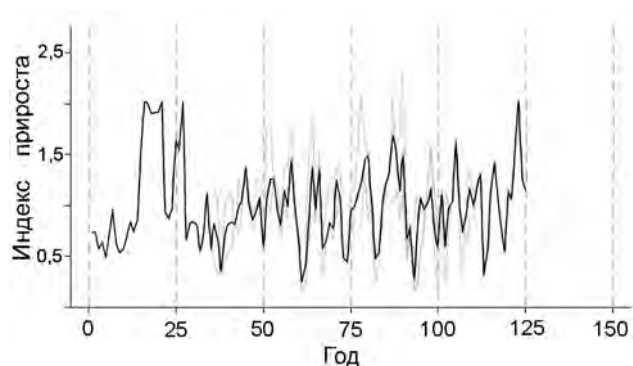

Рис. 6. Стандартизированная древесно-кольцевая хронология KD (черным); индивидуальные серии прироста (серым)

Fig. 6. Standardized tree-ring chronology of KD (black); individual increment series (gray)

Результаты

На основании дендрохронологического анализа была построена стандартизированная древесно-кольцевая хронология протяженностью 125 лет (рис. 6). Качество полученной выборки (число повторностей и согласованность прироста) позволила сделать это. Измеренные индивидуальные серии прироста были перекрестно датированы относительно друг друга, то есть одна индивидуальная серия принималась за эталон и выставлялась на нулевой год, относительно которого выполнялась перекрестная датировка остальных рядов измерений. В таблице 2 приведены параметры измеренных и датированных друг относительно друга индивидуальных серий прироста и результаты pXRF анализа образцов шлаков.

По данным химического состава (табл. 1) можно отметить, что образец шлака № 1 образовался при выплавке магнетитовой руды с использованием силикатных шлаков. Образец шлака № 2 по микроэлементному химическому составу близок к образцу № 1 железного шлака в точке 2, но отличается низкими концентрациями железа. Возможно, этот образец шлака является остатками силикатного флюса. Использование микрозондового анализа (SEM-EDX) даст возможность сделать более конкретные выводы.

Время использования горна было установлено по радиоуглеродной дате, полученной по образцу древесного угля из заполнения рабочей камеры: 1648 ± 25 BP (265–535 calAD, 2σ) (SPb–3816).

Сравнение радиоуглеродной даты с результатами дендрохронологии позволяет уточнить полученный интервал радиоуглеродного возраста и уменьшить его до 352–441 гг. н. э.

Таблица 2. Параметры индивидуальных серий прироста, полученные по древесным углям

Table 2. Parameters of individual increment series based on charcoal

№ п.п	№ лаб.	Интервал, лет	Длина древесно-кольцевой хронологии, лет	R, коэффициент множественной корреляции	Ширина годовичного кольца		SD, стандартное отклонение
					Средняя	Максимальная	
1	kd001	45–109	65	0,76	0,63	1,48	0,32
2	kd003	75–111	37	0,35	0,99	1,51	0,28
3	kd004	1–125	125	0,57	0,39	1,49	0,34
4	kd005	51–98	48	0,51	0,73	1,65	0,37
5	kd006	36–66	31	0,56	0,86	1,70	0,37
Среднее значение			61	0,57	0,62	1,70	0,34

Обсуждение

Доступность профессионального технического оборудования приводит к улучшению качества, расширению возможностей применения существующих и появлению новых способов пробоподготовки для дендроанализа. Так, например, применение радиоуглеродного датирования позволило установить время функционирования горна, которое соответствует IV–V вв. н. э. В дальнейшем использование УМС-датирования вместе с дендрохронологическим анализом хорошо сохранившихся углей и обработка данных методом *wiggle matching* позволит увеличить точность определения возраста до нескольких лет.

В дендрохронологическом плане привлечение нового оборудования существенно расширяет область применения метода, прежде всего при анализе материалов, ранее считавшихся непригодными для обработки. Появляется возможность использовать древесные угли как источник информации для построения древесно-кольцевых хронологий в лесостепной зоне Южной Сибири. В нашем случае построение древесно-кольцевой хронологии КД (рис. 6) по древесным углям для аридной зоны Южной Сибири имеет принципиальное значение. Ее календарная привязка позволит дать точный ответ о времени функционирования горнов, а в более широком плане проведение дальнейших исследований предоставит возможность использовать археологическую древесину (древесные угли) в качестве важного источника экологической и палеоклиматической информации (Омурова и др., 2018). Работа в этом направлении способствует успехам исследователей в деле построения тысячелетней древесно-кольцевой хронологии для лесостепной зоны произрастания лесной растительности (на сегодняшний день наибольшая длительность древесно-кольцевой хронологии в этой зоне достигает 778 лет (Taynik et al., 2023)).

Полученная дата позволяет соотнести разрушенный горн на берегу р. Кара-Дыт с памятниками кокэльской культуры Тувы. Его исследования принесли новые научные данные, позволяющие приблизиться к реконструкции черной металлургии в древней Туве. Еще Я. И. Сунчугашев в книге «Горное дело и выплавка металлов в Древней Туве» описал основные принципы устройства сыродутных горнов: «...1) сыродутные горны сооружались в глинистом грунте вблизи реки, леса и залежей руды; 2) ...стенки в горнах обмазаны глиной толщиной 23 см; 3) подача воздуха в горн

осуществлялась кожаными мехами кузнечного типа; <...> 5) горны годны были только для одной плавки; 6) железо выплавляли из магнетита и гематита; 7) топливом служил лиственничный древесный уголь» (Сунчугашев, 1969. С. 122). Все условия, необходимые для выплавки железа в непосредственной близости со стоянкой Кара-Дыт II, есть: вокруг до сих пор растут лиственницы (подтаежная зона), рядом течет некогда бурная и быстрая река, берег обдувается степными ветрами.

Похожие стоянки мы зафиксировали в долине р. Улаатай (Улаатай IX), в 12,5 км к востоку от с. Хандагайты, и в районе с. Дус-Даг в ходе разведок полевого сезона 2022 г. По исследованиям Н. И. Лебедева, на левом берегу р. Улаатай, в долине вблизи русла р. Тээли, существует Улаатайское месторождение с запасами более 135 млн т железа (Лебедев, 2013), это примерно в 37 км от стоянки Кара-Дыт II. Подобный участок, где были собраны шлаки и керамика, также был найден неподалеку от с. Дус-Даг в Овьуре.

Железопроизводство в Туве активно развивалось в начале нашей эры, в эпоху хунну. Возраст железоплавильных печей в долине р. Бай-Сют соответствует 1820 ± 30 ВР (Le-11166) (130–326 гг. н. э., 2σ) (Прудникова и др., 2021). Как правило, использовались гематит-магнетитовые руды, которые являлись продуктами поствулканической деятельности. Железоплавильные печи сооружались на высоких террасах рек, сложенных лессовидными суглинками. В нижней части долины р. Ондум были также обнаружены четвертичные рыхлые отложения, насыщенные крупными обломками гематит-магнетитовых руд. Пространственный анализ распределения материальных остатков на производственном участке поселения Катылыг 5 показал наличие трех различных производственных зон: зоны выплавки, содержащей остатки плавильных печей и шлак; зоны кузнечного производства с глиняными фурмами и очагами; зоны с ямами для изготовления древесного угля. Магнетитовые руды были обнаружены поблизости на крупном месторождении Хову-Аксы в Чеди-Хольском кожууне Республики Тыва (Vodyasov, Stepanov et al., 2021). Исследование химического состава шлаков из горна на берегу р. Кара-Дыт показывает использование магнетитовой руды с применением флюса. Полученные результаты коррелируются с предыдущими исследованиями.

Дальнейшее изучение этих местонахождений и проведение раскопок широкими площадями

на берегу р. Кара-Дыт позволят больше узнать о самом процессе выплавки железа, реконструировать форму горна, соотнести его с аналогичными объектами на территории Тувы, Алтая и Хакасии.

Заключение

Применение естественно-научных методов позволило ввести в научный оборот новые данные и опробовать авторскую методику работы с древесными углями, что открывает перспективы в деле изучения климатических изменений и культурного наследия прошлого.

Среди артефактов, обнаруженных на памятнике (на стоянке Кара-Дыт II и на месте шурфа неподалеку), значительную часть составляют

находки, связанные с металлургическим и кузнечным производством: куски железной руды, шлаки, фрагменты кричного железа, обломки сопел горнов. Вероятно, что пребывание людей на стоянке было связано именно с производственными процессами и носило временный характер. Радиоуглеродный возраст соответствует времени существования носителей кокельской археологической культуры и позволяет перейти к соотнесению этих данных с материалами стоянки Кара-Дыт II, культурно-хронологическая привязка которой оставалась до сих пор дискуссионной из-за переотложенного культурного слоя. Информация о химическом составе шлаков дает новые возможности для более прицельного поиска древних разработок в Овюрском районе.

Кулькова, 2011 — Кулькова М. А. Радиоуглерод (^{14}C) в окружающей среде и метод радиоуглеродного датирования: учеб.-метод. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 40 с.

Лебедев, 2013 — Лебедев Н. И. Минерально-сырьевые ресурсы Тувы: краткая характеристика месторождений полезных ископаемых. 2013 [Электронный ресурс] // URL: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=194> (дата обращения: 24.04.2023).

Омурова и др., 2018 — Омурова Г. Т., Баринов В. В., Кардаш О. В., Ваганов Е. А., Мыглан В. С. Реконструкция экстремальных палеоклиматических событий на севере Западной Сибири по археологической древесине (на примере Надымского городка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 3. С. 27–35.

Прудникова и др., 2021 — Прудникова Т. Н., Прудников С. Г., Ковалева О. В. Минеральные ресурсы и горно-металлургическое производство древней Тувы // Природные ресурсы, среда и общество. 2021. Т. 12, № 4. С. 6–26.

Сунчугашев, 1969 — Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука, 1969 (МИА; № 149). 140 с.

Тулуш, 2017 — Тулуш Д. К. Древняя металлургия Тувы: история исследований и современные перспективы // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. Т. 17, № 1. С. 48–52.

Bronk Ramsey, 2017 — Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // Radiocarbon. 2017. No. 59 (2). P. 1809–1833.

Cook, Krusic, 2008 — Cook E. R., Krusic P. J. A tree-ring standardization program based on detrending and

autoregressive time series modeling, with interactive graphics (ARSTAN). 2008 // URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html> (accessed: 20.04.2023).

Douglass, 1919 — Douglass A. E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Washington: Carnegie Inst., 1919. Vol. 1. 127 p.

Holmes, 1984 — Holmes R. L. Dendrochronological program library. Laboratory of tree-ring research. Tucson: The University of Arizona, 1984. 51 p.

Larsson, 2013 — Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendro package version 7.6. // URL: <http://www.cybis.se/forfun/dendro/index.htm> (accessed 20.04.2023).

Rinn, 1996 — Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 269 p.

Taynik et al., 2023 — Taynik A., Myglan V., Barinov V., Oidupaa O., Churakova (Sidorova) O. Ancient larch trees in the Tuva Republic, land of the oldest trees in Russia // Eco. mont. Vol. 15, no. 2. 2023. P. 13–19.

Vodyasov, Stepanov et al., 2021 — Vodyasov E., Stepanov I., Sadykov T., Asochakova E., Rabtsevich E., Zaitceva O., Blinov I. Iron metallurgy of the Xianbei period in Tuva (Southern Siberia) // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 39. Art. no. 103160.

Wigley et al., 1984 — Wigley T., Briffa K., Jones P. On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology // Journal of Climate and Applied Meteorology. 1984. No. 23. P. 201–213.

A destroyed smelting furnace on the Kara-Dyt River, Southern Tuva: From charcoal to puddle

V. S. Busova, V. V. Barinov, M. A. Kulkova,
V. S. Myglan, O. V. Sycheva, A. V. Tainik,
M. O. Filatova³

Keywords: Slag, melting furnace, radiocarbon dating, dendrochronology, Kokel culture, Tuva, South Siberia.

We outline the findings of a multidisciplinary study of the remains of a destroyed smelting furnace for producing iron, situated on the Kara-Dyt River in Tuva, Russia (figs. 1; 2). Excavations at the Kara-Dyt site have been carried out since 2019. In 2022, southeast of it, 197 m downstream, accumulations of slag were discovered. A test pit was dug, revealing remains of a puddling furnace with slag and charcoal inclusions (fig. 3). The charcoal was analyzed at the Siberian Dendrochronological Laboratory using a new method of sample preparation. The estimates were cross-dated and summarized in a tree-ring sequence spanning a period of 125 years (figs. 4; 6; tab. 2). According to radiocarbon analysis, the furnace dates to 352–441 CE (fig. 5). Chemical analysis suggests that iron was smelted from magnetite ores (tab. 1). Radiocarbon estimates correspond to the Kokel culture, enabling us to match them with findings from the Kara-Dyt II site, the cultural attribution of which remained disputable because the habitation layer was redeposited. The use of science-based methods allowed us to introduce new data and to test our methodology of analyzing charcoal, opening up new prospects in studying climatic changes and cultural legacy of the past.

³ Varvara S. Busova, Olga V. Sycheva — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: kulturrijkarman@gmail.com, olvysycheva@gmail.com; Valentin V. Barinov, Vladimir S. Myglan, Anna V. Tainik — Siberian Federal University; Krasnoyarsk, Russia; e-mail: valentinobarinov@gmail.com, v.myglan@gmail.com, tainik_anna@mail.ru; Marianna A. Kulkova — Herzen State Pedagogical University of Russia; St. Petersburg, Russia; e-mail: kulkova@mail.ru; Maya O. Filatova — Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk, Russia; e-mail: mayaphilatova@gmail.com.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Археологические комплексы местонахождения Китайский Мост в контексте верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири¹

Н. Е. Бердникова, Д. П. Золотарев, И. М. Бердников, И. С. Шегутов, А. А. Щетников, И. А. Филинов, Д. Н. Лохов, Е. А. Липнина, Д. Г. Маликов, В. В. Никитёнок, Г. А. Воробьева²

Аннотация. Представлены результаты мультидисциплинарных исследований нового геоархеологического объекта Китайский Мост в долине р. Китой (юг Байкало-Енисейской Сибири), которые позволили выявить уникальность отложений местонахождения, особенности палеогеографических ситуаций и три культуросодержащих горизонта в сартанских отложениях (МИС 2). Наиболее представительным является культуросодержащий горизонт 1 (средний сартан), материалы которого имеют широкие аналогии в синхронных комплексах Байкало-Енисейской Сибири.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, верхний плейстоцен, поздний этап верхнего палеолита, терминально-краевой принцип расщепления, клиновидные нуклеусы, радиоуглеродное датирование.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-84-99

Введение

Средний и поздний этапы верхнего палеолита в Байкало-Енисейской Сибири³ соотносятся с хро-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 23-28-01527) «Особенности микропластинчатых технологий сартанского периода Байкало-Енисейской Сибири и их место в верхнем палеолите Северной Азии».

² Бердникова Н. Е., Золотарев Д. П., Бердников И. М., Шегутов И. С., Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Воробьева Г. А. — Иркутский государственный университет; Иркутск, Россия; e-mail: nberd@yandex.ru, dmitryzolotarev2012@yandex.ru, yan-maiski@yandex.ru, shegutow@gmail.com, bisaagan@yandex.ru, ekaterinalipnina@mail.ru, galvorob@yandex.ru; Щетников А. А., Филинов И. А., Никитёнок В. В. — Институт земной коры Сибирского отделения РАН; Иркутск, Россия; e-mail: shch@crust.irk.ru, filinov@crust.irk.ru, robertnike@yandex.ru; Маликов Д. Г. — Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева Сибирского отделения РАН; Новосибирск, Россия; e-mail: knight_1991@mail.ru.

© Бердникова Н. Е., Золотарев Д. П., Бердников И. М., Шегутов И. С., Щетников А. А., Филинов И. А., Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Маликов Д. Г., Воробьева Г. А., Никитёнок В. В., 2024

³ Под Байкало-Енисейской Сибирью понимается территория юга Средней Сибири, которая включает часть гор Южной Сибири (Окинское плато Восточного Саяна), юго-западную секцию Байкальского рифта (Тункинскую

нологическими рамками сартанского криохрона (sr) по региональной климатостратиграфической шкале (Стратиграфия, палеогеография..., 1990; Воробьева, 2010; Унифицированная региональная..., 2010), который, в свою очередь, в глобальном отношении соответствует МИС 2 — началу МИС 1 или, по данным записи кривой NGRIP (North Greenland Ice Core Project), стадиям 3–1 (~28,0–11,7 тыс. кал. л. н.) (Rasmussen et al., 2014).

В отличие от соседних территорий (долины р. Енисей, юга Забайкалья), где интенсивно исследовались многочисленные археологические объекты сартанского возраста (Абрамова, 1979а; 1979б; Астахов, 1986; 1999; Абрамова и др., 1991; Васильев, 1996; Лисицын, 2000; Акимова и др., 2005; 2021; Константинов, 1994; Ташак, 2005), в Байкало-Енисейской Сибири культурная ситуация данного периода до недавнего времени была не совсем ясна. Считалось, что сартанский палеолит в регионе представлен только мальтинско-буретскими и раннемезолитическими комплексами,

---

долину), а также часть долины Среднего Енисея, включая Красноярскую лесостепь, северо-западные отроги Восточного Саяна и южную часть Енисейского кряжа до устья р. Ангары (использование термина см., напр.: Бердникова и др., 2021; Vorobieva et al., 2021).

расположенными на хронологических терминалах периода: Мальта «классическая» с ^{14}C -возрастом ~22–19 тыс. л. н., или ~24–20 тыс. кал. л. н., и ранний мезолит, как считалось, с ^{14}C -возрастом ~12 тыс. л. н., или ~14,7–12,8 тыс. кал. л. н. (Медведев, 1983; Мезолит..., 1971; 1980), а геоархеологические объекты в диапазоне между ними (sr^2 и sr^3) практически отсутствуют (Медведев, 1983; Деревяшко и др., 1994. С. 21; Лисицын и др., 1997. С. 87; Лисицын, 2000. С. 123).

Исследования последнего десятилетия позволили определить палеогеографические особенности сартанского периода (Vorobieva et al., 2021), а на основе серий надежных AMS-дат и особенностей стратиграфических позиций комплексов выявить четыре основные культурно-хронологические группы и наличие отложений определенного возраста без культурных остатков («культурные перерывы») (Бердникова и др., 2021). По особенностям природных условий в среднем сартане (sr^3) выделены две фазы — sr^3_1 и sr^3_2 . Причем известные археологические комплексы (14 объектов, из них шесть с ^{14}C -датами) соотносятся только с ранней фазой (sr^3_1 — ~19,5–17,0 тыс. кал. л. н.). Семь из них связаны с долинами основных водных магистралей: р. Ангары — Красный Яр I, Федяево, Кулаково, Буреть 3, 4; р. Лены — Шишкино 2 и Чайка 2. Остальные местонахождения расположены в долинах ангарских и енисейских притоков: р. Ушаковки — Щапова 2; р. Белой — Мальта, Мальта-Мост 1, 3, Мальтинка 1, Черемушник 2; р. Кан — Стрижовая Гора.

Появление нового археологического объекта в долине р. Китой, притока Ангары, где ранее не были известны палеолитические комплексы этого возраста, представляет значительный исследовательский интерес. Целью настоящей работы является определение стратиграфических и культурно-технологических особенностей комплексов геоархеологического объекта (ГАО) Китойский Мост в контексте палеоприродных условий и общерегиональной культурной ситуации среднего сартана.

Подходы и методы

При исследовании отложений ГАО Китойский Мост использован педолитологический метод, в том числе визуально-диагностический (Vorobieva, 2010), а также совокупность аналитических методов в рамках многокомпонентного анализа (*multi-proxy records*): геохимических, литолого-минералогических, палео- и петромагнитных, биостратиграфических, радиоуглеродного датирования (Казанский и др., 2022).

Для анализа археологического предметного материала применялись морфо-технологический и типологический методы. При описании и анализе микропластинчатой технологии мы используем понятие «терминально-краевое микрорасщепление» (ТКМР), предложенное иркутскими археологами (Medvedev, Lipnina, 1992), которое в общепринятом значении фактически соответствует определению техники изготовления и утилизации клиновидных нуклеусов в рамках торцового принципа расщепления. В определении техник или методов расщепления мы придерживаемся японской терминологии, что облегчает идентификацию и сравнительный анализ байкало-енисейских коллекций в восточноазиатском культурном контексте. Базовыми признаками для этого выступают особенности преформ терминально-краевых нуклеусов, способы подготовки ударных площадок и ряд морфометрических показателей (Золотарев, Бердникова, 2022).

Материалы и результаты

ГАО Китойский Мост расположен на юго-западной окраине г. Ангарска, на правом берегу р. Китой (левый саянский приток Ангары) в 21 км выше ее устья (рис. 1). Первые находки здесь сделаны в 2014 г. В. В. Никитёнком. Предварительное изучение отложений проведено в 2016 г. коллективом сотрудников Иркутского государственного университета (ИГУ) и Института земной коры СО РАН. В 2018–2020 гг. отрядом лаборатории геоархеологии Байкальской Сибири ИГУ организованы комплексные междисциплинарные геоархеологические исследования местонахождения (Золотарев, Кузнецов, 2019; Казанский и др., 2022).

На правобережье р. Китой, от устья правого ее притока, р. Оды, до г. Ангарска, прослеживается выположенная поверхность с относительными отметками 20–25 м от современного уреза реки. На ней и выше по склону зафиксирован ряд археологических объектов, в том числе местонахождения с небольшим количеством палеолитических артефактов (Ангарская Горка, Одинск 1, Радиостанция, Усть-Одинский разрез), а также могильник бронзового века Стрельбище. Наиболее известным исследовательским объектом района является опорный Усть-Одинский разрез, где представлены отложения всего позднего плейстоцена (Иванова и др., 2016; Shchetnikov et al., 2016), а также немногочисленный археологический материал в почвах каргинского возраста (МИС 3).

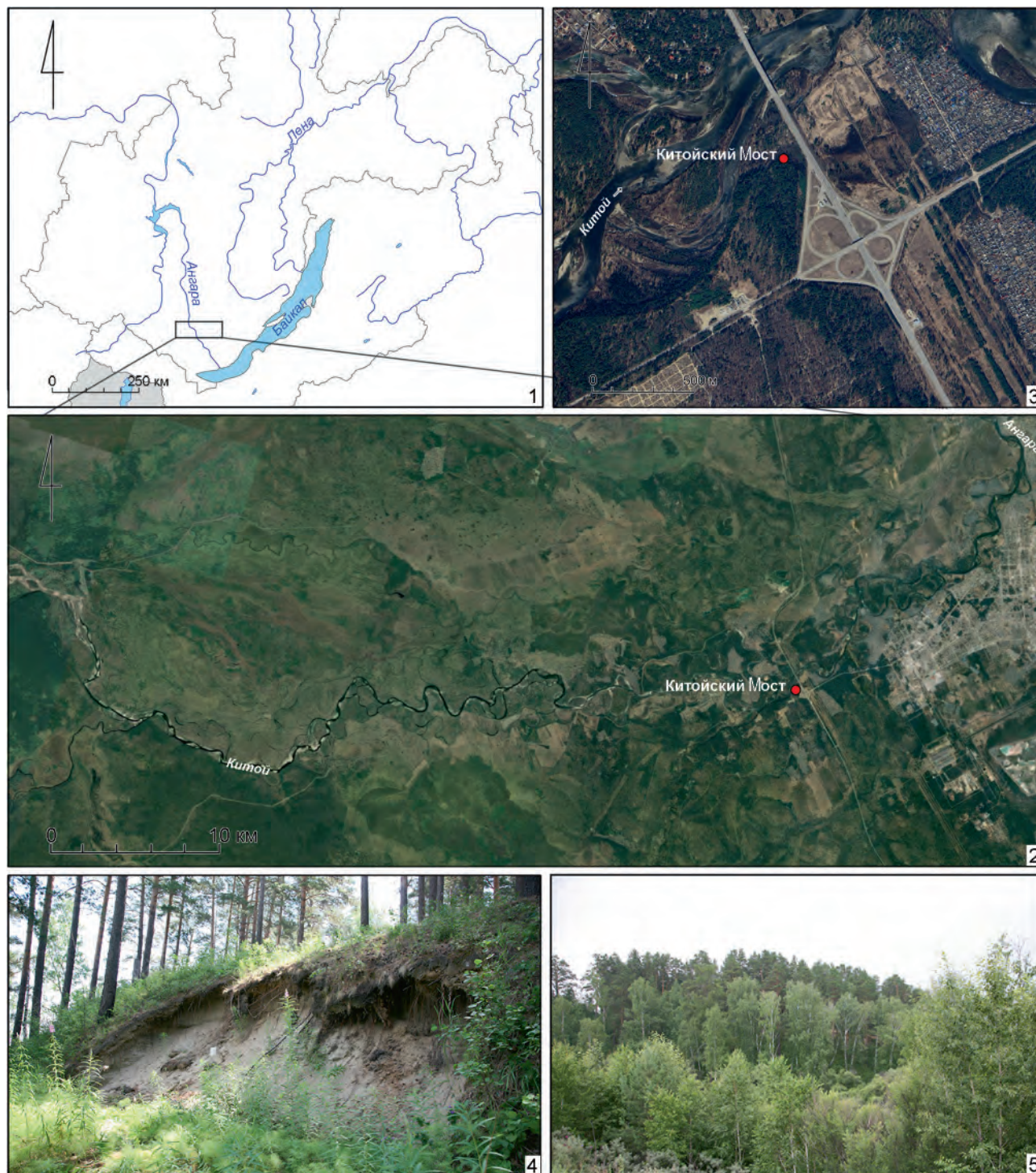

Рис. 1. Китойский Мост: 1 — карта Байкало-Енисейской Сибири; 2 — карта нижнего течения р. Китой; 3 — местонахождение Китойский Мост на спутниковой карте; 4 — вид на террасовидную поверхность с северо-запада; 5 — общий вид на местонахождение с севера (фото Д. Н. Лохова)

Fig. 1. Kitoiskii Most: 1 — map of Baikal-Yenisei Siberia; 2 — map of the lower reaches of the Kitoi River; 3 — Kitoiskii Most site on the satellite map; 4 — view of the terrace-like surface from the northwest; 5 — general view of the site from the north (photo by D. N. Lokhov)

Раскопки на ГАО Китайский Мост проводились двумя выработками (врезками) в борту 20–25 м террасовидной поверхности. Отложения вскрыты на полную мощность до базального горизонта валунных галечников, залегающих на юрских песчаниках. Мощность рыхлых отложений в общей сложности составила 13 м (рис. 2). В них выделено 19 слоев, в том числе четыре погребенные почвы. Для проведения аналитических исследований за все годы изучения отобрано около 500 проб для анализа в рамках многокомпонентного анализа (*multi-proxy records*). Сочетание педолитологического и аналитических методов позволило определить особенности строения отложений ГАО Китайский Мост.

Строение разреза и стратиграфическая позиция археологических комплексов. В строении разреза выделено две пачки отложений: верхняя песчаная (слои 1–10, глубина — до 6,5 м) и нижняя алевритистая (слои 11–19). Генетически все отложения являются субаэральными, эолово-делювиального происхождения. В верхней части разреза прослеживается бурая оподзоленная почва с выраженными почвенными горизонтами, имеющая голоценовый возраст (слои 1 и 2). Она подстилается слоистыми сероватыми песками и супесями (слои 3–10) сартанского возраста. В верхней (слой 4) и средней (слой 9) частях этой толщи отмечены 3–4 примитивные почвы. Верхние почвы с оценочным возрастом ~14,7–12,8 тыс. кал. л. н. соответствуют интерстадиалу бёллинг-аллерёда позднего сартана (sr^4_1) (Vorobieva et al., 2021) и перекрыты позднедриасовыми песками (sr^4_2) с эмбриональными почвами (слой 3). Подстилает эти почвы толща слоистых песков (слои 5–8) второй половины среднего сартана (sr^3_2), генезис которых можно определить как нивейно-эоловый, указывающий на их формирование в криоаридных условиях (Казанский и др., 2022). Следует отметить, что среднесартанские отложения такого происхождения впервые зафиксированы в регионе, поскольку в большинстве разрезов они обычно представлены белесым сильно карбонатизированным легким суглинком небольшой мощности (до 0,3 м). Отложения слоя 9 идентифицированы как расщепленная мальтинская почва среднесартанского возраста (sr^3_1), которая впервые была выделена и описана по результатам исследования ГАО Мальта-Мост 1 (Vorobieva et al., 2021). Ее подстилают раннесартанские слоистые пески с эмбриональными почвенными образованиями (слой 10).

Нижняя алевритистая пачка отложений (слои 11–18) накапливалась в интервале от

МИС 5е до МИС 3. Здесь отмечено две почвы: верхнекаргинская (слой 11) и более древняя, видимо, казанцевская (слой 18), возраст которой (~115–104 тыс. кал. л. н.) предварительно определен по аналогии с датированной 230 Th/U-методом почвой в расположенном рядом Усть-Одинском опорном разрезе (Shchetnikov et al., 2016), с которым ГАО Китайский Мост в основных своих литолого-стратиграфических элементах хорошо коррелируется. Горизонт валунного галечника в нижней части разреза маркирован как слой 19.

Археологический материал зафиксирован на глубине от 4,5 до 6,2 м в трех уровнях: в подошве мальтинской почвы (слой 9) выделен культуросодержащий горизонт (к. г.) 1, а в двух эмбриональных почвах слоя 10 — горизонты 2 и 3 (рис. 2). Учитывая значительную глубину залегания археологического материала и рыхлость вмещающих отложений (особенно в верхней части), раскопки велись ступенчатыми врезками. В результате культуросодержащие горизонты были вскрыты на площади 35 кв. м.

По костным остаткам крупных млекопитающих из к. г. 1 в AMS лаборатории углеродного цикла Кека (The Keck Carbon Cycle AMS Facility, Калифорнийский университет в Ирвайне, США) при помощи AMS-метода получены следующие радиоуглеродные даты: 14 620±60 л. н. (UCIAMS 207545) — 18 177–17 586 кал. л. н.; 14 970±70 л. н. (UCIAMS 207544) — 18 621–18 164 кал. л. н. Датирование каргинской почвы слоя 11 (глубина 7–8 м) в радиоуглеродной лаборатории Университета им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша) по органическому углероду (C_{org}) продемонстрировало неоднозначные результаты, так как разница двух определений составила несколько тысяч лет: 38 000±1200 л. н. (Poz 120686) — 44 320–40 890 кал. л. н.; 31 200±900 л. н. (Poz 120687) — 38 384–34 079 кал. л. н.

Совокупная коллекция находок из всех культуросодержащих горизонтов насчитывает 1368 ед. (табл.).

Культуросодержащий горизонт 1. Общее количество находок составило 1364 ед. В их числе множество фрагментов каменного угля в виде плиток и небольших отдельностей (501 экз.).

Фаунистические остатки (501 ед.) представлены преимущественно мелкими неопределимыми фрагментами костей, среди которых есть обожженные. Определимые кости принадлежали косуле (*Capreolus pygargus*), северному оленю (*Rangifer tarandus*), благородному оленю (*Cervus elaphus*) и крупному быку (*Bos/Bison*). Фауна

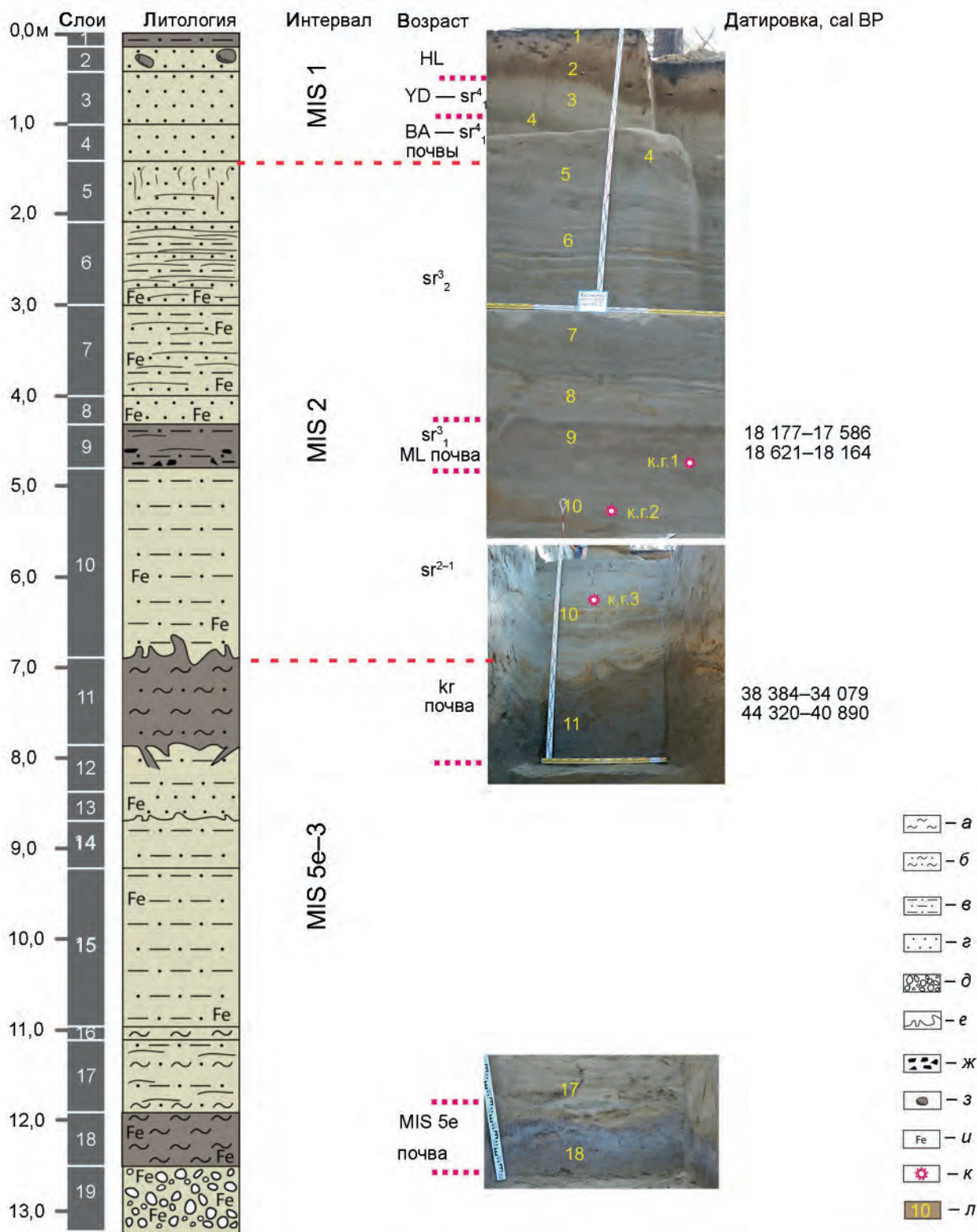

Рис. 2. Китайский Мост. Схема строения отложений и фотографии отдельных секций (фото Н. Е. Бердниковой) (а — глина; б — суглинки; в — супеси; г — пески; д — галечник; е — криотурбация; ж — древесный уголь; з — отдельные гальки; и — ожелезнение; к — культурный горизонт (к. г.); л — номер литологического слоя)

Fig. 2. Kitoiskii Most. Scheme of the structure of deposits and photographs of individual sections (photo by N. E. Berdnikova) (a — clay; б — loams; в — sandy loams; г — sands; д — pebbles; е — cryoturbation; ж — charcoal; з — individual pebbles; и — ferruginization; к — cultural horizon (cult. h.); л — number of lithological layer)

Таблица. Геоархеологический объект Китайский Мост.
 Распределение находок по культуросодержащим горизонтам и категориям
 Table. Geoarchaeological site Kitoiskii Most.
 Distribution of finds according to cultural horizons and categories

Категория находок	Количество находок, экз.			Всего
	Культуросодержащий горизонт			
	1	2	3	
Кусок породы	30	–	–	30
Обломок, осколок (<i>debris</i>)	74	–	–	74
Оббитый кусок породы	1	–	–	1
Чешуйка	135	–	–	135
Отщеп крупный	5	–	–	5
Отщеп средний	21	–	–	21
Отщеп мелкий	30	–	–	30
Технический скол	5	–	–	5
Микропластина	8	–	–	8
Фрагмент пластины	–	–	1	1
Фрагмент микропластины	19	–	–	19
Микропластина с ретушью	2	–	–	2
Фрагмент микропластины с ретушью	1	–	–	1
Скол с ретушью	8	–	–	8
Нуклеус терминально-краевой (клиновидный)	2	–	–	2
Нуклеус призматический	2	–	–	2
Нуклеус ортогональный	1	–	–	1
Фрагмент терминально-краевого нуклеуса	2	–	–	2
Преформа терминально-краевого нуклеуса из кварцита	1	–	–	1
Преформа терминально-краевого нуклеуса на бифасе	1	–	–	1
Скребок	1	–	–	1
Шиповидное орудие	1	–	–	1
Орудие с выемкой	1	–	–	1
Резец	2	–	–	2
Долотовидное орудие	2	–	–	2
Комбинированное орудие	3	–	–	3
Заготовка орудия из кварцита	1	–	–	1
Отбойник	1	–	–	1
Изделие из графита	1	–	–	1
Кусок гематита	1	–	–	1
Фаунистические остатки	501	1	1	503
Изделие из кости	–	1	–	1
Отдельность каменного угля	501	–	–	501
Всего	1364	2	2	1368

имеет выраженный лесостепной облик, однако детальный зооархеологический анализ невозможен в силу невыразительности коллекции.

Коллекция предметов из камня представлена 360 находками преимущественно из кремня (59,3 %), кварцита (33,2 %) и в меньшей степени из других пород — аргиллита (3,9 %) и яшмы (3,6 %). В нее входят 30 мелких кусков кварцитовой породы без следов обработки, продукты первичного расщепления, которые составляют 83 % (298 ед.) от общего числа каменного инвентаря (причем подавляющее их большинство относится к отходам производства, среди которых 135 чешуйчатых снятий, 74 обломка и осколка), а также оббитый кусок кварцитовой породы. Целевые заготовки представлены: отщепами разных форм (56 экз.) от крупных (более 6 см — 5 экз.) и средних (3–6 см — 21 экз.) до мелких (менее 3 см — 30 экз.); призматическими микропластинами (8 экз.) и их фрагментами (19 экз.), в том числе проксимальными (8 экз.), медиальными (8 экз.) и дистальными (3 экз.). Целые микропластины по значениям длины укладываются в диапазон от 12 до 41 мм. По ширине целые и фрагментированные заготовки (толщиной от 0,8 до 2,8 мм) находятся в промежутке от 3 до 7 мм, однако у трех экземпляров отмечено расширение к медиальной или дистальной части от 11 до 14 мм, которое, видимо, является следствием неудачных снятий. Большинство снятий обладает прямым профилем (пять целых и 18 фрагментов), две целые микропластины слегка изогнуты по всей длине и еще две имеют «заныривающее» дистальное окончание. По форме поперечного сечения преобладают микропластины и фрагменты с треугольными сечениями (16 экз.). Еще семь изделий с трапециевидным сечением и одно — с шестигранным.

Технические сколы немногочисленны. В их числе три кортикальных (первичных) и два скола подправки ударной площадки. Почти все получены из кварцитовых пород, за исключением одного, который снят с кремневого нуклеуса.

Для исследуемого комплекса характерны два принципа расщепления: терминально-краевой и призматический. Первый преобладает и представлен преформой терминально-краевого нуклеуса из белого крупнозернистого кварцита (рис. 3, 2), двумя целыми клиновидными нуклеусами (34,5 × 33,4 × 11,2 и 29,8 × 21,0 × 11,1 мм), оформленными на кремневых сколах (рис. 4, 1, 2) и двумя фрагментами подобных нуклеусов (рис. 4, 3, 19). Кили и гребни нуклеусов бифасиально обработаны мелкими снятиями, только один

из фрагментов (рис. 4, 3) имеет унифасиальную обработку. Дистальные части приострены сколами. Ударная площадка одного из нуклеусов вогнутая, скошенная к левой латерали и фасетирована неравномерными сколами со стороны правой латерали (рис. 4, 1). Площадка другого обработана аналогично и имеет наклон к контрфронт, при этом рабочий сегмент дополнен коротким сколом с фронта (рис. 4, 2). Углы скалывания равны 83° и 80° соответственно. На фронтах обоих нуклеусов отмечены негативы трех микропластинчатых снятий шириной от 2 до 5 мм.

Фрагменты терминально-краевых нуклеусов представлены дистальным обломком на плитке аргиллита, на фронте которого видны два микропластинчатых снятия шириной от 4 до 6 мм (рис. 4, 3), и контрфронтальной частью нуклеуса (рис. 4, 19). У последнего оформлена только левая латераль, правая же является поверхностью расслоения.

В качестве варианта преформы клиновидного нуклеуса может рассматриваться фрагмент аргиллитового бифаса (30,6 × 37,2 × 13,6 мм) подпрямоугольных очертаний, который обработан серией крупных и мелких сколов по периметру (рис. 4, 10). В поперечном сечении он имеет овальную форму, а будущая площадка образована при помощи одного продольного скола.

Призматический принцип расщепления характерен для двух широких низкофронтальных объемных нуклеусов, изготовленных на кварцитовых гальках (рис. 3, 3, 4). Ударные площадки естественные, горизонтальные, угол между площадкой и фронтом близок к прямому. Фиксируются следы подправки карниза редуцированием. Рабочая кромка выпуклая, дугообразная (до 230°). У одного нуклеуса контрфронт представляет собой естественное ребро со следами забитости (рис. 3, 4), у другого — он плоский (рис. 3, 3). В основном эти нуклеусы служили для получения отщепов, но отмечены и единичные негативы снятий пластинчатых пропорций с изогнутым профилем.

Ортогональный нуклеус для крупных и средних отщепов оформлен на массивной кварцитовой гальке. Ударными площадками, которых насчитывается три, служили естественная галечная поверхность и негатив предыдущего скалывания. Снятия центростремительные (рис. 3, 1).

Орудийный набор горизонта насчитывает 24 экз. К категории ретушированных микропластин относятся два целых изделия с прямым и слегка изогнутым профилем и один прямой медиальный фрагмент (рис. 4, 14–16). Одна из целых

Рис. 3. Китоиский Мост, к. г. 1. Нуклеидные формы: 1 — ортогональный нуклеус; 2 — преформа терминально-краевого нуклеуса; 3, 4 — призматические нуклеусы (фото М. Е. Абрашиной). Камень

Fig. 3. Kitoiskii Most, cult. h. 1. Core-like pieces: 1 — orthogonal core; 2 — preform of terminal-edge (narrow-faced) core; 3, 4 — prismatic cores (photo by M. E. Abrashina). Stone

микропластин, длиной 25,8 мм, модифицирована при помощи альтернативной чешуйчатой ретуши (рис. 4, 15), оставшиеся (целая длиной 25 мм и фрагмент длиной 7,9 мм) оформлены крутой дорсальной чешуйчатой ретушью на обоих краях (рис. 4, 14, 16). Ширина микропластин составляет 3–4 мм, толщина — 1–2 мм. Дорсальные их фассы демонстрируют параллельную однонаправленную огранку.

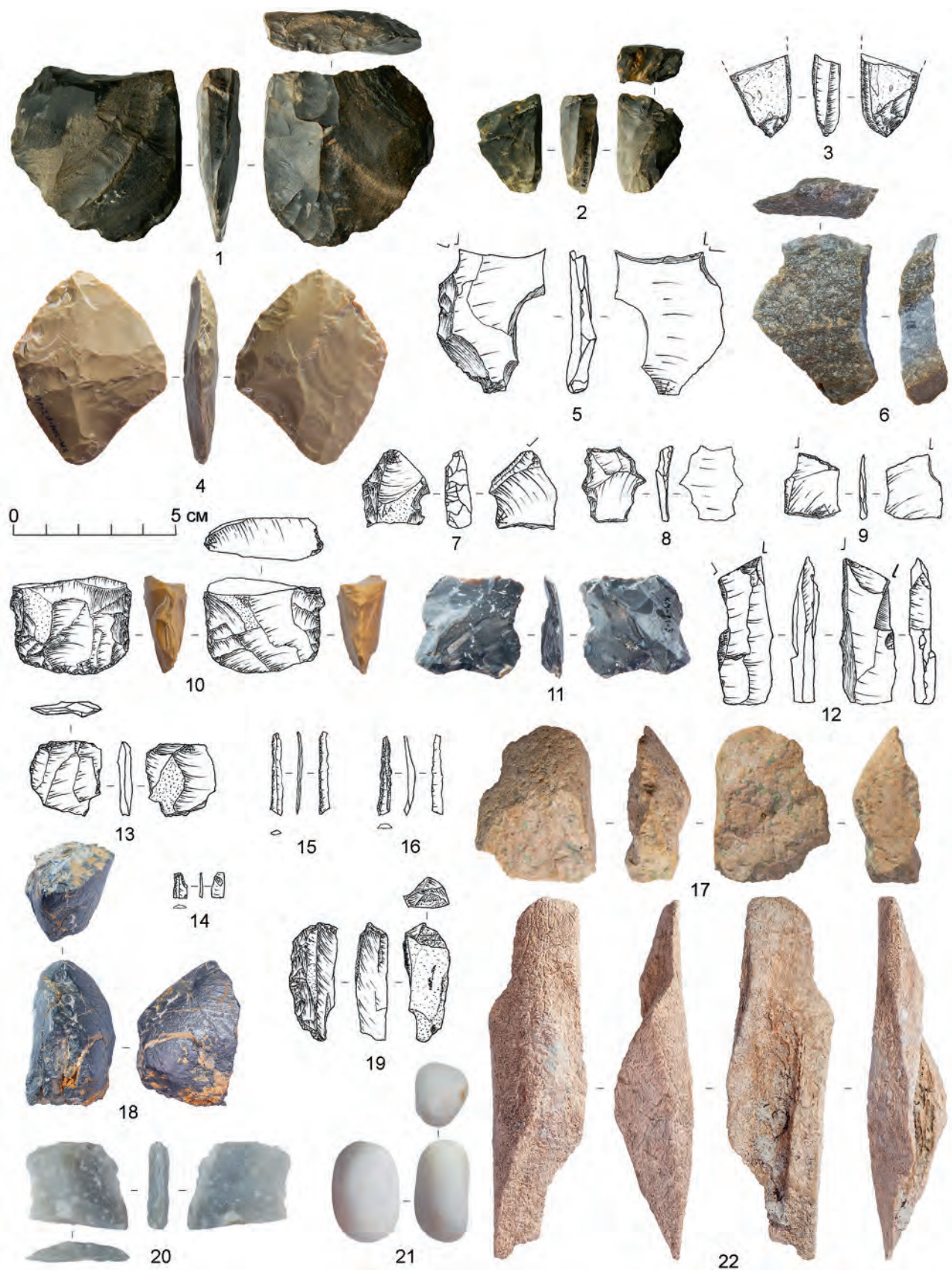
Также к орудиям отнесены восемь сколов с эпизодической ретушью, а к заготовкам орудий — изделие на кварцитовом сколе (32,6 × 23,4 × 11,3 мм), края которого обработаны крутой крупнофасеточной альтернативной ретушью.

Скребок в коллекции всего один и представлен концевым типом трапециевидной формы раз-

мерами 52,6 × 34,9 × 13,6 мм (рис. 4, 6). Лезвие его выпуклое, оформлено дорсальными чешуйчатыми снятиями на дистальной части крупного кварцитового скола.

Резцовые формы представлены двумя изделиями (46,3 × 33,0 × 7,5 и 20,6 × 16,3 × 2,0 мм) с угловыми резцовыми снятиями на дистальных частях сколов (рис. 4, 5, 9). Один из предметов имеет мелкую дорсальную чешуйчатую ретушь по левому и правому краям (рис. 4, 9).

К категории долотовидных отнесено два орудия на сколах. Одно (31,1 × 33,1 × 5,8 мм) имеет два противоположных рабочих края с характерной чешуйчатой подтеской и выемками по боковым краям, образованными крутой краевой чешуйчатой ретушью (рис. 4, 11). Второй предмет,

подпрямоугольной формы с долотовидным лезвием, оформлен утончающими снятиями и, вероятно, обломан (рис. 4, 13).

Комбинированные изделия насчитывают 3 экз. Одно из них (23,4 × 20,2 × 7,3 мм) — с двумя резцовыми снятиями и крупной отвесной разнофасеточной ретушью на левом крае (скребковым лезвием) (рис. 4, 7). Второе орудие (45,2 × 17,1 × 7,7 мм) изготовлено на пластинчатом сколе и сочетает скошенный влево долотовидный рабочий край с подтеской и два угловых резцовых скола (рис. 4, 12). К этой группе относится и орудие на аргиллитовом сколе ромбовидной формы (60,8 × 48,8 × 9,7 мм), которое морфологически близко к остроконечнику (рис. 4, 4). Поверхность его фаса оформлена субпараллельными снятиями, арьерфаса — центростремительными. Нижняя часть орудия представляет собой овальный выступ, который на фаса выделен глубоким сколом, на арьерфасе — плоскими утончающими снятиями. Края орудия обработаны по фасу: на верхнем левом крае присутствует полукруглая разнофасеточная субпараллельная и чешуйчатая ретушь (лезвие скребка?), на правом верхнем — двусторонней подтеской оформлено долотовидное лезвие. На нижнем правом крае имеется разнофасеточная пологая ступенчатая ретушь в сочетании с чешуйчатой.

В единичных экземплярах присутствуют орудие (47,5 × 34,3 × 18,6 мм) с выемкой, образованной несколькими чешуйчатыми снятиями на левом крае кортикального скола (рис. 4, 17), и кварцитовая галька (31,3 × 21,4 × 17,0 мм) со следами забитости на одном из терминалов (рис. 4, 21), которую можно определить как отбойник. Еще одно орудие (22,5 × 19,5 × 4,8 мм), шестиугольной формы, выполнено на сколе, у которого имеются четыре выраженных шипа, образованных крутой дорсальной чешуйчатой ретушью (рис. 4, 8).

В составе коллекции также есть такие предметы, как мелкий кусок гематита (8 × 8 мм) и под-

треугольная в поперечном сечении отдельность графита (44,1 × 30,3 × 23,0 мм) с линейными поперечными следами использования (рис. 4, 18).

Культурный горизонт 2. Данный уровень представлен двумя находками (табл.): неопределимым фрагментом кости и орудием, лощиком (110,0 × 29,8 × 24,8 мм) с уплощенным лопаткообразным рабочим лезвием на фрагменте кости крупного млекопитающего (рис. 4, 22).

Культурный горизонт 3. Здесь обнаружены (табл.) медиальный фрагмент коррадированной пластины с треугольным поперечным сечением из серого кварцита (27,1 × 30,8 × 5,9 мм) (рис. 4, 20) и неопределимый фрагмент кости.

Обсуждение

ГАО Китайский Мост является первым из сартанских местонахождений, для которого выполнен полный набор естественно-научных исследований (*multi-proxy records*) с предварительной публикацией результатов (*Казанский и др., 2022*). В настоящее время это единственный геоархеологический объект на юге Байкало-Енисейской Сибири с уникальным строением сартанских отложений, где выявлен особый тип субаэральных накоплений — нивейно-эоловый (слои 5–8), который иногда бывает представлен параллельными, почти горизонтальными слоями, связанными с захоронением в песках фрагментов снежного покрова (более подробно см.: *Галанин, 2021*). Эти отложения сформировались в условиях криоаридного климата с сильными ветрами в сухостепных ландшафтах, видимо, во второй половине среднего сартана (sr³₂ — ~17,0–14,7 тыс. л. н.) (*Vorobieva et al., 2021*), то есть в период, для которого археологические объекты до сих пор неизвестны (*Бердникова и др., 2021*).

Для территории Байкало-Енисейской Сибири первой половины среднего сартана (sr³₁ — ~19,5–17,0 тыс. л. н.) характерна холодная сухая степь с небольшими островными лесами (*Vorobieva et al., 2021*). Это наблюдение

Рис. 4. Китайский Мост. Археологические материалы (1–19, 21 — к. г. 1, 22 — к. г. 2, 20 — к. г. 3):

1, 2 — клиновидные нуклеусы; 3, 19 — фрагменты нуклеусов; 4 — остроконечник; 5, 9 — резцы; 6 — скребок; 7, 12 — комбинированные орудия; 8 — шиповидное орудие; 10 — фрагмент бифаса; 11, 13 — долотовидные орудия; 14, 20 — фрагмент микропластины; 15, 16 — микропластины; 17 — орудие с выемкой; 18 — кусок графита; 21 — отбойник; 22 — лощило (фото М. Е. Абрашиной, рисунки Д. П. Золотарева). 1–21 — камень; 22 — кость

Fig. 4. Kitoiskii Most. Archaeological finds (1–19, 21 — cult. h. 1, 22 — cult. h. 2, 20 — cult. h. 3): 1, 2 — wedge-shaped cores; 3, 19 — fragments of cores; 4 — point; 5, 9 — burins; 6 — endscraper; 7, 12 — combined tools; 8 — spike-shaped tool; 10 — biface fragment; 11, 13 — splintered pieces; 14, 20 — microblade fragment; 15, 16 — microblades; 17 — notched tool; 18 — a piece of graphite; 21 — hammerstone; 22 — polisher (photo by M. E. Abrashina, drawings by D. P. Zolotarev). 1–21 — stone; 22 — bone

подтверждается составом фауны из к. г. 1 ГАО Китайский Мост. При этом комплексы горизонта приурочены к мальтинской почве, которая маркирует потепление, произошедшее в интервале ~18,6–17,6 тыс. кал. л. н., что соотносится с данными по другим местонахождениям региона. Единственным отличием в данном случае является значительная глубина залегания почвы (около 5 м), тогда как на других объектах она обычно не превышает 1,5 м (Vorobieva et al., 2021).

Некоторые вопросы пространственного положения объектов среднего сартана. Сложные природно-климатические условия в период среднего сартана обуславливали особенности дислокации стоянок охотников-собирателей. На территории юга Байкало-Енисейской Сибири, где находится большинство археологических объектов этого времени, широко распространены толщи песчаных образований плейстоценового возраста (Выркин, 2010), которые накапливались в результате интенсивного переноса. Преобладающее действие ветров на юге Байкало-Енисейской Сибири имело и имеет основное направление с северо-запада вдоль фаса Восточного Саяна. Однако их интенсивность на разных участках территории отличается. Маркерами наиболее сильных ветровых обстановок выступают песчаные толщи, которые накапливались в зонах ветровых коридоров. Супесчаные и лессовидные отложения в зонах ветровой тени⁴ свидетельствуют о менее интенсивной ветровой деятельности. При этом сочетание участков ветровых коридоров и зон ветровой тени может варьировать в пределах отдельных участков, что зависит от характеристик рельефа, палеоклиматических условий и сезона.

Особенности позиций среднесартанских местонахождений в рельефе связаны с направлениями и силой ветров. Одни располагались в зонах ветрового коридора по бортам падей или под склонами (Буреть 3, 4; Черемушник 2; Кулаково 1; Федяево; Красный Яр 1), на участках высотой от 10–12 м. Другие находились в зоне ветровой тени (Мальтинка, Мальта-Мост 1) на участках с 20–25-метровыми относительными отметками, зачастую на расстоянии до 100 и более метров от современных линий уступов. ГАО Китайский Мост также расположен в зоне ветровой тени, но

в приборочной части высокой террасовидной поверхности.

Территории обитания: организация, структуры и наполнение. Несмотря на небольшую вскрытую площадь среднесартанского культуроросодержащего горизонта ГАО Китайский Мост, можно отметить, что выявленные участки обитания по некоторым признакам близки синхронным комплексам Байкало-Енисейской Сибири. В целом для мест обитания на местонахождениях этого времени в регионе характерны кострища с расположенными вокруг них культурными остатками — «пятнами находок» (Бердникова, 2012). Размеры комплексов варьируют, а в их структуре фиксируются скопления, участки сгущения и разреженности находок, отдельные манупорты⁵ и рабочие площадки. В к. г. 1 Китайского Моста признаки разведения огня не отмечены, однако скопления находок, небольшая рабочая площадка, а также обожженные кости присутствуют.

К уникальным структурным элементам среднесартанских комплексов региона можно отнести небольшие ямки, заполненные обожженными камнями, мелкими костями, сколами, кусочками каменного угля (горючего сланца, по З. А. Абрамовой), которые фиксировались преимущественно около кострищ, как, например, в к. г. 2 местонахождения Красный Яр 1 (Абрамова, 1962. С. 149; 1978. С. 10). Отдельности каменного угля, происходящие из пропластков⁶ в юрских отложениях, присутствуют в ряде комплексов (к. г. 2 Красного Яра 2; к. г. 2 Щапова 2), включая к. г. 1 Китайского Моста. Обращаясь к раннесартанским материалам, следует отметить, что они найдены и в заполнении кострищ из нижних уровней (к. г. 6 и 7) Красного Яра 1 (Медведев, 1966), комплексы которых датируются в интервале ~24–23 тыс. кал. л. н. Вероятно, каменный уголь приносился охотниками-собирающими на территорию стоянок для использования в качестве минерального топлива.

Присутствие отдельностей минеральных красителей красноватого цвета (в основном, видимо, с преобладанием в их составе гематита) также является характерной чертой комплексов среднего сартана. Небольшие их куски, помимо к. г. 1 ГАО Китайский Мост, зафиксированы в к. г. 2

⁴ Зона ветровой тени, или зона ветрового подпора, расположена ниже линии, проведенной под углом 45° от самой верхней точки препятствия к линии горизонта (Примеч. ред.).

⁵ Манупорт в археологии — необработанные камни, принесенные человеком за десятки километров (Примеч. ред.).

⁶ Пропласток — тонкий промежуточный слой между пластами горных пород (Примеч. ред.).

Черемушника 2. Следы растертой в порошок минеральной краски (охры) отмечены при раскопках объекта Федяево (Астахов, 1963) и в к. г. 3 местонахождения Мальта-Мост 1 (Berdnikova et al., 2022). Причем в последнем случае определена последовательность использования территории обитания, которая завершилась засыпкой охрой всей поверхности и закрытием отдельных ее участков, в том числе кострища, плитами из нижнекембрийских доломитов.

Таким образом, использование красных минеральных красителей в разных вариациях можно считать одним из признаков рассматриваемого периода, а охра и каменные выкладки, закрывающие поверхность на завершающей стадии обитания, вероятно, имели ритуальную функцию. Проводя аналогии с более древними комплексами, можно отметить использование охристых пигментов, а также закрытие кострищ на Янской стоянке (Питулько, 2022). Можно предположить, что подобные действия имеют корни в палеолитических культурах Сибири каргинского периода (МИС 3). При этом следует отметить, что на юге Байкало-Енисейской Сибири красные минеральные красители имеют, скорее всего, местное происхождение. В настоящее время, в частности, известны месторождения железосодержащих пород в Предсаянье (Сосновый Байц и др.) и красочных глин (например, Мотское в долине р. Иркут) (Государственная..., 2009), которые расположены в нескольких десятках километров от ГАО Китайский Мост 1.

Что касается проблемы определения сезонов обитания, то из всех изученных среднесартанских комплексов надежные данные получены только для к. г. 3 ГАО Мальта-Мост 1, где установлено, что освоение территории стоянки приходится на первую половину лета (Berdnikova et al., 2022). В отношении ГАО Китайский Мост сезон пока не определен.

Характер среднесартанского комплекса ГАО Китайский Мост. Нижние уровни находок (к. г. 2 и 3) малоинформативны и только обозначают перспективы изучения комплексов раннего сартана, поэтому в настоящей статье мы обсуждаем коллекцию к. г. 1.

В каменном веке в Байкало-Енисейской Сибири эксплуатировалось местное и легкодоступное каменное сырье: нижнекембрийский кремень, юрские аргиллиты, кварцитовые гальки из юрских конгломератов, яшмоиды (Бердникова, 2012. С. 112). Сырьевые группы к. г. 1 Китайского Моста в целом это подтверждают. Первичное расще-

пление на стоянке, как отмечено выше, характеризуется двумя принципами: призматическим и терминально-краевым для получения микропластин. Последний является характерной особенностью археологических комплексов позднего этапа верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири (Medvedev, Lipnina, 1992; Бердникова и др., 2021). Среднесартанскому времени (sr^3_1) присуще сочетание нуклевидных форм в техниках резцового скола, кампус и сайкаи (Бердникова, Золотарев, 2020; Бердникова и др., 2021). Для техники сайкаи характерна подготовка площадки нуклеуса поперечно ориентированными сколами с одной из латералей. Допускалась также подправка рабочего сегмента мелкими снятиями с фронта (техника кампус). В некоторых случаях для получения оптимального угла скалывания формировалась вогнутость площадки, которая могла подправляться специфичными «лепестковыми» сколами с вогнуто-выпуклыми поверхностями и характерным расширением к краю скола (Бердникова, Золотарев, 2020). В качестве заготовок использовались гальки, отдельности породы, специально подготовленные преформы, бифасы. В материалах горизонта отмечен новый тип заготовок для нуклеусов сайкаи — сколы. Вариации этой техники имеют аналоги в близких по возрасту комплексах позднего палеолита Енисея (кокоревская и афонтовская культуры) (Абрамова, 1975; 1979а; 1979б; Артемьев, 1996; Лисицын, 2000; Акимова и др., 2005).

Орудийный набор в целом стандартен для среднесартанской индустрии и близок материалам синхронных местонахождений Байкало-Енисейской Сибири, для которых характерны ретушированные микропластины и их фрагменты, скребки, долотовидные орудия, резцы, комбинированные орудия, изделия с выемками и шипами. На общем фоне выделяется ромбовидное изделие, которое может быть каменной частью составного орудия.

Отдельность графита со следами использования, которая присутствует в составе коллекции, — редкая находка на стоянках каменного века Байкало-Енисейской Сибири. Проявления графита отмечены в архейских толщах в междуречье рек Онот и Малой Белой, в раннепротерозойских толщах Приольхонья и острова Ольхон (Государственная..., 2009). При этом первые пункты его проявления расположены в нескольких десятках километров от ГАО Китайский Мост, а ольхонские — в нескольких сотнях.

Древнейшее свидетельство использования этой породы на территории региона датируется

ранним сартаном (sr^1_1) и отмечено в комплексах «классической» Мальты (*Липнина, 2002*) возрастом ~27–25 тыс. кал. л. н. (*Vorobieva et al., 2021*). Изделия из графита также найдены в более поздних комплексах — в бёллинг-аллерёдских горизонтах 2 и 3 местонахождения Верхоленская Гора 1 (Мезолит..., 1980. С. 61, 91). В Канско-Енисейском регионе шесть предметов со следами использования зафиксированы в раннеголоценовом к. г. 19 местонахождения Казачка 1 (*Бочарова, Зоткина, 2017*). В Забайкалье на средне- и позднесартанских объектах изделия из графита представлены гораздо шире. Их находки отмечены, в частности, на стоянках Витима, среди которых Усть-Каренга, Коврижка 2–4, Большой Якорь 1, Инвалидный 3 (*Тетенькин, 2022*), а также на юге Забайкалья в комплексах местонахождений Ошурково, Усть-Менза 2 и Усть-Кяхта 17 (*Константинов, 1994; 2001; Ташиак, 2005*). Возможно, предметы из графита связаны со знаково-символической деятельностью, в контексте которой также стоит упомянуть артефакты из к. г. 2 Красного Яра 1: стилизованную антропоморфную фигурку и миниатюрный стерженек с головкой из кости, а также четырехугольную пластину из раковины, которые автор раскопок З. А. Абрамова отнесла к предметам искусства (*Абрамова, 1959; 1962; 1978*).

Заключение

Новый геоархеологический объект Китайский Мост представляет собой уникальное явление с позиций как естественных наук, так и археологии. В результате комплексных исследований данного местонахождения впервые выявлены niveйно-эоловые отложения, которые свидетельствуют о криоаридном характере климата с силь-

ными ветрами в период ~17,0–14,7 тыс. кал. л. н. Видимо, именно эти факторы оказали сильное влияние на системы освоения территорий, которые в настоящий момент выражены в отсутствии археологических объектов на территории Байкало-Енисейской Сибири во второй половине среднего сартана (sr^3_2). Кроме того, культуросодержащий горизонт мальтинской почвы, в отличие от ее типичного стратиграфического положения, впервые зафиксирован на значительной глубине.

В археологическом отношении пространственное положение ГАО Китайский Мост, особенности структуры и содержания среднесартанского культуросодержащего горизонта (~18,6–17,6 тыс. кал. л. н.), традиции использования местного сырья, морфо-технологические особенности каменного инвентаря, а также проявление знаково-символической деятельности имеют широкие аналогии в синхронных комплексах Байкало-Енисейской Сибири.

Учитывая тот факт, что на Ангаре, в отличие от долины Енисея, в силу различных обстоятельств выявлено незначительное количество археологических объектов сартанского возраста, открытие ГАО Китайский Мост расширяет наши возможности для поиска местонахождений данного периода в долинах притоков основных водных магистралей региона. Результаты его изучения, в свою очередь, позволяют открыть новые страницы регионального палеолитоведения в попытках проследить динамику технологий и объяснить наличие перерывов в накоплении культурных перерывов, обусловленных, видимо, суровыми палеоклиматическими условиями.

Абрамова, 1959 — *Абрамова З. А.* К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху // КСИИМК. 1959. № 76. С. 103–107.

Абрамова, 1962 — *Абрамова З. А.* Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на р. Ангаре // СА. 1962. № 3. С. 147–156.

Абрамова, 1975 — *Абрамова З. А.* Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1975. С. 21–30.

Абрамова, 1978 — *Абрамова З. А.* Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья: Сб. ст. / Отв. ред. Р. С. Василевский. Новосибирск: Наука, 1978. С. 7–34.

Абрамова, 1979а — *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Абрамова, 1979б — *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 160 с.

Абрамова и др., 1991 — *Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф.* Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991. 158 с.

Акимова и др., 2005 — *Акимова Е. В., Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А., Орлова Л. А., Санько А. Ф., Шпакова Е. А.* Палеолит Енисея. Лиственка. Красноярск; Новосибирск: Универс; Наука, 2005. 180 с.

Акимова и др., 2021 — *Акимова Е. В., Анойкин А. А., Васильев С. К., Галухин Л. Л., Дроздов Н. И., Дудко А. А.,*

- Зольников И. Д., Клементьев А. М., Лысенко Д. Н., Разгильдеева И. И., Славинский В. С., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М., Цыбанков А. А.* Позднепалеолитическая стоянка Афонтова Гора II: итоги мультидисциплинарных исследований 2014 года. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. 260 с.
- Артемьев, 1996 — Артемьев Е. В.* Микропластинчатая индустрия верхнепалеолитических памятников Средней Сибири (Средний Енисей): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск, 1996. 222 с.
- Астахов, 1963 — Астахов С. Н.* Позднепалеолитическая стоянка у деревни Федяево на Ангаре // *СА*. 1963. № 3. С. 209–215.
- Астахов, 1986 — Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986. 173 с.
- Астахов, 1999 — Астахов С. Н.* Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. СПб.: Европейский дом, 1999. 207 с.
- Бердникова, 2012 — Бердникова Н. Е.* Заключительная стадия позднего палеолита юга Байкальской Сибири: геоархеологические сюжеты // *Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина*: Сб. ст. / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 103–122.
- Бердникова, Золотарев, 2020 — Бердникова Н. Е., Золотарев Д. П.* Технологии микропластинчатого терминально-краевого расщепления в комплексах сартана (МИС 2) Байкало-Енисейской Сибири // *Труды VI (XXII) Всерос. археолог. съезда в Самаре* / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. социально-педагог. ун-т, 2020. Т. 1. С. 9–10.
- Бердникова и др., 2021 — Бердникова Н. Е., Бердников И. М., Воробьева Г. А., Липнина Е. А.* Средний и поздний этапы верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири: хронология и общая характеристика // *Известия Иркутского ГУ. Серия: Геоархеология, этнология, антропология*. 2021. Т. 38. С. 59–77. Doi: 10.26516/2227-2380.2021.38.59.
- Бочарова, Зоткина, 2017 — Бочарова Е. Н., Зоткина Л. В.* Трасологическое исследование предметов из графита с местонахождения Казачка-1 // *Труды V (XXI) Всерос. археолог. съезда в Барнауле-Белокурихе*. В 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. Т. 1. С. 148–149.
- Васильев, 1996 — Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 224 с.
- Воробьева, 2010 — Воробьева Г. А.* Почва как летопись природных событий Прибайкалья (проблемы эволюции и классификации почв). Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 2010. 205 с.
- Выркин, 2010 — Выркин В. Б.* Эоловое рельефообразование в Прибайкалье и Забайкалье // *География и природные ресурсы*. 2010. № 3. С. 25–32.
- Галанин, 2021 — Галанин А. А.* Позднечетвертичные песчаные покровы Центральной Якутии (Восточная Сибирь): строение, фациальный состав и палеоэкологическое значение // *Криосфера Земли*. 2021. Т. XXV, № 1. С. 3–34. DOI: 10.15372/KZ20210101.
- Государственная..., 2009 — Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). СПб.: Картфабрика ВСЕГЕИ, 2009 (Серия Ангаро-Енисейская. Лист N-48). Иркутск. Объяснительная записка. 574 с.*
- Деревянко и др., 1994 — Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.* Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.
- Золотарев, Бердникова, 2022 — Золотарев Д. П., Бердникова Н. Е.* Краткий обзор вариабельности терминально-краевого расщепления в комплексах финального сартана Байкало-Енисейской Сибири // *Известия Иркутского ГУ. Серия: Геоархеология, этнология, антропология*. 2022. Т. 41. С. 68–80. DOI: 10.26516/2227-2380.2022.41.68.
- Золотарев, Кузнецов, 2019 — Золотарев Д. П., Кузнецов А. М.* Каменная индустрия геоархеологического объекта Китайский Мост (Байкало-Енисейская Сибирь) // *LI Урало-Поволжская археолог. конф. студентов и молодых ученых (г. Курган, 5–9 февраля 2019 г.)* / Под ред. Д. Н. Маслюженко, И. К. Новикова. Курган: Изд-во Курганского ГУ, 2019. С. 13–14.
- Иванова и др., 2016 — Иванова В. В., Щетников А. А., Филинов И. А., Вещева С. В., Казанский А. Ю., Матасова Г. Г.* Литолого-геохимические особенности отложений Усть-Одинского опорного разреза верхнего неоплейстоцена Иркутского амфитеатра Сибирской платформы // *Литология и полезные ископаемые*. 2016. Т. 51, № 3. С. 215–232.
- Казанский и др., 2022 — Казанский А. Ю., Матасова Г. Г., Щетников А. А., Филинов И. А., Брагин В. Ю., Бердникова Н. Е., Липнина Е. А.* Разрез Китайский мост — новый тип разреза верхнечетвертичных отложений Предбайкалья // *Геодинамическая эволюция литосферы Центрально-Азиатского подвижного пояса (от океана к континенту)*. Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2022. С. 117–119.
- Константинов, 1994 — Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии.

- Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН; Читинский гос. пед. ин-т им. Н. Г. Чернышевского, 1994. 180 с.
- Константинов, 2001 — Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
- Липнина, 2002 — Липнина Е. А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии и этнографии РАН. Новосибирск, 2002. 313 с.
- Лисицын, 2000 — Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 232 с.
- Лисицын и др., 1997 — Лисицын Н. Ф., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сеницын А. А., Сулержицкий Л. Д. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 143 с.
- Медведев, 1966 — Медведев Г. И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы: Материалы и доклады на науч. сессии ИА АН СССР. Иркутск: Иркутский обл. краевед. музей, 1966. С. 5–25.
- Медведев, 1983 — Медведев Г. И. Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1983. 44 с.
- Мезолит..., 1971 — Мезолит Верхнего Приангарья: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. Иркутск: Иркутский ун-т, 1971. Ч. 1. 242 с.
- Мезолит..., 1980 — Мезолит Верхнего Приангарья: Памятники Иркутского района. Иркутск: Иркутский ун-т, 1980. Ч. 2. 204 с.
- Питулько, 2022 — Питулько В. В. Расселение и адаптация древнего населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем неоплейстоцене — раннем голоцене: Дис. ... д-ра ист. наук: 5.6.3. Археология / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук. СПб., 2022. 253 с.
- Стратиграфия, палеогеография..., 1990 — Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991) / Отв. ред. Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, В. В. Свинин. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. 165 с.
- Ташак, 2005 — Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2005. 130 с.
- Тетенькин, 2022 — Тетенькин А. В. Средний верхний палеолит — мезолит Северного Прибайкалья: Дис. ... д-ра ист. наук: 5.6.3. Археология / Иркутский нац. иссл. тех. ун-т. Иркутск, 2022. 1052 с.
- Унифицированная региональная..., 2010 — Унифицированная региональная стратиграфическая схема четвертичных отложений Средней Сибири (Таймыр, Сибирская платформа). Новосибирск: Сибирский НИИ геологии, геофизики и минерального сырья, 2010. 90 с.
- Berdnikova et al., 2022 — Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Vorobieva G. A., Shchetnikov A. A., Filinov I. A., Krutikova K. A., Zolotarev D. P., Lipnina E. A. Geoarchaeological Studies on the Territory of Baikal Siberia: Approach and Methods // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy / Eds. N. Ankusheva et al. Springer, Cham, 2022. P. 391–410. DOI: 10.1007/978-3-030-86040-0_32.
- Medvedev, Lipnina, 1992 — Medvedev G. I., Lipnina E. A. “Microsplitting”, “microcores”, “universal perform”: The origin and its development of microblade, microcore, core material with plural aims. Theoretical and technical aspects // The Origin and Dispersal of Microblade Industry in Northern Eurasia. Sapporo: University of Sapporo Press, 1992. P. 191–206.
- Rasmussen et al., 2014 — Rasmussen S. O., Bigler M., Blockley S. P., Blunier T., Buchardt S. L., Clausen H. B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S. J., Fischer H. A stratigraphic framework for abrupt climatic changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records: Refining and extending the INTIMATE event stratigraphy // Quaternary Science Reviews. 2014. Vol. 106. P. 14–28. DOI: 10.1016/j.quascirev.2014.09.007.
- Shchetnikov et al., 2016 — Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Maksimov F. E., Kuznetsov V. Y., Filinov I. A. Environmental and climate reconstructions of the Fore-Baikal area during MIS 5-1: Multiproxy record from terrestrial sediments of the Ust-Oda section (Siberia, Russia) // Journal of Asian Earth Sciences. 2016. Vol. 129. P. 220–230. Doi:10.1016/j.jseas.2016.08.015.
- Vorobieva et al., 2021 — Vorobieva G., Vashukevich N., Berdnikova N., Berdnikov I., Zolotarev D., Kuklina S., Lipnina E. Soil Formation, Subaerial Sedimentation Processes and Ancient Cultures during MIS 2 and the Deglaciation Phase MIS 1 in the Baikal-Yenisei Siberia (Russia) // Geosciences. 2021. Vol. 11. 323. DOI: 10.3390/geosciences11080323.

Archaeological assemblages of the Kitoiskii Most site in the context of the Upper Paleolithic of Baikal-Yenisei Siberia

N. E. Berdnikova, D. P. Zolotarev, I. M. Berdnikov, I. S. Shegutov, A. A. Shchetnikov, I. A. Filinov,
D. N. Lokhov, E. A. Lipnina, D. G. Malikov, V. V. Nikityonok, G. A. Vorobyeva⁷

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, Upper Pleistocene, late stage of the Upper Paleolithic, terminal-edge knapping principle, wedge-shaped cores, radiocarbon dating.

The results of multidisciplinary studies of the new geoarchaeological site Kitoiskii Most in the valley of the Kitoi River (southern Baikal-Yenisei Siberia) are presented. The deposits at this site were studied using pedolithological method and a set of analytical techniques within a multi-proxy records.

It has been established that the deposits exposed to a depth of 13 m belong to the Upper Pleistocene and Holocene (MIS 5e — MIS 1). Four buried soils were recorded in them. The most informative in archaeological terms are the MIS 2 deposits associated with the Sartanian cryochron. For the first time, a special type of subaerial deposits, niveo-aeolian, formed in the cryo-arid climate in the range of ~17,0–14,7 ka cal BP has been identified. The most representative cultural horizon 1 (dated in the range of ~18,3–17,9 ka cal BP) is confined to the Middle Sartanian Malta soil, which, unlike the synchronous geoarchaeological objects of the region, is located at a significant depth (up to 5,0 m). In the Early Sartanian sediments, two more levels with few finds were recorded (horizons 2 and 3).

Natural scientific data and archaeological materials were analyzed. Based on the analysis of reliable radiocarbon dates and analogies, the age of the buried soils was established. In the upper sandy sedimentary unit, the soil of the Bølling-Allerød warming (~14,7–12,8 ka cal BP) and the Malta soil of the Middle Sartanian (~18,6–17,6 ka cal BP) were identified. In the lower aleurite stratum, there is Karginian soil (MIS 3) with ambiguous dates from ~42,5 to 36,0 ka cal BP, as well as the Kazantsevo soil (MIS 5e) with an age of ~115–104 ka cal BP. Archaeological materials from cultural horizon 1 have features characteristic of synchronous assemblages of Baikal-Yenisei Siberia, including the technology of microblade knapping (Saikai technique). Their proximity is also indicated by the features of the spatial localization of the Kitoiskii Most site.

It is concluded that the Kitoiskii Most is, on the one hand, a unique site, and on the other hand, it complements the ensemble of Middle Sartanian assemblages in the region. The results of its studies allowed us to detail the paleogeographical conditions of the Sartanian cryochron and obtain new information about the features of archaeological assemblages of the late stage of the Upper Paleolithic in Baikal-Yenisei Siberia.

---

⁷ Nataliya E. Berdnikova, Dmitriy P. Zolotarev, Ivan M. Berdnikov, Ivan S. Shegutov, Dmitriy N. Lokhov, Ekaterina A. Lipnina, Galina A. Vorobyova — Irkutsk State University; Irkutsk, Russia; e-mail: nberd@yandex.ru, dmitryzolotarev2012@yandex.ru, yan-maiski@yandex.ru, shegutov@gmail.com, bisaagan@yandex.ru, ekaterinalipnina@mail.ru, galvorob@yandex.ru; Alexander A. Shchetnikov, Ivan A. Filinov, Vladimir V. Nikityonok — Institute of the Earth Crust of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Irkutsk, Russia; e-mail: shch@crust.irk.ru, filinov@crust.irk.ru, robertnike@yandex.ru; Dmitriy G. Malikov — V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk, Russia; e-mail: knight_1991@mail.ru.

Энеолитические погребения Панфиловской стоянки во Владимирской области

В. В. Ставицкий, В. В. Морозов¹

Аннотация. В статье анализируются стратиграфия и культурно-хронологическая принадлежность погребений Панфиловской стоянки. Первое погребение исследовано в 1924 г. В. А. Городцовым, который предположил, что оно было разрушено при строительстве землянки и перезахоронено. Второе погребение выявлено в 1946 г. Е. И. Горюновой на полу землянки и отнесено ею к волосовской культуре. Хронология первого погребения не установлена, второе, по предположению авторов, было совершено носителями имеркской культуры.

Ключевые слова: Панфиловская стоянка, энеолит, волосовская культура, имеркская культура, энеолитические погребения.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-100-109

Введение

Панфиловская стоянка расположена в окрестностях села Панфилово Муромского района Владимирской области, на пойменной дюне левого берега р. Илемны, левого притока Оки (рис. 1). Памятник открыт в 1923 г. Ф. Я. Селезневым (Городцов, 1926. С. 3). В ходе раскопок на памятнике в разные годы было открыто два погребения (Городцов, 1926; Горюнова, 1946). Для эпохи энеолита Волго-Окского региона это довольно редкое явление. Стратиграфия, обряд, связь с котлованами жилищ и культурно-хронологическая атрибуция этих погребений продолжительное время оставались предметом взаимоисключающих интерпретаций, но анализ давно известных материалов в современном археологическом контексте позволяет прояснить ряд важных аспектов.

Погребение из раскопок В. А. Городцова 1924 г.

В 1924 г. В. А. Городцов провел на Панфиловской стоянке первые раскопки. В результате исследований он выявил два жилища, одно из ко-

торых было раскопано полностью. В ходе работ была собрана значительная коллекция керамики, кремневых изделий, костей животных и единичных медных орудий. По итогам раскопок В. А. Городцов выделил особую панфиловскую культуру эпохи палеометалла, которую он датировал второй половиной III тыс. до н. э. (Городцов, 1926; Ставицкий, Морозов, 2023а).

К юго-западу от вскрытой землянки, на глубине около 40 см, ниже непо потревоженного культурного слоя В. А. Городцов зафиксировал скопление человеческих костей: фрагменты черепа, ключицу, бедро, нижнюю челюсть и ребро в сопровождении кремневого наконечника стрелы, крупного скребка и большого осколка кремня (рис. 2). По его мнению, эти предметы могли быть связаны с захоронением. При этом он допускал, что они могли попасть в могильную яму из культурного слоя. Выше костей были собраны мелкие осколки кремня, обломок кремневого орудия, фрагменты керамики, кость бобра, нижняя челюсть лисички, два позвонка зайца и один позвонок рыбы. Ниже костей была зафиксирована очажная (?) яма, содержащая золу, угольки, редкие фрагменты керамики, отщепы кремня и несколько обломков костей животных. Некоторые участники экспедиции В. А. Городцова, включая А. Я. Брюсова, А. В. Арциховского и А. П. Смирнова, высказали предположение, что подобное скопление человеческих костей могло свидетельствовать

¹ Ставицкий В. В. — Пензенский государственный университет; Пенза, Россия; e-mail: stawiczky.v@yandex.ru; Морозов В. В. — ООО «Археология Восточно-Европейской равнины»; Москва, Россия; e-mail: vikromolot@mail.ru.

© Ставицкий В. В., Морозов В. В., 2024

об антропофагии. Однако, по мнению В. А. Городцова, такому объяснению противоречила целостность костей, из которых фрагментирован был только череп, пострадавший в ходе раскопок. Также было отвергнуто мнение о наличии ритуального погребения, поскольку кости лежали без всякого порядка и количество их было слишком мало. В итоге исследователь пришел к выводу, что первоначальное захоронение, видимо, было разрушено строителями землянки, которые собрали крупные целые кости и перезахоронили их рядом с постройкой. В пользу этого предположения свидетельствовали находки в заполнении котлована землянки двух фаланг человеческих пальцев, которые не были перезахоронены, а после обрушения крыши и стен попали в засыпку котлована. В. А. Городцов не исключал, что первоначальное захоронение Панфиловской стоянки могло относиться «к весьма древнему, может быть, даже неолитическому времени» (Городцов, 1926. С. 9).

Точка зрения В. А. Городцова о вторичном характере данного захоронения была подвергнута сомнению палеоантропологом М. М. Герасимовым. По его мнению, погребение изначально располагалось в данном месте и было частично разрушено при строительстве землянки, о чем свидетельствует находка в засыпке землянки костей, вероятно, принадлежащих этому скелету (Герасимов, 1955. С. 383).

Е. Л. Костылевой и А. А. Уткиным впоследствии было высказано предположение, что погребение не было разрушено при строительстве землянки. Неполную сохранность скелета они объясняли последующей активной хозяйственной деятельностью обитателей стоянки поблизости с погребением, о которой свидетельствуют три расположенных рядом очага (Костылева, Уткин, 2010. С. 232).

Однако, судя по плану В. А. Городцова, два очага находились от скопления костей на расстоянии не менее 10 м, а третий был расположен у самой стенки землянки, следовательно, он не мог функционировать одновременно с этим жилищем. Кроме того, в случае частичного разрушения погребения хозяйственными ямами часть костей скелета должна была бы сохранить антропологическую целостность, но этого не произошло. Все кости достаточно компактно залежали в районе черепа (Городцов, 1926. Табл. 1, б). Следует упомянуть, что В. А. Городцов в статье дважды отмечает, что выше скопления костей залегал «цельный, не перерытый культурный

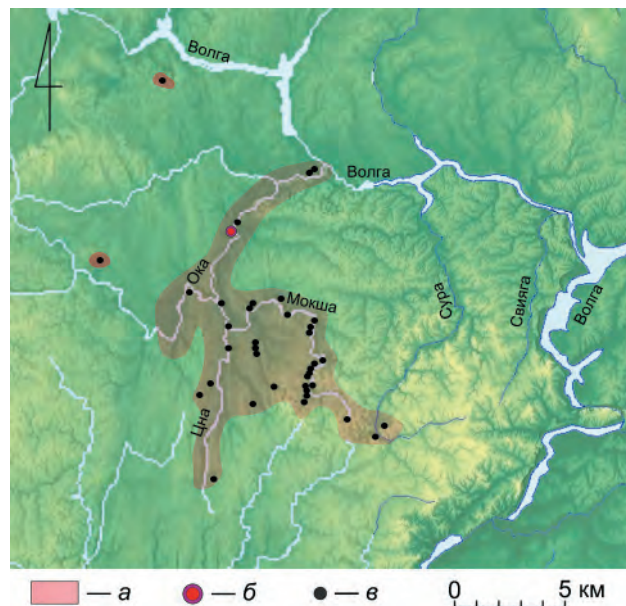

Рис. 1. Карта распространения памятников имеркской культуры (а — ареал распространения носителей имеркской культуры; б — местоположение Панфиловской стоянки; в — опорные памятники)

Fig. 1. Distribution map of Imerka culture sites (a — distribution area of Imerka culture; б — location of Panfilovo site; в — key sites)

слой» (Там же. С. 9). Поэтому точка зрения исследователя стоянки на природу происхождения данного захоронения представляется нам более убедительной.

Погребение из раскопок Е. И. Горюновой

Второе погребение на памятнике было выявлено при исследованиях Е. И. Горюновой 1946 г. (Горюнова, 1946). Полной публикации данного захоронения нет, но его краткое описание без плана, рисунков и фотографий приведено в монографиях М. М. Герасимова (Герасимов, 1955. С. 383), Е. Л. Костылевой и А. В. Уткина (Костылева, Уткин, 2010. С. 232). Погребение было зафиксировано на глубине 110 см от дневной поверхности, на полу землянки у ее восточного угла. Скелет взрослого мужчины располагался параллельно юго-восточной стенке жилища, в положении вытянуто на животе. Череп лежал на левом виске, его лицевая часть была обращена вправо. Кости рук были согнуты в локтях; кисти, плотно прижатые друг к другу в области пястных костей, находились под тазом. Правое плечо, предплечье и позвоночный столб хорошо сохранились; эпифизы костей левой руки, спинные и шейные позвонки

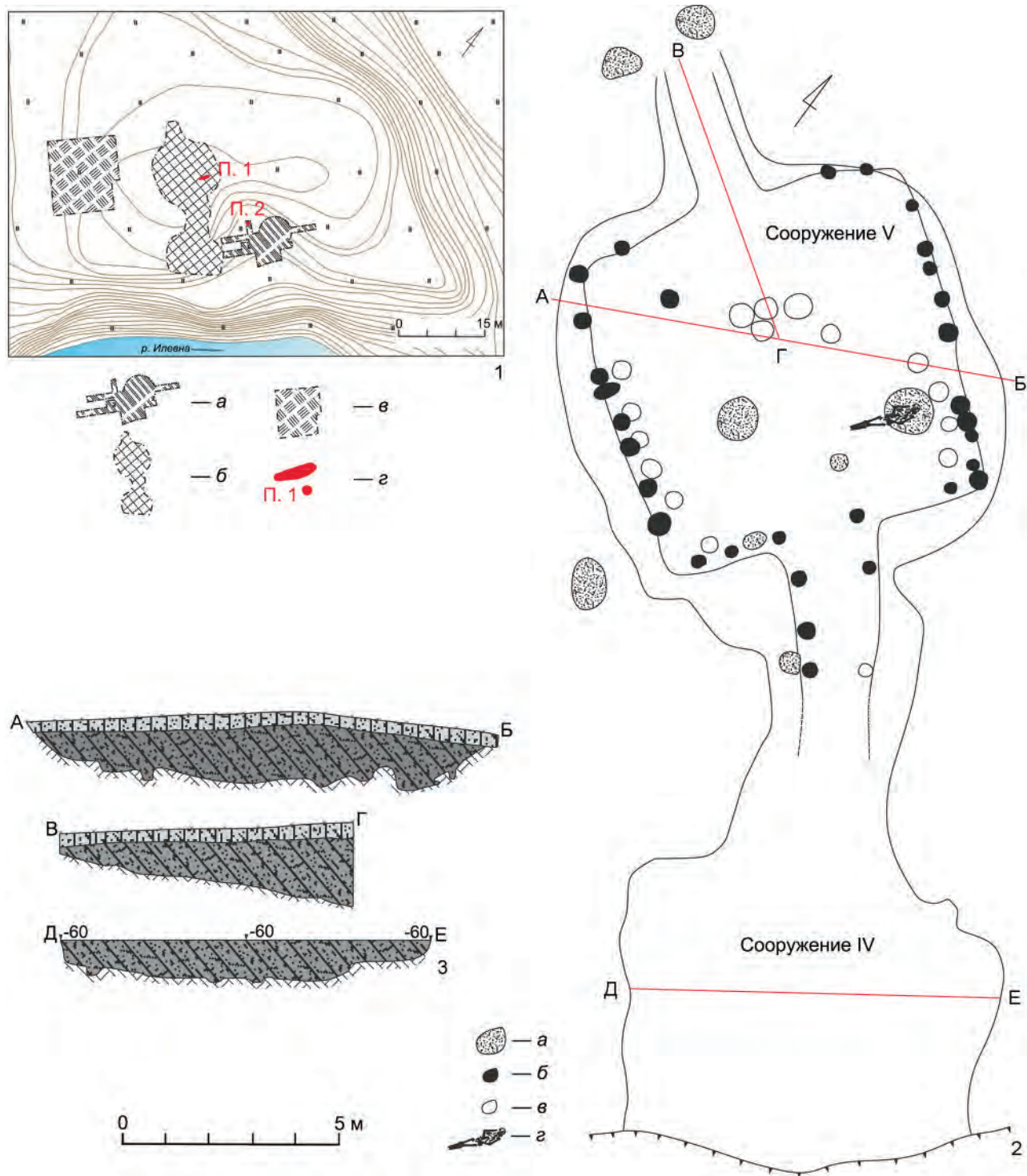

Рис. 2. Панфиловская стоянка: 1 — план раскопов (а — раскоп В. А. Городцова (1924 г.), б — раскоп Е. И. Горюновой (1946 г.), в — раскоп И. К. Цветковой (1950 г.), г — погребения, сечение горизонталей через 25 см); 2, 3 — землянка из раскопа Е. И. Горюновой (2 — план: а — зольные пятна, б — столбовые ямки на уровне -90–100 см, в — столбовые ямки на уровне -120–150 см, г — погребение; 3 — разрезы (Горюнова, 1946))

Fig. 2. Panfilovo site: 1 — excavation plans (a — V. A. Gorodtsov's trench (1924), б — E. I. Goryunova's trench (1946), в — I. K. Tsvetkova's trench (1950), г — burials (contour interval, 25 cm)); 2, 3 — pit-dwelling in E. I. Goryunova's trench (2 — plan: a — ash spots, б — postholes at the 90–100 cm level, в — postholes at the 120–150 cm level, г — burial; 3 — transects (Горюнова, 1946))

были разрушены. Кости ступней ног перекрывали друг друга, возможно, ноги были связаны. Головой погребенный был ориентирован на северо-восток. Длина скелета 173 см (рис. 3, 2, 3). По мнению Е. И. Горюновой, покойный был не захоронен, а просто положен на дно землянки. Верхняя половина туловища находилась на обширном зольном пятне, но не содержала следов огня на костях. Рядом со скелетом было собрано несколько разнотипных фрагментов керамики, кремневые отщепы. Над черепом на глубине 95 см находились два сверла, обломок наконечника стрелы, кремневый скребок. Е. И. Горюнова полагала, что связь этих предметов с погребением неочевидна (Горюнова, 1946. Л. 16, 17).

В монографии М. М. Герасимова приведено сообщение Е. И. Горюновой о том, что: «необычная поза костяка, его как бы случайное положение на полу землянки заставило автора раскопок высказать предположение о случайной смерти субъекта и о том, что он не был погребен».

Полемизируя с ней, М. М. Герасимов отметил, что, вероятно, сразу после захоронения землянка была заброшена, а погребения на животе известны в неолитическое время. В качестве примеров он приводит захоронения женщин в Караваихе (раскопки А. Я. Брюсова) и на Оленьем острове (раскопки В. И. Равдоникаса), а также положение скелетов трех погребенных на Кубенинском озере (раскопки М. Е. Фосс) (Герасимов, 1955. С. 383). В Фофановском могильнике на р. Селенге у женщины, погребенной на животе, кисти рук, как и в Панфилово, находились под костями таза (Герасимов, Черных, 1975). По мнению М. М. Герасимова, панфиловский череп мужчины относится к «типично европеоидному типу, с сохранившимися элементами древнего типа кроманьонцев», близкому к древнему населению Нижнего Поднепровья. Скульптурная реконструкция М. М. Герасимова по этому черепу хранится в Муромском краеведческом музее (рис. 3, 1) (Герасимов, 1955. С. 384, 385, рис. 152).

Е. Л. Костылевой и А. В. Уткиным было выдвинуто предположение, что погребение, обнаруженное Е. И. Горюновой на полу жилища, на самом деле было позже впущено в заброшенный котлован землянки, а положение погребенного на животе (ничком) они отнесли к характерным признакам позднеолитических захоронений (Костылева, Уткин, 2010. С. 232).

Следует отметить, что Е. И. Горюнова не зафиксировала впускной ямы погребения в заполнении

землянки, но выделила два строительных горизонта по столбовым ямам землянки, что говорит о тщательности раскопок (Горюнова, 1946. Л. 5).

Примеры погребений в пределах котлованов жилищ

На практику захоронения умерших на полу оставленных землянок в эпоху энеолита указывают материалы поселения Ибердус II, где подобное захоронение было зафиксировано при раскопках И. К. Цветковой. Скелет взрослого индивида, лежавший на спине, слегка завалившись на бок, был найден в ненарушенном пласте спрессованного ракушечника у юго-восточной стенки котлована на глубине 55 см от современной поверхности. Могильная яма не прослеживалась. По мнению Е. Л. Костылевой и А. В. Уткина, захоронение было совершено в заброшенном котловане жилища, который использовался жителями стоянки для свалки мусора, о чем свидетельствуют окружающие погребение слои ракушечника (Костылева, Уткин, 2010. С. 227). Подобной интерпретации, на наш взгляд, противоречит отсутствие следов могильной ямы, контуры которой должны были сохраниться в слое ракушечника, куда она была впущена.

Связь погребений с жилыми сооружениями зафиксирована на стоянке Володары, где на глубине 75 см ниже пола третьего жилищного котлована было совершено три погребения: одиночное (4) и два — парных (3, 5) (Цветкова, 1990). Причем в погребениях 3 и 5 у скелетов отсутствовали черепа. М. Д. Хлобыстина отнесла их к разряду закладной жертвы, совершенной перед строительством жилища (Хлобыстина, 1993. С. 124). Данное предположение было оспорено Е. Л. Костылевой и А. В. Уткиным, которые полагают, что захоронения были совершены уже после того, как это жилище было заброшено (Костылева, Уткин, 2010. С. 192, 193). Все три захоронения находятся на одном уровне, на глубине 75 см от пола землянки. Примерно на такой же глубине (75–80 см) от дневной поверхности на стоянке зафиксированы захоронения, расположенные за пределами жилищного котлована.

По мнению И. К. Цветковой, после того как землянка была заброшена, она получила особый погребальный статус (Цветкова, 1990. С. 48).

На стоянке Владычинская-Береговая I И. К. Цветковой было вскрыто разрушенное береговым обрывом могильное сооружение

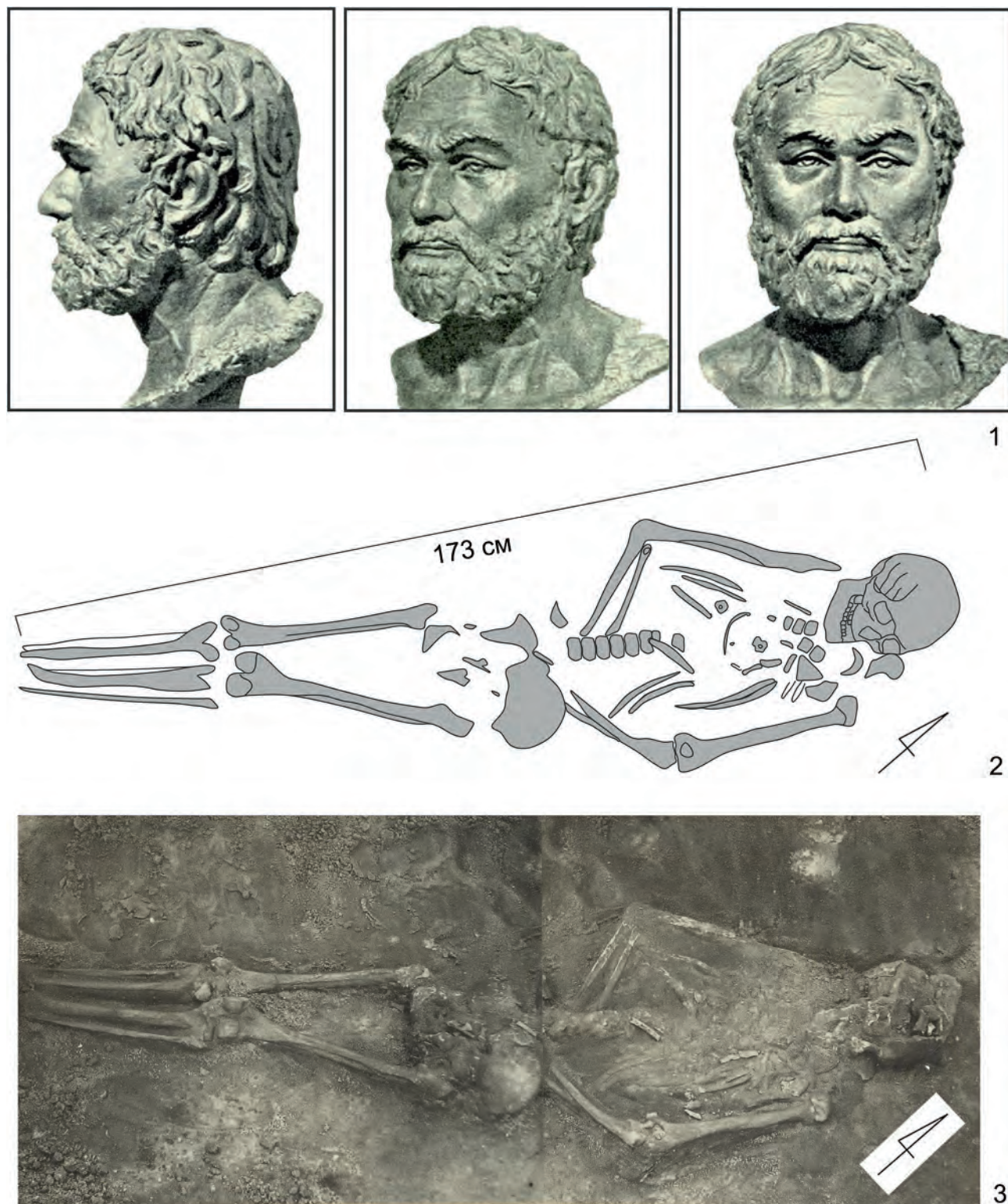

Рис. 3. Панфиловская стоянка: 1 — реконструкция М. М. Герасимова; 2, 3 — план и фото погребения 2 (Горюнова, 1946)

Fig. 3. Panfilovo site: 1 — reconstruction by M. M. Gerasimov; 2, 3 — plan and photograph of burial 2 (Горюнова, 1946)

шириной 5,5 м, углубленное на 80 см в материковый грунт. По своим размерам и конфигурации оно напоминало полуподземные волосовские жилища. На дне ямы были зафиксированы остатки захоронения, от которого сохранился только костный тлен и зубы. Среди охристых линз и углистых включений заполнения было обнаружено пять кладов кремневых орудий, очевидно, имевших ритуальный характер (Цветкова, 1985а. С. 69, 70). Является ли погребение впускным в заполнение жилища и как оно связано с кладами — осталось невыясненным.

Приведенные примеры погребений в пределах котлованов жилищ не позволяют однозначно определить характер связи панфиловского погребения с котлованом землянки, в котором оно было совершено. В целом следует отметить, что положение погребенных вытянуто на животе (ничком) характерно для различных групп неолитического и энеолитического населения лесной зоны Волго-Окского района и вне археологического контекста не может однозначно указывать на культурную принадлежность погребения.

Обряд и культурно-хронологическая атрибуция

Особое место занимает вопрос о культурно-хронологической принадлежности панфиловских погребений. По мнению В. А. Городцова, вскрытое им погребение могло быть достаточно древним, и он даже не исключал возможности его отнесения к неолиту (Городцов, 1926. С. 9). Е. И. Горюнова синхронизировала второе погребение со временем завершения функционирования жилища и относила его к волосовской культуре (Горюнова, 1946). М. М. Герасимов, опираясь на краниологические особенности черепа из второго захоронения, допускал возможность южного происхождения его владельца (Герасимов, 1955. С. 384, 385). О. Н. Бадер отмечал, что из-за отсутствия в погребениях поречья Оки керамических сосудов их принадлежность к волосовской культуре нельзя признать полностью достоверной. Не исключалась им также вероятность неолитического возраста погребения, исследованного В. А. Городцовым (Бадер, 1970. С. 30). В обобщающей работе Д. А. Крайнова к волосовской культуре были отнесены оба погребения Панфиловской стоянки без какой-либо аргументации (Крайнов, 1987. С. 10–28).

Культурно-хронологическая принадлежность панфиловских захоронений была всесторонне проанализирована в монографии Е. Л. Косты-

левой и А. В. Уткина (Костылева, Уткин, 2010). Согласно разработанной ими периодизации волосовских могильников, они отнесли эти погребения к финальной стадии существования данной культуры. По их мнению, об этом свидетельствует наличие таких признаков, как положение погребенных вытянуто на животе, наличие линз кострищ под скелетами, состав погребального инвентаря в виде «кладов кремневых орудий» (Там же. С. 232).

В погребениях на Панфиловской стоянке перечисленные признаки представлены частично. Положение погребенного из раскопок Е. И. Горюновой поверх заполнения очага в землянке в равной степени может быть как преднамеренным, так и случайным. В. А. Городцов, судя по его комментарии, также не настаивал на ритуальной связи между открытым им погребением и содержимым расположенной под ним ямы. «Ниже костей человека оказалась ямина, содержащая золу, угольки, редкие обломки глиняной посуды, осколки кремня и немного обломков костей животных. Все это походило на остатки очага, отношение к которым костей человека представлялось совершенно загадочным» (Городцов, 1926. С. 9). Кладов кремневых орудий, которые могли бы быть связаны с этими погребениями, на Панфиловской стоянке не зафиксировано.

Положение скелета вытянуто на животе (ничком) известно среди погребений неолитических культур лесной зоны (Герасимов, 1955. С. 383). Аналогии, приведенные М. М. Герасимовым, можно дополнить льяловскими погребениями из могильника Сахтыш II (погребения 12, 22), Сахтыш VIII (погребение 29) (Костылева, Уткин, 2010. Табл. 5; 9), а также погребениями на животе с поселений Ивановское VII (погребение 4) и Черная гора (погребения 19, 24, 25). С последнего происходят наиболее близкие аналогии панфиловскому погребению, раскопанному Е. И. Горюновой. В погребениях Черной горы 19 и 25 кисти рук погребенных также находятся под тазом (Цветкова, 1985б. С. 88, 89). И. К. Цветкова отнесла эти захоронения ко второму этапу рязанской культуры, исходя из типов фрагментов керамики, обнаруженных рядом со скелетами, и аналогичной керамики в непогребенном культурном слое, перекрывающем погребения (Там же. С. 88, 89). При раскопках, однако, границы могильных ям не прослежены, что не исключает впускной характер погребений в культурный слой.

Это обстоятельство имеет значение для интерпретации культурной принадлежности погребений, так как в верхних слоях стоянки Черная гора присутствует керамика имеркской культуры. Керамика этой же культуры преобладает в раскопе В. А. Городцова на Панфиловской стоянке. В раскопе И. К. Цветковой, заложенном приблизительно в 20 м от раскопа В. А. Городцова на юго-западном склоне дюны (рис. 2), преобладала ямочно-гребенчатая и волосовская керамика (*Ставицкий, Морозов, 2023б*). Возможно, слои с волосовской и ямочно-гребенчатой керамикой были разрушены при строительстве землянок, и часть ее оказалась на периферии памятника. Соответственно разрушенное погребение из раскопок В. А. Городцова в равной степени могло принадлежать волосовской или имеркской культуре.

Культурно-хронологическая принадлежность второго панфиловского погребения определяется материалами, происходящими из землянки, раскопанной Е. И. Горюновой. В заполнении данной землянки была собрана значительная коллекция керамики, среди которой, по описанию автора раскопок, преобладали толстостенные фрагменты сосудов, изготовленные из плохо промешанного теста без искусственных примесей. Около 10 % фрагментов содержало примесь толченой раковины, примерно столько же — песок и растительные примеси. Большая часть сосудов имела плоские или скругленные днища. Внутренние стенки сосудов заглажены пучком травы, на некоторых сохранились отпечатки рыболовных сетей. Небольшое число фрагментов имело тонкие стенки и подлощенную внешнюю поверхность. Данная посуда, по наблюдениям Е. И. Горюновой, была аналогична коллекции керамики из жилища, соединенного с землянкой переходом. Преобладала керамика с гребенчатым орнаментом, оттиски которого составляли разнообразные композиции линейных рисунков (рис. 4).

Более детальный типолого-статистический анализ 5470 фрагментов панфиловской керамики из раскопок Е. И. Горюновой, хранящейся в Муромском историко-художественном музее, был проделан А. Х. Халиковым. По его подсчетам 70 % фрагментов содержали органическую (растительную) примесь, 29 % — примесь раковины, 1 % — песок и шамот. Сосуды имели закрытое (22 %), прямое (26 %), открытое (10 %) и трубное горло (42 %). Преобладала орнаментация из отпечатков шнура (20 %), оттисков среднезубчатого (15 %) и крупнозубчатого штампа (22 %),

несколько реже использовались ямчатые вдавления (15 %), прочерченные линии (10 %), «шагающая гребенка» (7 %), «парная гребенка» (1 %), 10 % керамики не имеют орнамента. К наиболее широко распространенным мотивам орнамента он отнес горизонтальные ряды оттисков (22 %), сочетание горизонтальных и вертикальных оттисков (28 %), «елочку со стеблем» (11 %), горизонтальный зигзаг (8 %), горизонтальные зоны наклонных линий (7 %), заштрихованные треугольники (4 %), решетку (3 %) (*Халиков, 1969. С. 134, 135*).

Авторы статьи получили возможность познакомиться с коллекционной описью материалов Панфиловской стоянки, содержащей оцифрованные изображения фрагментов керамики². По данной описи, как и по керамике из раскопок В. А. Городцова, которая была обработана нами в фондах Государственного исторического музея, прослеживается следующая закономерность. Классический волосовский облик имеет керамика, содержащая в тесте примесь раковины, которая в материалах раскопок Е. И. Горюновой составляет 29 % коллекции. Посуда с растительной примесью преимущественно украшена мотивами, характерными для имеркской культуры: узорами из прочерченных линий (рис. 5, 5, 7, 11) и прямоугольных оттисков двузубого короткого штампа со слабо заметным членением на зубцы, которые А. Х. Халиков, по-видимому, отнес к крупнозубчатому и ямчатому орнаменту (рис. 5, 2, 4, 6, 9), либо не имеет орнамента (рис. 5, 8). Нехарактерны для имеркской керамики узоры из оттисков крупнозубчатого штампа, но и они иногда встречаются, например, на керамике поселения Лебяжий Бор VI, где достаточно широко представлены и отпечатки из навитого на палочку шнура (*Королев, Ставицкий, 2021. С. 213*). Достаточно часто на имеркской керамике используются и перечисленные А. Х. Халиковым элементы орнамента, за исключением «шагающей гребенки» и сочетания горизонтальных и вертикальных оттисков, относящихся к элементам волосовской культурной традиции.

Наличие двух различных технологических традиций в едином керамическом комплексе, к которому относятся материалы из заполнения панфиловских жилищ, обычно интерпретируется

² Авторы выражают благодарность сотрудникам Муромского историко-художественного музея за возможность использования в публикации фотографий керамики из фондов музея.

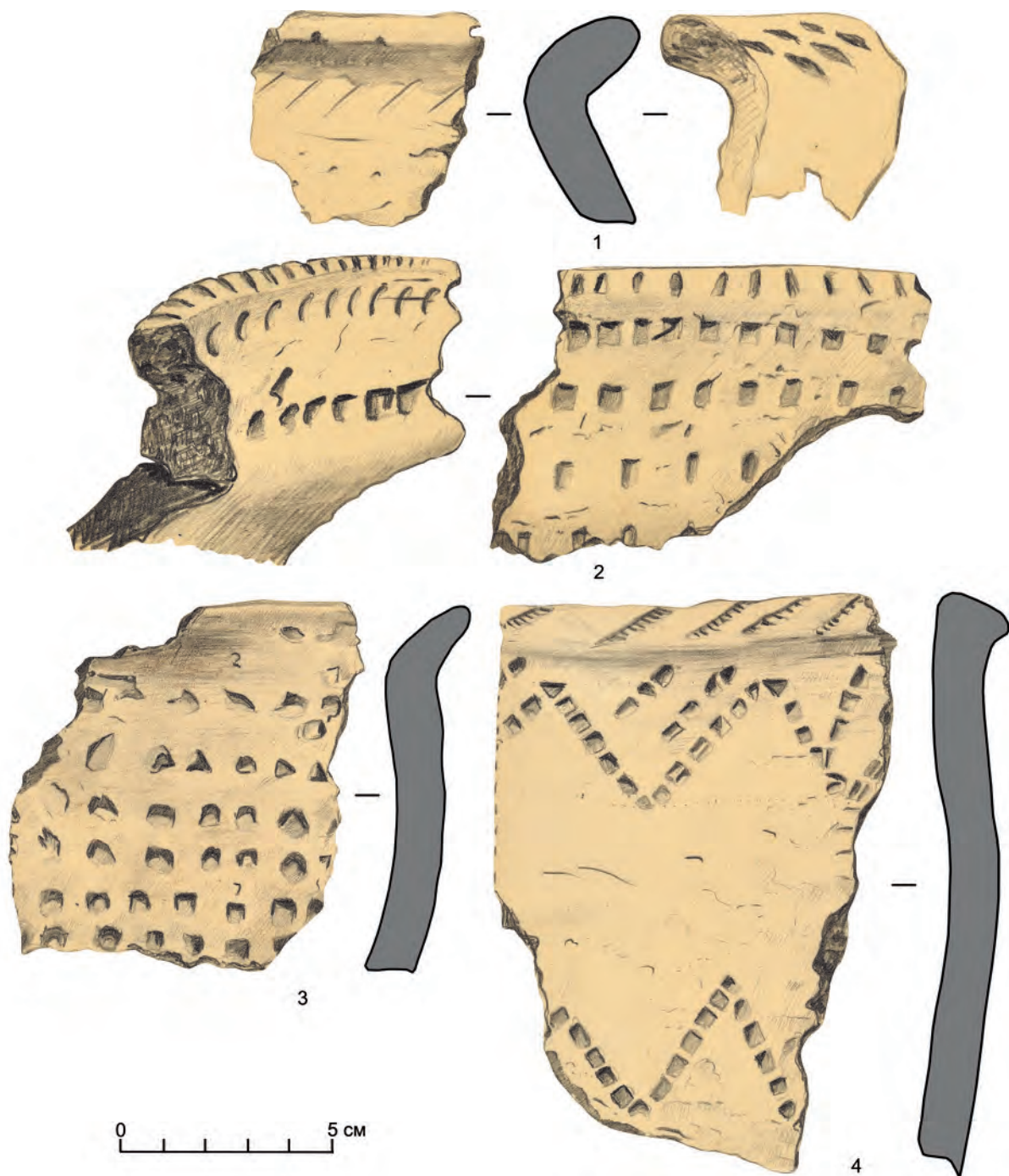

Рис. 4. Керамика Панфиловской стоянки из раскопок Е. И. Горюновой (Горюнова, 1946)

Fig. 4. Ceramics from Panfilovo site, E. I. Goryunova's excavations (Горюнова, 1946)

последователями школы А. А. Бобринского как свидетельства непосредственного взаимодействия их носителей. По-видимому, землянка, раскопанная Е. И. Горюновой, была оставлена носителями имеркской культуры, испытавшими на себе существенное волосовское влияние.

Захоронение 2, исследованное на полу землянки, могло быть совершено как по окончании ее функционирования, так и после того, как землянка была заброшена. В обоих случаях наиболее вероятной является его принадлежность к имеркской культуре.

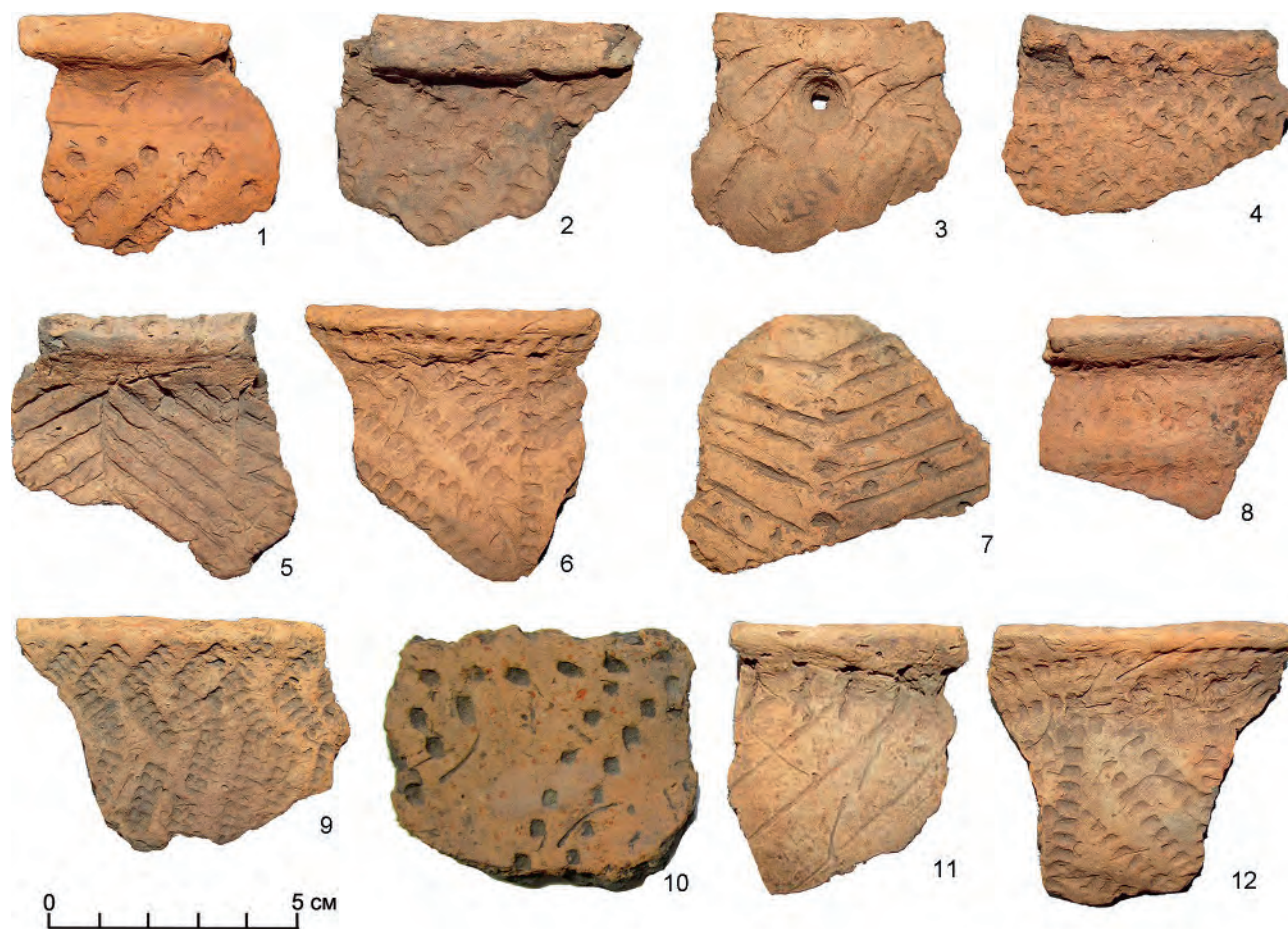

Рис. 5. Керамика Панфиловской стоянки из раскопок Е. И. Горюновой из фондов Муромского историко-художественного музея

Fig. 5. Ceramics from Panfilovo site. E. I. Goryunova's excavations (Murom Historical and Art Museum)

Бадер, 1970 — Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.

Герасимов, 1955 — Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М.: АН СССР, 1955. 584 с.

Герасимов, Черных, 1975 — Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири: Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 23–48.

Городцов, 1926 — Городцов В. А. Панфиловская палеометаллическая стоянка // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир: Призыв, 1926 (Труды Владимирского гос. обл. музея; Вып. 2). С. 3–20.

Горюнова, 1946 — Горюнова Е. И. Отчет о раскопках Панфиловской стоянки, произведенных Муромской экспедицией в 1946 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 85. 24 л.

Костылева, Уткин, 2010 — Костылева Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего

Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: Таус, 2010. 300 с.

Королев, Ставицкий, 2021 — Королев А. И., Ставицкий В. В. Имеркская культура // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2: Энеолит и бронзовый век / Под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2021 (Археология Волго-Уралья). С. 208–221.

Крайнов, 1987 — Крайнов Д. А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О. Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 10–28.

Ставицкий, Морозов, 2023а — Ставицкий В. В., Морозов В. В. Панфиловская стоянка: сто лет изучения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 5–13.

Ставицкий, Морозов, 2023б — Ставицкий В. В., Морозов В. В. О культурно-хронологической

- принадлежности Панфиловской стоянки // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 40–53.
- Халиков, 1969 — Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.
- Хлобыстина, 1993 — Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. М.: Петербургкомстат, 1993. 147 с.
- Цветкова, 1985а — Цветкова И. К. Погребение волосовской культуры на стоянке Владычинская-Береговая I // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: ГИМ, 1985 (Труды ГИМ; Вып. 60). С. 69–79.
- Цветкова, 1985б — Цветкова И. К. Черногорский неолитический могильник // Там же. С. 80–99.
- Цветкова, 1990 — Цветкова И. К. Погребения на стоянке Володары // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ): Сб. ст. / Отв. ред. С. В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1990 (Труды ГИМ; Вып. 74). С. 38–52.

Eneolithic burials at Panfilovo, Vladimir Oblast

V. V. Stavitskiy, V. V. Morozov³

Keywords: Panfilovo site, Eneolithic, Volosovo culture, Imerka culture, Eneolithic burials.

The Panfilovo site is situated near the eponymous village of the Murom District, Vladimir Oblast, on a floodplain dune of the left bank of the Ilemna River, a left tributary of the Oka (fig. 1). It was excavated by V. A. Gorodtsov (1924), E. I. Goryunova (1946), and I. K. Tsvetkova (1950). Three dwellings and two burials have been revealed (fig. 2). We analyze the stratigraphy, cultural attribution, and age of these burials. The first of them was excavated by V. A. Gorodtsov in 1924. He suggested that it had been destroyed during the construction of a pit-dwelling and that the remains were reburied. He estimated the age of the burial within a broad interval from the Neolithic to the Bronze Age. The other burial, in the prone extended position, was found by E. I. Goryunova in 1946 on the floor of the pit-dwelling. She attributed it to the Volosovo culture (fig. 3). The paleoanthropologist M. M. Gerasimov believed that it might have been associated with migrants from the Dnieper to the Oka. According to E. L. Kostyleva and A. V. Utkin, none of the burials relates to the dwellings, and both date to the final stage of the Volosovo culture. However, the position of the buried individuals (prone extended) is typical of various groups of the Neolithic and Eneolithic population of the Volga-Oka area, and outside the archaeological context it cannot provide an unambiguous clue to cultural affiliation. The analysis of stratigraphy of burials in the cultural layer and dwelling pits and the analysis of pottery (fig. 4; 5) suggests that the Panfilovo burials, excavated by E. I. Goryunova, are associated with the Imerka culture of the second half of the 3rd millennium BC.

³ Vladimir V. Stavitskiy — Penza State University; Penza, Russia; e-mail: stawiczky.v@yandex.ru; Victor V. Morozov — Archeology of the East European Plain LLC; Moscow, Russia; e-mail: vikromolot@mail.ru.

Первые результаты междисциплинарного исследования поселения эпохи бронзы Тюмень-5 в Северо-Западном Крыму. Анализ кремневого материала¹

Д. О. Савельев, Т. Н. Смекалова, А. В. Борисов²

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты анализа кремневого материала, полученные при междисциплинарном исследовании поселения бронзового века Тюмень-5. Поселение было открыто в 2012 г. по данным дистанционного зондирования и пеших разведок на северном берегу озера Сасык-Сиваш, в месте впадения в него обводненной Тюменской балки, на ее левом берегу. В 2023 г. проведены магнитная и прецизионная топографическая съемки, точечное археологическое зондирование со сбором образцов культурного слоя для дальнейших геохимических анализов и радиоуглеродной датировки. Анализ кремневого и керамического материала дает возможность отнести поселение к эпохе средней–поздней бронзы. Комплексное археологическое исследование этого поселения с применением естественно-научных методик продолжается.

Ключевые слова: Крым, Сакский район, озеро Сасык-Сиваш, Тюменская балка, магнитная съемка, космические снимки, средний бронзовый век, поселение Тюмень-5, кремневые орудия, пластинчатые сколы, фрагменты бифасов, микролиты, орнаментированные лепные сосуды.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-110-121

За последнее десятилетие археологическая карта Северо-Западной Таврики бронзового века существенно пополнилась: к настоящему времени известно уже не менее 70 поселений среднего и позднего бронзового века, значительная часть которых концентрируется в балочной системе водосбора одного из крупнейших в Крыму озера Сасык-Сиваш (Смекалова и др., 2023. Рис. 13; Колотухин, 2003. С. 68, рис. 1; Савельев и др., 2023. С. 6). Особенно много поселений этой эпохи находится в протяженной и обводненной в нижнем течении Тюменской балке (рис. 1).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-68-00010, <https://rscf.ru/project/22-68-00010/>).

² Савельев Д. О., Смекалова Т. Н. — Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; г. Симферополь, Россия; e-mail: akkorddnk@gmail.com, tnsmek@mail.ru; Борисов А. В. — Институт физико-химических и биологических проблем РАН; Пушкино, Московская обл., Россия; e-mail: avborisovv@gmail.com.

© Савельев Д. О., Смекалова Т. Н., Борисов А. В., 2024

Поселение Тюмень-5 было открыто в 2012 г. Т. Н. Смекаловой с помощью космических снимков и в ходе последующих автомобильно-пеших археологических разведок на восточном берегу Тюменского залива в северной части озера Сасык-Сиваш (в 4 км к юго-востоку от с. Желтокаменка Сакского района Республики Крым) (рис. 1) (Кутайсов, Смекалова, 2013. С. 146, 206, рис. 174). Первоначально, на весеннем космическом снимке, был отмечен участок густой травянистой растительности, а затем, в ходе осмотра затопленной прибрежной линии мыса, на мелководье были найдены черепки лепной керамики с врезным орнаментом, черного цвета с белыми включениями в изломе. В воде были также зафиксированы остатки каменной кладки, датировать которую, однако, не представлялось возможным.

Поселение расположено на юго-западном берегу небольшого мыса в слабовыраженной в рельефе западине подковообразной формы. Высота обрывистого каменистого берега мыса 1,0–2,5 м. Территорию поселения с севера ограничивает холм, образованный выходами известняка, с востока начинается пологий склон с уклоном 3–4°. Таким образом, поселение оказывается

защищенным от ветров северного и восточного направлений.

Юго-западная часть поселения, возможно, разрушена водой. С началом эксплуатации Сакской ветки Северо-Крымского канала уровень воды в озере Сасык-Сиваш и впадающей в него обводненной Тюменской балки стал постепенно расти, вследствие чего культурный слой прибрежного поселения Тюмень-5 начал подтапливаться и разрушаться (Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 28). С 2014 по 2022 г. наблюдалась обратная ситуация: уровень воды в озере несколько упал, но размыву все еще подвержена узкая береговая линия вдоль мыса. Именно здесь в 2023 г. вновь были найдены фрагменты лепной орнаментированной керамики, а также кремневые орудия, отщепы и обломок каменного шлифованного топора.

В 2023 г. в ходе систематических исследований археологических памятников Тюменской балки и мониторинга их текущего состояния были осуществлены магнитная и прецизионная топографическая съемки на площади 0,75 и 3,00 га, соответственно (рис. 2). На проселочной дороге, проходящей по территории предполагаемого поселения, был собран многочисленный кремневый материал: мелкие отщепы и микролитические орудия.

В этом же году с целью выяснения хронологии, стратиграфии и границ поселения Тюмень-5 были проведены точечные археологические зондирования в разных частях памятника. Всего было заложено пять шурфов (рис. 2), в которых были найдены многочисленные артефакты (всего 130 экз.), большая часть из которых — кремневые изделия. Также обнаружены 41 фрагмент лепных сосудов, 21 фрагмент костей животных. Для выявления всех кремневых фрагментов раскопки производились снятием пластов с обязательным просеиванием отвального грунта.

Два шурфа (1 и 5) (рис. 2) на поселении Тюмень-5 были заложены в районе максимальной концентрации подъемного материала на пересечении грунтовых дорог юго-восточнее мыса. В шурфах были найдены 61 кремневый отщеп и 16 фрагментов лепной керамики. Археологический материал происходил преимущественно из слоя 0,05–0,60 м.

Шурф 2 (Ш2 на рис. 2) располагался на предполагаемой восточной периферии памятника, на выровненной задернованной площадке с уклоном 3–5°. Этот участок в меньшей степени подвергался эрозионным процессам, мощность почвенного слоя здесь была наибольшей. Артефак-

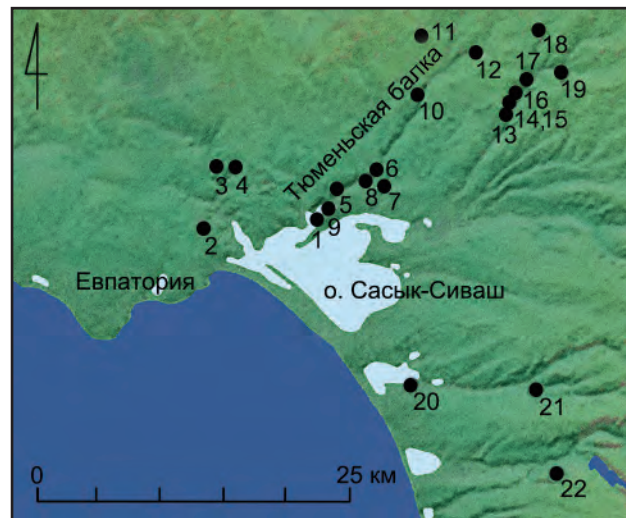

Рис. 1. Северо-Западный Крым, поселения бронзового века: 1 — Тюмень-5; 2 — Суворовское; 3 — Багай-1; 4 — Багай-3; 5 — Тюмень-15; 6 — Тюмень-7; 7 — Тюмень-3; 8 — Тюмень-1а; 9 — Тюмень-4; 10 — Тюмень-16; 11 — Тюмень-11; 12 — Тюмень-10; 13 — Бораш-2; 14 — Бораш-3; 15 — Бораш-4; 16 — Бораш-5; 17 — Бораш-6; 18 — Бораш-10; 19 — Бораш-9; 20 — Тузла; 21 — Михайловка; 22 — Ивановка

Fig. 1. Bronze Age settlements in northwestern Crimea: 1 — Tyumen-5; 2 — Suvorovskoe; 3 — Bagay-1; 4 — Bagay-3; 5 — Tyumen-15; 6 — Tyumen-7; 7 — Tyumen-3; 8 — Tyumen-1a; 9 — Tyumen-4; 10 — Tyumen-16; 11 — Tyumen-11; 12 — Tyumen-10; 13 — Borash-2; 14 — Borash-3; 15 — Borash-4; 16 — Borash-5; 17 — Borash-6; 18 — Borash-10; 19 — Borash-9; 20 — Tuzla; 21 — Mikhailovka; 22 — Ivanovka

ты представлены двумя фрагментами стенок лепных сосудов, найденными на глубине 0,10–0,15 м.

Поскольку многие находки были сделаны в затопленной прибрежной части, еще один шурф (4) был заложен на мысу у обрыва (рис. 2). В шурфе во всех слоях от дерна до материка встречались многочисленные фрагментированные кости животных, обломки лепной керамики и кремневые орудия и отщепы. На глубине 0,38 м был найден развал камней размером 0,20–0,40 м, лежащих на скале.

Шурф 3 был разбит в 30 м южнее шурфа 1, на участке с уклоном 4–5°. Материал в виде кремневого скола и стенок лепных сосудов зафиксирован в дерновом слое.

Глубина шурфов составляла от 0,38 м в зоне наибольшей эрозии (шурф 3) до 0,61 м в шурфе 4. Стратиграфия профилей шурфов была в целом однотипной. Культурный слой не обособлялся от почвенной массы. До глубины 0,35–0,40 м

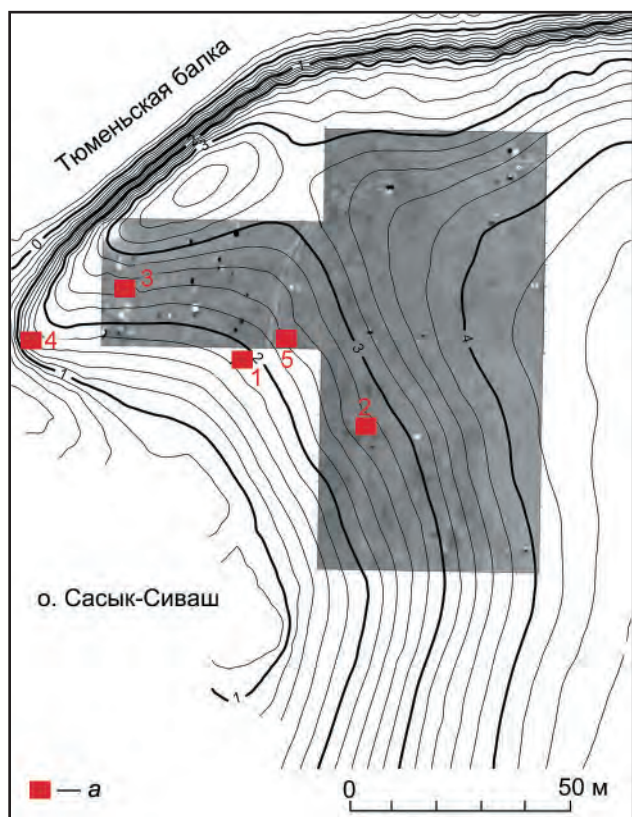

Рис. 2. Карта магнитной съемки на территории памятника Тюмень-5 (а — шурфы)

Fig. 2. Magnetic map of the Tuymen-5 site (a — test pits)

профиль почвы представлен однородным серовато-бурым суглинком без стратиграфических различий. С глубины 0,35 м заметны более темные тона в окраске почвы, что может указывать на более гумидные условия, существовавшие в прошлом. Исключение составлял шурф 4, где профиль почвы был более темным, гумусированным, с включениями крупных и мелких камней.

Характеристика кремневого сырья

Найденные кремневые изделия можно разделить на четыре типа.

1. Большая часть артефактов изготовлена из светло-коричневого полупрозрачного желвачного кремня с небольшим включением осадочных пород. Из данного типа сырья выполнены 41 кремневый предмет (отщепы — 26; пластинчатые сколы и обломки пластин — 11 (проксимальные — четыре, медиальные — три, дистальный — один); трапециевидные микролиты — два; орудие на отщепе; обломок бифаса). Месторождения подобного

сырья на территории Западного и Юго-Западного Крыма пока не обнаружены. Известны схожие выходы сырья из неогеновых отложений предположительно бассейна реки Большой Карасёвки в Центральном Крыму (Петрунь, 1969. С. 10).

2. Кремень темно-серого оттенка, полупрозрачный, без включения осадочных пород. Находки из данного типа кремня являются вторыми по количеству. Всего было найдено 29 предметов (отщепы — 20; чешуйки — три; пластинчатые сколы и обломки пластин — пять (проксимальные — два, дистальный — один); микролит). На сегодняшний день месторождения подобного кремня в Западном и Юго-Западном Крыму неизвестны. Месторождения близкого по цветовому оттенку кремня имеются в горной части Крымского полуострова, в бассейне реки Альмы (Там же. С. 9).

3. Кремень светло-серого оттенка, непрозрачный. Ввиду наличия известковых включений данное сырье плохо подходило для изготовления качественных орудий. Всего было найдено девять изделий (отщеп; пластинчатые сколы — четыре (медиальный фрагмент — два); скребки — три; обломок бифаса). По оттенку сырье очень схоже с кремнем месторождений горного Крыма (Там же. С. 9).

4. Кремень серого цвета, непрозрачный, с небольшим включением осадочных пород. На некоторых сколах имеются остатки желвачной корки. Всего найдено пять изделий (отщепы — три; пластинчатый скол, микролит). Ввиду немногочисленности изделий трудно установить, из какого именно месторождения данный кремень происходит.

Предварительные данные, относящиеся к характеристике описываемого кремневого сырья, нуждаются в дополнительных исследованиях, поскольку на сегодняшний день нет установленных выходов кремневого сырья на территории Западного и Юго-Западного Крыма. Дальнейшие археологические исследования и поиск кремневых месторождений помогут решить данную проблему.

Степень сохранности кремневого материала

Весь найденный кремневый материал был осмотрен на предмет наличия краевых и иных видов повреждений, не связанных с орудийной деятельностью. Особое внимание было уделено подъемному материалу, поскольку вероятность наличия следов вытаптывания и иных повреждений на таких артефактах очень высока. Все виды следов определялись, исходя из знаний морфологии исходной поверхности данного типа кремня (Гиря, 2015. С. 239). Для уточнения особенностей формирования следов обработки (расщепления)

были проведены эксперименты по получению сколов в виде отщепов при помощи твердого отбойника на аналогичном сырье. Результаты наблюдений были сопоставлены с археологическими материалами, полученными в ходе разведок на памятнике Тюмень-5. В ходе наблюдений выяснилось, что более 40 % изделий имеют признаки общего недифференцированного неутилитарного износа в виде матовых участков заполировки на межфасеточных ребрах, а также краевых микроповреждений (*Гиря*, 2017. С. 42). Безусловно, полученные данные нуждаются в дополнительных исследованиях и носят предварительный характер. Наиболее выразительный материал, полученный в ходе разведок, представлен далее.

Описание и анализ подъемного материала

У подтопленной береговой линии мыса, в воде, было собрано 15 фрагментов лепной керамики. Особый интерес представляет фрагмент лощеного венчика с двумя параллельными линиями веревочного орнамента (рис. 3, 1). Подобный орнамент имеет близкие аналогии в керамике эпохи средней бронзы, найденной в нижних слоях Киммерика (*Кругликова*, 1952. С. 113; 1955. С. 87).

Вместе с керамикой на мелководье у мыса был найден крупный треугольной формы фрагмент каменного (базальтового?) топора с сохранившимся наполовину отверстием (проушиной) (рис. 3, 5). Топор раскололся от удара о твердый предмет, о чем говорит выделяющаяся точка приложения усилия на его рабочей части. Шлифовка на всей поверхности изделия производилась неравномерно: интенсивно сглаженная поверхность наблюдается по краям и в центре предмета, а в местах с умеренной гладкостью ямчато-бугорчатая структура указывает на применение точечно-ударной техники в формообразующих целях (*Семенов*, 1957. С. 87). Учитывая имеющиеся сложности в выделении типов каменных топоров (*Клейн*, 1991. С. 30–32; *Дановский*, 2005. С. 165), а также плохую сохранность предмета, сложно сказать, принадлежал ли обломок к определенному типу, был ли это топор или топор-молот. Нет определенности также и в культурно-хронологической принадлежности подобных изделий. На сегодняшний день известно об использовании каменных топоров, топоров-молотов в археологических культурах с энеолита по ранний железный век (*Гей*, 2000. С. 154–156; *Дановский*, 2005. С. 165; *Колотухин*, 1996. С. 44; *Крис*, 1981. С. 15; *Ступко*, 2011. С. 193).

Основная часть находок кремневых отщепов и изделий зафиксирована у грунтовой дороги, однако единичные кремневые сколы были найдены на мелководье озера. Всего у грунтовой дороги и на мелководье озера было собрано 18 кремневых предметов, среди которых выделяются отщепы (11 экз.), фрагменты пластинчатых сколов (медиальные — 1 экз., проксимальные — 4 экз.), предметы с вторичной обработкой (2 экз.). Среди обломков пластин интерес представляет трапециевидный в сечении медиальный фрагмент с дорсальной ретушью (рис. 3, 3). Под увеличением (×40, электронный микроскоп Andostar ad208s) наблюдаются небольшая выкрошенность, фасетки с неконическими началами; заполировка не прослеживается.

Среди изделий с отчетливой вторичной обработкой выделяется обломок двусторонне обработанного орудия. Принимая во внимание небольшие размеры изделия, крайне сложно уверенно определить его изначальную форму и функциональную принадлежность (рис. 3, 10). Плоская разнофасеточная ретушь охватывает всю поверхность изделия. Границы фасеток сильно сглажены, возможно, вследствие неутилитарного износа. В результате чего именно был обломан бифас, сказать трудно.

Другим не менее интересным предметом является геометрический микролит подпрямоугольной формы с двумя ретушированными боковыми краями (рис. 3, 6). Судя по сколам на спинке, он был изготовлен из медиального фрагмента пластины путем ретушного (вероятно, контрударного) усечения проксимального и дистального концов. На продольных краях присутствует нерегулярная ретушь, возможно, представляющая собой следы использования. Под увеличением (×40–50) на поверхностях обоих продольных краев (лезвий?), преимущественно на ребрах фасеток, с вентральной стороны видна заполировка умеренной яркости (*Коробкова*, *Щелинский*, 1996. С. 38), сосредоточенная на межфасеточных ребрах, выкрошенность незначительная. Без трасологического анализа трудно сказать, какова была функция данного орудия. По форме оно очень похоже на ружейный кремь. Такая интерпретация вполне допустима, поскольку артефакт был найден на пересечении грунтовых дорог. Тем не менее учитывая характер сырья и контекст найденных изделий, вероятнее всего, этот артефакт происходит из культурных напластований изучаемого поселения.

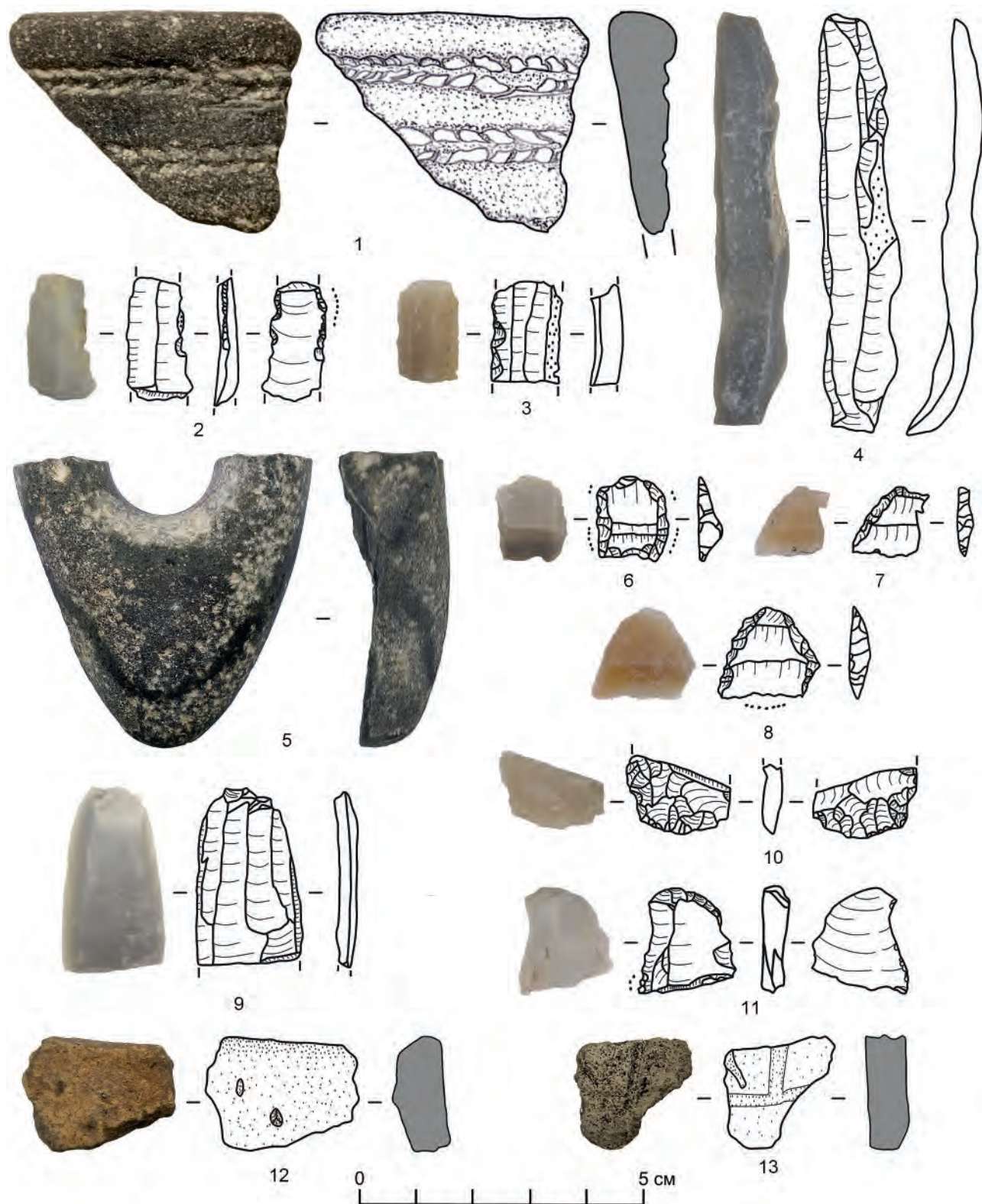

Рис. 3. Тюмень-5. Артефакты, найденные в ходе визуального осмотра памятника, а также при снятии пласта 1 (точками показано расположение следов использования). 1, 12, 13 — керамика; 2-4, 6-11 — кремль; 5 — камень
 Fig. 3. Tyumen-5. Artifacts found during the visual survey of the site and during the removal of layer 1 (traces of wear are shown by dots). 1, 12, 13 — ceramics; 2-4, 6-11 — flint; 5 — stone

Предварительное описание кремневых изделий с фиксацией следов использования, а также иных артефактов, найденных в шурфах³

Пласт 1 (0,0–0,2 м). Исходя из наличия одного гумусового слоя во всех выкопанных шурфах, материал логичнее описывать по пластам толщиной 0,2 м. При исследовании верхнего (дернового) пласта было найдено 35 артефактов. Кремневые изделия представлены 15 предметами (пластинчатые сколы — пять; отщепы — пять; чешуйки — две; изделия с выраженной вторичной обработкой — три). Пластинчатые сколы представлены как обломками (проксимальными), так и в целом виде. Пластина 6 (рис. 3, 4), по-видимому, была получена ударной техникой. Ее дистальный конец изогнутый, слегка ныряющий, без утолщения. Под увеличением ×50 хорошо читается неизменная исходная естественная форма краев скола, что дает основание говорить о том, что данный предмет не использовался как орудие.

Другим не менее интересным сколом является проксимальный фрагмент пластины (рис. 3, 9). Параллельность ребер между фасетками предыдущих снятий и гладкая уплощенная вентральная поверхность, возможно, свидетельствуют о применении отжимной техники скола (*Гиря, Нехорошев*, 1993. С. 16). Под микроскопом с увеличением до ×50 просматриваются местами мелкая выкрошенность, необходим осмотр предмета под увеличением более ×100 с целью выявления дополнительных микроследов.

Среди пластин с ретушью утилизации стоит выделить дистальный фрагмент (рис. 3, 2) с вентральной ретушью. Мелкая разнофасеточная ретушь охватывает правый и левый края вентральной поверхности. С дорсальной стороны вдоль правого края также наблюдается мелкая выкрошенность. Под увеличением ×50 линейных следов и заполировки (твердого геля) не обнаружено, необходим осмотр изделия под увеличением более ×100 с целью определения назначения предмета.

Обломок микролита (рис. 3, 7), сделанный из пластины, на левом продольном крае имеет формообразующую затупляющую ретушь. Правый продольный край обломан (от поперечной нагрузки?). При увеличении до ×50 следов обработки края и утилизации не прослеживается.

³ Авторы работы выражают глубокую благодарность канд. ист. наук Е. Ю. Гире и канд. ист. наук В. П. Власову за консультации, а также советы в описании и определении материала.

Трапециевидный геометрический микролит (рис. 3, 8) был изготовлен из пластины (имеются грани предыдущих снятий) путем ретушного усечения обоих концов. При осмотре изделия под микроскопом у нижнего основания видна выкрошенность с матовыми участками заполировки (твердого геля) на межфасеточных ребрах. Использование подобного рода микролитов без заходящей на спинку ретуши характерно для позднемезолитических памятников Крыма (*Бибииков*, 1940. С. 170; *Бибииков и др.*, 1994. С. 157; *Столяр*, 1961. С. 40).

Медиальный фрагмент пластины — с вентральной краевой полукрутой ретушью утилизации (рис. 3, 2). Под увеличением ×50 видны участки матовой заполировки, концентрирующиеся на межфасеточных ребрах и внутри фасеток.

Концевой скребок (рис. 3, 11) изготовлен путем ретуширования (оббивки) проксимального конца пластины (или отщепа?); ретушь — крутая, дорсальная. При увеличении ×50 следов работы не зафиксировано, однако на продольном левом крае наблюдается выкрошенность, возможно, от использования.

Отщепы, найденные в пласте 1, представлены без следов изменения их исходных поверхностей.

Керамика представлена мелкими фрагментами лепных сосудов (рис. 3, 12, 13) без профильных частей с разной степенью обжига. Один фрагмент (рис. 3, 13) имеет линейный вдавленный орнамент, однако ввиду небольших размеров фрагмента точную аналогию по орнаменту установить сложно, необходимы дальнейшие исследования памятника.

Почти все найденные кости животных фрагментированы, а также имеют высокую степень фоссилизации, что делает затруднительным определение вида.

Пласт 2 (0,2–0,4 м). В ходе исследования второго пласта на памятнике было зафиксировано 49 артефактов (19 кремневых изделий; 17 фрагментов костей животных; 13 обломков лепной керамики). Кремневые предметы представлены пластинами (10 экз.), отщепами (8 экз.) и микролитом (1 экз.).

Большая часть пластинчатых сколов не имеет вторичной обработки. Среди наиболее примечательных изделий — пластины (рис. 4, 1–3, 5–7). Пластинчатый скол с ретушью утилизации (рис. 4, 1): правая боковая сторона имеет выемку у основания, без видимой выкрошенности; на левой боковой стороне четко видна нерегулярная

ретушь. При увеличении $\times 50$ в нижнем углу дистальной части у основания пластины зафиксированы линейные следы и заполировка (матовый гель). Линейные следы разные по размеру, наблюдаются крупные длинные линии в сочетании с более мелкими неширокими царапинами. При данном увеличении заполировка глянцевая. Она отчетливо видна лишь на описываемом участке с вентральной стороны.

Пластинчатый скол (рис. 4, 2) либо является краевым, либо получен на начальных стадиях обработки нуклеуса, о чем говорит сохранившаяся желвачная корка. Резцовый скол выполнен на левом углу проксимальной части. При увеличении $\times 50$ следов использования его поверхности не обнаружено. Само по себе наличие резцового скола не делает предмет резцом, что убедительно доказано еще С. А. Семеновым (Семенов, 1957. С. 122; *Гири и др.*, 2013. С. 53). Неизвестно, по каким причинам был выполнен скол и какую функцию он имел. Помимо резцового скола на дорсальной и вентральной поверхностях пластины зафиксирована нерегулярная краевая ретушь утилизации, вполне различимая невооруженным глазом. Без трасологического анализа трудно судить о причинах ее появления.

Следующим примером пластины с нерегулярной ретушью утилизации, возможно, связанной с ее использованием, является изделие, показанное на рис. 4, 3. Скол был получен с помощью ударной техники; присутствуют следы редуцирования площадки. Под микроскопом видна матовая заполировка (?), выкрошенность незначительная, требуется осмотр изделия под большим увеличением.

Кремневые сколы в виде отщепов нуждаются в дополнительном исследовании под микроскопом при увеличении более $\times 100$ для выявления возможных следов их использования.

Симметричный трапецевидный микролит (рис. 4, 4) — формообразующая ретушь охватывает боковые стороны изделия. Видимо, артефакт был изготовлен из медиального фрагмента призматической пластинки. Следы использования в виде небольшой выкрошенности видны на поперечном нижнем крае. При увеличении $\times 50$ на спинке заметны участки матовой заполировки (твердого геля).

Керамика представлена мелкими непрофильными черепками лепных сосудов разного обжига. На некоторых наблюдаются следы заглаживания сырой поверхности глиняного сосуда пучком травы, так называемые расчесы. Подобная керамика

была распространена в Северо-Западном Крыму в среднем и позднем бронзовом веке (*Колотухин*, 2003. С. 56, 57).

Кости животных зафиксированы лишь в шурфе 4 у озера; высокая степень фоссилизации не дает возможности точного определения. При просмотре под микроскопом следов обработки и использования фрагментов костей как орудий не обнаружено.

Пласт 3 (0,4–0,6 м). Артефакты были зафиксированы в шурфах 1, 4, 5. В предматериковом слое обнаружено 46 предметов (32 кремневые находки; фрагмент древесного угля; кварцитовое ядрище; 11 фрагментов керамики; кость животного). Кремневые изделия представлены пластинчатыми сколами (8 экз.), сколами в виде отщепов (17 экз.), чешуйками (2 экз.), концевыми скребками (2 экз.), микролитами (2 экз.), обломком бифаса (1 экз.).

Среди пластинчатых сколов шесть экземпляров имели признаки использования. Пластина, представленная на рис. 4, 5, усечена в дистальной части. Краевая выкрошенность с разной интенсивностью охватывает дорсальную и вентральную поверхности. Ретушь разнофасеточная, полукрутая. На проксимальном конце изделия с вентральной стороны видна обработка, напоминающая умышленное затупление изделия (возможно, форма концевой скребка?). Под микроскопом легко читаются следы выкрошенности в виде фасеток с неконическими началами. При увеличении до $\times 50$ заполировка (твердый гель) не фиксируется. Необходим осмотр под большим увеличением.

Изделие на рис. 4, 6 — медиальный фрагмент пластины. Вероятно, обе боковые стороны пластины являлись функциональными, о чем свидетельствуют следы микровыкрошенности, четко прослеживаемые под увеличением. С дорсальной стороны у правого угла проксимального конца видна ретушированная выемка. Ретушь полукрутая; под микроскопом четких следов в виде сработанности не обнаружено. Необходим осмотр под большим увеличением.

Пластинка с зубчатой вентральной ретушью (рис. 4, 7) представлена медиальной частью. Ретушь полукрутая, край без видимых следов использования. При увеличении до $\times 50$ следы сработанности и заполировки (матового геля) не фиксируются.

Заслуживает внимания бифасиально обработанный предмет метательного назначения (рис. 4, 8). Орудие изготовлено путем двусторонней

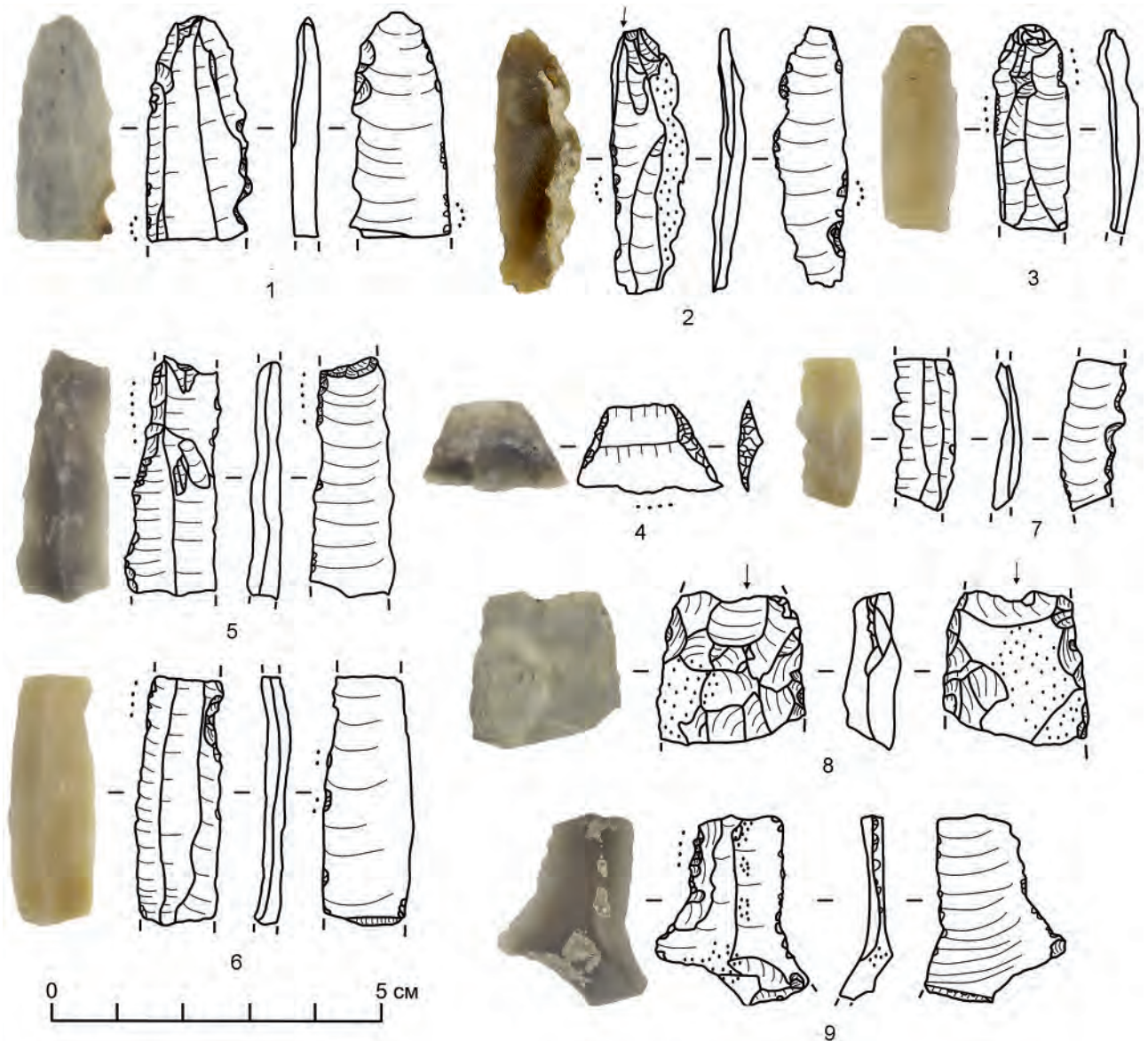

Рис. 4. Тюмень-5. Артефакты, найденные в пластах 2 и 3 (точками показано расположение следов использования). Кремнь

Fig. 4. Tyumen-5. Artifacts found in layers 2 and 3 (traces of wear are shown by dots). Flint

обработки всех поверхностей изделия. Межфасеточные ребра сильно сглажены, что указывает на длительную транспортировку изделия. Интерес представляет причина возникновения повреждения в верхней части орудия: характер образованных следов указывает на метательный износ типа *spin off*. Данный тип метательного износа возникает в ходе сильного физического воздействия, при котором трещина образует изогнутый слом на вентральной стороне и выемку на дорсальной (Fischer et al., 1984. P. 23). Определить причину слома в нижней части изделия затруднительно.

Кремневые сколы в виде отщепов имеют различные размеры, фрагментированы, один отщеп явно пережженный. Дистальный конец пластины (рис. 4, 9) имеет двустороннюю краевую ретушь (утилизации?). С дорсальной стороны на левом продольном краю видна выкрошенность. При увеличении $\times 50$ прослеживаются сработанность и яркая заполировка (матовый гель), не проникающая вглубь фасеток. Понимая, что облик заполировки может видоизменяться при разном увеличении (Коробкова, Шелинский, 1996. С. 38), артефакт необходимо также осмотреть при увеличении больше $\times 50$. На вентральной поверхности,

на выступающем конце дистальной части, видна нерегулярная мелкофасеточная ретушь (использование в качестве концевой скребка?).

Среди отщепов с ретушью также выделяется трапециевидный по форме отщеп с желвачной коркой на дорсальной поверхности (рис. 5, 1). Ретушь крутая, мелкофасеточная, однорядная, расположена на дистальном краю изделия. Под микроскопом видна мелкая выкрошенность, заполировки не прослежено.

В коллекции также имеются изделия, типологически относящиеся к разряду концевых скребков. Обломок скребка (рис. 5, 2) изготовлен из пластины путем ретуширования (оббивки) верхнего края. Ретушь крутая, с вытянутыми фасетками. Следов использования при увеличении не выявлено.

Скребок на рис. 5, 3 также был изготовлен из фрагмента пластинки путем ретуширования (оббивки) поперечного края. Примечательно, что помимо «классической» ретуши, характерной для концевых скребков, у данного изделия наблюдается обработка продольных краев крутой ретушью. При увеличении под микроскопом следов использования не замечено.

Геометрические микролиты (рис. 5, 4, 5) по форме трапециевидные. Изделие на рис. 5, 4 имеет крутую крупнофасеточную формообразующую ретушь по бокам. Трапеция симметрична, патинирована, изготовлена на пластине. Нижнее основание имеет следы выкрошенности. При увеличении $\times 50$ следы использования не обнаруживаются.

Трапеция на рис. 5, 5 отличается от вышеописанной: она несимметрична, имеет краевую формообразующую ретушь, а также зубчатый износ на нижнем основании. Трапеция была изготовлена на пластине. При увеличении до $\times 50$ заполировка (матовый гель) не прослеживается, необходим осмотр под большим увеличением.

Все вышеописанные трапеции характерны для позднего мезолита Крыма. Любопытной особенностью является использование микролитов в Крыму в энеолите, что подмечено еще А. А. Щепинским (*Щепинский*, 1966. С. 17, 18; 1968. С. 123–128). Возможно, из-за нехватки или дороговизны металлических орудий микролитическая технология не утратила своей актуальности вплоть до эпохи средней бронзы, однако, учитывая условия залегания артефактов, вероятнее всего, материал является переотложенным. Подтвердить эту гипотезу могут дальнейшие исследования

поселений бронзового века, в том числе поселения Тюмень-5.

Керамика представлена фрагментами лепных сосудов разной степени обжига и плохой сохранности. Выделяется орнаментированный фрагмент с валиком и пальцевыми вдавлениями (рис. 5, 6). Данный орнамент характерен для памятников начиная с эпохи средней бронзы и вплоть до раннего кизил-кобинского периода (*Кругликова*, 1952. С. 113, рис. 8, 15; 1955. С. 87, рис. 7, 2, 4–6; *Тоцев*, 2007. С. 154, рис. 82, 12, 18).

В шурфе 4 между камней развала предполагаемой стены был найден кварцитовый предмет (рис. 5, 7), на котором видны два скола, что может говорить о его использовании в качестве ядрища контрударного скалывания (?).

Выводы

Наличие прямых аналогий орнамента керамических изделий памятника Тюмень-5 с предметами, происходящими с памятников эпохи средней–поздней бронзы, позволяет предварительно датировать поселение Тюмень-5 этим временем.

Максимальное сосредоточение кремневых находок имело место в районе шурфов 1 и 5. При этом керамика, кости животных и предположительно остатки каменных конструкций были зафиксированы в шурфе 4. Вероятно, часть поселения в районе шурфа 4 разрушена береговой абразией. Также, возможно, поселение включало и локальное возвышение, расположенное севернее шурфов 1 и 5, это предположение будет проверено в ходе дальнейших исследований. На этом возвышении почвенный слой на сегодняшний день практически полностью отсутствует и перемещен плоскостным смывом в подчиненные ландшафтные позиции. Возможно, кремневый материал в шурфах 1 и 5 также имеет эрозионную природу, что косвенно подтверждает обилие подъемного материала на этом участке памятника.

В ходе исследований не были найдены ни нуклеусы, ни изделия ударно-абразивного назначения. Поэтому правомерен вопрос: производилось ли изготовление кремневых орудий на стоянке? Можно допустить, что ядрища, как и изделия ударно-абразивного характера, все же имеются на поселении, и возможно, будут выявлены при полноценных археологических раскопках памятника.

В настоящее время нет четкого понимания роли кремневых изделий в памятниках эпохи бронзы и раннего железного века на территории

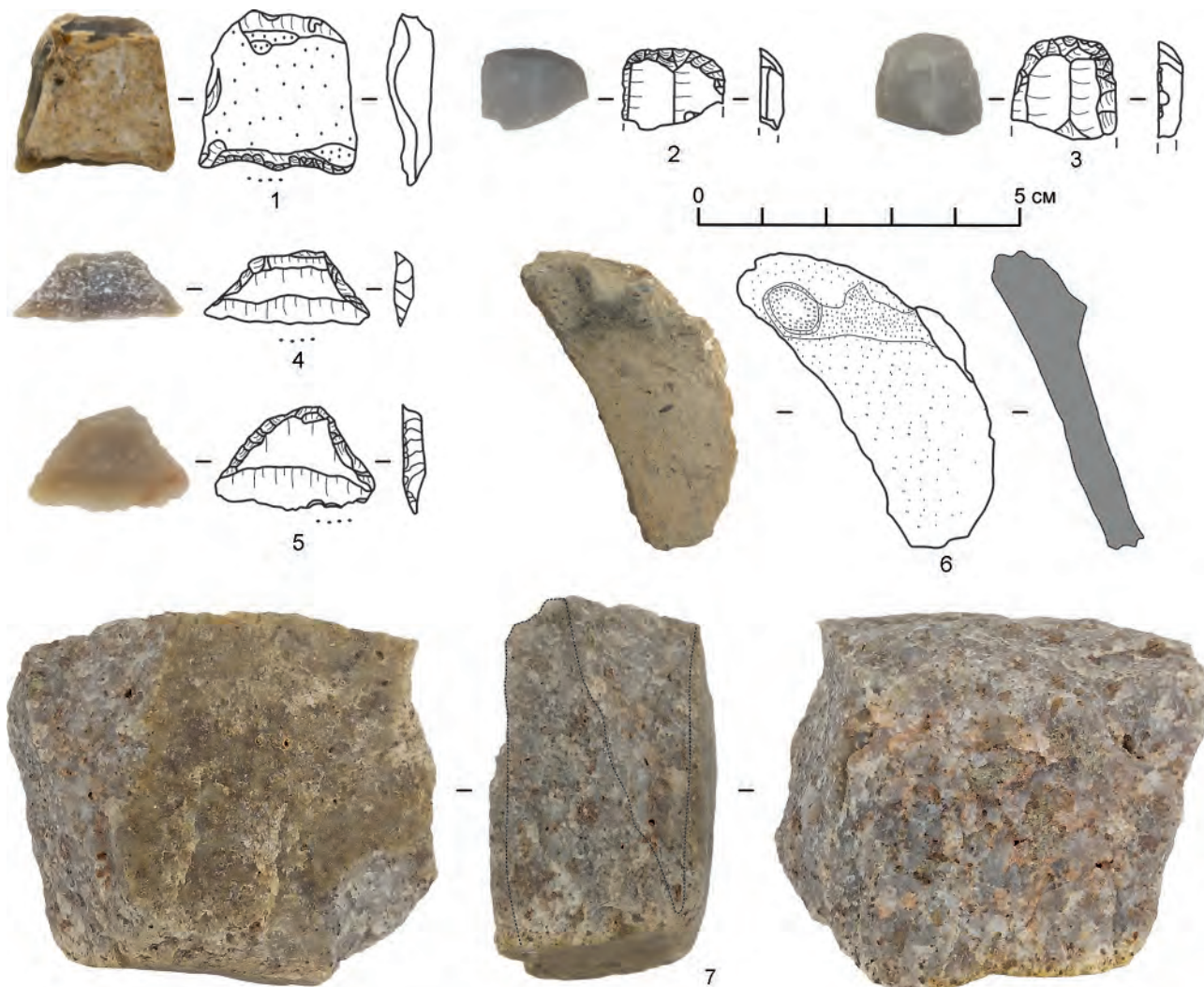

Рис. 5. Тюмень-5. Артефакты, найденные в пласте 3 и предматериковом слое (точками показано расположение следов использования). 1-5 — кремнь; 6 — керамика; 7 — кварцит

Fig. 5. Tyumen-5. Artifacts found in layers 3 and precontinental layer (traces of wear are shown by dots). 1-5 — flint; 6 — ceramics; 7 — quartzite

Крыма. Как правило, производилось изучение более «примечательных» бифасиальных форм, и другие предметы просто могли опускаться (Колотухин, 1996; 2003; Тоцев, 2007; Щепинский, 1966). В ходе изучения поселения Тюмень-5 обнаружен многочисленный и показательный кремневый материал. Поскольку границы памятника еще предстоит выявить, существует вероятность того, что часть поселения была не потревожена эрозивными процессами. Тогда дальнейшие исследования памятника Тюмень-5, возможно, помогут прояснить роль кремневых изделий в эпоху бронзы.

Полученный кремневый материал представляет интерес для экспериментально-трасоло-

гического изучения. Сейчас проводится работа по выявлению всех имеющихся месторождений кремневого сырья на территории Крыма с целью создания эталонной базы. Зафиксированные следы утилизации на изделиях со вторичной обработкой будут сопоставлены с полученными экспериментальными данными, что позволит более уверенно говорить о функциональной принадлежности орудий.

Предварительные выводы о характере кремневых изделий, найденных на памятнике, нуждаются в дальнейшей проверке с помощью экспериментально-трасологического метода с целью понимания морфономии следов их обработки и использования.

- Бибиков, 1940 — Бибиков С. Н. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму // СА. 1940. № 5. С. 159–179.
- Бибиков и др., 1994 — Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса: Весть, 1994. 240 с.
- Гей, 2000 — Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
- Гиря, 2015 — Гиря Е. Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию В. Е. Щелинского: Сб. ст. / Под ред. О. В. Лозовской и др. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.
- Гиря, 2017 — Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень: технология, форма, функция: Сб. докладов / Отв. ред. С. А. Васильев, В. Е. Щелинский. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017 (Archaeologica Petropolitana). С. 34–45.
- Гиря, Нехорошев, 1993 — Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. № 4. С. 5–24.
- Гиря и др., 2013 — Гиря Е. Ю., Кимура Х., Разгильдеева И. И. О разнообразии морфологических значений изделий с резцовыми сколами. Резцы стоянок Хороказова пункт Тома, Студёное-2 и Костёнки 1 // Записки ИИМК РАН. 2013. № 8. С. 53–80.
- Дановский, 2005 — Дановский А. А. Каменные топоры из раскопок на мысе Зюк // Древности Боспора. 2005. № 8. С. 159–170.
- Клейн, 1991 — Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: Изд-во АН СССР; Ленинградский филиал Центра науч.-техн. деятельности, исслед. и социал. инициатив; Ленинградский науч.-исслед. археол. объединение, 1991. 448 с.
- Колотухин, 1996 — Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.
- Колотухин, 2003 — Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.
- Коробкова, Щелинский, 1996 — Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.
- Крис, 1981 — Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981. 128 с.
- Кругликова, 1952 — Кругликова И. Т. Памятники эпохи бронзы из Киммерика // КСИИМК. 1952. № 43. С. 108–118.
- Кругликова, 1955 — Кругликова И. Т. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму // СА. 1955. № 24. С. 74–92.
- Кутайсов, Смекалова, 2013 — Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Симферополь: Феникс, 2013. 272 с.
- Петрунь, 1969 — Петрунь В. Ф. О материале каменных орудий крымского палеолита // КСИА. 1969. № 117: Каменный век. С. 3–12.
- Савельев и др., 2023 — Савельев Д. О., Смекалова Т. Н., Борисов А. В. Кремневые изделия с поселений эпохи поздней бронзы Тюмень-3 и Тюмень-7 // ПИФК. 2023. № 1. С. 5–18.
- Семенов, 1957 — Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 239 с.
- Смекалова, Кутайсов, 2017 — Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с.
- Смекалова и др., 2023 — Смекалова Т. Н., Фридрихсон С. К., Гаврилюк А. Н., Деваев А. С. Новые поселения позднего бронзового века в Кирлеутских Балках на п-ве Тарханкут в Северо-Западном Крыму. Междисциплинарное исследование // История и археология Крыма. 2023. № XIX. С. 209–225.
- Столяр, 1961 — Столяр А. Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИА. 1961. № 84. С. 38–44.
- Ступко, 2011 — Ступко М. В. Находки каменных сверленных топоров-молотков в Севастопольском районе // Херсонесский сборник. 2011. № 16. С. 193–207.
- Тоцев, 2007 — Тоцев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский национальный ун-т, 2007. 304 с.
- Щепинский, 1966 — Щепинский А. А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. № 2. С. 10–23.
- Щепинский, 1968 — Щепинский А. А. О неолите и энеолите Крыма // СА. 1968. № 1. С. 121–133.
- Fischer et al., 1984 — Fischer A., Vemming P., Rasmussen P. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points // Journal of Danish Archaeology. 1984. No. 3. P. 19–46.

First findings of a multidisciplinary study of a Bronze Age site Tyumen-5, northwestern Crimea. Analysis of lithics

D. O. Savelyev, T. N. Smekalova, A. V. Borisov⁴

Keywords: Crimea, Saki District, Lake Sasyk-Sivash, Tyumen gully, Middle Bronze Age, Tyumen-5 settlement, flint tools, blades, bifaces, microliths, decorated handmade ware.

In 2023 archaeological surveys were carried out at the Tyumen-5 settlement (Republic of Crimea), using magnetic and topographic mapping (fig. 2). Surface finds include fragments of decorated vessels, a biface, fragments of a stone axe (fig. 3, 1–5). To assess the age, stratigraphy, and boundaries of the site, five test pits were dug (fig. 2). They revealed numerous artifacts (altogether 130), most of which are lithics. Artifacts are described according to 20 cm thick layers because there is no distinct stratigraphy. In the first layer, 35 artifacts were found, among them 15 flint tools (fig. 3, 6–13). Finds from the second layer (20–40 cm) are represented by 49 artifacts (19 lithics, 17 fragments of animal bones, and 13 fragments of handmade pottery). Flint items are the most expressive (fig. 4, 1–4). The number of finds from the third layer is 46, among them are 32 flint tools (fig. 4, 5–9; fig. 5, 1–5); one piece of charcoal, one quartzite core (fig. 5, 7), 11 fragments of pottery, and a bone of an animal. Most of the site area within test pit 4 is destroyed by coastal erosion. The settlement may have included a local prominence, situated north of test pits 1 and 5. By the present time, virtually all soil has been washed off from that prominence. The lithics, too, may have been transported to the area covered by test pits 1 and 5 due to erosion. In the test pits, where the erosion has not destroyed the entire buried soil, traces of a dark humic soil are traceable at the depth of 20–35 cm. This may indicate more humid conditions under which this layer was deposited. Our preliminary conclusions regarding the lithics from this site need to be tested by means of experimental use-wear analysis. The artifacts suggest that the Tyumen-5 settlement dates to the Middle or the beginning of the Late Bronze Age.

---

⁴ Denis O. Savelyev, Tatyana N. Smekalova — Research Center for History and Archeology of Crimea, Crimean Federal University V. I. Vernadsky; Simferopol, Russia; e-mail: akkorddnk@gmail.com, tnsmek@mail.ru; Alexander V. Borisov — Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of the Russian Academy of Sciences; Moscovskaya obl., Pushchino, Russia; e-mail: avborisovv@gmail.com.

Комплекс с гераклейской амфорой на поселении Крымское-3¹

Н. А. Павличенко, П. В. Соков, А. С. Цинько²

Аннотация. В статье представлен обзор комплекса с гераклейской амфорой с клеймом нового гераклейского эпонима Мирилла с поселения Крымское-3 в Краснодарском крае.

Ключевые слова: эллинистический период, Боспор, хора, амфоры, клейма, Гераклея Понтийская, керамика.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-122-132

Летом 2020 г. в зоне строительства новой ветки Троицкого водопровода в Крымском районе Краснодарского края НАО «Наследие Кубани» были проведены археологические раскопки участка поселения раннего железного века Крымское-3.

Поселение располагается на северной окраине г. Крымска, в 1,5 км восточнее хутора Весёлого и в 0,5 км севернее железнодорожного переезда через автодорогу Крымск — Славянск-на-Кубани, которая разделяет памятник на две части: западную и восточную (рис. 1, 1). В результате масштабных мелиоративных работ, проводившихся на территории района в последней трети XX в., изначальный облик рассматриваемой местности претерпел значительные изменения. Еще в недавнем прошлом к небольшой заболоченной низменности левобережной поймы р. Кубани, расположенной восточнее хутора Весёлого, направлялась довольно протяженная Крестовая балка, берущая свое начало на возвышенности между с. Молда-

ванским и г. Крымском. Надо полагать, когда-то в нее впадали многочисленные ручьи и водотоки, следы которых ныне фиксируются в виде пересохших овражков и интенсивно распахиваемых ложбин, которые регулярно подтапливаются в межсезонье. На правом берегу одного из таких водотоков и возникло поселение Крымское-3.

Памятник открыт экспедицией ОАО «Наследие Кубани» в 2005–2008 гг. при составлении паспортов объектов историко-культурного наследия Крымского района и зарегистрирован под № 271; подробно описан в 2015–2017 гг. в результате разведочных работ для «Электрификации участка Разъезд 9 км — Юровский — Анапа Северо-Кавказской железной дороги», проведенных сотрудниками ООО «Археологическая экспедиция» М. В. Ивановым (открытый лист № 19 от 12.02.2015 г.) и В. В. Матаевым (открытый лист № 429 от 16.05.2017 г.). По распространению подъемного материала были определены предварительные границы поселения и его датировка III–II вв. до н. э.

Поселение занимает юго-западный склон слабовыраженного поднятия с высотами 6,04–7,19 м над уровнем моря, его контуры подовальные, в плане 270 × 140 м, вытянуты в северо-западном направлении (рис. 1, 2). В результате разведочных работ 2019 г. в зоне строительства новой ветки Троицкого группового водопровода, от ВНС 2³ подъема до ВНС 3 подъема (3-й этап), проведенных сотрудником ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция» Ю. Г. Лунёвой (открытый лист № 65 от 15.02.2019 г.), были уточнены юго-восточные границы памятника, где заложен один шурф (1 × 1 м), подтвердивший наличие

¹ Н. А. Павличенко выполняла исследование в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013); А. С. Цинько — «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² Павличенко Н. А., Цинько А. С. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com, a.tsinko-arheo@yandex.ru; Соков П. В. — НАО «Наследие Кубани»; Краснодар, Россия; e-mail: pvs_arm@mail.ru.

© Павличенко Н. А., Соков П. В., Цинько А. С., 2024

³ ВНС — водопроводная насосная станция.

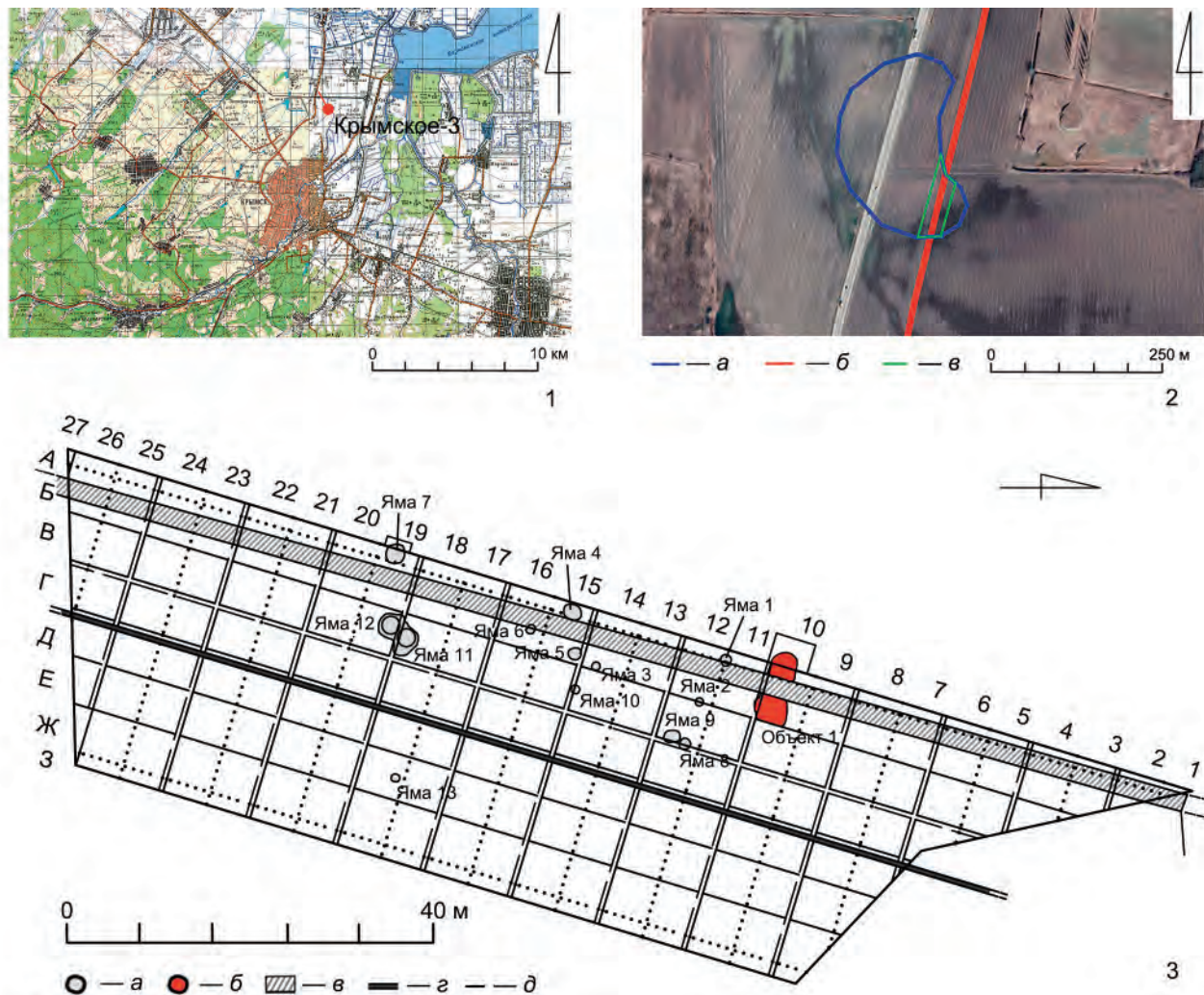

Рис. 1. Поселение Крымское-3: карты-схемы расположения поселения на территории Крымского района Краснодарского края (1) и в окрестностях хут. Весёлого (ресурс Google Earth, съемка 19.02.2020 г.) (2) (а — граница поселения, б — трасса водовода, в — границы раскопа 2020 г.); 3 — план раскопа 2020 г. (а — ямы, б — объекты, в — действующий водовод, г — кабель, д — граница раскопа)

Fig. 1. Krymskoe-3: scheme showing the location of the settlement in the Krymski District of the Krasnodar Region (1) and in the vicinity of Veseloye village (photographs by Google Earth in 19.02.2020) (2) (a — settlement boundaries, б — water pipe way, в — boundaries of the 2020 excavation); 3 — 2020 excavation plan (a — pits, б — features, в — modern water pipe, г — cable, д — excavation boundaries)

слабонасыщенного культурного слоя и датировку поселения III–II вв. до н. э.

Было установлено, что обследованный земельный отвод занимает непосредственную восточную окраину памятника, где требуется проведение охранно-спасательных археологических раскопок на площади 3315 кв. м. Здесь слой поселения был поврежден двумя ветками магистрального водопровода, расположенными на удалении 30 м друг от друга, и охватывающими их с запада и востока кабелями ПАО «Ростелеком». Заложенный в 2020 г. раскоп шириной 32,95 м и макси-

мальной протяженностью 129,12 м ориентирован с севера на юг, с отклонением к востоку на 13°, имел неправильную трапециевидную форму, охвачен сеткой квадратов 5 × 5 м, в широтном направлении имеющих литерное обозначение от А до З, по меридиану нумерацию цифрами от 1 до 27 (рис. 1, 3). По всей изученной площадке сверху залегал почти черный сильно гумусированный горизонт пахотной почвы мощностью 0,44–0,79 м; первоначальный рельеф ее был изменен, в западной части раскопа с севера на юг тянулся земляной гребень высотой 0,15–0,20 м,

образовавшийся при прокладке траншеи водопровода на месте не полностью убранных отвалов. Ниже обозначился уцелевший от распашки неоднородный серый культурный слой с многочисленными темными пятнами. В целом его толщина не превышала 0,24 м; как правило, он же выстилал и немногочисленные ямы с древними культурными остатками. В северной части раскопа культурный слой подстилали коричневатые отложения мощностью около 0,55 м, содержащие единичные находки фрагментов керамики и костей животных; в южной части — отложения желтоватой вязкой липкой глины толщиной около 0,45 м с редкими культурными остатками. Ниже обозначился материк, причем в южной части раскопа, где прослеживалась вытянутая в плане западина (один из рукавов упомянутой нами ложбины, на правом берегу которой раскинулось поселение), материковый суглинок помимо мелких известковых включений имел синеватый оттенок, вероятно, обусловленный периодическими подтоплениями этой территории, фиксируемыми и в настоящее время.

Проведенные археологические исследования на площади 3315 кв. м подтвердили высказанные ранее предположения о том, что данный участок является восточной окраиной поселения, а также позволили расширить временные рамки функционирования памятника с V в. до н. э. по первые века новой эры; в толще культурных отложений поселения найдено 1380 фрагментов керамической посуды, костей животных и индивидуальных находок, обнаружено 13 ям хозяйственного назначения и один объект. Ямы, как правило, глубиной 0,4–1,0 м, округлых или овоидных в плане форм, только одна из них глубиной более 2,0 м имела в плане вид четырехугольника и, возможно, являлась колодцем. В сечении ямы трапециевидные, подпрямоугольные, с плоским либо выпуклым дном. Их заполнение — темный или светло-серый слежавшийся плотный суглинок, включавший фрагменты керамической посуды, кости животных, прослойки золы и комочки обожженной глины. Стоит отметить слабую насыщенность большинства ям материалом. Только в одной из них (яме 9) было обнаружено 145 единиц находок, в другой (яме 11) — 64 единицы, остальные содержали менее 20 единиц крайне невыразительных фрагментов, а в четырех оставшихся материала не найдено.

В керамическом материале с поселения, как и на подавляющем большинстве подобных поселений, преобладали обломки тарных амфор. Среди

других категорий присутствовали красноглиняная и сероглиняная столовая и кухонная лепная керамика, черепица, толстостенная керамика.

В верхних слоях поселения было обнаружено незначительное количество материала первых веков новой эры, представленного узкогорлыми светлоглиняными амфорами типа «А» и «С» по классификации Д. Б. Шелова, а также фрагментом горла амфоры типа 104, по И. Б. Зеест (Зеест, 1960. С. 121, 122).

Амфоры типа «А» Д. Б. Шелов датирует второй третью I — II в. н. э., а А. Б. Абрамов — второй третью I — серединой II в. н. э. (Шелов, 1978. С. 17, 18; Абрамов, 1993. С. 45, 46, рис. 5, 21). Производство узкогорлых амфор типа «С» Д. Б. Шелов относит ко II в. н. э., а А. Б. Абрамов датирует концом I — началом II в. н. э. (Шелов, 1978. С. 18; Абрамов, 1993. С. 46, рис. 6, 5).

Кроме этого, было обнаружено незначительное количество фрагментов плоских донцев и венчиков столовой сероглиняной керамики первых веков новой эры.

В нижних слоях поселения был выявлен материал позднеклассического и эллинистического времени, представленный амфорной тарой, небольшим количеством столовой сероглиняной и красноглиняной посуды и лепной керамикой.

Транспортные амфоры представлены продукцией основных античных центров-экспортеров на рынках Азиатского Боспора в IV в. до н. э., такими как Хиос, Самос, Фасос, Книд и Гераклея.

Фрагменты хиосских амфор принадлежали не менее чем четырем сосудам. Наиболее ранний экземпляр представлен ножкой позднепухлогорлого варианта. Аналогии данному типу — сосуды из Фанагории и Ольвии, относящиеся к середине V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 18, 19; Монахов и др., 2016. С. 66–68; 2019. С. 84; 2020. С. 97–100; 2023. С. 40–42). Другие обломки принадлежали к одним из наиболее распространенных типов хиосских амфор с прямым горлом и «с колпачковой ножкой», производившимся с конца V в. до н. э. на протяжении первых трех четвертей IV в. до н. э. Аналогии сосудам этого типа дают многочисленные материалы поселений и некрополей Северного Причерноморья (Монахов, 2003. С. 19–23; Монахов, и др., 2016. С. 69–72; 2017. С. 75; 2019. С. 21, 94; 2022. С. 78, 80; 2023. С. 43–46).

Фасосская амфорная тара представлена в слое в основном фрагментами амфор коническо-биконического типа биконического варианта раннебиконической серии рубежа V–IV вв. до н. э. Аналогичные формы ножек и венцов имели

амфоры из Ольвии, Горгиппии и Феодосийского музея (Монахов, 2003. С. 71; Монахов и др., 2019. С. 123, 124; 2023. С. 49).

К книдским амфорам относятся фрагменты сосудов с коническим горлом и кубаревидной ножкой (тип ПА), производство которых датируется второй половиной IV в. до н. э. Подобные амфоры есть в Ольвии и на Елизаветовском городище (Монахов, 2003. С. 105, 106; Монахов и др., 2020. С. 160).

Гераклее Понтийской принадлежали фрагменты амфор «пифоидного» типа. Подобные сосуды известны во многих комплексах конца V — начала IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 317–319; Монахов и др., 2019. С. 175–182; 2021. С. 228; 2023. С. 67). Также встречены фрагменты амфор более позднего «конического» типа второй половины IV в. до н. э.

Следует отметить фрагмент ножки самосской амфоры типа с грибовидным венцом, относящегося ко второй половине IV в. до н. э. Подобные амфоры встречаются в меотских могильниках у станицы Старокорсунской и хутора Ленина, также известна амфора данного типа из кургана у с. Рыжановка в Среднем Поднепровье (Монахов, 2003. С. 28–29).

Таким образом, время производства тарных амфор, найденных при исследовании памятника, укладывается в хронологический интервал от конца V до последней трети IV в. до н. э.

Лепные сосуды — это, в основном, горшки без выделенного горла и с едва намеченным слегка отогнутым венцом, часто с орнаментом из пальцевых вдавлений под венчиком. М. Е. Клемешова относит подобные горшки к гончарной традиции северо-западной части Азиатского Боспора, существовавшей в период VI–I вв. до н. э. (Клемешова, 2021. С. 102–104).

Распределение массового материала по пластам неравномерно. Наибольшая концентрация находок наблюдается со 2-го по 4-й пласт. Неравномерно и их планиграфическое залегание. Фрагменты концентрировались в районе скоплений и над хозяйственными ямами. В последнем случае, вероятно, мы имеем дело с верхним уровнем заполнения ямы, которая впускалась уже из толщи культурного слоя, накопившегося к моменту ее сооружения.

Среди объектов, обнаруженных на поселении, максимальное количество находок было зафиксировано в объекте 1, который представлял собой вытянутую в широтном направлении трапиевидную грунтовую яму с сильно скруглен-

ными углами размерами 8,0 × 3,9 м, разрушенную в центральной части траншеей действующего водопровода (рис. 2). В западной части объекта расположено углубление в виде грушевидной в плане грунтовой ямы, заполненной темным суглинком с золистыми прослойками и многочисленными фрагментами амфорной тары; рядом, с северо-востока, расчищен частично уничтоженный трубой водопровода скелет взрослой собаки. В центре восточной части объекта открыто обширное углубление (3,0 × 2,4 м), перекрытое мощными золистыми напластованиями, насыщенными прослойками угля и обожженной глины. В его придонной части расчищены две неглубокие овоидные в плане ямы размерами 0,9 × 0,7 и 1,6 × 1,1 м.

Скелеты и кости собак были найдены на большинстве памятников Северного Причерноморья, в том числе и Азиатского Боспора. Часто находки костей собак связывают с отправлением неких культов и ритуалов. Так, на поселении Артющенко-1 исследовался комплекс ям со скелетами собак, который Ю. А. Виноградов интерпретировал как жертвенное место (Виноградов, Каспаров, 2017. С. 57–59; Виноградов, 2018). Находки скелетов собак на Белинском городище связывают с «ямными святилищами» (Зубарев, 2015. С. 177). На поселении Береговое-4 на территории зольника был обнаружен скелет собаки с отрубленными лапами, что также может говорить о ритуальном характере (Абрамов, Сударев, 2011. С. 337).

Не менее часто мы сталкиваемся с примерами, когда умершую собаку скидывали в хозяйственные ямы вместе с другим мусором. Так, в Фанагории большинство костей собак происходит из обычных мусорных ям, что говорит об утилитарном значении этого явления (Добровольская, Завойкин, 2016. С. 91). Наш случай со значимой долей уверенности можно отнести как раз к такому варианту. Скорее всего, собака после смерти была выброшена в хозяйственную яму.

Материал, обнаруженный в объекте, относится к последней трети IV в. до н. э. Находки представлены небольшим количеством фрагментов амфорной тары, столовой сероглиняной керамики и фрагментами лепной керамики, находки которой составили более половины от всего обнаруженного материала в объекте (рис. 3; 4).

Транспортные амфоры представлены фрагментами амфор Книда, Фасоса и почти полной формой гераклейской амфоры.

Фасосская амфора представлена фрагментом венчика позднебиконической серии (II-B-3) (рис. 5, 1). Подобные амфоры встречаются

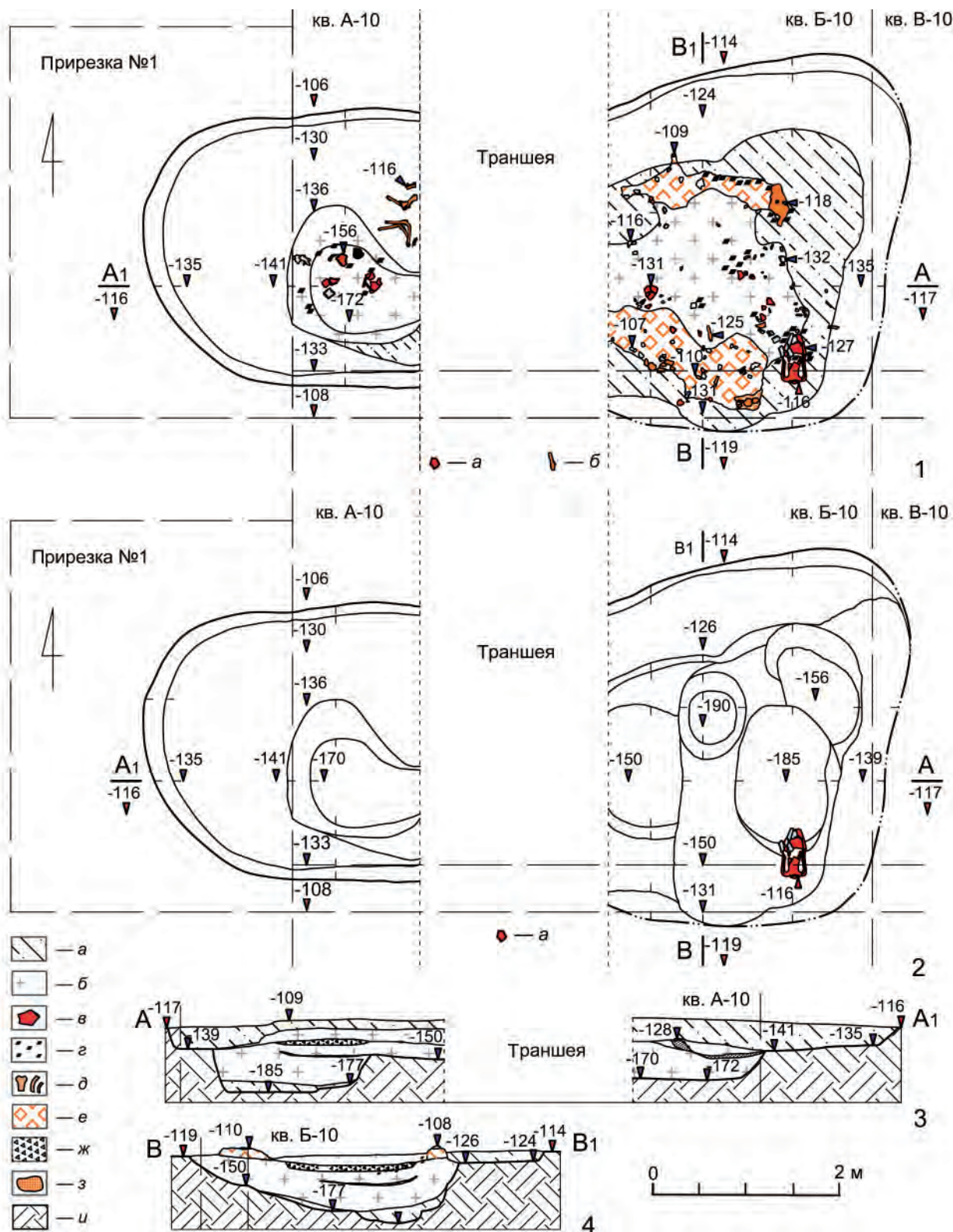

Рис. 2. Поселение Крымское-3, объект 1: 1 — первый этап расчистки, план (а — амфора, б — скелет собаки); 2 — второй этап расчистки, план (а — амфора); 3, 4 — разрезы (а — темно-серый грунт, б — зола, в — керамика, г — угольки, д — кости животных, е — слой пережженной глины, ж — углистый слой, з — фрагменты турлука, и — материк)
 Fig. 2. Krymskoe-3 feature 1: 1 — first stage of cleaning, plan (a — amphora, б — dog skeleton); 2 — second stage of cleaning, plan (a — amphora); 3, 4 — transects (a — dark-gray ground, б — ash, в — ceramics, г — charcoal, д — animal bones, e — charred clay lens, ж — layer with charcoal, з — pieces of adobe, и — virgin soil)

Рис. 3. Поселение Крымское-3. Амфорный материал из объекта 1

Fig. 3. Krymskoe-3. Fragments of amphora from feature 1

в кургане Куль-Оба, в кургане 13 у с. Бутор, несколько амфор есть в собрании Эрмитажа и Новороссийского музея. Временные границы, в пределах которых прослеживается существование данного типа амфор, ограничиваются первой половиной 30-х — концом 20-х гг. IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 70, 71, 276, табл. 46, 6–8).

Фрагмент венчика книдской амфоры относится к типу сосудов с коническим горлом и кубаревидной ножкой пифоидного варианта (рис. 3, 2). Амфоры этого типа производились в третьей четверти IV в. до н. э. Подобные амфоры были обнаружены в комплексах горгиппийского некрополя, в грунтовых могильниках Прикубанья у хуторов Ленина и Зеленского (Монахов, 2003. С. 106, 107, 304, табл. 74, 1, 2, 6).

Амфорный материал также представлен небольшим количеством ручек средиземноморских амфор, которые в целом можно отнести к IV в. до н. э. (рис. 3, 3–5).

Помимо амфорной тары расчистка объекта выявила многочисленную группу лепной посуды, в основном представленную фрагментами горшков и мисок.

Представлены горшки двух типов. К первому типу относятся горшки без выделенного горла или с едва намеченным и слегка отогнутым наружу венцом (рис. 4, 1–3, 5). Подобные горшки могли быть украшены пальцевыми вдавлениями под венчиком (Лимберис, Марченко, 2012. С. 36, 37, рис. 20, 4). М. Е. Клемешова относит подобные сосуды к гончарной традиции северо-западной части Азиатского Боспора. Она отмечает, что подобный тип горшков существует на протяжении VI–I вв. до н. э. (Клемешова, 2019. С. 310, 311; 2021. С. 102, 103). Привлекая письменные источники и основываясь на данных о районах обитания варварских племен, она приходит к мне-

нию, что лепная керамика этой области принадлежит синдам и может являться маркером относящейся к ним территории. Горшки без выделенного горла широко распространены от Танаиса до Кубани, известны в Крыму и Северо-Западном Причерноморье и являются одним из самых распространенных типов горшков на территории Таманского полуострова и Прикубанья (Клемешова, 2021. С. 103).

Второй тип лепных сосудов, найденных в объекте, представляет собой горшки с гладким воротничком на венчике (рис. 4, 5–7) (Клемешова, 2019. С. 315). Подобные сосуды встречаются в комплексах Прикубанья и датируются VI–IV вв. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 36, рис. 20, 1, 2; 62, 5; 81, 3). Они найдены на ряде античных памятников Таманского полуострова (в Фанагории, на поселении Артющенко-1), на поселениях Урочище Самойленко, Шуха-1 и Красное-1 в материалах конца VI — V в. до н. э. В меотских могильниках и на поселениях Прикубанья они встречаются также на протяжении всего IV в. до н. э. Данный тип посуды связывают с населением эпохи поздней бронзы Северного Кавказа и относят к VI–IV вв. до н. э. (Клемешова, 2021. С. 106).

Кроме горшков лепная керамика включает в себя фрагменты мисок с прямыми косо срезанными внутрь венчиками, часть которых имеет слабое лощение (рис. 4, 8–13). Подобные миски встречаются в комплексах правобережья Кубани, на сельских поселениях Таманского полуострова и относятся к V–IV вв. до н. э. (Клемешова, 2019. С. 306).

При исследовании объекта встречено также небольшое количество фрагментов меотской сероглиняной керамики, изготовленной из плотной хорошо отмученной глины с равномерным обжигом и зачастую лощеной поверхностью.

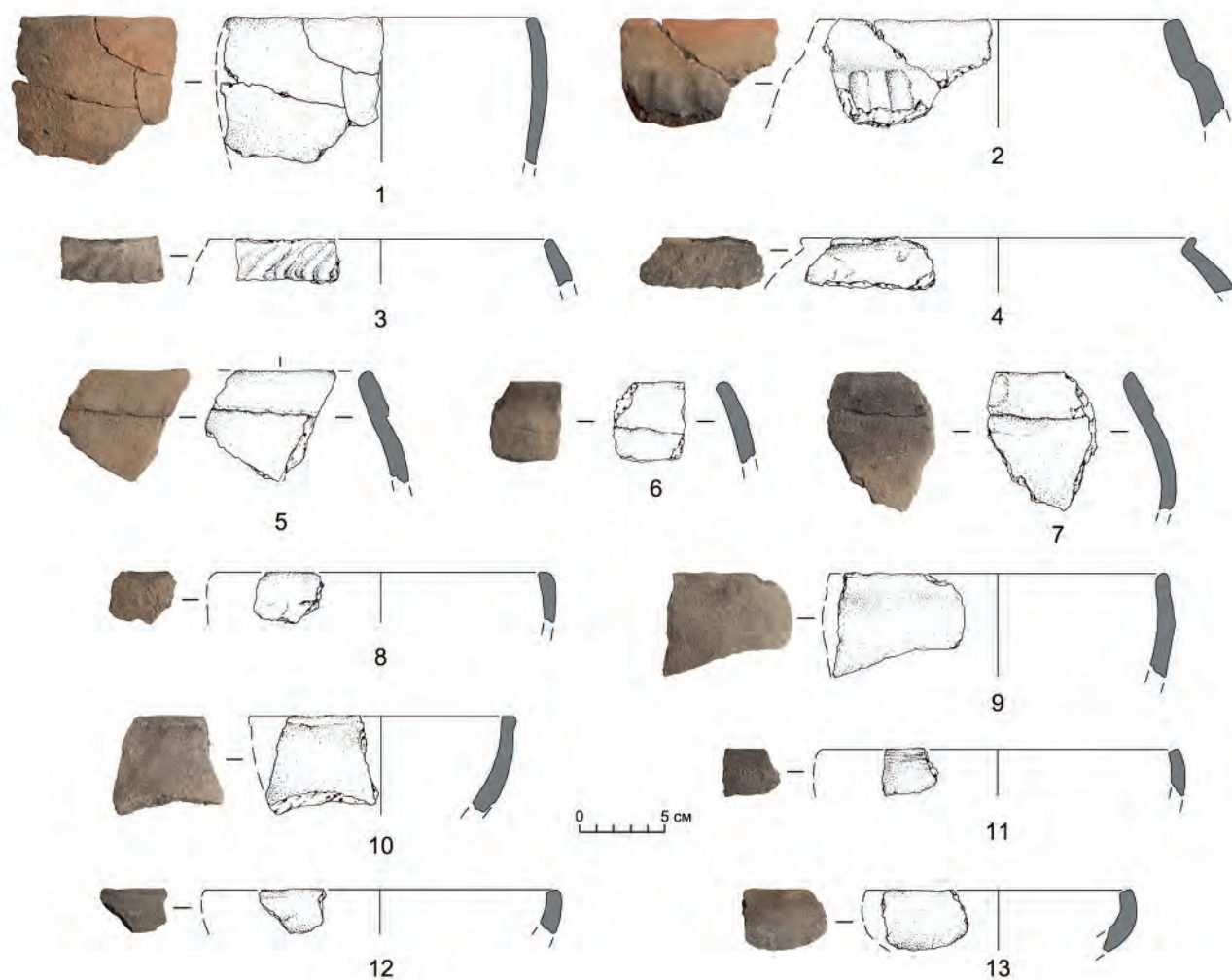

Рис. 4. Поселение Крымское-3. Основные типы лепной керамики из объекта 1

Fig. 4. Krymskoe-3. Principal types of handmade vessels from feature 1

Особый интерес в рассматриваемом комплексе представляет гераклеяская амфора, обнаруженная над южным краем наиболее крупной из ям (рис. 5). Сосуд имеет строго коническую форму тулова, высокое горло, резкий излом при переходе от плеча к тулову и относится к биконическому типу. Выпуск данного типа амфор начался в 80-х гг. IV в. до н. э. и продолжался на протяжении всего столетия, включая 20-е гг. IV в. до н. э. Подобная амфора обнаружена в кургане 32 некрополя Панское I, а также в тризне кургана 3 у с. Бутор, где они датируются 20-ми гг. IV в. до н. э. Также амфоры данного типа встречены в кургане 9 у с. Пески, в кургане 22 могильника Мрснота Могила, в Мирмекии, на поселении Госпиталь и в Херсонесе в комплексах конца IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 142, табл. 93, 3; Монахов и др., 2016. С. 165, 168, № НР. 70, 75; 2017. С. 139, № НР. 38, 39).

В лемму клейма на горле этой амфоры — Ἰάκχου ἐπι Μυρίλλο(υ) — входит имя хорошо известного фабриканта Ἰάκχος, но имя эпонима Μυρίλλος в гераклеяских клеймах встречается, по-видимому, впервые. Личное имя Μυρίλλος не зарегистрировано ни в томах Va–Vc LGPN, в которых собраны имена из эпиграфических памятников Малой Азии, ни в остальных томах этого корпуса. Впрочем, женский вариант этого имени — Μυρίλλα — известен в Малой Азии, в Галатии (LGPN. Vol. Vc, s.v., первые века новой эры), а также на Делосе (LGPN. Vol. I, s.v., I в. до н. э.), на Сицилии (LGPN. Vol. IIIa, s.v., V в. до н. э.) и в Акарнании (LGPN. Vol. IIIa, s.v., III–II вв. до н. э.). Кроме того, в Малой Азии, в том числе и в эллинистическую эпоху, засвидетельствованы и другие имена от основы μυρ(ο)- (μυρο, благовоние), например, Μυραλλίς, Μύρις, Μύρων и т. п. (LGPN. Vol. Va–Vc, s.v.).

Фабрикант Ἰάκχος⁴ известен в сочетании с эпонимами хронологической группы VA В. И. Каца, которую он датировал 20-ми гг. — последним десятилетием IV в. до н. э. — Ἀμφικρα(--), Ἀρχίππος⁵, Κρόνιος, Πεισί(στρατος) и Φώκριτος (Кац, 2007. С. 430; Федосеев, 2016. С. 47, № 129; 80, № 542; 96, № 730, 731; 2017. С. 239, № 363; Монахов, 1999. С. 361, табл. 158, 4; IOSPE III 445–446), а также в сочетании с отсутствующим в списке В. И. Каца эпонимом Μητρόδωρος (Василенко, 1971. Л. 331, № 351 (с чтением ΛΟΧΟΥΕ.../ΜΗΤΡΟΔ...); Колесников, 2019. С. 304, 305).

Кроме того, имя этого фабриканта имеется в штампах эпонима Κλέων, к которому А. Б. Колесников относит в том числе клейма, в которых В. И. Кац и Н. Ф. Федосеев ошибочно увидели имена эпонимов Κλισ(--), и Какέων (Кац, 2007. С. 430; 2017. С. 201; Федосеев, 2016. С. 69, № 396–397; Колесников, 2019. С. 301–303).

Ἰάκχος присутствует также в штампе Ἰάκχου ἐπὶ Σιληνῶ (Федосеев, 2016. С. 100, № 777). Кац полагал, что клейма с именами Σιλανός и Σιληνός — это варианты одного и того же имени, принадлежащие одному и тому же эпониму группы IVB (Кац, 2007. С. 430, см. также: Монахов, 1999. С. 370). Между тем лемма с переносом части эпонимного предлога во вторую строку, что находит аналогии в клеймах с именем Ἰάκχος эпонимов группы V, и палеографические особенности этого штампа позволяют предположить наличие омонимов — Σιλανός хронологической группы IVB и Σιληνός группы V. На это же может указывать и то обстоятельство, что биконическая амфора варианта II-3 (Монахов, 1999. С. 370, табл. 162, 2; 2003. С. 130, табл. 94, 7) с клеймом Ἡρακλείδα / Σιλανός из ямы 9 (1962 г.) на поселении у с. Николаевка по своим морфологическим признакам относится к более раннему времени⁶, чем амфоры варианта III-2 — с клеймом Ἀθίου ἐπὶ Σιληνῶ и неклеяменная из того же комплекса (Монахов, 1999. С. 370, табл. 162, 1, 3; 2003. С. 141, табл. 98, 6)⁷.

⁴ Возможен также вариант написания Ἰάχχος.

⁵ Штамп из Нимфея, в котором Н. Ф. Федосеев видел сочетание Ἰάκχος с эпонимом Ἀρχίππος (Федосеев, 2016. С. 57, № 260), следует читать как Κρ[ωμν]/ίτης (Колесников, 2023. С. 235).

⁶ Ср. также другие клейма этого эпонима на амфорах варианта II-2 и II-3 (Монахов и др., 2016. С. 159, 160, № НР. 55–57).

⁷ В этой же яме присутствовала еще одна биконическая амфора с клеймом эпонима группы V Διονυσίου(υ) / ἐπὶ Κρονίου(υ) (Монахов, 1999. С. 370, 371).

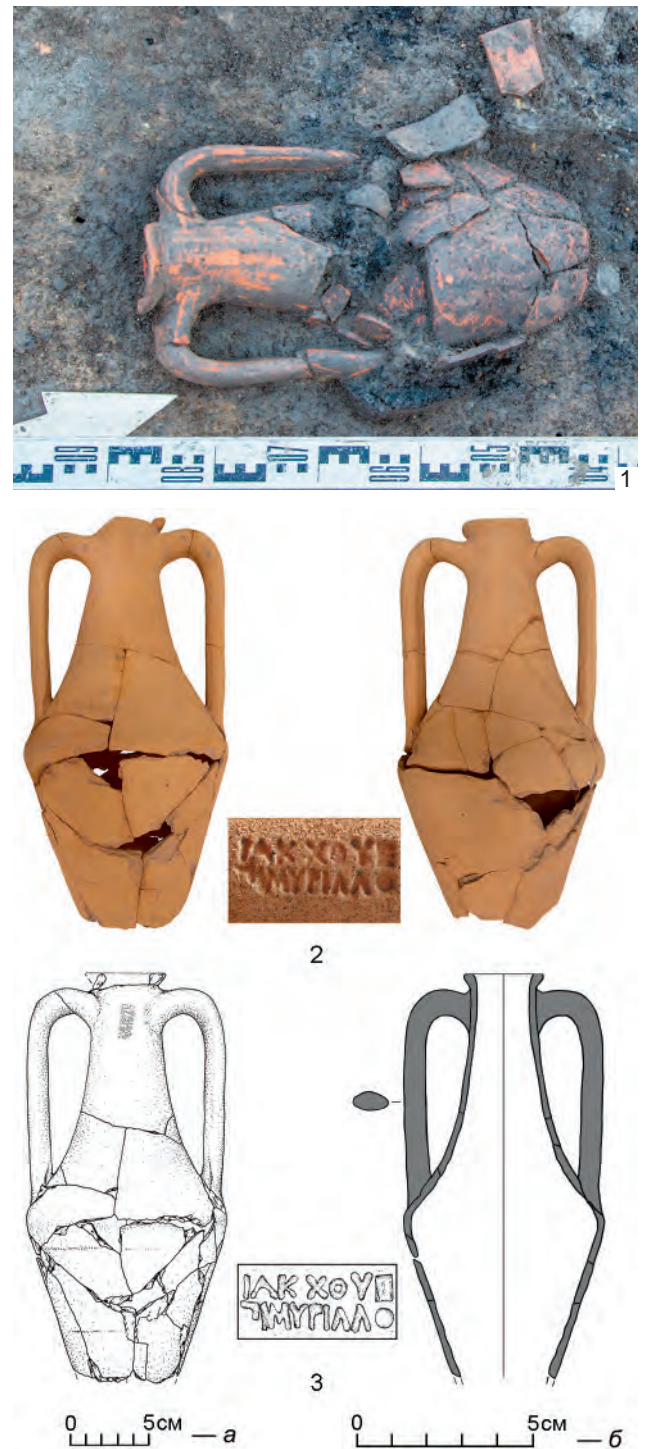

Рис. 5. Поселение Крымское-3. Гераклейская амфора с клеймом: 1 — *in situ*, вид с востока; 2 — фото; 3 — прорисовка (В. Кисман). Масштаб: а — для амфоры; б — для клейма

Fig. 5. Krymskoe-3. Heracleian amphora with stamp: 1 — *in situ*, eastern view; 2 — photograph; 3 — drawing (V. Kisman). Scale: a — for the amphora; б — for the stamp

Лишь немногие штампы с именем фабриканта Ἰάκχος или эпонимов группы V в целом встречаются в составе закрытых комплексов, в которых помимо гераклейских присутствовали бы клейма других центров.

В 8-м Пятибратнем кургане амфоры варианта III-2 с клеймами Ἰάχχου ἐπὶ Ἀρχίπλο(υ) и Ἰάχχου ἐπὶ Π/εἰσι(στράτου) (2 экз.) сочетаются с клеймами Андроника и Лиситея, а также с синопским клеймом Χ[α]β[ρία] / ἄστυν(όμου) / Θυαίο (Монахов, 1999. С. 358–362). Как было показано ранее, тризна кургана 32 у поселка Орджоникидзе, в котором присутствует клеймо Лиситея, по синопскому и фасосскому клеймам может датироваться не 360–350 гг., а 340–330 гг. до н. э. (Завойкин и др., 2022. С. 185). Астином Χαβρίας является последним астином группы ΠΑ И. Гарлана — 332–326 гг. (Garlan, Kara, 2004. Р. 95), Н. Коновичи датирует его концом 330-х гг. (Conovici, 1998. Р. 32), а В. И. Кац — началом 330-х гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 434).

Клеймо Писистрата, но уже в сочетании с именем фабриканта Ἄθιος, в тризне кургана 2 у с. Чкалово (Полин, 2014. С. 505–508) соседствовало с клеймами синопских астиномов Αἰσχίνας 2 и Χαβρίας группы ΠΑ (332–326 гг. до н. э.) И. Гарлана (Garlan, Kara, 2004. Р. 95), которые Н. Коновичи относит ко второй половине 330-х гг. до н. э. (Conovici, 1998. Р. 32), а В. И. Кац — к первой половине 330-х гг. до н. э. (Кац, 2007. С. 434). В тризне же кургана 22 у с. Золотая балка (Полин, 2014. С. 296, 297) его клеймо было найдено вместе с фасосским клеймом последнего эпонима группы G2

Из опубликованных целых амфор с клеймами эпонимов группы V лишь немногие принадлежат типу II (см., например, Ἀνταγο(--) — Полин, 2014. С. 514; Ἀπολλ(ώνιος) 2 — Монахов и др., 2016. С. 160, № НР. 58; Πεῖσι(στратος) — Полин, 2014. С. 296), а большая часть — типу III (см., например, Ἀρχίπλος — Монахов, 1999. С. 359; Θεμιστο(--) — Серова, Яровой, 1987. С. 96–98; Ἴφικράτης — Мелюкова, 1975. С. 103, 154; Монахов и др., 2016. С. 166, № НР. 71; Κλέων — Монахов и др., 2016. С. 166, № НР. 70; Κρόνιος — Полин, 2014. С. 503; Монахов и др., 2017. С. 136, № НР. 38; Πεῖσι(στратος) — Монахов, 1999. С. 359; Полин, 2014. С. 285; Монахов и др., 2016. С. 165, № НР. 69; Πίνδαρος — Монахов и др., 2016. С. 167, № НР. 73; Πυθοκλῆς — Бессонова и др., 1988. С. 41, 45).

Абрамов, 1993 — Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М.: АРХЭ, 1993. Вып. 3. С. 4–135.

Абрамов, Сударев, 2011 — Абрамов В. В., Сударев Н. И. Жертвоприношение собаки на поселении Берего-

И. Гарлана Ἀριστοκρ(άτης), датируемого временем около 335 г. до н. э. (Garlan, 1999. Р. 292, № 965)⁸.

Наконец, в мирмекийской яме И-7 2013 г. вместе с двумя клеймами того же астинома Χαβρίας было найдено клеймо эпонима Κλέων (Монахов, 2016. С. 359–361; Колесников, 2019. С. 301, 302).

Таким образом, если следовать датировкам синопских и фасосских клейм Н. Коновичи и И. Гарлана, хронологические границы группы V В. И. Каца, возможно, следует понизить и датировать ее не 20-ми гг. — последним десятилетием IV в. до н. э., а серединой 40-х — серединой 20-х гг. этого века и к этому же времени относить и амфору со штампом Ἰάχχου ἐπὶ Μυρίλλο(υ).

Такая датировка не противоречит предложенной С. Ю. Монаховым датировке биконических гераклейских амфор варианта III-2 в пределах 340–330 гг. до н. э. (Монахов и др., 2021. С. 93).

После того как В. И. Кац опубликовал свою хронологическую схему гераклейского клеймения (Кас, 2003. Р. 275, 276; Кац, 2007. С. 429, 430), список гераклейских эпонимов претерпел значительные изменения. Часть имен, включенных в него в результате неправильных чтений, была удалена, выявляются и новые имена. Уточнение количества известных нам ежегодных эпонимов чрезвычайно важно и само по себе, и для определения продолжительности керамического клеймения в Геракле. Особенно существенно это для последней, пятой, хронологической группы, так как клейма эпонимов этой группы нечасто встречаются в закрытых комплексах. Таким образом, работы на поселении Крымское-3 позволили внести в научный оборот нового гераклейского эпонима Мирилла середины 40-х — середины 20-х гг. IV в. до н. э. и в целом уточнить датировку этого памятника. Исследованный материал позволяет отнести его к поселениям конца V — последней трети IV в. до н. э.

⁸ Что же касается клейма Писистрата из кургана Чертомлык, то его асинхронность с остальными найденными там штампами не позволяет использовать этот курган для уточнения датировки данного эпонима (Монахов, 1999. С. 362–369; Полин, 2014. С. 438–449; Алексеев, 2022).

вой 4: еще один сюжет в сакральной жизни Боспора // БФ: Население, языки, контакты. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 337–343.

Алексеев, 2022 — Алексеев А. Ю. Писистрат Чертомлыкский. К истории одного амфорного клейма //

- «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху: Сб. науч. трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова / Ред. А. П. Медведев. Саратов: Амрит, 2022. С. 41–48.
- Бессонова и др.*, 1988 — *Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Валентей и др., 1988. 216 с.
- Василенко*, 1971 — *Василенко Б. А.* Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V–III вв. до н. э.): Дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1971 // НОА ИА РАН. Ф. Р-2. Д. 2111. 490 л.
- Виноградов*, 2018 — *Виноградов Ю. А.* Исследования античного поселения Артющенко-1 // АО 2016 года. М.: ИА РАН, 2018. С. 205–207.
- Виноградов, Каспаров*, 2017 — *Виноградов Ю. А., Каспаров А. К.* Необычные ямы античного поселения Артющенко 1 на Таманском полуострове // Таврические студии. Симферополь, 2017. Вып. 12. С. 55–59.
- Добровольская, Завойкин*, 2016 — *Добровольская Е. В., Завойкин А. А.* Кости животных и птиц из раскопок «Верхнего города» Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 / Под ред. А. А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2016 (Фанагория. Результаты археологических исследований; Т. 4). С. 83–92.
- Завойкин и др.*, 2022 — *Завойкин А. А., Павличенко Н. А., Чащук М. С.* Еще один подвал на акрополе Фанагории // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху: Сб. науч. трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова / Ред. А. П. Медведев. Саратов: Амрит, 2022. С. 180–198.
- Зеест*, 1960 — *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 83). 180 с.
- Зубарев*, 2015 — *Зубарев В. Г.* Культурные объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996–2014 гг.) // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 19. С. 161–183.
- Кац*, 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2007. 480 с.
- Кац*, 2017 — *Кац В. И.* Уточнение списка магистратов, контролировавших керамическое производство в Геракле Понтийской // *Stratum plus*. 2017. № 3: Скифия. Стрела времени. С. 199–211.
- Клемешова*, 2019 — *Клемешова М. Е.* Типы лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 24. С. 303–324.
- Клемешова*, 2021 — *Клемешова М. Е.* Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора VI в. до н. э. — III в. н. э. // *Huranis*. М., 2021 (Труды отдела классической археологии ИА РАН; Вып. 3). С. 97–110.
- Колесников*, 2019 — *Колесников А. Б.* Новые гераклейские магистраты // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы междунар. научн. конф. Симферополь; Керчь: Благотворительный фонд «Деметра», 2019 (XX Боспорские чтения). С. 301–308.
- Колесников*, 2023 — *Колесников А. Б.* Каталог керамических клейм Гераклеи Понтийской из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (часть I) // *Stratum plus*. 2023. № 6: Дитя, играя, движет миром. С. 229–266.
- Лимберис, Марченко*, 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 312 с.: ил.
- Мелюкова*, 1975 — *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975. 260 с.
- Монахов*, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 680 с.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерия, Саратовский университет, 2003. 352 с.: ил.
- Монахов*, 2016 — *Монахов С. Ю.* Еще раз о гераклейских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Этима // *Stratum plus*. 2016. № 6: *Rach mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV веков. С. 357–369.
- Монахов и др.*, 2016 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов: Тип. «Новый проект», 2016. 222 с.: ил.
- Монахов и др.*, 2017 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов: Тип. «Новый проект», 2017. 208 с.
- Монахов и др.*, 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов: Амрит, 2019. 352 с., ил.
- Монахов и др.*, 2020 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов: Амрит, 2020. 218 с., ил.

- Монахов и др., 2021 — Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов: ООО «Волга», 2021. 324 с., ил.
- Монахов и др., 2022 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Коллекция амфор Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына: общий обзор // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2022. Вып. 2. С. 142–157.
- Монахов и др., 2023 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Новиченкова Н. Г., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Саратов: Амирит, 2023. 110 с.: ил.
- Полин, 2014 — Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с.
- Серова, Яровой, 1987 — Серова Н. Л., Яровой Е. В. Григориопольские курганы. Кишинев: Штиинца, 1987. 156 с.
- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская: из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: [Каталог]. Керчь; Симферополь: Соло-Рич, 2016. Т. 2. 319 с.
- Федосеев, 2017 — Федосеев Н. Ф. Керамические клейма поселения «Полянка» в восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований: Сб. науч. трудов. Симферополь: Таврия, 2017. С. 169–249.
- Шелов, 1978 — Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156: Античность и варварский мир. С. 16–22.
- Conovici, 1998 — Conovici N. Histria: Les résultats des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. 2, Sinope (tuiles timbrées comprises). București; Paris: Ed. Enciclopedica; Diffusion de Boccard, 1998. 206 p.
- Garlan, 1999 — Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Athènes, Paris: Ecole française d'Athènes, 1999. 335 p.
- Garlan, Kara, 2004 — Garlan Y., Kara H. Les timbres céramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles: trouves à Sinope: présentation et catalogue. Istanbul; Paris: Institut Français d'Études Anatoliennes Georges Dumézil; de Boccard, 2004 (Varia Anatolica; Vol. XVI). 310 p.
- Кас, 2003 — Кас В. I. A new chronology for the ceramic stamps of Herakleia Pontike // The Cauldron of Ariantat: studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus: Aarhus University Press, 2003 (Black sea studies; Vol. 1). P. 261–278.

Complex with a Heracleian amphora at Krymskoe-3

N. A. Pavlichenko, P. V. Sokov, A. S. Tsinko⁹

Keywords: Hellenistic period, Bosporus, chora, amphorae, stamps, Heraclea Pontica, Pontic ceramics.

Archaeological excavations at Krymskoe-3 in the Krasnodar Region have upheld the earlier proposal that this area was an eastern fringe of the settlement, and the chronological limits of the site were extended from the 5th cen. BC to the first centuries of AD.

In the upper strata of the settlement, a few artifacts dating to the first centuries AD were found. The lower strata contained a material of the Late Classical and Hellenistic period, including amphorae, a small sample of gray-clay and red-clay table ware, and of handmade vessels.

The maximal number of items was discovered within feature 1 — a ground pit. This material dates to the last third of the 4th cen. BC. Especially interesting is a Heracleian amphora. It has a conical body, a high neck, and a sharp bend between the shoulder and the body. Amphorae of the biconical type, to which this specimen belongs, were manufactured over most of the 4th cen. BC, from the 380s to the 320s. The stamp on the amphora mentions a hitherto unknown eponym Mirillus and the manufacturer Iakchos, well known from stamps of the V chronological group, suggesting that Mirillus too belongs to this group and that his activities date to the mid-340s — mid-320s BC.

⁹ Natalia A. Pavlichenko, Anna S. Tsinko — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com, a.tsinko-arheo@yandex.ru; Pavel V. Sokov — NAO “Nasledie Kubani”; Krasnodar, Russia; e-mail: pvs_arm@mail.ru.

Исследование методом полиполяризации некоторых штукатурок и строительных растворов Великого Новгорода¹

Е. Ю. Медникова²

Аннотация. В статье рассматриваются результаты анализов штукатурок под живопись и двух строительных растворов из церквей Великого Новгорода, проведенных на оптико-электронной полиполяризационной системе, разработанной в ИИМК РАН.

Ключевые слова: оптико-электронная полиполяризационная система, анализ, Великий Новгород, штукатурки под живопись, строительные растворы, моллюски, ракушки.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-133-135

В лаборатории археологической технологии ИИМК РАН была создана оптико-электронная полиполяризационная система для бесконтактного исследования минералов и органических структур методом полиполяризации, прежде всего для изучения древних строительных технологий (Куликов и др., 2010; 2012). Принцип работы оптико-электронной полиполяризационной системы описан в работе Е. Ю. Медниковой и О. В. Шарова (Медникова, Шаров, 2019. С. 353). Одними из первых на ней были проанализированы штукатурки под живопись и строительные растворы церквей Старой Ладogi. Во всех исследуемых образцах были обнаружены фрагменты раздробленных раковин и органическая составляющая, характерная для моллюсков (Васильев, Медникова, 2022. С. 129). В продолжение работ по изучению строительных материалов методом полиполяризации для анализа были отобраны фрагменты штукатурок под живопись из памятников Великого Новгорода: 1) церквей Благовещения на Городище и Спаса на Ильине, полученные в результате археологических раскопок,

проводившихся под руководством М. К. Каргера; 2) Георгиевского собора Юрьева монастыря и церкви Спаса на Нередице, предоставленные реставратором Т. Ю. Ромашкевич; 3) Николо-Дворищенского собора XII в., выявленные и предоставленные в 1993 г. В. А. Булкиным.

Штукатурки из церквей Благовещения на Городище, Георгиевского собора Юрьева монастыря, Спаса на Нередице были однослойными белого или слегка серого цвета, без каких-либо видимых наполнителей, толщиной от 7 до 13 мм.

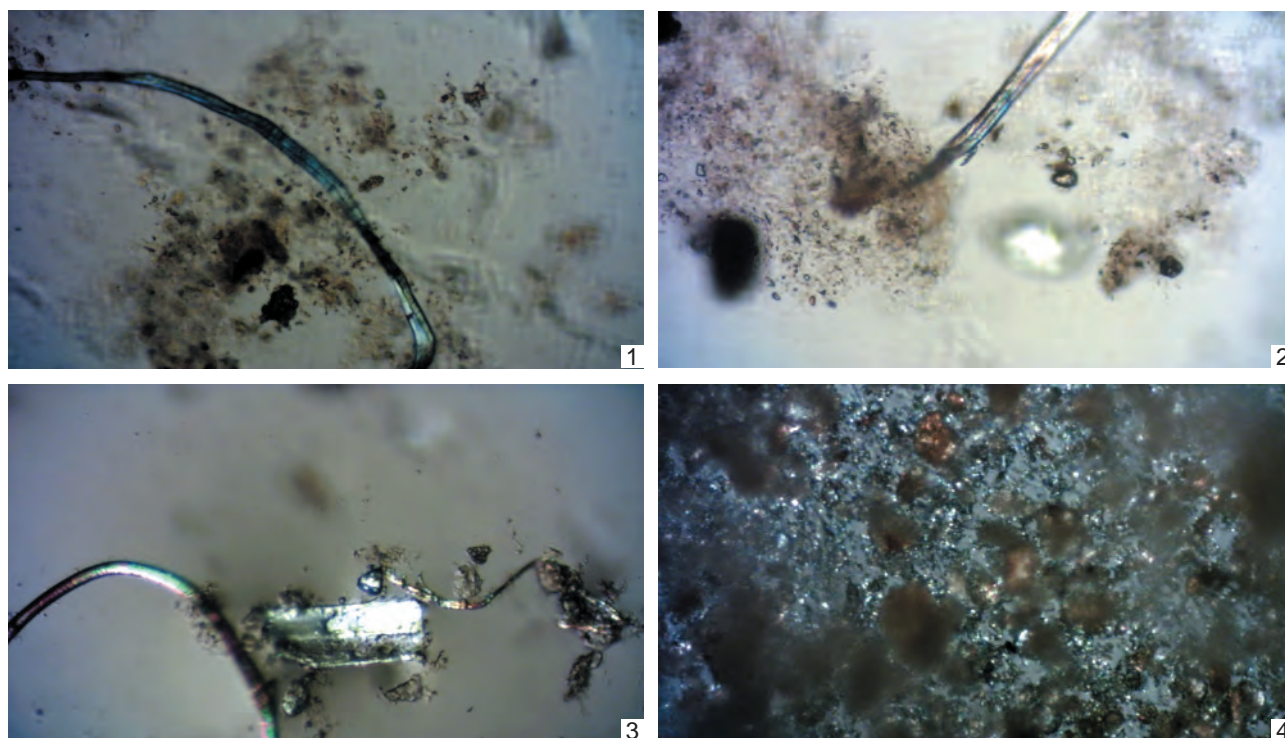
Штукатурки из Николо-Дворищенского собора — однослойные, толщиной 20–23 мм, также белого или слегка серого цвета — аналогичные по структуре (рис. 1, 1, 2). Один фрагмент был двухслойным: верхний слой 7–8 мм выложен на гладкую поверхность нижнего слоя толщиной 22–23 мм, при этом оба слоя одинаковы по составу. Полиполяризационный анализ штукатурок показал присутствие фрагментов раковин размером от нескольких микрон до 0,5 мм и органики, характерной для тела моллюсков. При этом количество органики в штукатурках Николо-Дворищенского собора значительно превышало аналогичный показатель в штукатурках уже упомянутых памятников. При растворении штукатурок в 5%-ной соляной кислоте доля нерастворимого остатка во всех пробах не превышала 0,10–0,15 %, он состоял в основном из мельчайших кусочков раковин и сероватого порошка.

Штукатурки церкви Спаса на Ильине были двухслойными, верхний слой белого цвета

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия.

© Медникова Е. Ю., 2024

Рис. 1. Полиполяризационный анализ образцов штукатурки (1–3) и строительного раствора (4) памятников Великого Новгорода: 1, 2 — Николо-Дворищенский собор, волокно в органике моллюсков; 3 — церковь Спаса на Ильине, фрагмент раковины, волокна в теле моллюсков; 4 — церковь Петра и Павла на Синичьей горе, органика моллюсков, кусочки раковин, крошка плитки

Fig. 1. Polypolarization analysis of stucco (1–3) and mortar samples (4) from Veliky Novgorod: 1, 2 — Saint Nicholas Church in Yaroslav's Courtyard, fibers in the organic matter of mollusks; 3 — Transfiguration Church in Elija Street, fragment of mollusk shell, fibers in mollusks' bodies; 4 — Peter and Paul Church on Sinichya Gora, organic matter of mollusk bodies, pieces of shells, brick powder

толщиной 5–10 мм. Нижний слой — серо-бежевого цвета с темными включениями размером не более 0,3–0,5 мм, толщина его варьировалась, вероятно, из-за выравнивания поверхности под фресковую живопись. При растворении в соляной кислоте верхнего белого слоя штукатурки доля нерастворимого остатка составила не более 0,1 %, он представлял собой пылевидный порошок слегка сероватого цвета и редкие мельчайшие кусочки раздробленных раковин (рис. 1, 3). По составу штукатурка верхнего слоя церкви Спаса на Ильине была аналогична штукатуркам вышеупомянутых памятников. При растворении в соляной кислоте нижнего штукатурного слоя доля нерастворимого остатка составила 2,9 %, он состоял из пылевидного песка, мельчайших кусочков раздробленной раковины, порошка светло-бежевого цвета и единичных крошек цемянки. Аналогичные «двухслойные штукатурки с грубыми наполнителями для выравнивания поверхности в нижнем слое и с верхним слоем штукатурки более высокого

качества характерны для греческих фресок» (Кукс, Лукьянова, 2014. С. 131). Возможно, данный тип штукатурок появился в церкви Спаса на Ильине благодаря Феофану Греку, греку по национальности. Во всех без исключения фрагментах штукатурок обнаружены волокна голубого и розового, перемежающегося с розовым, цвета. Ранее присутствие таких волокон в штукатурках и керамике нами объяснялось наличием растительных волокон льна и конопли. Однако проведенный полиполяризационный анализ самих моллюсков показал присутствие аналогичных волокон в их теле. Таким образом, присутствие подобных волокон в строительных растворах и штукатурках свидетельствует о применении в них моллюсков. Вероятно, мастерам было известно об улучшении качества штукатурок и строительных растворов при добавлении в них раздробленных ракушек. Это подтверждается и выводами исследователей о том, что «хорошую сохранность фресок нужно искать в органических связующих» (Лукьянова, 2012. С. 214).

Строительные растворы. Полиполяризационный анализ новгородских строительных растворов выполнен пока только для двух памятников: церковей Петра и Павла на Синичьей горе и Благовещения на Городище. Причем если для церкви Петра и Павла на Синичьей горе удалось провести анализ для растворов как из кладки, так и из фундамента (рис. 1, 4), то в церкви Благовещения на Городище изучены были только растворы, сохранившиеся на плинфах. Во всех растворах также обнаружены остатки моллюсков.

С технологической точки зрения использование моллюсков способствует улучшению качества строительных материалов. Тела их увеличивают пластичность раствора, а раковины препятствуют усадке изделия во время сушки. Добавление раздробленных раковин в известковые растворы создает дополнительные центры кристаллизации. Несмотря на небольшое количество проведенных анализов, можно предположить, что строительные растворы и штукатурки с использованием моллюсков широко применялись в средневековой Руси.

Васильев, Медникова, 2022 — Васильев Б. Г., Медникова Е. Ю. Исследование строительных материалов Старой Ладogi (или Новгородской земли) методом полиполяризации // АВ. 2022. Вып. 37. С. 129–132.

Кукс, Лукьянова, 2014 — Кукс Ю. М., Лукьянова Т. А. История развития фрески. Ч. II: Происхождение технологии чисто известковых штукатурных оснований фрески // Перспективы науки и образования. 2014. № 5 (11). С. 127–136.

Куликов и др., 2010 — Куликов В. Е., Кидалов В. Н., Медникова Е. Ю., Носов Е. Н., Шумкин В. Я. Устройство для опикоэлектронного бесконтактного исследования минералов и органических структур: Патент № 2402753, 2010 г.

Куликов и др., 2012 — Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С., Носов Е. Н. Способ бесконтактного полиполяризационного исследования минералов и органических структур с различными коэффициентами пропускания: Патент № 2466379, 2012 г.

Лукьянова, 2012 — Лукьянова Т. А. Технологические особенности древнерусских фресок // Ярославский педагогический вестник. 2012 (Гуманитарные науки). Т. 1, № 3. С. 214–218.

Медникова, Шаров, 2019 — Медникова Е. Ю., Шаров О. В. Технологические особенности строительных растворов винодельческих комплексов поселения Ильич I Темрюкского района Краснодарского края // Stratum plus. 2019. № 4: Меч Марса. С. 343–358.

Polypolarization study of certain stuccos and mortars from Veliky Novgorod

E. Yu. Mednikova³

Keywords: Opticoelectronic polypolarization system, analysis of construction mortars and painting mortars in Novgorod, mollusc shells.

The paper presents the results of the analysis of building and painting mortars from Novgorod using an optoelectronic polypolarization system designed at the Institute for the History of Material Culture RAS. Findings demonstrate that mollusc shells with molluscs had been added to the building and painting mortars used in the construction of Novgorod churches.

³ Elena Yu. Mednikova — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia.

Булавка с головкой в виде павлина из раскопок Великого Новгорода¹

Н. В. Ениосова, Т. Н. Лубкова, И. Ю. Николаева, Л. В. Покровская, В. К. Сингх²

Аннотация. Статья посвящена находке булавки с головкой в виде павлина из раскопа Троицкий XVI в Великом Новгороде. Женское украшение относится к немногочисленным заколкам с горизонтальным стержнем и зооморфным изображением. Мотив павлина является редким для новгородского прикладного искусства и отражает символическое восприятие мира, присущее жителям средневекового Новгорода. Концентрация однотипных булавок с изображением павлина в Новгороде свидетельствует о местном производстве этих изделий в конце XII — первой половине XIII в.

Ключевые слова: Великий Новгород, Троицкий раскоп, прикладное искусство, образ павлина.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-136-146

Археологический контекст находки

В 2020 г. на Троицком XVI раскопе в ходе углубления северной дренажной траншеи была обнаружена необычная находка — металлическая головка булавки в виде птицы³. Этот участок, площадь которого составляет 540 кв. м, находится южнее основного массива Троицких раскопов и отделен от них Редятиной улицей. Он расположен непосредственно напротив церкви во имя Святой Троицы (известна с XII в., каменный храм заложен в 1365 г.). В древности здесь размещался квартал городских усадеб, заключенный между средневековыми улицами Пробойной на востоке, Редятиной на севере и Воздвиженской на юге (рис. 1). Изучаемая усадьба, как и сам раскоп, располагалась на перекрестке средневековых

Пробойной и Редятиной улиц и имела въезд со стороны последней. Такая топографическая ситуация была характерна для усадебной застройки XIV в. (Рыбина и др., 2022а).

На уровне пласта 6 (яруса 8) на исследуемом участке происходит перепланировка усадебного пространства. Межусадебная граница, ранее прослеженная вдоль южной линии квадратов, сместилась на 17 м к северу. Таким образом площадь раскопа разделилась практически поровну на два усадебных участка, ориентированных теперь не на Редятину и Воздвиженскую улицы, а на Пробойную. Это разделение происходит в конце XIII в.

Застройка этого периода сосредоточена вдоль северной границы усадьбы и представлена тремя небольшими и средних размеров четырехстенными срубам, которые могли носить жилой и хозяйственный характер. В некоторых из них сохранились остатки отопительных сооружений. Стоит отметить, что набор обнаруженных на северной усадьбе находок обладает достаточно престижным характером и в купе с данными берестяных грамот и сфрагистического материала, а также анализом топографического контекста двора позволяет говорить о высоком социальном и имущественном статусе владельцев усадьбы (Рыбина и др., 2022б). Застройка в восточной части усадьбы на данном этапе исследований не прослежена. Вероятно, она будет открыта при исследовании нижележащих пластов, учитывая довольно значительное понижение средневековой дневной поверхности с запада на восток. Предварительная

¹ Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-20 «Христианские и языческие древности средневекового Новгорода в свете междисциплинарных исследований».

² Ениосова Н. В., Лубкова Т. Н., Николаева И. Ю., Покровская Л. В., Сингх В. К. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: eniosova@gmail.com; pokrovskaja@yandex.ru; arxeolog@gmail.com; tanya_lubkova@mail.ru; nikoirina@gmail.com.

© Ениосова Н. В., Лубкова Т. Н., Николаева И. Ю., Покровская Л. В., Сингх В. К., 2024

³ Паспортные данные находки: В. Новгород-2020, раскоп Троицкий XVI, пласт 10, квадрат 1924, полевой № 10 (северная траншея).

датировка средневековых напластований, в которых была найдена головка булавки, — вторая половина XII — рубеж XII–XIII вв.

Описание

Булавка сохранилась фрагментарно: полностью обломан стержень и часть отростков оперения на голове птицы. Порошкообразные продукты коррозии на поверхности скрывают некоторые детали рельефного орнамента (рис. 2, 1). Восстановить целостный облик украшения можно с помощью случайной находки, хранящейся в фондах Новгородского музея-заповедника, очень похожей на троицкую булавку (рис. 2, 2)⁴. Птица изображена в профиль, детали декора на обеих сторонах полностью совпадают. У нее маленькая голова с коротким крючковатым клювом и хохолком из трех стержневидных рифленых выступов с ложной зернью на концах — опушкой перьев. Миндалевидный глаз птицы и овальный выпуклый «мешок» под ним оконтурены тонкой рельефной линией. Туловище овальной формы с выступающей вперед массивной грудью и сложенным коротким крылом; шея отделена от него двумя выпуклыми параллельными линиями — ошейником. Хвост птицы раздвоен — нижняя часть с фестонами по краю опущена вниз — это обычное положение хвоста; перья надхвостья подняты вертикально вверх и изогнуты — распущены веером. Оперение на туловище, крыльях и хвосте — выпуклые параллельные двойные и одинарные прямые и изогнутые линии; между двойными линиями — поперечные полоски с одиночными полушариями ложной зерни. Птичьи ноги — высокие, с большими двупальными

⁴ НГМ 40131/5; номер в Государственном каталоге 21543590. Мы искренне признательны В. Н. Кузнецовой, сообщившей нам об этой находке.

Рис. 2. Булавки с головкой в виде изображения павлина: 1 — с Троицкого XVI раскопа; 2 — случайная находка на территории Новгорода (НГМ, КП 40131/5; номер в Государственном каталоге 21543590)

Fig. 2. Pins with peacock-shaped heads: 1 — from Troitsky site XVI; 2 — specimen found by chance in Novgorod (Novgorod State Museum, КП 40131/5; State Catalog No. 21543590)

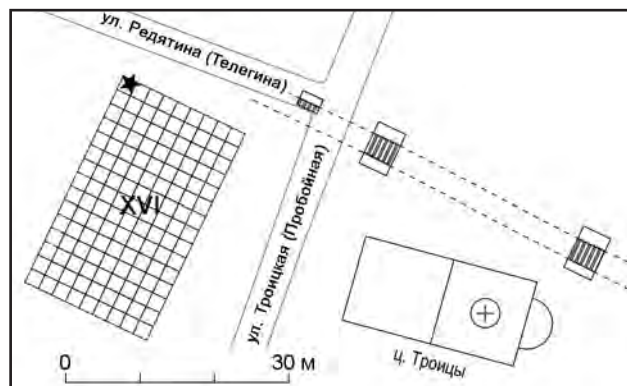

Рис. 1. Ситуационный план Троицкого XVI раскопа с указанием места находки навершия булавки

Fig. 1. Plan of the Troitsky site XVI indicating location of pin head

когтистыми лапами и треугольными шпорами — надколенниками.

Функциональная часть булавки — стержень — расположена горизонтально, встык к сужающейся части туловища. Короткие рифленые перекладины размещены под углом к стержню и соединяют части хвоста и его основание. На украшении — случайной находке круглый в сечении стержень имеет плоский расширяющийся прямой конец, у булавки с Троицкого раскопа сохранилось только основание стержня. На спинках птиц есть петли, но их едва ли могли использовать для подвешивания цепочек, скрепляющих парные украшения, если они размещались на одежде в горизонтальном положении.

Реальные и символические павлины в религиозном и секулярном мире Средневековья

Видовую принадлежность птицы, венчающей навершие булавки, легко определить: это

изображение павлина (*Pavo cristatus*) — существа, обладающего исключительными природными декоративными свойствами благодаря роскошному оперению. Уже в античную эпоху павлины приобрели статус священной птицы и одного из атрибутов райского сада. Христианская и исламская изобразительные традиции заимствовали сюжет «павлины у источника жизни» (фонтана с водой или дерева) в античном и сасанидском искусстве. В ранневизантийской церкви Сант-Аполлинаре-ин-Классе в Равенне сохранилась гробница епископа Феодора (конец VII в.), декорированная изображениями павлинов, виноградных лоз и монограмм Христа. Для христиан павлин был символом бессмертия, обновления и возрождения, так как, согласно Священному Писанию, плоть павлина нетленна (*Anđelković et al.*, 2011. P. 231–238).

Блаженный Августин в сочинении «О Граде Божьем» (413–427 гг.) утверждал, основываясь на собственных экспериментах, что мясо павлина не подвержено гниению и имеет антисептические свойства: оно остается свежим спустя год после смерти птицы. Перьями павлина покрывали мертвых животных и даже тела умерших людей, чтобы предотвратить разложение плоти.

В Византийской империи перья райских птиц находили широкое применение в придворной жизни и церковных ритуалах. Опахала из перьев павлина (*flabellum*) ассоциировались с крыльями ангелов, самое раннее свидетельство их использования в литургии относится к VI в. Помимо символической роли в богослужении опахала выполняли важные практические функции: с их помощью отгоняли мух от Святых Даров и создавали комфортные условия для священников. Традиция использования опахал из павлиньих перьев во время церковной службы зафиксирована и в Западной Европе. Такой предмет упомянут в списке имущества лондонского собора Святого Павла в 1295 г. В обмене дарами между византийскими императорами и мусульманскими правителями участвовали золотые и серебряные статуэтки павлинов из сокровищниц фатимидской династии, а византийские императоры посылали живых райских птиц ко двору халифов (*Green*, 2006. P. 42–46).

В секулярном мире средневековой Европы перья павлина были предметом роскоши. Достоверно известно, что с XII в. высшие чиновники получили право украшать ими доспехи и конское убранство во время придворных церемоний. Опахала из оперения павлинов с длинной серебряной ручкой облегчали страдания больных королей на смертном одре.

В средневековом собрании символических и аллегорических историй о животных, растениях и минералах «Физиолог» образ павлина получает и негативные черты: эта птица не только символ высокого статуса и роскоши, но и воплощение тщеславия и гордыни (*Белова*, 2001. С. 199, 200, 203; *Green*, 2006. P. 56). Заносчивая птица горестно смотрит на свои несоразмерно большие и безобразные «павьи ножки» и издает неприятные звуки, что отражают поговорки из «Толкового словаря» В. Даля: «Павлин бы красив, да ногами несчастлив» и «Павлиний крик хуже кошачьего»⁵.

Долгая традиция почитания райских птиц в христианской и мусульманской религиях и искусстве нашла выражение в народных верованиях и обрядах. У многих народов павлиньи перья — обереги, спасающие от сглаза и злых чар. Свойствами апотропея наделялись «глазки» перьев надхвостья птицы. Павлину приписывали способность убивать змей и обнаруживать отравленную пищу; его перья, кости и мясо использовали в медицине (*Anđelković et al.*, 2011. P. 245; *Green*, 2006. P. 57).

Имеются археологические и письменные свидетельства присутствия экзотических птиц в светской жизни городов и замков в качестве домашних животных, престижных обитателей зверинцев и садов и даже источников мяса в «высокой» кухне. Кости павлина встречены при раскопках 20 памятников эпохи Средневековья на территории Франции; в Готическом квартале Барселоны недавно открыты остеологические останки одной особи, датируемые по данным радиоуглеродного анализа третьей четвертью XIII в. Обнаруженные в Испании кости не несут следов разрубления или обглаживания и, по мнению исследователей, принадлежали птице, обитавшей в саду состоятельных жителей городского дома (*Fernández et al.*, 2023. P. 753–757).

В Северной Европе самая ранняя находка происходит из Гокстада в Норвегии: кости, кожа и «сияющие перья» павлинов были открыты под досками палубы корабля королевского погребения, датированного по дендрохронологическим данным между 895 и 903 гг. Возможно, помещение пары экзотических птиц среди погребальных даров внутри судна подчеркивает их особый статус. Другие животные — 12 лошадей и шесть собак — были обнаружены за пределами корабля (*Nicolaysen*, 1882. P. 45, 46, 52). Диковинные павлины,

⁵URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=24122> (дата обращения: 23.01.2024).

по мнению А. Добата, не только подчеркивали высокий статус обладавшего ими вождя, но и служили доказательством его контактов с дальними землями — Южной Азией, Халифатом, Византией, Римом или империей Каролингов, что выделяло этого человека в местной среде и способствовало легитимизации его власти (Dobat, 2015. P. 192–194).

Образ павлина

в прикладном искусстве Средневековья

Образ павлина в прикладном искусстве Византии, мусульманского Востока и Западной Европы отличается устойчивой иконографией. Чаще всего райские птицы изображались в профиль, например, на ранневизантийских золотых лунничных височных кольцах (Даркевич, 1975. С. 204, 205; Yeroulanou, 2010. P. 358, fig. 33) или сельджукской серебряной амулетнице из Нихавандского клада XI в.⁶ Фронтальные изображения павлинов в геральдической позе с распущенным хвостом в виде колеса встречаются реже и преимущественно в материалах IX–XII вв., например, на знаменитом золотом с эмалью височном кольце из Преславского сокровища начала X в. (Bollók, 2010. P. 338, 339, fig. 9) или на гребне из слоновой кости из Саркела XI в. (Банк, 1978. С. 84, рис. 67).

Принято считать, что самые ранние изображения павлинов в древнерусском искусстве помещены на миниатюрах Изборника Святослава 1073 г. (Чернышева, Дубовицкий, 2016. С. 161, 162). Однако на территории Древней Руси есть и более ранние примеры: павлины присутствуют на бляшках конского оголовья из Супрутского клада первой половины X в. (Мурашева, 2008. С. 15, рис. 13) и на подвесках к женским ожерельям из богатых погребений Ц-198 и Ц-208 Центральной группы Гнёздовского некрополя (рис. 3, 1), оба погребения совершены в последней четверти X в. Три аналогичных гнёздовским подвески обнаружены в курганах Бирки: Bj 1062, 793, 54 (Ениосова, 1999. С. 182, 183). Шесть подвесок-дериватов этого типа найдено в курганах смоленских кривичей XI–XII вв., раскопанных А. А. Спицыным и Эйбоженко в Дорогобужском уезде Смоленской губернии в 1890 г. (ОАК за 1892 г., 1894. С. 56–58, рис. 34). Относительно поздний экземпляр происходит с поселения Упокра в провинции Сконе на Юге Швеции (Hårdh, 2010. P. 302–308, fig. 34). На украшениях, относящемся к финалу эпохи викингов и началу христианизации в этом регионе,

изображен павлин, держащий в клюве виноградную гроздь (рис. 3, 2).

Появление сюжета с павлином в прикладном искусстве эпохи викингов исследователи рассматривают в свете связей Скандинавии с мусульманским Востоком. Основные мотивы орнамента — изображение птицы в профиль и полупальметта, вписанные в круг, — являются половиной композиции «дерево жизни и сопоставленные птицы», широко распространенной в сасанидской и исламской традиции. И. Янссон, обнаруживая параллели этим изображениям в искусстве кочевников Восточной Европы, отмечает, что в степном мире подобный мотив никогда не встречается на подвесках (Jansson, 1988. S. 581, 582).

Источником заимствования сюжета с павлинами у дерева жизни могло быть и византийское прикладное искусство. Непонимание смысла сюжета «павлины у дерева жизни» и утрата важнейших элементов композиции свидетельствуют о попытках скандинавских ювелиров приспособить восточный или византийский мотив для декора престижных женских украшений.

Украшения с изображением павлина из Новгорода

Рубежом XI–XII вв. датируется прорезная накладка с изображением павлина из материалов Неревского раскопа (рис. 3, 3). Фигура птицы вписана в «перевернутую» арку, у нее есть хвост в опущенном и раскрытом положении, длинный крючковатый клюв, перья на голове и крупные ноги, держащиеся за полукруг. Тело покрыто чешуйчатым орнаментом, символизирующим оперение (Седова, 1981. С. 163, рис. 65). В целом изделие, отлитое из легкоплавкого сплава, выполнено менее качественно, чем булавки с павлином, и отличается от них схематичностью и небрежной проработкой деталей.

В слое XIV в. обнаружено два медальона барм из легкоплавкого металла с еще более стилизованным изображением птицы, сохраняющей черты знакомого нам по более ранним образцам павлина — крупные когтистые лапы, раздвоенный хвост и перья на голове (рис. 3, 4). На одном из медальонов угадываются рудименты «дерева жизни, помещенного в районе хвоста птицы» (Там же. С. 44, 45, рис. 15, 1, 3).

В целом украшения с изображением павлина в Новгороде представлены единичными предметами нескольких категорий — накладками, медальонами барм и булавками. Помимо двух экземпляров, речь о которых шла выше, к этой группе следует

⁶ URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1939-0313-1 (дата обращения: 23.01.2024).

Рис. 3. Изделия с изображением павлина: 1 — подвеска к ожерелью, последняя четверть X в., Гнёздово, камерное погребение Ц-208 в Центральной курганной группе, раскопки Д. А. Авдусина в 1977 г.; 2 — подвеска, Упокра, Южная Швеция, поздняя эпоха викингов — раннее Средневековье (Hårdh, 2010. P. 305, fig. 34); 3 — накладка, рубеж XI–XII вв., Неревский раскоп (21-24-330) (Седова, 1981. С. 163, рис. 65); 4 — медальон барм, XIV в., Неревский раскоп (6-5-578) (Там же. С. 45, рис. 15, 3); 5 — булавка, конец XII в., Неревский раскоп, усадьба «И» (16-20-1514) (Там же. С. 80, рис. 28, 3); 6 — булавка, первая половина XIII в., Троицкий IX раскоп, усадьба «М» (3-861). 1 — латунь, позолота; 2, 4–6 — легкоплавкий сплав

Fig. 3. Artifacts representing peacocks: 1 — necklace pendant, last quarter of the 10th cen., Gnezdovo, chamber burial 208 in the Central kurgan group, excavations by D. A. Avdusin, 1977; 2 — pendant, Uppåkra, Southern Sweden, late Viking Age — early Middle Ages (Hårdh, 2010. P. 305, fig. 34); 3 — decorative plaque, around 1100, Nerevsky site (21-24-330) (Седова, 1981. С. 163, рис. 65); 4 — medallion from a shoulder mantle, 14th cen., Nerevsky site (6-5-578) (Там же. С. 45, рис. 15, 3); 5 — pin, late 12th cen., Nerevsky site, Property И (16-20-1514) (Там же. С. 80, рис. 28, 3); 6 — pin, first half of the 13th cen., Troitsky site IX, Property М (3-861). 1 — gilt brass; 2, 4-6 — lead-tin alloy

отнести морфологически и стилистически схожие находки с Неревского (усадьба «И») и Троицкого раскопов (усадьба «М»). Это булавки из легкоплавкого металла с горизонтально расположенным стержнем и головкой в виде птицы (рис. 3, 5, 6). Несмотря на общие конструктивные элементы и одинаковые приемы декора (рифление, крючковатый клюв, оконтуренный миндалевидный глаз, хохолок из перьев на голове), эти изображения менее реалистично передают характерные признаки

павлинов: они утратили роскошные хвосты — вместо них спиральные завитки, а ноги замещены прозрачными геометрическими фигурами из рифленых отрезков. В отличие от «реалистичных» павлинов стилизованные птицы имеют петли для подвешивания в нижней части и продетые в них звенья цепочек; у троицкого экземпляра полностью сохранился загнутый на конце стержень.

Несмотря на очевидное сходство, для отливки этих украшений использовали разные изложницы,

как и для двух булавок с «реалистичным» изображением павлина. Наиболее подходящим материалом для изготовления двухстворчатых литейных форм был мягкий мелкозернистый известняк, широко использовавшийся в новгородском ювелирном производстве (Рындина, 1963. С. 214–218). Таким образом, все четыре новгородские булавки с головкой в виде павлина являются индивидуальными изделиями. С большой степенью вероятности мы можем предположить, что две отдельные формы для «реалистичных» изображений резал один очень умелый мастер, а стилизованные птицы, заметно отличающиеся друг от друга, произведены разными ювелирами. Возможно, более поздняя булавка с Троицкого раскопа (первая половина XIII в.) является модифицированной версией новгородского украшения конца XII в.

В настоящее время в слоях второй половины X — начала XIV в. известно более 150 экземпляров булавок разных типов. Эти довольно многочисленные находки в городском культурном слое являются весьма интересным источником для реконструкции новгородского женского убора.

В Новгороде представлены булавки двух групп: 1) прибалтийские — одежные (с крестовидными и треугольными навершиями) и головные (с двуспиральными головками); 2) булавки с головками сложных форм и экземпляры с трехлопастными, стилизованными и зооморфными головками. Булавки второй группы появляются в Новгороде не ранее XII в., а время их наибольшего распространения — XIII в. Скорее всего, они являются продукцией местных ювелиров, поскольку за пределами Новгорода практически не встречаются. Среди них особую группу составляют экземпляры с зооморфными головками с горизонтальным расположением стержня (Покровская, 1998а. С. 8).

Одежные прибалтийские булавки были парными и скреплялись цепочками через петли, находившиеся на обороте украшений, что придавало им дополнительную устойчивость. Новгородские булавки с зооморфными окончаниями и сложными головками не имели таких конструктивных элементов и, видимо, не были парными. Можно предположить, что загнутый стержень у новгородских булавок с тяжелой головкой являлся в какой-то степени заменой петли и позволял закреплять украшение на одежде (Покровская, 1998б).

Исследователи отмечают, что в северо-западных районах Новгородской земли древнерусское население использовало финно-угорские элементы, но применяло их к собственному покрою

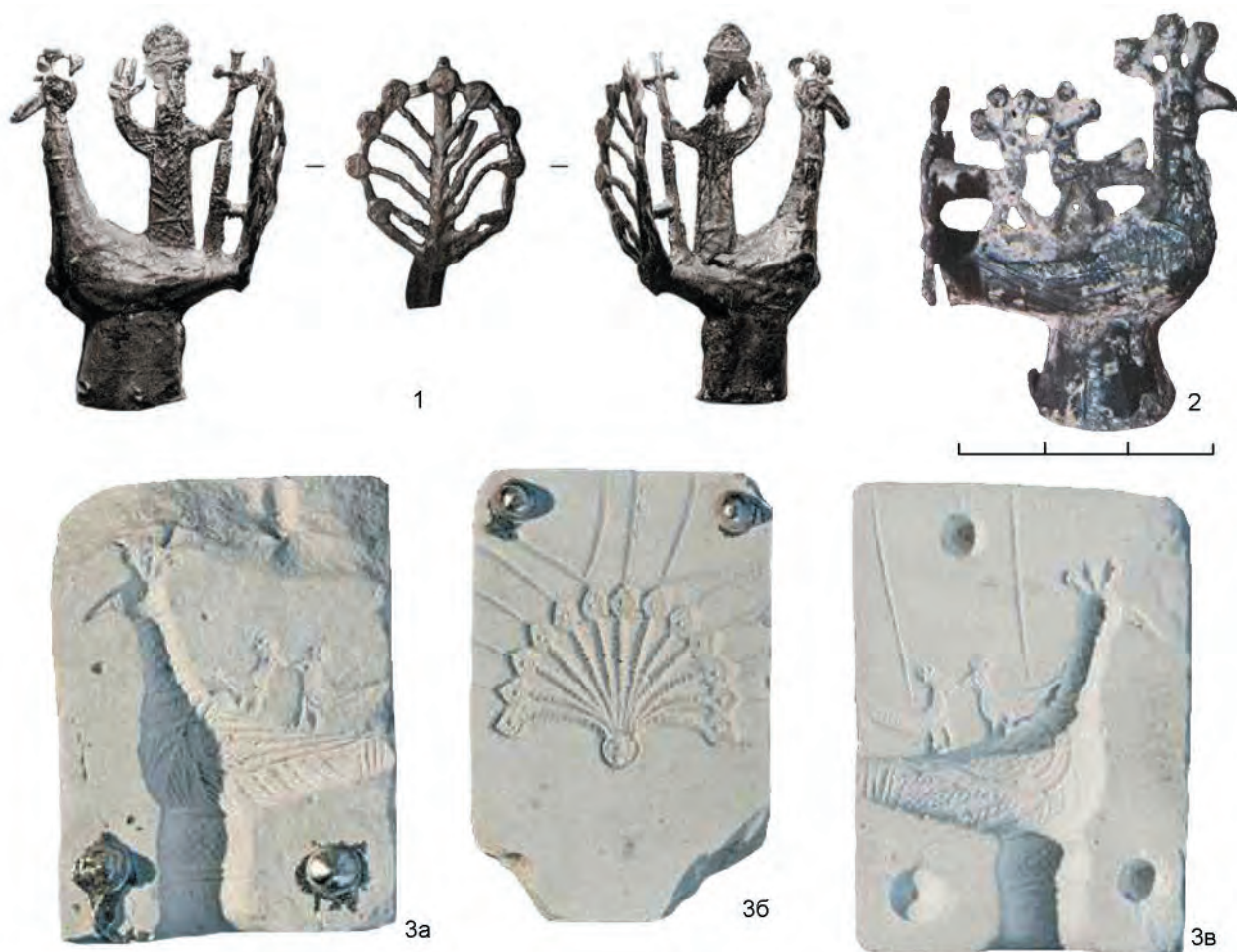
одежды и в качестве декоративного элемента. Видимо, в Новгороде, так же как и на других древнерусских памятниках северо-запада Новгородской земли, в системе нагрудных украшений нарушается принцип симметричности, свойственный финно-угорскому и балтскому костюму (Рябинин, Хвоцинская, 1990).

На двух новгородских булавках с головками в виде павлинов в нижней части украшений есть петли для подвешивания с частично сохранившимися цепочками. Возможно, эти булавки были парными и соединялись между собой, что является необычной чертой для новгородских находок этой категории.

Достоверно неизвестно, были ли у новгородских женщин головной убор, скрепляемый булавками. Не исключено, что булавки с павлинами могли использовать и для этих целей. Возможно также, что они служили декоративным нагрудным украшением или скрепляли легкую рубашку.

Булавки с вертикальным стержнем, оканчивающиеся фигурками павлинов, обнаружены вместе с остатками головного убора — платка — в районе черепа в женском погребении X — начала XI в. в Восточном Причерноморье во время раскопок христианского храма у с. Веселого под Адлером. Из этого же региона происходят головки булавок с мотивом павлина, найденные во время раскопок базилики, датированной XIII в. (Армарчук, Жилина, 2022. Рис. 1, 2б, АI, АII, 12). Византийские корни традиции использования булавок с зооморфным окончанием, в том числе с фигурками птиц, для крепления головного убора находят подтверждение в материалах некрополей VI–VII вв. Италии и Греции (Baldini, Gil, 2011. Fig. 3; 7; 8). Серебряные парные булавки с вертикально расположенным стержнем и фигурками птичек, соединенные цепочками, происходят из раскопок К. К. Косцюшко-Валюженича в Херсонесе. В каталоге «Наследие византийского Херсона» их атрибутируют как древнерусские и датируют XI–XIII вв. по аналогии с новгородскими находками, опубликованными М. В. Седовой, хотя они не имеют ничего общего, кроме факта использования фигурки птицы в качестве головки булавки (Наследие византийского Херсона, 2011. С. 486, № 125).

Появление райской птицы в орнаменте украшений жительниц Новгорода отражает символическое восприятие мира средневековыми новгородцами и сложный процесс «отбора и трансформации элементов византийской культуры в новую систему» (Живов, 2002. С. 105). Однако отсутствие

Рис. 4. Сувениры паломника с изображением павлина: 1 — с фигуркой Кентерберийского епископа на спине, Лондон, около 1300 г. (*Berger et al.*, 2020. S. 65, Abb. 11); 2 — с двумя птенцами на спине, XIII–XV вв., находка из цистерцианского монастыря в Зеехаузене в Германии (*Ibid.* S. 157, Abb. 42c); 3a–3b — трехстворчатая литейная форма для отливки объемной фигурки павлина, раскопки мастерской оловянщика первой половины XIII в. в Магдебурге в 2005 г. (*Ibid.* S. 157, Abb. 43c). 1, 2 — легкоплавкий металл; 3a–3b — известняк. 1, 3a–3b — без масштаба

Fig. 4. Pilgrim's souvenirs representing peacocks: 1 — with figurine of the Bishop of Canterbury on the back, London, around 1300 (*Berger et al.*, 2020. P. 65, Abb. 11); 2 — with two chickens on the back, 13th–15th cen., from a Cistercian monastery in Seehausen, Germany (*Ibid.* P. 157, Abb. 42c); 3a–3b — multi-piece mould for casting three-dimensional peacock figurines, excavated in 2005 from a pewter foundry in Magdeburg, first half of the 13th cen. (*Ibid.* S. 157, Abb. 43c). 1, 2 — lead-tin alloy; 3a–3b — limestone. 1, 3a–3b — not to scale

прямых параллелей новгородским павлинам в византийском прикладном искусстве и очевидная генетическая связь новгородских булавок с украшениями финно-угорского и балтского круга не вписываются в «южную» версию происхождения обсуждаемых находок.

Нельзя не заметить стилистического сходства новгородских булавок с павлинами с группой хронологически сопоставимых находок из Западной Европы (рис. 4). На Британских островах и в Германии известны объемные полые миниатюрные фигурки райских птиц с ножкой-втулкой

для насаживания на цилиндрический стержень. Павлины на них изображены в профиль, а распущенный хвост расположен в плоскости, перпендикулярной туловищу. На спине птиц размещены дополнительные фигурки: Кентерберийский епископ в приветственной позе с крестом и поднятой рукой (рис. 4, 1) на находке из Лондона (около 1300 г.) и два птенец-павлина (рис. 4, 2) на фигурке из цистерцианского монастыря в Зеехаузене в Германии (XIII–XV вв.). Стилистически и морфологически схожее изображение петуха происходит из раскопок Амстердама и датируется XIII в.

Как полагают, миниатюрные птицы с втульчатой ножкой являются паломническими сувенирами. Трехстворчатая литейная форма для отливки аналогичной объемной фигурки павлина обнаружена среди 500 изложниц из известняка при раскопках мастерской оловянщика в центральной части Магдебурга в 2005 г. (рис. 4, 3а–3в). Археологический контекст и данные дендрохронологии позволяют датировать время функционирования мастерской первой половиной XIII в. (Berger, 2020. S. 65, Abb. 11; 75, Abb. 25b; 157, Abb. 42c, 43c).

Химический состав металла и возможный источник получения сырья

Новгородские булавки и паломнические сувениры из Западной Европы объединяет также технология производства (литье в разъемные каменные формы) и материал (легкоплавкий металл или сплав). Химический состав металла булавки с головкой павлина был определен методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-МС) на кафедре геохимии геологического факультета МГУ⁷. Этот метод из-за высокой чувствительности не относится к неразрушающим, но отбор пробы не оставил видимых глазом повреждений — масса отобранного образца составляла 2–3 мг. Для сравнения этим же методом были исследованы еще четыре находки с Троицкого раскопа — три украшения и фальшивый литой дирхам. Основной аналитической задачей являлся охват широкого перечня элементов, присутствующих в металле образца. Результаты измерений приведены в таблице. Величина суммарной абсолютной погрешности измерения содержаний элементов обусловлена преимущественно погрешностью в определении олова и в среднем составляет $\pm 0,78\%$.

Четыре исследованных образца, включая головку булавки с павлином, отлиты из практически «чистого» олова с небольшой добавкой свинца (до 5 %). Содержание меди составляет десятые и даже тысячные доли процента, являясь, вероятно, рудной примесью к свинцу, то есть ее не добавляли искусственно для придания твердости сплаву во всех случаях, кроме поддельного дирхама (табл.)⁸. Содержание обнаруженных

примесей составляет сотые и тысячные доли процента.

По данным Р. Тайлекотта, в древности и Средневековье чистое олово получали выплавкой из касситеритовых руд месторождений Корнуолла и Девона на Британских островах. Чистота выплавляемого олова зависела прежде всего от качества исходной руды, а также от ее сортировки при загрузке в печь, подготовки угля, мастерства плавильщика, умеющего избегать потерь олова при плавке и правильно выпускать шлаки. Загрязненное олово переплавляли много раз, добываясь его очищения (Hoover H., Hoover L., 1950. P. 188–190).

Минерал, добываемый на юге Англии, содержал микропримеси кобальта, свинца, меди, никеля, вольфрама, ртути; сотые доли золота, серебра и титана (Tylecote, 1986. P. 43–46). Примеси, обнаруженные в новгородских образцах, и их незначительная концентрация соответствуют характеристикам корнуольского касситерита и выплавляемого из него металла. С большой долей вероятности можно предположить, что для отливки булавки с головкой в виде павлина использовано чистое олово, поступившее в Новгород с Британских островов.

С XII в. олово в огромных масштабах экспортировали в европейские страны из Корнуолла и Девона. Объем добычи составлял на начальном этапе 200 т и возрастал каждое столетие до середины XV в. (Ibid. P. 45). В XIII в. эту торговлю контролировал Ганзейский союз. В XIII–XIV вв. в Богемии разрабатываются жильные и рассыпные месторождения Рудных гор, относящиеся к оловянно-вольфрамовой формации: Горни-Славков — Красно и Циновец (Поуба, Илавский, 1988. С. 202–204). На соседних территориях Германии олово добывалось в поверхностных месторождениях, принадлежащих к этой же минерализации, — Эренфридерсдорф с 1248 г., Альтенберг с 1440 г. и Циннвальд с 1500 г. (Бауман и др., 1988. С. 468). Появление олова из месторождений Рудных гор обрушивает цены на британское олово уже в середине XIII в. Саксония и Богемия становятся основным поставщиками олова на европейские рынки в XIV в.: этот металл был дешевле

⁷ Измерения проводили на масс-спектрометре с индуктивно-связанной плазмой, адаптированном для работы с системой лазерного пробоотбора SUPES 7000 (Focused Photonics Inc), приобретенном по Программе развития МГУ.

⁸ Результаты исследования фальшивого дирхама будут интерпретированы в другой статье, но следует

заметить, что добавление меди в высокой концентрации имело технологический смысл и отводило подозрения людей, получивших эту монету. Материал для чеканки настоящих серебряных монет был значительно тверже чистого олова, медь добавлялась фальшивомонетчиками в легкоплавкий сплав для придания металлу твердости.

Таблица. Химический состав образцов находок по данным масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой, массовая доля, %
 Table. Chemical composition of samples according to inductively coupled mass-spectrometry, Values given in wt. %

Элемент	Номер образца (находка)				
	12_10 (павлин)	13_27 (перстень)	19_119 (привеска)	21_40(дирхам)	22_347 (подвеска)
Sn	97,007	94,836	93,713	89,462	99,853
Pb	2,890	5,004	5,643	0,551	0,083
Cu	0,121	0,046	0,340	8,191	0,008
Zn	0,001	0,001	0,017	1,456	0,003
Sb	0,050	0,005	0,007	0,030	0,007
Te	0,012	0,012	0,010	0,011	0,012
Ag	Сл.*	0,002	Сл.	0,016	Сл.
Bi	0,001	0,005	0,005	0,006	0,003
As	Н.о.	Н.о.	0,005	Сл.	Сл.
Ni	0,013	0,012	0,012	0,012	0,015
Co	0,002	0,002	0,002	0,002	0,002
Ti	0,008	0,018	0,020	0,012	0,022
Fe	Н.о.	Н.о.	Н.о.	0,029	Н.о.
Cr	Сл.	Сл.	Н.о.	Н.о.	Н.о.
Zr	0,001	Сл.	0,001	Сл.	Сл.
Hf	Сл.	Сл.	Сл.	Н.о.	Сл.
Ta	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.	Сл.
Nb	Сл.	Сл.	Сл.	Н.о.	Сл.
W	Сл.	Н.о.	Сл.	Сл.	Сл.
Сумма ±Δ	100,106 ± 0,550	99,942 ± 0,761	99,776 ± 0,852	99,778 ± 0,828	100,007 ± 0,904

* Н.о. — не обнаружено (<0,0001 %, для Fe <0,01 %), Сл. — 0,0001–0,001 %.

корнуольского, но не отличался такой же чистотой (Berger, 2014. P. 78; Homer, 2001. P. 58–62).

По соотношению легирующих компонентов новгородские оловянные изделия, включая булавку с павлином, относятся либо к 100%-ному олову, либо к так называемому хорошему пьютеру — сплаву, содержащему не более 3 % меди и свинца. Чистое олово и «хороший» пьютер поступали в континентальную Европу преимущественно в виде столовой посуды — кувшинов, тарелок, ложек и других изделий, общий вес которых составлял 15–20 т в год в начале XV в. (Berger, 2014. P. 76–77; Homer, 2001. P. 60–69).

При посредничестве торговых партнеров Новгорода, готландцев и ганзейцев, местные ювелиры получали оловянный лом и использовали его для производства литых изделий серебристого цвета — змеевиков, крестиков, булавок, подвесок и перстней. Из оловянной проволоки

выполнены крученые браслеты, а в художественных мастерских усадьбы «А» Троицкого раскопа, относящихся к XII в., обнаружены очень тонкие листы оловянной фольги (Ениосова и др., 2017. С. 201, рис. 8, 2). Оловянные слитки в Новгороде пока не обнаружены. Несмотря на относительно высокую стоимость олова, новгородские ювелиры не всегда разбавляли его более дешевым свинцом в целях экономии. Для имитации престижных серебряных изделий гораздо больше подходило чистое олово — блестящий белый мягкий металл, не тускнеющий под воздействием воздуха и воды. При полировке оловянные изделия приобретают сходство с серебром, о чем пишут в современных ювелирных руководствах (Untracht, 1975. P. 22, 23). Неслучайно в коллекционных описях и публикациях качественные изделия из этого материала иногда ошибочно отнесены к находкам из драгоценного металла.

Выводы

Таким образом, среди новгородских украшений можно выделить небольшую группу изделий с изображением павлина. К ним относятся и четыре булавки с окончаниями в виде райской птицы, имеющие горизонтально расположенный стержень. Такой тип булавок с птичьими или звериными головками получил распространение исключительно в Новгороде и может считаться продукцией местных ювелиров. Две чрезвычайно похожие, но отличающиеся в мелких деталях булавки с изображением павлинов созданы одним мастером, но не отлиты в одной форме.

Реалистичные изображения павлинов на булавке с Троицкого XVI раскопа и случайной

находке из музейных фондов свидетельствуют о знакомстве мастера с видовыми особенностями диковинной заморской птицы, ее символическим значением в христианском контексте и, возможно, с апотропейными свойствами.

Несмотря на то что булавка с павлином изготовлена из относительно дешевого и доступного материала, это изделие нельзя отнести к рядовой продукции массового производства. Редкое для новгородского прикладного искусства изображение райской птицы и использование металла, имитирующего серебро, придавали престиж костюму женщины, проживавшей на богатой усадьбе, расположенной на перекрестке средневековых Пробойной и Редятиной улиц.

- Армарчук, Жилина, 2022* — Армарчук Е. А., Жилина Н. В. Головные уборы в женских погребениях X–XI веков в Восточном Причерноморье (по раскопкам храма у села Веселое) // Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова: Сб. ст. / Отв. ред. И. Ю. Стрикалов; сост. И. Н. Кузина. М.: ИА РАН, 2022. С. 120–139.
- Банк, 1978* — Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XI вв. М.: Наука, 1978. 312 с.
- Бауман и др., 1988* — Бауман Л., Лёльбель Б., Крафт М., Лехельт З., Ренци Й., Шмидт К. Германская демократическая республика // Минеральные месторождения Европы. М.: Мир, 1988. Т. 3. С. 452–487.
- Белова, 2001* — Белова О. В. Славянский bestiary. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 315 с.
- Даркевич, 1975* — Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
- Ениосова, 1999* — Ениосова Н. В. Ювелирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — археология / МГУ. М.: б. и., 1999. 496 с.
- Ениосова и др., 2017* — Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сингх В. К. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // АИППЗ. М.: ИА РАН, 2017 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 62-го заседания). Вып. 32. С. 187–203.
- Живов, 2002* — Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славян. культуры, 2002. 758 с.
- Мурашева, 2008* — Мурашева В. В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. М.: ГИМ, 2008 (Труды ГИМ; Вып. 175). 48 с.
- Наследие византийского Херсона, 2011* — Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техасского ун-та, 2011. 708 с.
- ОАК за 1892 г., 1894* — Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 г. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1894. С. 56–59.
- Покровская, 1998а* — Покровская Л. В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — археология / МГУ. М.: б. и., 1998. 30 с.
- Покровская, 1998б* — Покровская Л. В. Новгородские одежные булавки (X–XIII вв.) // Историческая археология: традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина: Сб. ст. / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 175–181.
- Поуба, Илавский, 1988* — Поуба З., Илавский Я. Чехословакия // Минеральные месторождения Европы. М.: Мир, 1988. Т. 3. С. 178–257.
- Рыбина и др., 2022а* — Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2020 г. (Троицкие раскопы XV и XVI) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2022. Вып. 35. С. 25–36.
- Рыбина и др., 2022б* — Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Археологические исследования в Великом Новгороде в 2020 г. (Троицкие XV и XVI раскопы) // АО 2020 года. М.: ИА РАН, 2022. С. 51–54.
- Рындина, 1963* — Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров // Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (МИА; № 117). Т. 3. С. 200–266.
- Рябинин, Хвоцинская, 1990* — Рябинин Е. А., Хвоцинская Н. В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI–XV вв.: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: ИА РАН, 1990. Ч. II. С. 41–47.

- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Чернышева, Дубовицкий, 2016 — Чернышева М. И., Дубовицкий А. Б. Царские (царственные) и солнечные птицы (павлин, феникс, петух и орел) // *Пространство и Время*. 2016. № 3–4 (25–26). С. 156–174.
- Andelković et al., 2011 — Andelković J., Rogić D., Nikolić E. Peacock as a Sign in the Late Antique and Early Christian Art // *Archeologia i prirodne nauke*. Beograd, 2011. № 6. P. 231–248.
- Baldini, Gil, 2011 — Baldini I., Gil J. P. Spiloni con pendenti da contesti funerari della Romagna: una prima riflessione // *Oggetti-simbolo: produzione, uso e significato nel mondo antico*. Bologna: Ante Quem, 2011. P. 211–228.
- Berger, 2014 — Berger D. Composition and decoration of the so-called zinnfigurenstreifen found in Magdeburg, Saxony-Anhalt, Germany // *Restaurierung und Archäologie*. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2014. Vol. 7. S. 65–81.
- Berger, 2020 — Berger D. Der Magdeburger Gießformenfund Herausragendes Zeugnis handwerklicher Zinngießer in einer mittelalterlichen Metropole // *Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt — Landesmuseum für Vorgeschichte*. Halle, 2020. Bd. 76, I. S. 563.
- Bollók, 2010 — Bollók A. The birds on the braid ornaments from Rakamaz: a view from the Mediterranean // *Byzanz — das Römerreich im Mittelalter*. T. 1. RGZM, Mainz, 2010. P. 331–368.
- Dobat, 2015 — Dobat A. Viking stranger-kings: the foreign as a source of power in Viking Age Scandinavia, or, why there was a peacock in the Gokstad ship burial? // *Early Medieval Europe*. 2015. 23 (2). P. 161–201.
- Fernández et al., 2023 — Fernández M., Nadal M., Ramos J., Mir C., Banks Ph., Nadal J., Riera S., Lloveras L. From sacred symbolism to luxury display and consumption: The peacock in medieval Catalonia — Data from zooarchaeological, iconographic, and literary evidence // *International Journal of Osteoarcheology*. 2023. Is. 33. P. 753–761.
- Green, 2006 — Green N. Ostrich Eggs and Peacock Feathers: Sacred Objects as Cultural Exchange between Christianity and Islam // *Al-Masaq. Islam and the Medieval Mediterranean*. 2006. Vol. 18, is. 1. P. 27–66.
- Homer, 2001 — Homer R. F. Tin, lead, and pewter // *English medieval industries. Craftsmen, techniques, products*. London; New York: Hambledon Press, 2001. P. 57–80.
- Hoover H., Hoover L., 1950 — Hoover H. B., Hoover L. H. Georgius Agricola. De Re Metallica. Translated from the first Latin Edition of 1556. New York, 1950. 638 p.
- Hårdh, 2010 — Hårdh B. Viking Age Uppåkra // *Från romartida skalpeller till senvikingatida urnesspännen. Nya materialstudier från Uppåkra*. Lund: Institutionen för arkeologi och antikens historia, Lunds universitet, 2010 (*Acta Archaeologica Lundensia*; Ser in 8, no. 61). Uppåkrastudier 11. P. 247–314.
- Jansson, 1988 — Jansson I. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Mainz am Rhein, 1988. Bd. 69. S. 564–647.
- Nicolaysen, 1882 — Nicolaysen N. The Viking-ship discovered at Gokstad in Norway. Christiania: Gregg International, 1882. 88 p.
- Tylecote, 1986 — Tylecote R. The prehistory of metallurgy in the British Isles. London, 1986. 257 p.
- Untracht, 1975 — Untracht O. Metal techniques for craftsmen. New York: Doubleday, 1975. 509 p.
- Yeroulanou, 2010 — Yeroulanou A. Common elements in “treasures” of the early Christian period // *Byzanz — das Römerreich im Mittelalter / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke*. T. 1. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2010. P. 337–363.

Pin with peacock-shaped head from excavations in Veliky Novgorod

N. V. Eniosova, T. N. Lubkova, I. Yu. Nikolaeva, L. V. Pokrovskaya, V. K. Singh⁹

Keywords: Veliky Novgorod, Troitsky site, applied art, peacock motif.

The article addresses a rare type of women's ornaments from Novgorod — pins with horizontal shanks and zoomorphic heads shaped as peacocks. The group includes three specimens from the Troitsky and Nerevsky sites, and one found by chance. We discuss the symbolic meaning of the peacock in the Christian context and in folk beliefs, routes whereby this motif had been introduced to the applied art of Novgorod, technology of manufacture, and origin of metal. The fact that peacock pins concentrate in Novgorod and belong to the typically local type of ornaments, and the use of cheap lead-tin alloy metals and alloys imitating silver indicate local manufacture in stone molds in the late 12th — early 13th cen.

⁹ Nayaliya V. Eniosova, Tatiana N. Lubkova, Irina Yu. Nikolaeva, Lubov' V. Pokrovskaya, Victor K. Singh — Moscow State University named after M. V. Lomonosov; Moscow, Russia; e-mail: eniosova@gmail.com; pokrovska-ja@yandex.ru; arxeolog@gmail.com; tanya_lubkova@mail.ru; nikoirina@gmail.com.

Керамические курительные трубки из аула Тереклыкой (поселения Волна 12) на Таманском полуострове¹

О. В. Кладченко²

Аннотация. В ходе исследований поселения Нового времени Волна 12 было найдено 389 курительных трубок балканского, турецкого, крымского, венецианского производства, а также изделия из неустановленных центров. Многообразие обнаруженных форм резко отличает поселение Волна 12 от других современных ему сельских памятников Крыма и Тамани. Полученная информация расширяет данные письменных источников об ассортименте трубок, ввозимых на Таманский полуостров.

Ключевые слова: «турецкая» курительная трубка, Османское время, Таманский полуостров, археология Нового времени.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-147-164

Традиции табакокурения распространились и прижились в Крымском ханстве достаточно быстро, и уже в начале XVII в. в Крым из Османской империи стал ввозиться табак (Зайцев, 2011. С. 14). На Тамани же в начале XVIII в., как сообщает И. В. Зайцев, изучавший данную тему по письменным источникам, табак был еще редкостью (Там же. С. 16). Однако уже к середине XVIII в. по свидетельству французского консула в Крыму Шарля де Пейсонеля (С. De Peyssonnel) он ввозился в Черкесию (в перечне главных городов которой Пейсонель отмечает Тамань) в значительных количествах (Адыги..., 1974. С. 190).

Подтверждение тому — 389 курительных трубок и их фрагментов, найденных в процессе раскопок аула Тереклыкой (поселения Волна 12), располагавшегося на юго-западном берегу Таманского полуострова. Поселение существовало непродолжительное время с начала XVIII (конца XVII?) по конец XVIII в. (Кладченко, 2020. С. 240).

«Турецкие» трубки достаточно давно привлекли внимание исследователей, и их изучению

посвящена обширная литература. Было создано множество классификаций, причем каждый автор на доступном ему материале стремился составить собственную. Из-за огромного разнообразия находок и выбора авторами разных критериев при выделении типов эти схемы не всегда сопоставимы между собой. В описании трубок также нет общеупотребимых стандартов. Большинство авторов изобретали свои термины даже для обозначения составных частей, из-за чего могут возникать разночтения. Так, Дж. Хейс делит трубку на bowl (чашечку), rim (венчик), bottom (дно), stem (ствол), bulge (валик), flange (выступ) (Hayes, 1980. P. 5, 7, 8). Р. Робинсон выделяет keel (киль), shank (ствол), wreath (венчик), termination (конец) (Robinson, 1985. P. 14). И. В. Волков первым среди российских исследователей обратился к детализации морфологии трубок и использовал такие названия составных частей, как чашечка, основание, база, венчик, край чашечки, киль, втулка, валик (Волков, 1999. С. 232–235). Французский исследователь Ф. Госсе использовал термины corps de pipe (корпус трубки), base (база), cheminée (венчик), quille (киль), couronne de la douille (кольцо втулки) (Gosse, 2007. P. 177). В. Тодоров, описывая трубки из Силистры, также приводит свою морфологическую схему, в которой присутствуют чашка (чашечка), коронка (венчик), основа (нижняя часть чашечки), тръбичка (трубка), накрайник (кончик), огнище

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Южного НЦ РАН на 2022 г. (00-22-15, № государственной регистрации АААА-А20-120122990111-9, направление ПФНИ 2021–2030 гг.: 6.1.3. «Археология»).

² Южный научный центр РАН; г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: kladchenko.olga@mail.ru.

© Кладченко О. В., 2024

(очаг), димен канал (дымоход) (Тодоров, 2010. С. 815). Ф. Госсе и В. Тодоров стали использовать деление трубки по геометрическим формам, что уже упростило описание. И. Р. Гусач предлагает следующую схему деления: чашечка, которая в свою очередь поделена на верхнюю и нижнюю части, и втулка с валиком, оставив также устоявшийся повсеместно в литературе термин «киль» — треугольный выступ, соединяющий чашечку и втулку. Верхняя и нижняя части трубки при этом описываются как геометрические формы (Гусач, 2016. С. 36). Стремясь к унификации, польский исследователь Я. Пузюк в 2021 г. выпустил «Польско-английский словарь археологической терминологии современных курительных трубок», не обойдясь без собственной схемы описания, в которой есть komora napichova / firing chamber (топочная камера), obrzeze / edge (обруч, край), cylinder / head bowl (головка чашечки), brzusiec / belly (живот), przewód dymni / stem hole (дымоход), szyjka / neck (шейка), tulejka / mortise (втулка), walek / ring (валик) (Puziuk, 2021. P. 135).

Схема описания, предложенная И. Р. Гусач, представляется на данный момент наиболее понятной и простой в использовании. С ее помощью и без включения таких понятий, как край, база и т. д., можно описать любой экземпляр, не отягощая текст обилием терминологии, которая в любом случае будет соответствовать только одной из имеющихся схем. Однако в случае, когда возможно восстановление истинного исторического названия «фасона» трубок, правильно будет употреблять и его (Волков, Новикова, 1996. С. 136).

Курительные трубки и их фрагменты, найденные при раскопках аула Тереклыкой (поселение Волна 12) чрезвычайно разнообразны. По цвету глины готового изделия выделяются бело-, серо-, коричнево- и бежевоглиняные трубки, которые, в свою очередь, могут иметь лощеную поверхность, покрытие ангобом и различный декор, выполненный с помощью концевых штампов и зубчатых колес.

I. Белоглиняные трубки представлены двумя фрагментами втулок. Одна (рис. 1, 2) изготовлена из глины очень хорошего качества, с лощеной поверхностью, орнаментом, выполненным очень тонко и аккуратно. Вторая (рис. 1, 1), из более рыхлой керамической массы, украшена простейшими оттисками колесика. Белоглиняные трубки традиционно считаются ранними и датируются концом XVII — началом XVIII в.

II. Сероглиняные курительные трубки тоже не слишком многочисленны.

IIa. Сероглиняные трубки без покрытия поверхности.

Шесть фрагментов принадлежат трубкам так называемого балканского типа (рис. 1, 3–7, 9). Такие трубки изготавливались из светлой глины, приобретающей при обжиге цвет от серого и белого до розоватого. Чашечка их — полусферическая снизу и цилиндрическая в верхней части, переход между верхней и нижней частями не выражен. Аналогичные трубки нечасто встречаются в Приазовье и Крыму (Гусач, 2016. С. 44, кат. 296; Краснова, 1994. С. 268, рис. 7), но являются обычной находкой на Балканском полуострове, а также описаны Ф. Госсе среди находок из порта Помег (Станчева, 1972. P. 88, fig. 11, tab. 1, 3; Илчева, 1975. С. 200; Gosse, 2007. P. 261, cat. 364; Costea et al., 2007. P. 351, pl. 3, 3, 4; Bicić, 2012. P. 5, fig. 4, 22). Мнения об их датировке разнятся. В. Тодоров считает, что они могли быть самыми ранними в Европе (Тодоров, 2010. С. 814). А. Гашпар датирует подобные трубки концом XVII в. (Gaspar, 2016. P. 276, fig. 12, 27). М. Станчева по двум фрагментам фаянсовой посуды предлагает датировать трубки XVIII в. (Станчева, 1972. С. 88, обр. 11).

Нижняя часть чашечки сероглиняной трубки шаровидной формы с килем, украшенная каннелюрами, направленными от кия к ободку, отделяющему нижнюю часть чашечки от верхней (рис. 1, 8), относится к варианту балканского типа (Gosse, 2007. P. 265, cat. 307, 314).

Два фрагмента, возможно, принадлежащие одной и той же трубке, изготовлены из рыхлого теста сероватого цвета и украшены оттисками штампа-розетки (рис. 1, 11, 12).

Трубка из светло-серой глины с шаровидной нижней частью чашечки покрыта сетчатым орнаментом (рис. 1, 10).

Серолощенные трубки представлены двумя экземплярами. Один из них имеет уплощенно-шаровидную нижнюю часть чашечки, верхняя утрачена, втулка украшена валиком, киль выражен (рис. 1, 17). На нижней части находки — клеймо с арабографической надписью (рис. 2, 21). Датируются такие трубки XVIII–XIX вв. (Radu-Iorguş et al., 2013. P. 246). Изделия этого типа были найдены в Афинах, Коринфе, Бабадаге, Азове (Robinson, 1985. Pl. 47, C3; Radu-Iorguş et al., 2013. Fig. 1, 10; Гусач, 2016. Кат. 17, 39, 40, 42, 44, 46, 48 и др.). От второй трубки сохранился только фрагмент чашечки с выраженным килем (рис. 1, 16).

IIb. Сероглиняные трубки с «вишневым» ангобом. Самая многочисленная группа сероглиняных трубок — это изделия, изготовленные из светло-

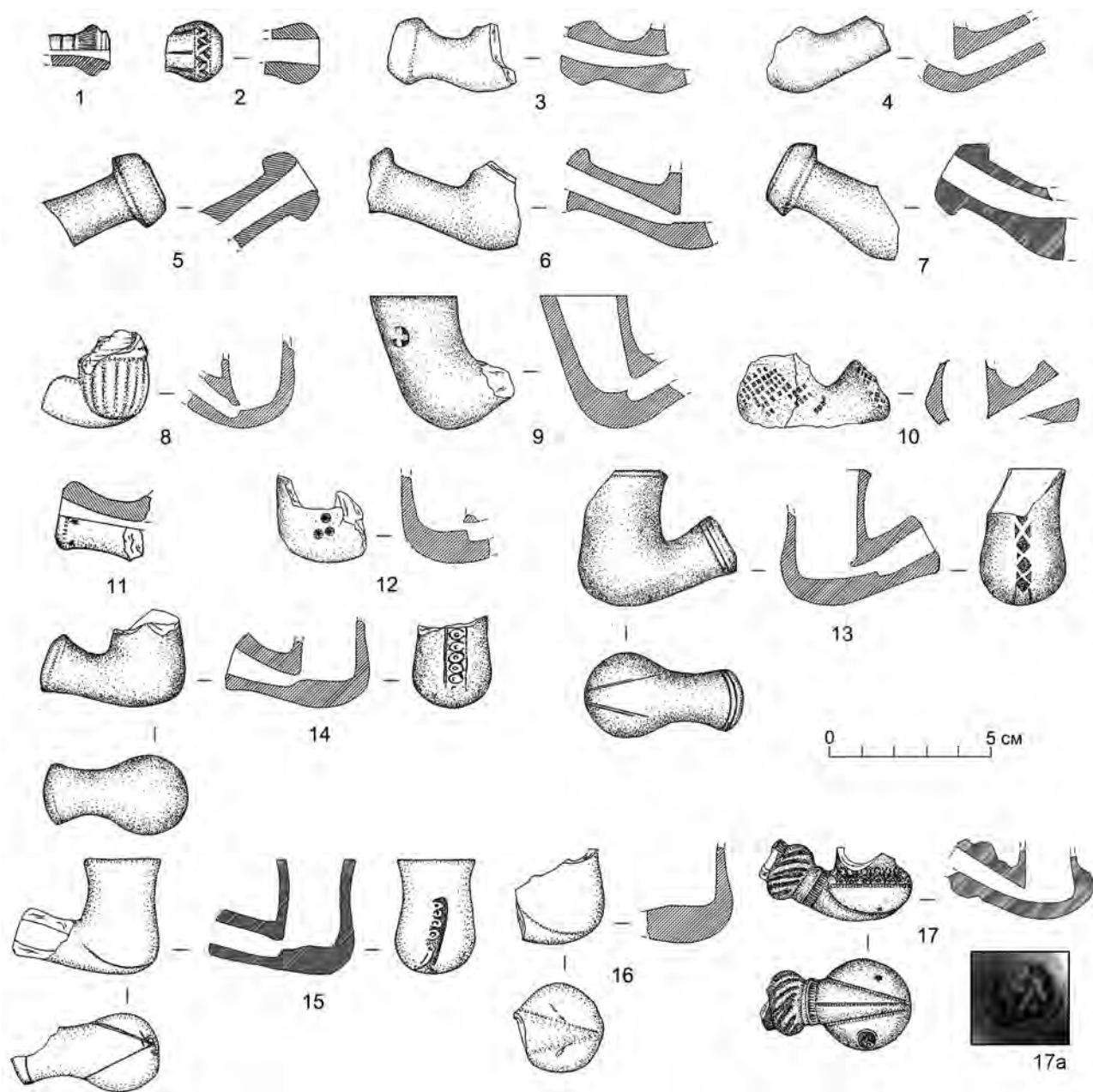

Рис. 1. Керамические курительные трубки: 1, 2 — белоглиняные (XVII — начало XVIII в.); 3–9 — «балканского» типа (конец XVII — начало XVIII в.); 10–12 — сероглиняные; 13–15 — сероглиняные с покрытием «вишневым» ангобом (XVIII в.); 16, 17 — серолощенные (XVIII–XIX вв.); 17a — клеймо

Fig. 1. Clay tobakko pipes: 1, 2 — white clay (17th — early 18th cen.); 3–9 — “Balkan type” (late 17th — early 18th cen.); 10–12 — gray clay; 13–15 — gray clay purple-slipped (18th cen.); 16, 17 — gray burnished (16th–19th cen.); 17a — stamp

серой глины и покрытые ангобом так называемого вишневого цвета. Насыщенность и оттенки покрытия могут различаться, уходя то в фиолетовый, то в красно-коричневый тон, однако в большинстве случаев в сочетании с цветом черепка на изломе несложно определить достаточно характерную окраску. Глина этих трубок содержит

включения измельченных оливковых косточек, известняка, изредка кварца (Shapiro, 2021. P. 81).

А. Шапиро высказывает предположение, что они могли производиться в Акко или ближайших окрестностях (Ibid. P. 81). По ее свидетельству на трубках этой группы часто встречается клеймо, которое автор интерпретирует

Рис. 2. 1 — арабграфическая надпись на втулке и нижней части чашечки трубки; 2–30 — клейма на трубках
 Fig. 2. 1 — inscription in Arab script on the socket and lower part of the cup; 2–30 — stamps on pipes

как стилизованную подкову и клеймо в виде цветка (*Ibid.* P. 81, 82). Только на одном из наших экземпляров есть клеймо в виде цветка (рис. 3, 8). Сероглиняные трубки, покрытые ангобом вишневого цвета, по мнению А. Шапиро, появляются в начале XVIII в. и бытуют на протяжении 150 лет (*Ibid.* P. 79). Ф. Госссе также считает, что они датируются XVIII в. (*Gosse*, 2007. P. 273).

Из нашей коллекции 28 трубок имеют полушаровидную нижнюю часть чашечки, плавно переходящую в слабо расширяющуюся верхнюю (рис. 1, 13–15; 4, 3, 5, 7, 9, 11). Втулка (там, где она сохранилась) не снабжена валиком. Киль не выражен, но бывает намечен врезными линиями. Трубки украшены вертикальным или горизонтальным пояском геометрического орнамента. Аналогичные изделия широко распространены. Их находят в Турции, Франции, Северном Причерноморье и Приазовье (*Gosse*, 2007. P. 263, 270, cat. 053, B272, LA055; *Гусач*, 2016. С. 46, кат. 150, 219, 302, 403, 410; *Uçar*, 2019. P. 131, fig. 4, l). Из этой группы семь экземпляров практически такие же, но со слабо выраженным килем (рис. 4, 1, 4, 8, 10).

16 экземпляров имеют уплощенно-шаровидную нижнюю часть чашечки, плавно переходящую в усеченно-коническую верхнюю, с треугольным килем, обычно выделенным парами врезных линий (рис. 3, 2, 3, 6–8; 4, 2, 6). Все они украшены горизонтальным орнаментальным пояском, выполненным оттиском различных штампов:

розетки, ромбы, круги. Край втулки снабжен заостренным валиком, расположенным с небольшим отступом от края. Утраченная верхняя часть чашечки у всех этих экземпляров, вероятно, была усеченно-конической. Эта разновидность также часто встречается (*Ayhan*, 2009. P. 11, fig. 9, 3; *Гусач*, 2016. С. 46, кат. 64, 117, 118, 120, 127, 241, 301, 304, 401; *Кладченко*, 2018. С. 42; *Uçar*, 2019. P. 131, fig. 4, k).

Одна из трубок имеет такую же уплощенно-шаровидную нижнюю часть чашечки, валик на втулке и полностью сохранившуюся усеченно-коническую верхнюю часть чашечки, которая, в свою очередь, опоясана рельефной линией посередине. На киле — клеймо в виде цветка (рис. 3, 8). Аналогичный экземпляр из Измира опубликовала Г. Айхан (*Ayhan*, 2009. P. 11, fig. 9, 5); аналогичные находки из Акко — А. Шапиро в 2021 г. (*Shapiro*, 2021. P. 80, fig. 1, 5, 6), которая предлагает датировать такие трубки концом XVII — началом XVIII в. (*Ibid.* P. 79).

Трубки следующих форм были представлены единичными экземплярами:

— с уплощенно-шаровидной нижней частью чашечки, каннелюрами украшена только нижняя половина шаровидной части чашечки, средняя часть украшена горизонтальным пояском орнамента (рис. 3, 5);

— с уплощенно-шаровидной нижней частью чашечки, покрытой вертикальными каннелюрами, плавно переходящей в короткую верхнюю

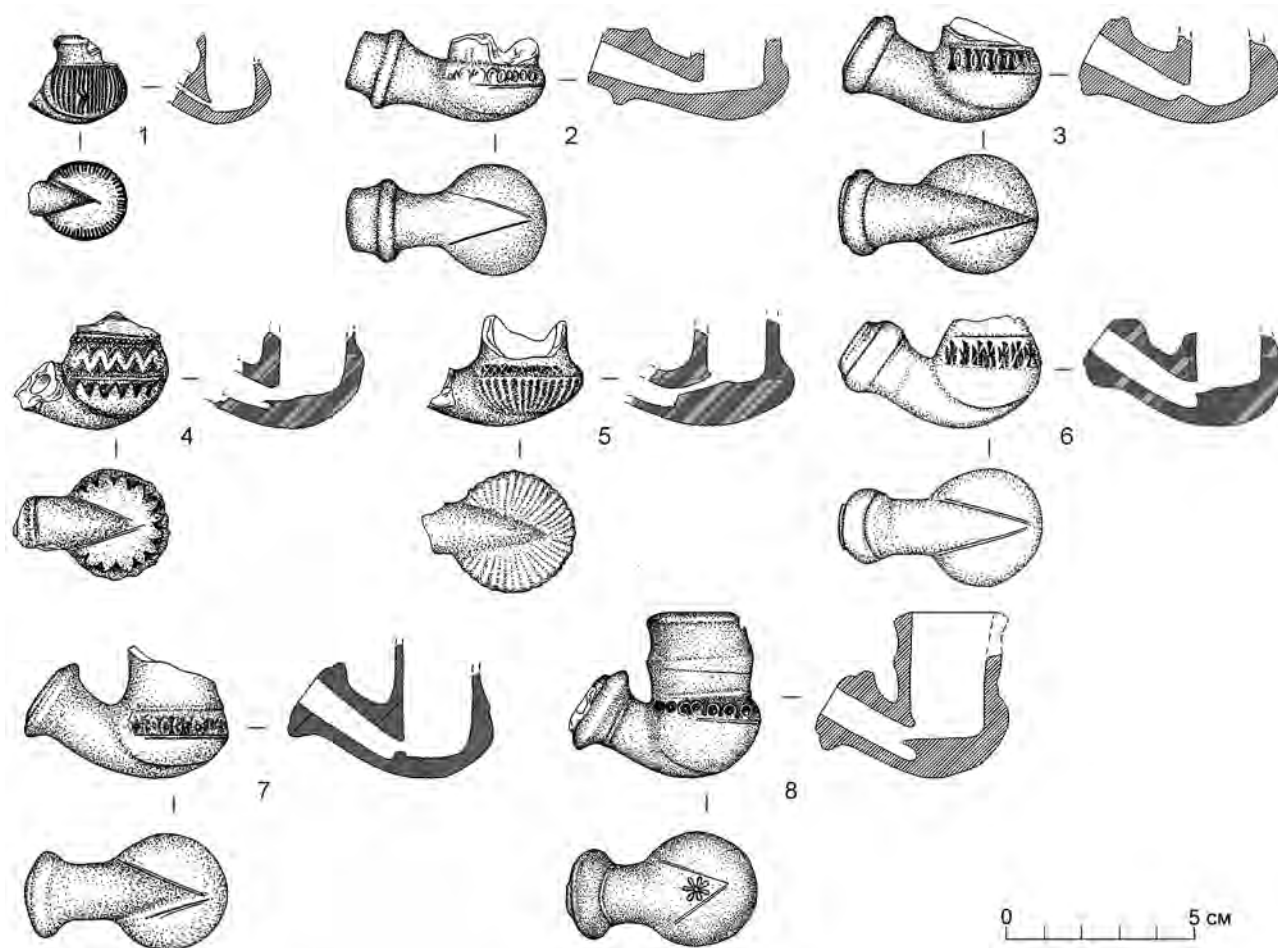

Рис. 3. Керамические курительные трубки: 1–8 — сероглиняные с покрытием «вишневым» ангобом (XVIII в.)
 Fig. 3. Tobacco pipes: 1–8 — gray clay purple-slipped (18th cen.)

часть чашечки усеченно-конической формы. Сама чашечка по сравнению с другими образцами из серой глины с покрытием вишневым ангобом отличается миниатюрными размерами (рис. 3, 1);

— с шаровидной нижней частью чашечки с треугольным килем, вся нижняя часть украшена геометрическим орнаментом (рис. 3, 4). Трубка с похожим декором найдена при раскопках в Яффо на территории современного Израиля (*de Vincenz*, 2020. P. 332, fig. 17, 8).

35 фрагментов разных сероглиняных трубок с «вишневым» ангобом имеют слишком плохую степень сохранности, чтобы можно было описать их морфологические особенности.

III. Коричневоглиняные (или красноглиняные) трубки наиболее распространены по всей территории Османской империи как географически, так и хронологически. Появившись в конце XVII в., они бытовали до начала XX в.

IIIa. Коричневоглиняные трубки без покрытия поверхности.

Трубка с биконической нижней частью чашечки и цилиндрической верхней, длинной втулкой и уплощенным валиком найдена на поселении в единственном экземпляре (рис. 5, 11). Она украшена арабграфической надписью по втулке и верхней части чашечки (рис. 2, 1). Вероятно, мы имеем дело с подражанием ранним сероглиняным образцам, широко распространенным по всей территории Османской империи (*Hayes*, 1980. P. 6, fig. 1.1; *Humphrey*, 1990. P. 3, fig. 1; *Gusac*, 2016. Кат. 119, 178; и др.). Сероглиняные экземпляры датируются XVII или концом XVII — началом XVIII в. Выполненная в подражание им трубка, по-видимому, произведена позже, в XVIII в.

Следующая группа коричневоглиняных трубок имеет шаровидную нижнюю часть чашечки и цилиндрическую верхнюю.

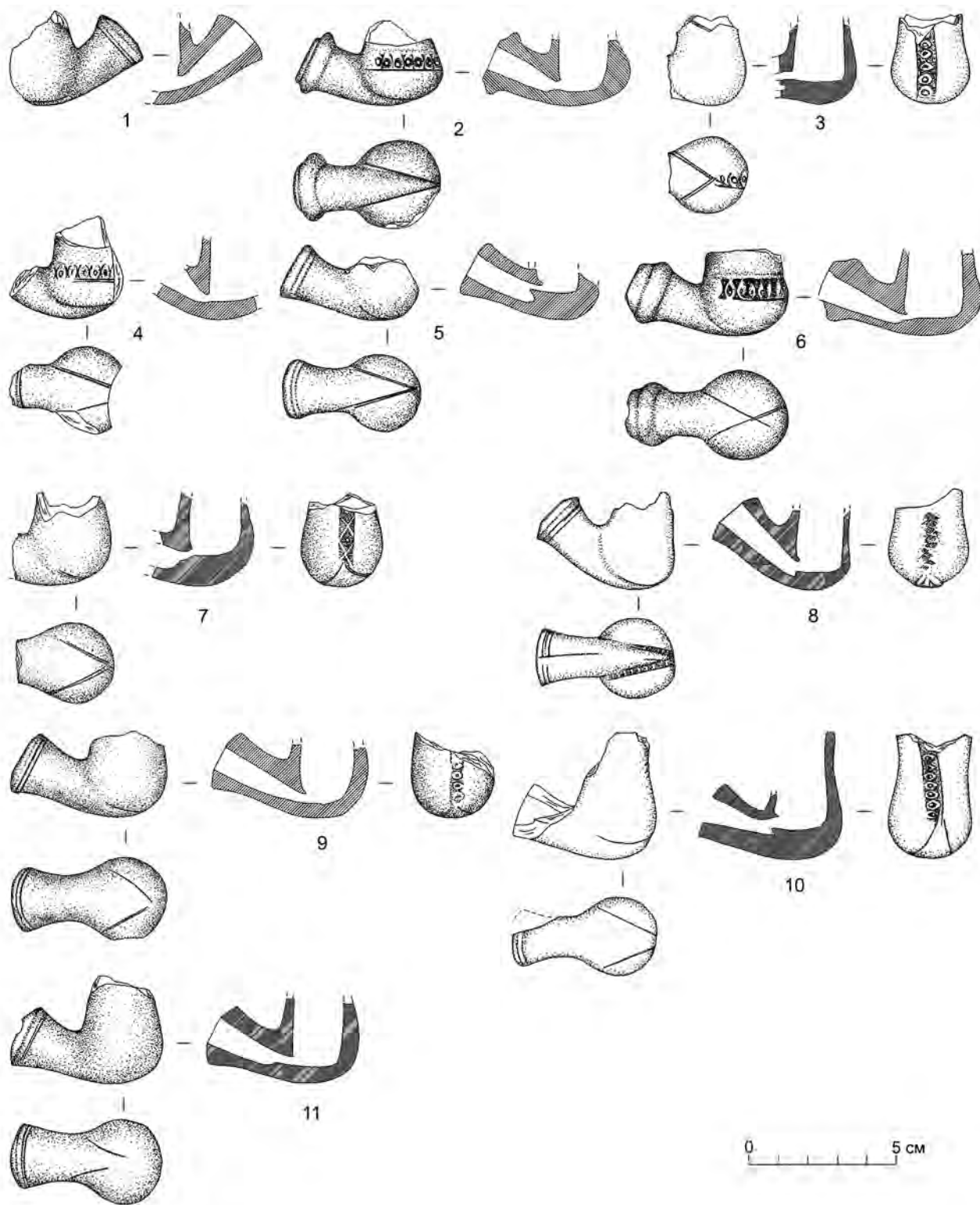

Рис. 4. Керамические курительные трубки сероглиняные с покрытием «вишневым» ангобом (XVIII в.)

Fig. 4. Tobacco pipes: gray clay purple-slipped (18th cen.)

Восемь из них — с выраженным килем, нижняя часть чашечки покрыта вертикальными каннелюрами (рис. 5, 1–3). Некоторые украшены орнаментом в месте соединения верхней и нижней частей чашечки. Ф. Госсе относит их к греческому стилю (Gosse, 2007. P. 189–191). Такие трубки широко распространены. Они найдены при раскопках Коринфа и Афинской агоры, карантинного порта Помег во Франции, в Приазовье (Robinson, 1985. Pl. 51, C38–40; Gosse, 2007. P. 238, cat. 004, 095, 402; Гусач, 2016. Кат. 5, 6, 13, 142, 149, 163, 196, 209, 210, 221 и др.).

Пять трубок с более крупной шаровидной чашечкой и треугольным килем украшены более редкими и менее глубокими каннелюрами, оканчивающимися отпечатками штампа в виде цветочной розетки (рис. 5, 4–7). Они относятся к «турецкому» стилю, по Ф. Госсе (Gosse, 2007. P. 210, cat. 174, 239, 242). Аналогичные трубки были встречены при раскопках крепости Анапа (Kladchenko, 2021. P. 82, 85, cat. 8, 20).

Семь трубок — с гладкой шаровидной нижней частью чашечки и выраженным треугольным килем (рис. 5, 8–10, 12, 13). Все, кроме одной, украшены горизонтальным пояском орнамента в верхней половине нижней части чашечки. Две из них имеют арабографические клейма (рис. 2, 27, 30; 5, 12, 13).

Следующая группа изделий наиболее многочисленна — 53 экземпляра. Это гладкие лощеные трубки трех разновидностей. Нижняя и верхняя части их чашечки цилиндрические, слегка расширенные к низу. Первая разновидность — с треугольным килем (рис. 6, 1, 4–6, 11–14). Вторая — без кия, который намечен отрисками зубчатого колеса (рис. 6, 2, 3, 7–10; 7, 1–6). Третья — с каннелированной нижней частью чашечки, киль может быть треугольным, а может отсутствовать и быть намечен отрисками зубчатого колеса (рис. 7, 8–10). На значительном количестве трубок этой группы есть клейма в виде круглого знака (рис. 2, 17; 6, 6, 12, 13), птицы и цветка, чаще вместе, но иногда и отдельно (рис. 2, 2–16; 6, 1–5, 7–10; 7, 1–5), арабской надписи (рис. 7, 10; 2, 28). На одной трубке процарапано граффити (рис. 7, 6).

Клеймами с нейтральными изображениями помечались трубки во время гонений на табакокурение, такая традиция сохранялась продолжительное время. Анна де Винченц считает клеймарисунки (розетки, листья, птицы) более ранними, чем именные (de Vincenz, 2021. P. 107). Розетки или штампы с листьями, по ее наблюдениям, еще используются в XIX в., но становятся более

сложными и обычно располагаются у основания втулки (Там же. P. 108).

М. Станчева считает, что эти трубки — варненского производства (Станчева, 1972. С. 98). Ф. Госсе выделяет их в группу трубок «en forme de sac», то есть «мешкообразных» (Gosse, 2007. P. 191), относит к XVIII в. и предполагает, что они производились в Египте или Сирии (Ibid. P. 258). И. В. Волков относит этот тип трубок к «герменджикскому фасону», упоминаемому в письменных источниках, и отмечает, что на таких изделиях встречается клеймо в виде птицы (Волков, Новиков, 1996. С. 138). Аналогичные находки были обнаружены в Варне, Коринфе, Афинах, Измире, Белграде, порту Помег (Франция), Анапе (Robinson, 1985. Pl. 49, C23; Станчева, 1972. С. 89, fig. 13; Gosse, 2007. P. 199, 256, fig. 121, 122, 125, 431; Ayhan, 2009. P. 8, fig. 4; 2015. P. 9, fig. 7; Kladchenko, 2021. P. 77, fig. 2, 7, 8, cat. 31–34, 44, 45, 48–50; Bicić, 2012. P. 5, fig. 4, 30).

Две трубки — с уплощенно-шаровидной нижней частью чашечки и треугольным килем украшены пояском геометрического орнамента (рис. 7, 11, 12).

Две находки имеют цилиндрическую нижнюю часть чашечки со скругленной нижней частью и треугольный киль (рис. 7, 13). Трубка, идентичная изображенной на рис. 7, 13, найдена при исследовании карантинного порта Помег (Gosse, 2007. P. 209, fig. 205).

Еще две трубки имеют шаровидную нижнюю часть чашечки и треугольный киль. Сохранившаяся нижняя часть чашечки полностью покрыта орнаментом в виде ромбической сетки (рис. 7, 14, 15). Они датируются концом XVII — XVIII в. (Humphrey, 1990. P. 4).

Три трубки — с шаровидной нижней частью чашечки и короткой цилиндрической верхней частью (рис. 8, 1–3) датируются предположительно началом XVIII в. (Gosse, 2007. P. 243). Аналогии им найдены в ходе работ в порту Помег, а также в Турции (Gosse, 2007. P. 240, 241, cat. 100, 276, 409; Bakla, 2007. P. 134).

Три трубки с уплощенно-шаровидной нижней частью чашечки и прямоугольным уплощенным килем (рис. 8, 4, 5). Нижняя часть чашечки украшена пояском орнамента. Аналогичные трубки найдены в Азове (Гусач, 2016. Кат. 329, 331, 332).

Группа изделий с дисковидной нижней частью чашечки и цилиндрической или конической верхней частью обычно относится к фасонам нарцисс и полунарцисс по типологиям, построенным на сходстве их внешнего вида с цветочными бутонами (Станчева, 1972. С. 91; Волков, Новикова, 1996.

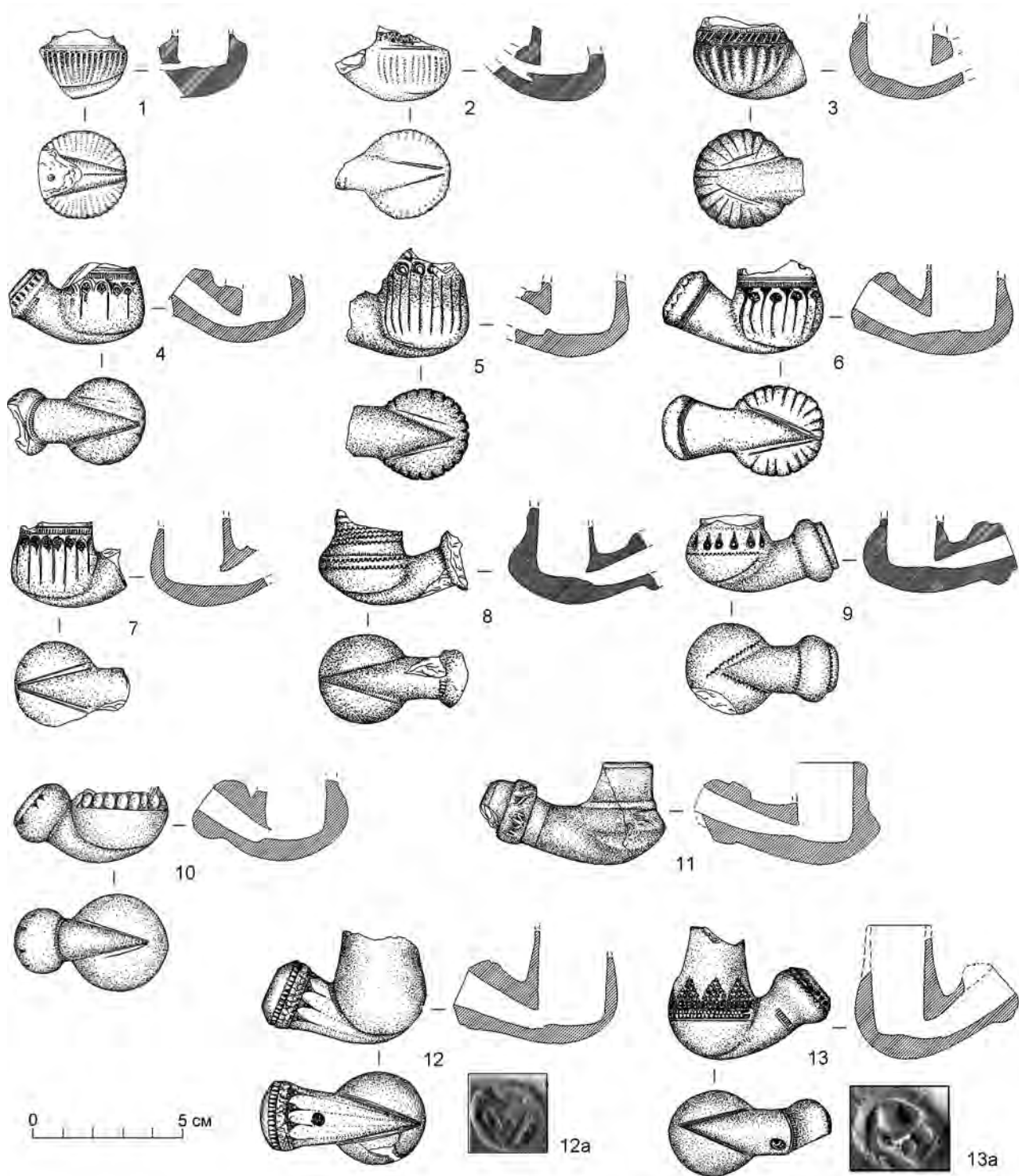

Рис. 5. Коричневоглиняные керамические курительные трубки (XVIII в.)

Fig. 5. Tobacco pipes: brown clay (18th cen.)

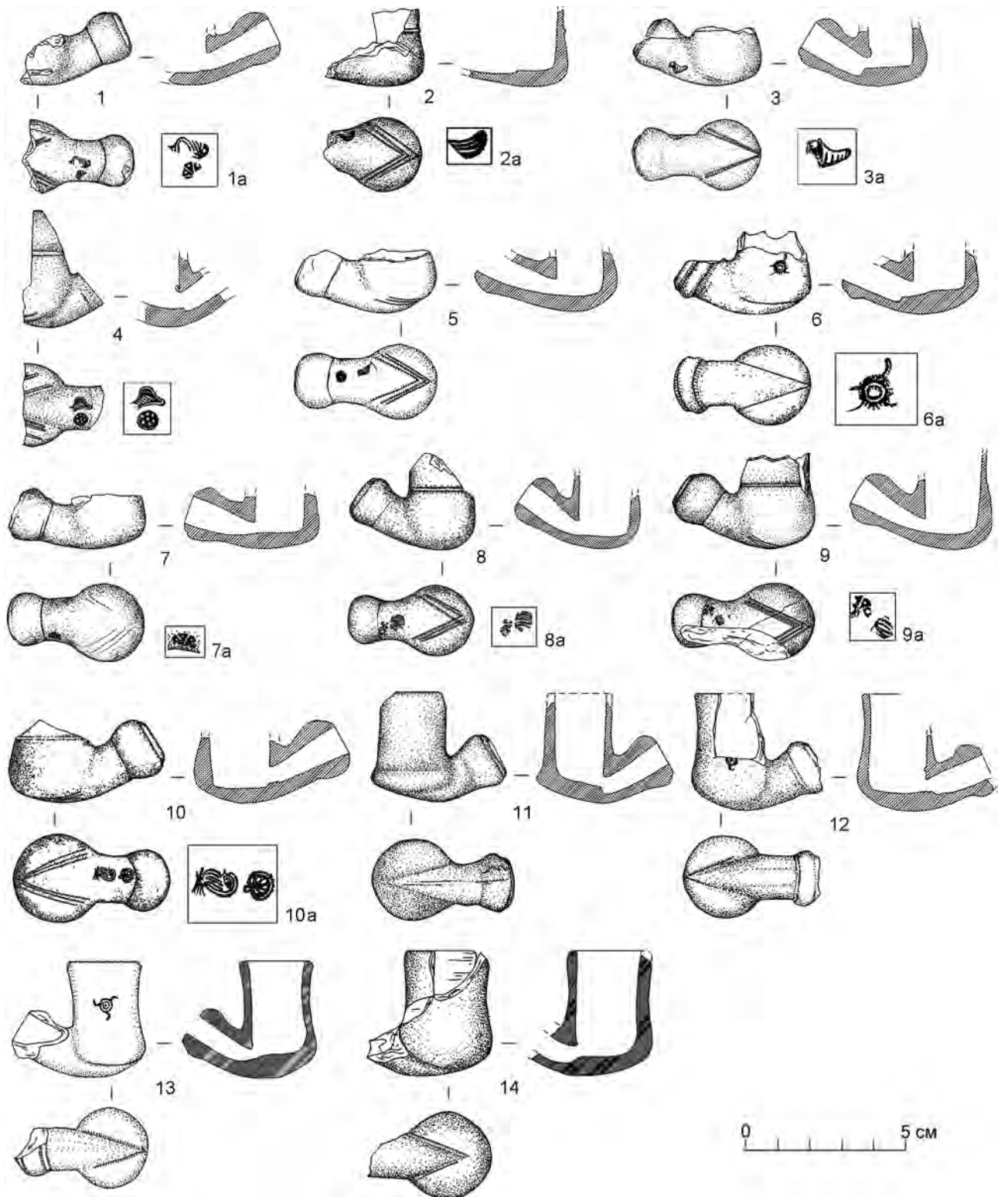

Рис. 6. Коричневоглиняные керамические курительные трубки (XVIII в.) (позиции с литерой «а» — клейма)
 Fig. 6. Tobacco pipes: brown clay (18th cen.) (a — stamps)

С. 135), или трубкам с дисковидной базой (Hayes, 1980. P. 7; Robinson, 1983. P. 267, 270, 271; Robinson, 1985. P. 154, 188). Дж. Хамфри датирует трубки этой группы XVIII в. (Humphrey, 1990. P. 4, 5).

Три из них имеют нижнюю часть чашечки, украшенную узкими каннелюрами; у двух — киль треугольный (рис. 8, 6), у одной — прямоугольный, уплощенный (рис. 8, 7).

Шесть трубок украшены пояском геометрического орнамента в нижней части чашечки, верхняя часть чашечки цилиндрическая, гладкая, киль у них треугольный (рис. 8, 8, 9) или прямоугольный.

Пять экземпляров оформлены «лепестками» в нижней части чашечки (рис. 8, 10–13).

IIIб. Часть коричневоглиняных трубок имеет покрытие красным ангобом (рис. 8, 14; 9, 1–8).

Пять изделий имеют шаровидную нижнюю часть чашечки, украшенную вертикальными неглубокими каннелюрами, в некоторых случаях чередующимися с цветочными розетками (рис. 8, 14). Одна из них снабжена клеймом с арабографической надписью (рис. 9, 4; 2, 25).

Две трубки — также с шаровидной нижней частью чашечки и вертикальной верхней (рис. 9, 3, 7). Нижняя часть чашечки украшена глубокими каннелюрами. Киль треугольный. Одна из них имеет на втулке клеймо в овальном поле с арабографической надписью (рис. 9, 7; 2, 26). Аналогичные трубки были найдены при раскопках на территории крепости Анапа (Kladchenko, 2021. P. 80, cat. 1, 2, 6, 10).

Изделия с шаровидной нижней частью и короткой цилиндрической верхней (рис. 9, 2, 5, 6, 8), у всех треугольный киль. Часть имеет гладкую чашечку (рис. 9, 6), у других — нижняя часть чашечки покрыта косыми оттисками зубчатого колеса (рис. 9, 2, 8). Две из них снабжены круглыми клеймами с арабографической надписью (рис. 9, 5, 6; 2, 23, 24).

Найдена одна коричневоглиняная трубка с уплощенно-шаровидной нижней частью чашечки, орнаментированной косыми оттисками зубчатого колеса, и прямоугольным килем, покрытая красным ангобом (рис. 9, 1).

Более ста фрагментов, принадлежащих разным коричневоглиняным трубкам, имеют слишком плохую степень сохранности, чтобы можно было описать их морфологические особенности. На трех фрагментах втулок сохранились клейма с арабографическими надписями (рис. 2, 18, 19, 29).

IV. Бежевоглиняные трубки составляют меньшую группу курительных трубок из раскопок аула Тереклыккой.

IVа. Бежевоглиняные трубки без покрытия поверхности.

Один экземпляр с шаровидной нижней частью чашечки, усеченно-конической верхней и треугольным килем. Нижняя часть чашечки покрыта ромбической сеткой (рис. 9, 9).

Пять трубок — с уплощенно-шаровидной нижней частью чашечки, покрытой вертикальными каннелюрами (рис. 9, 10, 12, 13). Аналогичные находки встречаются в Польше (замок Тыкоцин (Tykocin), в Крыму, Приазовье (Bis, 2011. P. 66, fig. 6–5; Кладченко, 2018. Рис. 2, 1, 5, 7, 8; Гусач, 2016. Кат. 367, 368).

Самая многочисленная группа бежевоглиняных трубок (25 экз.) относится к типу, который И. В. Волков определил как «гиреевский фасон» (Волков, 1999. С. 237–240, 251) (рис. 9, 11, 14; 10, 1–7). По его мнению, они были изготовлены в Северном Причерноморье во второй половине XVII — начале XVIII в. Эти трубки широко распространены в Северном Причерноморье, Крыму, Приазовье (Гусач, 2016. С. 55, кат. 190, 213, 244 и др.; Храпунов и др., 2017. С. 334, рис. 15, 5, 6; Кладченко, 2018. Рис. 1, 1–7; Буравлев, 2018. С. 65, рис. 15; Куликов, 2018. С. 172, рис. 19; Мاستыкова, 2019. С. 225). Нижняя часть чашечки этих изделий уплощенно-шаровидная, верхняя — цилиндрическая. Можно выделить два варианта: киль отсутствует, намечен оттисками зубчатого колеса (иногда поверхность полностью гладкая) (рис. 9, 11, 14; 10, 1); киль слегка обозначен, переход нижней чашечки в верхнюю более резкий, втулка украшена валиком, выделенным оттисками зубчатого колеса (рис. 10, 2–6).

Две трубки, изготовленные из похужей глины, имеют биконическую нижнюю часть чашечки и, по-видимому, цилиндрическую верхнюю (рис. 10, 8, 9). Нижняя часть покрыта вертикальными каннелюрами.

Три экземпляра, от которых сохранились только фрагменты чашечек, имеют дисковидную нижнюю часть чашечки, цилиндрическую верхнюю и треугольный киль (рис. 10, 10, 11).

Одна трубка имеет цилиндрическую нижнюю часть чашечки, усеченно-коническую верхнюю и прямоугольный плоский киль (рис. 10, 12). Она изготовлена из глины, аналогичной трубкам «гиреевского фасона».

IVб. Четыре бежевоглиняные трубки покрыты красным ангобом. Три из них — с шаровидной нижней частью чашечки, украшенной вертикальными каннелюрами, цилиндрической верхней и треугольным килем (рис. 10, 13; 11, 2, 3). Одна — с шаровидной нижней частью чашечки,

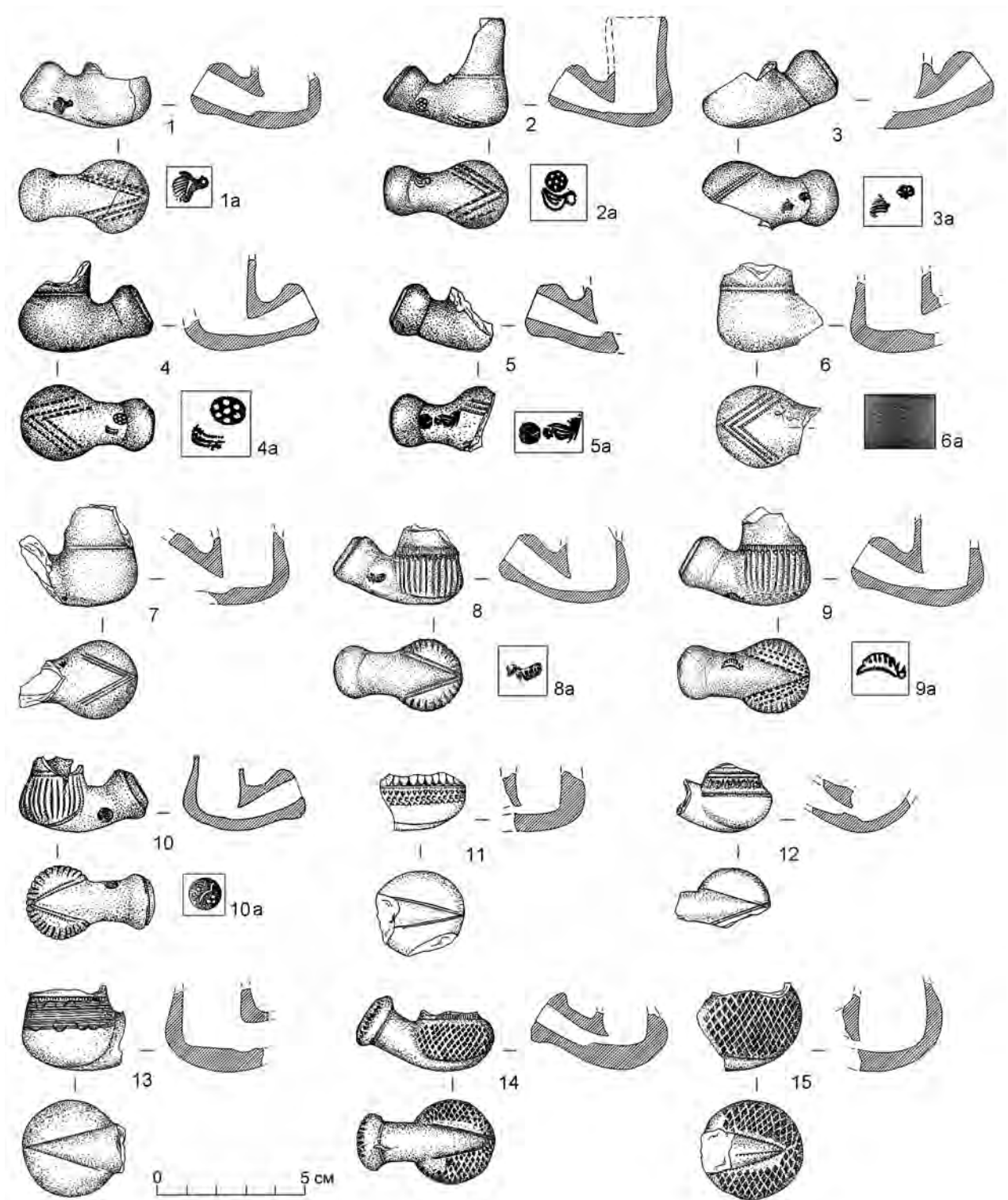

Рис. 7. Коричневоглиняные керамические курительные трубки (XVIII в.) (позиции с литерой «а» — клейма)
 Fig. 7. Tobacco pipes: brown clay (18th cen.) (a — stamp)

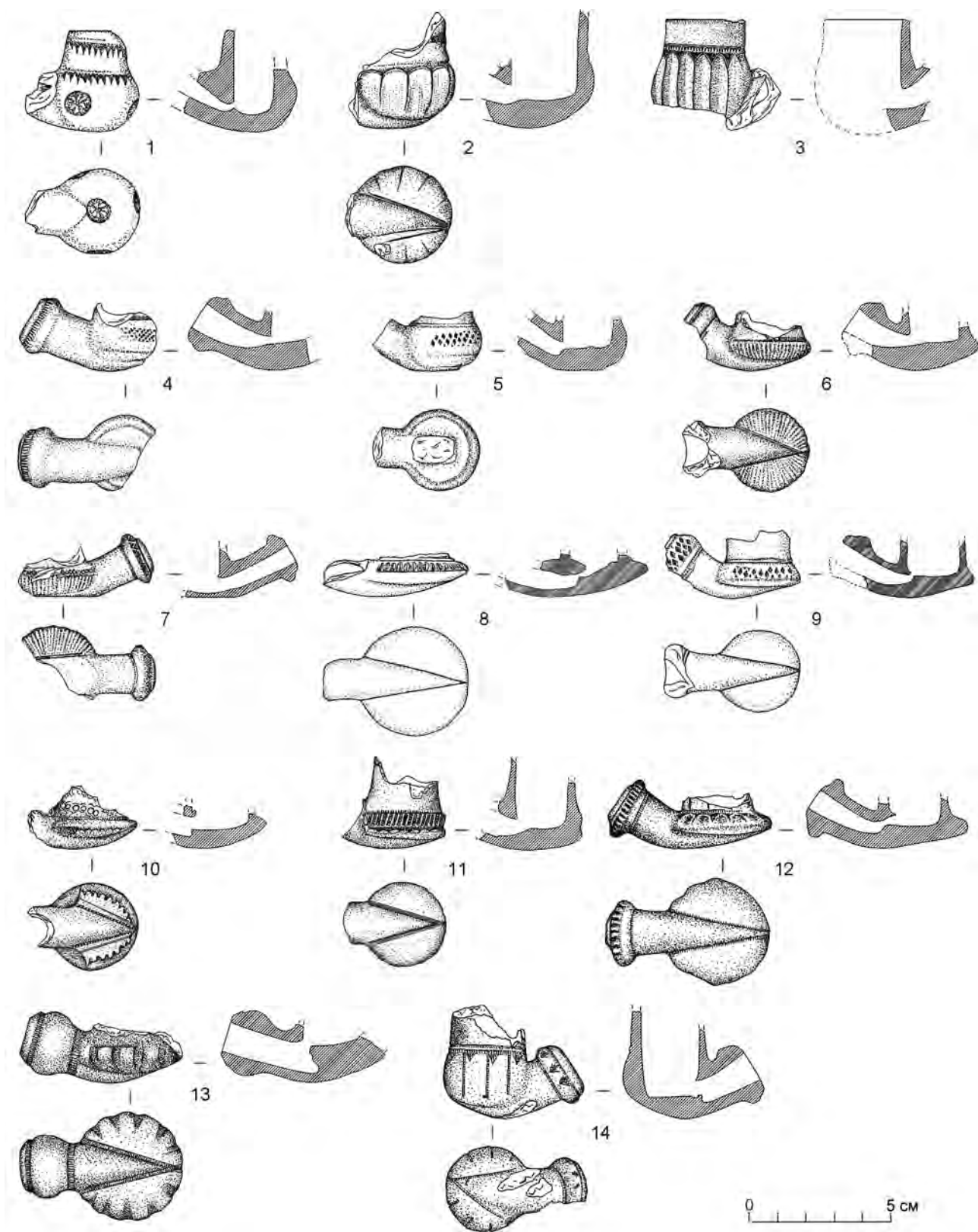

Рис. 8. Керамические курительные трубки: 1-13 — коричневоглиняные (XVIII в.); 14 — коричневоглиняная с покрытием красным ангобом

Fig. 8. Tobacco pipes: 1-13 — brown clay (18th cen.); 14 — brown clay red-slipped

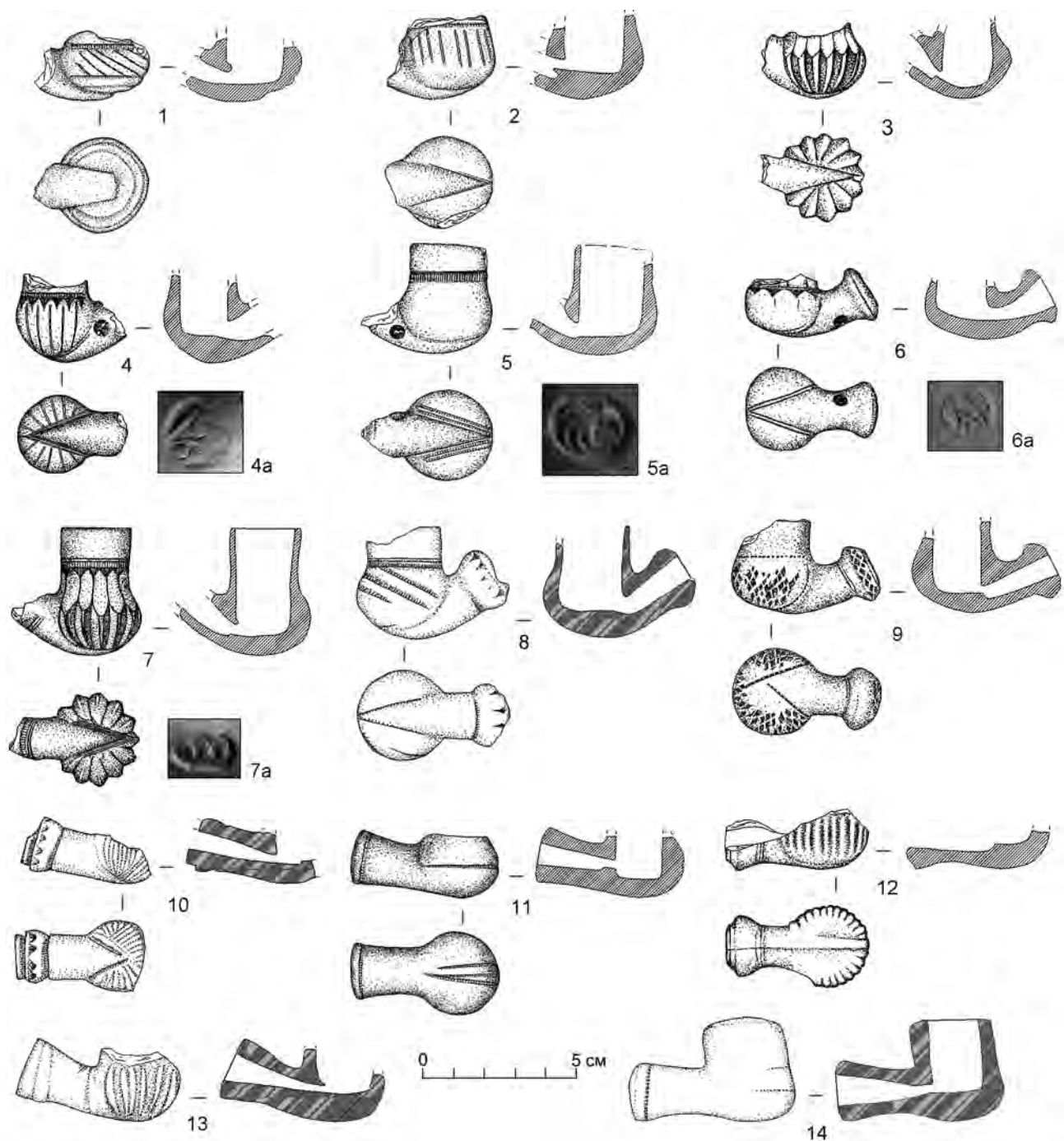

Рис. 9. Керамические курительные трубки: 1–8 — коричневоглиняные с покрытием красным ангобом; 9, 10, 12 — бежевоглиняные; 11, 13, 14 — бежевоглиняные, «гиреевский фасон» (вторая половина XVII — начало XVIII в.) (позиции с литерой «а» — клейма)

Fig. 9. Tobacco pipes: 1–8 — brown clay red-slopped; 9, 10, 12 — beige clay; 11, 13, 14 — beige clay, “Giray shape” (second half of 17th — early 18th cen.) (a — stamps)

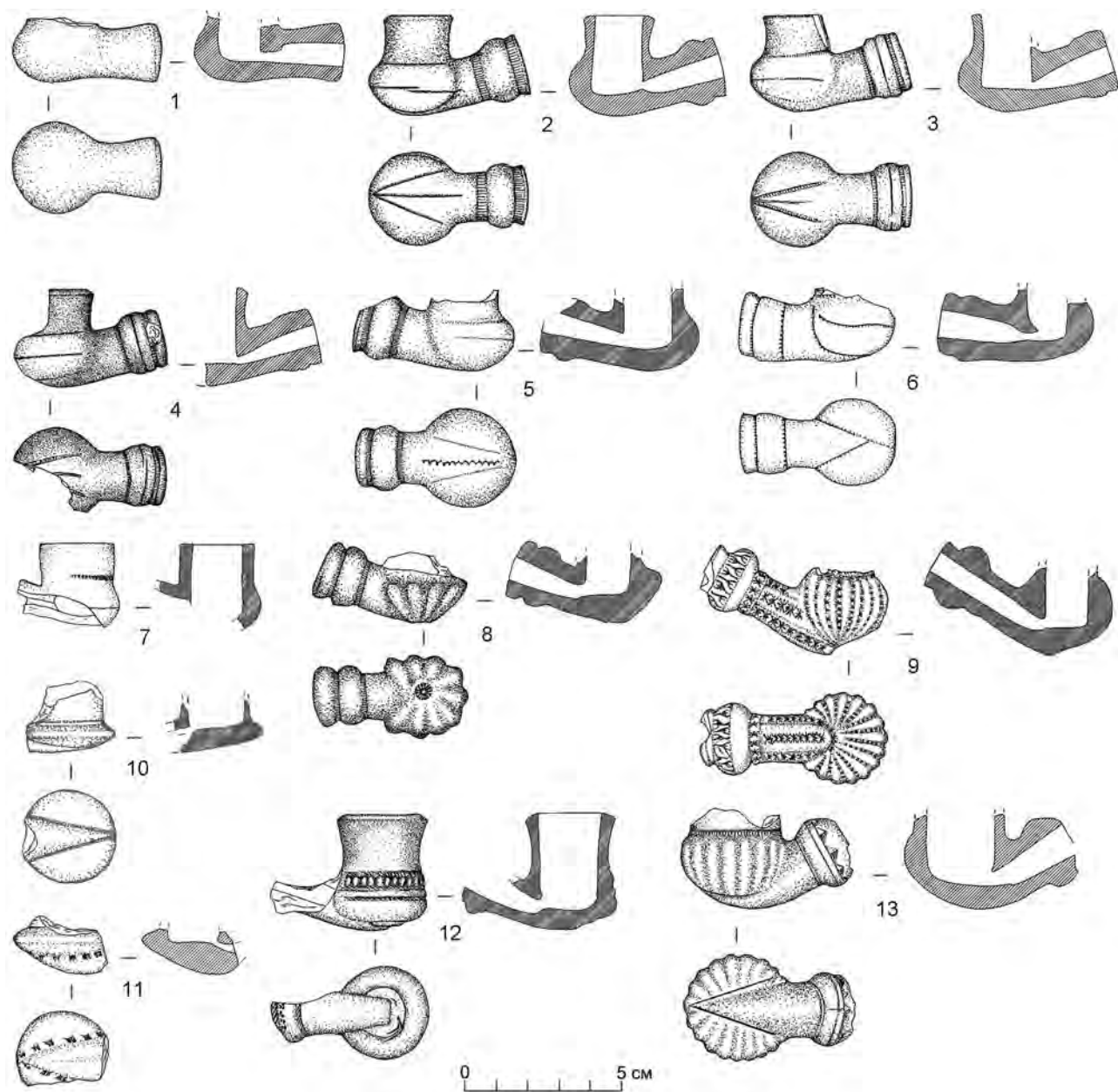

Рис. 10. Керамические курительные трубки: 1-7 — бежевоглиняные, «гиреевский фасон» (вторая половина XVII — начало XVIII в.); 8-12 — бежевоглиняные; 13 — бежевоглиняная с покрытием красным ангобом

Fig. 10. Tobacco pipes: 1-7 — beige clay, “Giray shape” (second half of 17th - early 18th cen.); 8-12 — beige clay; 13 — beige clay red-slipped

прямоугольным плоским килем и гладкой поверхностью (рис. 11, 1).

IVв. Последняя группа трубок из бежевой глины имеет шаровидную или биконическую нижнюю часть чашечки и цилиндрическую верхнюю часть (рис. 11, 4-7). Нижняя часть находок украшена вертикальными каннелюрами. Трубки изготовлены очень небрежно, даже грубо. Возможно, они могли быть произведены на Тамани или в Крыму.

18 фрагментов, принадлежащих разным бежевоглиняным трубкам, имеют слишком плохую степень сохранности, чтобы можно было описать их морфологические особенности, однако восемь из них, безусловно, относятся к так называемому гиреевскому фасону.

V. Два фрагмента разительно отличаются от остальных. Трубки изготовлены из глины коричневого цвета и покрыты золотистым лаком

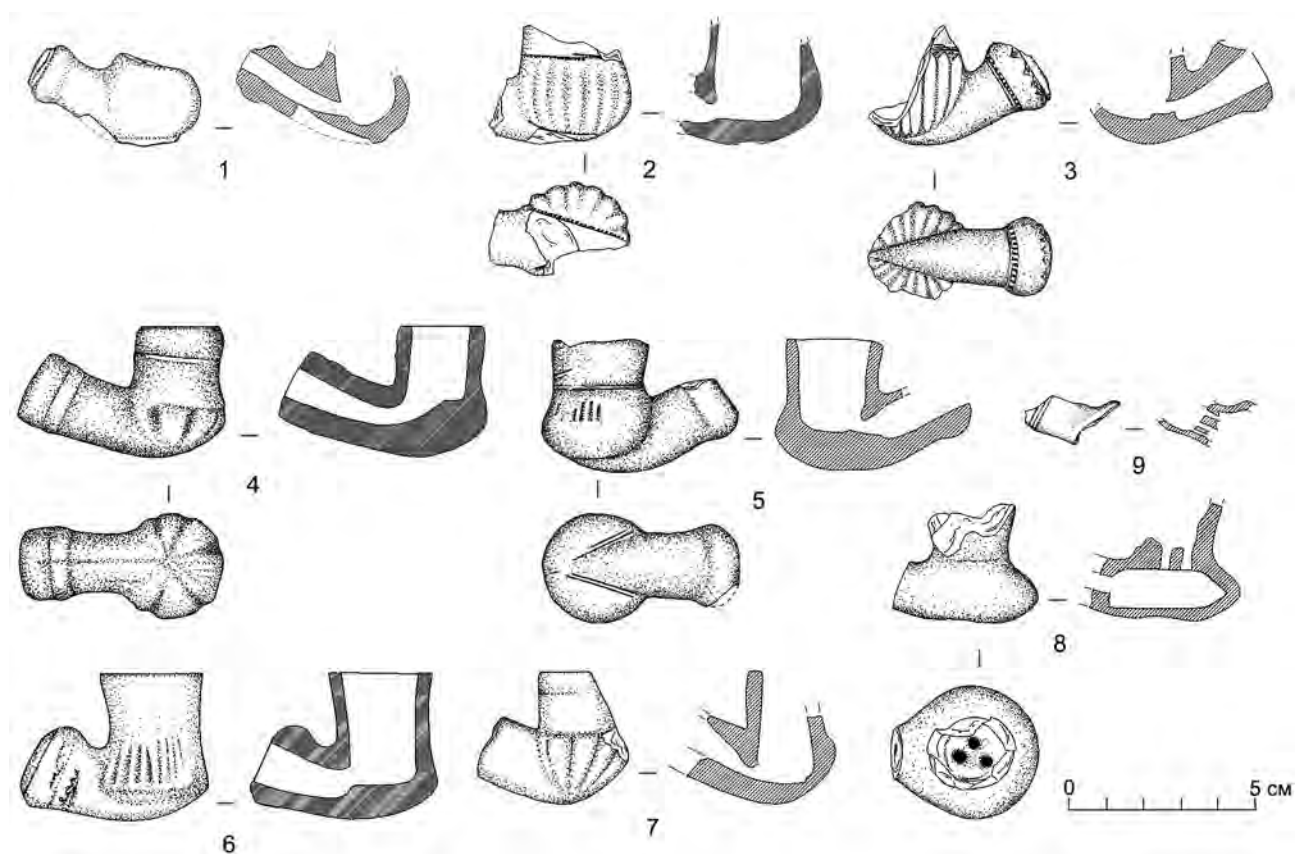

Рис. 11. Керамические курительные трубки: 1–3 — бежевоглиняные с покрытием красным ангобом; 4–7 — бежевоглиняные; 8, 9 — коричневоглиняные с покрытием золотистым лаком (итальянские) (XVII–XVIII вв.)

Fig. 11. Tobacco pipes: 1–3 — beige clay red-slipped; 4–7 — beige clay; 8, 9 — brown clay, auburn lacquer (Italian, 17th–18th cen.)

(рис. 11, 8, 9). От одной сохранилась только двухкамерная чашечка с перегородкой, перфорированной тремя отверстиями (рис. 11, 8). От второй — часть втулки с тремя отверстиями, сделанными на месте соединения чашечки с втулкой, а не на мембране в чашечке (рис. 11, 9). У такой трубки чашечка была однокамерная (Bekić, 2000. P. 255, fig. 2, B). Изготавливались они на гончарном круге (Gosse, 2007. P. 14). Ф. Госсэ, ссылаясь на Ж. Босколо, с чьей рукописью он работал до ее издания, считает эти трубки венецианскими (*Ibid.* P. 14–17). Ж. Босколо датирует их 1655–1750 гг. (Boscolo, 2000. P. 53). Они — самые ранние из трубок, производимых мастерскими города Кьоджа; последующие периоды характеризуются изменением технологии, появлением формы человеческих лиц и обезьяньих морд в оформлении чашечки, а также геометрического орнамента (*Ibid.* P. 54). Итальянские изделия распространены в Северном и Восточном Причерноморье существенно меньше, чем турецкие, однако достигали Таманского полу-

острова и даже Азова (Гусач, 2016. С. 38, кат. 31, 167, 222, 408).

Декор курительных трубок ранее рассматривался автором. Были выделены семь орнаментальных мотивов: оттиски зубчатого колеса, сеточки из ромбов, розетты, круги и капли, треугольные фигуры с заполнением и V-образные фигуры (Кладченко, 2021. Рис. 1–4). Внутри них, в свою очередь, были выделены 42 вида штампов (*Там же.* С. 221–223).

В рассмотренной выборке встретились три достоверно выявленные серии, одинаковые по цвету глины и морфологическому типу трубок, украшенные одним и тем же штампом. Орнаментальные штампы, индивидуально изготовленные каждым мастером, являются не менее, а возможно, и более информативными идентификаторами, чем клейма, поскольку точное копирование штампов для имитации продукции более престижной мастерской представлялось менее значимым, чем имитация клейма.

По территории поселения материал был распределен более-менее равномерно. Какого-либо объекта, содержащего значительное число курительных трубок, не выявлено. Не было также и четко датированных закрытых комплексов с курительными трубками. Поэтому, к сожалению, наш материал, как и опубликованная предшественниками масса аналогичных находок, на данный момент не выполнит задачи установления узких хронологических границ бытования отдельных форм трубок.

Как пишет Ш. Пейсонель в «Трактате о торговле на Черном море», «В Крыму употребляют только два сорта трубок: первый называется тахта-чубук и привозится из Константинополя с мундштуком из слоновой кости и отделанными краями; другим сортом являются трубки из Гермечека и Гайгема, сделанные из вишневого дерева и розовых кустов; наибольшая их часть привозится из Молдавии; ежегодно продается более 200 000 трубок от 1 до 10 пара за штуку. Ногайцы и черкесы употребляют их в удивительно большом количестве. Ценных трубок, сделанных из жасмина и с мундштуком из амбры и др., не бывает в продаже; их привозят только в качестве подарков или по заказу» (Цит по: Адыги..., 1974. С. 184). И. В. Волков восстановил действительный внешний вид упомянутых трубок фасонов «тахта-чубук» и «герменджикского» (Волков,

Новикова, 1996. С. 138). Находки из слоя аула Тереклыкой показывают, что к середине XVIII в., когда Ш. Пейсонель посещал эти места, разнообразие трубок уже было значительно большим. Причем изделий фасона «тахта-чубук», вопреки наблюдениям путешественника, на поселении не обнаружено. Трубок же «герменджикского» фасона, действительно, подавляющее большинство.

Многообразие типов керамических курительных трубок, представленных на одном, пусть и достаточно обширном по площади, сельском поселении, уникально. На прочих исследованных сельских памятниках Крыма и Тамани османской эпохи обычно представлено меньшее количество находок. Такой объем материала, скорее, мог бы соответствовать городскому типу поселения, однако планировочная структура Волны 12 однозначно сельская, с хаотично расположенными отдельными подворьями, окруженными плетневыми заборами, с соответствующей инфраструктурой в виде ровиков для водоотведения, хозяйственных ям и др. Возможно, сказывалась близость Тамани, которой, по сведениям Ш. Пейсонеля, в середине XVIII в. принадлежало 18–20 кораблей (Адыги..., 1974. С. 190). Также нельзя исключить вероятность существования причалов в районе мыса Панагия, которые могли использоваться в качестве перевалочных пунктов при приеме товаров, поступающих морем.

Адыги..., 1974 — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.

Буравлев, 2018 — Буравлев С. А. Поселение Ленинское-7 (Аргин) (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 25). С. 60–65.

Волков, 1999 — Волков И. В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока / Отв. ред. С. В. Волков. М.: Спутник+, 1999. С. 226–252.

Волков, Новикова, 1996 — Волков И. В., Новикова Г. Л. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: б. и., 1996. С. 134–152.

Гусач, 2016 — Гусач И. Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-

заповедника): каталог коллекции. М.: Голден-Би, 2016. С. 18–359.

Зайцев, 2011 — Зайцев И. В. Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность / Ред. Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2011. Вып. 2. С. 13–33.

Илчева, 1975 — Илчева В. Глинени лули от Велико Търново // Годишник на музеите от Северна България. Варна: Георги Бакалов, 1975. Кн. 1. С. 179–199.

Кладченко, 2018 — Кладченко О. В. Турецкие курительные трубки из раскопок поселения Кенегез Восточное в 2017 г. // Исторические, культурные и религиозные связи Крыма со Средиземноморским регионом: программа конф. и тезисы докладов на междунар. науч. конф. (Севастополь, 5–7 июня 2018 г.) / Сост. А. Д. Васильев, Н. В. Гинькут. М.: Пробел-2000, 2018. С. 39–42.

Кладченко, 2020 — Кладченко О. В. Жилые постройки Нового времени на Тамани по материалам раскопок поселения Волна 12 в 2013–2015 гг. // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: Материалы VI Нижневолжской междунар. археолог. науч. конф. / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2020. С. 239–245.

- Кладченко, 2021* — *Кладченко О. В.* Орнаментация «турецких» курительных трубок (по материалам поселения Волна 12 на Тамани) // *Światowit. Supplement Series C: Pontica et Caucasia, Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea* / Eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2021. P. 219–232.
- Краснова, 1994* — *Краснова Т. Н.* Коллекция керамических курительных трубок из фондов БГИКЗ // Проблемы истории и археологии Крыма: Сб. ст. / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 267–271.
- Куликов, 2018* — *Куликов А. В.* Поселение Кош-Кую (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 25). С. 164–173.
- Мастыкова, 2019* — *Мастыкова А. В.* Средневековые поселение и могильник Су-Баш 1 в Юго-Восточном Крыму // Новые археологические проекты: Воссоздавая прошлое: Сб. ст. / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 222–225.
- Станчева, 1972* — *Станчева М.* Колекцията от лули във Варненския // Известия на народния музей. Варна: Държавно издателство, 1972. Кн. VIII (XXIII). С. 81–94.
- Тодоров, 2010* — *Тодоров В.* Характеристика на колекцията керамични лули от Силистра // *Studia archaeologica Universitatis Serdicensis*. Sofia: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2010. Suppl. V. P. 813–826.
- Храпунов и др., 2017* — *Храпунов И. Н., Мульд С. А., Столба В. Ф., Стоянова А. А.* Исследования 2015 года в западной части Керченского полуострова // Боспорские исследования / Гл. ред. А. И. Айбабин. Керчь: б. и., 2017. Вып XXXV. С. 305–336.
- Ayhan, 2009* — *Ayhan G.* Smyrna Antik Kenti Kazıları 2007–2008 Yılı Lüle Buluntuları (Pipe findings from the ancient city of Smyrna in year of 2007–2008) // *Sanat Tarihi Dergisi* / Ed. Z. Mercangöz. Izmir: Bornova, 2009. Vol. XVIII, no. 2. P. 1–22.
- Ayhan, 2015* — *Ayhan G.* Lülelerde Görülen Kuş Figürleri Üzerine Bir Araştırma // *Sanat Tarihi Dergisi* / Ed. Z. Mercangöz. Izmir: Bornova, 2015. Vol. XXIV, no. 1. P. 1–24.
- Bakla, 2007* — *Bakla E.* Tophane Lüleçiliği: Osmanlı'nın tasarımıdaki yaratıcılığı ve yaşam keyfi. Istanbul: Antik A. S. Yayınları, 2007. 369 p.
- Bekić, 2000* — *Bekić L.* Uvod u problematiku glinenih lula na području Hrvatske // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* / Ed. D. Rendić-Miočević. Zagreb: Arheološki muzej u Zagrebu, 2000. Vol. XXXII/XXXIII. P. 249–279.
- Bikić, 2012* — *Bikić V.* Tobacco Pipes from the Belgrade Fortress: Context and Chronology // *Journal of the Academie Internationale de la Pipe* / Eds. D. Gallagher, P. Davey. Liverpool: Academie Internationale de la Pipe, 2012. Vol. 5. P. 1–8.
- Bis, 2011* — *Bis M.* Lulki z wykopalisk na zamku w Tykocinie z XVII–XIX w. // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2011. R. 59, no. 1. P. 53–88.
- Boscolo, 2000* — *Boscolo G.* La pipa chioffiotta e altre pipe in terracotta. Venice: Sottomarina, 2000. 161 p.
- Costea et al., 2007* — *Costea I., Stănică A., Ignat A.* Pipe de lut descoperite la Babadag // *Peuce, Serie Nouă*. 2007. Vol. 18. P. 335–362.
- Gaspar, 2016* — *Gaspar A.* Obiceiuri cotidiene reflectate arheologic în Timișoara otomană. Observații asupra pipelor de lut // *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)* / Ed. R. Dobrescu. București: Editura Academiei Române, 2016. Vol. XII. P. 259–283.
- Gosse, 2007* — *Gosse Ph.* Les Pipes De La Quarantaine: Fouilles du port antique de Pomégues (Marseille). Oxford, 2007 (BAR International Series; 1590). 346 p.
- Hayes, 1980* — *Hayes J. W.* Turkish clay pipes: a provisional typology // *The archaeology of the clay tobacco pipe*. IV. Europe Oxford: BAR IS, 1980. Vol. 92. P. 3–10.
- Humphrey, 1990* — *Humphrey J. W.* The Turkish clay smoking pipes of Mytilene // *Society for clay pipe research Newsletter* / Ed. R. Jackson. 1990. Vol. 26. P. 2–9.
- Kladchenko, 2021* — *Kladchenko O.* The evidence of the ottoman period at the “Diluch” compound in Anapa // *Tyragetia, s.n.* / Ed. E. Sava. Chișinău, 2021. Vol. XV (XXX), Nr. 2, Istorie. Muzeologie. P. 75–95.
- Puziuk, 2021* — *Puziuk J.* Polish-English Basic Dictionary of Archaeological Terminology of Modern Tobacco Pipe Findings with Elements of Pipe Production and Tobacco Smoking in the Modern Period Mieście // *Fasciculi Archaeologiae Historicae*. 2021. Vol. 34. P. 131–137. DOI 10.23858/FAH34.2021.009.
- Radu-Iorguș et al., 2013* — *Radu-Iorguș C., Radu L., Ionescu M.* Pipe ceramice descoperite la Mangalia // *Peuce. Studii și cercetari de istorie și arheologie* / Ed. Cr. Micu. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, 2013. S. N. XI. P. 241–256.
- Robinson, 1983* — *Robinson R.* Clay Tobacco Pipes from the Kerameikos // *Mittelungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1983. Bd. 98. S. 265–281.
- Robinson, 1985* — *Robinson R.* Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1985. Vol. 54, no. 2. P. 149–203.
- Shapiro, 2021* — *Shapiro A.* Ottoman Tobacco Smoking Pipes from the Old City of Akko (Acre) and Khan

- Et-Tujjār Market // New Studies in the Archaeology of Northern Israel / Ed. A. Nativ. Jerusalem: DigiPrint Zakhav Ltd, 2021. P. 77–88.
- Uçar, 2019 — Uçar H. Archaeological Proof of Enjoy at Tire Kutu Han: Clay Pipes // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. Kaifeng: Henan University, 2019. Vol. 19, no. 2. P. 119–134.
- de Vincenz*, 2020 — *de Vincenz A.* Ottoman-Period Ceramic Artifacts from the Magen Avraham Compound, Yafa (Jaffa) // *Atiqot*. 2020. Vol. 100. P. 293–347.
- de Vincenz*, 2021 — *de Vincenz A.* Porcelain and Ceramic Vessels of the Ottoman Period from the Qishle in Jaffa, Israel. Münster: Ugarit Verlag, 2021 (Excavations at the Ottoman Military Compound (Qishle) in Jaffa; Vol. 4). 309 p.

Clay tobacco pipes from the Tereklykoy village (Volna 12 site) on the Taman Peninsula

O. V. Kladchenko³

Keywords: “Turkish” tobacco pipes, Osman period, Taman Peninsula, archaeology of Early Modern remains.

Tereklykoy is a large pastoralist village of the Early Modern era on the Taman Peninsula. Its excavations revealed an unusually large number of “Turkish” smoking pipes (389).

I. Made of white clay (fig. 1, 1, 2) — late 17th — early 18th cen.

II. Made of gray clay.

IIa. Unslipped:

— so-called Balkan type (fig. 1, 3–9) — late 17th — early 18th cen.;

— gray burnished pipes, dating to 18th — 19th cen., are represented by only two specimens (fig. 3, 9, 10).

IIb. “Purple-slipped” (figs. 1, 13–15; 3; 4). The most numerous group (83 specimens, intact and fragmented). They appear in the early 1700s and continue to be used for 150 years.

III. Brown clay. The most common pipes.

IIIa. Brown unslipped pipes:

— with a biconical lower part of the cup and a cylindrical upper part, imitating early prototypes made of gray clay (fig. 5, 11) in the 18th cen.;

— with a globular lower part of the cup and a cylindrical upper part (fig. 5, 1–10);

— both the lower and upper part of cup are cylindrical, somewhat widening downwards (fig. 6; 7, 1–10), dating to 18th cen.;

— lower part of the cup discoid, upper part cylindrical or conical (fig. 8, 6–9), dating to 18th cen.

IIIb. Certain pipes made of brown clay have a red slip (figs. 8, 14; 9, 1–8).

IV. Made of beige clay.

VIa. Unslipped pipes made of beige clay.

— lower part of cup is flattened-globular, upper part cylindrical. “Giray shape”, according to I. V. Volkov (figs. 9, 11, 14; 10, 1–7). Made in the Northern Black Sea area in the second half of the 17th — early 18th cen.

IVb. With red slip:

— lower part of cup globular, upper part cylindrical, carinate (figs. 10, 13; 11, 2, 3).

IVc. Lower part of cup globular or biconical, upper part cylindrical (fig. 11, 4–7). Very crude. Apparently manufactured in the Taman Peninsula or in Crimea.

V. Italian pipes made of brown clay covered with auburn lacquer (fig. 11, 8, 9), 17th or 18th cen.

³ Olga V. Kladchenko — Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Rostov-on-Don, Russia; e-mail: kladchenko.olga@mail.ru.

Арсенал ручного огнестрельного оружия города Тобольска в конце XVI — XVII в. (по материалам археологических и письменных источников)

И. В. Балюнов¹

Аннотация. В статье проанализированы данные различных источников о ручном огнестрельном оружии тобольского гарнизона с конца XVI — XVII в. В культурном слое г. Тобольска встречаются редкие детали фитильных замков, известно несколько находок костяных пластин, которые можно предварительно определить как элементы декора лож аркебуз и пистолетов XVII в. с колесцовыми замками. Известны многочисленные находки деталей ударно-кремневых замков.

Ключевые слова: Тобольск, оружие, пиццаль, мушкет, замок, кремьень.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-165-173

Город Тобольск, основанный отрядом Данилы Чулкова в конце XVI в. как форпост русского освоения Сибири, в течение десяти лет становится крупным административным центром, при этом границы военного соприкосновения с враждебными инородцами все более удалялись от него с течением времени. Тем не менее в первое столетие существования города в нем постоянно проживало значительное количество служилых людей и находились крупные запасы оружия и военной амуниции, как для вероятной обороны, так и для передачи в случае необходимости гарнизонам других русских крепостей за Уралом.

При этом следует отметить, что в научной литературе практически отсутствует информация о качестве и размерах этих запасов и нет исследований, где бы прослеживалась динамика количества и состава ручного огнестрельного оружия тобольского гарнизона. Отдельные сведения по указанной теме можно найти в фундаментальных работах С. В. Бахрушина, О. Н. Вилкова (Бахрушин, 1955; Вилков, 1967). Некоторые данные о снабжении оружием Урала и Сибири присутствуют в публикациях Е. А. Курлаева (Курлаев, 2009). Значительный объем ценной информации

о тобольском арсенале имеется в исследованиях А. В. Дмитриева и В. Д. Пузанова (Дмитриев, 2008; Пузанов, 2016). Военному делу служилых людей посвящены многочисленные работы Е. А. Багрина, которые позволяют представить общую картину по Сибири и в ряде случаев именно по Тобольску (Багрин, 2013). Ручное огнестрельное оружие в Западной Сибири на основе материалов археологических исследований рассматривалось в работах С. Ф. Татаурова, Л. В. Татауровой, А. А. Адамова и И. В. Балюнова (Татаурова, Татауров, 2019; Адамов, 2021; Адамов, Балюнов, 2020; Балюнов, 2015; 2020).

Очевидно, что отряд служилых людей, строивших первую тобольскую крепость в 1587 г., имел в арсенале огнестрельное оружие. Каким оно было и в каком количестве — можно только предполагать, зная, что наибольшее распространение в это время имели фитильные пиццали, а численность самого отряда составляла порядка 500 человек. Косвенными данными являются опубликованные материалы городища Искер, где за два года до этого (1582–1587 гг.) проживали казаки Ермака. По мнению А. А. Адамова, русские воины, находившиеся в брошенной столице Сибирского ханства, были вооружены фитильными ружьями, оснащенными кнопочными замками. Судя по небольшому калибру, это были пиццали русского производства, некоторые из них могли

¹ Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник; Тобольск, Россия; e-mail: balyunoff@mail.ru.

© Балюнов И. В., 2024

быть изготовлены еще в первой половине XVI в. (Адамов, 2021. С. 58). Существует большая вероятность того, что часть ермаковых казаков находилась в отряде Д. Чулкова летом 1587 г.

В последующее время количество служилых людей в Тобольске постоянно увеличивалось, но имеющийся боевой арсенал можно оценить достаточно приблизительно. Показательно, что ровно через 40 лет после основания города, в 1627 г., в государственной казне Тобольска состояло всего шесть пищалей ручных, и в том же году было прислано из Москвы с тобольским служилым человеком 10 пищалей ручных (Пузанов, 2016. С. 116). Такое незначительное количество стволов может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что основная часть оружия находилась «на руках» у гарнизона, а казенные запасы составляли небольшую долю от общего числа, с другой — о все-таки существовавшем дефиците.

Необходимо учитывать, что служилые люди, составлявшие основную массу жителей Тобольска, являлись недавними переселенцами в Сибирь, пришедшими сюда уже вооруженными. Согласно правилам того времени, ручное огнестрельное оружие выдавалось от казны при поступлении на государственную службу и сдавалось обратно в случае ухода с нее (Багрин, 2013. С. 91). Как указывает Е. А. Багрин, русские гарнизоны за Уралом снабжались прямыми поставками из Москвы в Тобольск, откуда они могли быть разосланы в другие крепости или выданы формируемому отряду (Там же. С. 84). Следует добавить, что поставки оружия в Тобольск в XVII в. осуществлялись еще и из Казани.

Обращение к такому источнику, как «Список 1633 г.», показывает, что в это время в государственной казне находилось «110 пищалей ручных целых и разорванных, а в зелейном погребе у пушечных запасов 108 пуд[ов] 28 гривенок зелья ручного» (Тобольск..., 1885. С. 29). Там же указано, что ввиду последовавших расходов на следующий год осталось «96 пищалей ручных целых; 14 пищалей ломаных и розорванных, порошу же осталось 83 пуда 27 грив(енок), зелья ручного». Учитывая, что весь воинский контингент Тобольска в 1633 г., включавший конницу, детей боярских, литовскую роту, пеших казаков и стрельцов, составлял более тысячи человек (Пузанов, 2010. С. 55, 60, 62), очевидно, названное количество стволов было только частью общего военного арсенала, находившегося тогда в городе.

Используемое в «Списке...» общее наименование «пищали ручные», скорее всего, свидетель-

ствует о том, что еще не было какого-то разнообразия стрелкового оружия. Логично будет предположить, что в государственной казне Тобольска были учтены именно фитильные ружья. В конце XVI — первой четверти XVII в. стволы с ударно-кремневыми замками еще не могли получить массового распространения у служилого населения Сибири. В Европейской России только с первой четверти XVII в. у пищалей стали преобладать кремневые замки (Тарасюк, 1965. С. 120), за Урал такие новшества приходили с некоторым опозданием.

Данные письменных источников можно дополнить материалами археологических исследований. Несколько находок напрямую указывают на бытование в Тобольске фитильных ружей. В частности, это практически целая пластинчатая пружина с шепталом и спусковой кнопкой (рис. 1, 2). Длина сохранившейся детали составляет 10,8 см, пластина прямоугольная, в сечении 0,5–0,7 × 0,3–0,2 см. В серединной части пластины находится зубец (0,5 × 0,6 × 0,4 см). Кнопка имеет круглую форму (диаметром 2,2 см), по краям украшена насечками, почти в центре находится полусфера высотой 0,6 см и диаметром 1,3 см. Аналогии, позволяющие сделать уверенное определение тобольской находки, известны как по образцам сохранившегося оружия XVI в., так и по археологическим материалам (Мышковский, 1965. С. 189; Маковская, 1992. Рис. 5, 41, 44–46; Миляев, 2021. С. 269).

Еще одной находкой является обломок боевой пружины — пружины, представляющий собой Г-образный стержень, прямоугольный в сечении (рис. 1, 3). Сохранившаяся длина детали составляет 9,5 см, сечение основной части бруска 0,5–0,6 × 0,6–0,7 см. Один из концов пружины — острие длиной 2,2 см, расположенное под прямым углом к бруску. На длинной части детали находится кольцо (внешний диаметр 1,1 см, внутренний — 0,4 см), покрытое насечками. Подобные насечки можно наблюдать у находки, происходящей из Старой Ладogi (Миляев, 2018. С. 269, рис. 2, 4). Пружина имела двойное крепление: в деревянную ложу вбивалось острие, и дополнительно через кольцо она фиксировалась гвоздем или шурупом (рис. 1, 1). Свободный конец данной детали упирался в нижнюю часть S-видного курка, которая, в свою очередь, при взводе удерживалась зубцом шептала. При нажатии кнопки этот выступ вместе со спусковой пластиной утапливались в ложе, высвобождая курок с зажатым в нем горящим фитилем, который под давлением боевой пружины опускался на пороховую полку.

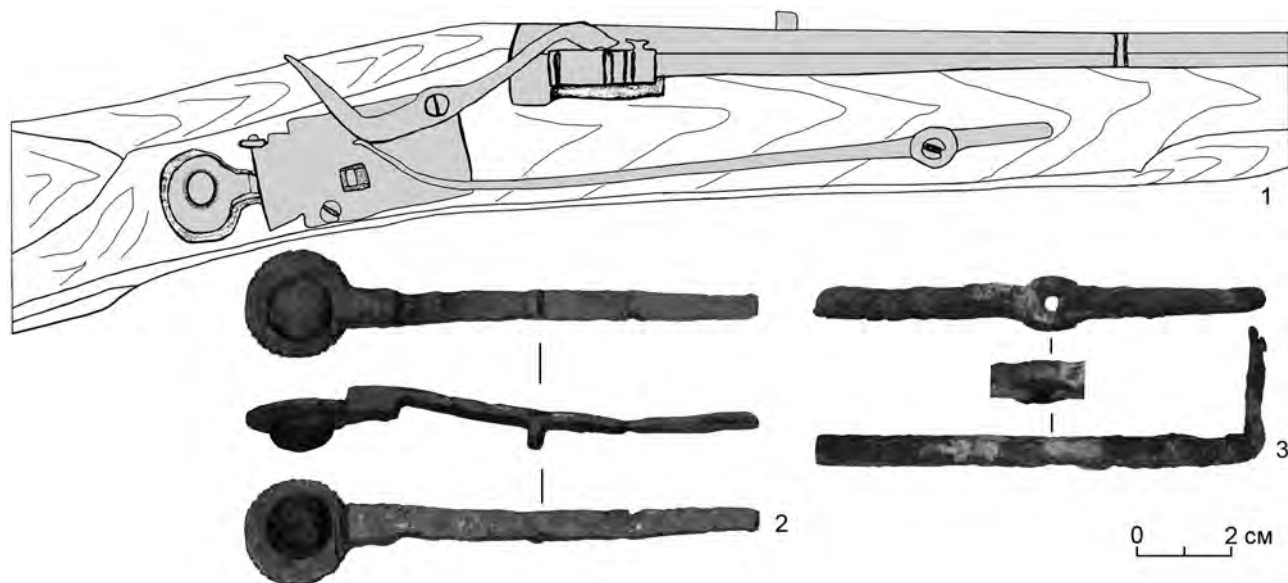

Рис. 1. Детали фитильного замка с кнопкой-спуском: 1 — конструкция фитильного замка; 2 — пружина с шепталом и спусковой кнопкой (Тобольск); 3 — боевая пружина (Тобольск). 2, 3 — железо

Fig. 1. Details of the wick lock with a trigger button: 1 — the construction of the match lock; 2 — a spring with a sear and a trigger button (Tobolsk); 3 — a combat spring (Tobolsk). 2, 3 — iron

Можно констатировать, что представленные детали принадлежат разным замкам одинаковой конструкции. Пластина со спуском-кнопкой выглядит тоньше и изящнее по сравнению с найденной боевой пружиной. Эти детали были обнаружены на разных участках Троицкого мыса, то есть на том месте, где и был основан город в конце XVI в. Это может быть еще одним подтверждением ранней датировки, однако следует признать, что оружие с кнопчными замками использовалось в XVII в. Как отмечает П. А. Миляев, такие находки нельзя назвать частыми или обычными, и большая их часть относится ко второй половине XVI в. (Миляев, 2021. С. 269). Как еще одно доказательство использования в Западной Сибири фитильных ружей с боковым спуском-кнопкой следует упомянуть находку боевой пружины из г. Тара (авторы назвали эту деталь прижимной скобой к самопалу) (Татаурова, Татауров, 2019. С. 356, рис. 3, 1). Следует отметить, что этот город, как и Тобольск, был основан в конце XVI в. и длительное время служил местом пребывания значительных военных сил.

Не столь очевидно на присутствие в Тобольске оружия с колесцовыми замками указывают находки костяных пластин-вставок (рис. 2).

Одна из пластин была обнаружена в слое XVII в. на территории, где стоял посад, примыкающий с севера к Воеводскому двору Тобольского кремля. Изделие вытянутой формы с закруглен-

ными краями (рис. 2, 1). Один конец обломан, известные размеры составляют: длина — 4 см, ширина — 1,6 см, толщина — 0,2 см. На пластине в месте излома виден след сквозного отверстия — очевидно, место, где проходил железный штифт, крепивший ствол оружия к ложе. На лицевой плоскости прочерчен орнамент в виде разнонаправленных завитков, растительный декор, на внутренней стороне нанесена неровная «косая сетка», служившая, очевидно, для клеевого крепления.

Еще одна похожая костяная пластина была обнаружена вблизи здания мужского Духовного училища недалеко от Тобольского кремля (в XVII в. здесь находился посад, где проживали служилые люди), по слою ее можно предварительно датировать XVII в. Длина пластины составляет 5,8 см, ширина — 1,2 см, толщина — 0,2 см. Изделие имеет трещину, которая проходит практически вдоль всей длины (рис. 2, 2а, 2б). Основным элементом декора — округлые скобки с завитками, расположенные зеркально друг к другу. По периметру изделия прочерчена линия, ограничивающая орнаментальную зону.

Один экземпляр костяной вставки найден в слое XVII в. на территории Софийского двора Тобольского кремля. Пластина состоит из трех обломков, которые собираются в практически археологически целое изделие (рис. 2, 3). Костяная вставка имеет форму, близкую к прямоугольной

Рис. 2. Костяная инкрустация ружейных лож: 1, 2а, 2б, 3 — костяные орнаментированные вставки (Тобольск) (2а — фото, 2б — прорисовка); 4 — пищаль XVII в.(?) с инкрустацией ложа (Тобольский музей-заповедник, № хр. ТМ-8863); 5а-5в — пищаль XIX в. с инкрустацией ложа (Тобольский музей-заповедник, № хр. ТМ-8866). 4, 5а-5в — железо, дерево, кость (без масштаба)

Fig. 2. Bone inlay of rifle boxes: 1, 2а, 2б, 3 — bone ornamented inserts (Tobolsk) (2а — photo, 2б — drawing); 4 — 17th cen. pishchal (?) with inlaid bed (Tobolsk Museum-Reserve, no. ТМ-8863); 5а-5в — 19th cen. pishchal with inlaid bed (Tobolsk Museum-Reserve, no. ТМ-8866). 4, 5а-5в — iron, wood, bone (arbitrary scale)

(длина 8 см, ширина 1,9 см, толщина 0,3–0,4 см). По верхнему краю четко прослеживается линия, ограничивающая орнаментальную зону, ниже находится декор из завитка и округлых линий.

Изображения сильно затерты и не всегда распознаются полностью, но можно уверенно говорить, что все пластины покрыты гравированным орнаментом, состоящим из схожих элементов. Согласно аналогиям, приведенным в исследованиях П. А. Миляева, подобные пластины могли служить украшением на аркебузах, карабинах и пистолетах с колесцовыми замками, изготовленными в Германии в конце XVI — начале XVII в. (Миляев, 2020. С. 241). При этом пластины меньшего размера мы склонны определять как инкрустацию ложи ниже ствола, пластина подпрямоугольной формы может являться украшением приклада. Примечательно, что в Западной Сибири это не единственные находки костяного декора ручного огнестрельного оружия. В материалах

Мангазеи П. А. Миляев выделяет как минимум две подобные пластины (Миляев, 2020. С. 241; Белов и др., 1981. Табл. 44, 3, 6). Такие находки, вероятно, являются свидетельством того, что на вооружении русского воинства в Сибири могли находиться аркебузы и пистолеты с колесцовыми замками западноевропейского производства. При этом важно отметить, что в городе никогда не было значительного количества служилых иноземцев европейского происхождения (Пузанов, 2010. С. 59).

Следует упомянуть, что в фондах Тобольского музея-заповедника находятся две пищали, деревянные ложи которых украшены костяными вставками (рис. 2, 4, 5). Их точная датировка вызывает определенные трудности, поскольку известно, что в Сибири вплоть до конца XIX в. продолжали изготавливать ружья, которые копировали образцы XVII в. Кроме того, инкрустация на тобольских пищалях имеет некоторое

сходство с подобным декором конца XVI — XVII в., но не является даже подражательством. У одной из пищалей на костяных вставках присутствуют надписи: на прикладе — «Тобольскъ» (рис. 2, 5б), на цевье — «1819 года» (рис. 2, 5в). Эти факты позволяют утверждать, что первоначально оружие, украшенное костяной инкрустацией, стало известно в Тобольске благодаря привозным западноевропейским образцам, которые в последующем могли повлиять на формирование местной практики украшать ружья. Эта традиция доживает в Сибири вплоть до XIX в., когда ее уже нельзя назвать широко распространенной.

Хоть как-то уверенно говорить о появлении кремневого оружия в Тобольске можно лишь с конца 1630-х гг. Об этом свидетельствуют, например, данные за 1639–1640 гг. о привозе 30 ружейных замков (Вилков, 1967. С. 89). Еще одним доказательством присутствия кремневых ружей в Тобольске XVII в. являются материалы археологических исследований. Среди них имеются находки винтов от ударных механизмов, свинцовая прокладка, служившая для фиксации пищального кремня между губами курка (Адамов, Балюнов, 2020. С. 80, 81). В коллекции представлено несколько десятков кремней (рис. 3, 4, 6), для которых наблюдается достаточно высокая степень сработанности, вызванная, очевидно, существовавшим дефицитом качественного камня. Поскольку это сырье в Тобольске было исключительно привозным, данные изделия приходилось использовать до полного износа. Целые предметы представляют собой уплощенные, ретушированные и оббитые камни розоватого и серого цветов подовальной или подпрямоугольной формы, размерами 3,2–3,3 × 1,8–3,1 × 0,6–0,8 см (Там же). Необходимо добавить, что, согласно исследованиям О. Н. Вилкова, спрос на этот продукт возрастал. Автором было обнаружено в Таможенных книгах указание на ввоз 1100 шт. кремней самопальных в 1639–1640 гг. и кремней пищальных: в 1668–1669 гг. — 4300 шт., в 1686–1687 гг. — 15 300 шт. (Вилков, 1967. С. 110). Можно считать, что эти данные демонстрируют достаточно высокую динамику роста количества оружия с замками ударного действия.

На состав арсенала и поддержание его запасов могла влиять возможность ремонта и изготовления ружей. Присутствие в списке 1633 г. ломаных и разорванных пищалей является косвенным свидетельством того, что в городе существовали проблемы с починкой огнестрельного оружия. Известно, что один из первых центров ремонта

на территории Сибири появился в Томске, куда, в том числе, направлялось испорченное вооружение из Тобольска (Курлаев, 2009. С. 119). Согласно исследованиям Д. В. Пузанова, в 1638 и 1647 гг. на службе в Тобольске находился самопальный мастер, который не только занимался ремонтом старого оружия, но и делал новое (Пузанов, 2016. С. 116). Этот факт хорошо согласуется с данными о ввозе в 1639–1640 гг. 30 ружейных замков. Можно утверждать, что в это время государственные поставки продолжали являться основным источником поступления ружей за Урал. Для 1639–1940 гг. было зафиксировано всего пять пищалей, поступивших на тобольский рынок, на сумму 20 руб. Путем нехитрых подсчетов можно определить, что цена одного экземпляра составляла 4 руб. (Вилков, 1967. С. 89). Следует признать, что подобное вооружение в городе покупалось нечасто, одной из причин этого являлась его дороговизна.

Дополнить наши знания о вероятном количестве ручного огнестрельного оружия, находившегося в первой половине XVII в. в Тобольске, можно из материалов, опубликованных Е. А. Курлаевым: «в 1642 г. стрелец М. Вискунов привез в город 252 московских мушкета и 198 самопалов, изготовленных в Казани» (Курлаев, 2009. С. 119). Эти сведения перекликаются с данными за 1647 г. о том, что в тобольском арсенале хранится 38 мушкетов и старых самопалов из Казани, из чего можно сделать вывод, что оружие после привоза достаточно быстро было роздано служилым людям (Пузанов, 2016. С. 116). Присутствие в источниках двух наименований, «мушкетов» и «самопалов», очевидно, отражает тенденцию к увеличению разнообразия военного арсенала. В научной литературе «мушкет» определяется как крупнокалиберное длинноствольное ружье с фитильным замком, а «самопал» — как пищаль с искровым замком (Мышковский, 1965. С. 188; Тарасюк, 1965. С. 115; Багрин, 2013. С. 85, 89). Согласно данным, опубликованным В. Д. Пузановым, в 1649 г. от мастера-оружейника в казну поступило 30 самопалов, и в том же году там было учтено 27 мушкетов и самопалов, а также 45 мушкетов и самопалов старых (Пузанов, 2016. С. 116). При сопоставлении со сведениями за 1647 г. можно задаться вопросом: откуда появились еще четыре ствола?

Это еще раз показывает, что крупные запасы стрелкового оружия в казне надолго не задерживались. Например, есть данные, что в 1650 г. в государственной казне Тобольска находилось всего 17 ручных пищалей (Там же. С. 118). В 1652 г. из Москвы в Тобольск было отправлено

500 пищалей ручных с русскими замками. Спустя несколько лет в 1657 г. по царскому указу предписывалось отправить в Сибирь 1000 пищалей «з замки добрых», которые должны были поступить через Тобольск в Томский уезд. В 1660 г. в государственной казне города хранилось всего семь ручных пищалей (*Там же*. С. 116).

При этом нельзя считать, что фитильные ружья быстро выходили из употребления во второй половине XVII в. Известно, что в 1660 г. из Москвы было прислано 1000 мушкетов; как отмечается, в поступившей партии у 86 экз. ложи и жагры были попорчены, у остальных стволы раздуты (*Дмитриев*, 2008. С. 92, 93). Это оружие предназначалось для набранных в 1661 г. в Тобольском уезде полков пеших солдат и конных рейтар, вооруженных «государевым ружьем» европейского образца — мушкетами с жаграми и карабинами на крюках соответственно (*Бахрушин*, 1955. С. 277). Кроме того, рейтар должен быть вооружен парой пистолетов. Видно, что для воина пешего полка именно мушкет воспринимался как основное оружие. Сформированные таким образом части «иноземного строя» около пяти лет находились в лесостепном пограничье, в 1667 г. при их осмотре в Тобольске выяснилось, что многие солдаты и рейтары оставили «государево ружье» дома, неся службу с гладкоствольными и винтовальными пищалами (*Пузанов*, 2016. С. 109).

Необходимо добавить, что нарезное оружие (винтовки) в 60-е гг. XVII в. вряд ли могло получить широкое распространение в Сибири. Приобреталось оно, вероятнее всего, на личные средства, поскольку о нем нет упоминания в государственной казне Тобольска. По данным, опубликованным О. Н. Вилковым, в 1668–1669 гг. на местный рынок поступили три пищали-винтовки стоимостью 4 руб. каждая (*Вилков*, 1967. С. 89). Согласно исследованиям Л. К. Маковской, в Западной Сибири винтовальные пищали начинают занимать лидирующие позиции в конце XVII — начале XVIII в. (*Маковская*, 1992. С. 66, 67).

Очевидно, создание полков «иноземного строя» оказало влияние на структуру арсенала, хранящегося в Тобольске. Согласно данным перечневого списка 1672 г., опубликованным А. В. Дмитриевым, в казне находилось 99 карабинов, при этом отмечается, что у многих замки, шурупы и ложи изломаны; 108 мушкетов, и с жаграми и с замками, также отмечается, что у многих жагры, шурупы и ложи изломаны. Из других запасов указано 350 пар пистолетов. И, кроме того, «30 стволов карабинных горелых..., 57 стволов

пистонных горелых, 50 замков карабинных и пистонных горелых» (*Дмитриев*, 2008. С. 140). Можно считать, что значительное количество пистолетов и пистолетных стволов, хранившихся в казне, напрямую связано с не вполне удачной попыткой в 60-х гг. XVII в. создать в Тобольске рейтарские, а затем и драгунские полки.

Обращение к тексту «Сметных списков» за 1678 г. показывает, что в тобольском арсенале числилось 45 стволов пищальных и мушкетных горелых; 23 ствола карабинных горелых; 518 стволов пистольных горелых; 464 замка пищальных и карабинных и мушкетных жагр (Тобольск..., 1885. С. 33). На основании этого перечня можно обозначить наименования казенного стрелкового оружия: пищаль, карабин, мушкет, пистоль. Обращает на себя внимание, что обозначение «мушкетные жагры» в тексте источника упоминается общим числом с пищальными и карабинными замками. В данном случае это является доказательством того, что названные выше мушкетные стволы принадлежали именно фитильным ружьям.

В этом же документе упоминается, что по челобитной митрополита Корнилия из Тобольска в Усть-Ницинскую слободу было передано «20 пищалей ручных с замками» для защиты от нападения воинских людей (Тобольск..., 1885. С. 34). Здесь еще раз стоит обратить внимание, что в тексте списка пищальные и карабинные замки противопоставлены мушкетным жаграм, и, следовательно, это подразумевает, что карабины и пищали были оснащены именно механизмами искрового воспламенения. В продолжение этой истории стоит отметить, что ровно 20 ружей из Усть-Ницинской слободы вернулись в Тобольск несколько лет спустя — в 1693 г. (*Пузанов*, 2016. С. 117). И, напротив, в 1696 г. по просьбе беломестных казаков и крестьян произошла отправка на время в Новую Ишимскую слободу 25 пищалей с жаграми и боеприпасов (*Там же*).

Очевидно, царский указ, появившийся в 1679 г., позволил ускорить замену у ружей фитильных жагр на ударно-кремневые замки. В связи с набором полка в 1000 драгун предписывалось собрать у выбывших со службы пищали и мушкеты, при этом для мушкетов с жаграми требовалось наладить изготовление новых лож. Предполагалось, что к этим ружьям из столицы вскоре будут поставлены замки «московского дела», «...и для образца послано ныне в Тобольск пять замков для того, чтоб те ложи против тех замков мочно было делать» (ДАИ, 1859. С. 356). На основе данных сведений можно сделать вывод,

что фитильные ружья продолжали находиться на вооружении все столетие, постепенно выходя из употребления. В конце XVII в. они, вероятно, уже воспринимались как нечто устаревшее, в одной из грамот того времени можно встретить жалобы на плохое обеспечение обороны — «и ружья мало, без замков, с жагры, и то все перержавело» (*Там же*. С. 351). При этом следует подчеркнуть, что фитильными замками могли быть снабжены не только мушкеты, но и пищали.

Оружейное разнообразие этого времени можно проиллюстрировать еще раз сведениями грамоты 1679 г., где содержались требования сообщить, сколько в Тобольск было прислано из Москвы и Казани начиная с 1659 г. пушек, мушкетов, пищалей, карабинов и пистолей (*Там же*. С. 350). Данные за разные годы показывают, что казенные запасы ручного огнестрельного оружия не являлись чем-то стабильным. За тот же 1679 г. на хранении находилось «горелого ружья двадцать один ствол пищальных и мушкетных, двадцать три ствола карабинных, пятьсот семнадцать стволов пистольных» (*Там же*. С. 349). Согласно росписи 1684–1685 гг., в Тобольске хранилось запасов мелкого ружья: 62 карабина с ложами и с замками; 17 крюков карабинных; 69 пар пистолей с олстры (с кобурами) (ДАИ, 1869. С. 267). В 1693 г. в тобольской казне находилось 68 пистолетов. Несколько лет спустя, в 1696 г., там же было учтено 36 пищалей с жаграми, девять карабинов, 11 мушкетов, 874 пищали новые (*Пузанов*, 2016. С. 116).

Важным дополнением к этим знаниям являются археологические находки пуль, относящиеся, преимущественно, к XVII в. (их более подробное хронологическое распределение невозможно по целому ряду причин) (*Адамов, Балюнов*, 2020. С. 81). Собранный коллекция состоит преимущественно из свинцовых снарядов шаровидной формы, отлитых в пулелейках (рис. 3, 2, 3). Иногда для экономии металла в форму помещался небольшой камень. Изготовление пуль холодным способом являлось редкой практикой. Среди представленных экземпляров присутствуют как немного недолитые, так и с откушенным литником, с неубранными или частично откушенными литниками. На нескольких пулях были нанесены насечки, которые, как и литники, позволяли причинить противнику более серьезный вред.

Размерные характеристики находок позволяют выделить три основные группы: диаметром 0,10–0,11 см и весом 5,51–8,69 г (4 экз.); диаметром 0,12–0,13 см и весом 10,67–15,63 г (12 экз.); диаметром 0,14–0,15 см и весом 16,52–22,21 г (6 экз.).

Эти данные показывают, что наибольшее распространение имели пули калибра 0,12–0,13 см, как можно полагать, служившие зарядом для ручных пищалей. Достаточно редко встречаются снаряды небольших размеров, предположительно от легких карабинов и пистолетов. Крупные и тяжелые пули, очевидно, можно соотнести с таким оружием, как мушкет или крепостное ружье (затинная пищаль) (*Адамов, Балюнов*, 2020. С. 81). Здесь, вероятно, необходимо учитывать тот фактор, что мушкет, карабин и пистолет являлись преимущественно боевым вооружением, в то время как пищаль была универсальным.

Изучение наконечников шомполов, найденных в городе, дает похожую картину. Эти предметы представляют собой округлый или граненый в сечении стержень, на одном конце которого находится винтовая нарезка для крепления к древку. Другой конец разделен на три расходящиеся пластины, из которых две боковые имеют в завершении лопаточки, отогнутые под прямым углом наружу. Всего нами учтено шесть черешковых наконечников, четыре из которых имеют три пластины для чистки канала ствола, два — пару пластин по бокам и разрядник в форме двухвостого штопора (рис. 3, 7). Эти находки можно соотнести с термином «трещотки самопальные», известным, например, по Таможенным книгам. Согласно данным О. Н. Вилкова, в Тобольск в 1639–1640 гг. было завезено 380 экз. и проследовало транзитом 660 экз. (*Вилков*, 1967. С. 87, 139). Для приборов с разрядником, очевидно, использовалось наименование «трещотки с пыжовником». Обращает на себя внимание, что у наконечников первой группы боковые пластины имеют возможность сжиматься так, чтобы поместиться в ствол диаметром около 1 см и чуть более, что, очевидно, соответствует калибру ручных пищалей. При этом насадки второй группы рассчитаны на канал ствола около 2 см и служили для ухода за крупнокалиберным ружьем. Из других археологических находок, имеющих отношение к огнестрельному оружию, следует отметить роговую пороховницу (рис. 3, 1), обнаруженную в слое XVII в. около северо-западной башни Гостиного двора Тобольского кремля.

В период конца XVI — XVII в. в Тобольске находилось значительное количество стрелкового оружия, оценить объемы которого возможно в сопоставлении с численностью служивых людей. Только незначительная часть его хранилась в государственной казне. Кроме того, здесь происходил прием партий из Москвы и Казани с последующей выдачей в другие сибирские гарнизоны.

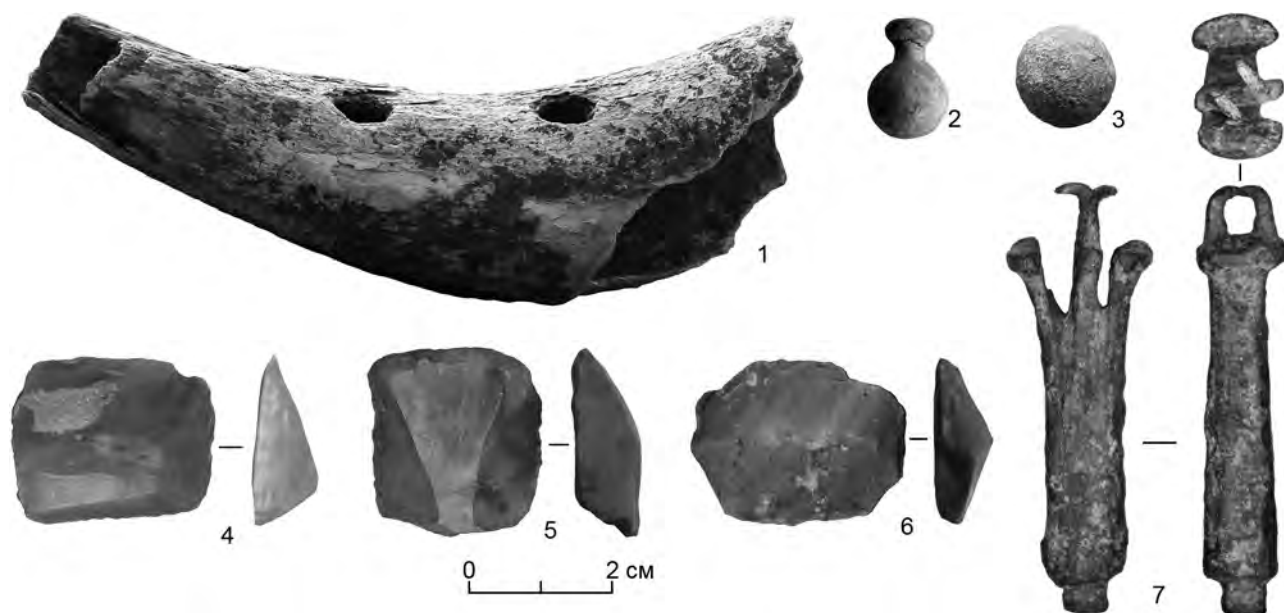

Рис. 3. Археологические находки ружейных принадлежностей из культурного слоя Тобольска: 1 — роговая пороховница; 2, 3 — свинцовые пули; 4–6 — кремни; 7 — наконечник шомпола с разрядником (Тобольский музей-заповедник, № хр. ТМ-29143). 4–6 — камень; 7 — железо

Fig. 3. Archaeological finds of rifle accessories from the cultural layer of Tobolsk: 1 — powder horn; 2, 3 — lead bullets; 4–6 — flints; 7 — ramrod tip with a spark gap (Tobolsk Museum-Reserve, no. ТМ-29143). 4–6 — stone; 7 — iron

Даже приблизительный подсчет позволяет утверждать, что через город прошло несколько тысяч стволов. Первые десятилетия существования Тобольска на вооружении находились фитильные пищали. Археологические материалы свидетельствуют, что они были оснащены замками с боковой кнопкой. Находки костяных пластин-вставок позволяют предположить, что имело место ручное оружие с колесцовыми замками западноевропейского производства. Как минимум с конца 30-х гг. XVII в. получают распространение кремневые ружья, которые далеко не сразу начинают занимать

лидирующие позиции. Создание в 60-х гг. XVII в. полков иноземного строя повлекло за собой дополнительные поставки мушкетов с жаграми для пехоты, карабинов и пистолетов для рейтар. Однако поскольку основу тобольского гарнизона составляли служилые люди, наибольшее распространение в городе имели ручные пищали, что находит подтверждение в археологических материалах. В последней четверти XVII в. фитильные замки воспринимались как нечто устаревшее, происходила их замена на кремневые, но они могли использоваться вплоть до начала XVIII в.

Адамов, 2021 — Адамов А. А. Огнестрельное оружие и оружейный прибор русского воинства в 1582–1585 гг. (по материалам с городища Искер) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Сетевое издание / Гл. ред. А. Н. Багашев. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021. № 1 (52). С. 50–61.

Адамов, Балюнов, 2020 — Адамов А. А., Балюнов И. В. Ручное огнестрельное оружие русских воинов в Сибири конца XVI — XVII века (по археологическим материалам города Тобольска) // Вестник НГУ. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2020 (Серия: История, филология). Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 70–86.

Багрин, 2013 — Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье,

Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 288 с.

Балюнов, 2015 — Балюнов И. В. Предметы вооружения из культурного слоя города Тобольска // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в Средневековье и в настоящее время. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского ГУ, 2015. С. 10–14.

Балюнов, 2020 — Балюнов И. В. Наконечники шомполов для ручного огнестрельного оружия XVI–XVII веков // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 16–18 октября 2019 г.). Тула: ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», 2020. С. 36–41.

Бахрушин, 1955 — Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 1. С. 252–296.

- Белов и др., 1981 — Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 147 с.
- Вилков, 1967 — Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
- Дмитриев, 2008 — Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: Новосибирский ГУ, 2008. 237 с.
- ДАИ, 1859 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. Т. 7. 280 с.
- ДАИ, 1869 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. Т. 11. 327 с.
- Курлаев, 2009 — Курлаев Е. А. Создание военного производства для обеспечения колонизации Урала и Сибири (конец XVII — первая четверть XVIII в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии Уральского отд. РАН, 2009. № 4 (25). С. 119–128.
- Маковская, 1992 — Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV — XVIII в. М.: Воениздат, 1992. 223 с.
- Миляев, 2018 — Миляев П. А. Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV–XVI вв. из Старой Ладogi и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий // АВ. 2018. Вып. 24. С. 218–238.
- Миляев, 2020 — Миляев П. А. Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия конца XVI — начала XVII в. из Старой Ладogi. Новые данные о комплексе вооружения европейских воинских контингентов на Северо-Западе Московского государства в Смутное время // АВ. 2020. Вып. 27. С. 232–252.
- Миляев, 2021 — Миляев П. А. Новые данные о ручном огнестрельном оружии XVI в. на русско-литовском пограничье // Записки ИИМК РАН. 2021. № 25. С. 260–275.
- Мышковский, 1965 — Мышковский Е. В. Замки русско-го огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // СА. 1965. № 4. С. 186–198.
- Пузанов, 2010 — Пузанов В. Д. Служилые люди города Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут: Сургутский ГУ, 2010. № 1 (21). С. 55–68.
- Пузанов, 2016 — Пузанов В. Д. Политика русского государства по снабжению уездов Сибири оружием в XVII в. // Исторический формат: Междунар. науч. журнал. Электронное периодическое издание. 2016. № 4 (8). С. 106–123.
- Тарасюк, 1965 — Тарасюк Л. И. Из истории русского огнестрельного ручного оружия XVI–XVII вв. // СА. 1965. № 2. С. 104–120.
- Татаурова, Татауров, 2019 — Татаурова Л. В., Татауров С. Ф. Вооружение и боевой запас русских Тарского Прииртышья в XV–XVII вв.: История и археология // Stratum plus. 2019. № 6: Лики войны. С. 353–365.
- Тобольск..., 1885 — Тобольск: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М: Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. 163 с.

The arsenal of hand firearms of the city of Tobolsk at the end of the 16th — 17th centuries (based on archaeological and written sources)

I. V. Balyunov²

Keywords: Tobolsk, weapons, pishchal, musket, gun lock, flint.

At the end of the 16th–17th cen. Tobolsk was the largest military garrison in Siberia. There is practically no information in the scientific literature about the quality and size of the city's weapons stocks, and in addition, there are no studies where the dynamics of the development of hand firearms of the Tobolsk arsenal could be traced. The surviving sources allow us to compile an approximate list of hand-held firearms used by military personnel in Western Siberia during this period. In the cultural layer of Tobolsk there are rare details of matchlocks, several finds of bone plates are known, which can be preliminarily identified as decorative elements of arquebus boxes and pistols of the 17th cen. with wheel locks. However, food flints are much more common. There are finds of screws from percussion mechanisms, a lead gasket that served to fix the food flint between the trigger lips. At least since the late 30s of the 17th cen., flintlock rifles have been spreading, which do not immediately begin to occupy leading positions. The creation of foreign regiments in the 60s of the 17th cen. entailed additional supplies of muskets with jags for infantry, carbines and pistols for reiters. Existing data allow us to prove that in the 17th cen. in Tobolsk, weapons with shock-flintlocks gradually replaced matchlock guns, but the latter could have been in use at the very beginning of the 18th cen.

² Igor' V. Balyunov — Tobolsk Museum-Reserve; Tobolsk, Russia; e-mail: balyunoff@mail.ru.

Коллекция нательных крестов из Архангельской области Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН: состав и особенности

Ю. В. Колпакова, С. В. Бельский, Г. К. Данилов¹

Аннотация. В статье представлены результаты изучения коллекции из 111 предметов с христианской символикой, в том числе 109 нательных крестов, одного наперсного креста и одного дорника, поступивших из Министерства культуры РФ в МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеру) после изъятия по решению суда у грабителей археологических памятников. Предметы происходят из Архангельской области. Кресты типологизированы, даны их предположительные датировки по аналогиям, проведен рентгенофлуоресцентный анализ состава сплавов 29 изделий.

Ключевые слова: нательные кресты, голгофские кресты, наперсные кресты, дорники, рентгенофлуоресцентный анализ, Кургомень, Холмогоры.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-174-185

История коллекции

В 2019 г. в фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН из Управления по Северо-Западному федеральному округу Министерства культуры РФ была передана коллекция археологических находок — изделий из цветных металлов, конфискованная органами внутренних дел по решению суда. При регистрации к стандартной музейной описи были также приложены копии документов по административному делопроизводству, в которых содержится информация об обстоятельствах их обнаружения.

В настоящее время коллекция под названием «Археологические предметы из нелегальных раскопок: металлические украшения, детали костюма, предметы личного благочестия» имеет коллекционный номер МАЭ № 7718 и содержит 313 номеров и 337 единиц хранения. Предметы происходят из района села Кургомень на Северной Двине (Виноградовский район) и

из пос. Луковецкий (Холмогорский район) Архангельской области. Они были конфискованы по решению суда Виноградовского района Архангельской области (Дело № 5-15/2015) и Холмогорского района Архангельской области (Дело № 5-50/2017) и переданы в МАЭ на основании акта приема-передачи культурных ценностей № 517-05-07 от 18.02.2019 г.

Коллекция была собрана незаконным образом с помощью металлодетектора и непрофессиональных раскопок, согласно оперативной информации, на территории Архангельской области и, предположительно, широкого круга сопредельных территорий.

Состав предметов неоднороден и включает явно разновременные артефакты, происходящие из археологических объектов разных типов. В коллекции содержатся предметы, относящиеся к железному веку — Средневековью: серии зооморфных и орнитоморфных привесок, умбоновидных блях, подковообразных фибул, перстней, деталей наборных поясов, явно происходящих из разрушенных могильников. В настоящее время ведется работа по их публикации, поскольку материалы имеют несомненное научное значение. Кроме того, в коллекции представлена серия предметов личного благочестия, преимущественно нательных крестов Нового времени, и другие

¹ Колпакова Ю. В. — Псковский государственный университет; Псков, Россия; e-mail: pskov-sova@mail.ru. Бельский С. В., Данилов Г. К. — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: belskiy.stas@mail.ru; gleb.danilov.spb@gmail.com.

© Колпакова Ю. В., Бельский С. В., Данилов Г. К., 2024

предметы XX в., например, Георгиевский крест 4-й степени (МАЭ № 7718-310).

Некоторую информацию о происхождении вещей дают сведения из материалов административных дел, а также публикации в краеведческой литературе. В книге Г. Н. Рудаковой «Кургомень», посвященной истории села, указано: «О том, что Кургомень — древнее село, говорят и найденные... на территории Кургомени предметы (фото 1, 2, 3): обереги, поясные бляшки, заколка, пуговицы имеют чудское происхождение» (Рудакова, 2018. С. 12). На фотографиях, действительно, изображены предметы, переданные в МАЭ. Причем в подписях к фотографиям, на которых изображены артефакты, очевидно, происходящие из разграбленных средневековых могильников, указано, что они «найжены в Виноградовском районе», а в подписи к фотографии, на которой среди прочего изображены нательные крестики, — что это «находки из разных мест Кургомени» (Там же. Рис. на с. 14).

В материалах административного дела суда Виноградовского района (Дело № 5-15/2015) содержится информация, что предметы археологии были обнаружены в дер. Кургомень, раскопки производились на протяжении 2012–2014 гг. «в целях поиска предметов старины». К сожалению, указаний на какие-либо иные географические ориентиры нет.

Согласно материалам административного дела суда Холмогорского района (Дело № 5-50/2017), другие предметы были найдены в 2015–2017 гг. «в земле в окрестностях пос. Луковецкий, а также на берегу реки, где было размыто кладбище». При этом часть предметов, которые были признаны археологическими, была получена в дар или куплена.

Ситуация, в результате которой данная коллекция поступила в фонды МАЭ, весьма показательна. Это редкий прецедент, когда вещи по решению суда возвращаются законному владельцу, поскольку, согласно пункту 3 статьи 49 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ (редакция от 20.10.2022) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (вступившего в силу с 11.01.2023 с изменениями и дополнениями), «объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности».

К сожалению, на фоне катастрофической ситуации с сохранением памятников археологии

в настоящее время, когда незаконными и непрофессиональными раскопками уничтожаются тысячи объектов археологического наследия по всей стране, такие случаи пока единичны. Тем не менее, учитывая сложившуюся крайне негативную ситуацию и невозобновляемый фонд археологических источников, изучать и вводить в научный оборот даже коллекции, происхождение которых плохо или совсем не документировано, представляется необходимым.

Типологический состав собрания нательных крестов

В состав корпуса изъятых артефактов входят два древнерусских нательных креста и значительная по размеру коллекция нательных крестов эпохи позднего Средневековья и Нового времени (107 ед.), а также один фрагмент наперсного креста и подвеска-печать с изображением креста на Голгофе².

Древнерусские кресты в коллекции представлены двумя разновидностями подвесок с эмалью. Среди них трехлопастноконечный (по терминологии М. В. Седовой, Н. Г. Недошивиной) (Седова, 1981. С. 52, рис. 80, 9; Николаева, Недошивина, 1997. С. 173, табл. 103, 30, 32) и ромбосрединный крестик с кружками на концах лопастей («круглоконечный», по В. А. Мальм).

Первый крестик (МАЭ № 7718-47) (рис. 1, 2) двусторонний, декор лицевой и тыльной сторон идентичен. Слой эмали на кресте хорошо сохранился в углублениях, но она сильно потемнела. На крестике другого типа (МАЭ № 7718-46) (рис. 1, 1) сохранилась бледно-желтая эмаль в круглых углублениях на концах лопастей с двух сторон, а также в средокрестии: на одной стороне — в ромбе, разделенном крестом на четыре сектора, на другой стороне — в двух концентрических кругах. Центром производства таких крестов, преимущественно с лимонно-желтой эмалью, был Киев, а также городище Даугмале.

² Согласно перечню предметов в материалах административного дела № 5-15/2015 среди найденных в районе села Кургомень числятся «нательные крестики из медного сплава в количестве 16 (шестнадцати) штук, 1 (одна) медная подвеска с изображением креста, 1 (один) фрагмент нательного крестика из металла белого цвета, 1 (один) нательный крестик из металла белого цвета, относящиеся к 14 — началу 20 в.». В районе пос. Луковецкого, по материалам административного дела № 5-50/2017, найдены «76 крестов и их фрагментов из медных сплавов».

Рис. 1. Кресты древнерусского времени (1, 2), подвеска-печать (дорник?) (3), наперсный крест (4) из коллекции МАЭ № 7718

Fig. 1. Old Russian crosses (1, 2), pendant with seal, possibly referred to as “dornik” in religious texts (3), and pectoral cross (4) from MAE RAS, No. 7718

Оба типа были широко распространены на территории как Руси, так и ее балтийских соседей в конце XI — XIII в., чаще встречаются в XII в. (Мальм, 1968. С. 114–117; Murgurēvičs, 1974. P. 236, 237, fig. 1, 1–4; 1998. Abb. 6; Седова, 1981. С. 52; Сагайдак и др., 1997. С. 31–37; Гайдуков, Олейников, 2013. Рис. 11, 8). В Киеве кресты обоих типов были обнаружены в составе одного ремесленного комплекса первой половины XIII в. (Сагайдак и др., 1997. С. 35, рис. 2, 8, 9).

Единственная подвесная печать с изображением Голгофы в коллекции (МАЭ №7718-305) (рис. 1, 3) представляет собой либо дорник — печать для просфор, либо личную прикладную печать кого-либо из «людей церковных». Лицевая сторона печатки из собрания МАЭ имеет упро-

щенную иконографию: крест на прямоугольном подножии прочерчен углубленной линией, по сторонам от него инициалы ИС ХС, внизу буквы КА (часть надписи НИКА, начало которой «потерялось» в черточках над крестом), по периметру подвески вместо типичной в таких случаях надписи «Кресту Твоему поклоняемся ИС ХС» идет грубо исполненный пояс с поперечными рисками, возможно, имитирующими буквы. На оборотной стороне помещено изображение некоего «лютого зверя», по краю подвески — зубчатая кайма. Среди находок в Старице Тверской области есть аналогичные подвески с надписями «ПЕЧАТЬ СТАРЦА ВАСТЬЯНА», «ПЕЧАТЬ ОНДРЕЯ СМОНОВА» (Романченко, 1928. С. 39, рис. 8; 9). Также в Старице, Великом Новгороде и Пскове есть находки с надписью «ПЕЧАТЬ» на обороте и оставленным местом для имени (Романченко, 1928. С. 38, 39; Колпакова, 2014. С. 90). Отметим, что на обороте псковской находки присутствует изображение птицы, похожей на рисунок тверских пул (Колпакова, 2014. С. 84, рис. 1, 6), что перекликается с зооморфным сюжетом на печатке из коллекции МАЭ.

Фрагмент наперсного креста с двусторонним декором представляет собой часть средокрестия и боковую лопасть (рис. 1, 4). Обломок принадлежит кресту с каплевидным завершением лопастей и изображением Распятия на лицевой стороне и, предположительно, Ильи Пророка на обороте. В конце лопасти на лицевой стороне фрагмента расположено парное поясное изображение святых вполоборота в круглой рамке, на тыльной — одиночное фронтальное. Крест имеет аналоги в виде целых экземпляров XV–XVI вв. с сохранными надписями в коллекциях Псковского музея-заповедника (Колпакова, 2011. С. 152, рис. 4, 2), Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева и из раскопок на Куликовом поле (Гнутова, Зотова, 2000. С. 25, рис. 17).

В коллекции малочисленны кресты XV–XVI вв.: шестиконечные с завершением нижней лопасти «килем» или «лопаткой» (рис. 2, 1). Среди них два предмета типа 3.2³ (МАЭ № 7718-153, 154) с характерным несколько оплывшим рельефом и

³ Здесь и далее обозначения типов даются по классификации Ю. В. Колпаковой, Л. Я. Костючук (Колпакова, Костючук, 2017). Классификация охватывает типы XV–XVIII вв. по материалам из Пскова и построена по другой системе, нежели типология Э. П. Винокуровой (Винокурова, 1999; Молодин, 2007), но учитывает ее данные.

сглаженным контуром, с изображенным тонкими контурными линиями семиконечным Крестом на лещадной горке (в виде высокой массивной двухременной плетенки) с терновым венцом и Орудиями Страстей, исполненными в технике «жемчужницы».

Встречен один экземпляр разновидности типа 5, грубого кустарного изделия, аналоги которого известны по сельским погребениям с территории Ленинградской области и Гдовского района Псковской области (Спицын, 1903. С. 24, рис. XXIV, 28) (МАЭ № 7718-272) (рис. 2, 2).

Из крестов XVII–XIX вв. встречены предметы типов 6.1 и 6.5: трапециевидноконечные кресты с изображением в высоком рельефе Креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с каймой по периметру подвески, с надписями «ЧРЬ СВЫ», «ІС ХС», «NH KA», «MLPB», «K», «T» на лицевой стороне и с многострочным текстом на обороте (МАЭ № 7718-295, 145) (рис. 2, 3), причем в обоих случаях это мелкие разновидности подтипов, а также один крупный крест типа 6.5 (МАЭ № 7718-128) (рис. 2, 4).

В коллекцию попало и несколько четырехлопастных прямоугольноконечных крестов:

— разновидность типа 9 (XVII–XVIII вв.), средние по размерам и близкие по декору лопастей к подтипу 9.2: с изображением в невысоком рельефе и надписями несложной вязью (МАЭ № 7718-147) (рис. 2, 5);

— две разновидности типа 10, близкие к подтипам 10.4 (XV–XVII вв.) и 10.4 Б (конец XVIII — XIX в.) (МАЭ № 7718-142, 163) (рис. 2, 6) и к подтипу 10.6 (XVII–XVIII вв.) — прямоугольноконечный с углубленным рельефом, с венцом в средокрестии (МАЭ № 7718-296) (рис. 2, 7). На обороте креста типа 10.4 прослеживается редкий текст — фрагмент молитвы «ОРУЖИЕ КРЕСТ ТВОЙ» (измененный текст стихир 8 Гласа Октоиха), на обороте креста типа 10.4 Б — надпись «КРТ ХРАНИТЕЛЬ ВСЯ...» (фрагмент светилены);

— крестик одной из разновидностей типа 13 (XVI–XVII вв.), менее 3 см высотой, четырехлопастной прямоугольноконечный с низкорельфным изображением восьмиконечного Креста на треугольной Голгофе, инициалами «НС ХС» в квадратных рамках и многострочной надписью на обороте (МАЭ № 7718-170) (рис. 2, 8).

Также в коллекцию МАЭ попала редкая археологическая находка тельника с изображением Распятия (МАЭ № 7718-146) (рис. 2, 9). Крест четырехлопастной прямоугольноконечный с узким ушком, надпись над головой Христа нечитаема. Стопы Спасителя «пробиты» одним гвоздем, что

характерно для западноевропейской иконографии. На обороте креста — геометрическая композиция, выстроенная вокруг четырехконечной звезды с ромбическими лучами. По аналогии с находкой из раскопок А. А. Метельского в Невсвижском замке он может датироваться XVII в. (Археологическое наследие..., 2012. С. 172).

Второй по количеству представленных экземпляров тип — так называемые мужские кресты, тип 16⁴. В коллекции оказалось 12 экземпляров данного типа. Артефакты варьируются по высоте от 3,1 до 5,1 см и различны по качеству рельефа. На многих из них сохранились читаемые тексты. На кресте МАЭ № 7718-141 сохранилась эмаль голубого цвета, которой покрыт фон лицевой части (рис. 2, 10).

Наибольшее количество предметов металлопластики относится к типу 17 («девичьи» и «женские» кресты, так называемые листики)⁵. Данный тип отличает присутствие декора с растительным орнаментом на концах лопастей и в средокрестии, что придает кресту ромбовидные очертания (рис. 2, 11). На обороте в пространство лопастей изделия помещен многострочный текст. Некоторые тексты размещены и на лицевой стороне. Размеры крестов типа 17 по высоте варьируются в коллекции от 3,2–4,6 до 4,9–5,7 см. Довольно много экземпляров, принадлежащих к двум размерным рядам: около 3,9 и 5,5–5,6 см высотой.

Интересен крест со следами кустарной починки — взамен отломанного ушка в верхней части высверлено два крупных отверстия для подвешивания (МАЭ № 7718-87). Присутствуют экземпляры, украшенные эмалью: МАЭ № 7718-89 со следами синего и белого покрытия, МАЭ № 7718-110 — с эмалью салатного цвета, а также один ажурный «процветший» (МАЭ № 7718-126) (рис. 2, 12).

Отметим, что этнографическое отнесение крестов к «мужским» и «женским» соблюдалось, судя по археологическим данным, далеко не всегда, что можно проследить и по материалам раскопок некрополя XVIII в. в Петрозаводске, для которого было сделано антропологическое определение скелетов (Бельский, 2021).

Довольно многочисленны в коллекции в целом, хотя и единичны в своих разновидностях, кресты с «устыицами» и «лучами сияния».

⁴ МАЭ № 7718-141, 143, 144, 148, 150, 151, 152, 155, 156, 157, 158, 169.

⁵ МАЭ № 7718-83, 84(?), 85, 86, 87, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 166, 167, 168, 172, 286, 289.

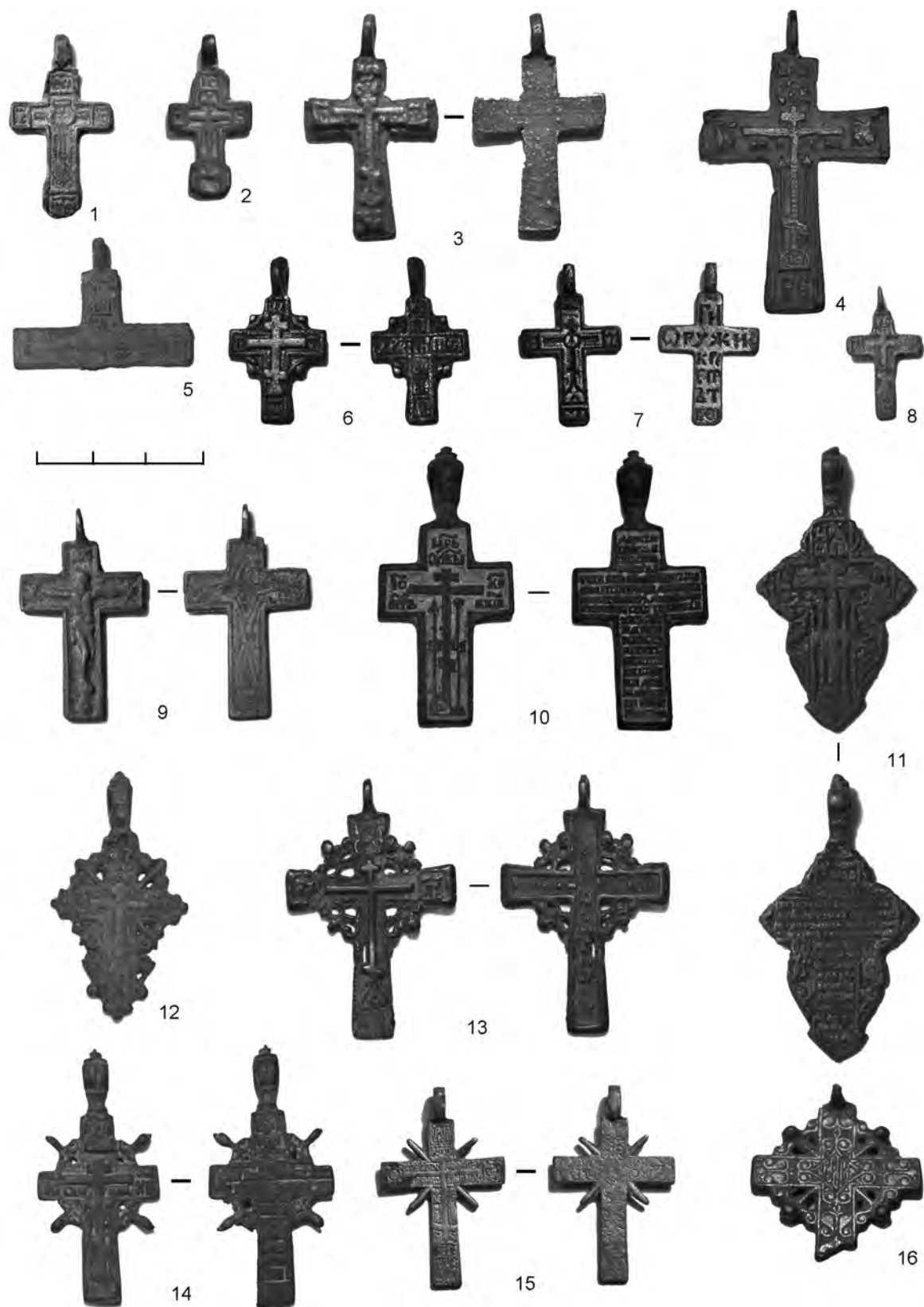

Рис. 2. Нательные кресты позднего Средневековья и Нового времени из коллекции МАЭ № 7718 (типы 3, 5, 6, 9, 10, 13, 16, 17)

Fig. 2. Late medieval and early modern baptismal crosses from MAE RAS, No. 7718 (types 3, 5, 6, 9, 10, 13, 16, 17)

Среди них есть три экземпляра **типа 6**. Близики к **подтипам 6.3 и 6.4** трапециевидноконечные крестики с высоким рельефом, в средокрестии с «устыцами» и крупными литыми шариками-«жемчужинами»⁶ (рис. 2, 13), а также два экземпляра упрощенной разновидности **подтипа 6.4** (МАЭ № 7718-124, 287) (рис. 2, 14), с фигурным ушком, с «устыцами» в средокрестии, завершающимися шишками, с изображенным в высоком рельефе восьмиконечным Крестом с Орудиями Страстей на полукруглой Голгофе, с надписями: «ЦРЬ СЛВЫ» (в две строки), «ІС ХС», «СНЪ БЖИ», «ННКА» на лицевой стороне, с многострочным текстом на обороте, но без «язычков пламени» по периметру подвески.

Три креста близки к **подтипу 9.2** (XVII–XVIII вв.), однако отличаются элементами оформления средокрестия. Это средние по размеру четырехконечные кресты с изображением восьмиконечного Креста, на лицевой стороне — с надписями несложной вязью «ЦРЬСЛ», «ІС» «ХС» (под титлами), «КОП», «ТРО», «НКЯ» и начертанной внутри горизонтальных лопастей креста «КРЕСТУ ТВОЕМУ ПОКЛАНЯЕМСЯ»⁷ (рис. 2, 15). Интересны образцы искусно выполненной вязи на фрагменте предмета МАЭ № 7718-125 (рис. 2, 16). В коллекции во фрагментированном виде представлена усложненная разновидность креста **подтипа 9.2** (XVII–XVIII вв.) с дополнительными декоративными элементами на концах лопастей, украшенная в области средокрестия терновым венцом с шариками (МАЭ № 7718-161) (рис. 3, 1).

Большая группа крестов классифицируется как разновидности **типа 11**. Десять экземпляров близки к **подтипу 11.2** (конец XVII — XVIII в.), прямоугольноконечные, с «устыцами» в средокрестии и дополненными шариками-«жемчужинами»⁸ (рис. 3, 2). Две находки (МАЭ № 7718-123, 276) в разной степени близки к **подтипу 11.16**. (XVII–XVIII вв.): прямоугольноконечные, с «устыцами» в средокрестии. На кресте МАЭ № 7718-123 сохранились остатки желтой эмали (рис. 3, 3).

Несколько крестов хорошо соотносятся с разновидностями **типа 12**: кресты с венцом в средокрестии и прямым либо фигурным завершением лопастей. Среди них один экземпляр **подтипа 12.1**

(XVII–XVIII вв.) — средний четырехлопастной прямоугольноконечный крест с фигурным терновым венцом в средокрестии и с изображением на лицевой стороне широколопастного восьмиконечного Креста с цатой (МАЭ № 7718-127) (рис. 3, 4).

Также в коллекции выявлено четыре экземпляра более сложного и богато декорированного **подтипа 12.2** (также XVII–XVIII вв.): крупные (около 5 см высотой) четырехлопастные кресты с расширением на концах лопастей в форме купола (листа), с фигурным терновым венцом (с лучами сияния либо с шариками) вокруг средокрестия. Для них характерно изображение восьмиконечного Креста с цатой выпуклыми контурными линиями, надписи в рамках «ЦРЬ СЛЪ», «ІС ХС», «НН КА», «МЛРЪ» на лицевой стороне, тексты на обороте в виде квадратных композиций из двух- и трехстрочных фрагментов и надписи по кругу в медальонах на концах крестов (МАЭ № 7718-129, 130) (рис. 3, 5). Один из крестов сильно деформирован, но можно наблюдать, что в одном из медальонов на концах лопастей было крепление для вставки из стекла или камня (МАЭ № 7718-173). Крест МАЭ № 7718-274 аналогичен предыдущим, но значительно мельче и вместо лучей сияния украшен декоративными шариками (рис. 3, 6).

Сравнение пышно украшенных крестов с лучами сияния, «устыцами» и венцами с предметами из псковской классификации показывает, что у вещей из коллекции МАЭ есть региональное своеобразие, выраженное в предпочтениях декора (замена «лучей» на «жемчужины») и, возможно, в выборе размещенных текстов.

Трехлопастноконечные кресты с изображением Голгофы представлены одним поздним экземпляром **подтипа 14.1** (не ранее XVIII в., в данном случае — штамповка XIX–XX вв.) с началом текста Псалма 67 на обороте (МАЭ № 7718-281) (рис. 3, 7). Крест лишен типичных для литых крестов XVIII в. элементов иконографии: надписей в ромбах, декоративной формы Голгофы.

Довольно редкий **тип 15** (XVI–XVIII вв.) представлен двумя экземплярами — это кресты с ланцетовидным (в виде листа, луковицы) завершением лопастей, без дополнительного декора, средние по размеру, с изображением в высоком рельефе голгофского восьмиконечного Креста, с массивными выпуклыми надписями «ЧРЬ С...», «ІС ХС» и другими (МАЭ № 7718-159) (рис. 3, 8). На обороте креста МАЭ № 7718-291 вместо надписи представлена развернутая композиция Орудий Страстей, включающая изображения колонны,

⁶ МАЭ № 7718-120, 121, 171.

⁷ МАЭ № 7718-125, 279, 294.

⁸ МАЭ № 7718-122, 164 и отчасти МАЭ № 7718-131, 277, 290, 298, 301, 165, 164, 160.

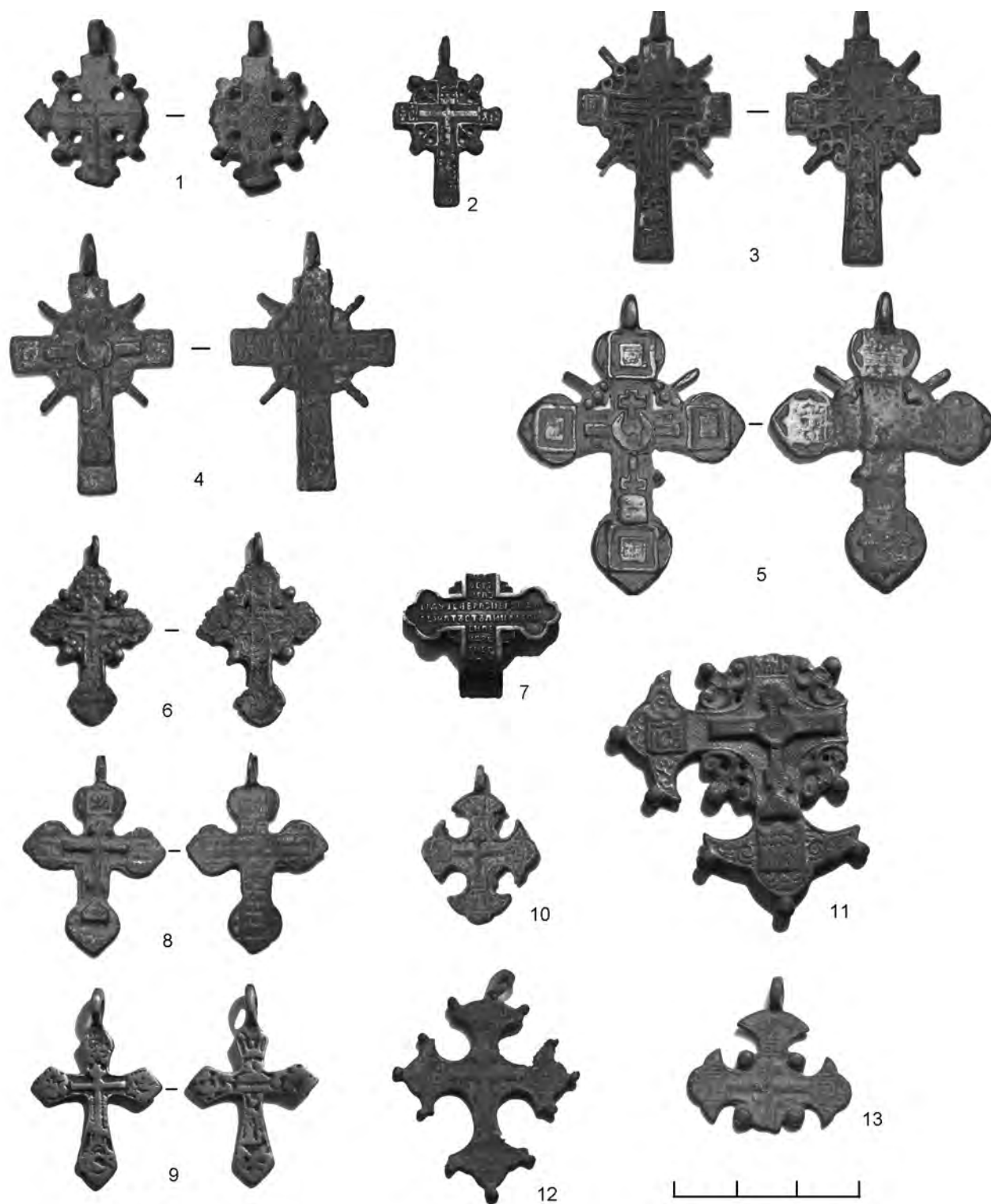

Рис. 3. Нательные кресты позднего Средневековья и Нового времени из коллекции МАЭ № 7718 (типы 11, 12, 14, 15, 18, 21)

Fig. 3. Late medieval and early modern baptismal crosses from MAE RAS, No. 7718 (types 11, 12, 14, 15, 18, 21)

обвитой вервием, с петухом наверху, балки креста, молотка, клещей, одежд, игральные кости и т. д. (рис. 3, 9).

Криноконечные четырехлопастные голгофские кресты типа 18 представлены миниатюрными разновидностями подтипа 18.1 (XVI–XVIII вв.) с изображением восьмиконечного Креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с бортиком по периметру подвески, с надписями «Ць...», «IC XC», «НИК» (с лигатурами) в квадратных рамках на лицевой стороне и с орнаментом в виде завитушек на обеих сторонах⁹ (рис. 3, 10). Присутствуют криноконечные кресты, контур которых усложнен как «слезками» на кончиках кринов, так и шариками-«жемчужинами» в средокрестии¹⁰ (рис. 3, 12, 13).

Своеобразно в коллекции представлена разновидность крупных декоративных криноконечных наперсных крестов — подтип 18.2 (XVII–XVIII вв.) со смыкающимися концами со «слезками» (шариками) по периметру, с изображением Креста с Орудиями Страстей на Голгофе, с надписями «ЧРЛ СЛЯ(А)» («А» в виде «Я»), «НС ХС» (с «И» в виде «Н») в рамках на лицевой стороне либо со вставками из круглых камней или стекла в оправках в концах лопастей. Этот подтип по месту производства искусствоведы устойчиво связывают с Великим Новгородом (Островский, Федоров, 2007. С. 281). Один крест (МАЭ № 7718-270) (рис. 3, 11) имеет классический «новгородский» облик, пять других — в большей степени представляют собой подтип 18.1, усложненный обилием «слезок» по контуру лопастей и в средокрестии¹¹.

В коллекции также находятся обломки фрагментов штампованных крестов разновидностей типа 21 с овальными и овальными двухчастными завершениями лопастей (МАЭ № 7718-280, 275), а также литые изделия современного облика XIX–XX вв.¹²

Часть нательных крестов с изображением Голгофы данной коллекции типологически датируется XV–XVI вв. В основном изделия произведены в XVII–XIX вв. и частично — в более позднее время. Среди них есть и несколько относительно современных наградных вещей, являющихся предметами антиквариата, рассмотрение которых останется за пределами данного обзора.

⁹ МАЭ № 7718-300, 174, 297 высотой около 2,4 см.

¹⁰ МАЭ № 7718-278, 283, 284, 299.

¹¹ МАЭ № 7718-269, 278, 283, 284, 299.

¹² МАЭ № 7718-175, 273, 285, в том числе вышеупомянутый МАЭ № 7718-281.

По типологическому составу коллекция довольно обычна для Северо-Запада России. Если бы предметы не были депаспортизованы, они могли бы послужить надежными хроноиндикаторами для своих памятников.

В целом сложилось впечатление, что собиратель пытался коллекционировать кресты только определенных «интересных» типов, что свидетельствует в пользу гипотезы о разрозненности коллекции по местам находок. Сохранность предметов различна, но типична для археологических находок и подъемного материала. Несколько крестов грубо «расчищены» с помощью кислоты, некоторые законсервированы лаком.

Достаточное количество надписей на изученных нательных крестах и хорошая их сохранность позволяют охарактеризовать данный корпус находок как перспективный для изучения текстов молитв и номинативных обозначений в контексте общих данных о надписях на крестах с изображением Голгофы. В любом случае введение этих данных в научный оборот — то необходимое, что можно сделать для начала актуализации исторической информации от депаспортизованных находок.

В процессе приемки коллекции на основе анализа ее состава выдвигалось предположение, что составляющие ее предметы происходят из нескольких сельских кладбищ. Добавим к этому, что характерные особенности некоторых отреставрированных вещей в коллекции позволяют предположить, что помимо незаконных действий в отношении памятников археологии часть предметов могла происходить из школьного или муниципального музея, формировавшего свое собрание в 1970–1980-е гг.

Выборочный анализ состава сплавов нательных крестов

Для анализа были отобраны самые сохранные предметы, максимально свободные от окислов, имеющие наиболее характерный облик для каждого из рассмотренных в данной публикации типов. Аналитическая часть исследования по изучению состава сплавов цветных металлов публикуемых изделий выполнена в лаборатории музейных технологий МАЭ. Предметы были проанализированы неразрушающим методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА).

Химический состав определялся с помощью прибора Olympus Vanta C pXRF в режиме GeohimExtra с тремя измерениями для каждого образца. Прибор оснащен кремниевым дрейфовым детектором и рентгеновской трубкой (40 кВ)

с родиевым (Rh) анодом. Показания содержания элементов рассчитаны на основе метода фундаментальных параметров, используемого при обработке информации прибором. Дальнейшая обработка результатов осуществлялась математически, с приведением показателей концентрации к 100 %. При выделении сплавов учитывалось содержание легирующих добавок не менее 1 %.

Исследовался корпус предметов личного благочестия, хранящийся в фондах отдела археологии МАЭ, коллекция 7718. В серию вошли нательные кресты Нового времени, отличающиеся как типологически, так и технологическими особенностями изготовления. Выборка составила 29 предметов из медных сплавов и серебра. Артефакты были подвергнуты анализу без предварительного удаления окислов и возможных следов консервации или химической очистки металла. Учитывая высокую чувствительность РФА анализа к химическому составу поверхности металла, любые окислы и загрязнения дают количественные изменения содержания компонентов в сплаве, в результате выявляются некоторые несвойственные примеси (Енисова, Митоян, 2014. С. 144, 145). Показания снимались для одной точки поверхности исследуемого образца. При необходимости измерения дублировались на части поверхности предмета с предполагаемым покрытием.

Анализ выборки показывает, что 100 % изделий изготовлено из сплавов цветных и драгоценных металлов. Лишь некоторые серебряные предметы можно отнести к категории «условно чистых» металлов. Медные сплавы представлены бронзами и латунями разных составов. 14 предметов металлопластики выполнено из бронзы, 11 — из латуни, четыре — из сплавов серебра.

Наибольшую группу образуют кресты, выполненные из бронз разного состава. Преобладают изделия из оловянно-свинцовых бронз (CuSnPb) с примесью мышьяка и сурьмы или без таковой; всего выявлено восемь предметов, четыре из которых не имеют примесей. Содержание олова в изделиях — 11,6–41,1 %, свинца — 5,7–24,0 %. Четыре креста¹³ в своем сплаве имеют примесь мышьяка от 1,6 до 5,2 %. Два из них¹⁴ содержат также примесь сурьмы 1,8–2,7 %. Предметы, изготовленные из CuSnPb бронз без примесей¹⁵, имеют больший диапазон содержания олова

при общем снижении количества свинца. Шесть предметов¹⁶ выполнены из многокомпонентной бронзы CuSnZnPb+As. Олово составляет от 2,9 до 37,4 %, свинец — 2,5–13,0 %, цинк — 1,0–2,4 % сплава. В одиночных экземплярах (МАЭ № 7718-174) присутствует примесь мышьяка 1,2 % и висмута (МАЭ № 7718-170) — 1,0 %.

Латуни представлены сплавами трех рецептов. Наиболее многочисленная группа (семь изделий) выполнена из свинцовой латуни CuZnPb.¹⁷ Сплав содержит цинк (3,1–23,3 %), свинец (1,1–15,9 %). В сплавах нательных крестов¹⁸ присутствуют мышьяк (2,1 %), барий (2,5 %), висмут (1,0 %). Обособленно стоит отметить изделие (МАЭ № 7718-126), изготовленное из латуни с очень высоким содержанием меди (92,1 %), легированное цинком (3,1 %) и свинцом (2,6 %), а также содержащее примесь висмута (1,0 %).

Двойные латуни CuZn использованы для изготовления трех крестиков¹⁹. Сплав содержит 86,3–89,0 % меди и 8,7–11,5 % цинка. Выделяется единичное изделие (МАЭ № 7718-83) из многокомпонентной латуни CuZnSnPb с примесью мышьяка. В рецептуре задействованы свинец (15,9 %), цинк (12,5 %), олово (4,1 %), мышьяк (2,0 %).

Серебро, использованное при производстве четырех нательных крестов²⁰, представляет собой сплав Ag + Cu с примесями. При высоком содержании серебра (90–95 %) в сплав добавлено 1,9–6,2 % меди. Три изделия имеют примесь золота 0,9–1,8 %²¹. Кроме того, в составе сплава крестика МАЭ № 7718-281 обнаружена примесь бария 1,0 %, а в изделии МАЭ № 7718-291 — примесь свинца 1,3 %. Крест МАЭ № 7718-294 выполнен из низкопробного серебра с пропорцией сплава: серебро–медь 71,2–20,3 % и значительной примесью бария — 5,8 %.

В целом сплавы бронз характеризуются более высоким содержанием легирующих добавок. Наличие в рецептуре бронз примеси мышьяка и висмута можно рассматривать как возможный индикатор источника сырья, но для предметов поздних эпох эта связь не всегда очевидна. Наличие изделий из многокомпонентной бронзы и латуни

¹⁶ МАЭ № 7718-125, 147, 170, 174, 274, 278.

¹⁷ МАЭ № 7718-123, 126, 127, 128, 141, 161, 163.

¹⁸ МАЭ № 7718-127, 141, 161.

¹⁹ МАЭ № 7718-122, 124, 159.

²⁰ МАЭ № 7718-281, 291, 294, 296.

²¹ МАЭ № 7718-281, 291, 296.

¹³ МАЭ № 7718-145, 153, 270, 272.

¹⁴ МАЭ № 7718-153, 272.

¹⁵ МАЭ № 7718-121, 129, 146, 285.

Таблица. Результаты выборочного рентгенофлуоресцентного анализа нательных крестов из коллекции МАЭ № 7718

Table. Results of X-ray fluorescence analysis of selected baptismal crosses from MAE RAN, No. 7718

№ п.п.	Индекс анализа, префикс МАЭXRF	Номер предмета в кол. МАЭ 7718	Тип	Массовая доля элемента, %										Состав сплава
				Cu	Zn	As	Ag	Sn	Pb	Sb	Ba	Au	Bi	
Оловянно-свинцовые бронзы CuSnPb														
1	985	121	6.3/6.4	75,8	0,4	0,7	0,2	11,6	10,1	0,3	0,5	0,0	0,4	CuSnPb
2	997	129	12.2	49,0	0,9	0,7	0,4	41,1	7,0	0,3	0,3	0,0	0,2	CuSnPb
3	988	146	Распятие	64,6	0,1	0,0	0,1	28,7	5,7	0,1	0,4	0,0	0,2	CuSnPb
4	978	145	6.1	51,1	0,4	2,2	0,4	22,3	22,5	0,6	0,4	0,0	0,2	CuSnPb+As
5	980	153	3.2	41,2	0,2	2,4	1,0	28,3	24,0	1,8	0,8	0,0	0,3	CuSnPb+AsSb
6	1003	270	18.2	61,5	0,2	1,6	0,3	19,7	15,7	0,3	0,4	0,0	0,2	CuSnPb+As
7	982	272	5	50,8	0,7	5,2	1,4	24,8	13,1	2,7	0,8	0,0	0,5	CuSnPb+AsSb
8	1007	285	21	67,5	0,5	0,0	0,1	24,0	6,9	0,2	0,5	0,0	0,3	CuSnPb
Многокомпонентная бронза CuSnZnPb+As														
9	991	125	9.2	52,8	2,0	0,1	0,1	34,3	10,0	0,3	0,2	0,0	0,1	CuSnZnPb
10	979	147	9/9.2	85,1	2,4	0,4	0,3	6,2	3,9	0,1	1,0	0,0	0,5	CuSnZnPb
11	989	170	13	90,7	1,9	0,0	0,2	2,9	2,5	0,2	0,8	0,0	1,0	CuSnZnPb
12	1001	174	18.1	58,6	1,5	1,2	0,3	24,1	13,0	0,6	0,4	0,0	0,2	CuSnZnPb+As
13	999	274	12.2	57,3	1,0	0,0	0,1	37,4	3,2	0,2	0,6	0,0	0,2	CuSnZnPb
14	1004	278	18.1	71,8	1,2	0,0	0,2	16,6	9,3	0,3	0,3	0,0	0,3	CuSnZnPb
Свинцовая латунь CuZnPb														
15	977	128	6.5	77,6	19,9	0,1	0,1	0,2	1,1	0,1	0,4	0,0	0,6	CuZnPb
16	981	163	10.4/ 10.4 Б	72,0	23,3	0,1	0,1	0,9	2,5	0,1	0,3	0,0	0,7	CuZnPb
17	986	126	6.4б	92,1	3,1	0,4	0,1	0,0	2,6	0,1	0,5	0,0	1,0	CuZnPb
18	987	141	16	79,6	16,8	0,1	0,0	0,1	1,8	0,1	0,4	0,0	1,0	CuZnPb
19	994	123	11.1б	72,4	21,8	0,3	0,2	0,1	4,2	0,1	0,4	0,0	0,6	CuZnPb
20	996	161	9.2	88,1	3,9	0,4	0,1	0,3	4,0	0,1	2,5	0,0	0,5	CuZnPb
21	995	127	12.1	75,1	12,2	2,1	0,2	0,0	9,2	0,1	0,4	0,0	0,7	CuZnPb+As
Двойная латунь CuZn														
22	993	122	11.2	86,3	11,5	0,0	0,1	0,2	0,4	0,1	0,4	0,0	1,1	CuZn
23	990	124	6.4а	89,0	8,7	0,0	0,1	0,1	0,4	0,1	0,4	0,0	1,2	CuZn
24	998	159	15	86,6	10,8	0,0	0,2	0,1	0,9	0,1	0,5	0,0	0,9	CuZn
Многокомпонентная латунь CuZnSnPb														
25	984	83	17	64,5	12,5	2,0	0,1	4,1	15,9	0,3	0,4	0,0	0,2	CuZnSnPb+As
Сплав серебра Ag + Cu														
26	1000	281	21	2,4	0,0	0,0	94,8	0,0	0,0	0,0	1,0	1,8	0,0	Ag + Cu
27	1002	291	15	6,2	0,5	0,1	90,3	0,0	1,3	0,0	0,6	1,1	0,0	Ag + Cu
28	992	294	9.2	20,3	2,1	0,1	71,2	0,0	0,3	0,1	5,8	0,1	0,0	Ag + Cu
29	983	296	10.6	1,9	0,0	0,0	95,7	0,0	0,5	0,0	1,0	0,9	0,0	Ag + Cu

с примесями указывает на длительный круговорот лома цветных металлов в производстве. Присутствие висмута в нескольких изделиях из латуни говорит, возможно, об их позднем происхождении, так как наличие висмута наиболее характерно для сплавов латуни изделий конца XIX — начала XX в. То же можно сказать и о серебряных сплавах: наличие небольшого содержания золота, скорее всего, указывает на оборот лома позолоченных изделий, а вот единичную примесь бария в достаточно большом количестве объяснить сложнее. Возможно, элемент является рудным индикатором или попал в сплав вместе с медью, которая была загрязнена в процессе производства (например, из шихты). Также нельзя исключать возможность попадания бария

на поверхность предмета в процессе манипуляций, которые осуществлял находчик.

Типы крестов, для которых определена композиция сплава приведены в таблице. Связь «тип креста — тип сплава» на материалах данной выборки не прослеживается, поскольку для анализа намеренно отбирались разнотипные изделия. Так как коллекция состоит из депаспортизованных предметов без контекста и с достаточно условной широкой географической привязкой, не имеет смысла пытаться интерпретировать связь «предмет — рецепт сплава — производство». Для коллекций такого типа характерна не только хронологическая и географическая разрозненность, но и более высокая мобильность предметов и металла во времени и пространстве в Новое время.

Археологическое наследие..., 2012 — Археологическое наследие Беларуси / Сост., автор вступ. ст. О. Н. Левко; науч. ред. А. А. Коваленя, О. Н. Левко. Минск: Белорусская наука, 2012. 192 с.

Бельский, 2021 — Бельский С. В. Предварительные результаты археологических исследований на площади Кирова в городе Петрозаводске в 2020 г. // Вестник Национального музея Республики Карелия. Вып. 8: Сб. ст. / Редкол. М. Л. Гольденберг, М. М. Шахнович, Д. Н. Кузнецов; Министерство культуры Республики Карелия, БУ «Национальный музей Республики Карелия». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. С. 219–229.

Винокурова, 1999 — Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век / Авт.-сост. Л. А. Беляев. М.: Наука, 1999. С. 326–360.

Гайдуков, Олейников, 2013 — Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский-2 раскоп) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 20–30.

Гнутова, Зотова, 2000 — Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI — начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: Альбом. М.: Интербук-бизнес, 2000. 136 с.

Ениосова, Митоян, 2014 — Ениосова Н. В., Митоян Р. А. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 143–146.

Колпакова, 2011 — Колпакова Ю. В. Энкалпионы Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Псков: Печатный двор «Стерх», 2011. Вып. 2: К юбилею И. К. Лабутиной. С. 141–156.

Колпакова, 2014 — Колпакова Ю. В. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях // АИППЗ. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 59-го заседания). Вып. 29. С. 82–94.

Колпакова, Костючук, 2017 — Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы // АИППЗ. М., Псков: ИА РАН, 2017 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 62-го заседания). Вып. 32. С. 36–56.

Мальм, 1968 — Мальм В. А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь: Сб. ст. / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 113–117.

Молодин, 2007 — Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.

Николаева, Недошивина, 1997 — Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология СССР). С. 166–178.

Островский, Федоров, 2007 — Островский А. Б., Федоров Ю. А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб.: Арт-Палас, 2007. 348 с.

Романченко, 1928 — Романченко Н. Ф. Образцы Старичского медного литья // Материалы по русскому искусству. Л.: Издание Государственного Русского музея, 1928. Т. 1. С. 37–42.

Рудакова, 2018 — Рудакова Г. Н. Кургомьень. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2018. 381 с.

Сагайдак и др., 1997 — Сагайдак М. А., Сергеева М. С., Михайлов П. С. Новые находки древнерусского ремесла в Киеве // Древности–1996: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 31–37.

Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Спицын, 1903 — *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1903 (МАР; № 29). 124 с.

Mugurēvičs, 1974 — *Mugurēvičs Ē.* Krustiņveida piekariņi. Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. // *Archeologia un etnografija*. Rīga: Zinātne, 1974. № XI. L. 220–239.

Mugurēvičs, 1998 — *Mugurēvičs Ē.* Die Verbreitung des Christentums in Lettland vom 11. Jahrhundert bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts // *Rom und Byzanz im Norden. Teil 2: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.-14. Jahrhunderts* / Hrsg. von M. Müller-Wille. Mainz; Stuttgart: Steiner, 1998. S. 81–96.

Collection of baptismal crosses from the Archangel Region at Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint-Petersburg: Composition and peculiarities

Yu. V. Kolpakova, S. V. Belsky, G. K. Danilov²²

Keywords: Baptismal crosses, Calvary crosses, pectoral crosses, seals, X-ray fluorescence, Kurgomen, Kholmogory.

We analyzed 111 artifacts with Christian symbols (mostly baptismal crosses), belonging to a collection of 337 artifacts handed over to the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) by the RF Ministry of Culture after being confiscated from looters of archaeological sites. They originate from the Middle Dvina (Archangelsk Oblast). We present their typology and tentative dates based on parallels.

There are two Old Russian baptismal crosses with enamel and 107 late medieval and early modern ones; a fragment of a pectoral cross and a seal-pendant with the Calvary cross. 15th–16th cen. crosses (six-pointed with a carinate tip of the lower arm) are represented by only three specimens. Three of the 17th–19th cen. crosses are trapezoid, representing Calvary crosses in haut relief, some are four-armed with orthogonal tips (these include 12 so-called men's crosses and 44 "leaves" or women's crosses; 21 spec. have split tips and some have "rays of glory"). A few specimens show Calvary crosses and some have carinate tips. Other crosses include a rare specimen with a crucifix, and fragments of modern type crosses. Regrettably, the crosses are undocumented, otherwise they could have served as reliable chronological indicators.

Twenty-nine specimens were subjected to X-ray fluorescence analysis. Most specimens are made of stannic-plumbic bronzes with or without some arsenic and antimony (CuSnPb — 8 spec.), or of multi-component bronze (CuSnZnPb+As — 6 spec.), and of plumbic brass (CuZnPb — 7 spec.). One specimen is made of brass with a high content of copper. Copper alloys have a high content of admixtures. Silver, used in four crosses, is an alloy of Ag + Cu with minor components.

---

²² Yuliya V. Kolpakova — Pskov State University; Pskov, Russia; e-mail: pskov-sova@mail.ru; Stanislav V. Belsky, Gleb K. Danilov — Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: belskiy.stas@mail.ru, gleb.danilov.spb@gmail.com.

Казахские тамга-петроглифы Чу-Илийского междуречья: датировка, локализация, идентификация¹

А. Е. Рогожинский, Г. А. Калдыбаева²

Аннотация. В статье изложены результаты изучения тамга-петроглифов казахов в междуречье Или и Чу на юго-востоке Казахстана, где сосредоточены и тамги средневековых кочевников, и более поздние. Те и другие встречаются чаще возле зимовок. Письменные источники позволяют идентифицировать тамги казахов, объяснить причины их широкого применения «земельной теснотой» среди кочевников в связи с ростом оседлого населения района на рубеже XIX–XX вв. Предполагается, что концентрация здесь же средневековых тамг связана с ростом оседлого населения в IX–XII вв.

Ключевые слова: тамга-петроглиф, Чу-Илийское междуречье, казахи, кочевники, Средневековье, Новое время.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-186-200

Введение

Наскальные изображения достоверных знаков средневековых кочевников и казахов в Семиречье (Юго-Восточный Казахстан) впервые зафиксированы на фотографиях верненского археолога-любителя Н. Н. Пантусова в 1897 г. (Пантусов, 1899. С. 64, 65; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 230. Л. 42–44). Однако специальное изучение тамга-петроглифов началось здесь значительно позднее (Аманжолов, 1959) и к настоящему времени приобрело систематический характер, развиваясь на стыке археологии, истории, этнографии и ряда вспомогательных дисциплин и выделившись в особый раздел — тамговедение (Рогожинский, 2019; Самашев, 2020).

В данной статье вводятся в научный оборот материалы по тамга-петроглифам Чу-Илийского междуречья (западная часть Семиречья — горно-степная низкоргорная область, которая служит водоразделом бассейнов рек Чу и Или, простираясь на 200 км от Северного Тянь-Шаня

до Юго-Западного Прибалхашья), собранные преимущественно А. Е. Рогожинским в ходе планомерного обследования района, осуществлявшегося в рамках нескольких научно-исследовательских программ в 2009–2022 гг. (рис. 1). Отдельные находки наскальных изображений знаков принадлежат А. М. Досымбаевой, проводившей в начале 2000-х гг. исследование памятников тюркского периода на западных склонах гор Киндыктас (Досымбаева, 2006. С. 52–57; Досымбаева, Богенбай, 2015. С. 106–133). Ряд выявленных ей местонахождений позже дополнительно обследован А. Е. Рогожинским (с 2021 г. — совместно с Г. А. Калдыбаевой). Наконец, в публикуемой коллекции наскальных изображений знаков учтены отдельные находки алматинских краеведов С. Ю. и Е. И. Меньшиковых, а также доктора Йоханнеса Рекеля (Georg-August-Universität Göttingen, Германия), любезно информировавших нас о своих открытиях и предоставивших необходимые материалы и данные.

Район междуречья Чу и Или остается перспективным для тамговедческих исследований как территория особенно высокой концентрации достоверных знаков кочевников, датируемых от поздней античности и Средневековья до Нового времени (XVIII — начало XX в.). Благодаря оптимальным ландшафтно-климатическим условиям Чу-Илийское междуречье оставалось привлекательным для кочевников разных

¹ Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по проекту BR18574175.

² Рогожинский А. Е., Калдыбаева Г. А. — Институт археологии им. А. Х. Маргулана; Алматы, Республика Казахстан; e-mail: alexeygo@hotmail.com, odd_story@mail.ru.

© Рогожинский А. Е., Калдыбаева Г. А., 2024

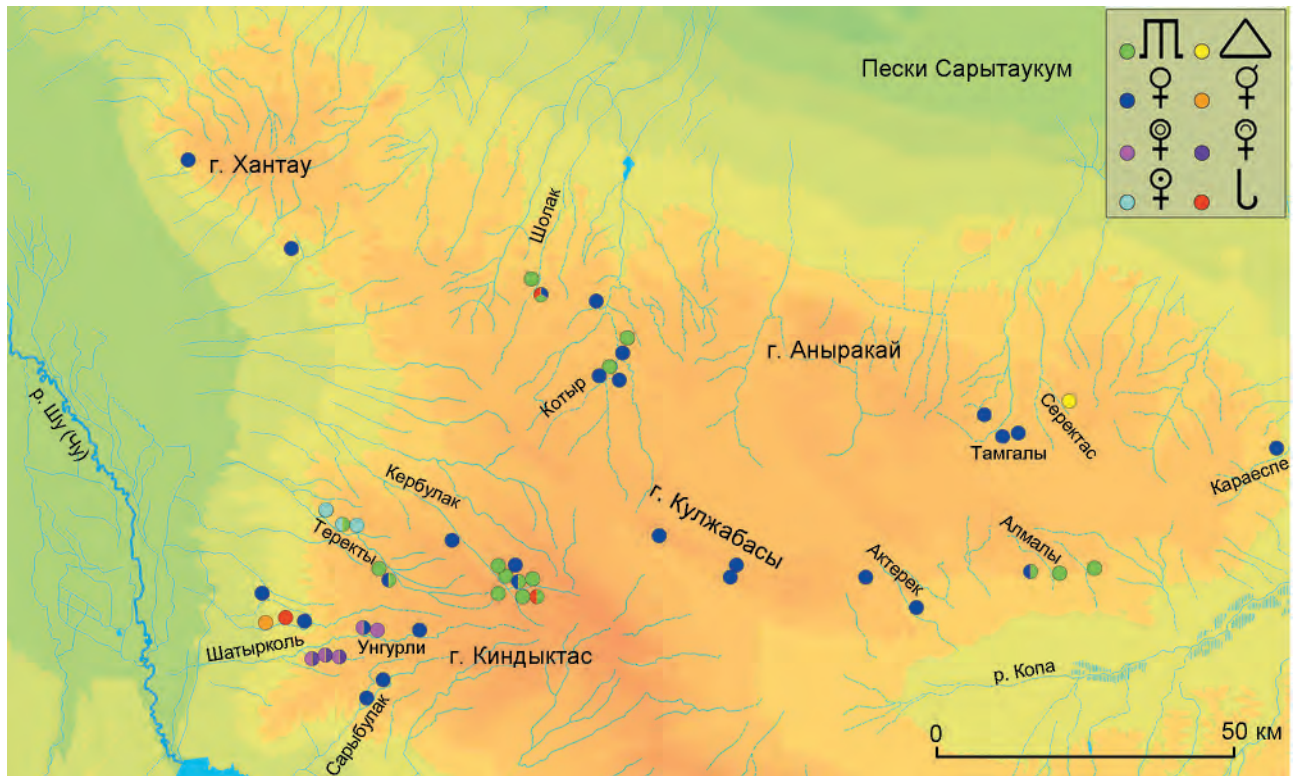

Рис. 1. Схематическая карта местонахождений тамга-петроглифов середины XIX — начала XX в. в Чу-Илийском междуречье

Fig. 1. Schematic map showing the location of petroglyphic tamgas of the mid-19th — early 20th cen. in the Chu-Ili watershed

исторических периодов как особенно удобное для сезонных стойбищ (Историко-культурный..., 2011. С. 13, 14), а территориальная близость к центрам оседлости и урбанизации на юго-востоке Казахстана, через которые в средние века и позднее проходили важнейшие трансрегиональные коммуникации, усиливала соперничество между теми или иными группами номадов за обладание районом, что стимулировало, в свою очередь, практику тамгопользования — традиционного механизма регулирования поземельных и других отношений. Именно этим, как нам представляется, можно объяснить обилие в Чу-Илийском междуречье тамга-петроглифов древних и средневековых кочевников и частое соседство с ними на скалах знаков идентичности казахских и кыргызских племен. Подобной концентрации памятников тамгопользования не наблюдается, например, в Сарыарке, Джунгарском Алатау и даже в Присырдарьинском Каратау.

Исследование тамга-петроглифов казахов XVIII — начала XX в., для которого есть достаточная база археологических, этнографических и письменных источников, имеет важное методическое значение прежде всего для сравнитель-

ного изучения материалов по тамгам кочевников средневекового периода. В отличие от последних тамги казахов в горных ландшафтах юга и востока Казахстана имеют достоверные узкие хронологические рамки; на основе имеющихся источников они идентифицируются как тамги определенного племени, рода и отделения³ или сословной группы казахского общества. Наконец, полнота доступных источников позволяет детально изучить существовавшие у казахов практики применения знаков и определить механизмы тамгопользования, действовавшие в конкретных исторических условиях. Так, в большинстве случаев удастся аргументированно объяснить создание на скалах и одиночных тамга-петроглифов, и целых собраний однотипных знаков или, наоборот, знаков разного вида — так называемых энциклопедий тамг. При этом имеется возможность определить факторы внешней мотивации, например, к появлению новых разновидностей родоплеменных

³ В генеалогической иерархии казахских племен и родов этнографами выделяются их отделения и подразделения.

знаков путем добавления к графической основе диакритических элементов, что не всегда, как выясняется, напрямую связано с очередностью в генеалогии поколений. Словом, углубленное изучение тамга-петроглифов казахов дает уникальную возможность рассмотреть феномен тамгопользования в деталях, которые утрачены или недостаточны для объективной интерпретации материалов по тамгам средневековых кочевников Казахстана и Центральной Азии.

Добавим, что казахские тамги изучаемого периода по своей принадлежности разделяются на две категории — родоплеменные и сословные (Рогожинский, 2010; 2014; 2019), при этом отсутствие в составе тех и других лично-семейных знаков подтверждается этнографическими данными (Курьлев, 1989. С. 212–220). «Огромное значение родового начала, — отмечал Н. И. Гродеков, — вытекает из права сильного: личность находит защиту только у своего рода. За поступки ее отвечает род. <...> Взыскание платит или получает не лицо, а род» (Гродеков, 1889. С. 12). Таким образом, в кочевой культуре казахов символические изображения типа *тамга* (казах. *танба*) играли роль знаков групповой идентичности, удостоверявших принадлежность предъявителей к определенной социальной группе (роду, племени, сословию), которая выступала коллективным субъектом обычного права для защиты общих и личных интересов ее членов — имущественных, управленческих и охранительных.

Датировка и локализация знаков

Определение относительной датировки казахских тамга-петроглифов опирается на методы петроглифоведения, опыт определения возраста наскальных рисунков по степени интенсивности «пустынного загара», сопутствующим сюжетным изображениям и на прочтение эпиграфических текстов, нередко сопровождающих выбитые на скалах знаки. Для установления точного возраста знаков, обнаруженных возле стоянок, привлекаются датирующие материалы, собранные на поверхности или полученные при раскопках памятников: китайский и российский фарфор, монеты и др. Наконец, для уточнения датировки тамга-петроглифов важны данные о расселении и землепользовании различных родоплеменных групп, зафиксированные российскими исследователями и колониальной администрацией во второй половине XIX — начале XX в. Лишь единичные знаки могут датироваться первой половиной XIX в. Казахские тамги более раннего времени

на юго-востоке Казахстана пока не выявлены. Верхним временным рубежом для большинства тамга-петроглифов, выбитых на скалах у традиционных зимних стоянок, являются 1931–1933 гг., когда в ходе коллективизации и седентаризации происходило насильственное переселение казахов-кочевников в специальные «пункты оседания» для создания животноводческих колхозов (Ерофеева и др., 2008. С. 159, 160). На фоне этих коренных экономических и социальных преобразований в советское время родовый уклад и обычное право казахов утратили былое значение, а практика тамгопользования утратила.

Встречаются как одиночные изображения, так и небольшие скопления тамга-петроглифов, насчитывающие от 2–3 до 10 и более сходных или разнотипных знаков. В наибольшем количестве и разнообразии казахские тамги выбивались вблизи стационарных зимних стоянок, реже — на скалах возле мест водопоев и сенокосов, на выделяющихся в ландшафте вершинах в местах выпаса скота, а также на узловых участках традиционных коммуникаций — на поворотах, спусках или подъемах вдоль конных и скотопрогонных троп. Как правило, тамги возле зимовок находятся на нижних и средних ярусах скал, на приметных поверхностях, возвышающихся над руинами жилых и хозяйственных построек, и обычно видны с расстояния 10–15 м. Так же приметны тамги на маршрутах конных троп и скотопрогонов, хотя в отличие от других местонахождений здесь они бывают процарапаны неглубоко или небрежно, будто наспех выбиты на скалах, но благодаря своему положению на поворотных участках горных путей тоже хорошо различимы. В высокогорных районах тамги на скалах встречаются крайне редко, что выглядит закономерным для зоны летних кочевий, где в пределах пастбищных территорий, находившихся в общинной собственности, действовало правило «первого захвата» лучших угодий, а длительность стоянок отдельных хозяйств и частота перекочевков на новое место определялись составом стада и продуктивностью кормовых и водных ресурсов (Масанов, 1995. С. 110–112).

Таким образом, расположение в ландшафтах Чу-Илийского мелкосопочника тамга-петроглифов казахов второй половины XIX — начала XX в. сопряжено с функциональным зонированием территории, которое было обусловлено сложившейся на тот момент структурой землепользования и ритмом жизни, продиктованным нуждами скотоводческого хозяйства. Внешними факторами, существенно влиявшими на систему землепользования

казахских родов западных волостей Семиреченской области, стало возрастание доли земледельческого переселенческого населения Чуйской долины и предгорной полосы Северного Тянь-Шаня (Васильев, 1915. С. 242–244), а также усиление регулирующей роли колониальной администрации в вопросах установления границ кочевых территорий и расселения кочевников.

В целом порядок расположения тамга-петроглифов казахов и средневековых кочевников, зафиксированных в том же географическом пространстве, обнаруживает большое сходство (Яценко и др., 2019. С. 250–253). Не составляет исключения и такая редкая разновидность объектов, связанных с тамгопользованием кочевников разных исторических периодов, как наскальные изображения верховых животных, отмеченных тамгами (рис. 2, б). Правда, в композиции из долины Акколь тамги на крупах двух лошадей, погоняемых конным всадником, по-видимому, принадлежат кыргызам племени солто (Абрамзон, 1960. С. 99) и датируются не ранее середины прошлого века, когда после коллективизации и голода 1931–1933 гг. часть ставших малонаселенными земель Чу-Илийского горного района стала сдаваться в аренду на сезонное пользование животноводом Киргизской ССР под зимние пастбища для скота (Ерофеева и др., 2008. С. 184).

Как региональную особенность практики тамгопользования казахов Юго-Восточного Казахстана следует отметить, что тамги не изображались на надгробных памятниках. В Чу-Илийских горах встречаются лишь скопления разнотипных тамга-петроглифов на скалах вблизи семейно-родовых кладбищ.

Атрибуция знаков

В пределах изучаемого района к настоящему времени выявлено около 50 местонахождений казахских тамга-петроглифов (рис. 1), которые могут датироваться второй половиной XIX — первой третью XX в. Суммарное количество знаков составляет более 100 изображений.

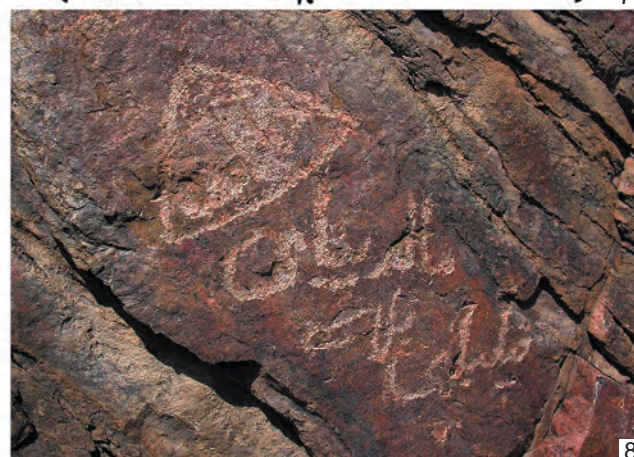
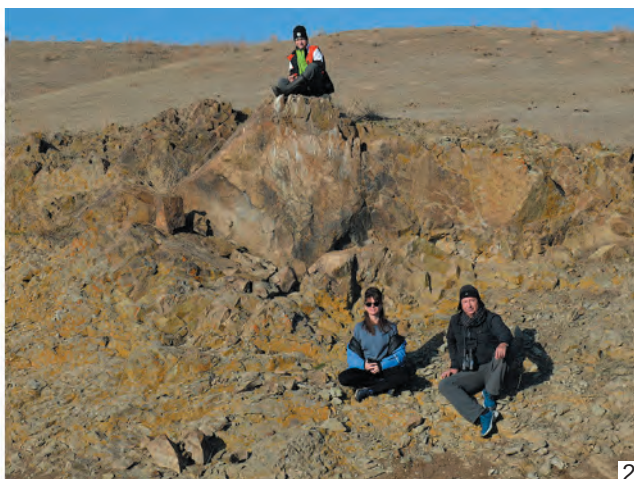
В настоящее время по архивным письменным документам проведена верификация данных, сообщаемых исследователями XIX–XX вв. о принадлежности разных форм знаков племенам и родам казахов Старшего и Среднего жузов (Рогожинский, 2010; 2016; Таласбаева, 2014). Это помогает с большей уверенностью идентифицировать тамга-петроглифы Чу-Илийского междуречья в системе традиционной генеалогии казахов Семиречья.

Современные исследования достоверительных знаков казахских чингизидов (джучидов) показали, что в XVIII–XIX вв. представители привилегированной сословной группы *торè* («ак суйек» — «белая кость») использовали не менее десяти графических вариантов своей династической эмблемы, включая три вида «ханской тамги» и большую группу «султанских» знаков (Рогожинский, 2014. С. 266–268). Таким образом, фонд аутентичных графических символов, использовавшихся казахами Семиречья в качестве знаков идентичности, позволяет сегодня атрибутировать большую часть тамга-петроглифов Чу-Илийского междуречья второй половины XIX — первой трети XX в.

Тамги племен и родов казахов Старшего жуза. В коллекции тамга-петроглифов присутствуют знаки четырех крупных племен и некоторых родовых групп казахов Старшего жуза: *сарьуйсын* (2 знака), *дулат* (не менее 85), *ысты* (7) и *шапырашты* (1).

Наибольшую трудность вызывает различие знаков племен сарьуйсын и дулат, которые пользовались одинаковой общеплеменной тамгой, напоминающей по форме «зеркало Венеры»: окружность с линией, отходящей вниз и пересеченной в средней части короткой чертой; иногда концы поперечной линии подняты кверху или опущены вниз (рис. 2, 5). Такой же знак с некоторыми отличиями в его положении применялся в качестве общеплеменной эмблемы еще двумя родственными племенами — албан и суан, которые вместе с сарьуйсынами и дулатами образовывали ядро «юсунувской орды», то есть Старшего жуза (Рогожинский, 2016. С. 229, рис. 1). Без привлечения дополнительных источников, которые указывают на генеалогическую принадлежность предьявителя такой тамги, точная атрибуция знаков практически невозможна. Решение задачи упрощается тем обстоятельством, что земли Чу-Илийского междуречья, административно составлявшие части территории Верненского и Пишпекского уездов, во второй половине XIX в. не входили в область кочевания албанов и суанов, компактно расселявшихся в восточных районах Семиреченской области.

Сарьуйсын. Две тамги в форме «зеркала Венеры», выбитые на скале и нарисованные краской, сфотографированы Н. Н. Пантусовым у «колодца» Тамгалы-кудук в долине р. Караеспе во время археологической экскурсии в Чу-Илийские горы в 1897 г. Правда, исследователь ошибочно интерпретировал найденные рисунки как «изображения лица и проч.» (Пантусов, 1899. С. 64, 65). В 2021 г. памятник был повторно обнаружен и

Рис. 2. Тамга-петроглифы казахов в Чу-Илийских горах: 1–4 — скала с тамгами в Караеспе в 1897 г. (1, 3) и в настоящее время (2, 4); 5, 7 — тамги казахов племен дулат (5) и шапырашты (7) на документах XIX в. из ЦГА РК (Рогожинский, 2010. Рис. 2, 4); 6 — наскальные изображения лошадей с тамгами кыргызов племени солто, долина Акколь; 8 — тамга и надпись у стоянки, горы Серектас. 1, 2 — НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896 г. Д. 230. Л. 42, 43, фото Н. Н. Пантусова; 3–8 — фото А. Е. Рогожинского

Fig. 2. Kazakh petroglyphic tamgas in the Chu-Ili mountains: 1–4 — rock with tamgas in Karayespe in 1897 (1, 3) and at present (2, 4); 5, 7 — tamgas of Kazakhs of the Dulat (5) and Shapyrashty tribes (7) in 19th cen. documents at the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK) (Рогожинский, 2010. Рис. 2, 4); 6 — petroglyphs representing horses with tamgas of Kyrgyz of the Solto tribe in the Akkol valley; 8 — tamga and inscription near a camp, the Serektas Mountains. 1, 2 — SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1896. F. 230. Sh. 42, 43, photograph by N. N. Pantusov; 3–8 — those by A. E. Rogozhinskiy

обследован нами (рис. 2, 1–4). Выбитое изображение тамги хорошо сохранилось, но красочные фигуры сильно выветрены и уже почти незаметны. Как выяснилось, запечатленный на фотографии Н. Н. Пантусова «колодец» в действительности представлял собой обложенное крупными камнями устье родника, пробивающегося из-под скалы с тамгами на левом берегу р. Караеспе.

Известно, что использование водных ресурсов было жестко регламентировано обычным правом кочевников; как отмечал Н. Э. Масанов, «в отношении искусственных водоисточников признавалось „право первого пользования“ за теми, кто затратил свои средства на его создание» (Масанов, 1995. С. 142; см. также: Курылев, 1989. С. 217; Историко-культурный..., 2011. С. 138). В конце XIX в. местность Караеспе входила в земли общего пользования кочевников западной части Верненского уезда и граничила с Куртинской волостью, населенной исключительно казахами племени шапырашты, и волостями Моюнкумовской и Сарытокумовской, которые объединяли племя сарыуьсын (Материалы по обследованию..., 1913. С. 195–199). Очевидно, тамги над благоустроенным «колодцем» Тамгалы-кудук принадлежали группам сарыуьсын и отмечали их преимущественное право водопользования в контактной зоне кочевания с казахами шапырашты, тамга которых имела совершенно иную форму.

Шапырашты. Как установлено современными исследованиями, общей для всех родовых групп племени шапырашты в XIX в. являлась тамга в форме равностороннего или равнобедренного треугольника («тумар»), обращенного основанием или вершиной вверх (Рогожинский, 2010. С. 115, 116, рис. 4) (рис. 2, 7). Такой знак, выбитый на скале, у подножия которой находятся остатки стационарной зимовки XIX в., обнаружен в горах Серектас (рис. 2, 8). Изображение «тумар»-тамги сопровождают две арабографичные надписи, содержащие имя некоего Малыбая Килбайулы, а также дата «1869». Серия документов, выявленных

в фондах ЦГА РК (Рогожинский, 2010. С. 119, 120), раскрывает некоторые подробности биографии меморианта надписи: он значится в списках юртовладельцев аула 3 Куртинской волости Верненского уезда за 1871 и 1882 гг., который состоял из групп ажике и кеней рода асыл племени шапырашты; совместно с отцом владел скотом (400 овцами, 54 лошадьми, 8 верблюдами); в 1879 г. был избран волостным управителем, а отец его — старшиной родного аула. Из документов следует, что Малыбай был неграмотным и вместо личной подписи ставил родовую тамгу, поэтому именная надпись и дата возле зимовки в Серектас, вероятно, выбиты кем-то от имени заказчика, — быть может, писарем, состоявшим в штате при волостном управителе для ведения делопроизводства на «татарском» и русском языках. Предполагать такое позволяет выбитая выше тамги на скале в Серектас еще одна надпись: строчная русская «г» («господин»?) и заглавная «М» как начальная буква имени владельца стоянки.

В тот период западными соседями казахов шапырашты Куртинской волости были дулаты Ботпаевской волости, соперничавшие за обладание лучшими местами для зимовок. Любопытно, что цепь пограничных хозяйственных территорий Ботпаевской волости отмечена многочисленными тамгами и очень редко — именными надписями владельцев, выбитыми над зимовками дулатов, в то время как над стоянками шапырашты вдоль границ Куртинской волости чаще можно видеть только арабографичные «автографы», а тамга над резиденцией волостного управителя в Серектас является примечательным исключением.

Дулат. Многочисленное племя дулат Старшего жуза состояло из четырех родов — ботпай, шымыр, жаныс и сикым, разделявшихся на большое количество отделений.

Основная тамга всех родов, как сказано выше, имела форму «зеркала Венеры», которая на уровне отношений индивида или коллектива сородичей с представителями иных патронимических групп

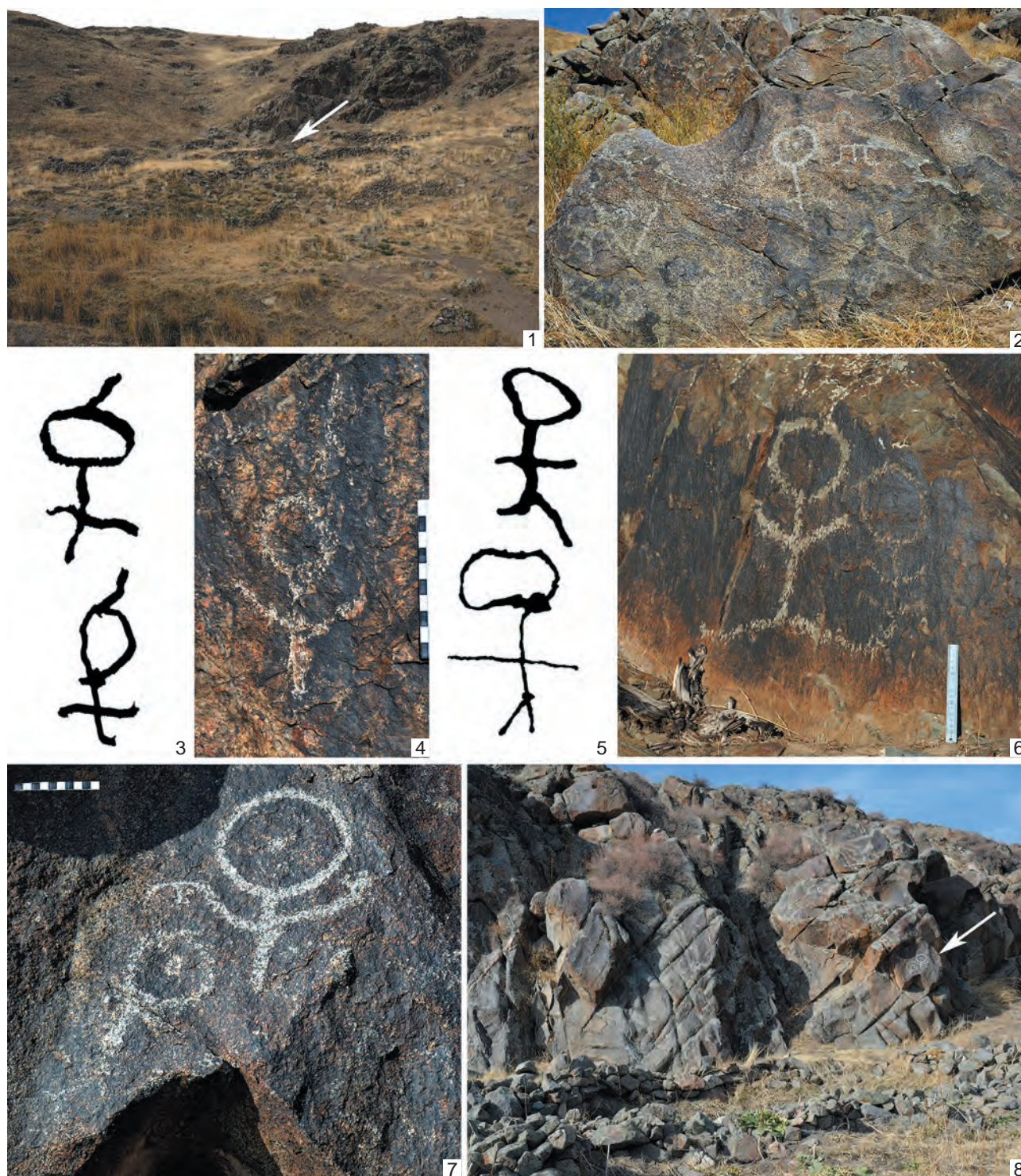

Рис. 3. Тамга-петроглифы казахов возле стоянок XIX в.: 1, 2 — собрание тамга-петроглифов, долина Теректы; 3, 5 — тамги казахов племени дулат на документах XIX в. (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 30358. Л. 34; Д. 30554. Л. 12; Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 5); 4 — тамга рода ботпай, долина Шатырколь; 6 — антропоморфные тамги казахов племени дулат, горы Кулжабасы; 7, 8 — собрание тамга-петроглифов торе и рода сикым, долина Теректы. Фото А. Е. Рогожинского

Fig. 3. Kazakh petroglyphic tamgas near 19th cen. camps.: 1, 2 — collection of petroglyphic tamgas from various periods in the Terekty valley; 3, 5 — Kazakh tamgas of the Dulat tribe in 19th cen. documents (CSA RK. A.G. 44. In. 1. F. 30358. Sh.34; F. 30554. Sh. 12; A.G. 374. In. 1. F. 1669. Sh. 5); 4 — tamga of the Botpay tribe in the Shatyrkol valley; 6 — anthropomorphous tamgas of Kazakhs of the Dulat tribe in the Kulzhabasy mountains; 7, 8 — petroglyphic tamgas of Töre and Kazakhs of the Sikym tribe in the Terekty valley. Photographs by A. E. Rogozhinskiy

или колониальной администрации фактически выступала в роли общеплеменного знака идентичности (Рогожинский, 2016. С. 226, 227). Однако наряду с этим у родов ботпай, жаныс и их отделений существовали особые тамги, которые по своему виду отличались от основной тамги дулатов. При этом особая форма знака образовывалась либо за счет добавления новых элементов к общеплеменной тамге (одна или две короткие линии, отходящие лучами от окружности), как у отделения кудайкул рода ботпай (рис. 3, 3, 4), либо представляла собой иную графическую фигуру (полумесяц; соединенные под острым углом две линии), непроецируемую от основного знака, как у части групп рода жаныс. В первом случае образование производных форм тамги могло означать выделение родственных отделений путем дробления рода, во втором — наоборот, за счет включения в состав рода новых групп, не связанных генеалогическим родством (Рогожинский, 2010. С. 111, 112, 116, рис. 2).

Среди тамга-петроглифов количественно преобладают изображения основной тамги дулатов, представленной в «канонической» форме, но нередко фигура усложнялась дополнительными элементами: добавлялась еще одна вписанная окружность или дуга (рис. 4, 3); концы поперечной линии удлинялись и поднимались под углом вверх или плавно выводились дугами под окружность. Такие тамги напоминали человеческую фигуру, особенно в тех случаях, когда снизу дорисовывались «ножки» (рис. 3, 5, 6). Напомним, именно присутствие антропоморфных черт на уникальных красочных рисунках у р. Караеспе в свое время помешало Н. Н. Пантусову распознать в них родоплеменные знаки. Практически все «неканонические» варианты тамги зафиксированы в архивных документах второй половины XIX в. (рис. 2, 5; 3, 3, 5; 4, 3), при этом в большинстве известных случаев такие «своеручные» тамги принадлежали биям, «почетным киргизам» или аульным старшинам родовых групп дулатов — ботпай и жаныс. Означает ли это, что тамги-петроглифы «неканонического» облика возле стоянок отмечали владения кочевой элиты, — пока неизвестно: возможно, знаки затейливых очертаний указывают лишь на обладание их создателями или заказчиками навыками письма, что в кочевой среде казахов Семиречья того времени являлось привилегией зажиточного меньшинства.

Не менее сложным остается вопрос о семантике основной тамги дулатов, в «неканоническом» образе которой явственно проступает антропоморфное начало. Однако зафиксирован-

ные этнографами в конце XIX — XX в. аутентичные названия родоплеменных знаков дулатов не содержат намека на их антропоморфизацию: тамга дулатов — «донгелек», шымыр — «ятамга», сикым — «кезентамга» (Гродеков, 1889. Прил. V. С. 7), ботпай — «асантамга» (Курылев, 1989. С. 214). Утверждение археолога А. М. Досымбаевой с некорректной ссылкой на работу известных советских этнографов (Востров, Муканов, 1968. С. 39, 40), что «в народной традиции есть выражение „кун танбалы дулат“, означающее „дулаты с солнечной тамгой“» (Досымбаева, 2006. С. 54; Досымбаева, Бондарев, 2016. С. 114), не находит подтверждения в источниках.

Еще одна разновидность основной тамги дулатов — точка в центре окружности (рис. 3, 2, 7) — неоднократно встречается на скалах возле старых казахских зимовок в горах Киндыктас, хотя в изученных нами архивных документах XIX — начала XX в. такой вид знака не выявлен. Установить принадлежность знака помогает анализ письменных сведений об условиях землепользования, сложившихся в местности, где обнаружено несколько скоплений таких тамга-петроглифов.

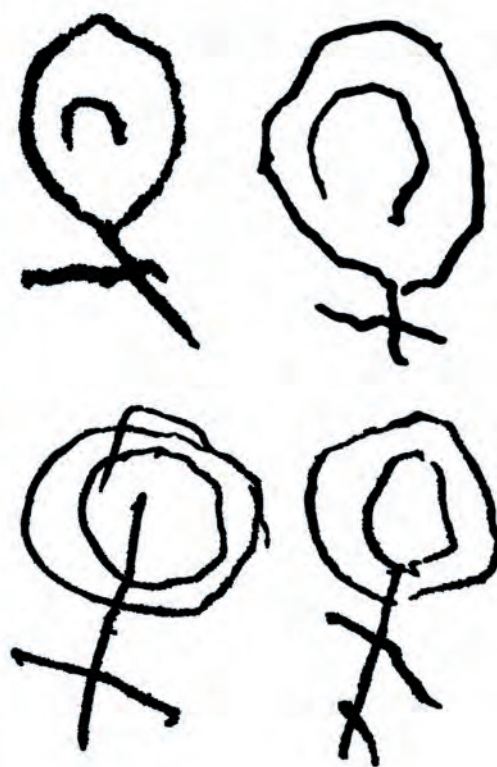
Пологие западные склоны гор Киндыктас изрезаны сетью скалистых ущелий со множеством ручьев, местами имеющих широкое ложе с заливной поймой, которые по выходе на равнину образуют большую группу мелких притоков Чу или теряются в рыхлых почвах плодородной долины (рис. 1). Одна из таких горных долин — Теректы — отличается большой протяженностью (более 40 км), разветвленной сетью рукавов с укрытыми от ветров логами и хорошим водообеспечением, что ценилось кочевниками всех эпох, судя по обилию здесь разновременных памятников. В средней части долины Теректы на небольшом удалении друг от друга располагается группа хорошо обустроенных старых зимовок, над руинами которых в четырех пунктах отмечены скопления тамга-петроглифов (рис. 3, 1, 2, 7, 8). В каждом скоплении на одной скальной плоскости выбито не менее двух знаков дулатов с точкой в окружности, соседствующих в трех случаях с тамгами торе; возле четвертой стоянки тамги с точкой дважды выбиты попарно на разных участках скалы и один раз — над тамгой, известной нам по архивным материалам как тамга группы кудайкул рода ботпай. Одиночная тамга ботпаев выбита иначе, чем все остальные в этой группе скоплений и, по видимому, появилась раньше других знаков, хотя находки российского фарфора на поверхности стоянки указывают на сравнительно короткий

1

2

3

Рис. 4. Собрание тамга-петроглифов казахов племени дулат возле стоянки в долине Унгурли: 1 — общий вид скалы с собранием знаков; 2 — фрагмент центральной части панно; 3 — тамги казахов племени дулат рода ботпай на документах XIX в. из ЦГА РК (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 433. Л. 9; Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 46об., 48об.)

Fig. 6. Kazakh petroglyphic tamgas of the Dulut tribe near a camp in the Ungurli valley: 1 — general view of the rock with tamgas; 2 — fragment of central part of the gallery; 3 — Kazakh tamgas of the Dulut tribe (Botpay clan) in 19th cen. documents at the CSA RK (CSA RK. A.G. 3. In. 1. F. 433. Sh. 9; A.G. 374. In. 1. F. 1669. Sh. 46 reverse, 48 reverse)

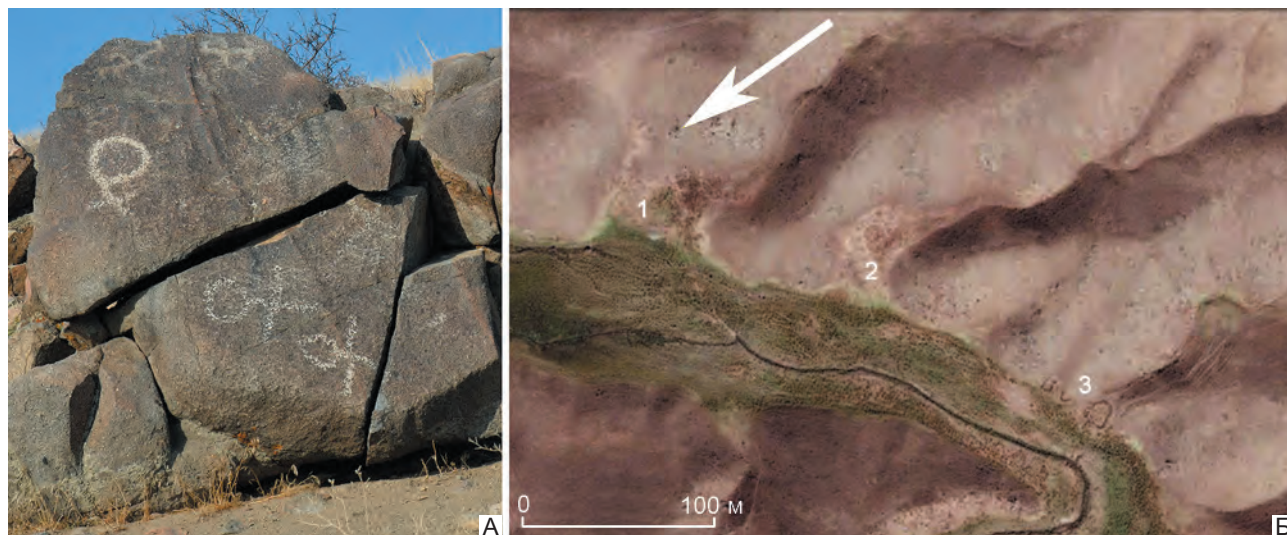
общий период ее обживания в последней трети XIX — начале XX в.

В рассматриваемый период Теректы и ряд соседних долин входили в Сейкимовскую и Дулатовскую волости Пишпекского уезда и состояли из дулатов родов сикым и ботпай соответственно. В составе Сейкимовской волости, управлявшейся султаном Кутаном Султанбековым, вместе с сикымами кочевали торе и их толенгуты. Весомую долю в хозяйстве скотоводов составляли хлебопашество и сенокосение, практиковавшиеся сикымами в предгорной зоне Киндыктас. Однако по мере отчуждения лучших пахотных земель Чуйской долины в пользу крестьян-переселенцев среди кочевников усиливалась «земельная теснота», и некоторые общины сикымов вынужденно перенесли свои пашни и сенокосы к зимовкам в ущелье Теректы, потеснив при этом соседей-ботпаев (Материалы по обследованию, 1916. С. 131, 132). Таким образом, тамги-петроглифы с точкой в окружности могли фиксировать переход некоторых зимовок ботпаев во владение сикымов, а выбитые рядом с ними тамги торе дополнительно

указывали на покровительство, оказываемое сикымам управителем волости и его родичами с толенгутами.

В плотно заселенных горах Киндыктас собрания казахских тамга-петроглифов нередко включают в себя 2–3 и более сходных по техническим параметрам однотипных знака. Объяснение таким собраниям однотипных знаков может подсказать ближайшее окружение — следы освоения ландшафта кочевниками. Приведем два примера, иллюстрирующие возможности применения эвристических методов для их интерпретации.

1. В одном из меандров долины Шатырколь в смежных логах сохранились руины трех зимних стоянок начала прошлого века — с остатками каменных жилых строений и загонов для скота (рис. 5). Над развалинами самой крупной зимовки издали можно заметить три одинаковые тамги дулатов, выбитые на одиночной скале на склоне ущелья. Две тамги развернуты горизонтально, выбиты одна над другой, третья — в обычном положении, над ними. Зимовки расположены необычно близко друг к другу (100–150 м),

Рис. 5. Собрание из трех однотипных тамга-петроглифов (А) возле трех стоянок в долине Шатырколь (фото Г. А. Калдыбаевой) и космоснимок Google (Б, 1–3 — стоянки, стрелка указывает на местоположение петроглифов)

Fig. 5. Three similar petroglyphic tamgas (A) near three camps in the Shatyrkol valley (photograph by G. A. Kaldybayeva) and aerial photograph by Google (Б, 1–3 — camps, arrow shows the location of petroglyphs)

что недопустимо для обособленных кочевых хозяйств: например, владельцы современных скотоводческих ферм, поделив между собой пастбища в Шатырколь, обустривают зимовки не ближе 0,5–1,0 км от соседей. Можно предположить, что триединое собрание тамга-петроглифов над большой стоянкой отмечает совместное владение тремя главами выделенных кочевых хозяйств, — возможно, отцом и двумя сыновьями или тремя братьями.

2. В средней части долины Шатырколь однообразии родоплеменных знаков, отмечающих стоянки дулатов, нарушает скопление тамга-петроглифов в форме «крючка», которые нанесены на приметную скалу на повороте, у самой тропы, проходящей вдоль ущелья. Напротив скалы с тамгами на высокой пойме расположено небольшое старое казахское кладбище. Три однотипные тамги, разные по высоте, выбиты одна над другой, и верхний знак отличается одной дополнительной чертой (рис. 6, 2). Тамги такой формы принадлежали немногочисленному казахскому племени ысты Старшего жуза (рис. 6, 3), кочевья которого в последней трети XIX в. располагались на северо-востоке Чу-Илийских гор в составе Ново- и Нижне-Илийской волостей. Известно, что некоторая часть общин родовой группы ботпай до 1870-х гг. кочевала вместе с ысты в тех же волостях, и даже переселившись к своим родичам в Киндыктас, дулаты сохраняли прежние хозяйственные связи: в суровые зимы перегоняли скот на пастбища ысты в приилийские пески, а взамен позволяли, как и казахи Сейкымовской волости, пользоваться своими жайлау (Материалы по обследованию, 1913. С. 187–189; 1916. С. 132, 134, 135). Собрание тамга-петроглифов в долине Шатырколь не связано своим местонахождением со стационарной стоянкой, но может отмечать традиционное место сезонного стойбища или, более вероятно, обозначать место захоронения представителей племени ысты на территории расселения дулатов.

Уникальное собрание родоплеменных знаков дулатов обнаружено в средней части долины Унгурли (горы Киндыктас), расширенной и хорошо обводненной, весьма удобной для обитания скотоводов, судя по концентрации здесь средневековых стоянок, зимовок XIX — начала XX в., а также современных хозяйств. Скальное панно с 19 тамгами возвышается над руинами крупной старинной зимовки; изображения сходны по технике исполнения и, по-видимому, в большинстве одновременны, будучи объединены в смысловую

картину. Выделяются знаки двух разновидностей, отличающиеся деталями (дугой или вписанной окружностью в верхней части знака), четыре тамги имеют дополнительные отличия (рис. 6, 1, 2). Тамги с дугой количественно преобладают и сосредоточены на левой стороне панно, при этом наблюдается упорядоченность знаков по вертикали и в горизонтальных рядах, а вершину композиции образуют две разнотипные тамги. Картину внизу дополняют одиночные знаки (окружность, дуга, окружность с дугой) и контурная антропоморфная (женская?) фигура справа от тамги с дугой.

Можно предположить, что панно представляет собой фрагмент «шежиры» — генеалогической родословной двух родственных отделений дулатов. Известно, что с 1870-х гг. долину Унгурли населяли дулаты рода ботпай, принадлежавшие двум поколениям — шагай и кудайкул, при этом потомки Шагая численно преобладали в общине и занимали здесь наилучшие уголья (Материалы по обследованию, 1916. С. 134–136), что согласуется с доминированием в наскальном панно тамги с дугой в окружности. Обе разновидности знака известны по архивным документам как тамги рода ботпай (рис. 4, 3), и уникальное собрание тамга-петроглифов в Унгурли, по-видимому, символически изображает сложную систему генеалогических связей двух отделений — шагай и кудайкул.

Ысты. Как показано выше, общеплеменная тамга ысты представляла собой прямую или наклонную вертикальную линию с загнутым нижним концом, или знак «косеу» (рус. «кочерга») (Тынышпаев, 1925. С. 48; Востров, Муканов, 1968. С. 48). К сожалению, выявленные нами тамги-петроглифы данного типа немногочисленны, что объясняется сравнительно слабой изученностью северных склонов Чу-Илийских гор, где в основном расселялось это объединение казахов. Переселившись вместе с дулатами с правого берега Или на левобережье незадолго до образования Семиреченской области (1867), родовые группы ысты заняли зимовки к западу от гор Аныракай, в приилийских песках и по горным долинам Жынгельды, Тесик, Шолак и др. Вместе с ысты в составе некоторых территориальных общин кочевали группы дулатов рода ботпай, а также торе — потомки султана Али Адилева, внука Абылай хана (Материалы по обследованию..., 1913. С. 206).

В верховьях долины Шолак обнаружен комплекс памятников тамгопользования этого периода: стационарная стоянка, отмеченная двумя «султанскими» тамгами с датами «1888» и «1899»

Рис. 6. Тамга-петроглифы торе (чингизидов) и казахов в Чу-Илийских горах: 1 — торе и казахов племен дулат и ысты, долина Шолак; 2 — племени ысты, долина Шатырколь; 3 — торе (слева) и казахов племен ысты на документах XIX в. из ЦГА РК (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 28; Ф. 338. Оп. 1. Д. 904. Л. 163об.; Ф. 44. Оп. 1. Д. 93. Л. 124; Д. 48139. Л. 135); 4, 5 — торе, долина Шолак; 6 — торе, долина Алмалы, середина XIX в. Фото А. Е. Рогожинского

Рис. 6. Petroglyphic tamgas of Töre (Chingizids) and Kazakhs in the Chu-Ili mountains: 1 — Töre and Kazakhs of the Dulat and Ysty tribes, Sholak valley; 2 — Ysty tribe, Shatyrkol valley; 3 — Töre (left) and Kazakh of the Ysty tribe in 19th cen. documents at the CSA RK (CSA RK. A.G. 374. In. 1. F. 1669. Sh. 28; A.G. 338. In. 1. F. 904. Sh. 163rev.; A.G. 44. In.1. F. 93. Sh. 124; F. 48139. Sh. 135); 4, 5 — Töre, Sholak valley; 6 — Töre, Almaly valley, mid-19th cen. Photographs by A. E. Rogozhinskiy

(рис. 6, 4, 5); неподалеку от нее — небольшое кладбище из двух семейных оград и нескольких отдельных могильных насыпей, перед которыми на скале имеется собрание тамга-петроглифов из 10 знаков трех видов (рис. 6, 1). Вокруг панно с тамгами на скале выбиты арабографические молитвенные и именные надписи, в том числе с упоминанием некоего Мукагали би (прочтение Н. Базылхана).

Собрание тамга-петроглифов у кладбища включает в себя одну тамгу торе, тамгу племени ысты и восемь знаков дулатов в «неканонической» форме, с поднятыми плавно вверх концами поперечной линии. Знаки располагаются в определенном порядке: вверху по центру панно — тамга торе, под ней тамга ысты; тамги дулатов размещаются ниже вдоль краев скальной поверхности и в центре, при этом знаки развернуты окружностью по-разному — вверх, вниз, вправо и влево. Только тамги торе и ысты выбиты одинаково и, по-видимому, одновременно; все другие знаки различаются по технике выбивки, по пропорциям и величине и создавались на скале, скорее всего, последовательно и разными исполнителями. Нужно отметить соблюдение иерархии знаков в композиции: «султанская» тамга занимает почетное место наверху и по центру, а все тамги представителей «кара суйек» (казах. «черная кость») показаны ниже. По-видимому, это собрание разнотипных знаков и эпиграфики вблизи кладбища отражает многокомпонентную структуру местного сообщества и указывает на разнородный состав погребенных здесь или участвовавших в похоронных церемониях.

Тамги торе (султанов). В коллекции представлены знаки четырех разновидностей (варианты 1–4), которыми пользовались торе, кочевавшие с казахскими родами Старшего жуза на западе Семиречья. Всего обнаружено 27 изображений знаков, относящихся к типу тарак-тамги (рус. «гребень»), в форме трех вертикальных линий, соединенных сверху или снизу чертой. Наиболее распространенными являются простейшая форма знака (вариант 1) и усложненная — с расходящимися короткими, прямыми или изогнутыми кверху окончаниями боковых линий (вариант 2). Редко встречается знак с одним окончанием боковой линии — слева или справа (вариант 3), и только в одном случае тарак-тамга изображена в перевернутом виде (вариант 4).

К первой группе знаков относятся общеупотребимые «султанские» тамги трех вариантов (1–3). Примечательна находка на территории Семиречья,

в Алмалы, перевернутой тарак-тамги: по данным архивных источников такая тамга (рис. 6, 6) в определенных случаях использовалась казахскими чингизидами (линидж хана Каипа II (1746–1756)), управлявшими до середины XIX в. кочевыми племенами казахов и каракалпаков нижнего течения Сырдарьи и находившимися под юрисдикцией Хивы (Рогожинский, 2014. С. 267). Однако в документах конца XVIII в. отмечено казуальное использование сходной «собственноручной» тамги султаном Султанмаметом, двоюродным братом хана Абылая (1771–1780), а также его сыном султаном Жангиром, которые управляли родами керей и уак Среднего жуза на севере Казахстана (Султаны и батыры..., 2018. С. 196, 303).

Чаще всего встречаются одиночные изображения тарак-тамги, однако в некоторых случаях на одной скальной поверхности выбиты две или три тамги — сходные по цвету патины, но выполненные, вероятно, разными людьми.

Наибольший интерес представляют собрания, в которые помимо родоплеменных знаков казахов входят «султанские» тамги. В большинстве случаев отчетливо наблюдается определенная иерархия символов сословных групп «ак суйек» и «кара суйек», когда тамги торе занимают наиболее почетное место в верхней части композиции (рис. 6, 1, 2). Такие памятники наглядно свидетельствуют, что тамги в казахском обществе играли роль индикатора правового статуса предьявителя знака, указывая на его защищенность нормами обычного права.

Выводы

Углубленное изучение памятников и обычаев тамгопользования казахов Семиречья, которые во второй половине XIX — начале XX в. сохраняли кочевой уклад жизни на периферии возрождавшегося в крае оседлого земледельческого и торгово-промышленного мира, имеет исключительно важное значение для понимания особенностей подобной практики в культуре средневековых кочевников региона. Сходство можно видеть, прежде всего, в устойчивой привязке большинства тамга-петроглифов к местам зимних горных стоянок и ключевым участкам осваиваемых скотоводами ландшафтов (водопоям и коммуникациям). Нередки собрания древнетюркских тамга-петроглифов, в которых определенные виды знаков, идентифицируемые как эмблемы правящей элиты (Яценко и др., 2019. С. 252–275), так же устойчиво доминируют в сочетании с тамгами других типов, как сословные «султанские»

тамги выделяются среди родоплеменных знаков казахов.

Наконец, находит сходство отмечаемая для Чу-Илийского междуречья особенно высокая концентрация тамга-петроглифов средневековых кочевников и казахских племен в периоды бурного роста городов и увеличения доли оседло-земледельческого населения соответственно

в карлукско-караханидское время (IX–XII вв.) и на начальном этапе российской колонизации Семиречья во второй половине XIX в. Очевидно, возникновение «земельной тесноты» среди кочевников в том и другом случае стимулировало механизмы регулирования поземельных отношений кочевников, основанных на нормах обычного права и практике тамгопользования.

Абрамзон, 1960 — Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–128.

Аманжолов, 1959 — Аманжолов А. С. Писаницы ущелья Утеген // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1959. № 10 (175). С. 52–61.

Васильев, 1915 — Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины: введение к проекту. Пг.: б. и., 1915 (Главное управление земледелия и землеустройства. Отдел земельных улучшений. Проект орошения долины реки Чу в Семиреченской области). 277 с.

Востров, Муканов, 1968 — Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968. 254 с.

Гродеков, 1889 — Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Типолитография С. И. Лахтина, 1889. Т. 1: Юридический быт. 205 с.

Досымбаева, 2006 — Досымбаева А. М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: ОФ «Тюркское наследие», 2006. 168 с.

Досымбаева, Богенбай, 2015 — Досымбаева А. М., Богенбай Н. Жасан — сакральная земля тюрков долины реки Чу. Алматы: Evo Press, 2015. 192 с.

Досымбаева, Бондарев, 2016 — Досымбаева А. М., Бондарев М. Тамги — маркеры этнической культуры // Материалы Междунар. научно-практ. конф. «IX Дулатовские чтения», посв. 25-летию независимости Республики Казахстан. Тараз: Тараз университеті, 2016. С. 112–120.

Ерофеева и др., 2008 — Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е., Калдыбеков Б. Н., Жанаев Б. Т., Кузнецова Л. Л., Сала Р. Д., Нигматова С. А., Деом Ж.-М. П. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 276 с.

Историко-культурный..., 2011 — Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы. Print-S, 2011. 300 с.

Курылев, 1989 — Курылев В. П. Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая исто-

рия и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана: Сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Башилов, Р. Г. Кузеев. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 210–222.

Масанов, 1995 — Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельностиномадного общества). Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.

Материалы по обследованию..., 1913 — Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Т. IV: Копальский уезд. Киргизское хозяйство. СПб.: Тип. «Экономия», 1913. 439 с.

Материалы по обследованию..., 1916 — Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Т. VII: Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство. Пг.: Тип. «Экономия», 1916. Вып. 2. 399 с.

Пантусов, 1899 — Пантусов Н. Н. Куртынын-Капчагай и Джалпак-гас (Куртинской волости Верненского уезда) // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год четвертый. Ташкент: Типолитография торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. С. 64–66.

Рогожинский, 2010 — Рогожинский А. Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Рольномадов в формировании наследия Казахстана. Научные чтения Н. Э. Масанова: Сб. материалов междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 101–133.

Рогожинский, 2014 — Рогожинский А. Е. Сословно-династические знаки казахских торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. материалов междунар. науч. конф. Алматы: Evo Press, 2014. С. 262–273.

Рогожинский, 2016 — Рогожинский А. Е. Казахские тамги: новые исследования и открытия // Казахи Евразии: история и культура: Сб. науч. трудов. Омск: Изд-во Омского ГУ; Павлодар: Изд-во Павлодарского гос. пед. ин-та, 2016. С. 223–235.

- Рогожинский*, 2019 — *Рогожинский А. Е.* Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, Средневековье и Новое время // *Қазақстан археологиясы = Археология Казахстана*. 2019. № 3 (5). С. 99–121.
- Самашев*, 2020 — *Самашев С. К.* Вопросы изучения функции тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана // *Поволжская археология*. 2020. № 4 (34). С. 66–80.
- Султаны и батыры...*, 2018 — *Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.): Сб. документов / Сост. В. А. Сирик.* Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- Таласбаева*, 2014 — *Таласбаева А. К.* Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII–XIX вв. // *Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Астана, 18–19 марта 2014 г.) / Отв. ред. И. В. Ерофеева.* Алматы: Изд-во Evo Press, 2014. С. 283–288.
- Тынышпаев*, 1925 — *Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казацкого народа. Ташкент: Вост. отд. Киргиз. гос. изд-ва, 1925. 64 с.
- Яценко и др.*, 2019 — *Яценко С. А., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Табалдыев К. Ш., Баратов С. Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г. Б.* Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 452 с.
- Архивные материалы*
НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896 г. Д. 230: Дело Императорской археологической комиссии о предполагаемой в 1897 году археологической экскурсии
Стат. Советн. Н. Пантусова в Копальский уезд. 117 л.

Kazakh petroglyphic tamgas of the Chu-Ili watershed: Age, locations, identification

A. E. Rogozhinskiy, G. A. Kaldybayeva⁴

Keywords: Petroglyphic tamgas, Chu-Ili watershed, Kazakhs, nomads, Middle Ages, Early Modern Age.

Petroglyphic tamgas are rock carvings of emblematic symbols used by medieval nomads and by Kazakhs of recent centuries. They are especially numerous in southeastern Kazakhstan, in the Chu-Ili watershed. Over a hundred petroglyphs showing tribal and social emblems of mid-19th — early 20th cen. Kazakhs, carved on rocks near winter camps, along horse paths and routes whereby domestic animals were driven. Tamgas are rare in the alpine summer pastures. The contexts of medieval nomadic tamgas are similar, and they often co-occur with those of Kazakhs. Written and ethnographic sources suggest that petroglyphic tamgas marked tribal and social groups of Kazakhs. These sources help to understand why new signs appear in related groups. The key factor behind the use of petroglyphic tamgas by Kazakhs on a mass scale was scarcity of land for pastures experienced by nomads after the influx of migrants to Jetysu in the late 1800s and early 1900s. The concentration of such signs in the Chu-Ili watershed in the Middle Ages may be also due to urbanization and the growing share of the agricultural population of Jetysu during the Karluk-Karaxanid period (800–1200).

⁴ Aleksey E. Rogozhinskiy, Gaukhar A. Kaldybayeva — Margulan Institute of archaeology; Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: alexeyro@hotmail.com, odd_story@mail.ru.

Петрографические исследования раннеолитической керамики сперрингс Карелии: итоги и перспективы¹

К. Э. Герман, М. А. Кулькова²

Аннотация. В статье анализируются результаты петрографических исследований в 2018–2021 гг. 90 фрагментов керамики с памятников культуры сперрингс. Керамика изготавливалась преимущественно из жирных и тощих глин смектитового и гидрослюдистого состава с примесью дресвы в тесте. Небольшим количеством представлены фрагменты с примесью в тесте песка, что может указывать на влияние традиций изготовления ямочно-гребенчатой керамики, и шамота — на влияние технологии производства гребенчатой керамики типа Тудозеро V, представленного на поселениях Юго-Восточного Прионежья.

Ключевые слова: ранний неолит, керамика сперрингс, петрографический анализ, Онежское озеро, Прибеломорье, Приладожье.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-201-211

Введение

Начало изготовления глиняной посуды на территории Карелии связано с появлением раннеолитической культуры сперрингс, хронологические рамки существования которой — конец VI — начало V тыс. до н. э. Среди других раннеолитических культур керамика сперрингс выделяется оригинальной орнаментацией, основными элементами которой являются оттиски позвонков пресноводных рыб, а дополнительными — отступающе-прочерченные линии и круглоконические и остроовальные ямочные вдавления. Данные элементы орнамента вместе не встречаются на одном и том же сосуде; кроме того, есть комплексы, где найдена керамика только с одним типом орнаментации. Периодизация культуры сперрингс базируется в целом на сравнительно-типологическом методе, на основании которого

считается, что только позвонковый орнамент появляется на ранней стадии существования археологической культуры, остальные элементы характерны для развитой и поздней стадий (Витенкова, 1996. С. 78, 79; Герман, 2012. С. 577, 578).

Первые петрографические исследования керамики сперрингс с территории Карелии были проведены в лаборатории А. А. Бобринского по фрагментам с поселений Сандермоха IV, Уя III и Черанга I бассейна Онежского озера. Они показали наличие мелкой и крупной дресвы и органики (птичьего помета?) в качестве примесей. Кроме того, исследователями визуально фиксировались примеси птичьего пуха, кварца, песка и слюды (поселения Шелтозеро VIII и Челмужская I) (Адель, 1995. С. 61; Витенкова, 1996. С. 70).

Также, в большей степени с помощью визуальных наблюдений, в керамике сперрингс с поселений Падань I, Мальгиничи и Ащозеро VIII и Березье Ленинградской области было отмечено наличие дресвы, песка и органики, иногда — естественная примесь раковины (Гусенцова, Андреева, 1996. С. 226; Тимофеев, 1993. С. 24).

Таким образом, несмотря на то что формы сосудов и орнаментация керамики сперрингс достаточно хорошо изучены типологически, остаются вопросы по ее структуре и составу примесей. Учитывая, что в настоящее время проводятся петрографические исследования ямочно-

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Карельского НЦ РАН.

² Герман К. Э. — Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»; Петрозаводск, Республика Карелия, РФ; e-mail: germank@onego.ru. Кулькова М. А. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; С.-Петербург, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru.

© Герман К. Э., Кулькова М. А., 2024

гребенчатой, гребенчато-ямочной посуды, а также гребенчатой керамики типа Тудозеро V периода неолита (*Иванищева и др.*, 2016; *Васильева*, 2019. С. 15), появляется возможность получить ответы на вопросы, касающиеся происхождения и финала керамики сперрингс, а также внутренней периодизации данной ранне-неолитической культуры.

Результаты петрографического исследования

Петрографическому исследованию, которое проводилось в 2018–2021 гг. в лаборатории РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия) доктором геолого-минералогических наук М. А. Кульковой, подверглись 86 фрагментов керамических сосудов с 33 памятников, относящихся к семи локальным географическим районам: Сязозеро (10); Водлозеро (10); северный (18), восточный (4), западный (15) берега Онежского озера; Северо-Восточное Приладожье (14); Юго-Западное Прибеломорье (15) (рис. 1). Результаты изучения были частично опубликованы (*Герман, Кулькова*, 2019; 2020; *Герман*, 2022).

Анализ керамических фрагментов проводился в пришлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica (×65,7).

В ходе проведенного исследования по композиционному составу глин и отошителей было выделено **10 групп керамики** (табл.).

1-я группа — 33 фрагмента, происходящих с 18 поселений. Основа теста: жирные глины смектитового или смектит-гидрослюдистого состава. Кластический материал: 3–8 %; размер зерен 0,015–0,040 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощитель: дресва кристаллических пород, представленная:

1) сиенитами:

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит, амфибол (18–32 % по объему) (Илекса V, Шеттима I, Пога I, Водла V, Сомбома, Сулгу II, III, Оровнаволок V, VIII, Сандермоха IV, Войнаволок XXVIII, Челмужская I, Пиндуши III, Пески II);

— плагиоклазы с пертитами альбита в ортоклазе (15 %) (Сулгу Va);

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит, амфибол + сиениты с пертитами или плагиограниты (18 %) (Сулгу Va, Челмужская I, Уя VII);

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит амфибол + эффузивы среднего состава (18–22 %) (Малая Суна I, IX, Кладовец II);

2) амфиболитами (15 %) (Сулгу II).

2-я группа — 13 фрагментов, происходящих с шести поселений. Основа теста: жирные глины смектит-хлоритового состава. Кластический материал: 1–8 %; размер зерен 0,02–0,04 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощитель: дресва кристаллических пород, представленная:

1) гранитами и плагиогранитами: серецитизированный ортоклаз, микроклин, мусковит, кварц, амфибол (35–45 %) (Ерпин Пудас I, Порог Шойрукша, Лисья Гора);

2) сиенитами:

— серецитизированный ортоклаз, микроклин (45 %) (Ерпин Пудас I);

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит (16–25 %) (Новземское II, V, Ихоярви I).

3-я группа — 21 фрагмент, происходящий с 16 поселений. Основа теста: тощие глины гидрослюдистого и гидрослюдо-смектитового состава. Кластический материал: 1–22 %; размер зерен 0,005–0,070 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощитель: дресва кристаллических пород, представленная:

1) сиенитами:

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит, амфибол + гнейс, кварцит (18 %) (Сомбома, Водла V, Малая Суна IX, Ерпин Пудас I, Новземское II, Сандермоха IV);

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит, амфибол + плагиогранит (кварц, полевой шпат) (10 %) (Малая Суна I);

— ортоклаз с пертитами альбита (10 %) (Сулгу III, Кладовец II, Шелтозеро VIII, Муромское III);

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит, амфибол (17–28 %) (Деревянное Ia);

— серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит амфибол + эффузивы (22 %) (Кладовец II, Уя VII);

2) плагиогранитами: серецитизированный ортоклаз, микроклин, мусковит, кварц (22 %) (Ерпин Пудас I, Порог Шойрукша, Лисья Гора, Деревянное Ia, Пески II, Муромское III).

4-я группа — пять фрагментов, происходящих с пяти поселений. Основа теста: тощие глины гидрослюдисто-хлоритового состава. Кластический материал: 22–32 %; размер зерен 0,02–0,06 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощитель: дресва кристаллических пород, представленная:

Рис. 1. Поселения культуры сперрингс: 1 — Илекса V; 2 — Шеттима I; 3 — Пога I; 4 — Водла V; 5 — Сомбома; 6–8 — Сулгу II, III, Va; 9, 10 — Малая Суна I, IX; 11, 14 — Оровनावолок V, VIII; 12 — Челмузская I; 13 — Пиндуси III; 15 — Войनावолок XXVIII; 16 — Сандермоха IV; 17 — Кладовец II; 18 — Муромское III; 19 — Пески II; 20 — Уя VII; 21 — Шелтозеро VIII; 22 — Деревянное Ia; 23–26 — Новземское I, II, V, VII; 27, 28 — Кинярви I, X; 29 — Укса I; 30 — Ихоярви I; 31 — Ерпи́н Пудас I; 32 — Лисья Гора; 33 — Порог Шойрукша

Fig. 1. Sperrings sites: 1 — Ilekxa V; 2 — Shettima I; 3 — Poga I; 4 — Vodla V; 5 — Somboma; 6–8 — Sulgu II, III, Va; 9, 10 — Malaya Suna I, IX; 11, 14 — Orovnavolok V, VIII; 12 — Chelmuzhskaya I; 13 — Pindushi III; 15 — Voynavolok XXVIII; 16 — Sandermokha IV; 17 — Kladovets II; 18 — Musomskoe III; 19 — Peski II; 20 — Uya VII; 21 — Sheltozero VIII; 22 — Derevyannoye Ia; 23–26 — Novzemskoye I, II, V, VII; 27, 28 — Kinejärvi I, X; 29 — Uksa I; 30 — Ihojärvi I; 31 — Erpin Pudas I; 32 — Lisyа Gora; 33 — Porog Shoiruksha

Таблица. Результаты петрографического анализа керамики сперрингс (группы 1–10)
Table. Results of petrographic analysis of Sperrings ceramics (groups 1–10)

Группа	Микрофото (масштаб — 1000 мкм)		
	Без анализаторов	В поляризованном свете	В поляризованном свете с кварцевой пластинкой
1			
2			
3			
4			
5			

1) сиенитами: серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит, амфибол (17 %) (Новземское I, VII);

2) плагиигранитами: серецитизированный ортоклаз, микроклин, биотит, кварц (32 %) (Новземское V, Киньярви I);

3) актинолитом (18 %) (Укса I).

5-я группа — фрагмент с поселения Пога I. Основа теста: жирные глины смектитового состава. Кластический материал: 5 %; размер зерен 0,02–0,04 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощители: шамот (25 %); измельченная растительность (10 %).

6-я группа — два фрагмента с поселения Деревянное Ia. Основа теста: жирные глины смектитового состава. Кластический материал: 1 %; размер зерен 0,005–0,020 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощители: 1) дресва кристаллических пород (сиениты: серецитизированный ортоклаз, микроклин, амфибол, гнейс) (8–15 %;

размер обломков 1–3 мм); 2) песок (15–25 %; размер зерен 0,2–0,4 мм; состав: полевой шпат, биотит).

7-я группа — три фрагмента с поселений Новземское VII, Киньярви X, Оровнаволок V. Основа теста: тощие глины смектит-гидрослюдистого состава. Кластический материал: 15 %; размер зерен 0,015–0,040 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощители: 1) дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз — серецитизирован, микроклин, амфибол, биотит) (10 %; размер обломков 1–3 мм); 2) песок (8–15 %; размер зерен 0,2–0,3 мм; состав: полевой шпат, биотит, амфибол); 3) шамот (5 %; размер обломков 0,3–0,5 мм).

8-я группа — фрагмент с поселения Укса I. Основа теста: тощие глины гидрослюдисто-каолининового состава. Кластический материал: 28 %; размер зерен 0,05–0,20 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощители: 1) дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз — серецитизирован,

Группа	Микрофото (масштаб — 1000 мкм)		
	Без анализаторов	В поляризационном свете	В поляризационном свете с кварцевой пластинкой
6			
7			
8			
9			
10			

микроклин, амфибол, биотит) (28 %; размер обломков 1–3 мм); 2) песок (13 %; размер зерен 0,4–0,65 мм; состав: полевой шпат, биотит).

9-я группа — шесть фрагментов с поселения Деревянное Ia. Основа теста: тощие глины смектит-гидрослюдистого состава. Кластический материал: 15–18 %; размер зерен 0,005–0,020 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощители: 1) дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз — серецитизирован, микроклин, амфибол, биотит) (10–28 %; размер обломков 1–4 мм); 2) песок (13 %; размер зерен 0,2–0,4 мм; состав: полевой шпат, биотит).

10-я группа — фрагмент с поселения Деревянное Ia. Основа теста: тощие глины каолинитового состава. Кластический материал: 35 %; размер зерен 0,05–0,07 мм; состав: полевой шпат, амфибол. Отощителя нет.

Сосуды сперрингс изготавливались из глиняных лент шириной 4–6 см, соединенных, по И. Ф. Ви-

тенковой, способом наложения или, по мнению Т. М. Гусенцовой и Н. А. Андреевой, налепом встык (Витенкова, 1996. С. 70; Гусенцова, Андреева, 1996. С. 226). По наблюдениям автора на исследованных им поселениях культуры сперрингс Южного Заонежья распространение получил первый способ (Мельников, Герман, 2013. С. 31).

Согласно данным петрографических исследований, для всех групп керамики сперрингс использовался долговременный костровой обжиг в невыдержанной окислительной среде при средней температуре 650–700 °С.

Предварительные результаты

Проведенные работы показывают, что керамика сперрингс изготавливалась преимущественно из жирных глин смектитового, смектит-гидрослюдистого и смектит-хлоритового состава (53 фрагмента, 58,8 % от общего числа изученных фрагментов), доля тощих глин гидрослюдистого,

гидрослюдно-сметитового и гидрослюдно-хлоритового состава немного меньше (37 фрагментов, 41,2 %). Жирные глины сметитового, сметит-гидрослюдистого состава присутствуют в керамике всех поселений Водлозера и Сямозера, северного побережья, а также на части памятников восточного и западного побережий Онежского озера. Их нет в составе керамики сперрингс с поселений Приладожья и Прибеломорья. И, наоборот, жирные глины сметит-хлоритового состава выявлены только на памятниках Прибеломорья и части Приладожья.

Тощие глины гидрослюдистого, гидрослюдно-сметитового состава присутствуют в керамике сперрингс всех семи локальных географических районов, единично на поселениях Приладожья. Тощие глины гидрослюдно-хлоритового состава выявлены только на памятниках Приладожья.

Преимущество использования жирных глин для изготовления керамики объясняется их лучшим качеством (высокой пластичностью) (Ткач и др., 2022. С. 35). Об этом также свидетельствует разное количество кластического материала, которое составляет 1–8 % в жирных глинах и 10–32 % в тощих.

В качестве отощителя в 76 фрагментах (84,4 %) керамики сперрингс зафиксирована дресва кристаллических пород, состоящая из сиенитов, плагиогранитов и, в одном случае, актинолитов. В девяти фрагментах кроме дресвы зафиксирована примесь песка, в трех — дополнительно фиксируется еще примесь шамота. В одном черепке в качестве отощителя выступает шамот и измельченная растительность. И в одном фрагменте сосуда, изготовленном из тощих глин каолинитового состава, отощителя не обнаружено.

Интересно, что в 15 обломках керамики сперрингс с трех поселений Прибеломорья (Ерпин Пудас I, Порог Шойрукша, Лисья Гора) в составе дресвы зафиксированы зерна мусковита — минерала, который встречается в Северной Карелии и на Кольском полуострове. Предварительно можно установить, где его могло получать древнее население для использования в качестве примеси. В 6 км южнее памятников располагается месторождение слюдоносных пегматитов «Выгостровское» (Слюдяной Бор), которые содержат большое количество мусковита.

При изучении керамики сперрингс с поселения Оровнаволок VIII (8 фрагментов) с северного побережья Онежского озера было установлено, что она изготовлена из жирных глин сметитового и сметит-гидрослюдистого состава с примесью дрес-

вы кристаллических пород (рис. 2). В то же время посуда с поселения Деревянное Ia (8 фрагментов) с западного берега Онежского озера в основном сформована из тощих глин сметитового и сметит-гидрослюдистого состава с примесью дресвы кристаллических пород и песка (рис. 3).

Надо отметить, что отбор фрагментов с поселений Оровнаволок VIII и Деревянное Ia был произведен неслучайно. В качестве отощителя в тесте всех фрагментов керамики сперрингс поселения Оровнаволок VIII отмечена только дресва кристаллических пород, а в тесте пяти из восьми обломков керамики сперрингс поселения Деревянное Ia зафиксирован рецепт «глина + дресва + песок». Данные отличия могут объясняться тем, что памятники относятся к разным хронологическим этапам существования культуры сперрингс. Поселение Оровнаволок VIII по типологии керамики датируется концом V — началом IV тыс. до н. э., а поселение Деревянное Ia — первой половиной — серединой IV тыс. до н. э. Наблюдаемый процесс постепенного изменения технологии изготовления керамических сосудов с появлением нового типа отощителя (песка) можно рассматривать как отражение возможного влияния технологии изготовления ямочно-гребенчатой керамики, носители которой приходят на территорию Карелии в IV тыс. до н. э. По данным петрографического анализа ямочно-гребенчатой посуды дресва зафиксирована лишь в 18 % керамических сосудов, основным отощителем является песок (более 50 %) (Васильева, 2019. С. 15).

Таким образом, керамика сперрингс как по орнаментации, так и по составу теста сосудов представляет собой довольно цельный культурный комплекс. Отличия в составе глин и примесей могут носить и географический, и временной характер. Так, мусковит встречается только в Северной Карелии и поэтому присутствует в составе отощителя лишь на памятниках Прибеломорья. Сметитно-хлоритовые и гидрослюдно-хлоритовые глины зафиксированы в посуде с поселений Прибеломорья и Приладожья, что отражает распространение данных типов глин в этих географических районах. В то же время они отсутствуют на памятниках Онежского озера, Сямозера и Водлозера, для которых характерны гидрослюдистые и сметитовые глины.

Ближайшие аналогии

Культура сперрингс занимает достаточно изолированное положение в системе раннеолитических культур благодаря своей орнаментации,

Рис. 2. Оровनावолок VIII. Фрагменты керамической посуды сперрингс с позвоночным орнаментом
 Fig. 2. Orovnavolok VIII. Fragments of Sperrings vessels with vertebral imprints

главную роль в которой играют оттиски позвонков пресноводных рыб и отступающе-прочерченные линии. В большинстве фрагментов керамики сперрингс в качестве примеси фиксируется дресва кристаллических пород, что отличает ее от ямочно-гребенчатой посуды и может служить подтверждением различий между двумя раннеолитическими культурами, которые также выражаются в орнаментации керамики и каменном инвентаре.

В трех образцах (с поселений Оровनावолок V (северное побережье Онежского озера), Новзем-

ское VII и Кинярви X (Приладожье)) зафиксирован рецепт «глина + дресва + песок + шамот». Специалисты считают, что появление шамота может означать переход от моносырья (дресвы, песка) к смеси сырья и искусственных добавок (Васильева, 2013. С. 114, 115). Это находит подтверждение в карельской керамике периода неолита, где фиксируется увеличение доли шамота с 8 % в ямочно-гребенчатой до 29 % в гребенчато-ямочной посуде. Однако рецепт «глина + дресва + песок + шамот» отмечен только в ромбо-ямочной

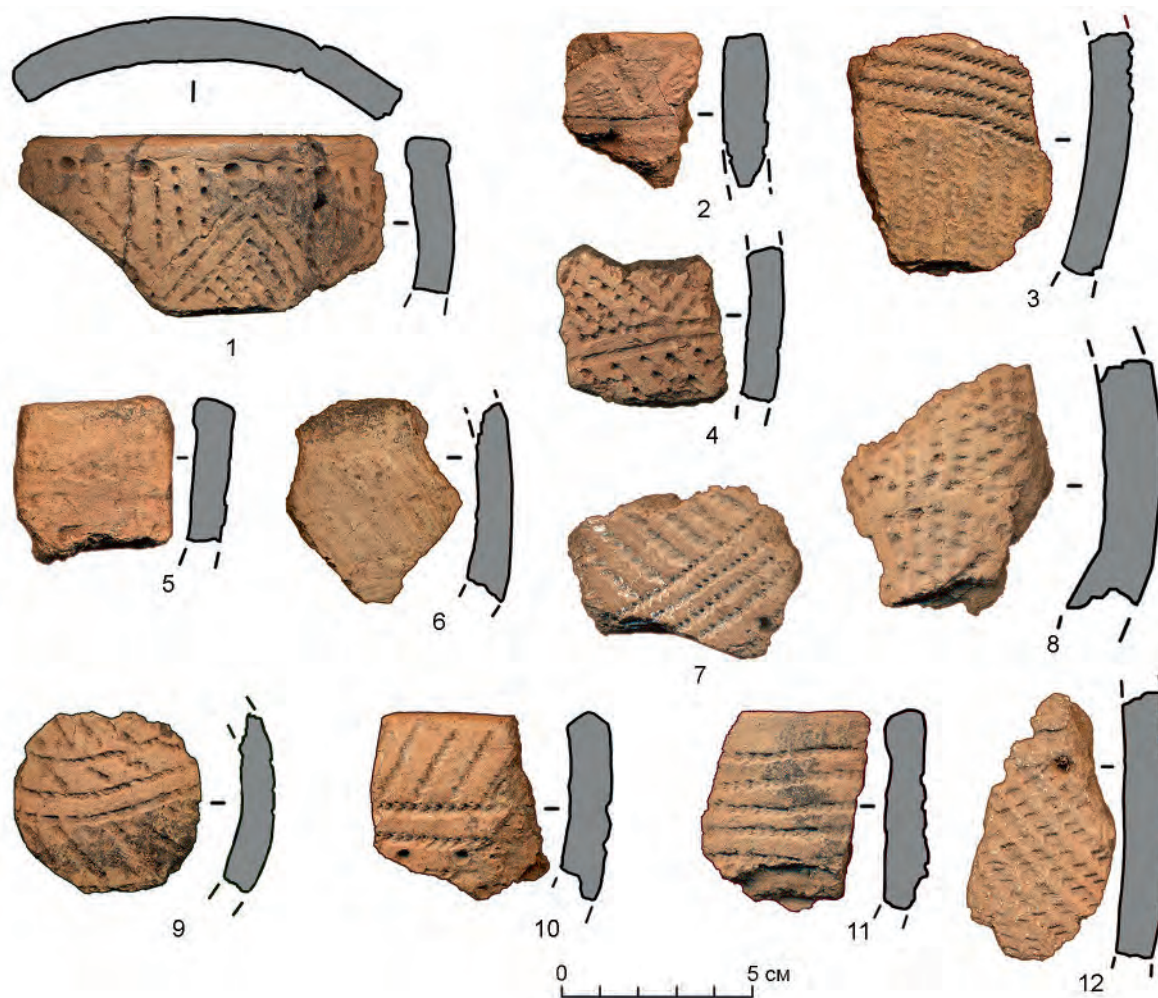

Рис. 3. Деревянное Ia. Фрагменты керамической посуды сперрингс с отступающе-прочерченным орнаментом
 Fig. 3. Derevyannoye Ia. Fragments of Sperrings vessels with retreating incised design

керамике, что ставит под сомнение появление данного отошителя в керамике сперрингс вследствие влияния технологии изготовления ямочно-гребенчатой посуды. Возможно, появление шамота в керамике сперрингс связано с воздействием более раннего пласта культуры гребенчатой керамики, представленного на поселениях Юго-Восточного Прионежья (Тудозеро V, Кемозеро III), где в тесте примесь шамота составляет 5 % (Иванищев, Иванищева, 2000а. С. 290–292; 2000б. С. 298–301; Иванищева и др., 2016. С. 90–93).

Два фрагмента керамики сперрингс в изучаемой выборке занимают особую позицию. Первый, с поселения Пога I (Водлозеро), орнаментирован горизонтальными рядами оттисков позвонка и круглоконическими ямками, помещенными поверх основного орнамента. Тесто содержит в качестве отошителя шамот и измельченную раститель-

ность. Аналогов данному рецепту нет в керамике культур неолита — энеолита Карелии. Надо отметить, что остроовальные ямочные вдавления в качестве дополнительного элемента начинают применяться на позднем этапе существования культуры сперрингс (Хорошун, Ильина, 2006. С. 318; Хорошун, Сумманен, 2015. С. 20; Kashina, Petrova, 2019. P. 176) (рис. 4), поэтому, возможно, стоит продолжить поиски в восточном направлении, где располагается целый пласт неолитических древностей.

Второй фрагмент является частью небольшого неорнаментированного сосудика с поселения Деревянное Ia (западное побережье Онежского озера), тесто которого состоит из тощих глин каолинового состава и не содержит отошителя. Неорнаментированные сосуды единичны на поселениях культуры сперрингс и могут иметь определенное назначение.

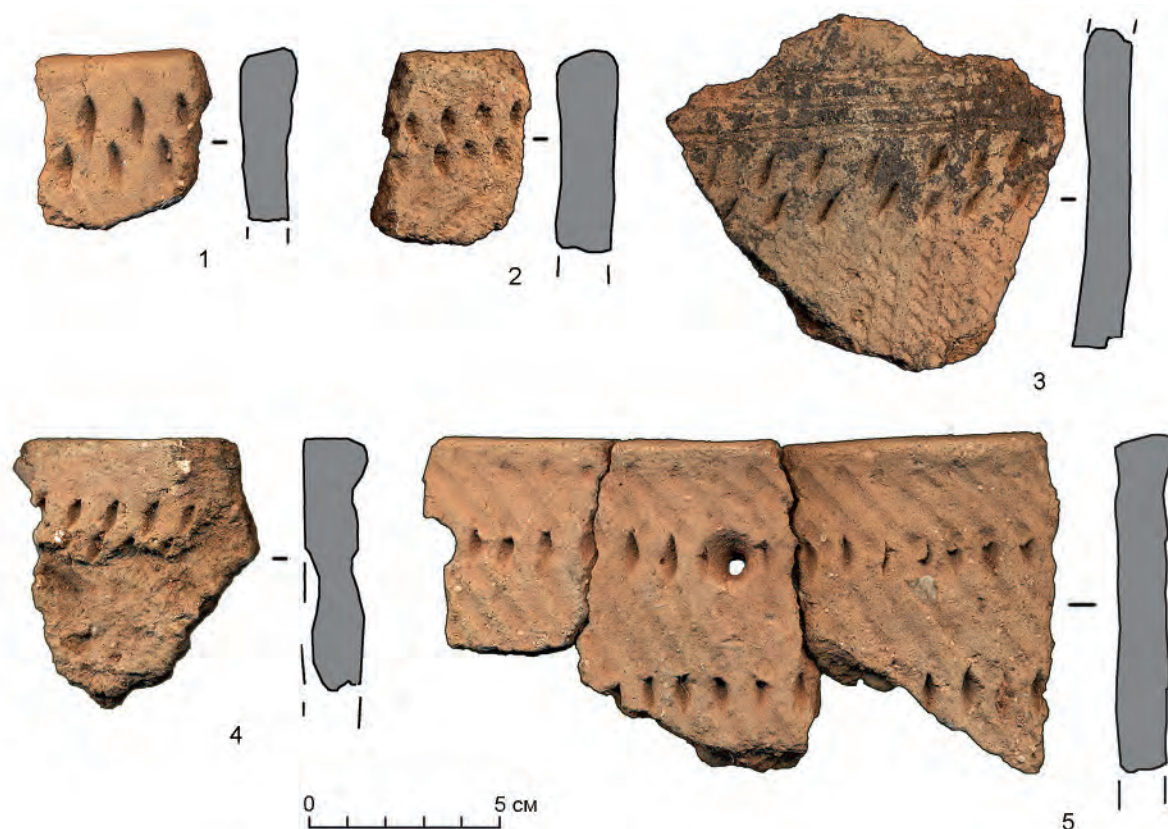

Рис. 4. Малая Суна I. Фрагменты керамической посуды сперрингс с остроовальными ямками

Fig. 4. Malaya Suna I. Fragments of Sperrings vessels with sharp-oval pits

Заклучение

Проведенный петрографический анализ 86 фрагментов раннеолитической керамики сперрингс показывает единую традицию изготовления посуды. В большинстве случаев население использовало тощие и жирные глины смектитового и гидрослюдистого состава. В формовочное тесто в качестве отощителей в основном добавлялась дресва кристаллических пород, редко — песок, в единичных случаях — шамот. Исследуемые фрагменты на основании хронологической схемы культуры сперрингс относятся и к раннему, и к позднему ее этапам. Удалось зафиксировать процесс постепенного изменения технологии изготовления керамических сосудов

в появлении нового типа отощителя (песка) как возможного воздействия технологии изготовления ямочно-ребенчатой керамики. Присутствие в керамике сперрингс в качестве примеси шамота в единичных случаях может быть связано с влиянием более раннего пласта культуры ребенчатой керамики, представленного на поселениях Юго-Восточного Прионежья (Тудозеро V, Кемозеро III), для которого характерна 5%-ная примесь шамота в тесте сосудов. В дальнейшем планируется провести прямое датирование нагара с помощью AMS-метода, а также геохимические исследования фрагментов керамики методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (ICP-MS).

Адель, 1995 — Адель В. В. Некоторые методологические проблемы изучения керамики сперрингс // Вестник Карельского краеведческого музея: Сб. науч. трудов / Отв. ред. М. М. Шахнович. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995. Вып. 3. С. 53–62.

Васильева, 2013 — Васильева И. Н. Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии //

Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 110–119.

Васильева, 2019 — Васильева Т. А. Технология древнего гончарства эпохи неолита на территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 8–17.

- Витенкова, 1996 — Витенкова И. Ф. Культура сперрингс // Витенкова И. Ф. и др. Археология Карелии / Отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 65–81.
- Герман, 2012 — Герман К. Э. Культура сперрингс на территории Карелии // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина: Сб. ст. / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН, 2012. С. 571–590.
- Герман, 2022 — Герман К. Э. Итоги петрографических исследований раннеолитической керамики с поселений Деревянное Ia и Оровнаволок VIII в Карелии // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 1. С. 61–70.
- Герман, Кулькова, 2019 — Герман К. Э., Кулькова М. А. Новые петрографические исследования керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 12–21.
- Герман, Кулькова, 2020 — Герман К. Э., Кулькова М. А. Петрографические исследования керамики сперрингс с памятников Юго-Западной Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8 (183). С. 8–14.
- Гусенцова, Андреева, 1996 — Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Некоторые особенности изготовления раннеолитической керамики Межозерья // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Ред. И. Н. Черных, М. А. Ефимов. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1996. С. 226–234.
- Иванищев, Иванищева, 2000а — Иванищев А. М., Иванищева М. В. Тудозеро V — поселение позднего мезолита — раннего неолита в южном Прионежье // Тверской археологический сборник. Вып. 4 / Ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 2000. С. 284–295.
- Иванищев, Иванищева, 2000б — Иванищев А. М., Иванищева М. В. Поселение раннего неолита на Кемском озере // Там же. С. 297–305.
- Иванищева и др., 2016 — Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Результаты микроморфологического анализа раннеолитической керамики юго-восточного Прионежья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. (24–27 мая 2016 г.) / Ред. О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 88–99.
- Мельников, Герман, 2013 — Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит — энеолит). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 409 с.
- Тимофеев, 1993 — Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. С. 8–34.
- Ткач и др., 2022 — Ткач Е. С., Кулькова М. А., Шумкин В. Я. Посуда цедмарской культуры: технологический аспект (на основании керамики памятника Цедмар Д, Юго-Восточная Прибалтика) // АВ. 2022. Вып. 37. С. 32–41.
- Хорошун, Ильина, 2006 — Хорошун Т. А., Ильина В. П. Использование физико-химических методов при изучении керамики неолита — энеолита (по материалам памятника Вигайнаволок I) // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Материалы междунар. конф., посв. 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г.). Секция «Общественные и гуманитарные науки». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 315–318.
- Хорошун, Сумманен, 2015 — Хорошун Т. А., Сумманен И. М. Роль естественно-научных методов в изучении древней керамики Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 17–27.
- Kashina, Petrova, 2019 — Kashina E., Petrova N. The Kargopol type ceramics — the first pottery of the northern part of the East European Plain // Documenta Praehistorica. 2019. Vol. XLVI. P. 174–182.

Petrographic analysis of Early Neolithic Sperrings ceramics from Karelia: Findings and prospects

K. E. German, M. A. Kulkova³

Keywords: Early Neolithic, Sperrings ceramics, petrographic analysis, Lake Onega region, White Sea coast, Lake Ladoga region.

The Sperrings ceramics is the earliest in Karelia, dating to late 6th — early 5th millennium BC. Its typical decorative designs consist of imprints of vertebrae of freshwater fish, retreating incised lines, and conical pits as an additional element. Despite an extensive scholarship, no petrographic studies of Sperrings ceramics have been carried out yet.

³ Konstantin E. German — Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Petrozavodsk, Karelia; e-mail: germank@onego.ru; Marianna A. Kulkova — Herzen State Pedagogical University; St. Petersburg, Russia; e-mail: kulkova@mail.ru.

Petrographic analyses of 90 fragments of vessels from 33 Sperrings sites, conducted in 2018–2021 at the A. I. Herzen State Pedagogic University in Saint-Petersburg, Russia, have made it possible to separate ten groups of vessels differing in the composition of clay and temper.

The findings suggest that the Sperrings ceramics were mostly made of high-quality smectite, smectite-hydromicaceous and smectite-chlorite loam (*Ткач и др.*, 2022. С. 35). Most samples are tempered with grit of crystalline rocks, and a minority of fragments contain sand and grog.

Samples from the early Sperrings site of Orovnavolok VIII are tempered only with grit, and those from the late site of Derevyannoye Ia contain both grit and sand. The technology of ceramic manufacture, then, was gradually changing — a new temper, sand, appeared, possibly under the influence of the pit-and-comb tradition, introduced by 4th millennium BC migrants to Karelia.

The few instances of grog-tempered samples among the Sperrings ceramics may have been an effect of the earlier comb pottery manufactured in southeastern Lake Onega area (sites such as Tuzozero V and Kemozero III). The proportion of grog-tempered ceramics in that area amounts to 5 % (*Иванищева и др.*, 2016. С. 90–93).

Цветной металл конца VI — V в. до н. э. из грунтового могильника Волна 1 по данным рентгенофлуоресцентного анализа (РФА)¹

И. А. Сапрыкина, Н. И. Сударев, Р. А. Мимоход²

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования методом РФА химического состава 148 металлических предметов из погребений конца VI — V в. до н. э. грунтового могильника Волна 1, расположенного в юго-западной части Таманского полуострова. Получены данные по номенклатуре металлов и сплавов, циркулировавших на территории Азиатского Боспора в период его активного освоения греческими поселенцами.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, грунтовой могильник Волна 1, архаическое время, цветной и драгоценный металлы и сплавы, РФА.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-212-218

Коллекция предметов из цветного металла из грунтового могильника Волна 1, расположенного в юго-западной части Таманского полуострова, у подножия северного склона горы Зеленской, дает уникальную возможность проследить номенклатуру металлов и сплавов, циркулировавших в конце VI — V в. до н. э., в момент активного освоения периферии Таманского полуострова греческими поселенцами (Завойкин, 2010. С. 207, 208). Ее изучение позволяет уловить изменения в рецептуре сплавов на тех территориях, где, как считается, местное население не было полностью замещено греками вплоть до конца IV — начала III в. до н. э. (Сударев и др., 2020. С. 8).

Грунтовой могильник Волна 1 датируется в пределах второй четверти VI — II в. до н. э. Он находится в 4,5 км к северо-западу от пос. Волна Темрюкского района Краснодарского края. Свое название могильник получил от поселения Волна 1, расположенного в 400 м к югу от него. Некрополь, как и поселение, оказался на перекрестке

важнейших древних дорог, ведущих с Левобережья Кубани и предгорий Западного Кавказа к переправе через Керченский пролив (Мимоход и др., 2017; 2019; Цокур и др., 2022а. С. 14, 15). Памятник выявлен работами И. В. Цокур в 2014 г., основные полевые археологические работы на нем проводились в период с 2015 по 2018 г. На данный момент некрополь Волна 1 является одним из наиболее исследованных на территории Причерноморья: площадь раскопок составила около 121 000 кв. м (см.: Цокур и др., 2022а. С. 9). На северо-восточном и северо-западном участках некрополя площадью 2,5 га, которые исследованы Сочинской экспедицией ИА РАН, были сконцентрированы погребения второй половины VI — V в. до н. э. Именно здесь обнаружены редкие для Причерноморья категории находок: бронзовый протез с деревянной пробкой для ноги; железный пластинчатый доспех; бронзовый шлем коринфского типа группы «Гермиона»; музыкальные инструменты; венки на костяной позолоченной основе с бронзовыми лепестками и золотыми бусами и др. (Мимоход и др., 2018). С этих же участков некрополя получена коллекция металлических украшений (перстни, кольца, различного типа накладки и пронизи, рельефные бусины, височные кольца с гроздевидными навершиями) и инвентаря (зеркала, киафы и иные категории), аналогии которым имеются среди материалов других ранних некрополей Азиатского Боспора (см.: Кашаев, 2009; 2013; Сударев, 2010; Сударев, Кашаев, 2016; и др.).

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ (грант № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора»).

² Сапрыкина И. А., Сударев Н. И., Мимоход Р. А. — Институт археологии РАН; Москва, Россия; e-mail: dolmen200@mail.ru, sudarev@list.ru, mimokhod@list.ru.

© Сапрыкина И. А., Сударев Н. И., Мимоход Р. А., 2024

Большая часть металлических предметов из погребений конца VI — V в. до н. э. была исследована неразрушающим методом безэталонного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) для определения номенклатуры металлов и сплавов. На данный момент выборка состоит из 148 предметов. Анализ химического состава металла выполнен с использованием приборной базы Центра коллективного пользования ИА РАН на спектрометрах исследовательского класса M1 Mistral, 5i Tracer (Bruker). Метод заключается в получении и обработке спектров выхода флуоресцентного излучения, возбуждаемых рентгеновским излучением. Анализ выполнялся по трем точкам, далее результаты усреднялись (для данных, полученных на спектрометре M1 Mistral); на спектрометре 5i Tracer анализ выполнялся площадным методом (размер коллиматора 8 мм). Поверхность предметов в точке выполнения анализа предварительно очищалась механическим способом до чистого металла. Точность получаемых данных варьируется от 0,001 до 0,010 %, при программной обработке спектров процентное содержание элементов приводится к 100 %. Ранжирование полученных данных выполнено на принципах геохимии (порог легирования определен в 1,0 %).

Выборка металлических изделий из погребений конца VI — начала V в. до н. э. пока невелика (всего 10 предметов, или 6,78 % общего объема исследованной аналитической выборки) и состоит из украшений (бусин, булавок с гвоздевидным навершием, височного спиралевидного кольца), фрагментов трудно идентифицируемых пластинчатых изделий и иглы. Височное спиралевидное кольцо, концы которого оформлены гвоздевидными навершиями и шариками «зерни» (к примеру: Цокур и др., 2022б. С. 15), оказалось единственным, выполненным из так называемой чистой меди (следов его покрытия драгоценным металлом при анализе не зафиксировано). Остальные исследованные предметы этого хронологического периода были изготовлены из оловянной (CuSn), оловянно-свинцовой (CuSnPb) бронзы и легкоплавких металлов (Pb/PbSn) (рис. 1, I). Среднее содержание олова в бронзах — на уровне 8 %, свинца — 2,7 % (максимальное значение составляет 4,3 %, что позволяет рассматривать использование в том числе «загрязненной» свинцом меди при составлении таких сплавов).

Выборка металлических изделий из погребений первой половины V в. до н. э. содержит большее количество образцов (63 предмета, или

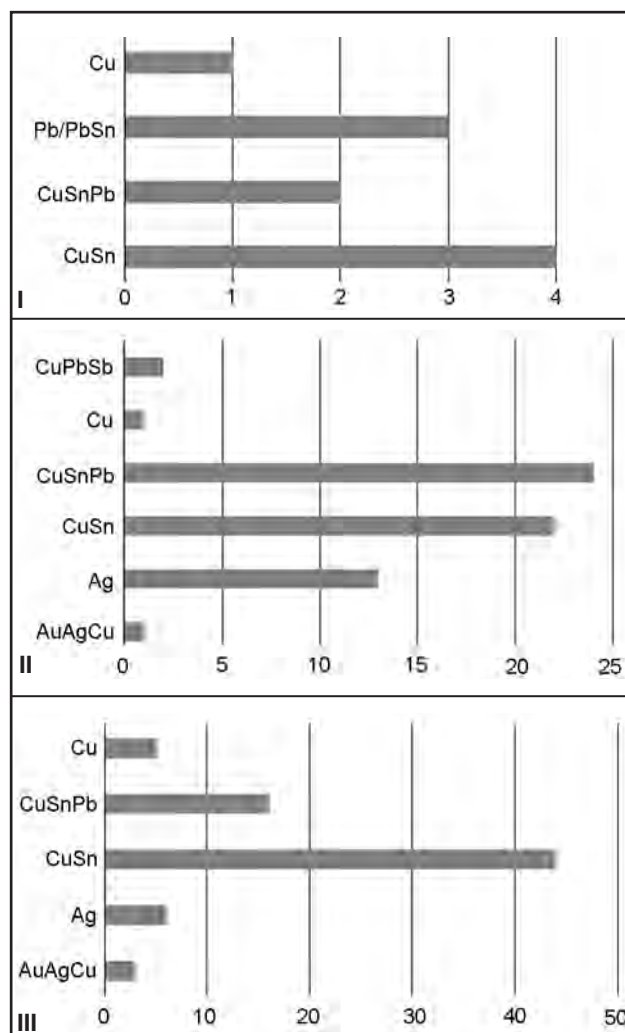

Рис. 1. Некрополь Волна 1, Тамань. Номенклатура металлов и сплавов и их количественное распределение в выборке из погребений: I — конца VI — начала V в. до н. э.; II — первой половины V в. до н. э.; III — второй половины V в. до н. э. По горизонтали — количество находок, экз.

Fig. 1. Volna 1 cemetery, Taman. Content of metals and alloys in various samples: I — late 6th — early 5th cen. BC; II — first half of the 5th cen. BC; III — second half of the 5th cen. BC. Figures in the horizontal row are numbers of specimens

42,57 % общего объема аналитической выборки). Здесь несколько увеличено представительство оловянно-свинцовой бронзы со средними значениями по содержанию олова в 10 % (min — 2,3 %, max — 24,6 %), свинца — 8,8 % (min — 2 %, max — 19,4 %) (рис. 1, II). Из тройной бронзы изготовлены отлитые в составных литейных формах наконечники стрел, содержание олова в сплаве варьирует в широких пределах 2,3–21,7 % (среднее — 10,2 %), свинца — 2,0–19,4 % (среднее — 10,2 %); только пара стрел из погребения 590 была

отлита из свинцово-сурьмянистой бронзы (CuPbSb), характеризующейся высоким содержанием как свинца (15 %), так и сурьмы (4,9–5,0 %). Оловянно-свинцовая бронза использована также при изготовлении пронизей, наконечников шнура, ворворок, конских удила, сохранившихся фрагментарно; здесь показатели сплава несколько отличаются: содержание олова в пределах 2,9–24,6 % (среднее — 9,7 %), свинца — 2,5–14,9 % (среднее — 7,9 %). Вторым по значимости сплавом в выборке оказалась оловянная бронза с усредненным содержанием олова на уровне 8,8 % (min — 2,4 %, max — 27 %), использованная также для отливки наконечников стрел; из погребений второй–третьей четвертей V в. до н. э. происходят находки зеркал и киафов, также отлитых из оловянной бронзы (Sn — 4,27–14,84 %), часто со следами ремонта, выполненного, по-видимому, на месте методом наклепки медных пластин. Часть киафов из некрополя представляет собой не монолитное, а сборное изделие, где помимо наличия медных заплаток на местах разрыва полотна чаши имелись еще и ручки, выполненные из другого типа сплава (оловянно-свинцовой бронзы).

Во второй–третьей четвертях V в. до н. э. в погребальном инвентаре некрополя появляются находки из драгоценных металлов: из погребения 404 происходит полая бусина из двух тисненых полусфер, выполненная из электрума (содержание золота — 54,3 %, серебра — 41,4 %, меди — 3,6 %), зафиксировано также наличие микропримесей железа и свинца. Для изготовления двух полых дугих серег из погребения 522, семи височных спиралевидных колец с гроздевидными навершиями с зернью было использовано высокопробное серебро (Ag — 94,5–99,5 %; 970–990 — средняя пробность украшений). Серебро помимо присадки меди (max — 1,7 %) сопровождается микропримесью свинца и висмута, единично — золота и олова. Из аналогичного высокопробного серебра 980–990 выполнены также браслет и несколько полых тисненых бусин, найденных в погребениях этого периода.

При анализе выявилась специфическая особенность серебра — его сильная загрязненность разными формами соединений железа, скапливающихся в поверхностном слое анализируемых изделий в форме своеобразной корки темно-коричневого/темно-фиолетового цвета. Даже несмотря на глубокую механическую очистку поверхности анализируемых предметов, полностью исключить железо не удавалось. В этом же приповерхностном слое помимо следов железа была зафиксиро-

рована и микропримесь сурьмы, не относящаяся к ряду «коренных» для серебра (*Butcher, Ponting, 2011. P. 72; Rodrigues et al., 2011. P. 985–987*). На наш взгляд, такая специфическая особенность серебра из грунтового могильника Волна 1 может быть объяснена влиянием неблагоприятной почвенной среды³.

Выборка металлических изделий из погребений второй половины V в. до н. э. (75 предметов, или 50,67 % общего объема аналитической выборки), как видно из гистограммы (рис. 1, III), демонстрирует значительное увеличение доли оловянной бронзы. Это вызвано, вероятно, разнообразием самого погребального инвентаря, в состав которого входят не только киафы, зеркала и наконечники стрел, но и ювелирные украшения — перстни и браслеты. Содержание олова в бронзе этого периода составляет 2,24–15,80 % (усредненное — 9 %). В целом сплав не демонстрирует никаких специфических характеристик рецептуры бронзы, использовавшейся для изготовления той или иной категории находок: содержание олова в сплаве зеркал составляет 6,6–12,3 % (среднее — 9,1 %), киафов — 6,3–13,7 % (среднее — 10,8 %), украшений — 5,9–12,2 % (среднее — 9,3 %).

Изделия из оловянно-свинцовой бронзы, соответственно, занимают более скромное место в выборке этого периода: преимущественно это составные части киафов (ручки), наконечники стрел, предметы конской упряжи. Тройная бронза характеризуется содержанием олова в пределах 3,5–25,3 % (среднее — 13,2 %), свинца в пределах 3,9–16,6 % (среднее — 7,3 %). Единичный экземпляр киафа, сохранившийся фрагментарно (дно чаши), оказался выполненным из так называемой чистой меди, но в основном этот металл использовался для изготовления скоб или накладок, в частности на ножны меча, пластинчатых изделий.

Из погребений второй половины V в. до н. э. происходят также предметы из драгоценных металлов: для трех тисненых биконических бусин был использован электрум, характеристики которого (по содержанию Ag и Cu) сходны с результатами, полученными для бусины из выборки первой половины V в. до н. э. Сам природный электрум характеризуется непостоянным содержанием серебра, но его колебания не выходят за пределы 20–

³ На месте расположения грунтового могильника в XX в. находился виноградник, который возделывался плантажным способом. Также нельзя полностью исключать влияние месторождений железа Керченско-Таманской железорудной провинции на количество этого элемента в почве.

25 %, а в сплаве, из которого были изготовлены все исследованные бусины, содержание серебра достигает 47 %. Известно, что природный электрум уже в VI–IV вв. до н. э. активно разбавлялся медью и серебром (см.: *Ogden*, 1993. P. 39; *Keyser, Clark*, 2001. P. 106, 112; *Fischer-Bossert*, 2018. P. 16). В выборке присутствуют также серебряные изделия: перстни изготовлены из серебра относительно высокой пробы (940–960), а вот основа для пары височных спиралевидных колец с гроздевидными навершиями из погребения 656 оказалась выполненной из медного дрота (аналогично экземпляру конца VI — начала V в. до н. э.) с покрытием из листового серебра, пробность которого, судя по данным РФА, также на уровне 940–960.

Суммируя полученные данные, нами была выявлена следующая номенклатура металлов и сплавов из цветного металла для грунтового могильника Волна 1: из чистых металлов зафиксированы свинец, медь, серебро (появляется в погребениях второй–третьей четвертей V в. до н. э.); природный электрум второй–последней четвертей V в. до н. э. уже разбавлен серебром⁴ и, соответственно, относится к искусственно составленным сплавам, таким как оловянная, оловянно-свинцовая, свинцово-сурьмянистая бронзы (рис. 2). Анализ динамики использования сплавов показывает, что в конце VI — начале V в. до н. э. преобладает оловянная бронза, представлены также оловянно-свинцовая бронза, так называемая чистая медь и легкоплавкие сплавы (на основе свинца). В первой половине V в. до н. э. количество изделий из оловянно-свинцовой бронзы незначительно превышает количество находок из оловянной бронзы, в выборке зафиксировано также присутствие свинцово-сурьмянистой бронзы. Во второй половине V в. до н. э. фиксируется резкое возрастание доли оловянной бронзы, оловянно-свинцовая бронза и медь представлены значительно скромнее. Все эти наблюдения указывают на то, что номенклатура сплавов из могильника Волна 1 в целом, конечно, не выделяется на общем фоне, характерном и для боспорской цветной металлообработки VI–V вв. до н. э. (*Трейстер*, 1992. С. 91), и для металлообработки Греции и ее колоний (*Craddock*, 1977; 1984; *Lefferts et al.*, 1981; *Orfanou*, 2015. P. 86–90; *Klaudori et al.*, 2021; и др.), однако, на наш взгляд, можно отметить ряд важных особенностей.

⁴ Период VI–IV вв. до н. э. характеризуется чеканкой ионийской и лидийской монет из разбавленного электрума (*Keyser, Clark*, 2001. P. 112).

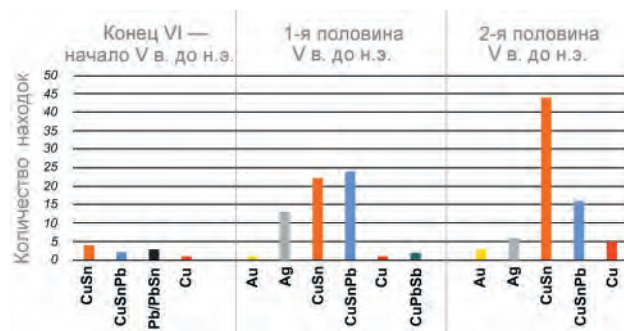

Рис. 2. Некрополь Волна 1, Тамань. Динамика изменения количества предметов по основным типам металлов и сплавов в выборке из погребений конца VI — V в. до н. э. (Au — электрум)

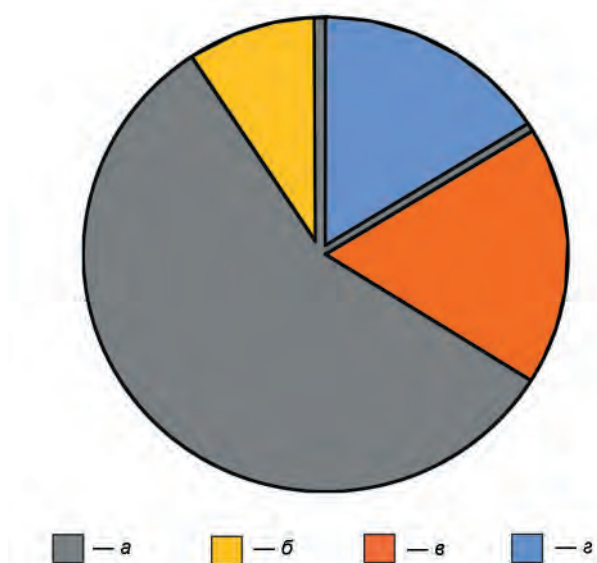
Fig. 2. Volna 1 cemetery, Taman. Numbers of specimens relating to principal categories of metals in the late 6th — 5th cen. BC sample (Au — electrum)

Оловянная бронза могильника Волна 1, за редким исключением, характеризуется содержанием легирующего компонента в пределах 6–11 %, из такого сплава изготовлен, в частности, ряд греческих импортов — киафы, зеркала аттического и пелопонесского типов, шлем коринфского типа группы «Гермиона»⁵. Небольшая доля выборки характеризуется высоким содержанием олова (выше 12 %) в двухкомпонентной бронзе, что объясняется использованием сплавов, более характерных для цветной металлообработки Прикубанья, Северного Кавказа (*Барцева*, 1974. С. 28, 29; *Трейстер*, 1992. С. 95; *Равич и др.*, 2009. С. 198–200), хотя к этому периоду в Греции уже преодолена нехватка олова путем смены источника добычи сырья (*Kayafa*, 2006. P. 226–229; *Orfanou*, 2015. P. 81, 82). Возможно, одним из объяснений присутствия в выборке из грунтового могильника Волна 1 двух видов оловянной бронзы (высоко- и низколегированной оловом) может быть использование как условно «свежего» сплава, так и полученного из многократно переплавленного лома цветного металла, который в силу естественных причин характеризуется пониженным содержанием олова.

Кроме прикубанского металла в выборке улавливается присутствие и небольшой доли закавказских оловянно-свинцовых бронз, судя по сохранившимся в них следам старых мышьяковистых сплавов в виде небольшой примеси мышьяка в пределах 1,4–2,6 % (*Барцева*, 1974. С. 27, 30). Обращает на себя внимание и номенклатура

⁵ Результаты исследования шлема будут опубликованы позднее.

Рис. 3. Вклад условно выделенных источников поступления металлов и сплавов в материале находок конца VI — V в. до н. э. в некрополе Волна 1 (металл: *a* — местный (прикубанский и кавказский); *b* — греческого импорта; *v* — условно скифский; *z* — условно фракийский)

Fig. 3. Contribution of tentative sources of metals and alloys in the late 6th — 5th cen. BC sample from Volna 1 (metal: *a* — local (Kuban and other regions of Caucasus); *b* — Greek import; *v* — presumably Scythian; *z* — presumably Thracian)

сплавов, из которых, к примеру, была отлита серия наконечников стрел так называемых базисных типов, — преимущественно низколегированная оловянная, оловянно-свинцовая, свинцово-сурьмянистая бронзы, коррелирующая с той, что была в ходу у скифов Северного Причерноморья (Барцева, 1981. С. 18–30; Ольговский, 2019. С. 511).

Источником серебра, из которого изготовлена серия височных спиралевидных колец с гроздевидными навершиями из погребений второй четверти — конца V в. до н. э., могли являться месторождения Восточного Средиземноморья (Лаврион, полуостров Халкидики, Родопские горы), как и для самых ранних боспорских монет 494–490 гг. до н. э., найденных в Фанагории (Сапрыкина и

др., 2020; Чугаев, Сапрыкина, 2022. С. 476, 477). Пока не вполне ясен вклад каждого из этих месторождений в состав серебра височных колец⁶, но будет крайне любопытно сопоставить данные, полученные по изотопному составу свинца в серебре, с основным ареалом распространения таких подвесок, а это, в первую очередь, также Восточное Средиземноморье (острова Кипр, Родос, Хиос) и Карпато-Дунайский регион (Македония и Фракия) (Цокур и др., 2022а. С. 43). Не исключено, что с регионом Македонии и Фракии могут быть связаны и биконические бусины, выполненные из разбавленного природного электрума, — во Фракию исследователи помещают один из центров ионийской монетной чеканки VI в. до н. э. (Wartenberg, 2018).

Подводя предварительные итоги по результатам исследования химического состава цветного и драгоценного металлов из погребений конца VI — V в. до н. э., отметим, что, несмотря на значительное присутствие перемешанного «старого» металла, в выборке из грунтового могильника Волна 1 удалось проследить разные группы сплавов (рис. 3). Они связаны с местной основой (использованием металлов и сплавов прикубанского и кавказского очагов цветной металлообработки) и греческим импортом, на что указывают характерные формы изделий и относительно стандартная рецептура бронзы. В представленной выборке явно выделяется металл, попавший на территорию Таманского полуострова, скорее всего, из Западного Причерноморья: его появление может быть связано с направлениями имевшихся контактов элиты, вероятность которых уже отмечена при анализе отдельных признаков погребального обряда на грунтовом могильнике Волна 1 (см.: Кашаев и др., 2020. С. 92), и в перспективе важно расширить уже имеющуюся аналитическую выборку для проверки высказанных предположений.

⁶ В настоящее время проводится исследование серебра височных колец из грунтового могильника Волна 1 методом изотопного анализа Pb в серебре; результаты будут опубликованы в отдельной работе.

Барцева, 1974 — Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. 1974. № 1. С. 24–37.

Барцева, 1981 — Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. М.: Наука, 1981. 124 с.

Завойкин, 2010 — Завойкин А. А. Периодизация освоения греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. (соотношение письменных и археологических источников) // Античный мир и археология. 2010. Вып. 14. С. 203–217.

Кашаев, 2009 — Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 // Боспорские исследования. 2009. Вып. 22. С. 188–267.

- Кашаев*, 2013 — *Кашаев С. В.* Бронзовые предметы из раскопок некрополя Артющенко-2 // Фидития. Памяти Ю. В. Андреева: Сб. науч. трудов / Редкол. Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 52–58.
- Кашаев и др.*, 2020 — *Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И.* Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // АВ. 2020. Вып. 30. С. 82–96.
- Мимоход и др.*, 2017 — *Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С.* Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. 2017. № 21. С. 294–310.
- Мимоход и др.*, 2018 — *Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С.* Некрополь Волна 1 (2017 г.) (Краснодарский край, Темрюкский район) // Городища, селища, могильники. Раскопки 2017 г. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 25). С. 220–231.
- Мимоход и др.*, 2019 — *Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С.* Исследования грунтового некрополя Волна-1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию проф. В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д.: ИП Истратов С. В., 2019. С. 120–144.
- Ольговский*, 2019 — *Ольговский С. Я.* К вопросу об очаге металлообработки в Северном Причерноморье в раннем железном веке // Археология і давня історія України. Київ, 2019. Вып. 2 (31). С. 506–513.
- Равич и др.*, 2009 — *Равич И. Г., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Производственная культура населения юго-восточной периферии Боспорского государства (черный и цветной металлы) // *Abrau Antiqua*. Результаты комплексных исследований полуострова Абрау / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: Гриф и К., 2009. С. 194–211.
- Сапрыкина и др.*, 2020 — *Сапрыкина И. А., Чугаев А. В., Гунчина О. Л., Пельгунова Л. А.* Химический состав металла и изотопный состав Pb в серебряных монетах из клада // *Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г.* Клад позднеархаических монет из Фанагории / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2020 (Фанагория. Результаты археологических исследований; Т. 8). С. 66–89.
- Сударев*, 2010 — *Сударев Н. И.* Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2: Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани / Отв. ред.: Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. II. С. 418–472.
- Сударев, Кашаев*, 2016 — *Сударев Н. И., Кашаев С. В.* История исследования поселения Виноградный 7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: Материалы междунар. археол. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2016. С. 471–480.
- Сударев и др.*, 2020 — *Сударев Н. И., Поротов А. В., Гарбузов Г. П.* Таманский полуостров и Северо-Западное Предкавказье: этнокультурные миграции в контексте динамики палеогеографических условий в эпохи бронзы — раннего средневековья // Боспорские исследования. 2020. № 41. С. 3–15.
- Трейстер*, 1992 — *Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. X: Археология и искусство Боспора / Под общ. ред. И. Е. Даниловой. М.: Внешторгиздат, 1992. С. 66–110.
- Цокур и др.*, 2022а — *Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В.* Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове. В 2 ч. М.: ИА РАН, 2022 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 30, ч. 1). 399 с.
- Цокур и др.*, 2022б — *Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В.* Волна 1. Некрополь архаического — эллинистического периодов на Таманском полуострове. В 2 ч. М.: ИА РАН, 2022 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 30, ч. 2). 367 с.
- Чугаев, Сапрыкина*, 2022 — *Чугаев А. В., Сапрыкина И. А.* Эволюция источников монетного серебра на Боспоре в V–IV вв. до н. э. — II–III вв. н. э. по данным изотопного анализа Pb // МАИЭТ. 2022. Вып. XXVII. С. 467–490.
- Butcher, Ponting*, 2011 — *Butcher K., Ponting M.* The Denarius in the First Century // Proceedings of the XIVth Numismatic International Congress Glasgow 2009 / Ed. N. Holmes. Glasgow; London: Spink, 2011. P. 557–568.
- Craddock*, 1977 — *Craddock P. T.* The composition of the copper alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilizations: 2. The Archaic, Classical and Hellenistic Greeks // Journal of Archaeological Science. 1977. Vol. 4(2). P. 103–123.
- Craddock*, 1984 — *Craddock P. T.* The Metallurgy and Composition of Etruscan Bronze // Studi Etruschi. 1984. Vol. 52. P. 211–271.
- Fischer-Bossert*, 2018 — *Fischer-Bossert W.* Electrum Coinage of the Seventh Century BC // Second International Congress on the History of Money and Numismatics in the Mediterranean World (5–8 January 2017, Antalya): Proceedings. Istanbul: AKMED, 2018. P. 15–23.
- Kayafa*, 2006 — *Kayafa M.* From Late Bronze Age to Early Iron Age Copper Metallurgy in Mainland Greece and Offshore Aegean Islands // Ancient Greece: from the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006 (Edinburgh Leventis Studies; Vol. 3). P. 213–232.

- Keyser, Clark*, 2001 — *Keyser P. T., Clark D. D.* Analyzing and Interpreting the Metallurgy of the Early Electrum Coins // *Hacksilber to Coinage: New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece*. New York: American Numismatic Society, 2001 (Numismatic Studies; No. 24). P. 105–126.
- Klaudori et al.*, 2021 — *Klaudori N. K., Karydas A. G., Orfanou V., Kantarelou V., Zacharias N.* Bronze votive pins from the sanctuary of Athena Alea at Tegea, Arcadia, Greece, ca. 9th–7th BCE: A microscopic and compositional study using portable micro X-ray fluorescence spectrometry (micro-XRF) // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021. Vol. 37. DOI: 10.1016/j.jas-rep.2021.102975.
- Lefferts et al.*, 1981 — *Lefferts K. C., Majewski T., Sayre E. V., Meyers P.* Technical Examination of the Classical Bronze Horse from the Metropolitan Museum of Art // *Journal of American Institute for Conservation*. 1981. Vol. 21 (1). P. 1–42.
- Ogden*, 1993 — *Ogden J.* Aesthetic and technical considerations regarding the colour and texture of ancient gold-work // *Metal Plating and Patination. Cultural, Technical, and Historical Developments* / Eds. S. La Niece, P. Craddock. Oxford: Butterworth Heinemann Ltd., 1993. P. 39–49.
- Orfanou*, 2015 — *Orfanou S.* Early Iron Age Greek copper-based technology: votive offering from Thessaly // Thesis submitted to University College London for the degree of Doctor of Philosophy (PhD) // URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1471577/> (дата обращения: 29.01.2024).
- Rodrigues et al.*, 2011 — *Rodrigues M., Cappa F., Schreiner M., Ferloni P., Radtke M., Reinholz U., Woyteke B., Alramef M.* Further Metallurgical Analyses on Silver Coins of Trajan (AD 98–117) // *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*. 2011. Vol. 26. P. 984–991.
- Wartenberg*, 2018 — *Wartenberg U.* Archaic Electrum Coinage in Thrace and Macedonia in the Sixth Century: the Hoard Evidence // *Second International Congress on the History of Money and Numismatics in the Mediterranean World (5–8 January 2017, Antalya): Proceedings*. Istanbul: AKMED, 2018. P. 25–39.

Late 6th — 5th cen. BC base and precious metal from the flat-grave burial ground Volna 1 according to X-ray fluorescence (XRF) analysis

I. A. Saprykina, N. I. Sudarev, R. A. Mimokhod⁷

Keywords: Asian Bosphorus, Volna 1 flat-grave burial ground, Archaic Period, base and precious metals and alloys, XRF analysis.

The study describes the chemical composition of base and precious metals from the early burials at the Archaic and Classical era burial ground Volna 1 (excavations by R. A. Mimokhod and P. S. Uspensky in 2016–2018). The sample from late 6th — 5th cen. BC burials consists of 148 items, for which chemical composition of metal was assessed by the XRF method without standards. Most samples stem from burials of the second quarter — end of the 5th cen. BC. The following changes in the composition of metals and alloys were traced: in the second and third quarters of the 5th cen., many artifacts made of high-quality silver appear; in the second half of the 5th cen. electrum admixed with silver becomes more common and the number of artifacts made of stannic bronze sharply increases relative to the late 6th — early 5th cen. BC (fig. 1). Tentatively, several sources of alloys can be established in terms of recipes and micro-admixtures: most samples are alloys common in the Kuban and Caucasian metallurgic centers (fig. 2); there are a few imported Greek metal artifacts, and two hypothetic groups of metals which could stem from certain regions of the western Pontic (tentatively referred to as “Scythian” and “Thracian”). The only reliable fact is the use of alloys, which were subjected to repeated melting and blending.

⁷ Irina A. Saprykina, Nikolay I. Sudarev, Roman A. Mimokhod — Institute of Archeology RAS; Moscow, Russia; e-mail: dolmen200@mail.ru, sudarev@list.ru, mimokhod@list.ru.

Рюриково городище эпохи викингов (к вопросу о топографии, планиграфии и международных связях)¹

А. В. Плохов, Н. В. Хвощинская²

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы топографии поселения на Рюриковом городище в эпоху викингов. На основе стратиграфии и керамического материала выделяются основные этапы развития в освоении новых участков и плотности застройки. Особое внимание уделяется роли Городища в торговле и международных связях.

Ключевые слова: Рюриково городище IX–X вв., топография, планиграфия, этапы развития, международные связи.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-219-236

Топография поселения и его площадь

В древности возвышенность, на которой располагалось поселение, первоначально находилась на пойменном острове при истоке Малого Волховца — правого притока Волхова — и была окружена с запада Волховом, с юга и востока — Малым Волховцом, а с севера — Жилотугом. После строительства в 1798–1803 гг. Сиверсова канала ландшафтная ситуация изменилась. Жилотуг стал современным Волховцом, а его старое русло превратилось в речку Спасовку.

В результате многолетних раскопок Новгородской областной экспедицией на Рюриковом городище была изучена площадь более 3 тыс. кв. м (рис. 1), что позволяет рассмотреть вопрос о его структурно-топографических особенностях в эпоху викингов.

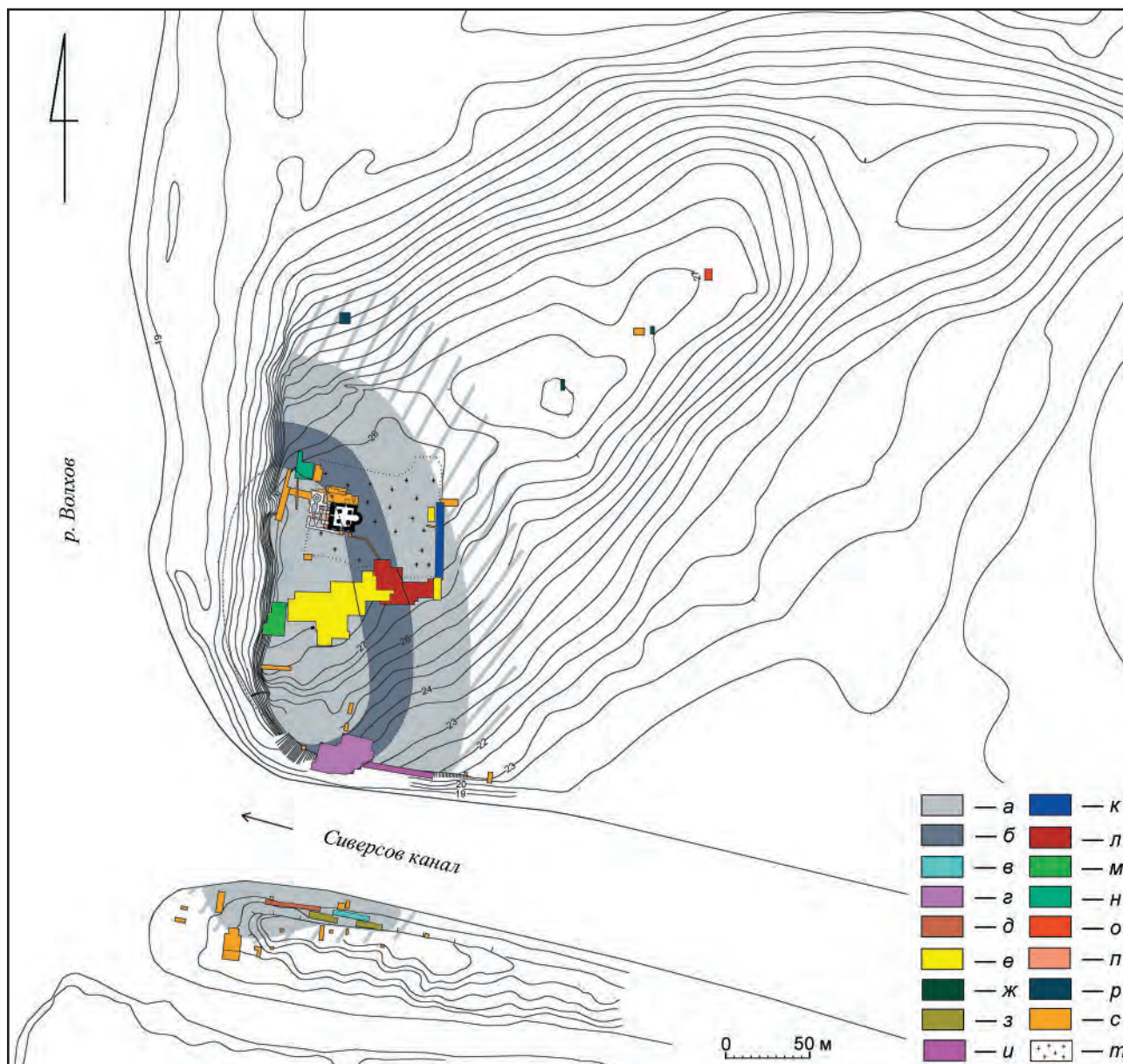
По данным археологических исследований, на территории раннесредневекового поселения выделяются две части. Одна занимает собственно городищенский холм, вторая — низменный мыс,

через который и был прорыт канал. Перепад высот между центром возвышенности и мысом достигает около 8 м. Раскопки показали, что в юго-западной части холма располагалась крепость, состоящая из деревоземляной стены, окруженной рвом. О размерах оборонительных сооружений можно судить по изученным к настоящему времени остаткам укреплений, зафиксированных на четырех участках поселения: на северном берегу Сиверсова канала (1977–1979 гг., траншея 1980 г., 1999–2004, 2018–2021 гг.); в центральной части холма (1987–1989, 1996, 2006–2010 гг.); на раскопе северо-западнее церкви Благовещения (2013–2016 гг., раскопки И. И. Еремеева); в зондаже у южной стены церкви Благовещения и в шурфе внутри храма XIV в. при архитектурно-археологических исследованиях Вл. В. Седова в 2016–2017 гг. (Носов, 1990. С. 47–89; Носов и др., 2005а. С. 48–50; Носов и др., 2016. С. 112; 2017. С. 84–104; Носов, Хвощинская, 2018. С. 137–147; Кудрявцев, 2020). Соединение всех этих точек позволяет наметить трассу древних оборонительных сооружений. По отношению к общей площади холма (16,5 га) ров окружал небольшую наиболее возвышенную его часть — приблизительно 1,5 га (рис. 1).

Деревоземляные конструкции укреплений изучались с перерывами в течение ряда лет, начиная с конца 1990-х гг. В наиболее полном виде они исследованы в раскопах на северном берегу Сиверсова канала (Хвощинская, 2021). Долгое время, несмотря на многочисленные спилы с бревен,

¹ Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Плохов А. В., Хвощинская Н. В. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: a_plokhov@mail.ru, kottimoshka85@mail.ru.
© Плохов А. В., Хвощинская Н. В., 2024

Рис. 1. План Рюрикова городища (*a* — культурный слой второй половины IX — X в.; *б* — укрепления середины IX в.; *в* — раскоп 1975 г.; *г* — раскопы 1977–1979, 1997–2004, 2018–2021 гг.; *д* — раскопы 1979, 1980 гг.; *е* — раскопы 1980–1989 гг.; *ж* — шурфы 1982 г.; *з* — раскопы 1993–1996 гг.; *и* — раскопы 1994, 1996 гг.; *к* — раскоп 2005 г.; *л* — раскоп 2006–2010 гг.; *м* — раскоп 2011–2012 гг.; *н* — раскоп 2013–2016 гг. И. И. Еремеева; *о* — раскоп III 2013 г. И. И. Еремеева; *п* — раскоп 2016–2017 гг. Вл. В. Седова участков со стратифицированным культурным слоем; *р* — раскоп 2022 г.; *с* — раскопы разных лет; *т* — территория кладбища XX в.)

Fig. 1. Plan of Rurik's Hillfort (*a* — habitation layer of the second half of the 9th–10th cen.; *b* — mid-9th cen. fortifications; *v* — 1975 excavation; *g* — 1977–1979, 1997–2004, and 2018–2021 excavations; *d* — 1979 and 1980 excavations; *e* — 1980–1989 excavations; *zh* — 1982 trench; *z* — 1993–1996 excavation; *i* — 1994 and 1996 excavations; *k* — 2005 excavation; *l* — 2006–2010 excavation; *m* — 2011–2012 excavation; *n* — 2013–2016 excavation by I. I. Yeremeyev; *o* — excavation III, 2013, by I. I. Yeremeyev; *p* — 2016–2017 excavation by Vl. V. Sedov (areas with stratified habitation horizon); *r* — 2022 excavation; *c* — excavations of various years; *t* — 20th cen. cemetery)

собранные во время раскопок оборонительных сооружений Городища, не удавалось получить их дату. Это было связано со сложностями построения дендрохронологической шкалы по дубу, из которого в основном были выполнены деревянные конструкции укреплений. Тем не менее Е. Н. Носов считал несомненным существование Рюрикова городища в середине IX в. Он аргументировал это заключение находками двух кладиков восточных монет (конца 850-х и конца 860-х гг.), отдельных восточных и византийских монет, бус, импортов из Скандинавии и Хазарии. Кроме того, полученные дендродаты 889, 896 и 897 гг. бревен из конструкций хлебных печей, построенных во рву, по мнению исследователя, фиксировали только определенный этап жизни на поселении, а не его начало, поскольку под сооружениями имелись более ранние культурные отложения (Носов, 1990. С. 147–150; 2012. С. 109). В настоящее время благодаря полученным дополнительным образцам спилов от хорошо сохранившихся дубовых бревен внешней стены крепости, исследованных в 2021 г., а также в результате построенной в последние годы О. А. Тарабардиной новгородской дендрошкалы по дубу (IX–XIV вв.), была установлена дата возведения оборонительных сооружений — 858–862 гг. Таким образом, предположение Е. Н. Носова о существовании поселения в истоке Волхова в середине IX в. получило естественно-научное подтверждение.

За пределами рва располагается неукрепленная часть памятника, занимающая территорию городищенского холма к северу и востоку от крепости, а также низменный мыс. Е. Н. Носов считал, что во второй половине IX — X в. минимальная площадь раннесредневекового поселения на Рюриковом городище, вытянувшегося полосой шириной более 100 м вдоль берега Волхова на протяжении 350 м, составляла 4 га. Это при том, что изначально поселение было больше, поскольку какая-то часть городищенского всхолмления, несомненно, была разрушена водами Волхова (Носов, 1990. С. 151; 2012. С. 109). Свои представления о распространении культурного слоя и границы укреплений он отобразил на схеме (Носов, 1990. Рис. 59), которая вполне актуально выглядит и сейчас, в свете новейших исследований.

Говоря о разрушении холма рекой, невозможно не вспомнить слова Н. К. Рериха, высказанные им после неудачных работ на памятнике в 1910 г. Ознакомившись с планом Городища 1780 г., хранящимся в ризнице церкви Благовещения, художник сделал следующее заключение: «...на плане

видно, что за столетие с небольшим Волхов, изменяя свое течение, оторвал около 12-ти саженьей высокого берега. Насколько же раньше выступало вперед Городище! В Волхове покоятся и терема, и часть храмов. Словом, вся лучшая часть поселения; все, что стояло на видных передовых местах. Теперь понятно, почему главную массу старинных предметов находят не на берегу, а весной внизу, подле самой воды» (Рерих, 1914. С. 210). Правда, Е. Н. Носов усомнился, что за XIX в. произошли столь значительные разрушения, поскольку сравнение более поздних и, несомненно, более точных планов (нежели 1780 г.), снятых в 1901 г. М. И. Полянским и в 1929 г. экспедицией ГИМ с современными топографическими картами показывает, «что в последние почти 90 лет (сейчас можно говорить уже о столетии. — Авт.) расстояние между Благовещенской церковью и западным краем городищенской площадки оставалось неизменным, и склон здесь по существу не разрушался. Вряд ли дело обстоит иначе в XIX в., поскольку даже во время самых больших паводков <...> размываются берега Сиверсова канала, а край возвышенности со стороны Волхова не нарушается» (Носов, 1990. С. 15)³.

Предпринятое И. И. Еремеевым изучение формирования исторического ландшафта на материалах отложений пойм Ильменя и Волхова позволило сделать вывод, что после образования Невы где-то в I тыс. до н. э. произошло резкое понижение уровня Ильменя и Волхова. К середине I тыс. н. э. уровень озера опустился до отметки не более 16 м БС. Во вторую половину I тыс. н. э. происходит постепенное увлажнение и потепление климата, и к концу этого тысячелетия трансгрессия оз. Ильмень изменяет гидрологическую обстановку (Еремеев, 2023. С. 216, 217). Стратиграфические разрезы, полученные в шурфе 2003 г., заложенном на мысу, образованном Волховом и Сиверсовым каналом, на пляже у обрыва берега и в траншее 2016 г., расположенной в пойме реки, подтвердили, по мнению И. И. Еремеева, предположение о том, что значительная часть памятника разрушена в результате повышения уровня воды. В обоих случаях было зафиксировано «размытое основание древнего городищенского холма» (Там же. С. 211, 212). Судя по находкам, слоистые

³ Отсутствие существенных изменений береговой линии Волхова за время, прошедшее с начала XIX в., было подтверждено И. Ю. Анкудиновым, сравнившим изображение Городища на плане 1819 г. с современными топографическими картами (Анкудинов, 2007. С. 60).

супеси, залегающие в траншее выше этого основания, «отложились в результате паводковых разливов Волхова в течение короткого времени и не ранее XVIII в.» (*Там же*. С. 212). Отсутствие в данном месте более древних отложений позволило исследователю сделать заключение о том, что «вскрытый участок не был поймой до XVIII в. Вплоть до этого времени приречное подножие городищенского холма располагалось на несколько десятков метров западнее, чем в XIX–XXI вв.», то есть «западная часть холма (шириной не менее 20 м) размыва Волховом в период X–XVIII вв.» (*Там же*. С. 212).

Дополнительные данные, свидетельствующие об утрате части площадки городища, были получены при исследованиях памятника в 2011–2012 гг., в раскопе, заложенном на краю холма вдоль берега Волхова на месте установки памятного знака «Княжий камень». Ряд зафиксированных на данном участке поселения материковых ям уходил под западную стенку прямо в береговой обрыв (*Носов и др.*, 2017. Рис. 53).

Таким образом, факт разрушения западной части Рюрикова городища под воздействием климатических условий на данный момент не вызывает сомнений⁴. Однако гораздо более масштабный урон этому археологическому памятнику нанесен не природными явлениями, а человеческой деятельностью. Самые существенные потери произошли в результате строительства в конце XVIII — начале XIX в. Сиверсова канала, который был прорыт через его южную низменную часть. Сильное течение воды в канале, особенно во время весенних паводков, постоянно размывает его берега, уничтожая культурный слой древнего поселения. Этот факт фиксировался уже в XIX в. В документе, составленном в середине 1880-х гг., говорится, что «наиболее сильному и вредному для местности подмыву подвергается правый берег канала при устье его в р. Волхов около селения Городище, где кроме подмыва течением берег разрушается волнением со стороны р. Волхов и озера Ильмень и весенним ледоходом», а также отмечается наличие в грунте этого берега бревен и свай от «древних построек» (*Медведева, Соболев*, 2023. С. 322). Несмотря на укрепление 1887 г. северного берега канала и участка восточного

берега Волхова, размыв городищенского холма не прекратился. В 1901 г. первый исследователь памятника М. И. Полянский со скорбью сообщает о наблюдаемых им в течение десяти лет ежегодных обвалах берега в селе Городище (*Полянский*, 1901. Л. 8об.). В дальнейшем эрозия обоих берегов, которую увеличивали волны от проходящих по каналу судов и моторных лодок, фиксировалась в XX в. многими археологами. Так, Н. П. Пахомов, побывав на памятнике 13 июля 1967 г., записал: «Процесс разрушения продолжается и в настоящее время, весной произошли значительные оползни, разрушения и размыв культурного слоя, что, в конечном счете, ведет к частичной, а в дальнейшем и к полной гибели этого важного и интересного историко-археологического памятника Новгородской земли» (*Пахомов*, 2020. С. 80). За два столетия воздействия антропогенных и природных факторов ширина канала, которая по первоначальному плану по дну была определена в 10 сажень (то есть чуть больше 21 м) (*Медведева, Соболев*, 2023. С. 313), в конце XIX в. составлявшая примерно 49–55 м⁵, к настоящему времени в пределах памятника достигает уже более 80 м. Причем это расширение произошло за счет размыва как северного, так и южного берега (*Носов*, 1990. С. 12; *Пахомов*, 2020. С. 81, 82; *Медведева, Соболев*, 2023. С. 325, 326). В результате почти вся южная низменная часть памятника со стратифицированным культурным слоем с органическими остатками, в том числе и раннесредневековых деревянных построек, оказалась уничтожена водами Сиверсова канала. Приблизительная площадь потерянных для науки культурных отложений в этом месте составляет более 1 га. Е. Н. Носов полагал, что мысовая «часть Городища являлась в первую очередь его хозяйственной зоной. Здесь должны были находиться сооружения, связанные с обслуживанием и ремонтом лодок и судов, хранением рыбацких снастей. В этой части поселка располагались помещения и загоны для скота, о чем свидетельствуют пласты навоза в раскопе» (*Носов*, 1990. С. 154). В истоке Волховца могли быть устроены причальные сооружения. Однако все это — предположения, проверить которые, к сожалению, невозможно. Таким образом, рассматривая планиграфию поселения времени викингов, следует учесть утрату довольно значительной части площади памятника.

⁴ С размывтой западной частью городищенского холма исследователи связали находку афригидской драхмы, обнаруженной в песчаном грунте, намытом при углублении русла Волхова в районе памятника (*Гайдуков и др.*, 2020. С. 76).

⁵ Измерено по плану, опубликованному в статье М. В. Медведевой и В. Ю. Соболева (*Медведева, Соболев*, 2023. Рис. 7).

Рис. 2. Рюриково городище. Горшки «ладожского типа» из раскопа 2022 г.

Fig. 2. Rurik's Hillfort. "Ladoga type" pots from the 2022 excavations

Вопросы о границах раннесредневекового поселения за пределами укреплений и о месте возможного расположения могильника неоднократно ставились в период многолетних работ экспедиции (осуществлялось наблюдение над распределением подъемного материала в годы распахки холма, закладывались шурфы и траншеи, проводился фосфатный анализ территории памятника с целью поиска захоронений, использовались методы электронно-магнитной разведки), однако эти работы не носили системного и целенаправленного характера. В основном исследования велись большими площадями в центральной части поселения, южнее и юго-восточнее церкви Благовещения, и в мысовой, на берегах Сиверсова канала. По остальным участкам памятника имеются пока только немногочисленные фрагментарные данные.

О северной границе поселенческой зоны можно судить лишь по результатам раскопа 2022 г. Этот небольшой раскоп площадью 36 кв. м был заложен у подошвы городищенского холма под фундамент 60-метрового флагштока для государственного флага Российской Федерации в 104 м севернее церкви Благовещения. Он показал наличие в этом месте материалов конца I тыс. н. э.: рубленого бисера, лепной и раннегончарной керамики. Комплексов этого времени на исследованном участке отмечено не было, вполне возможно, они разрушены более поздними впущенными в материк

сооружениями. Придонное заполнение одного из комплексов, расположенного в юго-восточном углу раскопа, видимо, является остатками ранней ямы. По крайней мере, зафиксированные в данном сооружении развалы двух лепных горшков «ладожского типа» вряд ли могли оказаться в нем случайно (рис. 2). В этой части раскопа наблюдалась также концентрация в культурном слое обломков лепной посуды. Таким образом, проведенные работы подтвердили включение северо-западного прибрежного склона городищенского холма в пределы раннесредневекового поселения.

Вопрос о восточной границе более дискуссионный. Первоначально на основании находок некоторых предметов конца I тыс. н. э. Е. Н. Носов предполагал, что раннесредневековое поселение простиралось значительно дальше на северо-восток «от церкви Благовещения по гребню возвышенности в сторону Нередицы», чем документально зафиксированные 100 м. В пользу этого, по мнению исследователя, свидетельствовал также венчик лепного сосуда из предматериковых отложений шурфа 2 (2 × 4 м), заложенного в 1982 г. в 210 м от храма (Носов, 1990. С. 141, 151). Находки в 2013 г. единичных обломков лепной керамики и украшений X–XI вв. (черной глазчатой бусины с петлевидным орнаментом и рамки миниатюрной бронзовой позолоченной пряжки североевропейского типа) в раскопе III (4 × 6 м),

находящемся в 250,9 м к северо-востоку от церкви Благовещения⁶, позволили авторам исследований отодвинуть границу поселения эпохи викингов в этом направлении «как минимум» на 270–300 м от собора (Носов и др., 2014. С. 44–49). Однако, на наш взгляд, без дополнительных археологических исследований данного участка всхолмления нельзя утверждать, происходят ли указанные артефакты из культурных отложений на восточной периферии раннесредневекового поселения или из разрушенного могильника⁷. Вполне возможно, что они являются свидетельством существования обособленной части раннего поселка. В пользу последнего говорит отсутствие ранних материалов в шурфе 1 (2 × 6 м), заложенном в 1982 г. в 140 м от церкви Благовещения (Носов, 1990. С. 141). В любом случае у нас пока нет оснований продолжать территорию древнего поселения в восточном направлении более чем на 100 м от берега Волхова, где в раскопе 2005 г. были выявлены углубленные в материк комплексы, датируемые X — началом XI в. (Носов и др., 2017. С. 75–84).

Проблема местонахождения раннесредневекового некрополя относится к числу наиболее актуальных вопросов не только при изучении Рюрикова городища, но и самого Новгорода (Петров, Соболев, 2018). Его решение упирается в почти полное отсутствие соответствующих материалов. На данный момент имеется только один факт, свидетельствующий о возможном существовании на Рюриковом городище раннего могильника. На пашне на северном склоне городищенского холма была найдена фрагментированная скорлупообразная фибула 42-го типа, по Я. Петерсену (Носов, 1990. С. 159, рис. 64, 1). На одном из обломков, в месте, где находилось крепление иглы, среди ржавчины И. Янссону удалось разглядеть следы матерчатой петли «бретели платья характерного скандинавского типа периода викингов» (Янссон, 1999. С. 36). По мнению ученого, «единственным обоснованным объяснением, почему овальная фибула с Городища имеет следы петли бретели, сохранившиеся в функциональном

положении, является признание того, что фибула происходит из могилы женщины, которая была похоронена в таком платье» (Там же).

Как показали раскопки 1980, 2005 и 2006 гг., наиболее плотно в эпоху викингов было освоено ближайшее ко рву пространство шириной в несколько десятков метров. На более удаленных участках поселения застройка была более свободной. Такую картину мы можем наблюдать на южной периферии Рюрикова городища. Здесь раскопками 1975, 1979, 1980, 1993–1996 гг., заложенными вдоль обрыва левого берега Сиверсова канала, были изучены культурные отложения на протяжении около 64 м (Носов, 1990. С. 37–47; Носов и др., 2017. С. 165–209). Стыковка планов раскопов этих лет показывает, что на исследованном участке одновременно существовали только одна-две жилые постройки.

Основные этапы развития

В работах Е. Н. Носова показана обобщенная цельная картина раннего Городища. В одной из последних работ он писал, что «проблема расчленения древностей IX–X вв. по находкам затруднена, поскольку материальная культура этого исторического периода практически едина» (Носов, Хвоцинская, 2019. С. 305). Тем не менее изучение стратиграфии и анализ керамического материала позволяют предварительно наметить три хронологических этапа в развитии Городища эпохи викингов (Плохов, 2022).

К древнейшему этапу, по-видимому, синхронному существованию крепости, можно отнести немногочисленные углубленные в материк ямы только с лепной керамикой, исследованные на площади раскопов первой половины 1980-х гг. в центральной части памятника к югу от церкви Благовещения. Все они расположены вдоль линии раннесредневековых укреплений. Среди этих комплексов выделяются «корытообразное» (№ 14) и три «канавообразных» (№ 16, 17, 27) сооружения, которые, по-видимому, ограничивали фундаментные площадки двух древнейших на данном участке поселения жилых домов (рис. 3).

Ко второму этапу существования Городища, датируемому концом IX — первой третью X в., в раскопе 1980-х гг. в центральной части памятника отнесены углубленные в материк сооружения и ямы с лепной керамикой в нижней части заполнения, а в верхней — как с лепной, так и с выполненной на гончарном круте. Постройки, с которыми связаны эти комплексы, погибли в пожаре, о чем свидетельствуют углистые прослойки в их заполнении,

⁶ К сожалению, в этом раскопе, мощность культурных отложений в котором по результатам бурения определена примерно в 1,5 м, были исследованы только верхние 40 см, представляющие переотложенный пахотный слой.

⁷ Нахождение некрополя в этой части городищенского холма — «на ближайшем всхолмлении к востоку от собора Благовещения» — предположил К. А. Михайлов (Михайлов, 2012. С. 10, рис. 2).

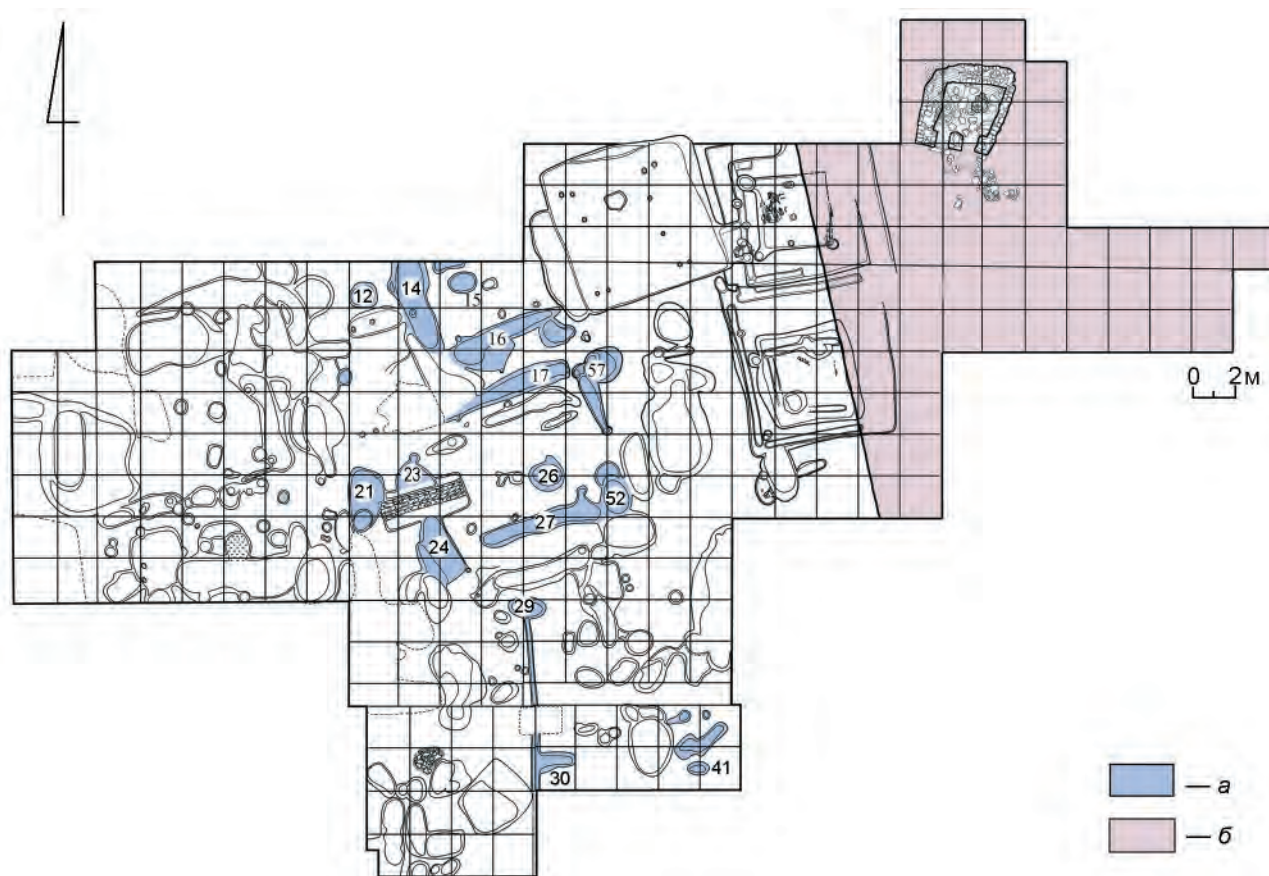

Рис. 3. Рюриково городище. Раскопы 1980–1989 гг. (а — комплексы второй половины IX в. с лепной керамикой (нумерация по: Носов, 1990; Носов и др., 2005); б — ров)

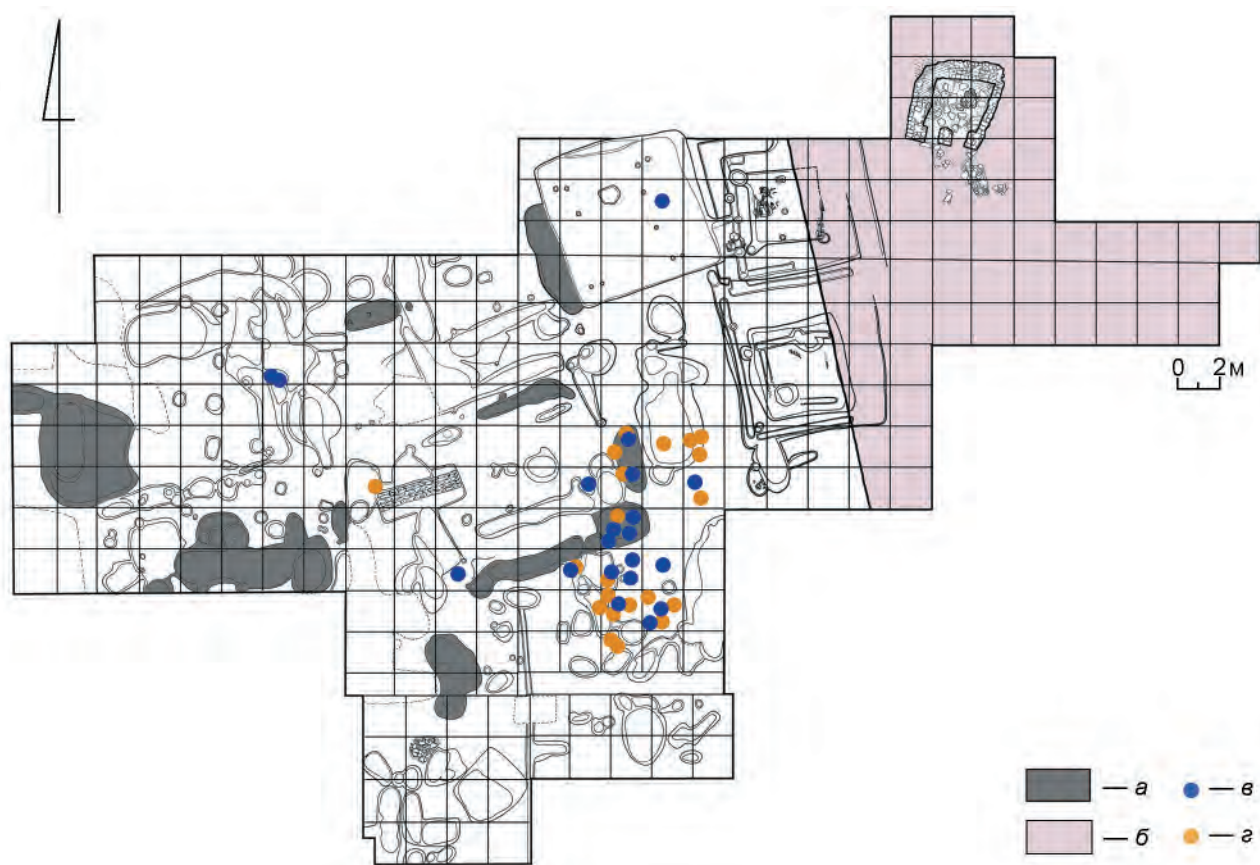
Fig. 3. Rurik's Hillfort. 1980–1989 excavations (a — complexes of the second half of the 9th cen. with handmade pottery (numbered after: Носов, 1990; Носов и др., 2005); б — moat)

а также находки ошлакованных фрагментов лепных сосудов и обломков глиняных дисков от вертикального ткацкого станка (рис. 4). Данный этап, очевидно, был на Городище временем интенсивного строительства. Именно в это время застраивается вся площадка в пределах ранне-средневековых фортификационных сооружений, а также происходит застройка территории всхолмления за их пределами. Раскопки на северном берегу Сиверсова канала показали, что в конце IX и начале X в. к юго-востоку от разрушившихся деревоземляных укреплений⁸ в центральной части заплывающего рва было возведено несколько глинобитных «хлебных» печей (Плохов, 2021б. С. 42–47). Застраивается и низменная мысовая часть памятника. В раскопах на южном берегу канала к этому этапу относятся остатки двух построек, сооруженных на подсыпках из глины и

суглинка (Носов, 1990. С. 43, 44, рис. 8, II; 9, II; Носов и др., 2017. С. 170, 172, рис. 81, А). Зафиксированная в раскопах строительная активность была прервана пожаром, произошедшим, видимо, около 930 г. (Плохов, 2022. С. 187–190).

К третьему этапу, охватывающему вторую треть X — начало XI в., на раскопе 1980-х гг. можно отнести сооружения и ямы, при разборке которых были встречены фрагменты как лепной, так и раннегончарной посуды (рис. 5). Большинство этих объектов, скорее всего, относится к середине — третьей четверти X в. Изучение керамических материалов из раскопок на Рюриковом городище позволило высказать предположение о том, что около 980 г. на поселении произошел крупный пожар, в котором сгорела большая часть жилых и хозяйственных построек (Плохов, 2021а). На площади раскопов 1980-х гг. об этом событии свидетельствуют находки обломков ошлакованных раннегончарных сосудов. Такая керамика практически не отмечена в заполнениях углубленных в материк комплексов, поскольку ко времени

⁸ Предполагается, что в этот период, так же как и до конца эпохи викингов, поселение на Городище «обходилось без укреплений» (Михайлов, 2012. С. 9, 10).

Рис. 4. Рюриково городище. Раскопы 1980–1989 гг. (*a* — раннесредневековые комплексы конца IX — первой трети X в.; *b* — ров; *v* — фрагмент ошлакованной лепной керамики; *z* — обломок ошлакованного глиняного диска)
Fig. 4. Rurik's Hillfort. 1980–1989 excavations (*a* — early medieval complexes of the late 9th — first third of the 10th cen.; *b* — moat; *v* — fragment of slagged handmade pot; *z* — fragment of slagged clay disk)

пожара на данном участке уже накопился довольно значительный культурный слой. Очевидно, отмеченные ошлакованные фрагменты сконцентрированы вокруг сгоревшей наземной жилой постройки, остатки которой в виде углистых и песчаных прослоек зафиксированы на стратиграфических разрезах стенок раскопов (Плохов, 2022. С. 185, рис. 4, А, Б). Кроме этого дома к третьему этапу можно отнести целый ряд углубленных в материк ям и сооружений, исследованных в раскопах разных лет в центральной части городищенского холма; остатки нескольких построек, отмеченных при изучении культурных отложений на берегах Сиверсова канала; несколько расположенных во рву глинобитных печей (Носов, 1990; Носов и др., 2005а; 2017); сгоревшее срубное сооружение производственного характера, угол которого был зафиксирован в 2016 г. в процессе работ в церкви Благовещения Новгородским архитектурно-археологическим отрядом ИА РАН (Кудрявцев, Андриенко, 2019. С. 117, 118).

Археологические материалы показывают, что после пожара 980 г. интенсивность жизни на Городище заметно снизилась, а в начале XI в. практически замерла до второй половины этого столетия.

Строительство крепости в истоке Волхова в середине IX в., дальнейшее развитие и расширение поселения были во многом продиктованы его исключительным географическим положением в месте схождения двух важнейших средневековых торговых путей Восточной Европы — «Волжского» и «из варяг в греки». По данным нумизматических исследований, Поволховье и Приильменье были включены в сферу международной торговли уже в конце VIII в. Древнейший восточноевропейский клад куфических дирхемов, датируемый 786 г., был найден в Старой Ладоге. В верховьях Волхова известно пять кладов восточного серебра IX в. (в Вылегах — 807–808 гг., Холопьем городке — 810–811 гг., Кирилловском монастыре — 864–865 гг., два на Рюриковом городище — 860-х гг. (Леонтьев, Носов, 2012. С. 388, 389)). Е. Н. Носов убедительно

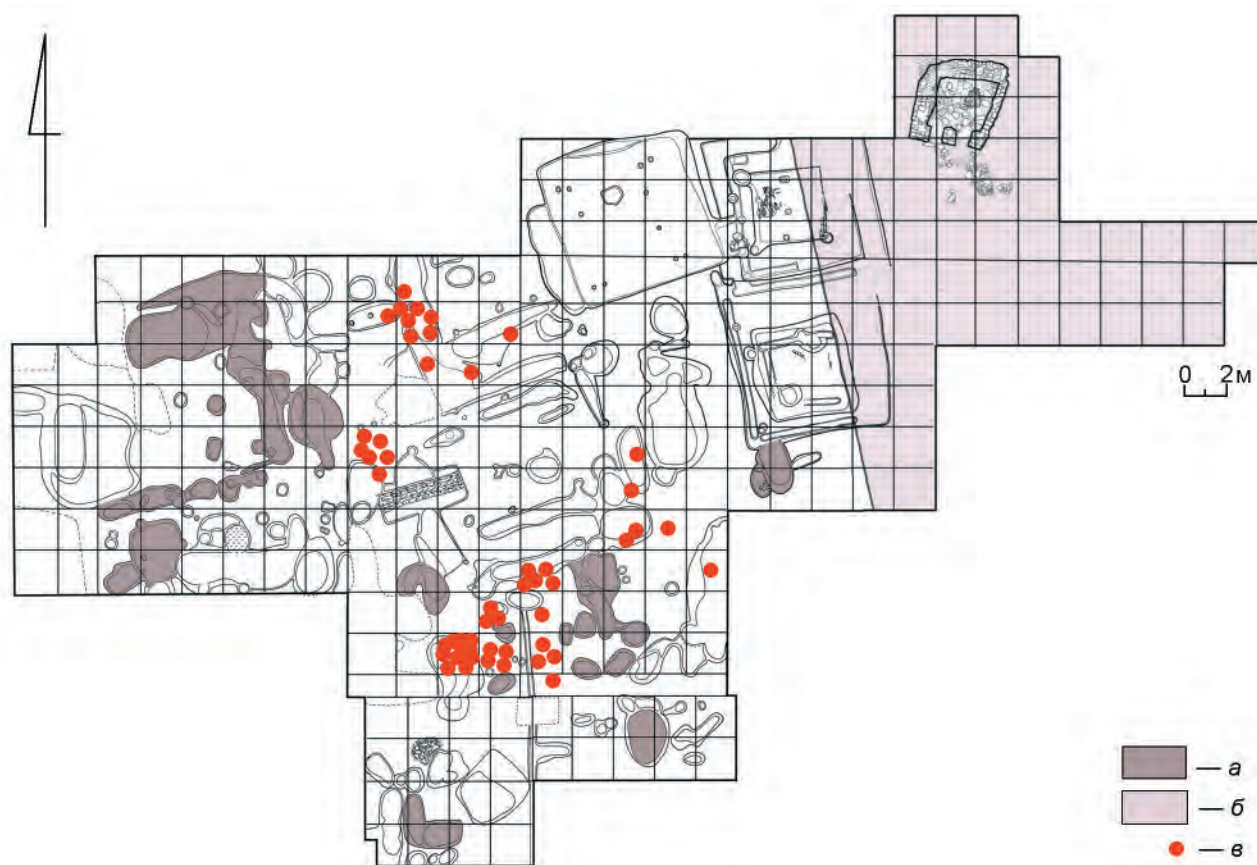

Рис. 5. Рюриково городище. Раскопы 1980–1989 гг. (а — раннесредневековые комплексы второй трети X — начала XI в.; б — ров; в — фрагмент ошлакованной раннегончарной керамики)

Fig. 5. Rurik's Hillfort. 1980–1989 excavations (a — early medieval complexes of the second third of the 10th — early 11th cen.; б — moat; в — fragment of slagged early wheel-thrown vessel)

показал, что контроль и безопасность плавания по Волхову обеспечивались чередой укрепленных поселений, возникших на ключевых участках водного пути (Носов, 1981). Неслучайно в верховьях реки при раздвоении ее на рукава, а затем при их соединении возникло два населенных пункта: с одной стороны — Рюриково городище, с другой — Холопий городок.

Несомненно, уже на первом этапе существования Городища его жители участвовали в международной торговле. Изначальным предназначением поселения являлся контроль и обслуживание движения по оживленной водной магистрали, что заметно отразилось на характере материальной культуры на всем протяжении эпохи викингов.

Международные торговые связи

Основными источниками по изучению торговых связей являются находки монет, кладов, купеческого инвентаря и импортных изделий. Археологические материалы не позволяют

выделить отдельные периоды в торговой деятельности жителей раннесредневекового Городища, поскольку изделия IX–X вв. представляют собой единый пласт древностей, не делящийся в хронологическом отношении, а отдельные монеты, несущие на себе дату чеканки, в силу особенности процесса денежного обращения выпадают в культурный слой, а также оседают в кладах значительно позже времени их изготовления (Янин, 2009. С. 96–100). Однако, исходя из общеисторической ситуации, мы можем наметить определенные импульсы взаимоотношений с теми или иными территориями Евразии в разные периоды эпохи викингов на материалах находок, встреченных не только при раскопках, но и в результате случайных сборов.

В 70–80-е гг. VIII в. начал функционировать «Волжский» путь, соединивший территории Балтийского региона через Хазарию со странами Исламского Востока (Там же. С. 99). По нему в Северную и Восточную Европу стали поступать

куфические дирхемы, являющиеся как средством платежа, так и сырьем для ювелирных изделий. К настоящему времени на Городище зафиксировано два небольших клада, а также не менее 230 одиночных целых и фрагментированных восточных монет (Гайдуков и др., 2007. С. 83–86; Носов и др., 2017. С. 54, 74, 83, 95, 96, 99, 126, 127, 148, 155, 160, 210, 252, 253; 2018. С. 87, рис. 2, 7; Гомзин, 2019; Еремеев, 2023. С. 545, 547, рис. 322, 3; 324, 1). Кладки и более сотни разрозненных монет найдены в ходе раскопок (рис. 6). Особая концентрация дирхемов (46 экз.) отмечена в центральной укрепленной части поселения, на участке, исследованном в 2011–2012 гг., причем явные скопления монет тяготеют к наиболее богатым комплексам (№ 1 и 2), окончание функционирования которых, по-видимому, связано с пожаром, произошедшим около 930 г. (Носов и др., 2017. С. 146–159). Распределение дирхемов по площади раскопок в центральной части городищенского холма выглядит довольно равномерным (рис. 6). Число находок внутри оборонительных сооружений и за их пределами вполне сопоставимо, а если учитывать монеты, найденные на восточном склоне рва в культурном слое, сброшенном с прилегающей территории, то может показаться, что их концентрация на ремесленной окраине поселка даже выше. Однако, скорее всего, такая картина получилась из-за разницы в методике проведения раскопок. В 1980-х гг., когда исследовалась территория, ограниченная рвом, культурный слой перебирался вручную, а не просеивался. Говоря о находках дирхемов на Городище, нельзя не отметить почти полное их отсутствие в раскопах на берегах Сиверсова канала⁹, при том что при сборе подъемного материала в этой части памятника они встречались (Пахомов, 2020. С. 80).

Среди найденных на поселении восточных монет имеется часть сасанидской драхмы Хосрова I (531–579 гг.), два фрагмента арабо-сасанидских драхм VII в. и половинка афригидской драхмы последней четверти VIII в., которые, по мнению исследователей, могли попасть в Приильменье «вместе с первой волной дирхемов» (Гайдуков и др.,

⁹ За все годы исследований здесь зафиксировано только две находки: подражание аббасидскому дирхему IX в. с приклепанным ушком для подвешивания из раскопа 1978 г. на северном берегу канала (Носов, 1990. С. 78) и обломок дирхема из раскопа III 1995 г. на мысу южного берега канала (Носов и др., 2017. С. 210), хотя начиная с 1993 г. все культурные отложения стали промываться.

2007. С. 83, 86; 2020). Определимые куфические монеты в основном представлены дирхемами аббасидских эмиссий VIII–IX вв., которых среди отдельных находок восточного серебра приблизительно в шесть раз больше, чем саманидских конца IX — X в. Наиболее поздние дирхемы, зафиксированные при раскопках на Городище, чеканены в первое десятилетие X в., а среди подъемного материала имеются только четыре или пять монет, выпущенных в 930-х гг. при Насре II б. Ахмаде, и одна, изготовленная в 960 г. при Абу ил-Малике ибн Нухе (Гайдуков и др., 2007. С. 83–86). При этом отмечается факт присутствия дирхемов второй половины VIII — IX в. в культурных отложениях и комплексах X–XI вв. (Носов и др., 2017. С. 129; Гомзин, 2019. С. 142). Очевидно, что монеты, достигшие Поволжья в начальные периоды циркуляции восточного серебра в Восточной Европе, продолжали оставаться в обращении до конца ранне-средневекового этапа существования поселения.

Сравнение хронологии составов восточного монетного серебра Городища и Гнёздовского археологического комплекса показывает их существенное различие. По данным Т. А. Пушкиной, на конец XX в. в Гнёздове в погребениях и на территории поселения были найдены 253 отдельные монеты, отнесенные к восточному чекану (Пушкина, 1999). Среди них аббасидские дирхемы составляют около 34 %, тогда как саманидские — почти 38 %¹⁰. Куфические монеты эмиссий 910–960 гг., очень редкие на Городище, представлены в Гнёздове 43 одиночными находками, это более 74 % от всех датированных дирхемов Саманидов с этого памятника (Пушкина, 1999. Табл. 4)¹¹. Можно предположить, что основная причина малочисленности на Рюриковом городище монет, изготовленных позднее первого десятилетия X в., состоит в снижении роли поселения в восточной торговле, которое, по-видимому, произошло после пожара 930 г. В связи с этим интересен анализ дат чеканки монет из погребальных комплексов Юго-Восточного Приладожья, выполненный О.И. Богуславским (Богуславский, 1993). По его наблюдениям, максимальное количество куфических дирхемов, найденных в этом регионе, выпущено в промежуток между 920-ми и 950-ми гг. По мнению исследователя, большая часть арабского

¹⁰ Рассчитано на основе: Пушкина, 1999. Табл. 1.

¹¹ В составе гнёздовских кладов, главным образом состоящих из саманидских дирхемов, доля монет этих годов еще выше — более 87 % (по: Пушкина, 1999. Табл. 5).

Рис. 6. Рюриково городище. Раскопы 1980-1989, 2005-2010 гг. (а — кладик дирхемов; б — дирхем; в — обломок дирхема; з — византийская монета; д — 14-гранная гиричка; е — часть равноплечных весов; ж — кладбище XX в.; з — раскоп 1980 г.; u — ров; IV-VII — постройки)

Fig. 6. Rurik's Hillfort. 1980-1989 and 2005-2010 excavations (a — small hoard of dirhams; б — dirham; в — fragment of dirham; з — Byzantine coin; д — diheptahedral weight; e — part of equal-arm balance; ж — 20th cen. cemetery; з — 1980 excavation; u — moat; IV-VII — structures)

серебра поступила в Приладожье именно в данный отрезок времени. О. И. Богуславский рассматривает 920-е — 950-е гг. как период активного участия местных жителей в трансевразийской торговле по Волжскому пути, трасса которого, как он считает, проходила в это время по их территории, а не через бассейн Волхова и Ильменя (Богуславский, 1993. С. 144, 145, рис. 4).

Не вдаваясь в подробности, отметим, что кроме восточного серебра по балтийско-волжскому

пути на Городище поступали дорогие сердоликовые и хрустальные бусы, перстни салтовского типа, бляшки и накладки, характерные для памятников Прикамско-Уральского региона и Среднего Поволжья (Носов, Хвощинская, 2004а. С. 126).

Непрерывными спутниками восточного серебра считаются инструменты для взвешивания — миниатюрные равноплечные весы и гирички, многочисленные находки которых на Городище имеются как в подъемном материале, так и в коллекциях

из археологических раскопок (Пахомов, 2020. С. 89, 90; Жуковский, 2022. С. 61, 87, 117, 121, 122, 139, 142, 283). При исследовании раннесредневековых отложений поселения были встречены части пяти весов (рис. 6). Одна находка зафиксирована при разборке заполнения сгоревшей срубной постройки в раскопе на северном берегу Сиверсова канала (Носов, 1990. С. 61, рис. 32, 4), а четыре другие отмечены при изучении восточной внешней части древнего рва в центральной части памятника (Носов и др., 2017. С. 84, 98, рис. 36, 1, 2; 38, 10; Жуковский, 2021. С. 132, рис. 2, 1; 2022. С. 87, рис. 47, А). На раскопанном участке в напольной части поселения в X в. находилась производственная зона, часть слоя с которой в какой-то момент попала в ров. Как известно, инструменты для взвешивания были не только атрибутом купцов, но и ремесленников (Жуковский, 2022. С. 173–186), а именно следы ювелирного ремесла были зафиксированы на прилегающей ко рву территории. Возможно, здесь в X в. не только изготавливали различные украшения, но и проводили торговые операции. Четыре городищенские находки являются обломками инструментов, изготовленных из медного сплава, которые относятся к наиболее популярному и распространенному в Средневековье в Восточной Европе типу складных равноплечных весов. Одна находка представляет собой кованое железное коромысло с цельной стрелкой. В отличие от складных изделий, попадавших на территорию Русской равнины с Севера Европы, подобные инструменты, по мнению М. О. Жуковского, происходят с арабского Востока (Жуковский, 2021; 2022. С. 87–90). Наряду с миниатюрными рычажными весами на Городище были встречены используемые при взвешивании гирьки стандартного облика — бочонковидные и 14-гранные, а также разнообразие по форме разновесы, изготовленные преимущественно из свинца (Жуковский, 2022. С. 121, 122, 139, 142, 209–211, 264, 265, 283, каталоги I. 2; II; III. 1, 2). Больше всего на памятнике найдено 14-гранных гирек: 12 происходят из раскопок (Пахомов, 1970. С. 25; Носов, 1990. С. 92, рис. 37, 5; Носов и др., 2017. С. 54, 98, 156, 177, рис. 38, 6, 12; 56, 23; 66, 6, 7; 87, 20; 121, 2; 129, 13), а около 30 — из сборов подъемного материала. Бочонковидные разновесы, широко распространенные на территории Восточной Европы, представлены на Городище единичными экземплярами. Эта особенность памятника была отмечена еще Н. П. Пахомовым (Пахомов, 2020. С. 89), причем гирьки этой разновидности не встречены на поселении в достоверных раннесредневековых комплексах. Никакой концентрации разновесов

стандартного облика на исследованных участках раннесредневекового поселения, по-видимому, в силу немногочисленности находок, не наблюдается. Можно лишь отметить, что три гирьки (бочонкообразная и две 14-гранные) зафиксированы в заполнении рва, там же, где были обнаружены фрагменты весов. Три 14-гранных экземпляра найдены в раскопе 2011 г., два из них происходят из заполнения комплекса 2. Состав находок в этом сооружении отличался особым богатством и изысканностью: пять фрагментов дирхемов, 290 бус, в том числе 25 хрустальных и сердоликовых, моток золотой проволоки, украшения «восточного типа», а также другие предметы, связанные со скандинавской и византийской культурами (Носов и др., 2017. С. 153–159).

Таким образом, в составе набора разновесов Рюрикова городища наблюдается явное доминирование 14-гранных гирек, что нехарактерно для древнерусских и большинства североевропейских памятников эпохи викингов (Жуковский, 2022. С. 142, 143, 267, 273). Этот факт, безусловно, требует объяснения. Предполагается, «что различия в соотношении гирек разных типов могут быть связаны с отличающимися сферами их использования», а также зависеть от «функциональной и социальной планиграфии поселений» (Там же. С. 143, 273–276). Однако даже в укрепленной части Городища, в месте пребывания вооруженной элиты, более тяжелых бочонковидных разновесов пока не найдено. Здесь, как и на других исследованных участках поселения, встречены только 14-гранные гирьки, обеспечивающие сферу мелкого денежного обращения. Возможно, они больше были востребованы не купцами, а ювелирами.

В IX в. сложилась еще одна водная магистраль между севером и югом — «путь из варяг в греки». На Городище зафиксировано десять византийских монет, в том числе пять фоллисов императора Феофила, правившего с 829 по 842 г. (Мусин, 2010. С. 35, 42, цв. ил. III, 1; Носов и др., 2017. С. 24, 129, ил. 1, 93; Шевцов, 2017. С. 143; Пахомов, 2020. С. 10, рис. 1)¹². Из четырех византийских монет, найденных при раскопках, — два фоллиса Феофила и милиарисий императора Василия I Македонянина (867–886 гг.), обращенный в подвеску, — обнаружены в пределах центральной укрепленной части поселения, а херсоно-византийская монета, отлитая при Василии I, встречена при разборке заполнения рва (рис. 6). На Городище за одним,

¹² Благодарим П. Г. Гайдукова за любезную консультацию о находках византийских монет на Городище.

отмеченным выше исключением, зафиксированы медные монеты, которые предназначались для совершения мелких торговых сделок внутри Византии и не могли использоваться за ее пределами как денежные средства. Возможно, они были привезены на север побывавшими в Империи людьми (воинами или купцами) как сувениры (Носов и др., 2017. С. 24) или как дополнительные гири к миниатюрным равноплечным весам (Жуковский, 2022. С. 92, 123, 278). А. О. Шевцов предложил гипотезу, по которой находки фоллисов Феофила на территории Древней Руси и Швеции являются свидетельством участия русов в военном походе на Византию в 860 г., отмеченном в ряде письменных источников. Монеты, попавшие в руки его участников в ходе грабежей окрестностей Константинополя, могли в дальнейшем, по мнению ученого, храниться ими «в качестве напоминания о славном походе» (Шевцов, 2017. С. 144, 145). Вне зависимости от того, с чем связано появление конкретных фоллисов Феофила на памятниках Восточной и Северной Европы, эти монеты являются одним из наиболее ранних археологических свидетельств существования сквозного пути «из варяг в греки» (Носов, 2012. С. 111).

Особый интерес вызывает сообщение Н. П. Пахомова о находке на памятнике византийского экзагия, выполненного из зеленого стекла (Пахомов, 2020. С. 90; см. также: Гурулева, 2018. С. 17). Подобные весовые знаки, предназначенные для проверки полновесности золотых монет, перестали изготавливаться в Империи с середины VII в. после завоевания арабами Сирии и Египта (Гурулева, 2018. С. 10). На территории Древней Руси единственный экземпляр стеклянного византийского экзагия найден при археологических раскопках поселения Шестовица, в постройке X в. (Khamayko, Zotsenko, 2007. P. 258, 259, pl. 24, 3).

С Рюрикова городища, по мнению исследователей, происходит также свинцовая византийская печать императорского спафария и доместика Льва, датируемая в пределах IX в. (Булгакова, 2010. С. 25, рис. 1; Мусин, 2010. С. 42). В. И. Булгакова считает возможным связывать эту находку с деятельностью речного порта и полагает, что она «может свидетельствовать о налаженных военных и экономических контактах поселения с Византией <...> в догосударственный период русской истории» (Булгакова, 2010. С. 26). К раннему периоду существования Городища, по-видимому, относится дисковидная бронзовая гирилка. Этот византийский предмет со сбитой маркировкой и весом, близким 1 унции (Жуковский, 2022. С. 102), проис-

ходит из раскопа, заложенного И. Я. Абрамзоном в 1973 г. на северном берегу Сиверсова канала.

Связи с Империей с самого начала формирования древнерусского государства подтверждаются и другими изделиями византийских мастеров, такими как сердоликовая вставка (инталия), на поверхности которой в схематичной форме был выгравирован библейский сюжет (птица с веткой или виноградной гроздью в клюве) (Дорофеева, 2017. С. 247–249, ил. 3-II, 3), пряжка с прямоугольным прорезным щитком (Михайлов, 2005), стеклянная посуда (Плохов, 2020. С. 88–94), золотые нити от позументов и стеклянная пластинка от украшения одежды (Носов и др., 2017. С. 152, 155, ил. 22, 4; Плохов, 2020. С. 97, 98, рис. 1, 24). В число византийского импорта можно включить также фрагменты золотой проволоки и лент, поступившие на север в качестве сырья для мастеров-ювелиров (Михайлов, 2010. С. 272, рис. 4, 2, цв. ил. XIII, 8; Носов и др., 2017. С. 89, 152, 155, 156, ил. 22). Как сувениры или же, возможно, разновесы к миниатюрным весам следует рассматривать найденные на Городище в слое X в. золотостеклянный мозаичный кубик и осколок оконного стекла, привезенные из Империи (Плохов, 2020. С. 94–96, рис. 1, 22, 23).

Наши представления об ассортименте ввозимых на Городище с юга товаров расширяют остатки заморских деликатесов, такие как скорлупа грецких орехов и косточка финика, встреченные при изучении заполнения рва на северном берегу Сиверсова канала в отложениях конца IX — X в. (Носов, 1990. С. 80; Носов и др., 2005б. С. 30, 31; 2020. С. 32).

Навстречу товарам, поступавшим с юга, шел обратный поток с севера. В письменных, прежде всего арабских, источниках сохранился довольно большой список товаров, экспортируемых в исламский мир (меха, рабы, мед, оружие, янтарь и т. д.) (Нунан, 2004. С. 274–288). На археологическом материале контакты Рюрикова городища с Северной Европой прослеживаются по многочисленным находкам импортных вещей. Однако следует подчеркнуть, что основная часть богатой и разнообразной коллекции находок североевропейских типов могла попасть на поселение не только путем торговли, но и со своими владельцами. Дело в том, что среди жителей Городища IX–X вв. значительное представительство имели выходцы из Скандинавии, как мужчины, так и женщины, обладавшие, по-видимому, в местном обществе высоким социальным статусом. Присутствие скандинавов на поселении подтверждается

находками разнообразных предметов, связанных с северогерманским культом и магией, в том числе амулетов с руническими надписями и фигурки «валькирии», элементов воинской скандинавской культуры (ланцетовидных наконечников стрел, бутеролой мечей, декоративной заклепки рукояти щита, накладок от конской сбруи), богато украшенных металлических деталей мужского (массивных подковообразных фибул, кольцевидных булавок, деталей ременной гарнитуры) и женского (овальных, равноплечных и круглых фибул, подвесок) костюма, орудий труда и предметов быта характерных североевропейских форм (Янссон, 1999; Носов, *Хвоцинская*, 2004б; 2007. С. 14, рис. 2, 1, 2; Носов, 2012. С. 114–116, рис. 17–23; Носов и др., 2017. С. 48, 49, 71, 74, 92, 95, 132, 133, 135, 137–139, 141, 142, 156, 184, 194, 203, 215, 220, 221, 233, 235, рис. 6, 1–10; 38, 2, 3, 5, 7, 14; 55, 8; 56, 1, 2, 4–6, 9, 18, 22, 24, 25; 61; 66, 9, 23; 88, 18; 89, 1; 101; 120, 1; 121, 14; 129, 37; ил. 1, 96; 11, 9; 12; 18, 3, 4, 19, 21, 23–25; 23, 3–5, 9–11, 13). Судя по своеобразию материальной культуры эмигрантов, они в основном прибывали в Верхнее Поволжье из Центральной Швеции. Кроме того, в коллекциях имеется определенная категория находок, доказывающая, что украшения в скандинавской традиции непосредственно изготавливались на поселении. К ним относятся глиняные литейные формочки с отпечатками орнамента в стиле Борре, небольшой фрагмент формочки для отливки равноплечной фибулы типа 58, по Я. Петерсену, литейный брак в виде неудачно отлитых изделий (фибул, крючков для крепления онучей), модель для изготовления круглых фибул в стиле Еллинг и др. (*Хвоцинская*, 2007а. С. 129–134, рис. 1, 4; 2; 3; Носов и др., 2017. С. 84, 89, ил. 17, 5, 6).

В то время как массовый скандинавский материал указывает на тесные связи со Средней Швецией, прежде всего с районом оз. Меларен, отдельные находки из культурного слоя Городища позволяют выявить контакты с более дальними странами Северной и Западной Европы. В коллекции имеется группа находок, которые можно связывать с территорией Норвегии. В их число входят три литейные формочки из жировика (мыльного камня) — две для отливки слитков цветного металла и одна — для изготовления мелких украшений (*Хвоцинская*, 2007а. С. 124–126, 128, 129, рис. 1, 1–3; 2007б). Самой яркой находкой является моржовый клык из слоя первой половины X в. Это наиболее ранняя находка на территории Руси «рыбьего зуба». На клыке процарапаны знаки, имеющие сакральный смысл и восходящие к традициям культуры кельтов Британских островов: «трискелион» (равносторонний

треугольник, образованный «тремя ногами») и «валькнут» (символ из трех вписанных один в другой треугольников) (Носов и др., 2009). Скорее всего, через скандинавов на Городище попала еще одна уникальная находка — англосаксонский наконечник ремня, поскольку Англия в эпоху викингов была зоной влияния датчан и норвежцев (Михайлов, 2003).

По средневековым письменным источникам хорошо известен путь с территории Руси в Швецию. Он проходил по Волхову и Неве в Финский залив, мимо острова Котлин и затем вдоль южного берега залива. Одним из наиболее удобных мест стоянки судов являлась ревальская бухта, откуда часть судов, пересекая залив в его наиболее узкой части, подходила к финскому берегу и затем через шхеры вдоль Юго-Западной Финляндии и южнее Аландских островов — к Швеции (*Шаскольский*, 1954). Этот рациональный маршрут плавания по Финскому заливу сложился еще в эпоху викингов, задолго до того времени, как его описание попало на страницы письменных источников. Важным пунктом на этом отрезке пути являлось укрепленное поселение Иру, расположенное в 10 км от центра современного Таллинна, на р. Пирита. Возможно, через этот промежуточный пункт на Городище попали вещи, связанные с западными финнами и эстами. К группе таких находок относится кресало с бронзовой рукоятью с изображением коней и всадников, финская равноплечная фибула, роговые гребни «рыугского типа» с резными спинками, выполненными в прибалтийско-финской художественной традиции, а также округлодонные глиняные миски (Носов, *Хвоцинская*, 2007. С. 6–13, рис. 1, 1, 2; 2, 3, 4; Плохов, 2014. С. 234–241, рис. 2, 1–11).

Заключение

В эпоху викингов территория Рюрикова городища занимает собственно городищенский холм, а также низменный мыс. В юго-западной части холма находилась крепость, состоящая из деревоземляной стены, окруженной рвом (общей площадью 1,5 га). Полученные в последние годы дендрохронологические даты 858–862 гг. подтвердили время строительства «городка Рюрика», известное по летописи. За пределами рва располагалась неукрепленная часть поселения, занимавшая территорию городищенского холма к северу и востоку от крепости, а также низменный мыс. Рассматривая границы раннесредневекового поселения, с сожалением можно констатировать, что значительная часть его площади безвозвратно утрачена для науки. Особенно большую потерю памятник понес в результате строительства

в 1798–1803 гг. Сиверсова канала. В целом раскопки показали, что наиболее плотно в эпоху викингов было освоено ближайшее ко рву пространство шириной в несколько десятков метров. На более удаленных участках поселения застройка была разреженная.

Изучение стратиграфии и анализ керамического материала позволяют предварительно наметить три хронологических этапа в развитии Городища эпохи викингов: вторая половина IX в.; конец IX — первая треть X в.; вторая треть X в. — начало XI в. К древнейшему этапу можно отнести только немногочисленные углубленные комплексы с лепной керамикой, расположенные внутри крепости вдоль линии раннесредневековых укреплений. Среди них выделяются углубленные в материк «канавообразные» сооружения, ограничивающие фундаментные площадки двух древнейших на данном участке поселения жилых домов. Второй этап представлен в центральной части памятника углубленными в материк ямами, в нижней части заполнения которых встречена лепная керамика, а в верхней — как лепная, так и выполненная на гончарном круге. На поселении этот период знаменуется временем интенсивного строительства, застраивается вся площадка городища, а также происходит расширение поселения за пределы раннесредневековых фортификационных сооружений. Последние к концу IX в. разрушились, и залпывший ров использовался для возведения глинобитных «хлебных» печей. Застраивается и низменная мысовая часть Городища. Функционирование сооружений данного периода, судя по материалам раскопок в центральной части памятника, было прервано пожаром, произошедшим, видимо, около 930 г. К третьему этапу, охватывающему вторую треть X — начало XI в., можно отнести сооружения и ямы, при разборке которых наряду с лепной керамикой была встречена и раннегончарная посуда. Большинство этих объектов, скорее всего, относится к середине — третьей четверти X в. Они фиксируются в границах поселка, сформировавшегося в предшествующее время. Изучение керамических ма-

териалов позволяет высказать предположение о том, что около 980 г. на поселении произошел крупный пожар, в огне которого сгорела большая часть жилых и хозяйственных построек. Один из авторов этой статьи высказал предположение, что данный пожар мог быть связан с событиями междоусобной борьбы Ярополка и Владимира (Плохов, 2021а. С. 127). После пожара, судя по археологическим данным, интенсивность жизни на Городище заметно снижается, а в начале XI в. практически замирает до второй половины этого столетия. Часть его жителей, видимо, переселилась в другой бурно развивающийся городской центр — Новгород, где уже находились владичный двор, общегородской храм, торг и где вскоре были возведены мощные укрепления. В связи с этим интересна точка зрения А. Е. Мусина о том, что перенос княжеской резиденции с Городища в Новгород происходит не во времена Ярослава Владимировича, согласно общепринятому мнению, а раньше, еще при Владимире, что и приводит к затуханию жизни на Городище в последней четверти X в. (Мусин, 2020. С. 61, 62).

Рюриково городище появилось в истоке Волхова в середине IX в. прежде всего как один из опорных промежуточных пунктов, контролирующей оживленную трансевропейскую торговую систему, что и отразилось в характере материальной культуры обитателей Городища на всем протяжении периода викингов. С конца IX в., несмотря на обветшавшую и превратившуюся в руины крепость, жизнь на Городище продолжает интенсивно развиваться, что отразилось на плотности застройки и освоении новых участков. Экономический и культурный расцвет поселения приходится на X в. В это время наряду с торговлей важным видом деятельности для его жителей становится ремесло. Картографирование отдельных групп находок, а также изучение заполнения ряда углубленных в материк сооружений позволяют локализовать зоны, связанные с некоторыми видами ремесленного и домашнего производства, но эти вопросы уже выходят за рамки данной работы.

Анкудинов, 2007 — Анкудинов И. Ю. Новые письменные источники о Новгородском городище // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия) / Отв. ред. Е. Н. Носов,

А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 59–73.

Богуславский, 1993 — Богуславский О. И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ред. В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993 (От Северной Руси к Северной Пальмире; Вып. 2). С. 132–157.

- Булгакова, 2010 — Булгакова В. И. Византийская печать IX в. с Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова: Сб. ст. / Ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 25–27.
- Гайдуков и др., 2007 — Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности... / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 82–88.
- Гайдуков и др., 2020 — Гайдуков П. Г., Гомзин А. А., Шорин М. В. Афригидская драхма из ближайшей округи Новгородского городища (новый взгляд через 40 лет) // АВ. 2020. Вып. 28. С. 76–79.
- Гомзин, 2019 — Гомзин А. А. Куфические монеты из раскопок церкви Благовещения на Рюриковом городище 2016 г. // Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 140–144.
- Гурулева, 2018 — Гурулева В. В. Византийские весовые знаки: каталог коллекции. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2018. 136 с.
- Дорофеева, 2017 — Дорофеева Т. С. Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет // Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 247–249.
- Жуковский, 2021 — Жуковский М. О. Редкая находка с Новгородского (Рюрикова) городища в контексте проблемы происхождения миниатюрных весов в восточноевропейском средневековье // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2021. Вып. 34. С. 129–134.
- Жуковский, 2022 — Жуковский М. О. Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII вв.). М.: Наука, 2022. 381 с.
- Еремеев, 2023 — Еремеев И. И. Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века (начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий). СПб.: ИИМК РАН, 2023. Т. 1: Раннесредневековая славянская колонизация в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения, географический контекст, археологические памятники. 808 с.
- Кудрявцев, 2020 — Кудрявцев А. А. Раскопки участка рва Рюрикова городища при архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения в 2016–2017 гг. // АВ. 2020. Вып. 28. С. 80–87.
- Кудрявцев, Андриенко, 2019 — Кудрявцев А. А., Андриенко А. В. Материальная культура северной части Новгородского (Рюрикова) городища перед возведением церкви Благовещения (материалы археологических исследований 2016–2017 гг.) // Архитектурная археология. М.: ИА РАН, 2019. № 1. С. 113–128.
- Леонтьев, Носов, 2012 — Леонтьев А. Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности севера, 2012. С. 383–401.
- Медведева, Соболев, 2023 — Медведева М. В., Соболев В. Ю. Новгородское (Рюриково) городище и Сиверсов канал // АВ. 2023. Вып. 39. С. 311–328.
- Михайлов, 2003 — Михайлов К. А. Находка англо-саксонского наконечника ремня на Рюриковом городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2003. Вып. 17. С. 154–159.
- Михайлов, 2005 — Михайлов К. А. Новая находка византийской пряжки на Рюриковом городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2005. Вып. 19. С. 209–218.
- Михайлов, 2010 — Михайлов К. А. Византийские влияния на парадный костюм североευропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы... / Ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 262–279.
- Михайлов, 2012 — Михайлов К. А. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Вологда — Кириллов — Белозерск, 6–8 июня 2012 г.) / Отв. ред. С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 5–20.
- Мусин, 2010 — Мусин А. Е. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы... / Ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 35–45.
- Мусин, 2020 — Мусин А. Е. Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород // АВ. 2020. Вып. 28. С. 45–75.
- Носов, 1981 — Носов Е. Н. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164: Славяно-русская археология. С. 18–24.
- Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Носов, 2012 — Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильмень и Поволховье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–119.
- Носов, Хвощинская, 2004а — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 125–133.
- Носов, Хвощинская, 2004б — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В. В. Седова / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 227–233.
- Носов, Хвощинская, 2007 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Связи населения центрального Приильменя с Западной Финляндией и Эстонией

- в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Труды ИИМК; Т. XXIV). С. 6–17.
- Носов, Хвощинская, 2018 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г. // Записки ИИМК. 2018. № 19. С. 137–147.
- Носов, Хвощинская, 2019 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 303–323.
- Носов и др., 2005а — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плехов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 403 с.
- Носов и др., 2005б — Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Юшкова М. А., Хвощинская Н. В. Работы на Рюриковом городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2005. Вып. 19. С. 29–31.
- Носов и др., 2009 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Дорофеева Т. С., Гиля Е. Ю. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород: СПб.; М.: НМЗ; ИИМК РАН; ГИМ, 2009. С. 370–380.
- Носов и др., 2014 — Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С., Миляев П. А. Исследования Рюрикова городища в 2013 году // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2014. Вып. 28. С. 40–49.
- Носов и др., 2016 — Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С. Полевой сезон 2015 года на Рюриковом городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2016. Вып. 30. С. 110–112.
- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плехов А. В., Хвощинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.
- Носов и др., 2018 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Михайлов К. А., Дорофеева Т. С., Полигаев В. Л. Исследования на Новгородском (Рюриковом) городище в 2017 г. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2018. Вып. 32. С. 85–89.
- Носов и др., 2020 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Дорофеева Т. С., Полигаев В. Л., Носова Е. Е. Археологические исследования на Рюриковом городище в 2018 г. Наружная хлебная печь на дне рва // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 32–38.
- Нунан, 2004 — Нунан Т. С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 256–313.
- Пахомов, 1970 — Пахомов Н. П. Раскопки Рюрикова городища // Археологические открытия 1969 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 24–25.
- Пахомов, 2020 — Пахомов Н. П. Монетные клады Новгородской области. М.: ИА РАН, 2020. 124 с.
- Петров, Соболев, 2018 — «Город живых» и «город мертвых»: к вопросу о локализации раннего могильника Новгорода // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2018. Вып. 33. С. 146–156.
- Плохов, 2014 — Плохов А. В. К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // Ajast ja ruumist. Uurimus Mare Auna auks / Toim. Ü. Tamla, V. Lang (Muinasaja teadus 25). Tallinn; Tartu: Tallinna Ülikooli Ajaloo Instituut; Tartu Ülikooli Ajaloo ja arheoloogia Instituut, 2014. С. 231–246.
- Плохов, 2020 — Плохов А. В. Раннесредневековые стеклянные изделия Рюрикова городища // АВ. 2020. Вып. 28. С. 88–108.
- Плохов, 2021а — Плохов А. В. Пожар последней четверти X в. на Рюриковом городище // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2021. Вып. 34. С. 119–128.
- Плохов, 2021б — Плохов А. В. Новое в изучении «хлебных» печей Рюрикова городища // АВ. 2021. Вып. 31. С. 41–52.
- Плохов, 2022 — Плохов А. В. Планиграфия и хронология раннесредневекового Рюрикова городища по материалам раскопок 1980-х гг. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2022. Вып. 35. С. 181–196.
- Полянский, 1901 — Полянский М. И. Отчет о раскопках, произведенных 15-го и 16-го июня 1901 года в селе Городище Новгородского уезда // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1885. Д. 54. Л. 7–9.
- Пушкина, 1999 — Пушкина Т. А. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина / Ред. А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев. М.: Русские словари, 1999. С. 405–417.
- Рерих, 1914 — Рерих Н. К. Подземная Русь. Собрание сочинений. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914. Кн. 1. 335 с.
- Хвощинская, 2007а — Хвощинская Н. В. Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Труды ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 123–141.
- Хвощинская, 2007б — Хвощинская Н. В. Каменные литейные формочки в коллекции Рюрикова городища и стеатитовые находки на Руси // У истоков русской государственности... / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 199–202.
- Хвощинская, 2021 — Хвощинская Н. В. Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // АВ. 2021. Вып. 33. С. 107–120.
- Шаскольский, 1954 — Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX —

- ХІІІ вв. // Географический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. III. С. 146–159.
- Шевцов, 2017 — Шевцов А. О. Монеты императора Феофила (829–842 гг.) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2017. № 1. С. 141–149.
- Янин, 2009 — Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. 415 с.
- Янсон, 1999 — Янсон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина / Ред. А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хо рошев. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Khamayko, Zotsenko, 2007 — Khamayko N., Zotsenko V. Deux objets des VIe–VIIe siècles découverts à Shestovytsya // Kiev — Cherson — Constantinople. Ukrainian Papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001) / Eds. A. Aibabin, H. Ivakin (Occasional monographs. I). Kiev; Simferopol; Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2007. P. 257–261.*

Rurik's Hillfort of the Viking Age (topography, horizontal distribution of finds, and foreign relations)

A. V. Plokhov, N. V. Khvoshchinskaya¹³

Keywords: Rurik's Hillfort, 9th–10th centuries, topography, horizontal distribution of finds, stages of evolution, foreign relations.

During the Viking Age, Rurik's Hillfort occupied the hill itself and a low promontory. In the southwestern part of the hill, there was a fortress consisting of an earthen and wooden rampart encircled by a moat (~1.5 ha). The construction time according to dendrochronological estimates is 858–862. Part of the settlement was situated outside the encircled area. As to the boundaries of the medieval settlement, regrettably, part of it was lost forever, especially due to the construction of Sievers's channel.

The study of the horizontal distribution of finds and the analysis of ceramics allows us to establish three tentative stages in the history of Rurik's Hillfort during the Viking Age: (1) second half of the 9th cen.; (2) late 9th — first third of 10th cen., and (3) second third of 10th — early 11th cen. Among the finds from the first stage, there are a few complexes with handmade pottery, situated inside the fortress along the early medieval fortification line. The second stage is represented by pits in the central part of the site, dug into the virgin soil. In their lower part, only fragments of handmade pottery were found. This was the time of intense construction, extending to the entire area encircled by the moat. Also, the settlement expanded beyond the fortification line, which had been largely destroyed by the late 9th cen. The promontory too was used for construction. Structures of that period perished during the fire, which apparently occurred around 930. The third stage, spanning the second third of the 10th — early 11th cen., is represented by structures and pits, which contained both handmade and early wheel-thrown pottery. Most of those features likely date to the middle and third quarter of the 10th cen. They fall within the earlier settlement boundaries. The study of ceramics suggests that around 980, a heavy fire occurred, destroying many living and utility structures. The possible reason was feud between Yaropolk and Vladimir. After the fire, life in the hillfort becomes much less intense, and in the early 11th cen. it virtually ceases until the second half of this cen.

Rurik's Hillfort was built in the mid-9th cen. at the crossroads of two key early medieval routes of Eastern Europe — one from the Baltic to the Volga, the other "from the Varangians to the Greeks", primarily as a major intermediate point controlling and supplying the vivid trans-European trade, which is clearly evidenced by the material culture of this settlement over its entire lifetime during the Viking Age. Numerous imports, coins and weighing instruments attest to the settlement's wide foreign ties with the Arab Orient, Byzantine Empire, Western and Eastern Europe.

¹³ Aleksey V. Plokhov, Natalia V. Khvoshchinskaya — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: a_plokhov@mail.ru, kottimoshka85@mail.ru.

Роль А. А. Спицына в археологическом изучении Тамбовской губернии

Ю. Н. Городцова¹

Аннотация. В статье рассматриваются направления работы Александра Андреевича Спицына с материалами Тамбовской губернии — уточняются сведения по проведенным им на данной территории полевым исследованиям, а также приводятся данные о сборе, систематизации и введении в научный оборот собранной информации об археологических памятниках и находках.

Ключевые слова: А. А. Спицын, Тамбовская губерния, мордовские древности.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-237-243

Александр Андреевич Спицын — один из самых известных ученых в отечественной археологической науке. К результатам его плодотворной деятельности до сих пор обращаются многие современные исследователи. Работа А. А. Спицына с материалами Тамбовской губернии представлена в ряде статей и монографий как в рамках рассмотрения истории изучения отдельного археологического памятника, так и в связи с анализом определенных категорий находок.

В 1959 г. материалы исследований А. А. Спицына по Серповскому могильнику мордвы VI–VII вв. были частично опубликованы А. Е. Алиховой (Алихова, 1959). История изучения данного памятника прослеживается Н. Б. Моисеевым (Моисеев, 1999), В. А. Алленовой (Алленова, Мизис, 2002), А. Н. Голотвиным (Голотвин, 2013). Часть серповской коллекции использовалась последующими исследователями: детали поясного набора (Воронина, 2003), бусы (Терехова, 2011) и конская упряжь (Седышев, 2017). Археологическая деятельность А. А. Спицына в Тамбовской губернии проанализирована М. А. Бессудновой (Бессуднова, 2017). Работа Александра Андреевича на памятнике золотоордынского периода около с. Пичпанда рассматривается В. В. Ставицким (Ставицкий, 2022).

Материалы раскопок Кошибеевского могильника, проведенных А. А. Спицыным, используются учеными, изучающими культуру рязанско-окских финнов уже более столетия: включены в работы В. А. Городцова, В. В. Гольмстен, П. П. Ефименко, А. П. Смирнова, Н. В. Трубниковой, О. С. Румянцевой и многих других. Значительный пласт сведений был обобщен И. Р. Ахмедовым и И. В. Белоцерковской в главе «Культура рязанско-окских могильников», являющейся частью коллективной монографии, посвященной археологии Центральной России в римское и гуннское время (Восточная Европа..., 2007). В работе дается краткая характеристика развития взглядов исследователей на древности этой самобытной группы населения, в частности, рассматриваются вопросы этнической принадлежности, истоков формирования и хронологии.

Цель данной публикации — охарактеризовать роль А. А. Спицына в археологическом изучении памятников Тамбовской губернии на основе архивных источников и литературы. Для достижения поставленной цели проанализированы труды А. А. Спицына, включенные в «Отчеты», «Известия» и «Материалы по археологии России» (далее — МАР) Императорской археологической комиссии (далее — ИАК), «Записки Русского археологического общества», а также «Археологические известия и заметки», издаваемые Московским археологическим обществом (далее — МАО), а также документы из рукописного отдела научного архива Института истории материальной

---

¹ Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье»; Воронеж, Россия; e-mail: yuliya.gorodtsova@yandex.ru.

© Городцова Ю. Н., 2024.

культуры РАН (далее — НА ИИМК РАН. РО) и из фонда Тамбовской губернской ученой архивной комиссии в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10).

Биография Александра Андреевича не раз становилась предметом изучения, поэтому сейчас ограничимся небольшой биографической справкой, которая необходима для раскрытия рассматриваемой темы. В 1878–1882 гг. А. А. Спицын учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. По окончании преподавал в Вятской женской гимназии, изучал историю и древности Вятского края. В 1892 г. переехал в Петербург для работы в ИАК. Принимал активное участие в работе Императорского Русского археологического общества, с 1907 г. — хранитель его музея. Провел ряд экспедиций по исследованию древних памятников Вятской губернии. С 1909 г. читал лекции по археологии в Петербургском университете, с 1914 г. — в Петербургском археологическом институте, а также в Новгородской мужской учительской семинарии. С 1919 г. — член Российской академии истории материальной культуры. Заведовал разрядом русских, финских и литовских древностей (ИАК..., 2019. С. 250).

Начало деятельности в ИАК привело к существенному расширению диапазона исследовательских интересов А. А. Спицына: от каменного века до позднего русского Средневековья, но все же большинство работ археолога было связано с памятниками и находками бронзового и железного веков. В ИАК он взял на себя обработку громадного материала, поступавшего в комиссию со всех территорий огромной империи (Тихонов, 2009. С. 138). Одним из важнейших направлений исследовательской деятельности А. А. Спицына являлась систематизация и каталогизация древностей России (бронзового века, скифо-сарматских, волжско-камских, славянских), благодаря чему ему удалось датировать многие важнейшие памятники.

В 1896 г. он становится «заведующим» регионом, включающим Центральное Черноземье. В его обязанности входило ведение археологическими делами и производство собственных полевых исследований, собирание сведений о памятниках древности, принятие мер к сохранению случайных находок, их ученая оценка и издание, рассмотрение вопросов реставрации монументальных памятников, подготовка итоговых отчетов об исследованиях на данной территории для

последующей публикации, организация хранения, учета, каталогизации и выставок поступивших в Комиссию древностей, а также их распределение по музеям (ИАК..., 2019. С. 253).

Полевые исследования А. А. Спицына на территории Тамбовской губернии проводились дважды: в 1892 и 1895 гг. Интерес Александра Андреевича к мордовским древностям и слабая изученность относящихся к ним памятников предопределили его первое посещение этого региона.

2 июня 1892 г. на заседании ИАК он обратился к Комиссии с предложением совершить предстоящим летом вместе с профессором Казанского университета И. Н. Смирновым археологическую поездку в сопредельные уезды Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской губерний (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1888. Д. 71. Л. 115). Свой научный интерес он сформулировал следующим образом: «древности этого края давно привлекают археологов своей оригинальностью и богатством, но до настоящего времени изучались лишь по отдельным поводам и исследованы очень недостаточно» (Там же. 1892. Д. 94. Л. 1). Совместно с профессором был разработан маршрут поездки (Производство..., 1897. С. 45).

Прежде чем перейти непосредственно к анализу полевых исследований ученого, отметим тот факт, что к 1892 г. А. А. Спицын уже четыре года являлся членом Тамбовской губернской ученой архивной комиссии (был избран 14 марта 1888 г.) (ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10. Л. 22об.). За это время в библиотеку Комиссии от него дважды поступали издания: 8 марта 1889 г. его книга «Местное и областное управление на Вятке до XVIII в.» (1888 г.) (Протокол..., 1889. С. 5) и 9 апреля 1891 г. две его работы: «История Вятского главного народного училища (1786–1811)» (1890 г.), «Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей (1838–1890)» (1890 г.) (Журнал..., 1891. С. 5). В дальнейшем, будучи членом ИАК, А. А. Спицын продолжил пополнять библиотеку губернской ученой архивной комиссии своими исследованиями: в журнале заседания Комиссии от 28 января 1897 г. отмечена поступившая работа «Производство археологических раскопок» (1895 г.) (Журнал..., 1897. С. 7).

Итак, в 1892 г. после изучения мордовских памятников в Пензенской губернии Александр Андреевич отправился в бассейн р. Цны, где исследовал 39 захоронений могильника около с. Пичпанда Спасского уезда Тамбовской губернии.

По обнаруженным монетам памятник был датирован XIV в. Среди аналогий археолог выделил Казбекский могильник близ г. Наровчата и Муранковский (Муранский) близ Самарской Луки, а наличие среди инвентаря наконечников и пряжек-сюльгам позволило ему считать эти три могильника мордовскими (Раскопки..., 1894. С. 47). Помимо этого, А. А. Спицын занимался скупкой у местных жителей «различных медных и серебряных вещей, найденных, по их словам, на городищах» (Там же. С. 49).

В районе г. Моршанска А. А. Спицыну удалось найти два новых могильника, отнесенных к лядинскому типу: у с. Серпового («Воскресенский бугор») и у с. Давыдовского (Там же). Сведения о серповских предметах, являющихся частью собранной в 1888 г. для МАО информации по имеющимся в губерниях древностям, впервые встречаются в Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии за 1890 г. (Отчет..., 1890. С. 54). Ранее, в 1886 г., с той же территории в ИАК поступили две золотоордынские монеты конца XIV в. Об этих находках членам Комиссии стало известно из местной периодической печати — Тамбовских губернских ведомостей. Однако полученные на рассмотрение монеты «нумизматического интереса не представляли» и были направлены в губернскую ученую архивную комиссию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1886. Д. 56. Л. 5–9).

В рамках изучения Серповского могильника Александром Андреевичем было исследовано 37 погребений. Обнаруженные при этом 12 золотых византийских монет середины — конца VII в. позволили существенно сузить хронологические рамки памятника (Производство..., 1897. С. 50). Рядом с ним были найдены: «стоянка каменного века, поселение, современное могильнику, мордовский могильник XVII в. и XVIII в. и следы мордовских поселений того же времени» (Там же).

В 1949 г. директором Моршанского музея П. В. Кобозевой на Серповский могильник был составлен паспорт, содержащий информацию о раскопках памятника сотрудниками Моршанского музея в 1939 г. (Моисеев, 1999. С. 24). А материалы исследований Серповского могильника А. А. Спицыным были частично опубликованы А. Е. Алиховой лишь в 1959 г. Помимо дневника раскопок был сделан краткий обзор погребального инвентаря, приведен ряд аналогий предметам из могильника, а также определена датировка памятника в рамках VI–VII вв. (Алихова, 1959).

У с. Давыдовского А. А. Спицыным было изучено четыре древнемордовских погребения. Среди находок отмечены бронзовые украшения и детали конской упряжи (Производство..., 1897. С. 49). Александр Андреевич также проводил осмотр встречающихся на его маршруте разных типов памятников: курганов (у с. Ширингуши, точное количество не указано), городищ (по одному в селах Давыдово и Ракши, два в дер. Жуковка) и остатков вала в окрестностях г. Шацка (Там же. С. 50, 51).

К исследованию древнемордовских памятников в Тамбовской губернии А. А. Спицын вернулся в 1895 г., сосредоточив внимание на раскопках уже известного к тому времени Кошибеевского могильника, расположенного в районе впадения р. Мокши в р. Цну в Елатомском уезде. Он был открыт в 1891 г. на земле братьев Траскиных: при обустройстве хозяйственной постройки обнажились три погребения, находки из которых были направлены в Тамбовскую ученую архивную комиссию. Дважды тамбовская Комиссия обращалась к МАО с ходатайством об исследовании территории, но отклика не последовало (Спицын, 1901. С. 55).

В ходе археологических работ А. А. Спицыным было вскрыто 109 погребений. Находки представлены преимущественно бронзовыми украшениями, оружием из железа и предметами конской упряжи. Среди них выделяется серебряная шейная гривна. Используя аналогии с Северного Кавказа, Александр Андреевич предположительно отнес могильник к VI–VII вв. (Производство..., 1897. С. 34). В 1902 г. по поручению ИАК, инициатором которого вполне мог быть сам А. А. Спицын, изучение памятника продолжил В. Н. Глазов, исследовав еще 97 погребений (Медведева, Соболев, 2014. С. 406).

Результаты этих научных командировок А. А. Спицыным были достаточно полно опубликованы сначала в Отчетах ИАК за 1892 (Раскопки..., 1894) и 1895 гг. (Производство..., 1897), а затем в 1901 г. в издаваемых той же Комиссией «Материалах...» (Спицын, 1901). Коллекция предметов из Кошибеевского могильника в 1896 г. была показана на Выставке древностей, представляемых ИАК на воззрение императора (Выставка..., 1896. С. 7, 8). В своих последующих работах Александр Андреевич собранные материалы считал схожими с вещами памятников «дьякова типа»: «Дьяково городище дало вещи, совершенно аналогичные найденным в Кошибеевском могильнике» (Спицын, 1903а. С. 113).

Работа А. А. Спицына с тамбовскими древностями включает и изучение не менее известного Лядинского могильника — классического памятника древней мордвы. Уже в первый год своей службы в ИАК он занимался изданием труда В. Н. Ястребова по итогам раскопок последнего. В мае 1892 г. он сообщал Владимиру Николаевичу о том, что «наблюдение за изданием Вашей работы о Лядинском могильнике Комиссией возложено на меня», а в следующих письмах предлагал и название для этого издания, ставшего десятым выпуском МАР (Тихонов, 2009. С. 139). Собранные в 1892 г. на основе тамбовских древностей сведения Александр Андреевич использовал для определения этнической принадлежности Лядинского могильника, а также для уточнения его датировки: сам В. Н. Ястребов не давал однозначного ответа на эти вопросы. Впервые «полная возможность древности лядинского типа (IX–X вв.) отнести к мордве» была сделана именно А. А. Спицыным (Раскопки..., 1894. С. 51). В «Археологических известиях и заметках» за 1894 г. Александр Андреевич высказал мнение о том, что Лядинский могильник следует датировать приблизительно концом IX — X в., то есть несколько древнее, чем предположил В. Н. Ястребов (Спицын, 1894. С. 403–406). Впоследствии Александр Андреевич инициировал приезд Николая Емельяновича Макаренко в 1910 г. для продолжения изучения археологического памятника того же периода — Томниковского могильника (Захарова, 2014. С. 35).

Отдельным направлением работы А. А. Спицына являлась публикация сведений о городищах и курганах, собранных Центральным статистическим комитетом в 1873 г. в анкетах, составленных Д. Я. Самоквасовым. «Решимость моя взяться за столь неблагодарный труд была вызвана сознанием, что ничего более систематического и полного о русских памятниках древности мы не имеем» (Спицын, 1903б. С. 1). Сами анкеты состояли из двух столбцов. В левом располагались 12 вопросов; первые 10 касались исключительно городищ: их расположения на местности, площади, формы, размеров валов и рвов, степени сохранности, наличия и описания входа, а также преданий и находок с характеризованного памятника. Последние два вопроса связаны с наличием курганов или могильников, историей их изучения и обнаруженными находками. В правом столбце для удобства заполнения находились примерные варианты ответов (Городцова, 2022. С. 35).

Д. Я. Самоквасов лично не анализировал эти анкеты, но они послужили источниковой базой для первых публикаций по археологической статистике Тамбовского региона. В 1903 г. в «Известиях ИАК» увидели свет данные по всем 12 тамбовским уездам (Спицын, 1903в). В публикации А. А. Спицына встречается описание 27 городищ и 214 курганов. Первое издание этих сведений в трех октябрьских номерах Тамбовских губернских ведомостей содержит информацию о 28 городищах и 220 курганах (О курганах..., 1873); в 1884 г. в работе Н. П. Горожанского (члена-корреспондента МАО) (Горожанский, 1884) перечислено 29 городищ и 225 курганов.

Если рассматривать итоговые показатели по количеству городищ и курганов, то в предшествующих публикациях они несколько больше, так как в них использованы не только сведения, собранные в 1873 г., но и информация из местных изданий (например, Памятной книжки Тамбовской губернии). Также один из случаев несовпадения данных показывает, что А. А. Спицын и Н. П. Горожанский по-разному интерпретировали одну и ту же информацию. Указанная в описании археологического памятника «земляная насыпь» одним из авторов интерпретируется как курган, другим — как городище.

Работа Александра Андреевича является наиболее полной по охвату территории губернии. В Тамбовских губернских ведомостях мы можем найти подробную информацию, включающую описание и степень сохранности археологических памятников, однако в местной периодике отсутствуют данные по пяти волостям Усманского уезда, которые указаны лишь в сводке А. А. Спицына (Спицын, 1903в). Н. П. Горожанский в большинстве случаев ограничился перечислением количества памятников по уездам и населенным пунктам без уточняющих деталей (местоположения, размеров, степени сохранности). Кроме того, в работе 1884 г. встречаются опечатки.

Собранные в результате анкетирования материалы после авторской систематизации публиковались А. А. Спицыным также в виде «обзоров древностей» соответствующих губерний, где информация по археологическим памятникам и случайным находкам уже дана в соответствии с эпохой или культурой, к которой они относятся: «Я предполагал, что такие обзоры должны лечь в основу дальнейших местных работ, так как давали не только учет материала и его освещение,

но также по возможности полную литературу» (Спицын, 2011. С. 301). Всего были изданы сведения по 26 губерниям, остальные остались в рукописях (Тихонов, 2009. С. 140). В 1928 г. А. А. Спицын вспоминал: «Я мог издавать столько, сколько успевал приготовить; новые клише и таблицы изготовлялись непрерывно, не только для надобности, но и в запас» (Спицын, 2011. С. 301). Не все задуманное было введено в научный оборот. Обзор древностей Тамбовской губернии так и не было опубликовано.

Рукописный архивный вариант, представленный на 12 страницах, находится в фонде А. А. Спицына в научном архиве ИИМК РАН и имеет вполне законченный вид (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 192). Изложение идет в рамках хронологической последовательности памятников с использованием сведений о случайных находках и наличием ссылок на источники и литературу. Анализируя используемые археологом сведения, можно ограничить время работы над рукописью 1910 г. Вводная часть посвящена географическому описанию региона. Характеристика Тамбовской губернии в археологическом отношении начинается с неолитического периода каменного века (упоминается памятник у с. Серпового Моршанского уезда). Отдельно выделены результаты раскопок П. Г. Тарасовым курганов этого периода в 1902 г. Древнемордовские памятники рассматриваются на примере Томниковского и Лядинского могильников. А. А. Спицын приводит и результаты своих полевых исследований, обращаясь к материалам Кошибеевского, Серповского могильников, а также более позднего по датировке — у с. Пичпанды. Описываются местонахождения такой категории памятников, как каменные бабы. Хронологически последним в работе Александра Андреевича указан период XIV в. и относящиеся к нему обнаруженные клады «татарских монет». После этого дается список пещерных комплексов и «подземных ходов». В заключении А. А. Спицын утверждает, что сведений, за исключением собранных в 1873 г. и дополненных в 1905 г. А. Н. Норцовым, о памятниках Тамбовской губернии немного.

Об объеме проделанных А. А. Спицыным научных изысканий можно судить и на основании анализа его знаменитых «корочек». К территории Тамбовской губернии относятся 74 карточки с подробным описанием археологических памятников или случайных находок, цитатами

из связанных с ними опубликованных работ, а также библиографическими сведениями (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 402. Л. 172–246). Самая объемная группа карточек содержит информацию из анкет 1873 г. по каждому из 12 уездов (18 шт.) и списки населенных пунктов, интересных в археологическом отношении (16 шт.) со ссылками на литературу и Отчеты ИАК. Часть «корочек» — выписки из столичной (9 шт.) и местной периодики (8 шт.). В указанных статистических сведениях фиксируется отсутствие информации, датируемой между 1903 и 1910 гг., затем учет был возобновлен (есть публикации 1911 г.).

Наряду с научными изысканиями в различных регионах А. А. Спицын проводил и большую организационную работу с местными любителями старины. Одним из ее проявлений было участие в областных археологических съездах, собиравшихся по инициативе местных архивных комиссий. Идея проведения подобного форума в Тамбове в виде созыва «археологического съезда ученых Архивных комиссий средней полосы России» (ИАК..., 2019. С. 239), предложенная еще в мае 1901 г. председателем Тамбовской архивной комиссии А. Н. Нарцовым, не получила своего развития как из-за организационных сложностей, так и из-за слишком широко поставленных задач. ИАК предложила комиссии выработать более определенную и связанную с местным краем программу. А. А. Спицын в своем отзыве писал, что «следует воздержаться от одобрения фантастически-широкого и совершенно невыполнимого проекта» (Там же).

Таким образом, небезосновательно можно утверждать о весомой роли А. А. Спицына в археологическом изучении Тамбовской губернии. Его деятельность на классических древнемордовских памятниках не только положила начало их исследованию, но и стала образцовым примером методики полевых научных изысканий для местных археологов и краеведов. Александр Андреевич участвовал в издании материалов не менее известного Лядинского могильника, занимался сбором и систематизацией опубликованных и имеющих в архивах сведений об археологических памятниках и случайных находках, анализировал полученные данные в своих обобщающих работах, способствовал приезду в Тамбовский регион профессиональных археологов, а также участвовал в обсуждении организационных вопросов местной архивной комиссии.

- ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10: Журнал регистрации исходящих документов Тамбовской ученой архивной комиссии за июнь 1884 г. — июнь 1902 г. 54 л.
- НА ИИМК РАН. РО
- Ф. 1. Оп. 1. 1886. Д. 56: О медных русских монетах, найденных в Тамбовской губернии; 1888. 26 л. Д. 71: Протоколы заседаний Археологической комиссии. 230 л.; 1892. Д. 94: О раскопках чл. Комиссии А. А. Спицына и проф. Смирнова в губерниях Симбирской, Пензенской, Нижегородской и Тамбовской. 215 л.
- Ф. 5. Оп. 1. Д. 192: А. Спицын. Сводка сведений о древностях Тамбовской губ. 11 л.; Д. 402: Губернии, Т. 279 л.
- Алихова, 1959 — Алихова А. Е. Серповский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Под ред. А. П. Смирнова. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. Т. II. С. 117–137.
- Алленова, Мизис, 2002 — Алленова В. А., Мизис Ю. А. История тамбовского краеведения (XIX в. — 30-е годы XX в.). Тамбов: Тамбовский ГУ, 2002. 438 с.
- Бессуднова, 2017 — Бессуднова М. А. Научные командировки А. А. Спицына в Тамбовскую губернию (к истории изучения мордовских памятников) // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям: Материалы IV конф. молодых ученых (Москва, 28–30 марта 2017 г.) / Отв. ред. В. Е. Родинкова, А. Н. Федорина. М.: ИА РАН, 2017. С. 87–88.
- Воронина, 2003 — Воронина Р. Ф. Типология и хронология блях с дверкой (по материалам среднецентинских могильников) // РА. 2003. № 1. С. 72–82.
- Восточная Европа..., 2007 — Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. 430 с.
- Выставка..., 1896 — Выставка древностей, представляемых Императорской Археологической Комиссией на воззрение Государя Императора. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896. 35 с.
- Голотвин, 2013 — Голотвин А. Н. Из истории выявления объектов археологического наследия на территории Тамбовской губернии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 106–111.
- Городцова, 2022 — Городцова Ю. Н. Опыт массового учета археологических памятников на территории Воронежской губернии во второй половине XIX века // Вестник Воронежского ГУ. Серия: История, политология, социология. 2022. № 4. С. 34–37.
- Горожанский, 1884 — Горожанский Н. П. Материалы для археологии России по губерниям и уездам. Тамбовская губерния. М.: Тип. А. А. Карцева, 1884. Вып. 1. С. 63–76.
- Журнал..., 1891 — Журнал общего собрания членов Тамбовской ученой архивной комиссии (9 апреля 1891 года) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов: Тип. Губернского правления, 1891. Вып. XXXII. С. 3–7.
- Журнал..., 1897 — Журнал общего собрания членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии (28 января 1897 года) // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов: Тип. Губернского правления, 1897. Вып. XLII. С. 5–8.
- Захарова, 2014 — Захарова Е. Ю. Роль ИАК в археологии Центрального Черноземья России // Вестник Воронежского ГУ. Серия: История, политология, социология. 2014. № 1. С. 33–37.
- ИАК..., 2019 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. 888 с.
- Медведева, Соболев, 2014 — Медведева М. В., Соболев В. Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // АВ. 2014. Вып. 20. С. 395–426.
- Моисеев, 1999 — Моисеев Н. Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. Тамбов: Тамбовский ГУ, 1999. 54 с.
- О курганах..., 1873 — О курганах в Тамбовской губернии // Тамбовские губернские ведомости. 1873. Отдел неофициальный. № 41–43. С. 277–278, 282–283, 292–293.
- Отчет..., 1890 — Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1889 год // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов: Тип. Губернского правления, 1890. Вып. XXVI. С. 19–55.
- Производство..., 1897 — Производство археологических раскопок в Тамбовской губернии // Отчет ИАК за 1895 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1897. С. 30–81.
- Протокол..., 1889 — Протокол общего собрания Тамбовской губернской ученой архивной комиссии 8 марта 1889 года // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов: Тип. Губернского правления, 1889. Вып. XXIII. С. 1–7.
- Раскопки..., 1894 — Раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях // Отчет ИАК за 1892 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1894. С. 45–51.
- Седышев, 2017 — Седышев О. В. Стремлена из средневековых мордовских могильников // Учебный эксперимент в образовании. 2017. № 2 (82). С. 39–44.
- Спицын, 1894 — Спицын А. А. Определение времени Люцинского и Лядинского могильников // Археологические известия и заметки, издаваемые МАО / Под ред. А. В. Ореникова. М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1894. № 12, т. 2. С. 403–406.

- Спицын, 1901 — Спицын А. А. Древности бассейна рек Оки и Камы. Кн. 1. СПб.: Товарищество художественной печати, 1901 (МАР; № 25). 120 с.
- Спицын, 1903а — Спицын А. А. Городище Дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. Т. V, вып. 1. С. 111–142.
- Спицын, 1903б — Спицын А. А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Предисловие // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1903. Вып. 5. С. 1–4.
- Спицын, 1903в — Спицын А. А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах. Тамбовская губерния // Там же. С. 80–90.
- Спицын, 2011 — Спицын А. А. Мои научные труды // А. А. Спицын. Избранные труды по истории Вятки / Под ред. А. Л. Мусихина. Киров: О-Краткое, 2011. С. 300–306.
- Ставицкий, 2022 — Ставицкий В. В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 155–166.
- Терехова, 2011 — Терехова Н. В. Бусы среднецнинской мордвы VII–XI вв.: историографический аспект // Вестник Воронежского ГУ. Серия: История, политология, социология. 2011. № 2. С. 189–192.
- Тихонов, 2009 — Тихонов И. Л. Деятельность А. А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // РА. 2009. № 3. С. 138–147.

A. A. Spitsyn's role in the archaeological study of the Tambov Province

Yu. N. Gorodtsova²

Keywords: A. A. Spitsyn, Tambov province, Mordovian antiquities.

The article discusses the key directions in A. A. Spitsyn's archaeological work in the Tambov Province: excavating, collecting and classifying findings, editing publications, and organizing cooperation with the local archival commission. Spitsyn carried out field studies in the Tambov area twice, in 1892 and 1895. During the first season, he excavated cemeteries around the villages of Pichpanda, Serpovoye, and Davydovskoye. During the second season, he excavated more than a hundred burials at the Koshibeyevo cemetery. He collected data relevant to the ethnic attribution of the Lyadino cemetery and its date. As a result, he published the summarizing work by V. N. Yastrebov, based on materials from this cemetery. A separate direction of Spitsyn's project was the publication of evidence concerning fortified settlements and kurgans, collected in 1873. In 1903, materials from all twelve Tambov districts appeared in *Transactions of the Archaeological Commission*. By that time, archaeological statistics had been reflected in the 1873 and 1884 publications. The comparison of all those publications suggests that Spitsyn's summary is the most complete. This article analyzes archival data from Spitsyn's collection in the IIMK RAS archives, in a handwritten version of the review of Tambov antiquities, and in his 74 cards with detailed descriptions of archaeological sites and artifacts found by chance. These materials remain the first summary of information on archaeological sites of the Tambov Province. Also, the present article touches upon Spitsyn's logistic efforts, relating to his participation in provincial archaeological conferences. The present author subscribes to Spitsyn's critical attitude to these meetings.

² Yulia N. Gorodtsova — Natural architectural and archaeological museum-reserve “Divnogorye”; Voronezh, Russia; e-mail: yuliya.gorodtsova@yandex.ru.

К истории коллекции археологических находок из раскопок Земляного городища Старой Ладogi в собрании Тихвинского музея¹

П. С. Дрёмова, А. А. Межурецкий²

Аннотация. В статье представлены результаты изучения архивных и музейных материалов, связанных с участием тихвинских школьников-краеведов во главе с И. П. Крупейченко в работах Староладожской археологической экспедиции 1957–1959 гг. Рассмотрена история появления коллекции предметов из раскопок Земляного городища в собрании Тихвинского музея. Дан статистический анализ вещевого материала, и обозначены перспективы работы с ним.

Ключевые слова: Старая Ладога, Тихвинский музей, И. П. Крупейченко, музейная коллекция.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-244-252

В жизни всякой экспедиции, тем более долгосрочной, найдется ряд эпизодов, которые по тем или иным причинам оказались забыты. Некоторые из них примечательны лишь как сюжеты для историографии, другие имеют определенное научное значение. Об участии школьников г. Тихвина в работах Староладожской археологической экспедиции (далее — САЭ) известно ограниченному кругу исследователей, чьи интересы связаны с археологией Старой Ладogi. Эта страница истории экспедиции до настоящего времени почти не привлекала внимания ученых. К ней обращались лишь как к любопытному эпизоду в контексте серьезной полевой работы (Новое в археологии Старой Ладogi, 2018. С. 11, рис. В.4; *Медведева*, 2003. С. 50). Расширение источниковой базы

позволило поставить вопрос о необходимости целенаправленного изучения обстоятельств и результатов сотрудничества тихвинских школьников с САЭ. Данная тема видится перспективной в связи с начавшимся процессом осмысления и обобщения материалов «староладожского проекта» В. И. Равдоникаса (Новое в археологии Старой Ладogi, 2018. С. 23–38).

В полевых отчетах САЭ за 1957–1959 гг. содержатся упоминания о школьниках-краеведах из г. Тихвина, которые принимали участие в раскопках на Земляном городище Старой Ладogi (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35³. Оп. 1. 1957. Д. 10. Л. 1; 1958. Д. 2. Л. 1; 1959. Д. 45. Л. 1). Руководителем школьного отряда все три раза значится И. П. Крупейченко — преподаватель Тихвинской средней школы № 1.

Краевед и энтузиаст Иван Павлович Крупейченко⁴ (1912–2007) внес несомненный вклад

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-18-00515, <https://rscf.ru/project/23-18-00515/>, «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладogi» в ИИМК РАН).

² Дрёмова П. С. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: pdremova8@gmail.com; Межурецкий А. А. — Тихвинский филиал ГБУК ЛО «Музейное агентство» — Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей; Тихвин, Россия; Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: meaeral@yandex.ru.

© Дрёмова П. С., Межурецкий А. А., 2024

³ Далее в тексте приводятся архивные материалы разных дел Ф. 35 РО НА ИИМК РАН, поэтому в ссылках будут приводиться номера описей, дел и листов.

⁴ О раннем этапе жизни И. П. Крупейченко известно немного: сведения биографического характера можно почерпнуть в основном из краеведческих очерков, написанных на основе воспоминаний (*Смелова*, 2018). Поэтому было важно обратиться к архивным источникам, в фонде Российского государственного педагогического университета (РГПУ им. А. И. Герцена) выявлено личное дело студента И. П. Крупейченко. Текст автобиографии 1938 г. мы посчитали нужным привести полностью (см. приложение).

в изучение и популяризацию истории г. Тихвина (Крупейченко, Балясов, 1970; Крупейченко, 1988; 1996). Он принял деятельное участие в воссоздании местного музея, погибшего в годы Великой Отечественной войны (Жаркова, 2007. С. 58, 59). На базе СОШ № 1 г. Тихвина И. П. Крупейченко организовал краеведческий кружок, целью которого стало исследование памятников Тихвинского края. Благодаря серьезной подготовительной работе были собраны исторические и археологические материалы, которые легли в основу школьного краеведческого музея, открытого 17 марта 1956 г. (Крупейченко, 1996. С. 8).

Для пополнения археологической части коллекции (раздела «Тихвинский край в древности») И. П. Крупейченко задумал организовать экспедицию юных краеведов. Не имея опыта проведения подобного мероприятия, тихвинский учитель с чрезвычайным воодушевлением встретил новость о возобновлении в 1957 г. раскопок в Старой Ладоге. Судя по воспоминаниям, он направил письмо начальнику САЭ В. И. Равдоникасу с просьбой разрешить ему и членам краеведческого кружка участвовать в работах экспедиции (Смелова, 2018). Получив утвердительный ответ, он собрал отряд из 12 учеников старших классов, вместе с которыми 31 мая 1957 г. прибыл в Старую Ладогу. Согласно свидетельству старшего лаборанта САЭ В. В. Храмовой, группа школьников была прикомандирована к экспедиции «по ходатайству Леноблоно и с согласия начальника экспедиции В. И. Равдоникаса» (Оп. 1. 1957. Д. 1. Л. 11). Все они зачислялись в штат без денежного довольствия в качестве практикантов. Надо полагать, что тихвинцы произвели благоприятное впечатление на сотрудников экспедиции (рис. 1; 2). В отчете за 1957 г. отмечалось их «исключительно добросовестное отношение к исследовательскому труду», которое оказалось «весьма полезным для экспедиции» (Оп. 1. 1957. Д. 10. Л. 1).

На следующий год тихвинских учеников уже ждали в экспедиции «для активного участия в работах» (Оп. 1. 1958. Д. 13. Л. 11). Некоторые из них по заявлению начальника экспедиции были даже утверждены в должности коллекторов (Оп. 6. Д. 140. Л. 85об.).

В 1959 г. десять тихвинских школьников последний раз приняли участие в работах экспедиции, деятельность которой на долгое время прервалась. Их высокая дисциплинированность, трудолюбие и живая любознательность были особо отмечены В. И. Равдоникасом, о чем свидетельствует копия приказа по экспедиции из фондов

Тихвинского музея (ТМ НВФ-1269). Как следует из организационной документации 1959 г., часть школьников была зачислена в штат в качестве лаборантов и коллекторов, а их учитель назначен старшим лаборантом (Оп. 6. Д. 147. Л. 61). В собрании Тихвинского музея отложился полевой дневник учителя истории И. П. Крупейченко, в котором содержатся как археологические заметки, так и наблюдения педагогического характера. В дневниковых записях отразились переживания автора, связанные с подготовкой к экспедиции и межличностными взаимоотношениями внутри ученического коллектива (ТМ НВФ-4386). Для истории науки стоит отметить описание событий 21 июня 1959 г. В полевом дневнике одного из участников экспедиции К. Д. Лаушкина значится: «Выходной день. О. И. Давидан провела со школьниками, принимающими участие в экспедиции, занятия и экскурсию на сопки» (Оп. 1. 1959. Д. 9. Л. 37). Подробности упомянутого занятия приводятся в дневнике И. П. Крупейченко (рис. 3). Оно было посвящено методике раскопок курганов, в том числе принципам глазомерной съемки, черчению профилей, снятию нивелировок и выполнению чертежей (ТМ НВФ-4386. Л. 32–39). Можно предположить, что при дальнейшей археологической деятельности — раскопках погребальных памятников Ленинградской области — И. П. Крупейченко неоднократно прибегал к данному руководству.

Полученный в Старой Ладогe археологический опыт не прошел даром для тихвинских краеведов. Помимо приятных и ярких воспоминаний каждый год из экспедиции они увозили археологические находки, выделенные В. И. Равдоникасом для коллекции школьного музея⁵. До середины 1960-х гг. предметы хранились в СОШ № 1 г. Тихвина, затем в связи «с празднованием 25-летия освобождения Тихвина от немецко-фашистских захватчиков» было принято решение о передаче школьной коллекции в дар городу, для возрождения на ее основе Тихвинского краеведческого музея (Жаркова, 2007. С. 59, 60).

Оформление приема старолadoжских находок в Тихвинский музей завершилось в 1974 г. В ходе этого процесса были составлены акты поступления, сдатчиком в которых указан И. П. Крупейченко. В них обозначена принадлежность археологических предметов к культурному слою Старой

⁵ Восстановить историю попадания предметов в музей и их первоначальную атрибуцию практически невозможно в связи с фрагментарностью учетной документации.

Рис. 1. Сотрудники Староладожской археологической экспедиции вместе с тихвинскими краеведами, 1957 г. Стоят: В. И. Равдоникас (с тростью), справа от него — И. П. Крупейченко, Г. П. Гроздилов (в светлом костюме и шляпе). Сидят в первом ряду: Ю. И. Штакельберг (в очках), справа от него — Ф. В. Равдоникас (НА ИИМК РАН. ФО. I-38294)

Fig. 1. Members of the Staraya Ladoga Archaeological Expedition with the Tikhvin specialists in local studies, 1957. V. I. Ravdonikas (standing with cane); on the right of him are I. P. Krupeychenko, G. P. Grozdilov (wearing light suit and hat). Sitting in the front row are Y. I. Stakelberg (wearing glasses) and, right of him, F. V. Ravdonikas (SA IHMS RAS. Photo Dep. I-38294)

Рис. 2. Тихвинские школьницы на раскопе Земляного городища (ТМ КП-1371; № 5542097 по Госкаталогу музейного фонда РФ)

Fig. 2. Tikhvin schoolgirls at the excavations of the Earthen Hillfort (Tikhvin Museum, ТМ КП-1371; No. 5542097 according to the RF State Catalog of Museum Collections)

Ладоги, даны сведения о размерах и степени сохранности экспонатов, а также инвентарные номера, занесенные впоследствии в книгу поступлений (Акты ПП № 93–104 от 15.10.1974 г.). Книга поступлений является одним из важнейших источников, который позволяет судить о коллекции в момент ее передачи. В ней представлена информация, с одной стороны, соответствующая актам поступления, а с другой — существенно их дополняющая. Если в актах материал изготовления фигурирует косвенно — в наименовании предметов, то в книге поступления эта характеристика четко обозначена. Безусловно, важно и то, что для большинства древностей указаны хронологические рамки или стратиграфический горизонт.

За три года работ в экспедиции тихвинским краеведам удалось собрать представительную коллекцию находок из Старой Ладоги, которая насчитывала 433 предмета (табл.). В силу разных обстоятельств (неполноты учетной документации, перерегистрации находок в 1960–1970-е гг., последствий пожара 1994 г. в фондохранилище) часть экспонатов была утрачена. На данный момент в наличии 286 артефактов⁶, хронологические рамки которых можно определить в широком диапазоне от VIII/IX до XVI–XVII вв. Разновременность материала объясняется последовательным ходом археологических работ: в 1957–1959 гг. были изучены культурные напластования Земляного городища с условного горизонта «В» (XVI–XVII вв.) до материка. К сожалению, учетная документация не позволяет установить точное время поступления находок в коллекцию и соотнести их с конкретным полевым сезоном. При этом можно попытаться уточнить археологический контекст отдельных артефактов.

Первичное представление о коллекции дает распределение находок по материалу их изготов-

⁶ Из них 282 предмета внесены в систему Государственного каталога (Госкаталога) музейного фонда РФ под номерами: 8674322–8674371, 8686095–8686118, 8686120–8686131, 8686133–8686144, 8720690–8720732, 8720734, 8720736–8720739, 8722044–8722093, 8757179–8757213, 9621907–9621910, 9621912, 9621914–9621916, 9621921, 9621924–9621928, 9621930, 9621932–9621933, 9621935–9621942, 9621944–9621946, 9621948–9621952, 9621954, 9621958, 9621960, 9621961, 9621963, 9621964, 9621969, 9621975, 9621976, 9621978–9621980, 9621982–9621984, 10598015, 10597984, 10597988 (Госкаталог. [Электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 28.11.2023)).

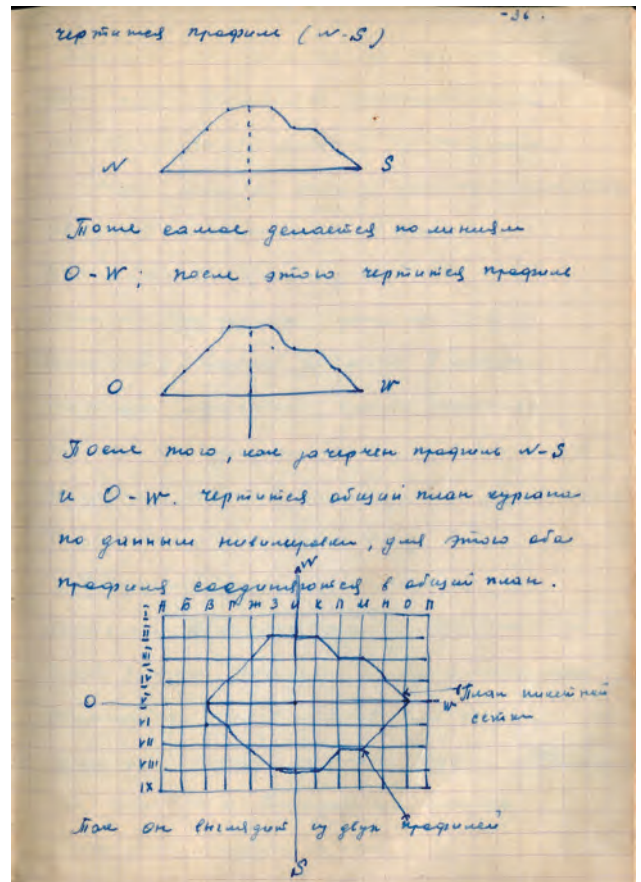

Рис. 3. Страница из полевого дневника И. П. Крупейченко 1959 г. (ТМ НВФ-4386. Л. 36)

Fig. 3. A page from the field diary of I. P. Krupeichenko, 1959. (Tikhvin Museum, ТМ НВФ-4386. Sh. 36)

ления⁷. Практически половина артефактов представлена изделиями из стекла, прежде всего бусами и бисером, которые заслуживают отдельного рассмотрения; имеются также три фрагмента стеклянных браслетов (№ 8722069, 8722079, 8722058)⁸ и осколок бирюзового стекла (№ 9621933).

В коллекции в момент ее поступления в музей содержалось большое количество необработанного органического материала, 90 % которого ныне утрачено. В число сохранившихся находок этой группы входят три клыка кабана (№ 9621945, 9621984, 9621949), чешуя рыбы (№ 8720739) и ячмень (№ 8720710), хранящиеся в пробирках, а также три лесных ореха.

⁷ Статистические выкладки по материалу изготовления сделаны по итогам непосредственной работы с коллекцией. Вызывающие сомнение учетные описания взяты в кавычки.

⁸ Здесь и далее в скобках даны номера предметов по Госкаталогу музейного фонда РФ.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Таблица. Распределение предметов коллекции по материалу и некоторым категориям находок
Table. Distribution of artifacts in the collection according to certain categories

Материал	Категория находок	Количество находок, экз.			
		По книге поступлений	Утрачено	В наличии	Внесено в Госкаталог
Органический материал					
Не определен		62	54	8	8
Рог и кость		18	3	15	15
	<i>В том числе:</i>				
	<i>пряслице;</i>	2	–	2	2
	<i>гребень;</i>	4	1	3	3
	<i>игла;</i>	2	–	2	2
	<i>проколка;</i>	1	–	1	1
	<i>застежка</i>	1	–	1	1
Дерево		46	24	22	18
	<i>В том числе:</i>				
	<i>лапоть;</i>	2	–	2	2
	<i>веревка (лыко);</i>	7	3	4	–
	<i>«копия идола»*</i>	1	–	1	1
Войлок		2	1	1	1
Кожа		1	–	1	1
Воск		8	7	1	1
Янтарь		7	1	6	6
Неорганический материал					
Стекло		174	34	140	140
	<i>В том числе:</i>				
	<i>бусы;</i>	167	31	136	136
	<i>кусок стекла;</i>	4	3	1	1
	<i>фрагмент браслета</i>	3	–	3	3
Камень и минералы		53	6	47	47
	<i>В том числе:</i>				
	<i>оселок;</i>	9	1	9	9
	<i>точильный камень;</i>	2	–	2	2
	<i>фрагмент слюды;</i>	1	–	1	1
	<i>пряслице;</i>	9	–	9	9
	<i>бусы (хрусталь, сердолик, кварц);</i>	17	2	15	15
	<i>«окаменелый гриб шампиньон»*</i>	8	–	8	8
Металл		27	12	15	15
	<i>В том числе:</i>				
	<i>гвоздь кованый;</i>	10	–	10	10
	<i>лодейная заклепка;</i>	1	–	1	1
	<i>шип ледоходный;</i>	1	–	1	1
	<i>шлак металлический</i>	4	3	1	1
Керамика		35	5	30	30
	<i>В том числе:</i>				
	<i>фрагменты посуды;</i>	29	4	25	25
	<i>пряслице</i>	2	–	2	2
Итого		433	147	286	282

* Предмет неархеологического происхождения.

Изделия и заготовки из рога и кости представлены различными категориями вещей, среди которых: две иглы (№ 8674322, 8674330), проколка (№ 8674326), пряслица (№ 8674324, 10597988), застежка (№ 8686102), наконечник (№ 8674353) и «фрагмент обоймы» (№ 8674355). Обозначенная в учетных документах «костяная бусина» (№ 8722074), по-видимому, является накладкой. Особое внимание следует уделить односторонним наборным гребням, два из которых имеют верхние выступы и характерный геометрический орнамент (№ 8674351, 8674369). По классификации О. И. Давидан, гребни такого облика относятся ко второй группе и происходят исключительно из горизонта «Д» (Давидан, 1962. С. 100, 101, рис. 3). Отчетная документация САЭ позволяет связать обнаружение этих гребней с работами 1957–1958 гг., поскольку именно в эти сезоны производилась разборка горизонта «Д».

Из дерева, лыка и бересты в настоящее время в коллекции насчитывается 22 артефакта, что составляет менее 50 % от изначального количества⁹. Большинство из них являются бытовыми и хозяйственными предметами — это фрагменты лыковых веревок, рукоять, навершие, два лаптя (№ 8686109, 8686138), берестяное донце, стержни, пробки и др. К группе изделий из дерева относится и реплика деревянного идола (№ 8720737). Этот предмет происходит не из раскопок, он изготовлен, вероятно, в конце 1950-х гг. Появление копии связано с интересом к знаменитому оригиналу — антропоморфной фигурке, обнаруженной в 1958 г. и известной как «идол» (Лаушкин, 1973).

В коллекции представлено сравнительно небольшое число фрагментов керамических сосудов, есть также два пряслица (№ 8674341, 10597984) и «бусина» (№ 8722056) из обожженной глины. Остальные пряслица (9 экз.) сделаны из сланцевых пород (в том числе из «овручского» шифера). Деять оселков также изготовлены из сланца.

Фрагмент слюды (№ 9621935), по нашему предположению, связан с обнаружением в слоях горизонта «В» деревянной оконной рамы с сохранившимся заполнением. Эта уникальная находка была подробно описана Ю. И. Штакельбергом, который, в частности, указывал на то, что «каждый проем окончины заполнен не одним целым куском слюды, а несколькими маленькими, подогнанными к общему размеру проема и соединенными между собой» (Штакельберг, 1965. С. 61). Правильная ромбообразная форма фрагмента

слюды из тихвинской коллекции вполне согласуется с приведенным описанием.

Из металлических предметов сохранились только изделия из железа: десять кованых гвоздей, нож (№ 8674327), фрагмент серпа (№ 8674361), ледоходный шип (№ 8674342) и лодейная заклепка (№ 8674337).

Общий обзор «староладожской» коллекции Тихвинского музея показывает, с одной стороны, разнообразие категорий находок и материалов, из которых они изготовлены, а с другой — типичность вещевого набора, характерного для «мокрых слоев» Земляного городища. Разновременность материала обусловлена спецификой его поступления в школьный музей: после каждого полевого сезона начальник экспедиции выделял некоторое количество находок тихвинским краеведам. Поскольку за три года работ экспедицией была вскрыта толща культурных напластований вплоть до материка, в коллекции представлены находки в хронологическом диапазоне VIII–XVII вв. Отсутствие предметов более позднего времени (XVIII–XX вв.), на наш взгляд, подтверждает предположение, что школьникам выдавались находки, происходящие из разбираемого ими культурного слоя. Косвенным подтверждением этому служит представительность и хорошая сохранность материала (например, костяных гребней и бус). Однако мы не исключаем и то, что в состав рассматриваемого собрания могли попасть «случайные» находки, не имевшие стратиграфической привязки. На это отчасти указывают данные полевых отчетов, в которых значится, что все археологические предметы своевременно передавались в Государственный Эрмитаж (Оп. 1. 1957. Д. 10. Л. 1.; 1958. Д. 2. Л. 1; 1959. Д. 45. Л. 1). Полагаем, помощь в разрешении данного вопроса смогут оказать материалы личного архива И. П. Крупейченко, которые сейчас находятся на стадии завершения научно-технической обработки¹⁰.

Благодаря изучению документальных материалов удалось проследить историю пребывания школьничков-краеведов под руководством И. П. Крупейченко на раскопках в Старой Ладого в 1957–1959 гг. (рис. 4). Помимо приобретенного полевого опыта старшекласники СОШ № 1 г. Тихвина привезли

⁹ Утрачены, например, четыре фрагмента мостовой.

¹⁰ Архивные материалы покойного И. П. Крупейченко были переданы в Тихвинский музей его вдовой Т. М. Крупейченко (1925–2023). В составе архивной коллекции представлены научные и научно-организационные документы по деятельности И. П. Крупейченко, фотодокументация, копии чертежей, рисунки находок, полевые дневники.

Рис. 4. Участники археологических раскопок в Старой Ладоге: ученые и учащиеся (И. П. Крупейченко — на переднем плане, Ю. И. Штакельберг — во втором ряду посередине (в очках), Г. П. Гроздилов — в третьем ряду (в шляпе)) (ТМ НВФ-4385)

Fig. 4. Professional and amateur archaeologists and schoolchildren at Staraya Ladoga (I. P. Krupeychenko is in the front row, Y. I. Stakelberg (wearing glasses) in the middle of the second row, G. P. Grozdilov, wearing a hat, is in the third row) (Tikhvin Museum, TM НВФ-4385)

из экспедиции археологические находки, которые ныне хранятся в собрании Тихвинского музея. Обработка этой коллекции дала возможность отчасти уточнить атрибуцию и хронологию составивших ее предметов. Важно отметить, что рассматриваемая вещевая коллекция, вне зависимости от стратиграфической привязки к конкретным культурным напластованиям, обладает определенным научным потенциалом. Перспективным,

в частности, видится исследование и введение в научный оборот коллекции стеклянных, каменных и янтарных бус. Дальнейшая реконструкция событий экспедиционной жизни тех лет на основе комплексного анализа архивных источников и артефактов позволит в будущем дополнить историю археологического изучения Старой Ладоги и более корректно вписать тихвинскую коллекцию в круг ладожских древностей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Автобиография¹¹

Крупейченко И. П.

Родился в 1912 г. 28/VIII в Зап[адно-] Сиб[ирском] крае, Топкинском районе, селе Топках.

¹¹ Текст «Автобиографии» И. П. Крупейченко дан согласно оригиналу из собрания Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 8. Д. 1394. Л. 2, 2об.). Пунктуация и орфография приведены в соответствие с современными правилами правописания. Сокращения раскрыты в квадратных скобках и в подстрочных сносках. Авторские подчеркивания сохранены.

Родители до революции занимались с[ельским]/х[озяйством] и после революции х[озяйст]во середняцкое.

В 1929 г. я организую колхоз «Красный сталинец» и с родителями вступаю в колхоз.

Родители в колхозе «Боевой май» в настоящее время.

В 1930 г. РК ВЛКСМ командирует на трехмесячные курсы колхозных счетоводов. По окончании курсов колхозных счетоводов с 10/VI по 19/VIII 1930 г. работаю в колхозе счетоводом.

С 19/VIII по 3/XI 1930 г. работаю счетоводом на старочервоном хлебозаготовительном пункте Щегловского района.

Закончил хлебозаготовительную кампанию, возвратился в колхоз «Красный сталинец». Проработав в колхозе счетоводом с 3/XI 1930 г. по 26/VII 1931 г., РК ВЛКСМ командирует на прорыв в Топкинский РПС¹² (реорганизован, наз[ывается]: «Заготзерно»), где я проработал с 26/VII 1931 г. по 15/IX 1932 г. в качестве пом[ощника] бух[галтера]. На протяжении всей своей работы я выполнял более ответственные общественные поручения. Был секретарем ячейки, состоял членом бюро ячейки, руководил кружком по [неразб.] полит. с комсомол[ьцами]. Часто РК ВЛКСМ посылался в район в качестве уполномоченного Р[айонного] к[омитета] по хлебозаготовкам, мобилизации средств и др[угим] кампаниям.

¹² Районный союз потребительских обществ (Примеч. П. Д.).

На производстве был ударником, за хор[ошее] составл[ение] годовых отчетов получал премию от Крайзаготзерно. С 15/IX 1932 г. РК ВЛКСМ направил меня учиться в Барнаульский финансово-эконом[ический] техникум Запсибкрая, который 1/IX 1933 г. перевели в город Омск.

Участь в техникуме, был все время членом комитета, ответственным за политучебу, и одновременно пропагандистом, а в последнее время — секретарем комитета.

За хорошую учебу и общественную работу неоднократно дирекцией техникума был премирован как денежной премией, так и почетными грамотами.

В 1936 г. окончил успешно финансово-эконом[ический] техникум и был отпущен на учебу.

Кончил институт Новгородск[ий] уч[ительский] в 1938 г.
26/V 1938 г.

Крупейченко

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35.

Оп. 1. 1957. Д. 1: Староладожская экспедиция. Дневник № 1. 106 л.; Д. 10: Отчет о работе Староладожской экспедиции 1957 г. (под руководством В. И. Равдоникаса). Данные археологических разведок по течению р. Ладожки, произведенных А. С. Каманцевой. Заключение об определении хронологии староладожских сооружений методом анализа древесных стволов. 17 л.; 1958. Д. 2: Равдоникас В. И. Раскопки в Старой Ладоге в 1958 г. Отчет. С приложением: Колесник И. Л. Результаты анализа комплекса костяных фрагментов, выбранных из золы в Земляном городище Старой Ладоги. Список таблиц с фотографиями (рисунками). 39 л.; Д. 13: Гроздилов Г. П. Дневник Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. 74 л.; 1959. Д. 9: Староладожская экспедиция. Дневник К. Д. Лаушкина. Часть 1. 76 л.; Д. 45: Копия отчета Равдоникаса В. И. с альбомом иллюстраций. 130 л.

Оп. 6. Д. 140: Приказы по Ленинградскому отделению Института истории материальной культуры Академии наук СССР за 1958 г. № 1–145. 148 л.; Д. 147: Приказы по Ленинградскому отделению Института истории материальной культуры за 1959 г. 156 л.

Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей.

Акты приема предметов на постоянное хранение за 1974 г.: Акты ПП № 93–104 от 15.10.1974 г.

ТМ НВФ-1269: Копия к приказу № 22 начальника Староладожской археологической экспедиции ЛО ИИМК АН СССР. 15.06.1959 г.

ТМ НВФ-4386: И. П. Крупейченко. Дневник Староладожской археологической экспедиции. 1959 г. 58 л.

ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 8. Д. 1394: Личное дело И. П. Крупейченко. 5 л.

Давидан, 1962 — Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 95–108.

Жаркова, 2007 — Жаркова Л. Н. Из истории Тихвинского историко-мемориального и архитектурно-художественного музея // Третьи мордвинские краеведческие уездные чтения (26 ноября 2006 года): Материалы конф. Тихвин: б. и., 2007. С. 56–60.

Лаушкин, 1973 — Лаушкин К. Д. Деревянная фигурка антропоморфного существа из Старой Ладоги // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: б. и., 1973. С. 250–279.

Крупейченко, 1988 — Крупейченко И. П. О чем рассказывают тихвинские курганы // Тихвинский сборник по материалам историко-географической конференции. 1988. Вып. 1: Археология Тихвинского края. С. 82–85.

Крупейченко, 1996 — Крупейченко И. П. Тайны Тихвинской земли: история края с древнейших времен до конца XIV века. Тихвин: б. и., 1996. 117 с.

Крупейченко, Балясов, 1970 — Крупейченко И. П., Балясов Н. К. Тихвин прежде и теперь. Л.: Лениздат, 1970. 195 с.

Медведева, 2003 — Медведева М. В. Старая Ладога в документах фотоархива ИИМК РАН // Старая Ладога. Древняя столица Руси: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 46–50.

Новое в археологии Старой Ладogi, 2018 — Новое в археологии Старой Ладogi. Материалы и исследования. Т. 1 / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Труды ИИМК РАН; Т. LIII). 536 с.

Смелова, 2018 — Смелова Г. Из цикла «Земляки». Иван Павлович Крупейченко // На русских просторах.

2018. № 4 (35) [Электронный ресурс] // URL: <http://журнальныймир.рф/content/iz-cikla-zemlyaki-ivan-pavlovich-krupeychenko> (дата обращения: 30.11.2023).

Штакельберг, 1965 — Штакельберг Ю. И. «Окончина слюдяная» из Старой Ладogi // АСГЭ. Л.: Советский художник, 1965. Вып. 7: Материалы и исследования по археологии европейской части СССР. С. 60–64.

On the history of a collection of archaeological finds from the Earthen hillfort at Staraya Ladoga at the Tikhvin Museum

P. S. Dremova, A. A. Mezheritsky¹³

Keywords: Staraya Ladoga, Tikhvin Museum, I. P. Krupeychenko, museum collections.

We describe the participation of Tikhvin schoolchildren-amateurs engaged in local studies – in excavations conducted by the Staraya Ladoga Archaeological Expedition headed by V. I. Ravdonikas. High-school children, instructed by the teacher of history I. P. Krupeychenko (1912–2007), took part in these excavations for the first time in 1957. Over three field seasons they worked together with professional archaeologists (fig. 1; 2; 4). Children's inquisitiveness and enthusiasm were mentioned by the expedition leadership, specifically in field reports.

After the finds had been analyzed at the end of the year, some were handed over to the school museum (now they are owned by the Tikhvin Museum). Initially, the collection consisted of 433 artifacts, but only 286 have been preserved to the present day. The statistics relating to them are presented in the table. Most are represented in the State Catalog of Museum Collections of the RF (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/>, accessed 28.11.2023). These are artifacts made of organic and non-organic materials. They fall within the broad interval between the 8th and 17th cen., which is explained by the methodology of excavations at the Earthen Hillfort of Staraya Ladoga in 1957–1959. The small trench became deeper and deeper until it reached the virgin soil level. This means that over three field seasons the entire habitation layer was completely explored within a restricted area. The collection at the Tikhvin Museum, then, represents the entire cultural sequence.

The principal categories of artifacts in the collection are spindle whorls made of clay, bone, and chert, chert whetstones and grinders, needles and borers, bone unilateral combs (see Давидан, 1962. С 100, 101, рис. 3, for parallels), wrought nails, beak for walking on ice, boat rivet, etc. More than a half of the artifacts are glass beads. There are also beads made of cornelian, quartz, crystal, and amber. The study of the collection has just started and will continue. The urgent task is to publish it.

¹³ Polina S. Dremova — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: pdremova8@gmail.com; Artyom A. Mezheritsky — Tikhvin Historical-Memorial and Architectural Art Museum; Tikhvin, Russia; Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; e-mail: mearal@yandex.ru.

Надежда Эрастовна Успенская (1862–1942). Страницы биографии¹

К. В. Конончук²

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников воссозданы основные этапы жизни и трудового пути хранителя Склада древностей Академии истории материальной культуры Надежды Эрастовны Успенской (1862–1942). Установлено, что к моменту начала академической карьеры в 1919 г. она имела существенный опыт работы с археологическими материалами. Ее знания при организации деятельности Склада древностей в 1920–1929 гг. позволили сохранить для науки большое количество археологических коллекций.

Ключевые слова: Н. Э. Успенская, РАИК, РАИМК, ГАИМК, Склад древностей, история археологической науки в СССР.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-253-263

Биографии большинства сотрудников вспомогательных учреждений РАИМК/ГАИМК ограничиваются лаконичными справками, составленными по скупым данным трудовых списков и личных дел. Не является исключением и фигура хранителя Склада древностей Надежды Эрастовны Успенской (1862–1942), работавшей в Академии более 10 лет (Тункина, 2004. С. 744; Бобровская, Алёшин, 2013. С. 391; и др.). Подобный подход приводит к тому, что многие важные аспекты истории РАИМК/ГАИМК остаются неисследованными. Изучение жизненного пути Н. Э. Успенской расширяет представление о системе учета и хранения археологических коллекций в Академии, характеризует кадровую политику организации, а также существенно дополняет историю отечественной археологии. Источниковой базой для биографического исследования послужили многочисленные письма, написанные Надеждой Эрастовной, а также ее родственниками, коллегами и знакомыми. В публикации использовались дневники и мемуары Ф. И. Успенского, В. И. Вернадского, С. В. Смо-

ленского, С. Р. Минцлова, Т. М. Девель. Важные сведения удалось получить из документов, связанных с работой Н. Э. Успенской в Академии.

Надежда Эрастовна происходила из дворянской семьи Ващенко, которая в первой половине XIX в. обосновалась в Новороссии. Ее дед по отцовской линии — Герасим Васильевич Ващенко — сделал выдающуюся дипломатическую карьеру (Медведева, 2010). Службу на поприще международных отношений попытался начать и его сын Эраст Герасимович (родился 28 апреля 1825 г.), поступивший чиновником в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Однако привлечение в качестве подозреваемого по делу петрашевцев (Лейкина, 1928. С. 346) не пошло на пользу его карьере, и в 1850 г. Э. Г. Ващенко вернулся в Одессу. Здесь он служил на портовой таможне и работал агентом Русского общества пароходства и торговли (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 267. Л. 256, 401, 402). Вероятно, в этот период своей жизни Э. Г. Ващенко женился на дочери жандармского полковника Софии Владимировне Граве (Там же. Л. 259). В браке у семьи Ващенко родилось трое детей. Старшая дочь Ольга появилась на свет 3 мая 1856 г. (Там же. Л. 256). Спустя шесть лет, в 1862 г., родились еще два ребенка: Владимир (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 267. Л. 258) и Надежда (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 3)³.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания FMZF-2022-0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

² Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: konstantinkonon@mail.ru.
© Конончук К. В., 2024

³ Судя по данным метрического свидетельства, выданного в Салониках, Владимир Эрастович родился

Сведений о детстве и юности Надежды Эрастовны в доступных для работы источниках обнаружить не удалось⁴. Нет документально подтвержденных данных и об уровне ее образования. В трудовом списке указано, что Н. Э. Успенская имела «среднее и неоконченное высшее» образование (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 3), а в профсоюзной документации она записана как «историк искусств» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 1460. Л. 3). Наиболее раннее упоминание о героине статьи удалось найти в переписке известного биолога И. И. Мечникова и его супруги Ольги Николаевны, которая являлась двоюродной сестрой Надежды Эрастовны. В письме от 4 марта 1878 г. И. И. Мечников сообщает, что Надя Ващенко просила его поспособствовать ее назначению классной дамой в Мариинскую гимназию в Одессе (Мечников, 1978. С. 49, 50).

Летом 1880 г. 18-летняя Надежда Ващенко вышла замуж за Федора Ивановича Успенского, которому к тому моменту исполнилось 35 лет. Ф. И. Успенский незадолго до брака защитил докторскую диссертацию по всеобщей истории и был избран профессором Новороссийского университета (Горянов, 1947. С. 35). Обстоятельства знакомства супругов неизвестны, однако для части их общих знакомых брак Федора Ивановича и Надежды Эрастовны стал неожиданностью. Например, для супруги физика Н. А. Умова — Елены Леонардовны, которая в письме, датированном летом 1880 г., откровенно спрашивала Ф. И. Успенского: «Пишут „сильно приударяете за Ващенковыми“. Не знаю, насколько это верно, а главное не знаю, за какой, неужели за обеими?!» (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 378. Л. 5). В сентябре того же года И. И. Мечников писал, что Е. Л. Умова говорила ему о том, что Ф. И. Успенский в своих письмах опровергал ухаживания за Надеждой Ващенко (Мечников, 1978. С. 62).

Семья Успенских до середины 1890-х гг. проживала в Одессе. Этот период в научной карьере Ф. И. Успенского был насыщенным и плодотворным. Федор Иванович участвовал в организации

и работе археологических съездов, совершал заграничные командировки, ратовал за создание византийского общества, объединяющего занимающихся историей Византии ученых (Горянов, 1947. С. 35–37). О жизни Надежды Эрастовны сохранилось мало сведений. Эпизодические сообщения о ней можно встретить в переписке ее родственников и знакомых. Именно в это время появляются первые упоминания Н. Э. Успенской на страницах научных изданий. Так, ее фамилия фигурирует в списках участников VI и VIII Археологических съездов, проходивших в Одессе и Москве (Личный Состав..., 1886. С. LXI; Список Членов..., 1890. С. 210).

Привычное течение жизни Успенских изменилось после открытия Русского археологического института в Константинополе (далее — РАИК) 26 февраля 1895 г. Федор Иванович был одним из организаторов РАИК и оставался его бессменным директором в течение 20 лет (Горянов, 1947. С. 36, 37, 83). Надежда Эрастовна вслед за мужем переехала в столицу Османской империи. Местом жительства Успенские выбрали тихий пригород Константинополя — Буюк-Дере. Вторая квартира находилась в самом Константинополе, в помещении, которое занимал РАИК, по адресу: Сакиз-Агач, 25 (Лендер, 1904. С. 326; Смоленский, 2012. С. 235).

В документах РАИК и научных публикациях его сотрудников почти нет сообщений о работе Надежды Эрастовны. Исключением является упоминание об исполнении Н. Э. Успенской обязанностей фотографа во время экспедиции 1900 г. в Сирию (Успенский, 1902. С. 94). Тем не менее отдельные документальные свидетельства об участии Надежды Эрастовны в деятельности РАИК существуют. Так, в ее трудовом списке, составленном 12 марта 1927 г., сообщается о 32-летнем стаже научной работы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 3). Таким образом, началом своего трудового пути Н. Э. Успенская считала время открытия РАИК. Еще одним подтверждением ее работы в Институте является ходатайство, направленное РАИМК в Петроградское управление научных учреждений 4 мая 1923 г. В документе предлагается включить Н. Э. Успенскую в комиссию по оценке степени сохранности имущества РАИК и в составе комиссии направить в командировку в Константинополь. Необходимость участия Надежды Эрастовны обосновывалась тем, что она «детально знакома с библиотекой, музеем и хозяйственным обузаведением Института в Константинополе» (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 43).

19 января 1862 г. (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 267. Л. 258). Дата появления на свет Надежды Эрастовны известна из трудового списка — 14 апреля 1862 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 3). Очевидно, что как минимум одна из записей содержит недостоверные сведения.

⁴ В современных политических реалиях нет возможности ознакомиться с материалами, хранящимися в архивах родного города Н. Э. Успенской — Одессы.

Гораздо больше строк Надежде Эрастовне посвятили коллеги ее мужа и члены их семей. Например, Н. П. Кондаков писал С. А. Жебелеву: «Искренне жаль Фармаковского, которого супруга Успенского третирует свысока. Вообще это парочка на подбор...» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 93–93об.). Крайне эмоциональная характеристика Надежды Эрастовны содержится в письме супруги ученого секретаря РАИК Р. Х. Лепера — Ольги Павловны: «М-м Успенская очень милая и чрезвычайно любезная дама, она живой словарь приличий и справок. У нее можно все спросить и все узнать. В суждениях о людях она очень сдержанна. Что о ней сказать? Что за человек она? — „Светит, да не греет“, вот эта половица вполне определяет этот тип. Предупредительная любезность, галантная вежливость, доброжелательное отношение — все это видишь в ней, но не тянет к ней, не хочется к ней, не легко с ней... Чувствуешь, что сколько не видься с ней — никогда не сблизисься, отношения всегда будут натянутые. Она еще красива „в своей зрелой красоте“, как говорят французы. Любоваться на нее и обожать ее даже можно было, несомненно, в прежние времена, но любить едва ли можно было такую холодную душу. У нее такт на месте есть, и эстетический вкус, и развитый, кажется, ум, но... веет холодком» (СПбФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 123. Л. 7).

Надежда Эрастовна часто сопровождала супруга в его рабочих поездках. Например, в 1896 г. Успенские участвовали в X Археологическом съезде в Риге (Состав Съезда..., 1900. С. 23), а весной 1909 г. они посетили Второй международный археологический конгресс в Каире (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 218. Л. 1–1об.). Дважды Н. Э. Успенская покидала Константинополь в связи с трагическими событиями в ее семье. Первая поездка состоялась в конце июля — начале августа 1902 г. и была связана со смертью супруги ее брата В. Э. Ващенко. Второй визит в Одессу состоялся в ноябре 1905 г. в связи с самоубийством старшей сестры Н. Э. Успенской — Ольги Ващенко (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 381. Л. 3–7об., 10–11об.).

Работу РАИК в столице Османской империи прервала Первая мировая война. В октябре 1914 г. после вступления Турции в войну русскому посольству и всем российским учреждениям было рекомендовано покинуть Константинополь с самыми необходимыми вещами (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 4). В результате «...Успенский с женой ушли только с двумя ручными чемоданчиками...» (Минцлов, 1925. С. 39).

После отъезда из Константинополя Ф. И. Успенский переезжает в Петроград (РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 51. Л. 5). Надежда Эрастовна в период с осени 1914 г. по весну 1916 г., вероятно, чаще находилась у своего брата Владимира в Виннице, по крайней мере об этом свидетельствует письмо, направленное ей О. Н. Мечниковой (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 267. Л. 199, 204об.).

В разгар войны 5 апреля 1916 г. русская армия занимает Трапезунд. Для научного исследования занятых территорий была создана экспедиция, которую поручили возглавить Ф. И. Успенскому, он же был одним из ее инициаторов. С целью выполнения возложенной на него миссии Федор Иванович 13 мая 1916 г. прибыл в Трапезунд (Цыпкина, 2021. С. 36, 37). Надежда Эрастовна планировала присоединиться к мужу в начале лета, но поездка в зону военных действий едва не закончилась для нее трагически. Госпитальное судно «Вперёд», на котором она находилась 25 июня 1916 г., было торпедировано подводной лодкой. Сохранилось несколько версий развернувшихся после атаки событий. В дневниковых записях Ф. И. Успенский задавался вопросом, выручило ли супругу «умение плавать», и сообщал, что по слухам «судно шло в двух милях от берега» (Там же. С. 204). Вторая версия произошедшего напечатана в газете «Одесский листок» от 5 августа 1916 г., где в типичной для прессы экспрессивной манере сообщается, что «...60-летняя Н. Э. Успенская умела плавать, бросилась в воду и продержалась, пока ее не подобрал катер» (Басаргина, 1990. С. 302). Наиболее художественным можно назвать третий вариант, изложенный С. Р. Минцловым. Сначала он предлагает субъективное описание образа Н. Э. Успенской, характеризуя ее как «даму внушительных размеров, величественную и оставляющую подозрение в немецком происхождении», и только потом сообщает, что после атаки она смогла вовремя сесть в шлюпку, однако все ее имущество погибло (Минцлов, 1925. С. 65).

Трагедии удалось избежать, и 27 июня 1916 г. Надежда Эрастовна встретила с мужем (Цыпкина, 2021. С. 204). В Трапезунде основная деятельность Н. Э. Успенской была связана с выполнением обязанностей старшей сестры милосердия, заведовавшей хирургическим лазаретом военного госпиталя (Минцлов, 1925. С. 65, 66). Достоверно известно, что Ф. И. Успенский покинул экспедицию 26 сентября 1916 г. (Цыпкина, 2021. С. 215). Однако нет данных о том, что вместе с ним уехала Надежда Эрастовна. Возможно, она осталась и продолжила оказывать помощь раненым.

Например, С. Р. Минцлов в своем дневнике упоминает про конфликт Н. Э. Успенской с городской головой К. Кефели, произошедший 17 января 1917 г. В ходе спора Надежда Эрастовна отстояла помещения, отведенные под лазарет, от посягательств К. Кефели и его супруги (Минцлов, 1925. С. 223).

Во вторую экспедицию в Трапезунд Н. Э. Успенская, по сообщению художника РАИК Н. К. Клуге, приехала уже вместе с мужем 6 июня 1917 г. (Иодко, 2016. С. 207). Вероятно, именно в ходе этой поездки она подписывала обороты некоторых фотографий, сделанных сотрудниками экспедиции (Цыпкина, 2021. С. 117). После завершения трапезундских исследований 30 октября 1917 г. Ф. И. Успенский возвращается в Петроград (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 311. Л. 320), в котором уже произошла Октябрьская революция. Несмотря на политические потрясения, Федор Иванович берет на себя задачу сохранения академической традиции по изучению Византии. Весной 1918 г. по его предложению при Академии наук образована комиссия «Константин Порфирородный», ставшая отправной точкой в развитии советского византиноведения (Горянов, 1947. С. 38; Цыпкина, 2021. С. 152). В июне 1918 г. ученый посещает Новгород, где работает над вопросами охраны и изучения местных памятников старины (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 311. Л. 33–36, 66–71). С сентября 1918 г. по поручению Комиссариата просвещения Ф. И. Успенский отправляется в длительную командировку на Украину (РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 51. Л. 5). Одним из главных пунктов его поездки становится Одесса (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 311. Л. 50–51). Здесь он работает с вывезенным из Турции архивом РАИК с целью изучения истории института и определения стоимости его коллекций (Басаргина, 1995. С. 89).

Надежда Эрастовна в это беспокойное время жила в Виннице, в доме 86 по Романовской улице (РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 281. Л. 2). Федор Иванович регулярно отправлял телеграммы супруге, о чем свидетельствуют пометки, сохранившиеся в его записной книжке (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 311. Л. 13об., 16об., 31об., 33об.). Однако в разгар Гражданской войны поездки по России были весьма опасны, а почта работала с перебоями. Видимо, именно с этим связаны два письма, написанные Надеждой Эрастовной из Винницы Б. В. Фармаковскому в августе 1918 г. В них она расспрашивала о судьбе мужа, от которого не получала известий более месяца (РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–4). В конце сентября 1918 г. Ф. И. Успенский по пути из Москвы в Одессу

ненадолго заезжает в Винницу, чтобы навестить Надежду Эрастовну (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 311. Л. 49, 50).

Находясь в Виннице, Надежда Эрастовна в последний раз видела своего брата. В марте 1916 г. В. Э. Ващенко достиг пика своей карьеры, став председателем Винницкого окружного суда (Волков, 2016а. С. 113). Являясь имперским чиновником высокого уровня, он не принял советскую власть и вступил в вооруженные силы Юга России. После поражения белых в период с декабря 1919 г. по март 1920 г. В. Э. Ващенко был эвакуирован и в мае 1920 г. оказался в Югославии (Волков, 2016б. С. 114). Из письма Н. К. Клуге Ф. И. Успенскому известно, что в начале 1920-х гг. В. Э. Ващенко находился в Константинополе и даже писал оттуда Н. Э. Успенской (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 164. Л. 11). Дальнейшая судьба Владимира Эрастовича неизвестна. Есть лишь краткий некролог, сообщающий, что он умер 22 ноября 1933 г. в югославском городе Панчево (Чуваков, 1999. С. 520).

Точное время переезда Надежды Эрастовны из Винницы в Петроград установить не удалось. В приказе Наркомпроса есть информация, что 10 июня 1919 г. она была назначена каталогизатором библиотеки в Российской государственной археологической комиссии (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 126. Л. 19). После преобразования Археологической комиссии в Академию истории материальной культуры в августе 1919 г. Н. Э. Успенская еще некоторое время работала на аналогичной должности. Об этом известно из списка личного состава РАИМК к 1 ноября 1919 г., обнаруженного среди бумаг академика В. В. Бартольда. В данном документе Надежда Эрастовна значится каталогизатором библиотеки РАИМК (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 439. Л. 46об.). Вероятно, в декабре 1919 г. Н. Э. Успенскую перевели на место регистратора в фотографический отдел РАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 4)⁵. В этом подразделении

⁵ Иные сведения о работе Н. Э. Успенской содержит ее трудовой список. Согласно этому документу, она была «назначена регистратором в фотографический отдел Акад. ИМК» 15 июня 1919 г. При этом запись в Журнале Правления РАИМК появилась только 8 декабря 1919 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 4). Расхождение в источниках может объясняться тем, что трудовой список был составлен в марте 1927 г., спустя более чем семь лет после упомянутых в нем событий.

она занималась составлением описи негативов Императорской археологической комиссии (НА ИИМК РАН. ФО. Оп. 1. Т. 1)⁶.

Большую часть времени работы в Академии Надежда Эрастовна занимала должность хранителя Склада древностей, на которую была назначена 18 октября 1920 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 4). Склад древностей являлся вспомогательным учреждением, в котором хранились «предметы древности, искусства и старины и народного быта, принадлежащие Академии» (Устав РАИМК, 1919. С. 29). Подразделение создавалось для упорядочивания работы с археологическими коллекциями, поступившими в РАИМК из Археологической комиссии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 69). На должности хранителя Н. Э. Успенская как «квалифицированный специалист по музейному делу» руководила работами по составлению научных описей (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 3. Д. 240. Л. 17) и отвечала за сохранность вверенных ей предметов (Устав РАИМК, 1919. С. 29). Общее руководство Складом древностей осуществлял ученый секретарь РАИМК — Б. В. Фармаковский (Кругликова, 1970. С. 8). Вероятно, именно он рекомендовал назначить на должность хранителя Надежду Эрастовну, так как был хорошо осведомлен о ее квалификации со времен работы в РАИМК.

В коллектив Склада древностей входили также регистраторы и научно-технические сотрудники. Часто эти должности занимали студентки или выпускницы петроградских вузов, которые были значительно моложе Надежды Эрастовны. Существенная разница в возрасте отражалась на восприятии ее образа. Так, сотрудница фотографического отдела Т. М. Девель, описывая в мемуарах свою первую встречу с Н. Э. Успенской, называла ее «старухой» (ОР. РНБ. Ф. 1168. Д. 9. Л. 31). При этом Надежда Эрастовна в силу своих возможностей старалась помогать молодым коллегам. В источниках сохранились данные о двух подобных эпизодах, произошедших в 1923 г. Первый из них связан с устройством Т. М. Девель на место секретаря А. В. Луначарского в комиссию

по социологии искусства при РАИМК. Вот как описывала этот сюжет сама Т. М. Девель: «Надежда Эрастовна Успенская, услышав о затруднениях с назначением Секретаря в Комиссию по Социологии и испытывавшая преувеличенно высокое мнение обо мне, после того, как я освободила Склад Древностей от мешавших ей ящиков, сказала мимоходом Фармаковскому: „А почему не предложить Татьяне Модестовне — она и языки знает разговорно, не только книжно, и на пишущей машинке стучает“. Безвыходное ли положение, или вес аттестации Успенской — не знаю, но вопрос с секретарем был вскоре решен приказом в мою пользу» (Там же. Л. 36).

Второй эпизод касался попытки добиться санаторного отдыха для регистратора Склада древностей М. П. Румянцевой. В феврале 1923 г. Н. Э. Успенская просила руководство Академии ходатайствовать о направлении М. П. Румянцевой в санаторий Дома ученых. Спустя несколько дней это прошение было поддержано Б. В. Фармаковским и руководством РАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 575. Л. 3–5). О своевременности данной помощи позволяют судить факты из биографии М. П. Румянцевой. Известно, что в 1923–1924 гг. ее жизнь изобиловала тяжелыми обстоятельствами, вынуждавшими обращаться в соответствующие службы Петроградского (Ленинградского) университета с просьбами об освобождении от платы за жилье и обучение в связи с нехваткой средств для существования (ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 5. Д. 3649. Л. 7, 19).

Жизнь и условия труда самой Надежды Эрастовны также не были легкими. В одном из писем она составила для друга семьи Успенских академика В. П. Бузескула картину академической жизни в Петрограде 1921–1922 гг.: «...ученые получают здесь паек и эту зиму, кроме того, еще получают подарки из-за границы. Это очень помогает жить... По пайку мы получаем хлеб, рыбу, фасоль, горох или крупу, масло, соль, сахар, табак, мыло, словом почти все, что необходимо, кроме молока и мяса... Кроме того при Доме Ученых есть кооператив, где кое-что можно иметь за более дешевую, чем на рынке, цену. Вообще кое-как устраивается сносное питание. Квартиру найти трудно, но не невозможно. Многие академики имеют помещение в академическом доме. Можно получить меблированную комнату в доме ученых. Последнее легче, т. к. на каждую квартиру в академии много кандидатов... Трудиться приходится очень много, прислуги нет, надо все делать самим. Полдня я провожу на службе в Акад. Ист. Матер. Культуры,

⁶ В предисловиях первых шести томов «Описи коллекции негативов и отпечатков к ним Археологической Комиссии» содержится справка, написанная в начале 1950-х гг. заведующей фотоархивом Т. М. Девель: «Составлена на основе „Книги записей негативов Археологической комиссии“, фото Н. Ф. Чистякова, и первичной описи Н. Э. Успенской (неполной) 1919–1921 гг., с привлечением архивных дел и литературы».

с 5 часов превращаюсь в кухарку и прачку. Здесь это почти общая участь» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 218. Л. 7, 7об., 8, 8об.). В другом письме, написанном в августе 1923 г., Н. Э. Успенская сообщает, что интенсивная работа Склада древностей приходится на теплое время года, так как с наступлением холодов температура в неотапливаемых помещениях Мраморного дворца падает до 3–4 градусов ниже нуля (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 219. Л. 27).

Несмотря на тяжелые условия труда, перед коллективом Надежды Эрастовны были поставлены сложные задачи: «Хранителю Склада Древностей было поручено собрать коллекции, находившиеся в различных разрядах, и разместить их в Складе Древностей. Эта работа взяла несколько лет, так как потребовался полный пересмотр коллекций для приведения их в порядок и внесения их в описи и книги» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 69). Судя по записям в отчете РАИМК за 1919–1923 гг., персонал Склада древностей добросовестно выполнил свою работу, внося «в инвентарь» все коллекции и новые поступления, а также составив каталог художественных коллекций Мраморного дворца (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 80). В дальнейшем у Надежды Эрастовны появились персональные обязанности: составление отчетов, смет, каталогов, а также внесение записей в книгу поступлений (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 65). Параллельно с основной работой Н. Э. Успенская в течение двух лет (с осени 1924 г.) проверяла каталог и вела наблюдение за инвентаризацией предметов в музее Общества поощрения художеств, состоявшем при Академии (Отчет о деятельности..., 1929. С. 26).

Местом жительства семьи Успенских в Петрограде/Ленинграде стала квартира 12 в доме 2 по 7-й линии Васильевского острова (современный адрес: наб. Лейтенанта Шмидта, 1/2. — К. К.). В квартире Успенские занимали три или четыре комнаты, а их соседями была семья выдающегося ученого академика В. И. Вернадского (ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180-1. Д. 252. Л. 528). В одном из писем, датированных апрелем 1922 г., Надежда Эрастовна описывает нелегкий путь от дома до места службы: «Я иду на службу 3/4 часа и, конечно, столько же обратно. Трамвай стоит 60.000, что, конечно, недоступно» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 219. Л. 15об.).

В сентябре 1928 г. скончался Федор Иванович Успенский, Надежда Эрастовна горько пережила утрату супруга, с которым прожила 48 лет:

«Горе мое неизмеримо. Потеряла друга всей почти моей жизни и осталась здесь такой ужасно одинокой» (СПбФ АРАН. Ф. 738. Оп. 4. Д. 97. Л. 3). Несмотря на смерть супруга и плохое здоровье, Н. Э. Успенская продолжала работу в Складе древностей. Осенью 1928 г. она подготовила отчет о работе подразделения за прошедший год (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 55. Л. 13, 14). Только в июне 1929 г. Надежда Эрастовна по настоянию семьи Жебелевых отправилась на отдых в санаторий под Лугой (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 126. Л. 2). Вскоре после возвращения из санатория она ушла в отпуск, который длился до 30 сентября (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 6. Л. 64). Сразу после отпуска Н. Э. Успенскую по причине болезни перевели на соцстрах, а обязанности хранителя были временно возложены на научно-техническую сотрудницу Е. П. Столицу (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 76). Спустя два месяца, 2 декабря 1929 г., правление ГАИМК освободило Надежду Эрастовну от должности хранителя с 1 января 1930 г. по личному заявлению. При этом было поддержано ходатайство об увеличении размера ее персональной пенсии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 6. Л. 84об.; Д. 7. Л. 61).

После ухода из ГАИМК Надежда Эрастовна помогала академику В. И. Вернадскому редактировать тезисы для научных сборников (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1674. Л. 2, 3). Кроме того, она участвовала в работе Комиссии по истории знаний — организации при Академии наук, занимавшейся изучением истории науки и техники (Комиссия по истории..., 2003. С. 33). О своей работе в данной структуре Надежда Эрастовна упоминала в письме В. П. Бузескулу от 9 апреля 1931 г.: «Ком. Ист. Зн. переехала в другое помещение в главном здании Академии. Но там ее поместили в 3-м этаже, что слишком высоко для нового уч. секретаря. Поэтому еще не разложились и ждут нового помещения. Работа пока стоит... Мне очень жаль. Что пришлось прекратить маленькую работу, которую я делала для Комиссии... регистрацию портретов. Я так привыкла работать, что мне очень недостает обязательной работы. Занималась я, конечно, даром, из любви к делу и ради сознания, что кому-то в чем-то полезна» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 218. Л. 21об.).

Серьезные усилия прилагала Надежда Эрастовна для разбора и упорядочивания многочисленных материалов, оставшихся в результате научной деятельности ее мужа и его коллег. В одном из писем В. И. Вернадскому, написанном в конце

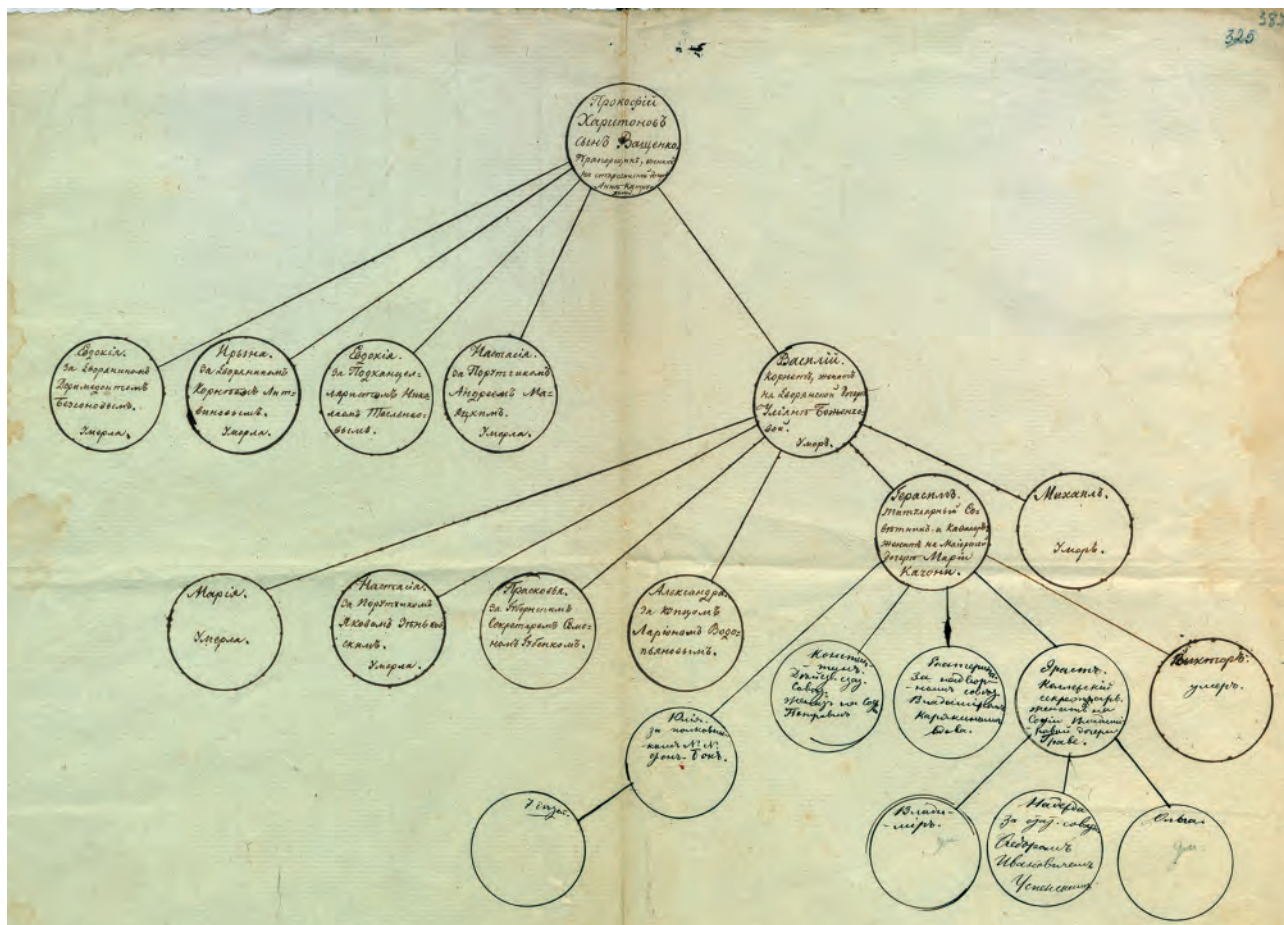

Рис. 1. Генеалогическое древо семьи Ващенко (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 267. Л. 387). Публикуется впервые
 Fig. 1. Tree of the Vashchenko family (SPb Division of the Academy of Sciences Archives. A.G. 116. Inv. 1. F. 267. Sh. 387). First publication

1937 г., Н. Э. Успенская описала процесс работы с фотографиями рукописей, сделанными когда-то сотрудниками РАИК: «Я проболела 1 ½ мес. и не могла ездить в Библиотеку, но добрые люди снабжают меня книгами. Приходится читать массу самых разнообразных книг, т. к. снимки И-тута были самые разнообразные. Между прочим несколько сотен греческих и славянских рукописей духовных. Это самая трудная для меня работа (и самая скучная), но я уже половину этих рукописей разобрала» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1674. Л. 4).

Осенью 1938 г. Н. Э. Успенскую приняли на сдельную работу в Архив АН СССР для определения и описания фотографий и иллюстративных материалов из экспедиций академиков Ф. И. Успенского и Н. П. Кондакова. За месяца работы Надежда Эрастовна подготовила 200 карточек (СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 21. Л. 3, 4). Дело, сформированное в результате ее работы, до сих пор хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Примечательно, что это дело

содержит не только карточки и подписанные иллюстрации из трудов отечественных византистов. В нем можно найти оригиналы и копии документов, связанных с жизнью и карьерой родственников Надежды Эрастовны (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 267. Л. 247–402), а также генеалогическое древо семьи Ващенко, составленное ее рукой (рис. 1).

Последние листы дела хранят три фотографии, на которых изображены группы людей. На обороте только одного снимка есть надпись на итальянском языке. Из нее следует, что фотография сделана на ступенях храма Исиды в Помпеях в феврале 1881 г. (Там же. Л. 409, 409об.). В центре снимка изображен Федор Иванович Успенский в мундире статского советника, немного правее у колонны стоит молодая девушка. Возможно, что фотограф запечатлел 19-летнюю Надежду Эрастовну (рис. 2). Появление данных материалов в деле может быть объяснено тем, что Н. Э. Успенской некому было передать документы,

Рис. 2. Фотография из архивного дела, подготовленного Н. Э. Успенской. В центре стоит Ф. И. Успенский в мундире статского советника. Девушка с книгой и зонтом в руках, стоящая у колонны — вероятно, Н. Э. Успенская. Подпись на обороте на итальянском языке: «Память о Неаполе. Храм Исиды в Помпеях. 28/12 февраля 1881 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 267. Л. 409об.). Публикуется впервые

Fig. 2. Photograph from an archival file prepared by N. E. Uspenskaya. Standing in the center is F. I. Uspensky wearing a Councillor of State uniform. The girl with a book and an umbrella standing near a column is evidently N. E. Uspenskaya. The Italian inscription on the reverse side reads, "Memory of Naples. The Isis Temple in Pompeii. 28/12 February 1881" (SPb Division of the Academy of Sciences Archives. A.G. 116. Inv. 1. F. 267. Sh. 409 reverse). First publication

касающиеся истории ее семьи, и она оставила их на вечное хранение в архивном деле.

В 1939 г. Надежда Эрастовна отредактировала и отправила в «Вестник древней истории» главу из незаконченной работы Ф. И. Успенского, посвященную походам Святослава в Болгарию. Статья вышла в одном из номеров периодического издания (*Успенский*, 1939. С. 91–96). Однако процесс получения гонорара за статью оказался очень сложным. По словам Н. Э. Успенской, деньги выписали на имя покойного автора статьи, и только ходатайства С. А. Жебелева, Е. В. Тарле и М. А. Шангина позволили ей получить 470 рублей (СПбФ АРАН. Ф. 738. Оп. 4. Д. 97. Л. 18).

До середины 1930-х гг. Надежда Эрастовна продолжала жить в квартире 12 по прежне-

му адресу вместе с супругами Вернадскими и их домработницей (ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180-1. Д. 307. Л. 284). После перевода В. И. Вернадского в Москву в 1934 г. (*Вернадский*, 2013. С. 137) Н. Э. Успенская переехала в другую квартиру, расположенную в том же доме. Так, в письмах, отправленных ею начиная с 1935 г. в качестве места ее проживания, фигурирует квартира 31 (СПбФ АРАН. Ф. 738. Оп. 4. Д. 97. Л. 6, 15об., 19 и др.). Постоянной спутницей и соседкой Н. Э. Успенской в последние годы жизни стала Елизавета Федоровна Андорская, данных о личности которой найти не удалось (*Вернадский*, 2013. С. 468). В близкий круг общения Надежды Эрастовны в 1930-е гг. входили супруга академика Е. Н. Карского — София Николаевна — и жена специалиста

по славяно-русской письменности В. В. Майкова — Мария Семеновна.

Именно из писем, адресованных М. С. Майковой-Боровковой, мы узнаем некоторые подробности, связанные с жизнью Надежды Эрастовны в годы Великой Отечественной войны. Так, 13 августа 1941 г. Н. Э. Успенская писала: «Недавно бомба упала возле нашего дома, но, к счастью, попала в люк канализации и разорвалась под землей, т. ч. мы отделались сильным сотрясением, но дом не пострадал. Многие наши соседи уехали. Одни давно, другие не так давно. Почти никуда не выхожу, кроме очередей в нашем квартале. Живем без комфорта, спим мало и то полуодетые, часто сидим в убежище, т. к. Ел. Фед. довольно робкая» (СПбФ АРАН. Ф. 738. Оп. 4. Д. 97. Л. 24). Последнее известное нам письмо Надежда Эрастовна написала 23 октября 1941 г., в нем она описывает тягости быта в осажденном городе: «...теперь сама заболела, пухнут руки и ноги, сильные боли в боку, слабость большая и мысли неясны. Думаю, что болезнь почек или печени, а может быть, и сердца. Знакомых уехало несколько человек. Ведем с Елиз. Ф. замкнутую жизнь, заботимся о пропитании. Я поневоле выхожу поблизости, но не рискую далеко, т. к. часто пошатываюсь от слабости...» (Там же. Л. 20).

Умерла Надежда Эрастовна Успенская 2 января 1942 г. Сообщение об этом имеется в письме В. И. Вернадскому, написанном женой академика С. Ф. Ольденбурга — Еленой Григорьевной. Причиной смерти стало заболевание, симптомы которого Н. Э. Успенская описала в вышеупомянутом письме. Похоронить ее удалось только спустя 16 дней, а вся тяжесть похорон легла на неизменную спутницу последних лет жизни Н. Э. Успенской — Е. Ф. Андорскую (Вернадский,

2013. С. 464). Местом погребения Надежды Эрастовны Успенской стало Смоленское кладбище (Книга памяти..., 2006. С. 365).

Жизнь и карьера Надежды Эрастовны Успенской иллюстрируют судьбу целого поколения сотрудников российской академической науки в конце XIX — начале XX в. До 1917 г. она участвовала в работе Русского археологического института в Константинополе. Данный институт, как и большинство археологических учреждений императорской России, имел ограниченное число сотрудников. Вероятно, по этой причине ранний этап карьеры Н. Э. Успенской практически не отражен в документах и публикациях. Созданная в Советской России Академия истории материальной культуры — специализированная государственная организация с большим штатом — нуждалась в опыте и научных связях таких сотрудников, как Надежда Эрастовна. И она, невзирая на трудные годы после Гражданской войны, преклонный возраст и плохое здоровье, успешно справилась с возложенными на нее задачами. Склад древностей, в работе которого Н. Э. Успенская играла заметную роль, собрал, систематизировал и сохранил для науки многие археологические коллекции (Конончук, Филимонова, 2023). Надежда Эрастовна покинула Академию в период коренной перестройки советской археологии в соответствии с новыми идеологическими установками, когда поколение археологов, сложившееся в дореволюционной России, активно вытеснялись из науки. В конце жизни Н. Э. Успенская с энтузиазмом и неиссякаемой энергией занималась обработкой научного наследия своего супруга и внесла большой вклад в сохранение памяти о деятельности выдающегося русского ученого академика Ф. И. Успенского.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1674: Письма Н. Успенской В. И. Вернадскому. 12 л.

НА ИИМК РАН.

РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 55: Склад Древностей. 18 л. 1929 г. Д. 6: Журнал заседаний Правления Государственной Академии Истории Материальной Культуры. 89 л.; Д. 7: Распоряжения по Академии (ГАИМК). 211 л.; Д. 70: Дело Склада Древностей. Переписка, акты и отчет. 89 л.; Оп. 3. Д. 575: Румянцева Мария Петровна. Личное дело аспиранта Академии. 5 л. Оп. 5. Д. 320: Успенская Н. Э. Трудовой список. 6 л.

ФО. Т. 1: Опись коллекции негативов и отпечатков к ним Археологической Комиссии. 445 л.

РГИА

Ф. 757. Оп. 1. Д. 51: Переписка директора Института с Российской академией истории материальной культуры о положении института после эвакуации из Турции. 6 л.

Ф. 1073. Оп. 1. Д. 281: Письма Н. Успенской Б. В. и Т. В. Фармаковским с просьбой сообщить о местонахождении Ф. И. Успенского и с соболезнованиями по поводу болезни Б. В. Фармаковского. 5 л.

РНБ. ОР. Ф. 1168. Д. 9: Девель Татьяна Модестовна. Мемуары. Ч. 1: Царская Россия. Ч. 2: СССР. 52 л.

СПбФ АРАН

Ф. 7. Оп. 3. Д. 21: Личные дела уволенных и эвакуированных сотрудников архива. Успенская, Надежда Эрастовна. 4 л.

- Ф. 68. Оп. 1. Д. 439: Бартольд Василий Владимирович. Материалы по работе в Российской Академии истории материальной Культуры. 189 л.
- Ф. 116. Оп. 1. Д. 267: Материалы Н. Э. Успенской, фотографии, карточки на иллюстративный материал Ф. Успенского и Кондакова. 412 л.; Д. 311: Записные книжки Ф. И. Успенского 1917–1928 гг. 683 л. Оп. 2. Д. 164: Письма Н. К. Клуге к Ф. И. Успенскому. 16 л.; Д. 378: Письма Ел. Умовой Ф. И. Успенскому. 11 л.; Д. 381: Письма Н. Э. Успенской Ф. И. Успенскому. 11 л.
- Ф. 729. Оп. 2. Д. 126: Письма Н. Э. Успенской С. А. Жебелеву. 11 л.; Д. 168: Письма Н. П. Кондакова С. А. Жебелеву. 161 л.
- Ф. 733. Оп. 2. Д. 123: Письма О. Лепер В. К. Ернштедту. 17 л.
- Ф. 738. Оп. 4. Д. 97: Письма Н. Э. Успенской М. С. Майковой-Боровковой. 27 л.
- Ф. 825. Оп. 2. Д. 218: Письма Н. Успенской В. П. Бузескулу. 27 л.; Д. 219: Письма Ф. И. Успенского В. П. Бузескулу. 56 л.
- ЦГА СПб.**
- Ф. Р-1963. Оп. 180-1. Д. 252: Списки налогоплательщиков города Ленинграда, проживающих по адресу набережная Лейтенанта Шмидта, дом 1/2 (1925–1926 гг.). 1086 л.; Д. 307: Списки налогоплательщиков города Ленинграда, проживающих по адресу набережная Лейтенанта Шмидта, дом 1/2 (1928–1929 гг.). 306 л.
- Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466: Академия истории материальной культуры (списки служащих на 06.11.1923 года с поступлением). 279 л.
- Ф. Р-7240. Оп. 5. Д. 3649: Румянцева Мария Петровна. Личное дело студента Петроградского Государственного университета. 23 л.
- ЦГАЛИ СПб.**
- Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 126: Приказы по Отделу имуществ Республики Наркомпроса. 21 л.
- Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 1460: Списки работников театров, кинотеатров и других учреждений подведомственных союзу. 254 л.; Оп. 3. Д. 240: Ведомости на выдачу зарплаты за сверхурочные работы рабочим и служащим. 28 л.
- Басаргина*, 1990 — *Басаргина Е. Ю.* Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд 1916 г. // ВИД. 1990. Т. XXIII. С. 295–306.
- Басаргина*, 1995 — *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Архивные фонды // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге: Сб. / Отв. ред. И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 62–92.
- Бобровская, Алёшин*, 2013 — *Бобровская Е. В., Алёшин В. А.* Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 327–400.
- Вернадский*, 2013 — *Вернадский В. И.* Собрание сочинений. Т. 16: Переписка с А. П. Виноградовым. Письма по научно-организационным вопросам. М.: Наука, 2013. 524 с.
- Волков*, 2016а — *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 800 с.
- Волков*, 2016б — *Волков С. В.* База данных № 2 «Участники Белого движения в России». Алфавитный указатель упомянутых фамилий. Буква В / Сост., верстка, PDF-вариант и интернет-версия В. О. Погре. 2016. 428 с. [Электронный ресурс] // URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_03-V.pdf (дата обращения: 13.02.2024).
- Горянов*, 1947 — *Горянов Б. Т.* Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении // Византийский временник. 1947. Т. 1 (26). С. 29–108.
- Иодко*, 2016 — *Иодко О. В.* Николай Карлович Клуге (1869–1947) — копиист и реставратор византийских памятников // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 10 / Отв. ред. Т. А. Шрадер. СПб.: Кунсткамера, 2016. С. 197–222.
- Книга памяти..., 2006 — Книга памяти. Ленинград. Блокада 1941–1944 гг. Т. 31: Т-Ф (Третьяков — Федорова). СПб.: Правительство Санкт-Петербурга, 2006. 712 с.
- Комиссия по истории..., 2003 — Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. 765 с.
- Конончук, Филимонова*, 2023 — *Конончук К. В., Филимонова Д. С.* Склад древностей в составе РАИМК/ГАИМК. История научно-вспомогательного учреждения (1919-1930 годы) // Записки ИИМК. 2023. № 28. С. 160–169.
- Кругликова*, 1970 — *Кругликова Т. И.* К 100-летию со дня рождения Б. В. Фармаковского // СА. 1970. № 1. С. 3–9.
- Лейкина*, 1928 — *Лейкина В. Р.* Биографический алфавит лиц, судившихся и привлекавшихся по делу петрашевцев и подвергшихся взысканиям // Петрашевцы. Сборник материалов / Ред. П. Е. Щеголев. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. Т. 3. С. 345–357.
- Лендер*, 1904 — *Лендер Н.* Поездка в Царьград // Русский вестник. 1904. Т. 291 (№ 5). Май. С. 314–349.
- Личный Состав..., 1886 — Личный Состав Съезда // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса: Тип. А. Шульца, 1886. Т. 1. С. XLIX–XLII.
- Медведева*, 2010 — *Медведева О. В. Г. В. Ващенко* — первый российский консул в болгарских землях // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь И. С. Достян / Отв. ред. К. В. Никифоров. М.: ПРОБЕЛ, 2010. С. 244–257.

- Мечников*, 1978 — *Мечников И. И.* Письма к О. Н. Мечниковой. 1876–1899 / Ред. А. Е. Гайсинович. М.: Наука, 1978. 325 с.
- Мицлов*, 1925 — *Мицлов С. Р.* Трапезондская эпопея. Дневник. Киев, Трапезонд, Финляндия. Берлин: Сибирское книгоиздательство, 1925. 380 с.
- Отчет о деятельности..., 1929 — Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. Составлен ученым секретарем Б. В. Фармаковским // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 1–26.
- Смоленский*, 2012 — *Смоленский С. В.* Афонский дневник («Поездка на Афон в 1906 году») // Русская духовная музыка в документах и материалах. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. VII, кн. 1. С. 185–389.
- Состав Съезда..., 1900 — Состав Съезда // Труды десятого Археологического съезда в Риге (1896 г.). М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1900. Т. III. С. 6–25.
- Список Членов..., 1890 — Список Членов VIII Археологического Съезда // Занятия VIII Археологического съезда. М.: Тип. А. Гатцука, 1890. С. 201–211.
- Тункина*, 2004 — *Тункина И. В.* Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Ред. И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 641–766.
- Успенский*, 1902 — *Успенский Ф. И.* Археологические памятники Сирии // Известия РАИК. София: Державна Печатница, 1902. Т. VII, вып. 2–3. С. 94–212.
- Успенский*, 1939 — *Успенский Ф. И.* Значение походов Святослава в Болгарию // ВДИ. 1939. Т. 3(8), 4(9). С. 91–96.
- Устав РАИМК, 1919 — Устав Российской Академии Истории Материальной Культуры. Пг.: РГАТ, 1919. 30 с.
- Цыпкина*, 2021 — *Цыпкина А. Г.* Русские научные экспедиции в Трапезунд (1916, 1917 гг.). СПб.: Алетейя, 2021. 264 с.
- Чуваков*, 1999 — *Чуваков В. Н.* Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. В 6 т. М., 1999. Т. 1. 659 с.

Nadezhda Erastovna Uspenskaya (1862–1942). Episodes of a Life

K. V. Kononchuk⁷

Keywords: N. E. Uspenskaya, RAIC, RAIMK, GAIMK, Antiquarium, history of archaeology in the USSR.

Nadezhda Erastovna Uspenskaya (1862–1942) was born into a noble family, which, in the early 1800s, settled in Odessa. In the summer of 1880, she married the outstanding Byzantinologist F. I. Uspensky, and this event determined the entire course of her life. From 1895 to 1917, Uspenskaya was a volunteer at the Russian Archaeological Institute in Constantinople, headed by her husband. This stage of her career is underrepresented in documents since she had never been the institute's staff member.

In 1919, Nadezhda Erastovna became associated with the Russian Academy for the Study of Material Culture. Over most of her career at the Academy, she served as curator of the Antiquarium, coordinating registration and storage of archaeological materials and their transfer to museums. Largely due to her activities, it was possible to preserve the antiquities acquired by the Imperial Archaeological Commission.

After her retirement from the Academy for the History of Material Culture in late 1929, Nadezhda Erastovna continued working there as a volunteer. She assisted Academician V. I. Vernadsky in editing articles, took part in the Commission's work on the history of the humanities. Her principal efforts, however, centered on the impressive scholarly legacy of her husband, who died in 1928. As a result, in 1938, Uspenskaya became engaged with the USSR Academy of Sciences Archives, where she left materials relating to the history of her family (fig. 1). They include a photograph showing a person, who may be Nadezhda Erastovna herself (fig. 2). She died in January 1942 during the most devastating period in the Siege of Leningrad.

The present article employs a variety of historical sources, most of which are unpublished. Among them are letters, diaries, memoirs and documents of the Academy for the History of Material Culture. As a result, it was possible to reconstruct N. E. Uspenskaya's biography in the context of dramatic processes involving the entire Soviet archaeology.

⁷ Konstantin V. Kononchuk — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russia; e-mail: konstantinkonon@mail.ru.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

Путь от «Моста в каменный век» к «Археологическому мосту»: опыт трех лет работы совместного семинара ИИМК РАН, кафедры археологии СПбГУ, Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН

С. А. Васильев, К. Н. Степанова¹

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-264-265

В 2020 г. отдел палеолита Института истории материальной культуры РАН и кафедра археологии Института истории СПбГУ начали новый проект — семинар «Мост в каменный век». В названии заложена главная задача мероприятия — стать символической переправой с одного берега реки, где осваивают азы науки и делают первые ученические шаги, на другой, где археология — это уже профессия и образ жизни. При растущей специализации в современной науке важно предоставить студентам возможность проявить себя не только на студенческих конференциях, но и среди специалистов, получить от них отклик. Со стороны кафедры в качестве основных организаторов выступили доценты К. Н. Степанова и М. А. Холкина. Символом нашего проекта мы выбрали Дворцовый мост, связывающий стрелку Васильевского острова и Дворцовую набережную. К участию в семинаре были привлечены археологи с обоих берегов Невы — не только сотрудники Института истории материальной культуры и кафедры археологии, но и специалисты из Эрмитажа и Кунсткамеры. Формат семинара был близок к круглому столу, открытому вопросам и обсуждениям. На каждом заседании выступали исследователи и студенты, а слушатели приглашались к активному участию в дискуссии в конце семинара. Акцент на открытый диалог между участниками был сделан для того, чтобы показать начинающим археологам, как важно не бояться задавать вопросы, ведь в дискуссии могут открыться новые аспекты изучаемой проблемы. Основные темы, которые обсуждались на семинарах, касались принципиальных моментов современных исследований в области археоло-

гии, а также методов научной работы, актуальных как для палеолита, так и для голоценовой части каменного века, мезолита и неолита.

Первой темой, рассмотренной в рамках семинара, было картирование памятников каменного века, выявление связи расположения стоянок с природными зонами. А. Н. Мазуркевич (Гос. Эрмитаж) изложил опыт реконструкции системы расселения в неолите на территории Днепро-Двинского междуречья, созданной с использованием ГИС-технологий. Д. В. Герасимов (МАЭ РАН) остановился на геоархеологических аспектах создания археологических карт. В. Л. Филиппова (СПбГУ) продемонстрировала карты распространения памятников с керамикой типа сперрингс.

Принципы функциональной классификации палеолитических стоянок были приведены в докладе А. В. Колесника (Донецкий национальный университет). Я. Д. Иванов (СПбГУ) представил попытку разработать схему функционального деления памятников среднего палеолита Русской равнины.

На одном из собраний были рассмотрены вопросы археозоологии. Оно открылось обстоятельным докладом А. К. Каспарова (ИИМК РАН) о целях и задачах изучения фаунистических остатков в составе археологических комплексов. Н. А. Любимов (СПбГУ) доложил результаты анализа костных остатков из неолитических памятников Кавказа.

Серия заседаний была посвящена методике изучения нашего основного источника — каменных индустрий. Е. Ю. Гиря (ИИМК РАН) обрисовал общие приемы технологического подхода к предметам расщепленного камня, а затем Я. Д. Иванов (СПбГУ) продемонстрировал возможности метода на примере комплекса среднепалеолитической стоянки Хотылево I.

Иной, более традиционный, аспект анализа каменных индустрий — типологический — стал предметом развернутого доклада А. А. Синицына

---

¹ Васильев С. А., Степанова К. Н. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: sergevasiimk@gmail.com, ksstepan@gmail.com.

© Васильев С. А., Степанова К. Н., 2024

(ИИМК РАН). Автор остановился на вопросах формообразования изделий из камня и культурно-исторических реконструкций в древнекаменном веке. Доклад дополнили сообщения, посвященные классификации орудий из конкретных коллекций — верхнепалеолитических кремневых резцов III культурного слоя стоянки Костёнки 21 (А. Р. Царицына; СПбГУ) и пластинчатого инвентаря мезолитических памятников, расположенных у ручья Гусино на Кольском полуострове (Д. В. Гусева; СПбГУ).

В качестве отдельной темы были рассмотрены особенности орудий из сланца. Е. Ю. Гирия (ИИМК РАН) раскрыл принципы подхода к исследованию данного вида находок, а Р. И. Муравьев (СПбГУ) продемонстрировал результаты анализа сланцевого инвентаря поселения-мастерской Берёзово 2 на Карельском перешейке.

Изделия из камня в большинстве случаев использовались древним человеком в качестве частей составных орудий. В докладе О. В. Лозовской (ИИМК РАН) были продемонстрированы образцы составных орудий из кости, рога и дерева в коллекциях памятников мезолита и неолита. В. С. Смолкина (СПбГУ) остановилась на методах идентификации составных орудий в палеолите с помощью трасологического анализа.

Не меньшее внимание уделялось вопросам исследования неолитической керамики. Семинары по данной тематике открывались двумя обстоятельными аналитическими презентациями. Е. В. Долбунова (Гос. Эрмитаж) по материалам древнейшей глиняной посуды охотников-собирателей Восточной Европы реконструировала цепочки технологических операций и выделила ранние керамические традиции. Принципы анализа формы и орнамента керамики сосудов были представлены А. Н. Мазуркевичем (Гос. Эрмитаж). Доклады дополнялись информационными сообщениями, посвященными керамическим комплексам неолитических стоянок. Керамика памятника Мыс Семёрка на Кольском полуострове была рассмотрена в выступлении А. Г. Селина (СПбГУ). А. Д. Малярова (СПбГУ) на двух заседаниях рассказала о гребенчато-ямочной керамике памятников восточной части Финского залива, а Ю. Д. Радаева (СПбГУ) — о керамике типа спрингс стоянки Холмогорское-3.

Тематика семинаров не ограничивалась вопросами изучения изделий из камня и керамики. Г. А. Хлопачев (МАЭ РАН) представил развернутый обзор данных по орудиям и украшениям из бивня мамонта и технологиям обработки этого материала в верхнем палеолите Русской равнины, а М. Д. Куприянова (СПбГУ) рассказала об изде-

лиях из бивня в комплексе культурного слоя IVb Костёнок 14. А. А. Сеницын (ИИМК РАН) изложил данные по украшениям и находкам предметов из экзотических материалов в памятниках верхнего палеолита. В сообщении К. Н. Степановой и А. А. Малютиной (ИИМК РАН) содержались предварительные результаты трасологического анализа коллекции украшений из слоя II Костёнок 17. А. С. Пономаренко (СПбГУ) рассказала о классификации энеолитических украшений из Нальчикского могильника.

И хотя не каждое выступление сопровождалось активной дискуссией с участием студентов, не всегда молодые исследователи были готовы представить свои материалы в проблемном поле, но в результате этих встреч разные поколения археологов знакомились друг с другом; стремление студентов примкнуть к академической среде проверялось на прочность, и для самых целеустремленных из них уже намечался путь в науку. Кроме того, проявился неожиданный даже для организаторов семинара эффект: дискуссия между научными сотрудниками получалась более оживленной и менее формальной, чем на научных заседаниях и конференциях.

Опыт успешной работы семинара показал его эффективность в плане привлечения студентов к научной работе и отбора молодых кадров для пополнения состава отдела палеолита. Поэтому начиная с 2023 г. мы решили расширить тематику собраний, чтобы охватить другие направления деятельности Института истории материальной культуры РАН. Соответственно семинар сменил название и стал «Археологическим мостом». Пока удалось провести два заседания, посвященные вопросам изучения бронзового века Юга России. Е. А. Черленок (СПбГУ) посвятил свое выступление особенностям колесничной упряжи начала эпохи поздней бронзы в Волго-Донском регионе. Он остановился на локально-хронологических особенностях погребального обряда и орнамента псалиев. Темой сообщения Д. А. Шибановой (СПбГУ) стали дискуссионные проблемы хронологии и происхождения срубной культуры Нижнего Подонья. В докладе М. Т. Кашубы (ИИМК РАН) речь шла о статусных деталях одежды населения позднего бронзового века Северного Причерноморья. Д. О. Богданов (СПбГУ) представил металлические предметы конской упряжи эпохи поздней бронзы того же региона.

Мы надеемся, что в будущем предметом рассмотрения на семинаре станут различные области нашей науки (древности Средней Азии и юга Сибири, античные памятники Северного Причерноморья, средневековая археология Северо-Запада России и др.).

ХРОНИКА

Совместное заседание ученого совета, отдела археологии Центральной Азии и Кавказа и отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное юбилею В. П. Никонорова (20.10.2023)

Е. О. Стоянов, Ю. Г. Кутимов¹

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-266-267

20 октября 2023 г. исполнилось 70 лет кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН Валерию Павловичу Никонорову — крупнейшему специалисту по археологии, военному делу, истории и культуре народов Среднего Востока древности и раннего Средневековья.

К юбилею замечательного ученого было приурочено совместное заседание ученого совета, отдела археологии Центральной Азии и Кавказа и отдела истории античной культуры ИИМК РАН, состоявшееся 20 октября 2023 г. в Дубовом зале под председательством доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИИМК РАН Л. Б. Кирчо.

Открыл заседание директор ИИМК РАН, доктор исторических наук А. В. Поляков. В своем приветственном слове он охарактеризовал научный путь юбиляра, особо подчеркнув его исключительно высокие профессиональные и человеческие качества. Справедливость этих — отнюдь не дежурно-юбилейных — слов подтвердила и программа заседания, в котором приняли участие не только коллеги Валерия Павловича, но и представители самых разных областей гуманитарного знания из регионов России и зарубежья, связанные с ним многолетней дружбой.

Первый доклад был прочитан самим юбиляром. В. П. Никоноров представил вниманию аудитории сообщение «О времени появления на Ближнем Востоке скоб-пронизок для подвешивания длинных мечей», развивающее одну из магистральных тем его исследований. Докладчик отметил, что в последние века до нашей эры на Среднем и Ближнем Востоке распространились скобы-пронизки (из нефрита, камня, металла и других материалов), крепившиеся к плоскости ножен длинного меча

для его подвешивания к поясу посредством продетого сквозь них портупейного ремня. Появление этой детали воинской амуниции автор связал с осевшими в Бактрийском регионе номадами-юэчжами — основателями Кушанской империи. Под их влиянием скобы-пронизки проникли в аршакидскую Парфию, через посредничество которой этот элемент портупейной гарнитуры в первые века нашей эры попадает в римскую Сирию, откуда происходят его вещественные находки и изображения.

Продолжил заседание доклад кандидата философских наук, профессора кафедры философии и национальной идеи Самаркандского государственного университета им. Шарофа Рашидова А. Н. Крюкова (Самарканд) «Самосознание как путь к себе (Кант, Гегель и 30 смелых птиц)», прочитанный онлайн. Исходным пунктом доклада стал анализ картины современного узбекского художника Джамола Усманова «Рефлексия» по мотивам поэмы Алишера Навои «Речь птиц», которая в свою очередь была создана в стиле назира по мотивам поэмы суфия Фарид-ад-дина Аттара «Логика птиц». Докладчик предпринял попытку объединить изобразительное искусство, литературу и философию для анализа философского понятия «рефлексия», придя к выводу, что данный философский концепт может быть эксплицирован при помощи литературного и художественного творчества: рефлексия может пониматься как отражение (Кант и картина Джамола Усманова), а также как история саморазвития духа (Гегель и странствия птиц в суфийской поэме, переработанной Навои).

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН и исторического факультета Новосибирского государственного университета П. В. Волков (Новосибирск) выступил с докладом «Археологический поиск поведенческих стереотипов человека в прошлом и настоящем». Подчеркнув, что механические, моторные действия людей

---

¹ Стоянов Е. О., Кутимов Ю. Г. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: eostoyanov@mail.ru, yuriuz@rambler.ru.

© Стоянов Е. О., Кутимов Ю. Г., 2024

исторически устойчивы и есть основания полагать, что существенных изменений в подобных стереотипах за последние тысячелетия не произошло, докладчик предложил использовать этот факт для поиска хронологического генезиса стереотипов мышления человека, а также возможных взаимосвязей поведенческих стереотипов наших современников и людей эпохи камня. По его мнению, необходимо приступить к сбору данных о поведенческих стереотипах представителей современных исторически сложившихся этносов, искать и фиксировать общее и особенное, отделять архаичное от современного, случайное от типичного.

Доклад доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИИМК РАН Ю. А. Виноградова «Важные проблемы археологии острова Сокотра» подвел предварительные итоги многолетних исследований небольшого острова в Индийском океане, уже давно привлекающего пристальное внимание археологов. За время работ отряда Советско-Йеменской (позднее Российско-Йеменской) комплексной экспедиции под руководством В. В. Наумкина (с 1984 г.) были сделаны очень важные археологические открытия: обнаружены стоянки каменного века, инвентарь которых соответствует олдованской эпохе Северо-Восточной Африки; на западном побережье Сокотры выявлена группа поселений II–V вв. н. э., возникших здесь в результате развития морской торговли между Средиземноморьем и Индией. Наконец, около столицы острова г. Хадибо было исследовано несколько более поздних памятников, в том числе Хажря 1, где были изучены руины большой несторианской церкви.

Богатый фактический материал был обобщен и систематизирован в докладе заместителя директора и руководителя отдела научной документации ООО «Межрегиональный центр археологических исследований» (Тамбов), соискателя ИИМК РАН А. А. Михеевой «Нательные и процессионные кресты VIII–XIV вв. Средней Азии: общий обзор и первичная типология». Докладчиком было показано, что объемные в сечении кресты представлены пятью типами, тогда как плоские в сечении стилистически более разнообразны и делятся на восемь типов. Процессионные кресты отмечены только на территории Юго-Восточного Семиречья, на городище Ак-Бешим (Объект VIII); исключительно в Семиречье фиксируются и крестовключенные подвески. Был также обозначен ряд проблем, связанных с анализом и изучением этой группы предметов: слишком широкая датировка крестов и отсутствие надежной стратиграфической привязки находок.

Доклад доктора философских наук, профессора, директора Высшей школы философии, истории

и социальных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград) Р. В. Светлова «Алебарда Стесилая на просторах Евразии» оригинально и продуктивно соединил философскую и оружейведческую проблематику. Упомянутое в платоновском диалоге «Лахет» оружие воина Стесилая под названием *δουρδρέτανον* («серп-копье», «алебарда») вызывает немало споров. Традиционное отождествление его с северо-балканским мечом *ῥομφαία/rhomphae* представляется докладчику неточным: Платон сравнивает оружие Стесилая с софистическим ухищрением, соединяющим несовместимые понятия/смыслы (применительно к оружию — это соединение ударного (копье) и рубящего-зацепляющего (серп) элементов). Сходные образцы оружия, по мнению докладчика, можно обнаружить в противоположной части Евразии: это древковые орудия *гэ* и *цзи*, активно использовавшиеся в Китае с древности, включая эпоху Чжэньго.

Завершил научную программу заседания доктор философских наук, профессор Института истории СПбГУ С. В. Никоненко докладом «Образ философа и ритора у Лукиана Самосатского (II в. н. э.)», посвященным анализу сложного и амбивалентного образа древнего писателя и философа. Значимость Лукиана как историко-литературного источника докладчик видит в том, что он: 1) компетентно критикует идеи современных ему философских школ (кинники, скептики, эпикурейцы, академики, стоики и др.); 2) дает представление об образе жизни и месте философа в древнеримском обществе; 3) является единственным источником сведений о некоторых философах (Демонакт, Нигрин и др.). Автор отметил, что Лукиан подвергает резкой сатирической критике странствующих софистов, противопоставляя им идеал «официальной» философии, базирующейся на «аттических» идеалах IV–III вв. до н. э., как основы имперской идеологии; в качестве прообраза идеального философа угадываются император Адриан и Герод Аттик, а аллегорические портреты философа и покровительницы философии Благоразумия, созданные Лукианом, стали классической литературно-художественной основой представлений о древней философии.

На совместном заседании ученого совета, отдела археологии Центральной Азии и Кавказа и отдела истории античной культуры ИИМК РАН также были зачитаны поздравления юбиляру от ряда учреждений науки, образования и культуры. В каждом из них был отмечен значительный вклад В. П. Никонорова в изучение древней и ранне-средневековой истории и археологии Центральной Азии.

Международная научная конференция «Время переходов: смена эпох и культур в палеолите» (Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2023 г.)

С. А. Васильев¹

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-268-270

Международная научная конференция «Время переходов: смена эпох и культур в палеолите» состоялась 4–6 декабря 2023 г. в Санкт-Петербурге, в стенах ИИМК РАН. В работе конференции, как очно, так и в режиме онлайн, приняли участие более 50 специалистов из различных научных институтов, университетов и музеев.

С вступительным словом к собравшимся обратился руководитель отдела палеолита С. А. Васильев. В своей речи он остановился на современном состоянии периодизации палеолита, рассмотрев вопрос о выделении наиболее крупных культурно-хронологических единиц.

Всего на конференции было заслушано 46 докладов. Работа собрания проводилась по четырем основным блокам, отражающим хронологическую последовательность эпох древнекаменного века. Заседания открылись серией докладов по нижнепалеолитической проблематике. Первым стало пространное выступление А. И. Таймазова (Махачкала), посвященное вопросам соотношения олдованских и ашельских индустрий в Дагестане по материалам стоянки Мухкай 1. Сравнительная характеристика олдованского и ашельского технокомплексов и вопросы выделения переходных индустрий стали темой доклада Е. В. Беляевой (Санкт-Петербург). С. А. Кулаков (Санкт-Петербург) дал развернутую характеристику древнейших каменных индустрий Кавказа. Группа исследователей во главе с С. А. Кулаковым и А. А. Зейналовым (Баку) представила серию рубил, чопперов и кливеров из ашельского

местонахождения Гараджа в Азербайджане. В. Е. Щелинский (Санкт-Петербург) предложил схему соотношения ранне- и среднеашельских индустрий по материалам Северо-Западного Кавказа. Оживленную полемику вызвал доклад коллектива археологов и палеогеографов, представленный А. А. Анойкиным (Новосибирск) и М. С. Лукьянычевой (Москва). В нем были продемонстрированы предварительные результаты работ последних лет, проведенных на самом загадочном памятнике нижнего палеолита Сибири — Диринг-Юряхе в Якутии. Исследователи рассказали о результатах космогенного датирования отложений и анализа части коллекции, имеющей антропогенное происхождение. Первая часть конференции завершилась дискуссией, где были высказаны различные точки зрения относительно критериев различения олдувайских и ашельских индустрий.

Вторая часть собрания была посвящена вопросам изучения среднего палеолита и его соотношению с верхнепалеолитическими индустриями. Заседание открылось развернутым докладом Р. Н. Курбанова (Москва) с соавторами, в котором были представлены новые данные по хронологии лессового палеолита Таджикистана и памятников Приморского Дагестана. А. К. Очередной и Я. Д. Иванов (Санкт-Петербург) сопоставили приемы утончения орудий в комплексах среднего и верхнего палеолита. Доклад дополнила презентация тех же авторов об облике каменной индустрии верхних слоев комплекса Хотылево 1. К. Н. Степанова (Санкт-Петербург) с соавторами представила новую уникальную находку — обломок кости со следами зигзагообразной гравировки из Хотылево 1, одно из древнейших свидетельств неутилитарной деятельности

¹ Васильев С. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, Россия; e-mail: sergevasiimk@gmail.com.

© Васильев С. А., 2024

неандертальцев. С. В. Наугольных (Москва) рассказал об обнаружении в Подмосковье предположительно среднепалеолитических изделий из кремня. Рассмотрение материалов Восточной Европы завершил стендовый доклад А. В. Колесника (Донецк), посвященный выявлению позднепалеолитического компонента в индустриях среднего палеолита Донбасса и Северо-Востоchnого Приазовья.

Средний палеолит Алтая стал темой выступления М. В. Шунькова (Новосибирск). И. М. Бердников (Иркутск) с соавторами рассказали о новых открытиях коррадированных артефактов предположительно среднеплейстоценового возраста, на Братском водохранилище. В последовавшей оживленной дискуссии были затронуты вопросы хронологии и характера среднепалеолитических комплексов Алтая.

Далее следовали доклады, посвященные верхнему палеолиту. Начало обсуждения было положено пространственным выступлением А. А. Сеницына (Санкт-Петербург), обрисовавшего основные этапы развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине и спорные проблемы корреляции развития в различных регионах Европы и Ближнего Востока. В докладе А. П. Захарикова (Ростов-на-Дону) была сделана попытка проследить произошедшие на рубеже среднего и верхнего палеолита изменения в технике скола. Технологическую тематику продолжили презентации К. Н. Степановой (Санкт-Петербург), где были сопоставлены отбойники среднего и верхнего палеолита, и В. С. Смолкиной (Санкт-Петербург), которая провела сравнительный анализ составных орудий двух археологических эпох.

Разумеется, вопросы культурных изменений в верхнем палеолите невозможно рассматривать вне контекста Костёнок. М. Д. Куприянова (Санкт-Петербург) с соавторами представили результаты изучения технологии расщепления кости по материалам культурного слоя IVb стоянки Костёнки 14. Двусторонне обработанные изделия того же комплекса были предметом рассмотрения в докладе А. Р. Лады (Санкт-Петербург) и А. А. Сеницына. Группа исследователей во главе с А. А. Бессудновым (Санкт-Петербург) обрисовала спорные вопросы культурной атрибуции комплекса культурного слоя In Костёнок 17. Предварительные результаты новых раскопок нижних слоев стоянки Костёнки 11 были изложены А. Е. Дудиным и Д. С. Толстых (Воронеж).

В двух коллективных докладах, зачитанных А. В. Паниным (Москва) и Н. Б. Ахметгалиевой

(Курчатов), была дана развернутая характеристика хронологии группы стоянок Быки в Посеймье и рассмотрен вопрос о длительности существования быковской археологической культуры в свете новых радиоуглеродных датировок. Н. А. Хайкунова (Москва) с коллегами сделали сообщение о находках микролитов и острий со стоянки Третий Мыс в Каменной Балке.

Д. В. Ожерельев (Москва) и Т. Б. Мамиров (Алма-Ата) на основе данных раскопок последних лет выделили своеобразную верхнепалеолитическую индустрию с треугольными асимметричными микролитами, представленную на стоянке Рахат в Южном Казахстане. А. А. Аношкин рассказал о комплексе начального верхнего палеолита на многослойной стоянке Ушбулак в Казахстане.

Большое внимание участники конференции уделили анализу проблемы культурных переходов в верхнем палеолите Сибири. А. М. Родионов (Новосибирск) с соавторами рассказал о результатах экспериментов по изготовлению тонких бифасов, характерных для раннего верхнего палеолита Алтая. Исследователи из Новосибирска в докладе, зачитанном А. Ю. Федорченко (Новосибирск), рассмотрели дискуссионный вопрос о широком круге аналогий костяных пронизок из слоев раннего верхнего палеолита в Денисовой пещере, что может рассматриваться как результат миграций или конвергентного развития. В сообщении Н. Е. Белоусовой (Новосибирск) содержалась новая версия трактовки сложно построенной колонки отложений стоянки Ануй 2 на Алтае. Группа иркутских археологов во главе с И. М. Бердниковым дала описание первичного расщепления камня в комплексе стоянки Туяна в Прибайкалье, рассматриваемой авторами раскопок как относящаяся к раннему верхнему палеолиту. Многие вопросы, касающиеся данного памятника, остаются неясными, что нашло отражение в дискуссии. П. В. Мороз (Чита) изложил результаты раскопок последних лет на Титовской Сопке близ Читы, демонстрирующих процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту. Н. О. Видулова (Москва) рассмотрела вопросы хронологии средней поры верхнего палеолита Забайкалья в свете результатов новых работ на памятниках Усть-Мензенского комплекса на р. Чикой.

Ряд выступлений был посвящен вопросам изучения украшений и предметов искусства. С. А. Демещенко (Санкт-Петербург) оставилась на основных этапах формирования изобразительной деятельности в палеолите.

В. С. Житенев (Москва) дал описание разновидностей украшений ранней поры верхнего палеолита. Ю. Д. Анисовец (Москва) и В. С. Житенев рассказали о методике анализа красочных минеральных пигментов. К. Н. Гаврилов (Москва) на основе сравнения стилистики предметов искусства рассмотрел трансформацию культуры на Русской равнине при переходе от средней к поздней поре верхнего палеолита.

Внимание собравшихся привлекла презентация Л. О. Базилевич (Владимир) об истории формирования музейного собрания материалов знаменитой стоянки Сунгирь и организации современной экспозиции. Выступление вызвало оживленную дискуссию, посвященную вопросам экспонирования и реставрации палеолитических находок в музеях.

Последняя серия докладов была посвящена вопросам изучения культурных изменений в финале плейстоцена, на грани палеолита и мезолита. Она открылась развернутым докладом С. Н. Лисицына и М. Н. Желтовой (Санкт-Петербург), где была представлена картина распространения и хронология свидерских памятников на севере Восточной Европы и поставлен вопрос об их соотношении с раннемезолитическими индустриями.

Остальные выступления затрагивали процессы перехода от палеолита к мезолиту на примере региональных культурных последовательностей. Е. С. Ткач (Санкт-Петербург) в коллективном докладе обрисовала современное состояние

сведений о финальном палеолите и мезолите Калининградской области. Г. В. Синицына (Санкт-Петербург) дала краткую характеристику памятников рубежа плейстоцена и голоцена в районе верховьев Днепра и Волги. Темой выступления А. Н. Бессуднова (Липецк) и А. А. Бессуднова (Санкт-Петербург) стала проблема перехода от палеолита к мезолиту на Среднем Дону. Исследовательская группа во главе с Е. В. Леоновой (Москва) продемонстрировала значимость распространения техники отжима пластин в раннем голоцене на Северном Кавказе.

Два последних доклада были посвящены дальневосточным материалам. А. Ю. Федорченко и Н. Е. Белоусова представили обзор комплексов многослойных ушковских стоянок конца плейстоцена и начала голоцена на Камчатке. И. Е. Воробей (Магадан) остановился на роли внешних культурных воздействий в процессе трансформации финальнопалеолитических индустрий на Северо-Востоке Азии.

В ходе заключительной дискуссии участники отметили, что зачитанные на конференции доклады отразили широкий круг проблем современной археологии. По результатам работы планируется подготовка выпуска журнала «Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований». На 2024 г. намечена совместная с Институтом географии РАН конференция, посвященная палеоэкологии культур древнекаменного века в связи с изменениями природной среды плейстоцена.

AD MEMORIAM

Памяти Анатолия Захаровича Винникова (1940–2024)

19 февраля 2024 г. не стало Анатолия Захаровича Винникова, выдающегося археолога и историка, доктора исторических наук, профессора, лидера воронежской школы историко-археологических исследований юго-восточного региона славянского мира.

Вся его жизнь со времени окончания исторического факультета Воронежского государственного университета (ВГУ) в 1964 г. была посвящена исследованию раннесредневековых памятников воронежского края. Свои раскопки многочисленных памятников — курганов, селищ, городищ — А. З. Винников начал в 1960-е гг., когда для обеспечения работ экспедиций требовалась еще лошадиная тяга. О быте археологов он увлеченно рассказывал студентам, уже будучи преподавателем, а с 1993 г. — профессором ВГУ. Проблемами славянской археологии А. З. Винников стал заниматься под руководством известного археолога А. Н. Москаленко, она же была руководителем его кандидатской диссертации «Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII–X вв. (по керамическому материалу)», защищенной в Институте археологии АН СССР в 1974 г. Там же в 1991 г. А. З. Винников защитил докторскую диссертацию «Древнерусское население лесостепного Дона в VIII — начале XIII в.», которая легла в основу монографии «Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века)» (Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1995. 161 с.). В 1994–2010 гг. он был заведующим кафедрой истории Средних веков и зарубежных славянских народов, в 1995–2006 гг. — деканом исторического факультета ВГУ, в 1996–2005 гг. — главным редактором издания факультета, «Исторических записок» (Вып. 1–11). Важным пособием по археологии стала популярная книга «Дорогами тысячелетий. Археологи в древней истории Воронежского края» (Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1990. 318 с., в соавторстве с А. Т. Синюком).

Анатолий Захарович Винников. 2012 г.

Anatoly Zakharovich Vinnikov. 2012

Работая в университете, А. З. Винников не прекращал активную экспедиционную деятельность, руководил славянским отрядом археологической экспедиции ВГУ. Он стал ведущим специалистом по истории и археологии славян лесостепного Дона, в частности, по изучению бóршевской культуры. Известность получили его работы на Животинном, Белогорском городищах и славянских курганных могильниках на р. Воронеж. Материалы многолетних систематических раскопок (с 1977 г.) Животинного городища были обобщены в широком историческом контексте

в монографии «Юго-Восточная окраина славянского мира в VIII — начале XIII в.» (Воронеж: Кварта, 2014. 395 с.).

Международную оценку получила его работа как руководителя отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции по исследованию Маяцкого комплекса памятников салтово-маяцкой культуры у хутора Дивногорье Воронежской области (1975–1982 гг.). В 1990 г. А. З. Винников со своими студентами принимал участие в раскопках В. С. Флёрова на Правобережном Цимлянском городище, исследуя важные памятники Хазарского каганата.

Особенно важное значение имело изучение Маяцкого селища. Материалы раскопок были опубликованы издательством ВГУ (в соавторстве с Г. Е. Афанасьевым «Культурные комплексы Маяцкого селища (материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции)». Воронеж, 1991, 190 с.; в соавторстве с С. А. Плетневой «На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение». Воронеж, 1998. 214 с.). С. А. Плетнева была не только соавтором, но и ближайшим соратником А. З. Винникова, неслучайно его последняя монография (в соавторстве с ученицей Т. Е. Сидоренко) посвящена ее наследию («Археология Хазарии в научном творчестве С. А. Плетневой». Воронеж: Кварта, 2018. 223 с.).

Естественным и необходимым было обращение А. З. Винникова к проблемам археологии ближайших соседей славян — болгар и аланов, носителей хазарской салтово-маяцкой культуры. Этим темам посвящены монографии «Хазарская крепость на Тихой Сосне» (2-е изд.: Воронеж: Научная книга, 2017. 158 с.), в соавторстве

с В. А. Сарапулкиным «Болгары в Поосколье (Мандровский могильник)» (Воронеж: ВГПУ, 2008. 107 с.), в соавторстве с А. В. Степовой «Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры)» (Воронеж: Изд-во ВГУ, 2012. 228 с.). Непременным было участие А. З. Винникова в международных проектах, симпозиумах и конференциях по хазарской проблематике, в том числе в компендиуме «Хазары: миф и история», материалы которого были опубликованы в рамках международного «Хазарского проекта». («Хазары: миф и история = Khazars: myth and history» / Ред.-сост. Е. Э. Носенко-Штейн. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2010. 407 с.).

А. З. Винников принимал активное участие в создании и последующей работе музея-заповедника «Дивногорье», включающего Маяцкий комплекс археологических памятников. Заповедник стал центром не только туризма, но и науки, где при содействии А. З. Винникова проводились научные мероприятия (в 2015 г. там прошла Международная конференция, посвященная юбилею начала исследований Маяцкого комплекса) и студенческие научные школы.

Обращение к работам А. З. Винникова, прежде всего связанным с систематизацией материалов поселенческих комплексов и попыткой их целостного восприятия, особенно перспективно с точки зрения современных задач археологии.

Наследие А. З. Винникова включает около 300 научных работ, осмысления требует и добытый при раскопках богатейший материал. Созданная ученым школа, включающая докторов и кандидатов наук, продолжит его изыскания.

В. Я. Петрухин, В. С. Флёров

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург.
- АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва, Псков.
- АК — археологическая культура.
- АН — Академия наук.
- АО — автономная область.
- АО — Археологические открытия. Москва.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург.
- ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
- ГАО — геоархеологический объект.
- ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва.
- ГУ — государственный университет.
- ГЭ — Государственный Эрмитаж.
- ИА — Институт археологии.
- ИАиЭ СО РАН — Институт автоматизации и электрометрии Сибирского отделения Российской академии наук.
- ИАК — Императорская археологическая комиссия.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры.
- ИЯЛИ — Институт языка, литературы и искусства.
- КарНЦ — Карельский научный центр.
- КГПУ — Красноярский государственный педагогический университет. Красноярск.
- КИО — культурно-историческая общность.
- КРС — крупный рогатый скот.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. Москва.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- КФУ — Крымский федеральный университет.
- ЛГИК — Ленинградский государственный институт культуры. Ленинград.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
- МАО — Московское археологическое общество.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИС — морская изотопная стадия.
- МРС — мелкий рогатый скот.
- НА — научный архив.
- НЦ — научный центр.
- НМЗ — Новгородский музей-заповедник.
- ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
- НОА ИА РАН — Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РА — Российская археология. Москва.
- РАИМК/ГАИМК — Российская / Государственная академия истории материальной культуры.
- РАН — Российская академия наук.
- РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
- РГПУ — Российский государственный педагогический университет.
- РК ВЛКСМ — районный комитет Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи.
- РНБ ОР — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.
- РО — рукописный отдел.
- РФА — рентгенофлуоресцентный анализ.
- СА — Советская археология. Москва.
- САИПИ — Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
- САЭ — Староладожская археологическая экспедиция.
- Сб. ст. — сборник статей.
- СО — Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирск.
- СОШ — средняя образовательная школа.
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
- СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
- ТАЭ — Тувинская археологическая экспедиция.
- ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Республика Тыва, Кызыл.
- ФИЦ — Федеральный исследовательский центр.
- ФО — фотографический отдел.
- ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
- ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
- ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан. Алматы.
- ACSS — Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden.
- AMS — Accelerator mass spectrometry.
- BAR — British archaeological reports. Oxford.
- CSA RK — Central State Archives of the Republic of Kazakhstan.
- Man. Dep. — Manuscript Department.
- MIS — marine isotope stage.
- Photo Dep. — Photographic Department.
- SA IHMC RAS — Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 42**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 04.04.2024. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 34,5. Тираж 300 экз. Заказ 0404.
Дата выхода: 26 апреля 2024 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Кунных, д. 67, лит. БМ
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 42 —

